Федеральная служба исполнения наказаний

ВЕСТНИК
ВЛАДИМИРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

№ 3(56)
Июль–сентябрь
2020

Научно-образовательный журнал
Выходит четыре раза в год

Издается с 2006 г.

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по группам научных специальностей: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (юридические науки)

Учредитель – федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний»

Главный редактор –
доктор юридических наук, профессор
Ткачук Татьяна Алексеевна

Редакционная коллегия:
Аверин А. В., доктор юридических наук (г. Владимир)
Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород)
Богатырёв В. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Борисова И. Д., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Гаврилов Б. Я., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Головинская И. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Головкин Р. Б., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир) (заместитель главного редактора)
Емельянова Е. В., доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург)
Исаенкова О. В., доктор юридических наук, профессор (г. Саратов)
Каламкарян Р. А., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Кудрявцев А. В., доктор юридических наук, доцент (г. Владимир)
Кузбагаров А. Н., доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург)
Лазарева Л. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Меркурьев В. В., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Миронов А. Н., доктор юридических наук, доцент (г. Москва)
Михайлова Е. В., доктор юридических наук, доцент (г. Самара)
Пожарский Д. В., доктор юридических наук, доцент (г. Москва)
Редкоус В. М., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Тепляшин П. В., доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск)
Третьякова О. Д., доктор юридических наук, доцент (г. Владимир)
Чепурнова Н. М., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Шеслер А. В., доктор юридических наук, профессор (г. Новокузнецк)
Дубин О.Б., ответственный секретарь

© ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», 2020

Адрес редакции:
600020,
Владимирская обл.,
г. Владимир,
ул. Б. Нижегородская, 67е
Телефоны:
(4922) 40-45-18, 40-45-14,
8-905-649-5050;
факс (4922) 32-28-93
Интернет-сайт:
http://vui.fsin.su
E-mail:
vestnik-VUI@yandex.ru

Распространяется по подписке.
Подписной индекс 90961 в объединенном каталоге «Пресса России»

Электронная версия номера журнала размещена на интернет-сайте:
http://vui.fsin.su

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-25060, выданное Роскомнадзором 21.07.2006

Тираж 400 экз. Заказ 29.
Дата выхода в свет 28.09.2020.
Свободная цена.

Отпечатано в РИО НЦ ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний».
600020, г. Владимир,
ул. Б. Нижегородская, 67е

Federal Penitentiary Service

BULLETIN
OF VLADIMIR LAW INSTITUTE

Scientific and Educational Journal
The journal is published quarterly

No. 3(56)
Jule–september
2020

Published
since 2006

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific editions of the Higher Attestation Board (VAK) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, publication in which is mandatory for defending PhD and Doctorate dissertations within the groups of scientific specialties: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (Jurisprudence)

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education «Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service»

Editor-in-Chief –
Doctor of Law, Professor
Tkachuk Tat'yana A.

Editorial Board:
Averin A. V., Doctor of Law (Vladimir)
Baranov V. M., Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod)
Bogatyrev V. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Borisova I. D., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Gavrilov B. Ya., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Golovinskaya I. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Golovkin R. B., Doctor of Law, Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Vladimir)
Emel'yanova E. V., Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg)
Isaenkova O. V., Doctor of Law, Professor (Saratov)
Kalamkaryan R. A., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Kudryavtsev A. V., Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir)
Kuzbagarov A. N., Doctor of Law, Professor (St. Petersburg)
Lazareva L. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Merkur'ev V. V., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Mironov A. N., Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
Mikhailova E. V., Doctor of Law, Associate Professor (Samara)
Pozharsky D. V., Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
Redkous V. M., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Teplyashin P. V., Doctor of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk)
Tret'yakova O. D., Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir)
Chepurnova N. M., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Shesler A. V., Doctor of Law, Professor (Novokuznetsk)
Dubin O.B. (Executive Secretary)

© VLI of the FPS of Russia, 2020

Address
of Editorial Office:
600020,
Vladimir region,
Vladimir,
B. Nizhegorodskaya Str., 67e
Telephones:
(4922) 40-45-18, 40-45-14,
8-905-649-5050;
fax (4922) 32-28-93
Website:
http://vui.fsin.su
E-mail:
vestnik-VUI@yandex.ru

Distributed
by subscription.
Subscription Index
in the United Catalogue
«Press of Russia» 90961

Electronic version
is available on the website:
http://vui.fsin.su

Certificate of Registration
in mass media
ПИ № ФС77-25060 issued
by the Federal Supervision
Agency for Information
Technologies
and Communications
(Roskomnadzor)
21.07.2006

Circulation 400 copies
Order 29. Free price.
Date of publication
28.09.2020.

Printed by
Publishing Department
of Scientific Center
of VLI of the FPS of Russia.
600020, Vladimir,
B. Nizhegorodskaya Str., 67e

СОДЕРЖАНИЕ (CONTENTS)

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Воробьёв С. М., Грунин А. Г. 9
Перспективы применения в деятельности уголовно-исполнительной системы России QR-кодировки при возмещении вреда потерпевшим от преступлений

Карпов Э. С. 14
Отдельные проблемы правового регулирования привлечения сотрудников уголовно-исполнительной системы к дисциплинарной ответственности

Ращупкина Л. В., Солоухина С. В. 19
Организационно-правовой аспект привлечения сотрудников уголовно-исполнительной системы к дисциплинарной ответственности

Тепляшин П. В. 24
Родительский патернализм о несовершеннолетних детях, отбывающих наказание в виде лишения свободы: проблемные факторы, феноменологический аспект и вопросы уголовно-исполнительного регулирования

Шевелева С. В., Шатанкова Е. Н. 30
Организационно-правовые основы деятельности исправительных учреждений в России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Агаларова М. А., Малькова М. Д. 39
Формы злоупотребления процессуальным правом при несостоятельности (банкротстве)

Бодяков В. Н. 47
Обстановка и способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений коррупционной направленности, связанных с доставкой запрещенных предметов на территорию исправительных учреждений, как элементы криминалистической характеристики

Горяинов К. К., Щетнёв Л. Е. 51
Некоторые проблемы соблюдения особых условий проведения оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» оперативными подразделениями учреждений и органов уголовно-исполнительной системы

SCIENTIFIC AND APPLIED ASPECTS OF IMPROVING INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL SYSTEM

Vorob'ev S. M., Grunin A. G. 9
Federation prospects for application in the activities of the penal system of Russia QR-coding under the repair of the harm of victims from crimes

Karpov E. S. 14
Some problems of legal regulation of bringing employees of the penal system to disciplinary responsibility

Rashchupkina L. V., Soloukhina S. V. 19
The organizational and legal aspect of attracting the employees of the penal system to disciplinary liability

Teplyashin P. V. 24
Parental paternalism for underage children, serving a sentence of imprisonment: problematic factors, phenomenological aspect and issues of penal regulation

Sheveleva S. V., Shatankova E. N. 30
Organizational and legal basis of correctional institutions in Russia

ACTUAL ISSUES OF THE RUSSIAN LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICES

Agalarova M. A., Mal'kova M. D. 39
Forms of abuse of procedural law in insolvency (bankruptcy)

Bodyakov V. N. 47
The situation and methods of preparation, commission and concealment of corruption-related crimes related to the delivery of prohibited items to the territory of correctional institutions, as elements of forensic characterization

Goryainov K. K., Shchetnev L. E. 51
Some problems of compliance with the special conditions of the operational and investigative event "listening to telephone conversations" by the operational units of the institutions and bodies of the penal system

Дечкин О. М. 55 **Dechkin O. M.**
Криминалистическая классификация умышленных преступлений против жизни и здоровья, совершенных осужденными в условиях исправительного учреждения / *Criminalistic classification of willful crimes against life and health committed by convicts in a correctional facility*
Ешкилева Н. А. 62 **Eshkileva N. A.**
Отдельные вопросы применения удержания имущества в сфере обязательственных правоотношений / *Certain issues of application of retaining property in the field of mandatory legal relations*
Иванов П. И. 67 **Ivanov P. I.**
Вопросы соотношения контроля и надзора за оперативно-розыскной деятельностью (понятия и признаки их разграничения) / *Issues of correlation of control and supervision of operational-search activities (concepts and signs of their differentiation)*
Ключникова М. А. 73 **Klyuchnikova M. A.**
Некоторые возможности предупреждения преступлений в сфере осуществления гособоронзаказа для нужд уголовно-исполнительной системы / *Some of the features of prevention of crimes in the sphere of implementation of the state defense order for the needs of the penal system*
Ковалёв С. Д. 79 **Kovalev S. D.**
Некоторые правовые и технические аспекты обеспечения тайны сотовой связи / *Some legal and technical aspects of ensuring the secrecy of cellular communications*
Комиссарова С. В. 85 **Komissarova S. V.**
Каршеринг как пример эскалации мобильности в современном обществе: правовые основы и особенности явления / *Carsharing as an example of escalation of mobility in a modern society: legal bases and features of the phenomenon*
Крипулевич А. Ю. 92 **Kripulevich A. Yu.**
Дифференцирующие признаки содействия и сотрудничества как видов правоотношений в оперативно-розыскной деятельности / *Differentiating features of assistance and cooperation as a type of legal relationship in operational-search activity*
Кубатко С. А., Сопнева Я. С. 97 **Kubatko S. A., Sopneva Ya. S.**
Несовершенство налогового законодательства в части методов досудебного урегулирования налоговых споров / *Imperfection of tax legislation in terms of methods of pre-trial settlement of tax disputes*
Курысев К. Н., Гофман А. А. 103 **Kurysev K. N., Gofman A. A.**
Некоторые проблемы содержательной части учебного курса «специальная техника» / *Some problems of the content of the training course «special technique»*
Лапутина Е. А. 107 **Laputina E. A.**
Основные черты терроризма и факторы, его определяющие. Современные векторы борьбы с терроризмом / *The main features of terrorism and the factors that determine it. Modern vectors of the fight against terrorism*
Меркурьев В. В., Тараканов И. А. 111 **Merkur'ev V. V., Tarakanov I. A.**
Особенности реализации права на необходимую оборону в условиях пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) / *Features of the implementation of the right to necessary defense in the context of the pandemic of the coronavirus infection (COVID-19)*
Мограбян А. С. 117 **Mograbyan A. S.**
Правила толкования договоров по гражданскому законодательству Российской Федерации / *Rules for the interpretation of treaties under the civil law of the Russian Federation*
Полуянова Е. В. 122 **Poluyanova E. V.**
Нормативное регулирование правоотношений, связанных с биометрическими персональными данными, в Российской Федерации / *Statutory regulation of legal relations related to biometric personal data in the Russian Federation*
Чуркин А. В. 127 **Churkin A. V.**
Некоторые процессуальные аспекты оформления изъятия объектов в рамках оперативно-розыскной деятельности до возбуждения уголовного дела / *Some procedural aspects of registration of seizure of objects in the framework of operational search activities before the initiation of criminal proceedings*

Шавалеев Б. Э. 134 **Shavaleev B. E.**
Основания криминализации мошенничества с использованием электронных средств платежа / *Grounds for criminalizing fraud using electronic means of payment*

Шумова К. А. 139 **Shumova K. A.**
Гарантия безопасности реализации некоторых принципов гражданского судопроизводства при использовании систем видеоконференц-связи / *Guarantee of security of implementation of certain principles of civil proceedings when using videoconferencing systems*

Шумова К. А., Лазарева К. А. 142 **Shumova K. A., Lazareva K. A.**
Цифровизации гражданского судопроизводства: зарубежный опыт и перспективы развития в России / *Digitalization of civil proceedings: foreign experience and development prospects in Russia*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА / ***THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW***

Амосова О. С. 149 **Amosova O. S.**
Становление учета населения в России: основные исторические вехи / *Formation of population registration in Russia: main historical milestones*

Баженова Е. А. 153 **Bazhenova E. A.**
Томас Гоббс и Джон Локк как теоретики естественного права (читая книгу Реймонда Уакса «Философия права. Краткое введение») / *Thomas Hobbes and John Locke as natural law theorists (reading a book by Raymond Wacks "Philosophy of law: A brief introduction")*

Басов В. А. 158 **Basov V. A.**
Классификация ограничений ограничений в праве / *Classification of restrictions limits in law*

Большакова В. М. 165 **Bol'shakova V. M.**
Принципы организации судебной системы Российской империи в 1864–1917 гг. / *Principles of organization of the judicial system of the Russian Empire in 1864–1917*

Головкин Р. Б., Петрова И. Л. 171 **Golovkin R. B., Petrova I. L.**
Скрытые угрозы терроризма в цифровом пространстве: юрислингвистическое измерение / *Hidden threats of terrorism in digital space: a legal-linguistic dimension*

Горбунова М. М., Алексеенко В. П. 177 **Gorbunova M. M., Alekseenko V. P.**
Общество попечительное о тюрьмах в системе контроля за деятельностью отечественной системы исполнения уголовных наказаний (XIX–начало XX вв.) / *Care society for prisons in the system of monitoring the activities of the domestic system for the execution of criminal penalties (XIX–early XX centuries)*

Гудкова А. В., Нижних И. В. 183 **Gudkova A. V., Nizhnikh I. V.**
Роль христианства в формировании правового сознания российского общества / *The role of Christianity in formation of the legal consciousness of Russian society*

Ерин Д. А., Гудкова А. В. 187 **Erin D. A., Gudkova A. V.**
Развитие организационно-правовых форм подготовки специалистов для исправительно-трудовой системы НКВД–МВД СССР в послевоенный период (1945–1950-е гг.) / *Development of organizational and legal forms of training of specialists for the corrective labor system of the NKVD – Ministry of internal affairs of the USSR in the post-war period (1945–1950s)*

Кулакова А. А., Манохин В. С. 196 **Kulakova A. A., Manokhin V. S.**
Цифровое право как учебная дисциплина: целесообразность введения и особенности / *Digital law as an academic discipline: expediency of introducing and features*

Нинциева Т. М. 208 **Nintsieva T. M.**
Предмет процессуально-правового регулирования: методологические подходы к определению / *Subject of procedural legal regulation: methodological approaches to definition*

Пронина М. П. 208 **Pronina M. P.**
Юридико-технические элементы в уголовном законодательстве: характеристика и проблемы использования / *Legal technical elements in criminal law: characteristic and problems of use*

Рубцов Д. И., Филимонов А. А., Филимонов И. А. 214 **Rubtsov D. I., Filimonov A. A., Filimonov I. A.**
Теория и практика взаимодействия уголовно-исполнительной системыс институтами гражданского общества (на примере Владимирской области) / *Theory and practice of the penal system with civil society institutions interaction (for example, Vladimir region)*

Рубцов Д. И., Янова А. С. 222 **Rubtsov D. I., Yanova A. S.**
Тюремная стража в системе непосредственного управления местами заключения в Российской империи (1879–1895 гг.) / *Prison guards in the system of direct control of places of detention in the Russian Empire (1879–1895)*

Тишаков М. П. 227 **Tishakov M. P.**
Обеспечение безопасности дорожного движения на территории Ворошиловградской области в 1953–1955 гг. / *Ensuring traffic safety on the territory of Voroshilovgrad region in 1953–1955*

Хабиева З. Д. 234 **Khabieva Z. D.**
Юридический процесс: научные подходы к понятию / *Legal process: scientific approaches to the concept*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН / ***POLITICAL AND LEGAL SYSTEMS OF FOREIGN COUNTRIES***

Бирюкова Э. Р. 243 **Biryukova E. R.**
Оценка эффективности деятельности государственных служащих в странах Европы (на примере Германии и Франции) / *Evaluating the effectiveness of civil servants in Europe (for example, Germany and France)*

Якушев П. А. 248 **Yakushev P. A.**
Определение порядка общения отдельно проживающего родителя с ребенком: правоприменительная практика России и Германии / *Imposition the order of communication between a separate parent and a child: judicial practice in Russia and Germany*

ПЕРСОНАЛИИ / ***PERSONALITIES***

Меркурьев В. В., Тараканов И. А. 255 **Merkur'ev V. V., Tarakanov I. A.**
Вклад в развитие института необходимой обороны профессора Н. А. Огурцова – участника Великой Отечественной войны / *Contribution to the development of the institute of necessary defense of professor N. A. Ogurtsov – participant of the Great Patriotic war*

РЕЦЕНЗИИ / ***REVIEWS***

Михайлова И. А., Якушев П. Я. 267 **Mikhailova I. A., Yakushev P. A.**
Рецензия на учебник И. В. Понкина, А. И. Редькиной «Методология научных исследований и прикладной аналитики» / *Textbook review by I. V. Ponkin, A. I. Red'kina "Research methodology and applied analytics"*

Краткие правила опубликования статей 270 **The basic guidelines for article submission**

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

SCIENTIFIC AND APPLIED ASPECTS OF IMPROVING INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL SYSTEM

УДК 34.03

С. М. Воробьёв[1]
А. Г. Грунин[1]
[1] *Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Российская Федерация*

S. M. Vorob'ev[1]
A. G. Grunin[1]
[1] *Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, the Russian Federation*

Перспективы применения в деятельности уголовно-исполнительной системы России QR-кодировки при возмещении вреда потерпевшим от преступлений

Federation prospects for application in the activities of the penal system of Russia QR-coding under the repair of the harm of victims from crimes

Ключевые слова: возмещение ущерба; потерпевший; уголовно-исполнительная система России; QR-кодировка; информационное обеспечение.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению перспектив применения в деятельности уголовно-исполнительной системы России QR-кодировки и вопросов межведомственного взаимодействия правоохранительных органов при компенсации вреда, причиненного потерпевшим осужденными.
Анализируются механизм внедрения технических средств хранения, передачи и воспроизведения информации, а также возможные позитивные изменения в сфере положения потерпевших от преступлений при законном обеспечении со стороны государства их права на возмещение вреда, причиненного преступными действиями.

Key words: compensation for damage; the victim; the penal system of Russia; QR-coding; information support.

Abstract. The article is devoted to consideration of prospects for the use of QR-coding in the activities of the Russian penal system and issues of interagency cooperation of law enforcement agencies in compensating for harm caused by convicted victims.
The mechanism of introducing technical means of storage, transmission and reproduction of information is considered, as well as possible positive changes in the sphere of the situation of crime victims with the legitimate provision by the state of their right to compensation for damage caused by criminal acts.

Деятельность любого правоохранительного органа, включая исправительные учреждения уголовно-исполнительной системы России, предполагает их информационное и иное обеспечение, позволяющее усиленно решать поставленные задачи и достигать соответствующих целей.

Между тем понятие «информационное обеспечение» предполагает некий динамический процесс, а не статичное состояние, раз и навсегда данное, и включает в себя более широкий и постоянно растущий круг задач. Информационное обеспечение по своей сути должно в себя включать механизм сбора информации, относящейся к субъекту профилактической деятельности, ее объекту, социальным условиям функционирования, его внутреннему и внешнему аспектам.

В современных условиях повсеместного развития компьютерных технологий и технических средств хранения, передачи и воспроизведения информации целесообразно идти в ногу со временем и использовать их непосредственно в работе. Особенно это актуально в условиях исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы России, так как средства связи там запрещены как спецконтингенту, так и сотрудникам, находящимся на режимной территории учреждения, для которых, наряду с должностными инструкциями, распоряжением ФСИН России от 26 ноября 2013 г. № 215-р «О дополнительных мерах по недопущению поступления средств связи и комплектующих к ним в следственные изоляторы и исправительные учреждения уголовно-исполнительной системы»[1] установлен запрет, приравненный к попытке проноса запрещенных предметов.

В Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 16 декабря 2016 г. № 295, закреплен Перечень вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденным запрещается изготавливать, иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать. Среди данных вещей, помимо прочего, указаны и средства связи[2].

Большинству потерпевших от уголовных преступлений безразлична судьба преступника, и нередко зал судебного заседания – последнее место их встречи. Вместе с тем для потерпевшего остается открытым вопрос возмещения ущерба даже в том случае, если обидчик уже давно им был про-

© Воробьёв С. М., Грунин А. Г., 2020

[1] Документ опубликован не был.
[2] Российская газета. 2016. 29 дек.

щен. Между тем четкий механизм возмещения ущерба до сих пор не разработан.

Огромную роль в вопросе возмещения играет стадия досудебного следствия, на которой, как мы считаем, и закладывается механизм возмещения ущерба. Именно от работы органа досудебного следствия, а точнее, от доли ответственности его должностных лиц непосредственно зависит успех в данном вопросе.

10 декабря 2019 г. Президент Российской Федерации определил необходимость государственной поддержки потерпевших в вопросах возмещения вреда и четко выразил свою позицию по этой проблеме[1].

Актуальность проблемы усилена тем обстоятельством, что только в 2013 г. были предприняты последние существенные законодательные инициативы в данном направлении, которые, на наш взгляд, не дали ожидаемых результатов, и проблема возмещения вреда, причиненного преступлением, осталась открытой[2]. Вместе с тем также остается открытым вопрос о создании самого действенного государственного механизма для полноценного восстановления социальной справедливости.

Ряд современных отечественных ученых обеспокоены таким состоянием дел. Так, А. М. Багмет в своей речи на Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальная защита потерпевшего и возмещение причиненного ему вреда: проблемы и пути их решения. Защита прав участников уголовного процесса» определил деятельность по возмещению вреда в ходе уголовного судопроизводства как приоритетное направление деятельности Следственного комитета Российской Федерации. Об этом неоднократно подчеркивал на заседаниях коллегий и председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин[3].

Вопрос обеспечения возмещении вреда усложняется в связи с тем, что осужденные лица могут отбывать наказание, не связанное с лишением свободы. Таким образом, актуальность вопроса возмещения вреда, причиненного преступлением, вместе с оптимизацией государственного механизма для полноценного восстановления социальной справедливости не должна ни у кого вызывать сомнений.

Центральное место в механизме возмещения вреда потерпевшим занимают осужденные, отбывающие уголовные наказания [Бондаренко, Воробьёв, Ковачев 2009; Воробьёв 2014, с. 395].

Мы живем в XXI в., который не зря называют эрой компьютеров. Компьютерные технологии облегчают в значительной степени решение проблем в различных отраслях жизнедеятельности как человека, так и целых организаций. И, по сути, решение различных проблем лежит на поверхности и не требует огромных усилий. В целях совершенствования и упорядочения системы контроля за возмещением со стороны осужденных денежных средств по исполнительным листам в рамках уголовного и гражданского судопроизводства предлагаем использовать в практической деятельности исправительных учреждений системы считывания информации по QR-кодам, которая доказала свою эффективность во многих отраслях.

Например, система распознавания QR-кодов используется в Лондоне Государственной транспортной организацией и ежемесячно помогает сканировать более 10 тыс. человек, в Фонде Жоана Миро, включая передвижную выставку галереи Тейт, – более 12 тыс. раз.

Кроме того, эту технологию успешно применяют в детском музее г. Индианаполиса (США), Национальном архиве Великобритании, Церкви Святого Павла в г. Бирмингеме, музее и художественной галерее г. Дерби (Англия), часовне Девы Марии и Ангелов в г. Сиднее (Австралия), Софийском зоопарке (Болгария), на выставке Хосепа Косты Собрепера и т. п.

На примере практического применения QR-кодов этими учреждениями были выявлены и некоторые недостатки. В основном трудности связаны с человеческим фактором и низкой технологической грамотностью населения. В числе минусов системы специалисты отмечают тот факт, что не все граждане пользуются смартфонами, а реальную схему использования знают порой только разработчики. Следовательно, разработчикам приходится предусматривать отсылки QR-кода на электронную почту или по коротким СМС-сообщениям. Кроме того, возможными недостатками могут стать ошибки со стороны самих разработчиков, а также временные затраты на устранение ошибок и недочетов.

По сути, QR-код – это считываемая машиной оптическая метка, содержащая информацию об объекте, к которому она привязана. В наши дни система QR-кодов особо популярна благодаря возможности быстрого считывания и большей емкости по сравнению со штрихкодами стандарта UPC. Расширения включают: отслеживание продукции,

---

[1] Встреча Президента РФ с региональными уполномоченными по правам человека. URL: http: // www.kremlin.ru/events/president/news/62287/audios (дата обращения: 03.04.2020).

[2] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве : федер. закон от 28 дек. 2013 г. № 432-ФЗ // Российская газета. 2013. 30 дек.

[3] *Багмет А. М.* Приветственное слово // Уголовно-процессуальная защита потерпевшего и возмещение ему вреда: проблемы и пути их решения. Защита прав участников уголовного процесса : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 16 марта 2018 г.). М. : Моск. акад. Следств. ком. Рос. Федерации, 2018. С. 4.

идентификацию предметов, отслеживание времени, управление документами и т. д.[1]

Следует отметить, что технологии QR-кода распространяются бесплатно, существует множество бесплатных вариантов программного обеспечения, позволяющего генерировать и считывать QR-коды. Для генерирования изображений с QR-кодом могут быть использованы специализированные интернет-сайты.

Существует несколько классов устройств, предназначенных для чтения штрихового кода: сканер штрихкода для чтения штрихкодов с различных поверхностей; терминал сбора данных; щелевой считыватель штрихкода; сканер «световое перо» (сканер-«палочка»).

Основное достоинство любого штрихкода – простота использования. Двухмерные коды работают по принципу «навел – снял – прочитал».

Применение персональных QR-кодов осужденных в первую очередь позволит сотрудникам уголовно-исполнительной системы оперативно получать необходимую информацию о погашении осужденными задолженности по возмещению вреда потерпевшему. Кроме того, сам потерпевший может быстро и беспроблемно отслеживать и контролировать процесс возмещения причиненного ему вреда. Сейчас же на практике это сделать сложно, поскольку часто потерпевший ждет справедливого возмещения вреда от осужденного, отбывающего наказание в одном учреждении, тогда как последнего уже перевели в другое. Ситуация усложняется тем, что судебному приставу, а в некоторых случаях и самому потерпевшему приходится обращаться с запросами в различные исправительные учреждения. Как следствие, решение вопроса о возмещении ущерба затягивается.

Учреждения уголовно-исполнительной системы занимают ведущую позицию в вопросе возмещения ущерба и максимально принимают меры по трудоустройству осужденных, осуществляют удержания из их заработных плат, пенсий и иных доходов. Это непосредственно согласуется со ст. 99 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»[2].

Предположим, что QR-код применяется к каждому вновь поступившему в исправительное учреждение осужденному лицу и заносится в его личное дело. Далее сотрудники учреждений, сканируя QR-код, имеют возможность без всякого вреда выйти на электронную страницу банка данных исполнительных производств, которая размещена на официальном сайте Федеральной службы судебных приставов.

Линейные штрихкоды удобны своей доступностью. При этом необходимо делать ставку на качественное оборудование с лазерным считыванием, которое позволит избежать временных потерь в процессе работы. Различают несколько видов устройств по считыванию штрихкода. Полагаем, что наиболее эффективными будут являться следующие.

1. Беспроводные сканеры, которые высоко ценятся за счет встроенного объема памяти для сбора информации. Звуковая и светодиодная индикации информируют об успешно завершенной операции. После окончания работы сканер необходимо синхронизировать с персональным компьютером (далее: ПК) для обмена данными. Удобство заключается и в том, что сканер работает автономно.

2. Устройства с поддержкой интерфейса Bluetooth являются наиболее перспективными с точки зрения функциональных возможностей. Они поддерживают работу с устройствами на Android. Для передачи данных достаточно синхронизироваться с мобильным устройством по Bluetooth. Такой сканер в паре с телефоном или планшетным ПК может работать как терминал сбора данных. Главный недостаток линейных штрихкодов – малое количество кодируемой информации.

На рынке представлено огромное множество разновидностей устройств для считывания, например: GlobalPOS 6709B лазерный 1D сканер, GlobalPOS GP-9400 беспроводной 2D сканер или GlobalPOS GP-1901B 2D сканер-кольцо на палец[3].

Помимо прочего, QR-коды представляется возможным использовать как ссылки на дополнительную информацию. QR-код может содержать информацию о месте и сроках заключения, интернет-ссылку, контактную информацию и т. д. QR-код имеет возможность преобразовать не только информацию определенного рода, но и план определенных мероприятий.

Информационный обмен между исправительными учреждениями и учреждениями исполнительной службы происходит путем направления запросов и ожидания ответов, что требует определенного временного отрезка. С применением QR-кодов обмен информацией происходит мгновенно, что, на наш взгляд, облегчает и ускоряет работу. А с внедрением и применением QR-кодов в других ведомствах значительно ускоряется межведомственный обмен информацией. Применение QR-кодов открывает возможность осуществления общественного контроля за стадией возмещения вреда потерпевшим.

Учитывая, что QR-код позволяет эффективно кодировать большие объемы цифровых данных, их очень удобно использовать при кодировании лич-

[1] QR Code Essentials. Denso ADC (2011). URL: https: // www.denso-adc.com/download (дата обращения: 03.04.2020).

[2] Российская газета. 2007. 6 окт.

[3] Каталог компании GlobalPOS. URL: https://www.globalpos.ru/catalog/skanery-shtrikh-koda/ (дата обращения: 03.04.2020).

ных дел осужденных. Это позволяет действовать мобильно при проверке погашения взысканий, взаимодействовать с органами принудительного исполнения судебных решений и постановлений.

Получаемые с помощью QR-кода сведения могут и должны учитываться также и при разрешении вопросов, связанных с переводом осужденного лица из одних условий отбывания наказаний в другие, изменением вида исправительного учреждения, освобождением лица условно-досрочно.

Однако предложенный механизм, на наш взгляд, должен стимулировать обеспечение гражданского иска органами следствия, поскольку как у потерпевшего, так и у общественности появляется возможность отслеживания фактического имущества у осужденного, в свою очередь появляется возможность общественного контроля за состоянием раскрытия преступления.

Мы считаем, что благодаря внедрению QR-кода в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России потерпевшие от преступлений, а также истцы по гражданскому, административному и другим видам судопроизводства получают возможность осуществления контроля над процессом возмещения своих материальных требований, что в свою очередь выполняет условия реального восстановления правового состояния и приводит к усилению охраны интересов пострадавших от противоправных деяний. В этих целях видится целесообразным внесение в инструкции для служебного пользования, регламентирующие порядок и ведение личных дел осужденных, соответствующих поправок. Это особенно актуально для оперативных служб ФСИН России, поскольку данные документы в силу п. 3 Перечня сведений конфиденциального характера, утвержденного указом Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 197, являются сведениями ограниченного распространения[1].

Итак, с учетом вышеизложенного для эффективного разрешения данной проблемы следует на законодательном уровне закрепить механизм реализации технологии QR-кодировки путем внесения соответствующих изменений в действующие правовые акты, такие как: федеральные законы от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”»[2], от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (с изменениями и дополнениями)[3], от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[4], приказ Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений», а также ст. 83 и 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

Помимо этого, видится важным: создание общей базы данных; признание приоритетом восстановление потерпевшего в его правах, поскольку государство взяло на себя функцию по защите прав и интересов граждан; повышение квалификации сотрудников в этом направлении; разъяснительная работа с должностными лицами, общественностью, потерпевшими относительно прав на возмещение ущерба в установленном порядке; обеспечение потерпевших необходимой правовой помощью для эффективной реализации их права на возмещение вреда, причиненного преступными действиями.

Список цитируемых источников

Бондаренко, Воробьёв, Ковачев 2009 – *Бондаренко И. В., Воробьёв С. М., Ковачев О. В.* Психолого-правовые проблемы компенсации морального вреда потерпевшим от преступления : монография. Рязань : АПУ ФСИН России, 2009. 107 с.

Воробьёв 2014 – *Воробьёв С. М.* Институт компенсации морального вреда в системе защиты прав человека в России: история и современность : монография. Рязань : Акад. ФСИН России ; СПб. : Юрид. ин-т, 2014. 427 с.

References

Bondarenko, I. V., Vorob’ev, S. M. and Kovachev, O. V. (2009), *Psikhologo-pravovye problemy kompensatsii moral’nogo vreda poterpevshim ot prestupleniya* [Psychological and legal problems of compensation for moral harm to victims of crime], APU FSIN Rossii, Ryazan, Russia.

Vorob’ev, S. M. (2014), *Institut kompensatsii moral’nogo vreda v sisteme zashchity prav cheloveka v Rossii: istoriya i sovremennost’* [Institute for compensation of non-pecuniary damage in the system of the protection of human rights in Russia: history and present], Akademiya FSIN Rossii, Yuridicheskii institut, Ryazan, St. Petersburg, Russia.

[1] Российская газета. 1997. 14 марта.

[2] Там же. 2018. 25 июля.

[3] Там же. 1995. 20 июля.

[4] Там же. 1995. 18 авг.

Информация об авторах

Воробьёв Сергей Михайлович,
доктор юридических наук, доцент, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Российская Федерация; sergey.vorobev.78@inbox.ru

Грунин Антон Геннадьевич,
Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Российская Федерация; academyfsin@yandex.ru

Information about the authors

Vorob'ev Sergei M.,
doctor of law, associate professor, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, the Russian Federation; sergey.vorobev.78@inbox.ru

Grunin Anton G.,
Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, the Russian Federation; academyfsin@yandex.ru

Для цитирования

Воробьёв С. М., Грунин А. Г. Перспективы применения в деятельности уголовно-исполнительной системы России QR-кодировки при возмещении вреда потерпевшим от преступлений // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 9–13.

For citation

Vorob'ev, S. M. and Grunin, A. G. (2020), "Federation prospects for application in the activities of the penal system of Russia QR-coding under the repair of the harm of victims from crimes", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, no. 3(56), pp. 9–13.

УДК 343.287:343.8

Э. С. Карпов[1]
[1] *Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, Санкт-Петербург, Российская Федерация*

E. S. Karpov[1]
[1] *St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, St. Petersburg, the Russian Federation*

Отдельные проблемы правового регулирования привлечения сотрудников уголовно-исполнительной системы к дисциплинарной ответственности

Some problems of legal regulation of bringing employees of the penal system to disciplinary responsibility

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность; уголовно-исполнительная система; дисциплинарное взыскание; государственная служба.

Аннотация. В статье исследуются проблемные вопросы правового регулирования привлечения сотрудников уголовно-исполнительной системы к дисциплинарной ответственности. Автором проанализирована правовая природа дисциплинарной ответственности государственных служащих, характер дисциплинарных взысканий, применяемых к сотрудникам уголовно-исполнительной системы, выявлены определенные проблемы правового регулирования дисциплинарной ответственности и предложены возможные пути их устранения.

Key words: disciplinary responsibility; the penal system; disciplinary punishment; public service.

Abstract. The article examines the legal regulation of bringing employees of the penal system to disciplinary responsibility. The author analyzes the legal nature of disciplinary responsibility of civil servants, the nature of disciplinary penalties applied to employees of the penal system, identifies certain problems of legal regulation of disciplinary responsibility and suggests possible ways to eliminate them.

Основным видом юридической ответственности в служебных правоотношениях является дисциплинарная ответственность, от эффективности которой зависит эффективность функционирования государственного аппарата в целом. Для сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) институт дисциплинарной ответственности является одним из наиболее значимых в вопросах прохождения службы. Основным законом, регламентирующим дисциплинарную ответственность сотрудников УИС, является Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”»[1] (далее: Закон № 197-ФЗ). Кроме того, согласно ч. 2 ст. 3 Закона № 197-ФЗ в случаях, не урегулированных нормативными правовыми актами Российской Федерации, к правоотношениям, связанным со службой в УИС, применяются нормы трудового законодательства Российской Федерации. Данное положение позволяет сделать вывод о том, что законодатель рассматривает институт государственной службы в целом и институт дисциплинарной ответственности, в частности, как разновидность трудовых правоотношений. Как справедливо отмечает М. Б. Добробаба, следует признать, что только на военной службе сформирована дисциплинарная ответственность, автономная от действующей в трудовом праве. Правовые нормы, регулирующие дисциплинарную ответственность государственных гражданских служащих и служащих федеральной государственной службы, связанной с правоохранительной деятельностью, за незначительными исключениями, представляют собой «рецепцию норм трудового законодательства». Вместе с тем с учетом особенностей государственно-служебной деятельности в ряде государственных органов усилена дисциплинарная ответственность их сотрудников [Добробаба 2017, с. 37].

Дисциплинарная ответственность в системе государственной службы традиционно рассматривается как мера обеспечения служебной дисциплины, которая выступает одним из условий существования и функционирования системы государственного управления в целом [Гришин 2018, с. 33–38].

Понятие служебной дисциплины приведено в ст. 47 Закона № 197-ФЗ. В соответствии с ч. 1 ст. 49 Закона № 197-ФЗ под нарушением служебной дисциплины (дисциплинарным проступком) следует признавать «виновное действие (бездействие), выразившееся в нарушении сотрудником законодательства Российской Федерации, Присяги сотрудника уголовно-исполнительной системы, дисциплинарного устава уголовно-исполнительной системы, правил внутреннего служебного распорядка учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, должностной инструкции, либо в несоблюдении запретов и ограничений, связанных со служ-

[1] Российская газета. 2018. 25 июля.

© Карпов Э. С., 2020

бой в уголовно-исполнительной системе, и требований к служебному поведению, либо в неисполнении (ненадлежащем исполнении) обязательств, предусмотренных контрактом, служебных обязанностей, приказов и распоряжений прямых руководителей (начальников) и непосредственного руководителя (начальника) при исполнении служебных обязанностей и реализации предоставленных прав».

Перечень дисциплинарных взысканий закрепляется в ч. 1 ст. 50 Закона № 197-ФЗ. К ним относятся:

1) замечание;

2) выговор;

3) строгий выговор;

4) предупреждение о неполном служебном соответствии;

5) увольнение со службы в УИС.

В образовательных организациях высшего образования федерального органа УИС на курсантов, слушателей, наряду с вышеуказанными дисциплинарными взысканиями, могут налагаться следующие дисциплинарные взыскания:

1) назначение вне очереди в наряд (за исключением назначения в наряд по обеспечению охраны образовательной организации);

2) отчисление из образовательной организации.

На первый взгляд, большинство из перечисленных общих дисциплинарных взысканий – замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии – носят моральный характер и связаны с официальным осуждением и порицанием сотрудника УИС. Однако в настоящее время это не так, поскольку привлечение к дисциплинарной ответственности сопровождается лишением сотрудника определенных денежных выплат, что придает им материальный характер. Например, согласно п. 5 Порядка выплаты премий за добросовестное выполнение служебных обязанностей сотрудникам уголовно-исполнительной системы, утвержденного приказом ФСИН России от 27 мая 2013 г. № 269[1], на основании приказа руководителя учреждения или органа УИС о наложении на сотрудника дисциплинарного взыскания в виде «строгий выговор», «предупреждение о неполном служебном соответствии», «понижение в должности» и «снижение в специальном звании на одну ступень» сотруднику, привлеченному к дисциплинарной ответственности, премия за добросовестное выполнение служебных обязанностей в месяце, следующем за месяцем наложения взыскания, не выплачивается. Кроме того, наложение на сотрудника УИС любого дисциплинарного взыскания, как правило, влечет прекращение выплат разовых премий за добросовестное выполнение особо сложных и важных задач, предусмотренных п. 7 Порядка выплаты премий за добросовестное выполнение служебных обязанностей сотрудникам уголовно-исполнительной системы. В соответствии с п. 13 Порядка присвоения квалификационных званий сотрудникам уголовно-исполнительной системы, утвержденного приказом Минюста России от 26 апреля 2013 г. № 62[2], наложение дисциплинарного взыскания в виде предупреждения о неполном служебном соответствии влечет снижение квалификационного звания сотрудника на одну ступень.

В некоторых зарубежных государствах для государственных служащих активно применяются дисциплинарные взыскания, имеющие материальный характер. Например, в ФРГ существует дисциплинарное взыскание в виде сокращения должностного оклада в размере до 1/5 части на срок до трех лет; в Японии – до 1/3 жалованья на период от 1 дня до 1 года; в Республике Азербайджан – в размере от 5 до 30 % сроком до одного года [Добробаба 2016, с. 51–59].

С одной стороны, введение данных видов дисциплинарных взысканий в отечественное служебное законодательство видится перспективным, особенно учитывая значительное количество имеющихся моральных дисциплинарных взысканий, по сравнению с материальными, но с другой стороны, в основном уровень денежного вознаграждения сотрудников УИС невысокий, особенно для младшего начальствующего состава, и уменьшение его в виде дисциплинарных санкций может обострить сложную кадровую ситуацию в УИС.

Согласно ч. 3 ст. 47 Закона № 197-ФЗ права, обязанности и ответственность руководителей (начальников) по поддержанию служебной дисциплины, обязанности сотрудников по ее соблюдению и поддержанию, обязательность исполнения приказа руководителя (начальника), порядок наложения, исполнения и обжалования дисциплинарных взысканий, учет мер поощрения и дисциплинарных взысканий устанавливаются дисциплинарным уставом УИС, утверждаемым федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний. Во исполнение данного положения приказом Минюста России от 12 сентября 2019 г. № 202 утвержден Дисциплинарный устав уголовно-исполнительной системы Российской Федерации[3].

[1] Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием сотрудников уголовно-исполнительной системы, Порядка выплаты премий за добросовестное выполнение служебных обязанностей сотрудникам уголовно-исполнительной системы и Порядка оказания материальной помощи сотрудникам уголовно-исполнительной системы : приказ ФСИН России от 27 мая 2013 г. № 269 // Российская газета. 2013. 26 июня.

[2] Российская газета. 2013. 5 июня.

[3] URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.09.2019).

До вступления в силу Закона № 197-ФЗ правовое регулирование дисциплинарной ответственности сотрудников УИС осуществлялось на основании Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (далее: Положение о службе в ОВД), утвержденного постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202-1[1]. Однако порядок привлечения к дисциплинарной ответственности сотрудников УИС и в соответствии с Законом № 197-ФЗ, и в соответствии с Положением о службе в ОВД в основном идентичен. Основные отличия заключаются в следующем:

– сокращение количества дисциплинарных взысканий;

– увеличение сроков наложения дисциплинарных взысканий (не позднее чем через две недели со дня, когда прямому руководителю (начальнику) или непосредственному руководителю (начальнику) стало известно о совершении сотрудником дисциплинарного проступка, вместо десяти дней);

– достаточно детальное регулирование в Законе № 197-ФЗ оснований и порядка проведения служебной проверки. Ранее в Положении о службе в ОВД относительно служебных проверок содержалось несколько норм, а детальное регулирование порядка проведения служебных проверок было реализовано на подзаконном уровне в Инструкции об организации и проведении служебных проверок в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, утвержденной приказом ФСИН России от 12 апреля 2012 г. № 198[2], которая в части, не противоречащей Закону № 197-ФЗ, действует и в настоящее время.

Несмотря на наличие соответствующих нормативных правовых актов, в правовом регулировании дисциплинарной ответственности сотрудников УИС имеется ряд не разрешенных до сих пор проблем. Проанализируем некоторые из них.

Первая проблема связана с тем, что Законом № 197-ФЗ не предусмотрен срок реализации приказа о применении дисциплинарного взыскания в виде увольнения. Ранее согласно Положению о службе в ОВД дисциплинарное взыскание приводилось в исполнение немедленно, но не позднее одного месяца со дня его наложения (абз. 14 ст. 39). По истечении этого срока взыскание в исполнение не приводится, но подлежит учету. Очевидно, что данная норма относится не только к применению дисциплинарного взыскания в виде увольнения, но и к применению любого другого дисциплинарного взыскания. Относительно увольнения в связи с утратой доверия в абз. 5 ст. 38.3 Положения о службе в ОВД отмечается, что оно применяется не позднее одного месяца со дня поступления информации о совершении сотрудником ОВД коррупционного правонарушения, не считая периода временной нетрудоспособности сотрудника, пребывания его в отпуске, других случаев его отсутствия на службе по уважительным причинам, а также времени проведения проверки и рассмотрения ее материалов комиссией по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов (аттестационной комиссией). При этом взыскание должно быть применено не позднее шести месяцев со дня поступления информации о совершении коррупционного правонарушения.

Относительно увольнения в связи с утратой доверия в ч. 5 ст. 53 Закона № 197-ФЗ также отмечается, что оно налагается не позднее шести месяцев со дня поступления информации о совершении сотрудником коррупционного правонарушения и не позднее трех лет со дня его совершения. Следовательно, сроки увольнения в связи с утратой доверия в Законе № 197-ФЗ установлены, и они на порядок превышают сроки, которые были закреплены в Положении о службе в ОВД, а о сроках исполнения других дисциплинарных взысканий в Законе № 197-ФЗ ничего не говорится.

Необходимо отметить, что в ч. 15 ст. 51 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3] (далее: Закон № 342-ФЗ) указано, что дисциплинарные взыскания, предусмотренные пп. 5 и 6 ч. 1 ст. 50 Закона № 342-ФЗ (перевод на нижестоящую должность в ОВД, увольнение со службы в ОВД), исполняются не позднее чем через два месяца со дня издания приказа об их наложении. В указанный срок не включаются периоды временной нетрудоспособности сотрудника ОВД, нахождения его в отпуске или в командировке.

Отсутствие аналогичного положения в Законе № 197-ФЗ, по нашему мнению, приводит к меньшей защищенности прав сотрудников УИС, по сравнению с сотрудниками ОВД. Если по каким-либо не зависящим от сотрудника ОВД причинам его увольнение в течение двух месяцев со дня издания приказа о привлечении сотрудника к дисциплинарной ответственности в виде увольнения не состоялось, то уволить его уже невозможно. В отношении сотрудников УИС исполнять указанное дисциплинарное взыскание возможно в любой, но разумный срок.

В целях повышения уровня защиты служебных прав сотрудников УИС предлагаем дополнить ст. 52 Закона № 197-ФЗ п. 13.1, изложив его в следующей редакции:

«13.1. Дисциплинарное взыскание, предусмотренное пунктом 5 части 1 статьи 50 настоящего

[1] Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 2, ст. 70.

[2] Российская газета. 2012. 7 сент.

[3] Российская газета. 2011. 7 дек.

Федерального закона, исполняется не позднее чем через два месяца со дня издания приказа о его наложении. В указанный срок не включаются периоды временной нетрудоспособности сотрудника, нахождения его в отпуске или в командировке».

Вторая, не менее важная, проблема связана с указанием в ч. 3 ст. 52 Закона № 197-ФЗ на то, что дисциплинарные взыскания на сотрудника УИС налагаются прямыми руководителями (начальниками) в пределах прав, предоставленных им руководителем федерального органа УИС, за исключением отдельных случаев. В п. 2 ч. 3 ст. 4 Закона № 197-ФЗ определено, что прямыми руководителями (начальниками) сотрудника являются руководители (начальники), которым он подчинен по службе, в том числе временно. Однако руководитель организации дополнительного профессионального образования (межрегионального учебного центра) в отношении переменного состава (который подчинен руководителю образовательной организации временно) не обладает дисциплинарными правами по наложению дисциплинарных взысканий (обладает правом отчисления в соответствии с уставом организации), в том числе потому, что сотрудники других территориальных органов на период обучения находятся в командировке, которая согласно ст. 52 Закона № 197-ФЗ не включается в срок наложения дисциплинарного взыскания, т. е. приостанавливает этот срок. Данные обстоятельства ограничивают дисциплинарные права по наложению дисциплинарных взысканий на указанную категорию сотрудников со стороны руководителя организации дополнительного профессионального образования.

Права начальников учреждений и органов УИС по наложению дисциплинарных взысканий зафиксированы в прил. 17 к приказу Минюста России от 6 июня 2005 г. № 76 «Об утверждении Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы»[1]. В настоящее время подготовлен проект приказа ФСИН России «О дисциплинарных правах руководителей (начальников) в отношении подчиненных им сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»[2]. В п. 12 названного проекта зафиксировано, что руководитель (начальник) образовательной организации ФСИН России имеет право налагать следующие дисциплинарные взыскания:

– назначение вне очереди в наряд (кроме взысканий за коррупционные правонарушения);

– замечание;

– выговор;

– строгий выговор;

– предупреждение о неполном служебном соответствии;

– отчисление из образовательной организации ФСИН России (кроме взысканий за коррупционные правонарушения);

– увольнение со службы в УИС (в пределах прав по увольнению со службы в УИС).

Однако не уточняется, на кого распространяются перечисленные полномочия руководителя образовательной организации по наложению дисциплинарных взысканий: только ли на постоянных сотрудников образовательной организации, или также на прикомандированных к ней на время обучения слушателей. В то же время в ч. 9 ст. 52 Закона № 197-ФЗ уточняется, что в случае нахождения сотрудника в командировке, приказ о наложении на него дисциплинарного взыскания издается после его возвращения из нее.

На наш взгляд, указанное положение не препятствует наложению дисциплинарных взысканий на слушателей организации дополнительного профессионального образования ФСИН России руководителем данной образовательной организации. Очевидно, что переменный состав временно подчиняется руководителю образовательной организации, который является для них прямым руководителем. Соответственно, согласно ч. 3 ст. 52 Закона № 197-ФЗ прямой руководитель обладает полномочиями по наложению на сотрудников дисциплинарных взысканий. Факт нахождения сотрудника в командировке в данном случае, на наш взгляд, не является препятствием для его привлечения к дисциплинарной ответственности. Полагаем, условно командировки сотрудников УИС можно классифицировать следующим образом:

1) командировки на обучение, во время которых сотрудники становятся временно подчиненными начальнику образовательной организации, и он в свою очередь будет уполномочен принимать решение о привлечении их к дисциплинарной ответственности;

2) командировки, во время которых у сотрудников нет подчиненности другому руководителю, следовательно, наказание на сотрудников согласно ч. 9 ст. 52 Закона № 197-ФЗ может быть наложено только после их возвращения из командировки.

Третья проблема кроется в исчислении сроков проведения служебных проверок.

В соответствии с ч. 4 ст. 54 Закона № 197-ФЗ служебная проверка проводится в течение 30 дней со дня принятия решения о ее проведении. По нашему мнению, трудности возникают, когда встает вопрос о том, что понимать под днем принятия решения о проведении проверки. Это может быть и дата, когда руководитель на рапорте ставит резолюцию «Провести служебную проверку», и дата, когда издан приказ о проведении служебной про-

[1] Российская газета. 2005. 6 июля.

[2] URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=87300 (дата обращения: 06.05.2020).

верки. Статья 54 Закона № 197-ФЗ не дает ответа на этот вопрос. Однако согласно ч. 9 названной статьи порядок проведения служебной проверки устанавливается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний. В настоящее время действует Инструкция об организации и проведении служебных проверок в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы.

В п. 16 указанной Инструкции отмечается, что проверка должна быть завершена не позднее чем через 30 дней со дня издания приказа о назначении проверки, но данное положение вступает в противоречие с абз. 2 п. 5 этой же Инструкции, где говорится, что решение о проведении проверки оформляется в виде резолюции на документе, содержащем сведения о наличии оснований для ее проведения. Складывается двойственная ситуация: с одной стороны, в соответствии с ч. 4 ст. 54 Закона № 197-ФЗ служебная проверка проводится в течение 30 дней со дня принятия решения о ее проведении, а согласно абз. 2 п. 2 Инструкции об организации и проведении служебных проверок в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы решение о проведении проверки оформляется в виде резолюции на документе, содержащем сведения о наличии оснований для ее проведения; с другой же стороны, в п. 16 вышеуказанной Инструкции закреплено, что проверка должна быть завершена не позднее чем через 30 дней со дня издания приказа о назначении проверки.

На наш взгляд, указанная ситуация нуждается в исправлении путем внесения изменений в действующую Инструкцию об организации и проведении служебных проверок в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы либо путем издания новой инструкции, соответствующей положениям Закона № 197-ФЗ. До устранения данного противоречия, учитывая, что положения Закона № 197-ФЗ обладают большей юридической силой, полагаем, следует исчислять сроки служебных проверок со дня принятия решения о проведении данных проверок в виде резолюции на документе, содержащем сведения о наличии оснований для их проведения.

Таким образом, в современной правоприменительной практике учреждений и органов ФСИН России имеются определенные проблемы, связанные с привлечением сотрудников УИС к дисциплинарной ответственности. Избежать их, на наш взгляд, позволят приведение правоприменительной практики к единообразию, а также внесение в нормативные правовые акты предложенных изменений.

Список цитируемых источников

Гришин 2018 – *Гришин Д. А.* К вопросу о понятии и содержании служебно-дисциплинарного принуждения в уголовно-исполнительной системе // Административное право и процесс. 2018. № 6. С. 33–38.

Добробаба 2016 – *Добробаба М. Б.* Проблема совершенствования системы дисциплинарных взысканий, применяемых в рамках служебно-деликтных дисциплинарных правоотношений // Административное и муниципальное право. 2016. № 1. С. 51–59.

Добробаба 2017 – *Добробаба М. Б.* Дисциплинарная ответственность в системе государственно-служебных правоотношений : дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2017. 463 с.

References

Dobrobaba, M. B. (2016), "The problem of improving the system of disciplinary penalties applied within the framework of service-tort disciplinary relations", *Administrativnoe i munitsipal'noe parvo,* no. 1, pp. 51–59.

Dobrobaba, M. B. (2017), Disciplinary responsibility in the system of state-service legal relations, Sc. D. Thesis, administrative law, administrative procedure, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia.

Grishin, D. A. (2018), "On the question of the concept and content of service and disciplinary coercion in the penal system", *Administrativnoe parvo i protsess,* no. 6, pp. 33–38.

Информация об авторе

Карпов Эдуард Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, Санкт-Петербург, Российская Федерация; esk33@mail.ru

Information about the author

Karpov Eduard S.,
PhD (law), associate professor, St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, St. Petersburg, the Russian Federation; esk33@mail.ru

Для цитирования

Карпов Э. С. Отдельные проблемы правового регулирования привлечения сотрудников уголовно-исполнительной системы к дисциплинарной ответственности // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 14–18.

For citation

Karpov, E. S. (2020), "Some problems of legal regulation of bringing employees of the penal system to disciplinary responsibility", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 14–18.

УДК 343.287:343.8

Л. В. Ращупкина[1]
С. В. Солоухина[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

L. V. Rashchupkina[1]
S. V. Soloukhina[1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation*

Организационно-правовой аспект привлечения сотрудников уголовно-исполнительной системы к дисциплинарной ответственности

The organizational and legal aspect of attracting the employees of the penal system to disciplinary liability

Ключевые слова: сотрудник; служебная дисциплина; дисциплинарная ответственность; нарушение; взыскание.

Аннотация. В статье раскрываются вопросы, связанные с привлечением сотрудников уголовно-исполнительной системы к дисциплинарной ответственности. Авторы анализируют правовые нормы действующего законодательства, которые регламентируют наложение дисциплинарного взыскания на сотрудников уголовно-исполнительной системы. Особое внимание уделяется выявленным проблемам организационно-правового характера.

Key words: employee; service discipline; disciplinary liability; violation; penalty.

Abstract. The article reveals issues related to disciplinary proceedings against employees of the penal system. The authors analyze the legal norms of the current legislation that regulate the imposition of disciplinary sanctions on the penal system employees. Particular attention is paid to the identified organizational and legal problems.

В современной служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее: УИС) большое внимание уделяется соблюдению установленного правопорядка и дисциплины. Сотрудники УИС обладают и общим статусом как граждане России, и специальным как сотрудники, выполняющие определенные функции, следовательно, они могут быть привлечены к юридической ответственности по основаниям, предусмотренным законом. Как правило, выделяют такие виды юридической ответственности, как: административная, уголовная, дисциплинарная. В настоящее время особую актуальность приобретает институт дисциплинарной ответственности.

В последние годы в этой области проделана большая работа по регламентации организационно-правовых вопросов. Так, приняты и вступили в законную силу: Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» (далее: Закон № 197-ФЗ)[1], приказ Минюста России от 12 сентября 2019 г. № 202 «Об утверждении дисциплинарного устава уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»[2]. Однако проблемные вопросы о порядке привлечения к дисциплинарной ответственности остаются до сих пор. Так, приказ ФСИН России от 12 апреля 2012 г. № 198 «Об утверждении Инструкции об организации и проведении служебных проверок в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы»[3], в соответствии с которым в УИС проводятся служебные проверки, появился ранее указанных выше нормативных правовых актов. В связи с этим возникли определенные противоречия в нормативно-правовом регулировании процедуры привлечения сотрудников к дисциплинарной ответственности. Необходим новый ведомственный нормативный правовой акт, на что указывают, в частности, И. В. Карлов [Карлов 2018] и А. Н. Миронов [Миронов 2015].

Дисциплинарная ответственность применяется за нарушения трудовой, учебной, служебной, воинской дисциплины. В соответствии с Законом № 197-ФЗ служба в УИС – это вид федеральной государственной службы, представляющий собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации (ст. 1). Сотрудников УИС к дисциплинарной ответственности привлекают за нарушение служебной дисциплины. Согласно положениям ст. 47 Закона № 197-ФЗ под служебной дисциплиной понимается «соблюдение сотрудником установленных законодательством Российской Федерации, Присягой сотрудника уголовно-исполнительной системы, дисциплинарным уставом уголовно-исполнительной системы, правилами внутреннего служебного распорядка учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, должностной инструкцией, контрактом, приказами и распоряже-

[1] Российская газета. 2018. 25 июля.
[2] Там же. 2019. 18 сент.
[3] Там же. 2012. 7 сент.

© Ращупкина Л. В., Солоухина С. В., 2020

ниями руководителя федерального органа уголовно-исполнительной системы, приказами и распоряжениями прямых руководителей (начальников) и непосредственного руководителя (начальника) порядка и правил исполнения служебных обязанностей и реализации предоставленных прав».

Под нарушением служебной дисциплины (дисциплинарным проступком) следует признавать «виновное действие (бездействие), выразившееся в нарушении сотрудником законодательства Российской Федерации, Присяги сотрудника уголовно-исполнительной системы, дисциплинарного устава уголовно-исполнительной системы, правил внутреннего служебного распорядка учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, должностной инструкции, либо в несоблюдении запретов и ограничений, связанных со службой в уголовно-исполнительной системе, и требований к служебному поведению, либо в неисполнении (ненадлежащем исполнении) обязательств, предусмотренных контрактом, служебных обязанностей, приказов и распоряжений прямых руководителей (начальников) и непосредственного руководителя (начальника) при исполнении служебных обязанностей и реализации предоставленных прав» (ст. 49 Закона № 197-ФЗ).

Важно отметить, что в учреждениях УИС в качестве меры дисциплинарного принуждения применяют дисциплинарную ответственность, которая чаще всего связана с дисциплинарными проступками. По мнению Д. А. Гришина, служебно-дисциплинарное принуждение в учреждениях и органах УИС сегодня является, с одной стороны, базовым административно-правовым институтом, посредством которого обеспечивается режим государственной дисциплины в процессе исполнения государственных функций, возложенных законодательством на ФСИН России, ее территориальные органы и учреждения, с другой – реализуемой в рамках публичных охранительных правоотношений правоохранительной и правоприменительной деятельностью соответствующих должностных лиц ФСИН России по применению мер дисциплинарного воздействия к лицам, нарушающим установленную в УИС служебную дисциплину. Однако нормативно-правовое регулирование в рассматриваемой сфере несовершенно, что негативным образом сказывается и на правоприменительной деятельности по назначению и исполнению дисциплинарных взысканий, мер материального дестимулирования и иных мер принудительного воздействия на нарушителей служебной дисциплины в УИС. За рамками системной теоретической проработки и осмысления остаются базовые понятия и категории административно-служебного права, применяемые в деятельности учреждений и органов УИС, такие как: дисциплинарное принуждение в УИС, мера служебно-дисциплинарного принуждения в УИС и др. Не в полной мере исследованы основные признаки служебно-дисциплинарного принуждения в УИС. Научного анализа требуют такие институты служебно-деликтного законодательства в УИС, как институт аттестации сотрудников, институт служебной проверки в УИС; малоисследованными остаются процедуры наложения дисциплинарных взысканий и иных принудительных мер на сотрудников УИС [Гришин 2018, с. 33].

В рамках настоящего исследования была проанализирована статистическая информация и судебные решения о привлечении сотрудников учреждений ФСИН России к дисциплинарной ответственности на основании Закона № 197-ФЗ. Так, представленные территориальными органами УИС 36 регионов России сведения показывают, что в 2019 г. наиболее распространенными нарушениями служебной дисциплины стали:

1. Нарушение исполнительской дисциплины – 89,41 %.

2. Коррупционные правонарушения (в том числе предоставление неполных и (или) недостоверных сведений о доходах) – 2,86 %.

3. Невыход на службу без уважительных причин – 1,2 %.

4. Утрата служебных удостоверений – 0,14 %.

5. Прочие нарушения – 6,3 %.

Однако по фактам допущенных сотрудниками нарушений служебной дисциплины привлечены к дисциплинарной ответственности только 70 % от общего количества правонарушителей. Это свидетельствует о существовании проблем организационно-правового характера привлечения сотрудников УИС к дисциплинарной ответственности, возникшие с момента вступления в действие Закона № 197-ФЗ.

Наличие проблем в сфере организационно-правового регулирования дисциплинарной ответственности подтверждается и материалами судебной практики. Так, в январе 2019 г. суд, рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело по исковому заявлению сотрудника УИС к УФСИН России по Хабаровскому краю, ФКУ ИК-5 УФСИН России по Хабаровскому краю, признал незаконным и отменил пп. 4, 12 приказа врио начальника УФСИН России по Хабаровскому краю от 1 октября 2018 г. № 238-к «О привлечении к дисциплинарной ответственности сотрудников ФКУ ИК-5 УФСИН России по Хабаровскому краю» в части объявления ему строгого выговора и лишения премии за добросовестное выполнение служебных обязанностей[1]. Аналогичное решение вынес Советский рай-

[1] Решение Советско-Гаванского городского суда Хабаровского края от 16 янв. 2019 г. по делу № 2-38/2019. URL: https://sudact.ru/regular/court/bbrTThZSs5WN/ (дата обращения: 05.07.2020).

онный суд г. Красноярска по делу № 2-7222/2019[1]. Следует отметить, что суд при обосновании решений руководствовался статьями Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации[2]. В частности, в ст. 40 дано определение дисциплинарного взыскания, которое «должно соответствовать тяжести совершенного проступка и степени вины. При определении вида дисциплинарного взыскания принимаются во внимание: характер проступка, обстоятельства, при которых он был совершен, прежнее поведение сотрудника, совершившего проступок, признание им своей вины, его отношение к службе, знание правил ее несения и другие обстоятельства. При малозначительности совершенного дисциплинарного проступка руководитель (начальник) может освободить сотрудника от дисциплинарной ответственности и ограничиться устным предупреждением».

С целью подробного изучения проблем правоприменительной практики привлечения сотрудников УИС к дисциплинарной ответственности необходимо исследовать ее сущность и теоретический аспект. Наиболее важным является тот факт, что действующие нормы права, регламентирующие порядок привлечения сотрудников УИС к ответственности, не разграничивают различные виды юридической ответственности. Среди таких нормативных правовых актов: Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»[3], Закон № 197-ФЗ (ст. 15), Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее: КоАП РФ), Уголовный кодекс Российской Федерации, а также иные локальные нормативные акты, регламентирующие дисциплину и порядок прохождения службы в УИС в конкретных субъектах Российской Федерации. Однако законодательно закреплено, что сотрудник за совершение административного правонарушения несет дисциплинарную ответственность в соответствии с Законом № 197-ФЗ, за исключением административного правонарушения, за совершение которого сотрудник подлежит административной ответственности на общих основаниях в соответствии с КоАП РФ.

Сотрудник также не может привлекаться к ответственности дважды за одно и то же нарушение. Вопрос о положительных аспектах такой тенденции неоднозначен. Например, если административная ответственность в основном выражается в денежных взысканиях (причем в объективных суммах), то дисциплинарная предполагает чаще всего такие ограничения, как лишение премии за добросовестное выполнение служебных обязанностей, стагнация в продвижении по службе и в званиях. Так, проанализировав практику привлечения сотрудников УИС к дисциплинарной ответственности в учреждениях и органах УИС, есть основание полагать, что нарушения служебной дисциплины с высокой степенью вероятности допускаются и по причине несовершенства и противоречий административно-правового регулирования дисциплинарной ответственности. В этой связи возникает объективная необходимость законодательного совершенствования как действующих правовых актов, так и правоприменительной деятельности.

Еще одной актуальной проблемой является факт отсутствия законодательного закрепления четких критериев разграничения видов дисциплинарного проступка сотрудника УИС. В результате квалификация противоправного деяния либо как дисциплинарного проступка, либо как должностного преступления производится безосновательно, в основном по усмотрению должностного лица, уполномоченного принимать решение.

При этом список дисциплинарных взысканий строго определен ст. 50 Закона № 197-ФЗ, среди которых:

1) замечание;

2) выговор;

3) строгий выговор;

4) предупреждение о неполном служебном соответствии;

5) увольнение со службы в УИС.

При формировании данного перечня дисциплинарных взысканий законодатель разместил их по нарастанию юридических последствий, наступающих для сотрудников УИС. Анализ данной статьи позволяет сделать вывод о том, что перечень дисциплинарных взысканий, применяемых к сотрудникам УИС, неоправданно широк, что, на наш взгляд, не в полной мере отвечает разумным требованиям дисциплинарной практики и достижению главной цели – поддержанию служебной дисциплины.

Если исходить из фактических последствий отдельных дисциплинарных взысканий, то можно обратить внимание на отсутствие какого-либо внятного различия между такими взысканиями, как замечание, выговор, строгий выговор и предупреждение о неполном служебном соответствии. Сразу оговоримся, что ни законодательство

---

[1] Решение Советского районного суда г. Красноярска от 8 мая 2019 г. по делу № 2-7222/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=&regular-case_doc=%E2%84%96+2-7222%2F2019+&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court (дата обращения: 05.07.2020).

[2] О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 14 окт. 2012 г. № 1377 // Российская газета. 2012. 12 нояб.

[3] Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33, ст. 1316.

о государственной службе, ни трудовое законодательство, ни ведомственные нормативные правовые акты не закрепляют указанных терминов и не определяют оснований их дифференциации по видам проступков и особенностей применения.

Таким образом, можно констатировать, что в правоприменительной деятельности учреждений УИС, связанной с привлечением сотрудников к дисциплинарной ответственности по основаниям Закона № 197-ФЗ, возникает ряд трудностей:

– во-первых, отсутствие перечня общих нарушений служебной дисциплины, связанных с прохождением службы;

– во-вторых, наличие противоречий в правовой регламентации процедуры наложения дисциплинарных взысканий;

– в-третьих, отсутствие однозначного толкования порядка исчисления сроков проведения служебных проверок;

– в-четвертых, отсутствие правовой регламентации порядка применения и учета таких мер дисциплинарного взыскания, как объявление публично в устной форме дисциплинарного взыскания в виде замечания или выговора.

Важным направлением развития юридической теории является именно дисциплинарная практика. В учреждениях и органах УИС указанное обстоятельство имеет особое значение. Так, совершение противоправного деяния сотрудником УИС крайне отрицательно влияет на имидж всей системы, так как по одному грубому нарушению начинают оценивать весь коллектив сотрудников.

Сегодня в УИС принят дисциплинарный устав, в котором определены:

а) обязанности сотрудников по соблюдению и поддержанию служебной дисциплины;

б) права, обязанности и ответственность руководителей (начальников) по поддержанию служебной дисциплины;

в) обязательность исполнения приказа руководителя (начальника);

г) порядок наложения и исполнения дисциплинарных взысканий;

д) порядок учета мер поощрения и дисциплинарных взысканий;

е) порядок обжалования дисциплинарных взысканий.

Таким образом, актуальность дисциплинарной ответственности возросла с принятием Закона № 197-ФЗ и дисциплинарного устава УИС. Однако данные нормативные правовые акты не способствуют регламентации института дисциплинарной ответственности сотрудников УИС, поскольку не содержат перечня деяний, признаваемых дисциплинарными проступками. Это создает трудности в применении мер дисциплинарного воздействия за служебные нарушения в подразделениях ФСИН России и в разрешении практических ситуаций, связанных непосредственно с процедурой наложения дисциплинарных взысканий. В силу того, что дисциплинарная практика в учреждениях и органах УИС сформировалась не в полной мере, предлагаем для решения выявленных проблем принять подзаконный акт, который бы урегулировал порядок проведения служебных проверок в учреждениях и органах УИС. Дальнейшее развитие исследуемой темы видится нам в унификации норм в области дисциплинарной ответственности сотрудников, проходящих государственную службу в иных органах, связанных с правоохранительной деятельностью. На наш взгляд, это позволит сократить число дисциплинарных взысканий, а также снизить количество дисциплинарных проступков, совершаемых сотрудниками УИС.

Список цитируемых источников

Гришин 2018 – *Гришин Д. А.* К вопросу о понятии и содержании служебно-дисциплинарного принуждения в уголовно-исполнительной системе // Административное право и процесс. 2018. № 6. С. 33–38.

Карлов 2018 – *Карлов И. В.* Новеллы законодательства, регламентирующего порядок привлечения к дисциплинарной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом. Рязань : Акад. ФСИН России, 2018. С. 386–394.

Миронов 2018 – *Миронов А. Н.* Процедуры привлечения к дисциплинарной ответственности в уголовно-исполнительной системе // Административное право и процесс. 2015. № 6. С. 64–67.

References

Grishin, D. A. (2018), “On the concept and content of service-disciplinary coercion in the penal system”, *Administrativnoe pravo i protsess,* no. 6, pp. 33–38.

Karlov, I. V. (2018), “Novella legislation regulating the procedure for bringing to disciplinary responsibility of employees of the penal system”, *Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitiya ugolovno-ispolnitel’noi sistemy v Rossiiskoi Federatsii i za rubezhom* [Theoretical and practical problems of the development of the penal system in the Russian Federation and abroad], Akademiya FSIN Rossii, Ryazan, Russia, pp. 386–394.

Mironov, A. N. (2018), “Procedures for bringing to disciplinary responsibility in the penal system”, *Administrativnoe pravo i protsess,* no. 6, pp. 64–67.

Информация об авторах

Ращупкина Людмила Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; rashhupkina73@mail.ru

Солоухина Светлана Вячеславовна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; svsolona@mail.ru

Information about the authors

Rashchupkina Lyudmila V.,
PhD (law), associate professor,Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; rashhupkina73@mail.ru

Soloukhina Svetlana V.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation;
svsolona@mail.ru

Для цитирования

Ращупкина Л. В., Солоухина С. В. Организационно-правовой аспект привлечения сотрудников уголовно-исполнительной системы к дисциплинарной ответственности // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 19–23.

For citation

Rashchupkina, L. V. and Soloukhina, S. V. (2020), "The organizational and legal aspect of attracting the employees of the penal system to disciplinary liability", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 19–23.

УДК 343.826-053.2

П. В. Тепляшин[1,2]
[1] *Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Красноярск, Российская Федерация*
[2] *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация*

P. V. Teplyashin [1,2]
[1] *Siberian Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnoyarsk, the Russian Federation*
[2] *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, the Russian Federation*

Родительский патернализм о несовершеннолетних детях, отбывающих наказание в виде лишения свободы: проблемные факторы, феноменологический аспект и вопросы уголовно-исполнительного регулирования

Parental paternalism for underage children, serving a sentence of imprisonment: problematic factors, phenomenological aspect and issues of penal regulation

Ключевые слова: карательная идеология; лиминальный возраст; медиативные технологии; подростковая делинквентность; роль семьи; свидание; средства исправления; уголовно-исполнительная система.

Аннотация. Автором установлено, что реализация семейных связей членов семьи с их несовершеннолетним родственником, отбывающим уголовное наказание в виде лишения свободы, вскрывает ряд проблем, связанных в первую очередь с ограниченными возможностями отца и матери по оказанию необходимой личностно-ориентированной моральной и материальной помощи осужденному лицу. Продемонстрированы социальный оксюморон воспитательной колонии как «плохого родителя» и частный социальный феномен, показывающий, что ослабление роли семьи является результатом родительской беспомощности, основы которой, как правило, заложены еще на стадии до осуждения несовершеннолетнего члена семьи, а степень родительской ответственности есть продукт общих представлений отца и (или) матери о патерналистской роли государства. Обосновано, что уголовно-исполнительное законодательство должно быть дополнено перспективными положениями, усиливающими реализацию таких его принципов, как демократизм, дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний, что снизит уязвимость несовершеннолетних осужденных, оторванных от семьи, и ослабит возмездный характер наказания.

Key words: punitive ideology; liminal age; mediation technologies; adolescent delinquency; the role of the family; appointment; means of correction; the penal system.

Abstract. The author found out that the implementation of family ties between family members and their minor relative serving a criminal sentence in the form of deprivation of liberty reveals a number of problems related, first of all, to the limited capabilities of the father and mother to provide the necessary personal-oriented moral and material assistance to the convicted person. The social oxymoron of the educational colony as a «bad parent» and private and social phenomenon, showing that the weakening of a role of the family is the result of helplessness of parental care, defects which, as a rule, laid before the conviction of a minor family member, and the degree of the parent from responsibility is a product of the general ideas of the father and (or) mother about the paternalistic role of the state. It is proved that the penal enforcement should be strengthened with promising legislative provisions that strengthen the implementation of such principles of the penal enforcement legislation as democracy, differentiation and individualization of the execution of punishments, which will reduce the vulnerability of juvenile convicts who are separated from their families, and weaken the retributive nature of punishment.

Реализация родительской заботы о своих несовершеннолетних детях, оказавшихся в местах лишения свободы, и поддержание в этих условиях должных семейных отношений являются сложной социально-правовой и психолого-педагогической проблемой, которая до настоящего времени не подвергалась полному межотраслевому исследованию. Данная проблема трансформировалась в Правило 58 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы), которое гласит, что «заключенным следует давать возможность общаться через регулярные промежутки времени и под должным надзором с их семьями»[1]. В свою очередь, в п. «d» ст. 9 Декларации прав семьи 1980 г. закреплено указание на то, что в отношении прав и потребностей семьи, «а особенно к ценности единства семьи, должны с уважением относиться в политике и в уголовном законодательстве таким образом, чтобы заключенные могли поддерживать связь со

© Тепляшин П. В., 2020

[1] URL: un.org/events/mandeladay/mandela_rules.shtml (дата обращения: 17.07.2020).

своими семьями»[1]. Кроме того, этому вопросу уделяется достаточно пристальное внимание международными правозащитными правительственными и неправительственными организациями. Так, специалисты Лиги Говарда за реформу уголовного правосудия (Howard League for Penal Reform) выясняют механизмы родительской заботы и обеспечения «правильного благополучия» детей, подвергнутых изоляции от общества[2]. Однако в отечественных исследованиях этому вопросу уделено крайне мало внимания, и он лишь спорадически выступает объектом поверхностного анализа в отдельных научных работах [Зауторова 2019]. Несколько лучше данный вопрос изучен в зарубежной научной литературе [Turney, Wildeman 2015; Turanovic, Rodriguez, Pratt 2012].

Реализация контактов и налаживания (поддержания) позитивных семейных связей членов семьи с их несовершеннолетними родственниками, отбывающими уголовное наказание в виде лишения свободы, вскрывает ряд таких проблем, как ограниченные социальные ресурсы и возможности (в первую очередь отца и матери) по оказанию необходимой личностно-ориентированной моральной и материальной помощи осужденному лицу. В данной области нередко обнаруживается ущербность социально-психологических навыков общения таких лиц друг с другом, на поверхности взаимоотношений проявляются очевидные дефекты родительской ответственности. Вектор таких проблем нивелирует и даже купирует традиционные родительские отношения, на замену которых приходят действие принципа «parens patriae» и объективное осуществление уголовно-исполнительного контроля за поведением осужденного лица. Не случайно Джойс А. Ардитти (Joyce A. Arditti) указывает на то, что семьи в этой ситуации подвергаются социальной стигматизации, сталкиваются с постепенным ограничением возможностей в помощи лицам, отбывающим тюремное заключение, их эмоциональное состояние отражает эффект тяжелой утраты [Arditti 2012]. Если учитывать и то обстоятельство, что подростковая делинквентность ослабляет родительскую активность по ее нейтрализации, то и вред наносится семейным отношениям, снижая антикриминогенный потенциал семьи, уже до того момента, когда несовершеннолетний осуждается к реальному лишению свободы. Более того, лишение свободы часто выступает далеко не первым уголовным наказанием в столкновении делинкветного подростка с уголовным правосудием. Как отмечают Кристофер Угген (Christopher Uggen) и Роберт Стюарт (Robert Stewart) родственники контактируют как в процессе судопроизводства, так и в период исполнения уголовного наказания в виде тюремного заключения, что является «нагромождением» – накоплением уголовных санкций, которые имеют далеко не позитивные последствия как для самих осужденных, так и для их семей [Uggen, Stewart 2014, pp. 1875–1896]. Этот тезис также подтверждает существенное снижение семейно-патерналистских функций в период отбывания несовершеннолетним лицом уголовного наказания.

Серьезными факторами, которые препятствуют конструктивному налаживанию и (или) поддержанию позитивных семейных связей с несовершеннолетним родственником, отбывающим уголовное наказание, связанное с изоляцией от общества, выступают, во-первых, снижение эмоциональной активности посетителя исправительного учреждения (в основном в первые несколько посещений) либо нарушение стабильности эмоционального контакта с осужденным, вызванное объективной спецификой карцеральной среды; во-вторых, действие так называемого кодекса осужденного, суть которого заключается в осмысленном занижении транслируемой информации об условиях отбывания наказания и собственном эмоционально-психологическом состоянии. Данные факторы порождают социальный оксюморон воспитательной колонии как «плохого родителя» – удельное возрастание общественного присутствия в различных областях функционирования исправительных учреждений обусловливает смягчение условий содержания осужденных и повышение транспарентности уголовно-исполнительной системы, но затем снижение работоспособности механизмов реагирования на системные факты нарушений режима, что объясняется процессом концентрации в местах лишения свободы криминально более запущенных осужденных, для которых либерализация исполнения наказания нередко ведет к вседозволенности и демонстрирует неэффективность традиционных средств исправления.

При анализе проблемы родительской заботы и репрезентативных контактов с точки зрения выполнения роли семьи в воспитании ребенка, оказавшегося в местах изоляции от общества, обнаруживается частный социальный феномен. Он зародился на стыке социально-психологических и пенальных практик, обладает всей полнотой социальных свойств, отражает определенную модель взаимодействия людей и базируется на корреляции соответствующих социальных институтов. Его суть состоит в том, что, с одной стороны, ослабление роли семьи в данной сфере уголовно-исполнительных отношений является результатом беспо-

[1] URL: worldcongress.pl/docs/ru/pdf/13.pdf (дата обращения: 17.07.2020).

[2] Howard League for Penal Reform. URL: https://howardleague.org/blog/addressing-the-welfare-needs-of-children-living-in-residential-care-in-the-youth-court/ (дата обращения: 17.07.2020).

мощности родителей, которая, как правило, формируется еще до осуждения несовершеннолетнего члена семьи, и четко обозначаются в период отбывания им наказания, с другой стороны, степень родительской ответственности в этих отношениях есть продукт общих представлений отца и (или) матери о патерналистской роли государства – чем меньше желание и намерение оказывать соответствующую помощь сыну или дочери, отбывающим уголовное наказание, тем слабее уверенность в способности государства поддержать такую семью в сложившейся ситуации. Не случайно в специальном исследовании, посвященном травматическим факторам, переживаемым семьями несовершеннолетних, осужденных за убийства, констатируется, что «все обследованные несовершеннолетние осужденные сами являются жертвами травматичных событий в своих собственных семьях» [Хачатурян, Абдурасулова 2017, с. 210]. В свою очередь М. М. Бабушкин и Л. И. Кундозерова, исследуя несовершеннолетних, отбывающих наказания в воспитательных колониях, отмечают следующее: «Полученные в ходе анализа анкет данные о составе семьи несовершеннолетнего осужденного, а также характере взаимоотношений между ее членами свидетельствуют о неблагополучии, а порой и о глубоком кризисе, переживаемом значительной частью семей, в которых воспитывались подростки» [Бабушкин, Кундозерова 2016, с. 161].

Несовершеннолетние осужденные обладают лиминальным возрастом, они находятся в пороговом персонально-личностном состоянии, что наиболее выраженно и симптоматично показывает подростковые поведенческие трансформации (причем с существенными гендерными особенностями [Granja 2016, p. 278–286]), подчеркивает специфику применения соответствующих социальных механизмов обращения с ними и высвечивают эмоциональные барьеры, с которыми сталкиваются члены семьи. Мы солидарны с Дэниелем Маккарти (Daniel McCarthy) и Марией Адамс (Maria Adams), которые пытаются выявить «способы наилучшей поддержки лиц, осуществляющих родительский уход в ранние сроки, задолго до тюремного заключения, а не полагаться на последующее посещение исправительных учреждений, другие инициативы и методы по удовлетворению потребностей лиц, осуществляющих уход, и других членов семьи» [McCarthy, Adams 2019, p. 103]. Как было контекстуально отмечено, требуется учитывать существенные гендерные особенности несовершеннолетних, поскольку данная специфика накладывает свой отпечаток на реализацию родительской заботы за лицами женского пола. Как верно подчеркивают Авниш Бхатт (Avnish Bhatt) и Раджеш Бахугуна (Rajesh Bahuguna), тюрьмы и камеры, как правило, предназначены для мужчин, тогда как на практике женщины требуют больших гарантий и внимания [Bhatt, Bahuguna 2019, pp. 167–168]. Кроме того, обращает на себя внимание дело, которое рассматривалось в Верховном Суде США в 2005 г. «Ропер против Симмонса» (Roper v. Simmons), в котором суд опирался на данные социальных наук о незрелости развития несовершеннолетних, чтобы сделать вывод о том, что они менее виновны и более склонны к исправлению, чем взрослые преступники[1]. В современных научных исследованиях относительно уголовно-правовых притязаний к несовершеннолетним преступникам в судебных системах США и Европы указывается, что общественное восприятие, по-видимому, еще больше отошло от карательных взглядов, наблюдаемых в 1990-е гг. [Allen, Trzcinski, Kubiak 2012, pp. 97–98]. В Российской Федерации обнаруживаются подобные тенденции, что вызывает научный интерес в разрезе рассматриваемой нами проблемы и динамично распространяющейся социально-правовой закономерности усиления процесса судебного контроля над исправительными учреждениями и различными правами осужденных со стороны Европейского суда по правам человека.

В целом правоприменительная практика демонстрирует целесообразность задействования дополнительных ресурсов для эффективного исправительного воздействия на несовершеннолетнего осужденного. Одним из таких ресурсов выступает участие родителей и (или) близких родственников в воспитательной работе с несовершеннолетним осужденным.

Упоминая лиминальный возраст, нельзя обойти вниманием отдельные проявления молодежной субкультуры, например использование киберпространства виртуальной социализирующей среды с помощью компьютерных игр. Так, в культурно-криминологическом смысле данные игры создают вымышленные миры наказания и тюремного заключения, которые размываются и смешиваются с реальностью противодействия преступности и карательной идеологии [Ferrell, Hayward, Young 2015]. По весьма аргументированному мнению Кевина Штейнмеца (Kevin F. Steinmetz), через изображения чудовищных форм возмездия некоторые популярные игры (например, Silent Hill) являются метафорой морального противоречия – погоня за чудовищами грозит стать чудовищной сама по себе, а попытки наказать беззаконников являются борьбой со злом. Соответственно, посредством подобных компьютерных игр жизнь подростка выходит из-под реального контроля, а приобретенная в виртуальном мире привычка оскорблять и применять насилие становится обычной моделью пове-

[1] Juvenile Law Centre. Legal Docket. Roper v. Simmons. URL: https://jlc.org/cases/roper-v-simmons (дата обращения: 20.07.2020).

дения и в реальной действительности [Steinmetz 2018, pp. 283–284]. Важно иметь в виду и то обстоятельство, что социальность повседневной жизни транспонируется в мир воображаемых событий, и таким образом происходит слияние виртуальных образов подросткового мышления с его когнитивной деятельностью. Ведь когда несовершеннолетний видит в акте применения физического воздействия героический поступок, то насилие легко может экстраполироваться с видеоигры в реальную действительность. Данная среда реализации потребностей развивающейся личности может носит и позитивный характер [Малый, Иноземцева 2017], но ее действие способно осложнять коммуникацию делинквентного подростка с семьей, значительно препятствуя позитивным контактам в период отбывания несовершеннолетним осужденным уголовного наказания.

Как представляется, уголовно-исполнительное законодательство лишь отчасти регламентирует возможность реализации родительской заботы о своих несовершеннолетних детях, оказавшихся в местах лишения свободы. Так, ст. 89 УИК РФ закреплены краткосрочные и длительные свидания; ст. 134 УИК РФ – права выхода за пределы воспитательной колонии в сопровождении родителей и лиц, их заменяющих, или других близких родственников. Кроме того, согласно ст. 142 УИК РФ в целях повышения эффективности воспитательного воздействия на осужденных и оказания помощи администрации воспитательных колоний при отрядах колоний могут создаваться родительские комитеты из родителей, лиц, их заменяющих, и других близких родственников осужденных.

Однако отсутствуют кодифицированные уголовно-исполнительные нормы, регламентирующие: оказание несовершеннолетним осужденным совместной психологической помощи – родителем(ями) и профессиональным психологом; медиативные технологии и методы восстановительного правосудия; учет гендерных особенностей исполнения наказаний; формы и основное содержание общественного попечения и ряд иных положений, касающихся оптимизации правового регулирования воспитательного воздействия на несовершеннолетних осужденных с участием их родителей или близких родственников. И это несмотря на то, что в научных исследованиях уже достаточно давно указывается на необходимость всемерного правового регулирования обозначенных и уже объективно востребованных форм и методов обращения с несовершеннолетними осужденными с последующим созданием соответствующих подразделений в ФСИН России [Горкина 2019; Коробкин 2018]. В свою очередь, доктринальный проект Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации предусматривает принцип участия общества и граждан в исправлении осужденных и в обеспечении их прав и законных интересов [Селиверстов 2017, с. 87–90].

Думается, что важность (для достижения целей уголовно-исполнительного законодательства) регулирования рассматриваемых общественных отношений обусловливает необходимость закрепления правовых предписаний именно на кодифицированном уровне. Такие нормативные установления, тесно связанные с задачами и принципами уголовно-исполнительного права, должны носить общеобязательный характер и отражать единство исправительного процесса и воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными. Подзаконные правовые акты, например Правила внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы[1], обеспечивают развитие и детализацию процесса реализации кодифицированных правовых норм, не способны фиксировать «арматурные» позиции исправительно-воспитательного воздействия, поэтому они не могут закреплять базовых предписаний в области родительской заботы о несовершеннолетних детях, отбывающих уголовные наказания в виде лишения свободы.

Как справедливо отмечает В. А. Уткин, «специальные права осужденных к лишению свободы не являются ни “продолжением”, ни модификацией тех или иных конституционных положений или сходных с ними норм общеотраслевого законодательства. Эти и им подобные нормы закрепляют особые пенитенциарные права осужденных как разновидность их специальных прав как прав требования. Появление и существование таких прав зиждится не на конкретных юридических установлениях более общего характера, а на международно признанных началах гуманизма применительно к факту государственной изоляции граждан в специальных учреждениях» [Уткин 2020, с. 138]. В частности, ч. 3 ст. 16 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.[2] и ч. 1 ст. 23 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.[3] закрепляют, что «семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства». Следовательно, существуют веские основания формирования кодифицированного формата юридических основ субъективных прав несовершеннолетних осужденных на оказание им роди-

[1] Об утверждении Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 6 окт. 2006 г. № 311 // Российская газета. 2006. 18 окт.

[2] Российская газета. 1995. 5 апр.

[3] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12. С. 5–11.

тельской заботы и помощи в период отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы.

Таким образом, проблема реализации родительского патернализма о несовершеннолетних детях, отбывающих наказание в виде лишения свободы, остается не до конца исследованной, но средства ее преодоления имеют значительные правоприменительные резервы. Однако действующая регламентация рассматриваемых уголовно-исполнительных отношений во многом отражает карательную (ретрибутивную) стратегию правового воздействия на несовершеннолетнего преступника и его семью, что расходится с прогрессивными представлениями о цивилизационном характере и гуманитарном тренде отечественной уголовно-исполнительной политики. Как представляется, необходимо признать целесообразность проработки перспективных законодательных положений, усиливающих реализацию таких принципов уголовно-исполнительного законодательства, как демократизм, дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний, а также следует развивать иные основополагающие правоустанавливающие идеи, которые снижали бы уязвимость несовершеннолетних осужденных, оторванных от семьи, и ослабляли возмездный характер наказания.

Список цитируемых источников

Бабушкин, Кундозерова 2016 – *Бабушкин М. М., Кундозерова Л. И.* Характеристика несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Вестник Кузбасского института. 2016. № 4 (29). С. 160–164.

Горкина 2019 – *Горкина С. А.* Медиативные технологии в вопросах воспитательного воздействия на осужденных // Прикладная юридическая психология. 2019. № 3(48). С. 130–134.

Зауторова 2019 – *Зауторова Э. В.* Отношение несовершеннолетних осужденных женского пола к поведению и методам воспитания родителей // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 3(78). С. 300–305.

Коробкин 2018 – *Коробкин А. В.* Опыт внедрения медиативных (примирительных) технологий в работу учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и перспективы создания института пенитенциарных медиаторов в Федеральной службе исполнения наказаний // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом. Рязань : АПУ ФСИН России, 2018. С. 75–83.

Малый, Иноземцева 2017 – *Малый Д. В., Иноземцева Ю. В.* Компьютерная игра как способ социализации личности // Национальные приоритеты России. 2017. № 1. С. 68–72.

Селиверстов 2017 – Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2017. 328 с.

Уткин 2020 – *Уткин В. А.* Пенитенциарные права осужденных // Вестник Кузбасского института. 2020. № 2. С. 134–142.

Хачатурян, Абдурасулова 2017 – *Хачатурян С. Д., Абдурасулова М. Н.* Травматизация семей несовершеннолетних, осужденных за убийства // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2017. № 7. С. 202–212.

Allen, Trzcinski, Kubiak 2012 – *Allen T., Trzcinski E., Kubiak S.* Public attitudes toward juveniles who commit crimes: the relationship between assessments of adolescent development and attitudes toward severity of punishment // Crime and Delinquency. 2012. Vol. 58, no. 1. P. 78–102.

Arditti 2012 – *Arditti J. A.* Parental incarceration and the family: psychological and social effects of imprisonment on children, parents, and caregivers. New York : New York University Press, 2012. 258 p.

Bhatt, Bahuguna 2019 – *Bhatt A., Bahuguna R.* Women prisoners and human rights: the juxtaposition of rights and reality // International Journal on Emerging Technologies. 2019. Vol. 10, no. 1. P. 163–170.

Ferrell, Hayward 2015 – *Ferrell J., Hayward K.* Cultural criminology. 2nd ed. Thousand Oaks : SAGE, 2015. 304 p.

Granja 2016 – *Granja R.* Beyond prison walls: the experiences of prisoners' relatives and meanings associated with imprisonment // Probation Journal. 2016. Vol. 63, no. 3. P. 273–292.

McCarthy, Adams 2019 – *McCarthy D., Adams M.* «Yes, I can still parent. Until I die, he will always be my son»: parental responsibility in the wake of child incarceration // Punishment & Society. 2019. Vol. 21, no. 1. P. 89–106.

Steinmetz 2018 – *Steinmetz K.F.* Carceral horror: punishment and control in Silent Hill // Crime Media Culture. 2018. Vol. 14, no. 2. P. 265–287.

Turanovic, Rodriguez, Pratt 2012 – *Turanovic J. J., Rodriguez N., Pratt T. C.* The collateral consequences of incarceration revisited: a qualitative analysis of the effects on caregivers of children of incarcerated parents // Criminology. 2012. Vol. 50, no. 50. P. 913–959.

Turney, Wildeman 2015 – *Turney K., Wildeman C.* Detrimental for some? Heterogeneous effects of maternal incarceration on child wellbeing // Criminology & Public Policy. 2015. Vol. 14, no. 1. P. 125–156.

Uggen, Stewart 2014 – *Uggen C., Stewart R.* Piling on: collateral consequences and community supervision // Minnesota Law Review. 2014. Vol. 99, no. 5. P. 1871–1912.

References

Allen, T., Trzcinski, E. and Kubiak, S. (2012), "Public attitudes toward juveniles who commit crimes: the relationship between assessments of adolescent development and attitudes toward severity of punishment", *Crime and Delinquency,* vol. 58, no. 1, pp. 78–102.

Arditti, J. A. (2012), *Parental incarceration and the family: psychological and social effects of imprisonment on children, parents, and caregivers,* New York University Press, N. Y., USA.

Babushkin, M. M. and Kundozerova, L. I. (2016), "Characteristics of juvenile offenders serving their sentences in educational colonies", *Vestnik Kuzbasskogo instituta,* no. 4(29), pp. 160–164.

Bhatt, A. and Bahuguna, R. (2019), "Women prisoners and human rights: the juxtaposition of rights and reality", *International Journal on Emerging Technologies,* vol. 10, no. 1, pp. 163–170.

Ferrell, J., Hayward, K. and Young, J. (2015), *Cultural criminology,* 2nd ed., SAGE, Thousand Oaks, USA.

Gorkina, S. A. (2019), "Mediative technologies in terms of educational impact on convicts", *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya,* no. 3(48), pp. 130–134.

Granja, R. (2016), "Beyond prison walls: the experiences of prisoners' relatives and meanings associated with imprisonment", *Probation Journal,* vol. 63, no. 3, pp. 273–292.

Khachaturyan, S. D. and Abdurasulova, M. N. (2017), "Traumatizing families of minors convicted of murder", *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti,* no. 7, pp. 202–212.

Korobkin, A. V. (2018), "Experience in implementing mediation (conciliation) technologies in the work of institutions and bodies of the criminal executive system and prospects for creating an Institute of penitentiary mediators in the Federal penitentiary service", *Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy v Rossiiskoi Federatsii i za rubezhom* [Theoretical and practical problems of the development of the penal system in the Russian Federation and abroad], APU FSIN Rossii, Ryazan, Russia, pp. 75–83.

Malyi, D. V. and Inozemtseva, Yu. V. (2017), "Computer game as a way of socialization", *Natsional'nye prioritety Rossii,* no. 1, pp. 68–72.

McCarthy, D. and Adams, M. (2019), "Yes, I can still parent. Until I die, he will always be my son": Parental responsibility in the wake of child incarceration", *Punishment & Society,* vol. 21, no. 1, pp. 89–106.

Seliverstov, V. I. (ed.) (2017), *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [General part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and justifications of theoretical modeling], Yurisprudentsiya, Moscow, Russia.

Steinmetz, K. F. (2018), "Carceral horror: punishment and control in Silent Hill", *Crime Media Culture,* vol. 14, no. 2, pp. 265–287.

Turanovic, J. J., Rodriguez, N. and Pratt, T.C. (2012), "The collateral consequences of incarceration revisited: a qualitative analysis of the effects on caregivers of children of incarcerated parents", *Criminology,* vol. 50, no. 4, pp. 913–959.

Turney, K. and Wildeman, C. (2015), "Detrimental for some? Heterogeneous effects of maternal incarceration on child wellbeing", *Criminology & Public Policy,* vol. 14, no. 1, pp. 125–156.

Uggen, C. and Stewart, R. (2014), "Piling on: collateral consequences and community supervision", *Minnesota Law Review,* vol. 99, no. 5, pp. 1871–1912.

Utkin, V. A. (2020), "Penal rights of convicted persons", *Vestnik Kuzbasskogo instituta,* no. 2, pp. 134–142.

Zautorova, E. V. (2019), "Female juvenile convicts' attitude to their parents' behaviour and methods of upbringing", *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh,* vol. 24, no. 3(78), pp. 300–305.

Информация об авторе

Тепляшин Павел Владимирович,
доктор юридических наук, доцент, Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Красноярск, Российская Федерация, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация; pavlushat@mail.ru

Information about the author

Teplyashin Pavel V.,
doctor of law, associate professor,
Siberian Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russian Federation, Krasnoyarsk, the Russian Federation, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, the Russian Federation; pavlushat@mail.ru

Для цитирования

Тепляшин П. В. Родительский патернализм о несовершеннолетних детях, отбывающих наказание в виде лишения свободы: проблемные факторы, феноменологический аспект и вопросы уголовно-исполнительного регулирования // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 24–29.

For citation

Teplyashin, P. V. (2020), "Parental paternalism for underage children, serving a sentence of imprisonment: problematic factors, phenomenological aspect and issues of penal regulation", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, no. 3(56), pp. 24–29.

УДК 343.81

С. В. Шевелева[1]
Е. Н. Шатанкова[1]
[1] *Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация*

S. V. Sheveleva[1]
E. N. Shatankova[1]
[1] *South-West State University, Kursk, the Russian Federation*

Организационно-правовые основы деятельности исправительных учреждений в России*

Organizational and legal basis of correctional institutions in Russia

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; исправительное учреждение; осужденный; приговор.

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей правового регулирования системы исправительных учреждений в России на основе анализа нормативных правовых актов и данных правоприменительной практики. Авторами дана комплексная характеристика каждого вида исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы России. По результатам исследования сформулированы рекомендации по изменению уголовно-исполнительного законодательства в целях повышения эффективности работы исправительных учреждений.

Key words: the penal system; a correctional institution; a convict; a sentence.

Abstract. The article is devoted to the study of peculiarities of the legal regulation of the correctional system in Russia based on the analysis of normative legal acts and data of law enforcement practice. The authors present a comprehensive description of each type of correctional institution of the penal system of Russia. Based on the results of the study, recommendations were identified for changing the penal enforcement legislation in order to improve the efficiency of correctional institutions.

Поиск средств и методов снижения уровня преступности, в том числе и рецидивной, оптимизации процесса ресоциализации граждан, отбывших наказание в виде лишения свободы, а также повышения эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) невозможен без понимания основ функционирования ее элементов. В федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)» указывается, что мероприятия программы направлены на решение ряда задач, связанных с гуманизацией условий содержания лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, и повышение гарантий их прав и законных интересов в соответствии с международными стандартами[1].

Изучение организационно-правовых основ деятельности исправительных учреждений в России позволит выявить проблемы правового регулирования их функционирования и разработать предложения по изменению уголовно-исполнительного законодательства в целях повышения эффективности процесса исправления осужденных.

Нормативно-правовая база, определяющая систему и категории учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, представлена УИК РФ[2] и Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»[3]. Российская система исправительных учреждений отличается высокой степенью структурированности и согласно ст. 74 и 80 УИК РФ выглядит следующим образом:

– колонии-поселения;
– исправительные колонии общего режима;
– исправительные колонии строгого режима;
– исправительные колонии особого режима;
– тюрьмы;
– воспитательные колонии;
– лечебные исправительные учреждения;
– лечебно-профилактические учреждения, выполняющие функции исправительных учреждений в отношении находящихся в них осужденных;
– отдельные исправительные учреждения для бывших работников судов и правоохранительных органов.

Отечественный законодатель систематизировал правовое регулирование деятельности исправительных учреждений в зависимости от категории преступления, совершенного осужденным, и наличия (отсутствия) рецидива (в отдельных случаях имеет значение вид преступления (ч. 2, 21

*Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2020 г. № 085102020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюции личности, общества и государства».

[1] О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)» : постановление Правительства Рос. Федерации от 6 апр. 2018 г. № 420 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 16, ч. II, ст. 2374.

© Шевелева С. В., Шатанкова Е. Н., 2020

[2] Российская газета. 1997. 16 янв.

[3] Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33, ст. 1316.

ст. 58 УК РФ[1]). Исключением из правила выбора исправительного учреждения для исполнения наказания в виде лишения свободы является возможность отбывания наказания в следственном изоляторе (далее: СИЗО). Так, в ст. 74 УИК РФ определены категории осужденных, для которых возможно отбывание наказания в СИЗО. К ним относятся осужденные, оставленные для хозяйственного обслуживания с их согласия, в отношении которых приговор суда вступил в силу, ожидающие этапирования, осужденные, перемещаемые из одного места отбывания наказания в другое, осужденные, являющиеся участниками по другому уголовному делу, в порядке, установленном ст. 771 УИК РФ.

В соответствии со ст. 308 УПК РФ[2] в резолютивной части приговора при назначении наказания в виде лишения свободы суд обязан указать вид исправительного учреждения и его режим. При назначении вида исправительного учреждения суд обеспечивает дифференциацию уголовной ответственности и реализацию принципов справедливости и гуманизма, а также учитывает следующие критерии: категория преступлений, форма вины, вид назначенного наказания (на определенный срок или пожизненно), срок лишения свободы, вид рецидива преступлений, факт отбывания ранее назначенного наказания в виде лишения свободы, пол, возраст осужденного[3]. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что такое правовое регулирование обеспечивает назначение справедливого наказания[4]. Изменение вида исправительного учреждения осуществляется также только в судебном порядке.

Правила определения вида исправительного учреждения для отбывания наказания в виде лишения свободы можно условно разделить на общие и специальные. К общим правилам выбора исправительного учреждения судом относятся требования, закрепленные в ст. 58 УК РФ. Специальные правила при выборе судом вида исправительного учреждения подразумевают, что некоторые группы осужденных должны содержаться отдельно. К таким группам относятся:

– осужденные за преступления, предусмотренные ст. 126, 127.1, 205, 206, ч. 1 ст. 208, 209–211, 275, 277–279, 281, 317, ч. 3 ст. 321, ч. 2 ст. 360 УК РФ;

– осужденные при особо опасном рецидиве преступлений;

– осужденные к пожизненному лишению свободы;

– осужденные к отбыванию лишения свободы в тюрьме;

– осужденные, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы;

– бывшие работники суда и правоохранительных органов.

Подобная дифференциация исправительных учреждений, построенная на основе вида наказания, базируется на достижениях криминологической науки. Доказано, что раздельное содержание лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, а также рецидивистов от впервые осужденных к лишению свободы позволяет предотвратить негативное влияние первой группы осужденных на вторую. Не вызывают сомнения правила раздельного содержания мужчин и женщин, взрослых и несовершеннолетних, способствующие достижению конечной цели наказания – исправлению осужденного.

Более подробно остановимся на каждом из перечисленных видов исправительных учреждений.

Колонии-поселения являются исправительными учреждениями открытого типа. Это означает, что осужденные имеют право свободного передвижения по территории без сопровождения охраны, но под общим надзором администрации колонии-поселения, а также в пределах муниципального образования по месту нахождения исправительного учреждения. Кроме того, осужденные имеют право на ношение гражданской одежды, могут иметь при себе деньги, ценные вещи, причем деньгами пользуются без ограничения. Без ограничений получают посылки, передачи и бандероли; могут иметь свидания без ограничения их количества.

Принятие решения о помещении осужденного в колонию-поселение основано на принципе дифференциации: осужденные за преступления, совершенные по неосторожности, и умышленные преступления небольшой и средней тяжести отбывают наказание отдельно от лиц, совершивших преступление по неосторожности, но ранее уже отбывавших наказание в виде лишения свободы, и лиц, переведенных из исправительного учреждения.

Некоторые исследователи обращают внимание на «некий остаточный характер… правовой регламентации исполнения уголовного наказания в исправительных колониях и колониях-поселениях» [Федоров 2013, с. 13]. Действительно, в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений (далее: Правила), утвержденных приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295[5], по-

[1] Российская газета. 1996. 18–20, 25 июня.

[2] Там же. 2001. 22 дек.

[3] О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 29 мая 2014 г. № 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 7.

[4] Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 дек. 2011 г. № 1797-О-О, от 22 марта 2012 г. № 437-О-О, от 25 мая 2017 г. № 976-О, от 28 февр. 2019 г. № 572-О и др. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2020).

рядок содержания осужденных в колониях-поселениях не выделен в отдельный блок, как это сделано в отношении осужденных, отбывающих наказания в лечебно-профилактических учреждениях и лечебно-исправительных учреждениях; пребывающих в штрафном изоляторе, помещении камерного типа, едином помещении камерного типа, одиночных камерах, а также в отношении «расконвоированных» в порядке ст. 121 УИК РФ.

Главой 26 Правил определен только особый порядок предоставления осужденным, отбывающим наказание в колониях-поселениях, права проживания за ее пределами. В соответствии со ст. 179 Правил правом на проживание за пределами колонии-поселения может воспользоваться осужденный, имеющий семью. Это помещение базируется на п. «б» ч. 1 ст. 129 УИК РФ, где говорится, что осужденным, не допускающим нарушений установленного порядка отбывания наказания и **имеющим семьи**, может быть разрешено проживание со своими семьями на арендованной или собственной жилой площади, находящейся в пределах колонии-поселения или муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение. Нормативное определение понятия «семья» закреплено в Федеральном законе от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»[1]: «Семья – лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство». Таким образом, из этого следует, что семья – это не только супруги и дети, но и иные родственники: мать, брат, сестра и т. д. В связи с этим считаем целесообразным уточнить редакцию ст. 179 Правил, указав следующее: «Осужденным, не допускающим нарушений установленного порядка отбывания наказания, может быть разрешено проживание со своими ***родственниками и (или) супругом (супругой)*** на арендованной или собственной жилой площади, находящейся в пределах колонии-поселения или муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение». Соответственно, корреспондирующая ей ст. 180 Правил также подлежит редакции.

Исправительные колонии различаются по следующим видам режима: общий, строгий и особый.

Часть 4 ст. 74 УИК РФ определяет круг осужденных, которые отбывают наказание в колонии общего режима посредством перечисления исключений. В исправительных колониях общего режима содержатся мужчины, осужденные впервые за умышленные преступления небольшой, средней тяжести и тяжкие преступления. Если преступление относится к категории небольшой или средней тяжести, у суда есть обязанность мотивировать причину, по которой было назначено отбывание наказания в исправительном учреждении общего режима.

В отдельных случаях в колониях общего режима могут отбывать наказание осужденные, совершившие преступление по неосторожности. Учитывая, что для женщин предусмотрены колонии только общего режима, данная категория осужденных отбывает наказание либо в колониях-поселениях либо в колониях общего режима для женщин.

Однако, по мнению С. И. Курганова, которое мы разделяем, формулировки ч. 4 ст. 74 УИК РФ неполно и неточно определяют категорию лиц, отбывающих наказание в исправительном учреждении общего режима [Курганов 2004, с. 5–8]. Так, К. было назначено наказание в виде лишения свободы в колонии-поселении за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 264 УК РФ. Потерпевший настаивал на назначении наказания с отбыванием в колонии общего режима. В качестве оснований отбывания наказания в колонии-поселении суд указал молодой возраст К., наличие у него малолетних детей, признание вины и согласие загладить ущерб, причиненный преступлением[2]. В другом деле С., признанный виновным по ч. 4 ст. 264 УК РФ, был приговорен к наказанию в виде лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима. Отягчающих обстоятельств судом установлено не было, к смягчающим обстоятельствам суд отнес полное признание вины и раскаяние[3].

Большой резонанс в г. Курске вызвал приговор, Анпилогову В. Н., который 21 августа 2018 г., управляя своим автомобилем, где находились его жена и две дочери, столкнулся с припаркованным на обочине грузовиком. В результате аварии погибли жена и младшая дочь. Старшая дочь получила тяжелейшие травмы и до настоящего времени находится на лечении в одной из московских больниц. Ей требуются постоянный уход и дорогостоящее лечение. Близких родственников, кроме отца, у девушки не осталось. Между тем суд первой инстанции назначил Анпилогову наказание в виде реального лишения свободы сроком на два года с отбыванием наказания в колонии-поселения Тверской области. Курский областной суд оставил приговор без изменения[4].

Другой пример. Осужденному А. по ч. 1 ст. 228 УК РФ было назначено наказание в виде лишения

[1] Российская газета. 1997. 29 окт.

[2] Вилюйский районный суд (Республика Саха (Якутия). Приговор № 1-25/2016 от 11 апр. 2016 г. по делу № 1-25/2016. URL: http://vilyui.jak.sudrf.ru/ (дата обращения: 01.04.2020).

[3] Армавирский городской суд (Краснодарский край). Приговор № 1-304/2018 от 25 июня 2018 г. по делу № 1-304/2018. URL: http://armavir.krd.sudrf.ru (дата обращения: 01.04.2019).

[4] Определение Курского областного суда от 13 авг. 2019 г. Дело № 22-1025/2019. URL: sudact.ru/regular/doc (дата обращения: 01.04.2020).

свободы в колонии общего режима. Тульским областным судом как судом апелляционной инстанции было установлено, что гражданину А. было назначено наказание в виде лишения свободы за преступление небольшой тяжести с отбыванием наказания в колонии общего режима. Следовательно, наличие рецидива при обстоятельстве, что гражданин А. не отбывал ранее наказание в виде лишения свободы, в данном случае не может быть основанием для отбывания наказания в исправительном учреждении общего режима без учета обстоятельств совершения преступления, личности виновного. Судом первой инстанции в приговоре не были приведены мотивы такого решения, что является нарушением требований п. «а» ч.1 ст. 58 УК РФ. Приговор суда первой инстанции в этой части был изменен, и гражданину А. было назначено наказание в виде лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении[1].

Еще один пример. По делу Г. в качестве смягчающего обстоятельства судом было признано принесение извинений потерпевшему в последнем слове подсудимого, в связи с чем Г. было назначено наказание с его отбыванием в колонии-поселении за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ[2].

Учитывая размытость формулировок п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ, допускающей возможность отбывания наказания одной и той же категорией осужденных как в колонии-поселении, так и в колонии общего режима с той лишь разницей, что суд должен мотивированно указать выбор колонии общего режима в качестве места отбывания наказания, Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил необходимость учета «обстоятельств совершения преступления, характеристику личности виновного, в частности, количество совершенных им преступлений, их характер и степень общественной опасности (форму вины, тяжесть наступивших последствий, степень осуществления преступного намерения, способ совершения преступления, роль осужденного в нем, иные существенные обстоятельства дела); поведение до и после совершения преступления, в том числе отношение к деянию, возмещение вреда, причиненного преступлением, поведение в следственном изоляторе, в исправительном учреждении, если ранее лицо отбывало лишение свободы; наличие судимости; данные об употреблении алкоголя, наркотических и других одурманивающих средств, о состоянии здоровья, наличии иждивенцев и другие»[3]. Однако вышеприведенные примеры из судебной практики свидетельствуют о довольно поверхностном подходе к данному вопросу. Разъяснения высшей судебной инстанции также носят рамочный характер. На наш взгляд, при существующей редакции ч. 1 ст. 58 УК РФ иной подход и невозможен. Принимая во внимание факт, что условия содержания в колонии-поселении существенно отличаются от условий содержания в колонии общего режима, нечеткие формулировки закона неприемлемы. В связи с этим предлагаем авторский вариант редакции п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ: «а) лицам, осужденным за преступления, совершенные по неосторожности, а также лицам, осужденным к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшим лишение свободы, – в колониях-поселениях. ***При отсутствии смягчающих обстоятельств и наличии отягчающих обстоятельств суд назначает отбывание наказания в исправительных колониях общего режима с указанием данных обстоятельств»***. В целях единообразного понимания предложенной редакции нормы в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации целесообразно разъяснить: ***«наличие смягчающих обстоятельств является препятствием к назначению наказания в виде лишения свободы в колонии общего режима для лиц, совершивших преступление по неосторожности или умышленные преступления небольшой или средней тяжести и ранее не отбывавших наказание в виде лишения свободы»***.

В соответствии с ч. 5 ст. 74 УИК РФ в исправительных колониях строгого режима отбывают наказание мужчины, впервые осужденные к наказанию в виде лишения свободы за совершение особо тяжких преступлений; при рецидиве преступлений и опасном рецидиве преступлений, если осужденный ранее отбывал подобное наказание. Кроме того, в колонии строгого режима могут содержаться осужденные, переведенные судом за злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания из колонии-поселения (п. «а» ч. 4 ст. 78 УИК РФ); осужденные, переведенные из исправительной колонии особого режима.

Положения ч. 2 ст. 80 УИК РФ уточняют требование: осужденные при опасном рецидиве содержатся отдельно; осужденные, ранее не отбывавшие наказание, содержатся отдельно от ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы. При этом не имеет значения, погашена судимость у осужденного или нет. Сам факт отбывания на-

[1] Тульский областной суд (Тульская область). Апелляционное постановление № 22-1398/2014 от 28 июля 2014 г. по делу № 22-1398/2014. URL: http://oblsud.tula.sudrf.ru/ (дата обращения: 01.04.2020).

[2] Кинешемский городской суд (Ивановская область). Приговор № 1-36/2017 от 13 марта 2017 г. по делу № 1-36/2017. URL: http://kineshemsky.iwn.sudrf.ru/ (дата обращения: 01.04.2020).

[3] О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 29 мая 2014 г. № 9.

казания в виде лишения свободы ранее характеризует осужденного как лицо, ранее отбывавшее наказание в виде лишения свободы. Данный тезис подтверждают разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в которых указывается, что правило ч. 6 ст. 86 УК РФ не распространяется на случай принятия решения о необходимости отдельного содержания лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы[1].

Так, в Курской области в настоящее время имеются две колонии строгого режима. В одной из них отбывают наказание осужденные, совершившие особо тяжкое преступление впервые, в другой содержатся осужденные, ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы.

В соответствии с ч. 6 ст. 74 УИК РФ в исправительных колониях особого режима отбывают наказание осужденные мужчины при особо опасном рецидиве преступлений, осужденные к пожизненному лишению свободы, а также осужденные, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы на определенный срок или пожизненным лишением свободы. Согласно ч. 2 ст. 80, ст. 126 УИК РФ в исправительных колониях особого режима отдельно от других осужденных отбывают наказание осужденные к пожизненному лишению свободы, а также осужденные, которым смертная казнь в порядке помилования заменена пожизненным лишением свободы[2]. Однако ч. 6 ст. 74 УИК РФ не подразделяет колонии особого режима на два вида: для особо опасных рецидивистов и специализированные для осужденных к пожизненному лишению свободы [Борсученко 2015, с. 3].

Представляется неактуальным деление осужденных к пожизненному лишению свободы и осужденных, которым смертная казнь заменена в порядке помилования пожизненным лишением свободы, так как их правовой статус в период отбывания наказания одинаков (ч. 4 ст. 73, ч. 6 ст. 74, ч. 2 ст. 80 УИК РФ и др.) [Борсученко 2015, с. 5].

В соответствии с ч. 7 ст. 74 УИК РФ в тюрьмах отбывают наказание следующие четыре категории осужденных.

1) Осужденные к лишению свободы на срок свыше пяти лет за совершение особо тяжких преступлений. Учитывая, что указанной категории осужденных в соответствии с ч. 5 ст. 74 УИК РФ может быть назначено наказание в колонии строгого режима, Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что в тюрьме осужденный отбывает часть срока, а вид исправительного учреждения, в котором после тюрьмы он будет продолжать отбывать наказание, должен быть определен в резолютивной части приговора. «При принятии решения о назначении тюрьмы суд должен учитывать обстоятельства совершения преступления и личность подсудимого, в частности количество совершенных им преступлений, их характер и степень общественной опасности; поведение до и после совершения преступления, данные о его поведении во время отбывания лишения свободы по предыдущим приговорам»[3].

2) Осужденные к лишению свободы за совершение преступлений, предусмотренных ст. 205–205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277– 279, 281, 317, 360, 361 УК РФ. Такие осужденные не могут отбывать наказание в тюрьме менее года после зачета времени, когда лицо было заключено под стражу в качестве меры пресечения.

3) Осужденные при особо опасном рецидиве также отбывают наказание в тюрьме только часть срока. Закон не определяет размер данного срока, но если до отбывания наказания осужденный находился под стражей, то время пребывания под стражей засчитывается как период отбывания в тюрьме (ч. 2 ст. 58 УК РФ).

4) Осужденные, являющиеся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, переведенные из исправительных колоний.

С. И. Курганов справедливо отмечает следующее: «В ч. 7 ст. 74 УИК РФ говорится, что в тюрьмах отбывают наказание осужденные, переведенные из исправительных колоний. Но поскольку к исправительным колониям относятся и колонии-поселения, то точнее была бы формулировка “переведенные из исправительных колоний общего, строгого и особого режимов”» [Курганов 2006, с. 6].

Лечебные исправительные учреждения и лечебно-профилактические учреждения (далее: соответственно ЛИУ, ЛПУ) выполняют функции исправительного учреждения в отношении осужденных, больных открытой формой туберкулеза, алкоголизмом и наркоманией. Кроме того, к ЛПУ относятся специальные психиатрические больницы, в которых проходят лечение либо лица, которым назначены принудительные меры медицинского характера, либо добровольно изъявившие желание пройти лечение (разумеется, при наличии медицинских документов, подтверждающих необходимость прохождения лечения).

В ст. 56 и 58 УК РФ, закрепляющих правила выбора исправительного учреждения, а также в ч. 9 ст. 16 УИК РФ, посвященной системе учреждений и органов, исполняющих наказание в виде лише-

[1] Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 дек. 2014 г. № 93-КГ14-3. URL: https://www.vsrf.ru/(дата обращения: 01.04.2020).

[2] Решение Верховного Суда Российской Федерации от 2 апр. 2015 г. по делу № АКПИ15-37. URL: https://www.vsrf.ru/ (дата обращения: 01.04.2020).

[3] О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 29 мая 2014 г. № 9.

ния свободы, ЛПУ не упоминаются и позиционируются законодателем как учреждения, на которые возложена функция исправительного учреждения.

Несмотря на такую позицию законодателя, практика показывает, что большинство больниц, выполняющих функции исправительных учреждений, не самостоятельны и осуществляют свою деятельность при исправительных учреждениях ФСИН России.

Взгляды ученых относительно правового статуса ЛПУ довольно противоречивы. Ю. А. Кашуба и А. П. Скиба обращают внимание на тот факт, что больницы общего профиля, специальные психиатрические и туберкулезные больницы как ЛПУ в понимании ст. 101 УИК РФ самостоятельны [Кашуба, Скиба 2006, с. 44–48]. Однако позднее А. П. Скиба приходит к выводу, что большинство больниц, выполняющих функцию исправительных учреждений, не являются самостоятельными [Скиба 2008, с. 22].

Действительно, в настоящий момент сложно однозначно ответить на вопрос о том, являются ли самостоятельными больницы, на которые возложена функция исправительных учреждений. В качестве исправительных учреждений в ст. 74 УИК РФ законодатель упоминает ЛИУ. Положения ч. 2 ст. 101 УИК РФ предусматривают три вида медицинских учреждений: ЛПУ, ЛИУ и медицинские части. Последние осуществляют медицинское обслуживание осужденных и не предполагают амбулаторного или стационарного лечения в них, кроме оказания первичной медико-санитарной помощи в стационарных условиях. ЛПУ оказывают медицинскую помощь в стационарных условиях. ЛИУ осуществляют амбулаторное лечение (п. 5 Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы[1]). Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации не дают четкого понимания правового статуса ЛИУ. По смыслу п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» под ЛИУ понимаются любые медицинские подразделения, входящие в УИС, однако при назначении наказания суд должен назначить вид исправительного учреждения в соответствии со ст. 58 УК РФ. Очевидно, что в данном вопросе требуется законодательное решение.

Воспитательные колонии являются исправительными учреждениями особого вида и в соответствии со ст. 9 ст. 74 УИК РФ предназначены для несовершеннолетних, которые были осуждены к лишению свободы, а также осужденных, оставленных в воспитательной колонии до 19 лет. С целью урегулирования вопросов, связанных с единообразием выбора исправительного учреждения для лиц, которым во время отбывания наказания исполняется 18 лет, в воспитательных колониях могут быть созданы изолированные участки, функционирующие как исправительные колонии общего режима. При отрицательной характеристике осужденного, достигшего 18 лет, он переводится в колонию общего режима для дальнейшего отбывания наказания.

В настоящее время деление воспитательных колоний по видам режима не предусмотрено. До 2001 г. в России существовало два вида режима колоний для несовершеннолетних: общий и усиленный[2]. Полагаем, что упрощение законодательства в виде отмены деления воспитательных колоний по видам режима не является полезным. Ученые также сходятся во мнении, что упразднение градации режимов при отбывании наказания приводит к ряду проблем на практике. Фактически во время отбывания наказания происходит объединение несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы впервые, с теми, кто уже ранее отбывал наказание в виде лишения свободы, а также осужденных за преступления разной степени тяжести. Следовательно, создается потенциальная опасность негативного влияния отрицательно характеризующихся осужденных на остальных осужденных, что обусловливает появление в воспитательной колонии у несовершеннолетних элементов криминальной субкультуры[3].

Полагаем, что данную проблему можно решить путем законодательного закрепления возможности создания изолированных участков внутри воспитательной колонии, где будут отбывать наказание в виде лишения свободы несовершеннолетние, отбывающие подобное наказание не в первый раз. В настоящее время изолированные участки могут создаваться для лиц, достигших совершеннолетия в процессе отбывания наказания (ч. 9 ст. 74 УИК РФ). В связи с этим предлагаем дополнить ч. 9 ст. 74 УИК РФ фразой следующего содержания: ***«Лица, отбывающие лишение свободы повторно, содержатся отдельно от лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы впервые, в изолированных участках, специально созданных для данной группы осужденных».*** Такое предложение получи-

[1] Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы : приказ Минюста России от 28 дек. 2017 г. № 285. URL: https://base.garant.ru/71874866/ (дата обращения: 26.05.2020).

[2] Исправительно-трудовой кодекс РСФСР. Ст. 76 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1970. № 51, ст. 1220.

[3] Пояснительные материалы по содержанию Международной научно-практической конференции «Воспитательный центр для содержания несовершеннолетних осужденных: актуальные проблемы реализации концептуальной модели» (Вологда, 2–3 дек. 2010 г.) // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 1. С. 27–29.

ло поддержку среди сотрудников УФСИН России по Курской области, о чем свидетельствуют результаты интервьюирования 29 респондентов.

На основании вышеизложенного можно заключить, что система исправительных учреждений на настоящий момент является устойчивой. В целом законодатель надлежащим образом предусмотрел организационно-правовые механизмы деятельности исправительных учреждений, с помощью реализации которых возможно достижение целей наказания. Между тем в данной области существуют еще определенные проблемы и противоречия.

Во-первых, возможность проживания с семьей за пределами колонии-поселения ставит в неравное положение тех положительно зарекомендовавших себя осужденных, которые не имеют супруга (супругу) и (или) детей. Для разрешения этой проблемы нами предложена уточненная редакция соответствующей нормы Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений.

Во-вторых, неоднозначная судебная практика показывает, что при назначении отбывания наказания не в колонии-поселении, а в колонии общего режима суды, в силу неточности формулировки п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ, по-прежнему игнорируют требование об указании мотивов принятия решения. В этой связи представляется целесообразным уточнить редакцию п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ.

В-третьих, до сих пор в науке уголовно-исполнительного права до конца не определена степень самостоятельности ЛПУ, на которые возложена функция исправительных учреждений.

В-четвертых, считаем отрицательной тенденцией упразднение видов режима в воспитательных колониях, в связи с чем полагаем целесообразным создание изолированных участков в воспитательных колониях для осужденных к наказанию в виде лишения свободы повторно.

Все обозначенные проблемы нуждаются в дальнейшем научном обсуждении и представляют собой направления для совершенствования системы исправительных учреждений в России.

Список цитируемых источников

Борсученко 2015 – *Борсученко С.* Нужен ли новый УИК? // ЭЖ-Юрист. 2015. № 11.

Кашуба, Скиба 2006 – *Кашуба Ю. А., Скиба А. П.* О статусе лечебных учреждений Федеральной службы исполнения наказаний России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 3. С. 43–48.

Курганов 2006 – *Курганов С. И.* Герменевтика Уголовно-исполнительного кодекса РФ // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 3. С. 5–8.

Скиба 2008 – *Скиба А. П.* Пенитенциарные больницы: организационно-правовые аспекты развития // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 5. С. 18–22.

Федоров 2013 – *Федоров С. Г.* Характеристика назначения колоний-поселений: правовой анализ // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 2. С. 9–13.

References

Borsuchenko, S. (2015), “Do we need a new PEC?”, *EZh-Yurist,* no. 11.

Kashuba, Yu. A. and Skiba, A. P. (2006), “On the status of medical institutions of the Federal penitentiary service of Russia”, *Ugolovno-ispolnitel’naya sistema: parvo, ekonomika, upravlenie,* no. 3, pp. 43–48.

Kurganov, S. I. (2006), “Hermeneutics of the Criminal executive code of the Russian Federation”, *Ugolovno-ispolnitel’naya sistema: parvo, ekonomika, upravlenie,* no. 3, pp. 5–8.

Skiba, A. P. (2008), “Penitentiary hospitals: organizational and legal aspects of development”, *Ugolovno-ispolnitel’naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie,* no. 5, pp. 18–22.

Информация об авторах

Шевелева Светлана Викторовна,
доктор юридических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация; decan46@yandex.ru
Шатанкова Елена Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация; shatankova.elena@mail.ru

Information about the authors

Sheveleva Svetlana V.,
doctor of law, associate professor, South-West State University, Kursk, the Russian Federation; decan46@yandex.ru
Shatankova Elena N.,
PhD (law), associate professor, South-West State University, Kursk, the Russian Federation; shatankova.elena@mail.ru

Для цитирования

Шевелева С. В., Шатанкова Е. Н. Организационно-правовые основы деятельности исправительных учреждений в России // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 30–36.

For citation

Sheveleva, S. V. and Shatankova, E. N. (2020), “Organizational and legal basis of correctional institutions in Russia”, Vestnik *Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 30–36.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

ACTUAL ISSUES OF THE RUSSIAN LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICES

УДК 347.9

М. А. Агаларова[1]
М. Д. Малькова[1]
[1]*Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королёва, Самара, Российская Федерация*

M. A. Agalarova[1]
M. D. Mal'kova[1]
[1]*Korolev Samara National Research University, Samara, the Russian Federation*

Формы злоупотребления процессуальным правом при несостоятельности (банкротстве)

Forms of abuse of procedural law in insolvency (bankruptcy)

Ключевые слова: банкротство; злоупотребление процессуальным правом; формы злоупотреблений процессуальным правом; несостоятельность; добросовестность; субъективные процессуальные права; арбитражный процесс.

Аннотация. Развитие рыночной экономики немыслимо без механизма банкротства, стабилизирующего гражданский оборот. Однако все чаще встречаются случаи, когда недобросовестные участники гражданских правоотношений злоупотребляют предоставленными им законом правами в целях удовлетворения собственных притязаний. Такие действия могут быть выражены в том числе в злоупотреблении процессуальными правами. К настоящему моменту комплекс теоретических вопросов, связанных со злоупотреблением правом в производстве по делам о банкротстве, остается практически малоисследованным, что свидетельствует об актуальности заявленной темы. Целью настоящей статьи является анализ отдельных злоупотреблений процессуальным правом в производстве по делам о банкротстве, а также поиск средств, препятствующих такому явлению. В качестве методов научного исследования были применены общенаучные (анализ, синтез, индукция дедукция) и частнонаучные (формально-юридический, исторический, сравнительно-правовой) методы. Предметом исследования выступили нормы арбитражного процессуального законодательства, а также процессуальные положения законодательства о несостоятельности (банкротстве). Научная новизна исследования заключается в том, что авторами обоснована самостоятельность производства по делам о банкротстве, изложен свой подход к пониманию злоупотребления процессуальным правом, сформулирован неисчерпывающий перечень средств, препятствующих злоупотреблению правом, отдельно исследуются формы злоупотребления процессуальным правом при банкротстве, возникающие как до возбуждения дела, так и после, и приводится судебная практика по каждому отдельному злоупотреблению, а также обоснована позиция о необходимости установления повышенного стандарта доказывания в данной категории дел.

Key words: bankruptcy; abuse of procedural law; forms of abuse of procedural law; insolvency; good faith; subjective procedural rights; arbitration process.

Abstract. The development of a market economy is beyond belief without a bankruptcy mechanism that stabilizes civil turnover. However, there are more and more cases when unscrupulous participants in civil legal relations abuse the rights granted to them by law in order to satisfy their own claims. Such actions may include abuse of procedural rights. By now, the set of theoretical issues related to the abuse of law in bankruptcy proceedings remains almost unknown, which indicates the relevance of the stated topic. The purpose of this article is to analyze individual abuses of procedural law in bankruptcy proceedings, as well as to find ways to prevent such a phenomenon. General scientific (analysis, synthesis, induction of deduction) and private scientific (formal-legal, historical, comparative-legal) methods were used as methods of scientific research. The subject of the study was the norms of arbitration procedural legislation, as well as procedural provisions of the law on insolvency (bankruptcy). The scientific novelty of the research consists in the fact that the authors substantiate the independence of bankruptcy proceedings, set out their own approach to understanding the abuse of procedural law, formulated a non-exhaustive list of means to prevent the abuse of law, separately investigate the forms of abuse of procedural law in bankruptcy, arising both before the initiation of the case, and after, and provides court practice for each individual abuse, it also justifies the position that it is necessary to establish an increased standard of proof in this category of cases.

Злоупотребление правом представляет собой важнейшую категорию российского права. Являясь универсальным юридическим термином, нормы о недопустимости злоупотреблений можно встретить в различных отраслях, в том числе публичных. Так, в Уголовно-процессуальном ко-

© Агаларова М. А., Малькова М. Д., 2020

дексе Российской Федерации прямо не установлен запрет на злоупотребление правом, однако его можно вывести из содержания норм кодекса, например, в случае, если обвиняемый и его защитник явно затягивают сроки ознакомления с материалами дела, то им на основании судебного решения может быть установлен конкретный срок на изучение (ст. 217). В рамках налоговых правоотношений принцип добросовестности и запрет на злоупотребление правом также можно наблюдать, если обратиться к постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды», где есть разъяснения относительно того, что при рассмотрении налоговых споров судам следует исходить из презумпции добросовестности налогоплательщиков и иных участников налоговых правоотношений[1]. Исходя из этого, можно заключить, что действия налогоплательщика по уменьшению налоговой обязанности экономически оправданны, пока не доказано иное, т. е. не выявлена необоснованная налоговая выгода, представляющая злоупотребление правом. Вместе с тем наиболее детально вопросы, посвященные заведомо недобросовестному поведению, исследовались в сфере гражданского права, в частности, ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее: ГК РФ), устанавливая пределы осуществления гражданских прав, закрепляет важнейшие постулаты всего частного права: добросовестность, разумность и запрет злоупотребления правом. Именно эти три максимы выступают своего рода мерилом поведения участников гражданских правоотношений, где под добросовестностью понимается такое поведение участника гражданского оборота, которое учитывает не только свои собственные права и законные интересы, но и интересы других субъектов, при одновременном оказании содействия друг другу в достижении поставленных целей[2]. Обратное будет расцениваться как недобросовестное осуществление гражданских прав, т. е. злоупотребление правом, под которым в науке понимается особое гражданское правонарушение, совершаемое управомоченным лицом при осуществлении своего субъективного права и заключающееся в намеренном использовании им таких способов его осуществления, которые противоречат социальному назначению права и причиняют вред другому лицу [Покровский 2013, с. 107–119].

Следует отметить, что конструкция злоупотребления правом имеет место не только в сфере материально-правовых отношений, но и процессуальных. В науке процессуального права учеными исследовались вопросы, связанные с недобросовестным поведением в гражданском и арбитражном процессах. Так, профессор Е. В. Васьковский понимал злоупотребление процессуальным правом как осуществление прав тяжущимися для достижения целей, не согласных с целью процесса – правильным и скорым разрешением дел [Васьковский 1915]. По определению Т. П. Подшивалова, злоупотребление процессуальным правом – это любые действия участников судебного процесса, которые не служат целям разрешения спора [Подшивалов 2014]. В свою очередь А. В. Юдин рассматривает исследуемую процессуальную конструкцию в качестве особой разновидности гражданского процессуального правонарушения, состоящую в противоправном, недобросовестном и ненадлежащем использовании лицом, участвующим в деле (его представителем), принадлежащих ему процессуальных прав, выразившуюся в виновных процессуальных действиях (бездействии), внешне отвечающих требованиям гражданских процессуальных норм, но совершаемых с корыстным или личным мотивом (сутяжничество, личная неприязнь и т. п.), причиняющую вред интересам правосудия по гражданским делам и (или) интересам лиц, участвующих в деле (процессуальная шикана), либо в качестве недобросовестного поведения в иных формах, влекущего за собой применение мер гражданского процессуального принуждения [Юдин 2005, с. 45]. Полагаем, что о злоупотреблении процессуальным правом можно говорить только тогда, когда имеет место заведомо недобросовестное поведение субъекта процессуальных отношений. Иначе говоря, когда действия (бездействие) лица умышленно преследуют иную цель, нежели ту, которая закреплена в правовой норме. Кроме того, злоупотребление процессуальным правом имеет место не только в форме действия, но и бездействия. Например, заведомое неполучение лицом, участвующим в деле, судебного извещения с тем, чтобы в дальнейшем при пересмотре судебного акта сослаться на ненадлежащее уведомление как на основание для отмены решения. Считаем обоснованным, что злоупотреблять процессуальными правами могут не только лица, участвующие в деле, но и лица, которые пока таковыми не являются (потенциальные субъекты). Такие злоупотребления могут быть выражены в форме инициирования производства по делу, в частности в умышленном изменении подсудности спора (как составляющей компетенции).

[1] Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.

[2] О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 // Российская газета. 2015. 30 июня.

В доктрине также можно встретить различные классификации злоупотреблений процессуальными правами [Юдин 2006, с. 25–32]. Н. А. Шебанова предлагает выделять две разновидности злоупотреблений в гражданском судопроизводстве, где первая – это злоупотребления процедурой разрешения спора, в состав которых входят злоупотребления истца правом на иск или ответчика правом на защиту от иска, а вторая разновидность – злоупотребления отдельными процессуальными правами [Шебанова 2002, с. 49]. В зависимости от стадии гражданского процесса, злоупотребления могут быть совершены в суде первой, апелляционной, кассационной, надзорной инстанций, а также при пересмотре судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Согласно положениям Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее: АПК РФ, ГПК РФ) установлено, что лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами (ст. 41 АПК РФ, ст. 35 ГПК РФ). Обращаем внимание, что законодателем использована категория «долженствования», а не «обязывания». Из этого следует: в основу построения процесса положена возможность выбора модели поведения, а не обязанность, что полностью соответствует принципу состязательности. Однако необходимо помнить, что лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий. В этой связи АПК РФ в ст. 111 и 159 дополнительно предусматривает запрет злоупотребления предоставленными законом процессуальными правами, нарушение которого влечет неблагоприятные последствия: отнесение всех судебных расходов на лицо, злоупотребившее правом, отказ в удовлетворении заявления или ходатайства и иные. Установление законодателем в нормах процессуального права такого запрета является одним из показателей правовой культуры, а точнее, культуры правотворческой и правоприменительной. Однако даже установленные законом санкции не могут в полной мере контролировать поведение участников процессуальных отношений. Нередко лица в самых различных целях злоупотребляют предоставленными им правами, реализуя последние не в соответствии с их истинным назначением. Подобное поведение не только нарушает права иных участников процесса, но и дестабилизирует осуществление правосудия судами в отдельных видах производств, что приводит к нарушению основополагающих установок процессуального права.

Наибольший интерес вызывают споры о признании лица банкротом, так как они относятся к числу самых распространенных дел, рассматриваемых арбитражными судами. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, только за 2017 г. число поступивших заявлений о признании лица несостоятельным составило 79 358, за 2018 г. количество предъявляемых заявлений – 95 820[1].

Самостоятельность производства по делам о банкротстве как отдельного вида производства в арбитражном процессе является дискуссионной. Некоторые ученые высказывают мнение, что дела о банкротстве не представляют самостоятельного вида производства, а являются разновидностью особого производства [Попов 2004]. В доктрине можно встретить позицию, согласно которой такие дела являются делами искового производства, а после введения соответствующей процедуры банкротства все действия суда представляют собой ликвидационный процесс как составляющую часть исполнительного производства [Мусин, Чечина, Чечет 2000, с. 459]. Существует мнение, что производство по делам о несостоятельности – это некий синтез особого и искового производств [Фурсов 2000, с. 23]. Такая позиция обосновывается тем, что разрешение дела о банкротстве проходит в несколько этапов: устанавливается факт несостоятельности должника, а затем разрешается спор о праве между кредиторами и должником по поводу имущества последнего. Другая точка зрения сводится к тому, что по своей правовой природе производство по делам о банкротстве нельзя причислить ни к особому, ни к исковому производству, так как это новый вид производства [Карелина 2006, с. 13–23]. Такая позиция, на наш взгляд, в наиболее полной мере отражает сущность дел о несостоятельности (банкротстве).

Производство по делам о банкротстве имеет достаточное количество отличительных черт. Во-первых, это увеличенный срок рассмотрения дела, по сравнению с общим шестимесячным сроком, установленным в ст. 152 АПК РФ. Согласно ст. 51 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее: Закон о банкротстве) срок рассмотрения дела не должен превышать семи месяцев с даты поступления заявления о признании должника банкротом[2]. Во-вторых, круг субъектов по такой категории дел достаточно широк. Так, согласно ст. 34 Закона о банкротстве к лицам, участвующим в деле, отнесены не только должник и конкурсные кредиторы, но и арбитражный управляющий, уполномоченные органы, лицо, предо-

[1] Статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79/ (дата обращения: 15.01.2020).

[2] Российская газета. 2002. 2 нояб.

ставившее обеспечение для проведения финансового оздоровления, и иные. Дополнительно Закон о банкротстве выделяет и лиц, участвующих в арбитражном процессе по делу о несостоятельности. В-третьих, это отсутствие предварительного судебного заседания как этапа рассмотрения дела о несостоятельности (банкротстве)[1], но обязательное проведение судебного заседания по проверке обоснованности поданного заявления. В-четвертых, суд при рассмотрении дел о несостоятельности наделен широкими полномочиями: организационными, контрольными и управленческими. В-пятых, это построение самого процесса, где в рамках требования о признании должника банкротом, арбитражным судом рассматриваются еще и обособленные споры. Последняя отличительная черта позволила ученым назвать этот вид производства «консолидированный» [Карелина 2019, с. 483]. Все изложенные особенности дают возможность нам сделать вывод о самостоятельности производства по делам о несостоятельности (банкротстве).

Довольно часто в процессе рассмотрения банкротных споров арбитражные суды стакиваются с заведомо недобросовестным осуществлением предоставленных законом прав. Причем формы такого недобросовестного поведения находят свое отражение не только в плоскости материального права (сделка, вывод активов, погашение задолженности третьим лицом и иные), но и процессуального. Подобное поведение продиктовано наличием разнонаправленных интересов, а именно: у должника – защита собственных активов и освобождение от долгового бремени, у кредитора – получение максимально возможного имущественного удовлетворения в условиях «конкурса» с другими кредиторами и ограниченности ликвидного имущества должника. Именно наличие таких противоположных интересов порождает правовой эгоизм, внешне воплощающийся в недобросовестном поведении участников процесса [Егоров 2013, с. 9].

Злоупотребления процессуальным правом в процессе банкротства многообразны и неоднородны. В целях их дифференциации предлагаем их разграничить на две формы: злоупотребления, совершаемые до возбуждения производства по делу, и злоупотребления, имеющие место с момента возбуждения дела.

Злоупотребления, совершаемые до возбуждения производства по делу. Возможность лица, еще не участвующего в деле, злоупотребить процессуальным правом является дискуссионным вопросом. По мнению Т. П. Подшивалова, такая возможность есть только у лица, участвующего в деле, статус которого приобретается с момента принятия искового заявления (заявления) [Подшивалов 2014, с. 20]. Такая позиция вызывает возражения. Часто недобросовестность действий проявляется уже в момент инициирования производства по делу. Применительно к возбуждению дела о банкротстве субъектам, упомянутым в ст. 7 Закона о банкротстве, необходимо обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом. Практике арбитражных судов известны случаи, когда должник с целью уклонения от выполнения принятых на себя денежных обязательств, обращается с заявлением о признании себя несостоятельным. Заметим, что злоупотребления, связанные с инициированием данного вида производства, имеют место не только на стороне должника, но и на стороне кредитора, когда последний, будучи «дружественным» к должнику, инициирует процедуру банкротства с целью последующей передачи присужденного имущества «банкроту». Не исключены случаи подачи заявления в целях получения контроля в деле. В этой связи в 2017 г. Арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области рассмотрел заявление общества с ограниченной ответственностью (далее: Кредитор) о признании должника – гражданина (далее: Должник) банкротом. Как следовало из материалов дела, в 2010 г. между двумя обществами с ограниченной ответственностью (далее: ООО-1 и ООО-2) был заключен договор финансовой аренды. В обеспечение исполнения обязательств ООО-1 Должник заключил договор поручительства с ООО-2. Кредитором же в 2013 г. был заключен договор цессии с ООО-2, в соответствии с которым к Кредитору перешли права требования как к ООО-1, так и к Должнику. В 2014 г. ООО-1 (в октябре) и ООО-2 (в декабре) были признаны несостоятельными. Причем Кредитор в деле о банкротстве ООО-1 не предпринял никаких мер по установлению своего требования, не воспользовался правом на обращение в суд, несмотря на наличие права требования к последнему в соответствии с заключенным договором цессии. Как впоследствии выяснилось, участник Кредитора и одновременно бывший генеральный директор, а также бывшие руководители ООО-2 в одно и то же время в 2011–2012 гг. работали в ООО-1. В связи с этим указанные лица не могли не знать о возможностях исполнения ООО-1 взятых на себя обязательств, а также о сомнительности оплаты уступленного права Кредитором. Арбитражный суд, исходя из этого и опираясь на исследованные доказательства, оставил заявление без рассмотрения, поскольку был установлен факт злоупотребления

[1] О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации : информ. письмо Президиума Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации от 13 авг. 2004 г. № 82 // Вестник ВАС РФ. 2004. № 10.

процессуальным правом, направленный на получение контроля в деле о банкротстве Должника[1].

Следующая форма злоупотребления процессуальным правом до возбуждения дела о банкротстве – это умышленное изменение подсудности (как составляющей компетенции). В судебной практике, связанной с делами о банкротстве, такая форма процессуального злоупотребления получила наименование «банкротный туризм». Суть этого явления заключается в том, что должник намеренно изменяет свой адрес или место жительства в целях обеспечения контроля над делом, а также воспрепятствования доступу к правосудию другим заинтересованным лицам, что в корне не согласуется с истинной целью данного процессуального института. Установление компетенции в делах о банкротстве преследует иную цель – создание благоприятных условий как для должника, так и всех заинтересованных лиц для правильного и своевременного рассмотрения дела. Характерно в этом плане следующее дело, рассмотренное Верховным Судом Российской Федерации в порядке кассационного пересмотра. Должником и его компаньонами в преддверии возбуждения дела о банкротстве была изменена регистрация места жительства с Москвы на Волгоградскую область. Подобные действия вызвали возражения со стороны кредиторов в связи с нарушениями правил о подсудности. Первая и апелляционная инстанции возражения кредиторов не приняли, положив в основу своих решений формальный подход, согласно которому наличие новой регистрации свидетельствует об изменении подсудности. Верховный Суд Российской Федерации с такой позицией нижестоящих судов не согласился. Он посчитал, что презумпция проживания по месту регистрации является опровержимой при условии, если заинтересованное лицо докажет, что информация, закрепленная в документах регистрационного учета, не отражает настоящего места жительства гражданина – должника. Оценив доводы всех сторон, суд кассационной инстанции пришел к выводу, что должник и его партнеры по бизнесу для формального создания видимости, а также препятствования активной деятельности кредиторов намеренно изменили адрес регистрации[2].

Отметим, что «банкротный туризм» дестабилизирует осуществление правосудия по таким делам, что особенно отражается на кредиторах. Ведь территориальная удаленность арбитражного суда мешает им вступить в процесс. Как следует из норм Закона о банкротстве, кредиторами могут выступать слабые субъекты гражданского оборота – работники, в том числе бывшие, имеющие требование о выплате заработной платы или выходных пособий. Должник же, изменяя умышленно свой адрес или место жительства, тем самым лишает заинтересованных лиц права на судебную защиту, поскольку для того чтобы вступить в уже начавшийся процесс, необходимо дополнительно понести расходы, связанные с оплатой проезда к месту рассмотрения дела, проживания, и иные. Не случайно вероятность появления иных заинтересованных лиц в таких случаях крайне мала, а значит, цель должника – обеспечение контроля над делом – достигнута.

Исходя из этого, представляется отчасти верным подход Верховного Суда Российской Федерации, согласно которому презумпция проживания или нахождения по месту регистрации является опровержимой. Однако если должник изменил регистрацию незадолго до возбуждения дела о банкротстве, полагаем, что бремя доказывания должно быть переложено на должника, а не на заинтересованных лиц. Именно должник должен доказать, что подсудность изменена не с целью навредить кредиторам, а ввиду смещения центра экономических интересов, если должник – юридическое лицо, или наличия объективных обстоятельств для переезда, перевода или трудоустройства на другую работу, если должником выступает гражданин.

Злоупотребления, имеющие место с момента возбуждения дела:

1) заявление надуманных, необоснованных ходатайств, связанных с отложением судебного заседания, объявлением перерыва или отводов составу суда[3]. Такие заведомо недобросовестные действия влекут за собой затягивание сроков рассмотрения дела. Одной из целей подобных ходатайств является вывод активов до введения ликвидационной процедуры;

2) принятие мер по обеспечению требований кредиторов и интересов должника. Статьей 91 АПК РФ предусмотрен открытый перечень обеспечительных мер, направленных на обеспечение имущественных интересов как кредиторов, так и должника. Однако недобросовестные заявители используют предоставленное им право в иных целях. Так, в одном из банкротных дел арбитражным судом рассматривался вопрос о принятии обеспечительных мер в виде запрета кредиторам организовывать и проводить собрания кредиторов должника до утверждения конкурсного управляющего. Арбитражный суд усмотрел в действиях заявителя недобросовест-

[1] Определение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 29 сент. 2017 г. по делу № А56-78752/2015. URL: https://ras.arbitr.ru. (дата обращения: 17.01.2020).

[2] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 июля 2019 г. № 306-ЭС19-3574. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Определение Арбитражного суда Республики Карелия от 12 дек. 2017 г. по делу № А26-2527/2016. URL: https://ras.arbitr.ru (дата обращения: 17.01.2020).

ность ввиду того, что подобная мера может привести к неоправданному затягиванию сроков проведения процедуры банкротства[1]. На наш взгляд, такие действия не являются допустимой мерой по обеспечению требований кредиторов и интересов должника. Представляется, что установление такого запрета в качестве одной из обеспечительных мер, противоречит смыслу последних, имеющих целью защиту интересов заявителя, а не лишение других лиц возможности осуществлять свои права, предоставленные им Законом о банкротстве;

3) возмещение судебных расходов на оплату услуг представителя. Статьей 110 АПК РФ закреплено право лица, в пользу которого состоялся судебный акт на возмещение понесенных расходов на оплату услуг представителя с другого лица, участвующего в деле. Эта норма представляет собой одну из гарантий защиты прав путем восстановления положения, существовавшего до возникновения необходимости обращения в суд за защитой своих прав. Однако последнее не означает, что судебные расходы будут взысканы с проигравшей стороны в полном размере. Дополнительно АПК РФ предъявляет требование о разумности взыскиваемых расходов. Тем не менее в некоторых случаях значение имеет не только требование о разумности взыскиваемых сумм, но и добросовестность участников процессуальных отношений. В этом аспекте представляется интересным определение Арбитражного суда г. Москвы. Рассмотрению подлежало ходатайство финансового управляющего о взыскании в его пользу судебных расходов на оплату услуг представителя в размере 50 000 руб. Как следовало из материалов дела, не согласившись с определением арбитражного суда об освобождении должника от дальнейшего исполнения обязательств, кредитор обратился в апелляционную инстанцию с жалобой, в которой просил отменить и принять новый акт по делу. Апелляционная инстанция требования кредитора не поддержала, ранее вынесенное определение оставила без изменения. В связи с тем, что в суде апелляционной инстанции участие принимал не сам финансовый управляющий, а его представитель, арбитражный управляющий обратился в суд с заявлением о возмещении расходов на оплату услуг представителя. Кредитор возражал против заявленного ходатайства по причине того, что финансовый управляющий является профессиональным участником банкротных правоотношений и мог самостоятельно представлять свои интересы в суде. Кроме того, размер расходов, по его мнению, являлся неразумным. Оценив все представленные доводы, арбитражный суд пришел к выводу, что управляющий действовал неразумно, заключая подобный договор об оказании юридической помощи, так как стоимость услуг является явно завышенной. В связи с этим ходатайство было удовлетворено частично, судебные расходы взысканы в размере 7 000 руб.[2] На наш взгляд, в этом деле интерес представляет не столько неразумность суммы судебных расходов, сколько добросовестность финансового управляющего. Как известно, арбитражный управляющий является субъектом профессиональной деятельности в области отношений, связанных с признанием должника банкротом. Согласно теории представительства должника, обосновывающей статус арбитражного управляющего, последний в отношениях банкротства является своего рода представителем должника, обладающим необходимыми знаниями, в том числе в области права. В связи с этим возникает вопрос: насколько обоснованным с точки зрения добросовестности является взыскание арбитражным управляющим с проигравшей стороны расходов на оплату услуг представителя? Полагаем, что такое поведение профессионального субъекта является ничем иным, как злоупотреблением процессуальным правом. Именно поэтому в данном случае представляется обоснованным такое процессуальное последствие, как отказ в защите права;

4) злоупотребление сроками на подачу отдельных процессуальных документов. Все процессуальные действия должны совершаться в установленный законом срок, т. е. в определенные временные рамки. Посредством установления процессуальных сроков обеспечивается стабильность не только процессуальных, но и материальных отношений. Именно поэтому процессуальный срок выступает своего рода гарантией соблюдения принципа правовой определенности, ведь именно от срока рассмотрения дела зависит вынесение окончательного судебного акта, который определяет права и обязанности сторон. Между тем в некоторых случаях недобросовестные участники процесса пренебрегают этим институтом. В этом плане характерно следующее дело, рассмотренное Восемнадцатым арбитражным апелляционным судом. Кредитором была подана жалоба на предмет незаконности и необоснованности определения суда о прекращении производства по делу о банкротстве. В обоснование своих требований апеллянт указал, что им 27 ноября 2017 г. в 8 час. 12 мин. было подано заявление о включении в реестр требований кредиторов требования об уплате процентов за пользование чужими денежными средствами. Заявление принято судом в 16 час. 11 мин. – после судебного заседания, проводившегося с 11 час. 50 мин. по 11 час.

[1] Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 30 дек. 2019 г. по делу № А32-8377/2011. URL: https://ras.arbitr.ru (дата обращения: 18.01.2020).

[2] Определение Арбитражного суда г. Москвы от 29 дек. 2017 г. по делу № А40-93757/16-71-122. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

55 мин. По итогам этого судебного заседания было принято определение о прекращении производства по делу о банкротстве. Как было установлено судом апелляционной инстанции, в период производства по делу и до его прекращения апеллянтом такого требования не заявлялось ни разу. Исследовав доводы апелляционной жалобы и имеющиеся доказательства, суд усмотрел в действиях апеллянта злоупотребление процессуальными правами, выразившееся в следующем. Вследствие поступления ходатайства финансового управляющего о прекращении производства по делу о банкротстве, арбитражным судом первой инстанции 31 октября 2017 г. было назначено судебное заседание по вопросу о прекращении производства по делу на 27 ноября 2017 г. Копия определения была направлена апеллянту и получена им 8 ноября 2017 г. – за 19 дней до судебного заседания. Тем не менее апеллянт не предпринял никаких попыток обратиться в суд с соответствующим заявлением. Податель жалобы, бездействуя в течение более года с момента включения его первоначального требования в реестр требований кредиторов, принял решение об обращении в суд с заявлением об установлении дополнительного требования о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами в день судебного заседания по вопросу о прекращении производства по делу. При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции посчитал права апеллянта ненарушенными и оставил жалобу без удовлетворения[1].

Приведенные формы недобросовестного поведения не представляют собой исчерпывающий перечень. В каждом конкретном случае они могут являть собой комбинацию изложенных или быть совсем иными. Тем не менее все представленные формы недобросовестного поведения наглядно показывают, что субъекты реализуют предоставленные процессуальным законом права в искаженном виде – с целью причинить вред как интересам правосудия, так и конкретным участникам процесса. А это значит, что существовавший еще в римском праве принцип qui jure suo utitur, neminem laedit (никого не обижает тот, кто правильно пользуется своим правом) актуален и по сей день. Суды все чаще сталкиваются с недобросовестным поведением субъектов процессуальных отношений, где последние в целях удовлетворения собственных притязаний готовы поступиться интересами других, в том числе интересами правосудия. Особенно эта проблема актуальна в производстве по делам о банкротстве, где от судебного акта зависит объем имущественного удовлетворения кредиторов, а также дальнейшее «существование» должника в гражданском обороте. По этой причине участники процесса идут на различные ухищрения с целью затянуть процесс, препятствовать реализации прав, предоставленных законом другим участникам, и прочее.

Отметим, что какого-либо единого механизма противодействия злоупотреблениям в праве нет. В зависимости от конкретного случая это могут быть и штрафные санкции, и отказ в защите принадлежащего права, и иные способы.

В качестве одного из средств противодействия злоупотреблениям в производстве по делам о банкротстве, на наш взгляд, является установление повышенного стандарта доказывания к предъявленным требованиям. Такая позиция объясняется тем, что в условиях банкротства должника очевидна недостаточность его имущества для расчета со всеми кредиторами, что вызывает между ними «конкуренцию» и повышает вероятность возникновения различных злоупотреблений. Кроме того, в сохранении имущества потенциального банкрота заинтересованы он сам и его бенефициары. Именно поэтому во избежание необоснованных требований необходимо, чтобы к доказыванию обстоятельств, на которых это требование основано, были предъявлены повышенные стандарты. Оценка таких обстоятельств должна отличаться большей глубиной, по сравнению с исковым процессом. Причем исследоваться должны равным образом не только прямые, но и косвенные доказательства на предмет их согласованности между собой. Представляется, что в этом случае возможны установление истины по делу и достижение задач арбитражного процесса.

Список цитируемых источников

Васьковский 1915 – *Васьковский Е. В.* Курс гражданского процесса. М. : Изд-во Башмаковых, 1915. Т. 1. 572 с.

Егоров 2013 – *Егоров А. В.* Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // Legal insight. 2013. № 2(18). С. 4–10.

Карелина 2006 – *Карелина С. А.* Правовое регулирование несостоятельности (банкротства). М. : Волтерс Клувер, 2006. 360 с.

Карелина 2019 – Несостоятельность (банкротство) : учебный курс : в 2 т. / под ред. С. А. Карелиной. М. : Статут, 2019. Т. 2. 925 с.

[1] Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 дек. 2017 г. по делу № А76-5537/2016. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Мусин, Чечина, Чечет 2000 – Гражданский процесс : учебник / под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечета. М. : Проспект, 2000. 544 с.

Подшивалов 2014 – *Подшивалов Т. П.* Запрет злоупотребления процессуальными правами в арбитражном процессе // Арбитражная юстиция. 2014. № 9. С. 48–53.

Покровский 2013 – *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 2013. 351 с.

Попов 2004 – *Попов А. В.* Особенности судебного процесса по делам о банкротстве // Судебно-арбитражная практика Московского региона. Вопросы правоприменения. 2004. № 3. С. 58.

Фурсов 2000 – *Фурсов Д. А.* Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (современные проблемы теории и практики) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2000. 30 с.

Шебанова 2002 – *Шебанова Н. А.* Злоупотребление процессуальными правами // Арбитражная практика. 2002. № 5(14). С. 48–51.

Юдин 2005 – *Юдин А. В.* Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 360 с.

Юдин 2006 – *Юдин А. В.* Классификация злоупотреблений процессуальными правами в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 2. С. 25–32.

References

Egorov, A. V. (2013), "The principle of good faith in the Civil code of the Russian Federation: first steps of reform", *Legal insight,* no. 2(18), pp. 4–10.

Fursov, D. A. (2000), Subject, system and basic principles of arbitration procedural law (modern problems of theory and practice), Abstract of Sc. D. dissertation, business law, arbitration procedure, Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Karelina, S. A. (2006), *Pravovoe regulirovanie nesostoyatel'nosti (bankrotstva)* [Legal regulation of insolvency (bankruptcy)], Volters Kluver, Moscow, Russia.

Karelina, S. A. (2019), *Nesostoyatel'nost' (bankrotstvo), v 2 t., t. 2* [Insolvency (bankruptcy), in 2 vol., vol. 2], Statut, Moscow, Russia.

Musin, V. A., Chechina, N. A. and Chechet, D. M. (ed.) (2000), *Grazhdanskii protsess* [Civil process], Prospekt, Moscow, Russia.

Podshivalov, T. P. (2014), "Prohibition of abuse of procedural rights in arbitration proceedings", *Arbitrazhnaya yustitsiya,* no. 9, pp. 48–53.

Pokrovsky, I. A. (2013), *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Main problems of civil law], Statut, Moscow, Russia.

Popov, A. V. (2004), "The characteristics of the judicial process in bankruptcy", *Sudebno-arbitrazhnaya praktika Moskovskogo regiona. Voprosy pravoprimeneniya,* no. 3, p. 58.

Shebanova, N. A. (2002), "Abuse of procedural rights", *Arbitrazhnaya praktika,* no. 5(14), pp. 48–51.

Vas'kovsky, E. V. (1915), *Kurs grazhdanskogo protsessa, t. 1* [Civil procedure course, vol. 1], Izdatel'stvo Bashmakovykh, Moscow, Russian Empire.

Yudin, A. V. (2005), *Zloupotreblenie protsessual'nymi pravami v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Abuse of procedural rights in civil proceedings], Izdatel'skii dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, St. Petersburg, Russia.

Yudin, A. V. (2006), "Classification of abuse of procedural rights in civil proceedings", *Arbitrazhnyi i grazdanskii protsess,* no. 2, pp. 25–32.

Информация об авторах

Агаларова Мария Андреевна,
кандидат юридических наук, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королёва, Самара, Российская Федерация; m_agalarova92@mail.ru

Малькова Мария Дмитриевна,
Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королёва, Самара, Российская Федерация; malkova.mariya@bk.ru

Information about the authors

Agalarova Mariya A.,
PhD (law), Korolev Samara National Research University, Samara, the Russian Federation; m_agalarova92@mail.ru

Mal'kova Mariya D.,
Korolev Samara National Research University, Samara, the Russian Federation; malkova.mariya@bk.ru

Для цитирования

Агаларова М. А., Малькова М. Д. Формы злоупотребления процессуальным правом при несостоятельности (банкротстве) // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 39–46.

For citation

Agalarova, M. A. and Mal'kova, M. D. (2020), "Forms of abuse of procedural law in insolvency (bankruptcy)", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 39–46.

УДК 343.98

В. Н. Бодяков[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

V. N. Bodyakov[1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation*

Обстановка и способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений коррупционной направленности, связанных с доставкой запрещенных предметов на территорию исправительных учреждений, как элементы криминалистической характеристики

The situation and methods of preparation, commission and concealment of corruption-related crimes related to the delivery of prohibited items to the territory of correctional institutions, as elements of forensic characterization

Ключевые слова: коррупционные преступления; обстановка преступления; способ преступления; запрещенные предметы.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению отдельных элементов криминалистической характеристики коррупционных преступлений, связанных с доставкой запрещенных предметов на территорию исправительных учреждений. В статье автором раскрыты такие элементы, как обстановка совершения преступления и способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений.

Key words: corruption crimes; situation of the crime; method of the crime; prohibited items.

Abstract. The article is devoted to consideration of certain elements of criminalistic characteristics of corruption crimes related to the delivery of prohibited items to the territory of correctional institutions. In the article, the author reveals such elements as the situation of the crime commitment and the methods of preparation, commission and concealment of crimes.

Криминалистическая характеристика преступления традиционно считается исходной информационной базой для разработки версий, планирования расследования, определения оптимального алгоритма производства отдельных следственных действий. Для выявления, раскрытия и расследования преступлений важную роль играют накопленные знания обо всех элементах криминалистической характеристики в их совокупности. Эти знания дают возможность моделировать различные варианты преступлений, выстраивать криминалистические версии, позволяющие увидеть всю картину преступления, начиная от этапа подготовки к его совершению до этапа непосредственного совершения, а также последующих действий, направленных на сокрытие следов преступления.

Криминалистическая характеристика коррупционных преступлений, связанных с доставкой запрещенных предметов на территорию исправительных учреждений, является своего рода системой сведений о наиболее типичных взаимосвязанных признаках преступных деяний, имеющих весьма важное криминалистическое значение.

Говоря о криминалистической характеристике коррупционных преступлений, связанных с доставкой запрещенных предметов на территорию исправительных учреждений, нужно отметить, что центральным ее элементом выступает личность преступника. Помимо этого, одним из основных элементов криминалистической характеристики преступления является обстановка совершения преступления. Применительно к преступлениям рассматриваемой группы к обстановке совершения преступления относятся: место, время, а также условия, которые способствовали или препятствовали достижению преступного результата, а также предмет посягательства. При этом злоумышленник, связывая предмет преступного посягательства с иными элементами обстановки преступления, подготавливает орудия преступления, приспосабливает и реализует способы совершения и сокрытия преступления.

Безусловно, говоря о коррупционных преступлениях, связанных с доставкой запрещенных предметов на территорию исправительных учреждений, обстановка их совершения обладает определенной спецификой, обусловленной следующими особенностями функционирования исправительных учреждений:

– во-первых, лица, находящиеся на территории исправительного учреждения, подчинены дисциплине, установленной различными нормативными правовыми актами;

– во-вторых, на территории исправительного учреждения находится ограниченный контингент;

– в третьих, территория исправительного учреждения является закрытой (пространственная ограниченность);

– в-четвертых, действует особый пропускной режим, не позволяющий беспрепятственно проникнуть на территорию исправительного учреждения третьим лицам.

© Бодяков В. Н., 2020

Кроме вышеперечисленных особенностей, называют также и другие факторы, среди них: психологические особенности личности осужденных, ограниченность территорий исправительных учреждений и значительная концентрация в них осужденных, отдаленность и труднодоступность некоторых исправительных учреждений, отрицательное воздействие со стороны подозреваемых (обвиняемых) на других участников уголовного процесса, затрудненность эффективного использования специальных познаний (преимущественно в форме участия специалистов в следственных действиях) при расследовании преступлений в исправительных учреждениях и т. п. [Кульков 1996, с. 13–18; Лантух 1976, с. 7–15; Петуховский 1979, с. 3–47; Шурухнов 1990, с. 101–107; Шурухнов 2002, с. 612–618].

Местом совершения преступления рассматриваемой категории может быть как помещение или участок местности на территории непосредственно исправительного учреждения, так и квартира сотрудника исправительного учреждения, общественное место (сквер, улица, рынок), где были переданы и хранились запрещенные предметы, а также предмет взятки – вознаграждение за незаконную доставку.

Место происшествия (место выявления или обнаружения следов преступления) является информативно значимым обстоятельством для характеристики обстановки совершения преступного деяния в целом, так как несет в большинстве своем сведения как о материальных, так и идеальных следах такового.

Время совершения преступления как элемент криминалистической характеристики преступления отражает его существование с момента начала преступной деятельности, длительности ее развития, последовательности периодов и фаз до момента окончания [Шиканов 1980, с. 4–5].

Для целей расследования важно установление всех составляющих элемента «время совершения преступления», не оставив без внимания время и место совершения абсолютно всех действий (бездействия), которые составляют систему преступной деятельности, образующую механизм преступления (доставки запрещенных предметов). Это, в частности:

– время достижения договоренности о доставке запрещенных предметов и получении за это вознаграждения между коррумпированным сотрудником и осужденным либо между коррумпированным сотрудником и третьими лицами, например, родственниками осужденного;

– время приобретения (получения) запрещенного предмета;

– время, на протяжении которого сотрудник хранил (носил) запрещенный предмет до передачи его на территорию исправительного учреждения;

– время перемещения запрещенного предмета на территорию исправительного учреждения;

– время хранения запрещенного предмета на территории исправительного учреждения до передачи осужденному либо до задержания сотрудника и изъятия запрещенного предмета;

– время передачи запрещенного предмета осужденному;

– время получения вознаграждения за доставку запрещенного предмета;

– время распоряжения средствами, полученными в качестве вознаграждения за преступную доставку запрещенных предметов;

– иные временные промежутки.

Важным аспектом является и то, что характеристика элемента «время» не должна ограничиваться лишь временем получения вознаграждения за доставку запрещенных предметов (как правило, это квалифицируется как получение – дача взятки), поскольку в этом случае искусственно сужается предмет доказывания, что приводит к ослаблению доказательственной базы.

В криминалистической характеристике коррупционных преступлений, связанных с доставкой запрещенных предметов на территорию исправительного учреждения, одним из основных элементов также является способ подготовки, совершения и сокрытия преступления.

Действия должностного лица по подготовке к совершению преступлений рассматриваемой категории заключаются в следующем:

– «подбор» сотрудника, желающего передать запрещенные предметы;

– осуществление переговоров (лично или через соучастников) с лицом, желающим получить запрещенные предметы, о месте, времени, условиях их передачи;

– создание соответствующей обстановки, облегчающей передачу запрещенных предметов;

– приобретение запрещенного предмета;

– оборудование тайников в одежде, обуви, транспортном средстве, грузе, сопутствующих предметах для проноса (провоза) запрещенных предметов и проч.

Как правило, перечисленные деяния могут осуществляться в следующих формах:

1) незаконное использование должностным лицом своего публичного статуса с целью получения выгоды;

2) незаконное предоставление выгоды должностному лицу, которое обладает публичным статусом, либо его близким.

Способы совершения преступлений коррупционной направленности, связанные с доставкой запрещенных предметов на территорию исправительного учреждения, могут быть совершены как в форме действия, так и форме бездействия, на-

пример, в случае, когда совершение действий будет являться служебной обязанностью должностного лица. Бездействие может выражаться:

– в ненадлежащем исполнении должностных обязанностей по осуществлению досмотра лиц, проходящих на территорию исправительного учреждения, или транспортных средств, въезжающих на территорию;

– несообщении и сокрытии сотрудником исправительного учреждения информации о совершении правонарушения либо преступления, связанного с доставкой запрещенных предметов иными лицами (родственниками, прибывшими на свидание с осужденным, адвокатами, следователями, дознавателями и проч.);

– непринятии предусмотренных законом решений (например, решение о составлении протокола о совершении административного правонарушения в соответствии со ст. 19.12 КоАП РФ).

Примером бездействия сотрудника исправительного учреждения, осуществляющего функции по досмотру транспортных средств, проезжающих на территорию исправительного учреждения, являются несовершение им действий, предусмотренных должностной инструкцией при обнаружении им запрещенных предметов, утаивание этого факта и несообщение об этом в соответствии с руководящими документами.

Отдельные авторы, исследовавшие специфику коррупционных преступлений в правоохранительных органах, отмечают, что указанные преступления могут совершаться как посредством правомерных, предусмотренных законом действий, входящих в компетенцию данных лиц, так и неправомерных действий [Борзов 2008, с. 54–55]. Считаем, что указанное положение не может быть отнесено к способам совершения преступлений коррупционной направленности, связанных с доставкой запрещенных предметов на территорию исправительного учреждения, в связи с тем, что это прямо запрещено действующими ведомственными нормативными актами[1], т. е. все способы совершения преступлений данной категории будут относиться к группе неправомерных действий.

Способы сокрытия рассматриваемых преступлений непосредственно связаны со способами их совершения, тщательно продумываются и планируются. Проведенный в ходе исследования анализ архивных уголовных дел и отказных материалов позволил выявить такие способы сокрытия, как:

– получение запрещенных предметов и денежного вознаграждения[2] либо от посредника или через соучастников, либо завуалированным способом;

– организация безопасных условий приема (передачи) запрещенных предметов;

– организация тайников для проноса (провозки) запрещенных предметов (например, для проноса наркотических средств и психотропных веществ используются батарейки от фонаря, зажигалки, пачки сигарет, продукты питания – шоколад, буханки хлеба и проч.);

– маскировка процедуры доставления запрещенных предметов на территорию исправительного учреждения;

– обеспечение алиби в случае задержания с поличным;

– тайная передача предметов осужденному и др.

К элементам способа совершения преступлений рассматриваемой категории относятся и способы получения вознаграждения за доставку запрещенных предметов. Эти способы можно классифицировать по различным основаниям, например, контактный (передача из рук в руки) и бесконтактный путем: перечисления денег на личные счета сотрудников-коррупционеров; погашения долга, кредита; оплаты туристических путевок; систематического угощения на предприятиях питания; выполнения для коррумпированного сотрудника безвозмездно или за плату явно ниже рыночной каких-либо работ (ремонт квартиры, автомобиля, изготовление мебели и проч.).

Итак, завершая статью, мы пришли к следующим выводам.

1. Функционирование исправительных учреждений отличается своей спецификой, обусловленной целым рядом как объективных, так и субъективных факторов, которые оказывают влияние на обстановку совершения преступления. В связи с этим в целях повышения результативности своей деятельности субъекты выявления, раскрытия, расследования и предупреждения коррупционных преступлений, связанных с доставкой запрещенных предметов на территорию исправительных учреждений, должны обладать определенными знаниями в данной области.

2. Наряду с таким элементом криминалистической характеристики преступления, как личность и обстановка преступления, важное значение имеет способ подготовки, совершения и сокрытия преступления. В связи с этим субъект выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений данной категории рассматриваемой группы должен иметь сформированное представление о наиболее типичных способах, что, безусловно, повысит эффективность его деятельности.

---

[1] Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений : приказ Минюста России от 16 дек. 2016 г. № 295 // Российская газета. 2016. 29 дек.

[2] Анализ материалов следственной и судебной практики, а также опрос практических работников свидетельствуют о том, что в подавляющем большинстве случаев за совершение действий по доставке и передаче запрещенных предметов сотрудники исправительных учреждений получают денежные средства.

3. Тщательный анализ всех вышеперечисленных элементов криминалистической характеристики коррупционных преступлений, связанных с доставкой запрещенных предметов на территорию исправительных учреждений, способствует построению модели преступного деяния и уяснению его как целостной системы, быстрому и полному выявлению, раскрытию, расследованию, предупреждению рассматриваемых преступлений.

Список цитируемых источников

Борзов 2008 – *Борзов А. А.* Особенности первоначального этапа расследования должностных преступлений, совершаемых в правоохранительных органах России : дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 197 с.

Кульков 1996 – Криминалистика. Организация, техника, тактика расследования преступлений в учреждениях, исполняющих наказания / под ред. В. В. Кулькова. Рязань : РИПЭ МВД России, 1996. Т. 2, ч. 1. 196 с.

Лантух 1976 – *Лантух А. М.* Первоначальный этап расследования преступлений, совершаемых осужденными в ИТУ. Рязань : РВШ МВД СССР, 1976. 86 с.

Петуховский 1979 – *Петуховский М. А.* Дознание и предварительное следствие в исправительно-трудовых учреждениях. М. : Акад. МВД СССР, 1979. 102 с.

Шиканов 1980 – *Шиканов В. И.* Пространственно-временные факторы в криминалистической характеристике преступления. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1980. 22 с.

Шурухнов 1990 – *Шурухнов Н. Г.* Факторы, влияющие на расследование преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях // Актуальные вопросы использования достижений науки и техники в расследовании преступлений органами внутренних дел. М. : Акад. МВД СССР, 1990. С. 101–107.

Шурухнов 2002 – *Шурухнов Н. Г.* Криминалистика. М. : Юристъ, 2002. 639 с.

References

Borzov, A. A. (2008), Features of investigation of official crimes committed in law enforcement agencies of Russia at the initial stage, Ph. D. Thesis, criminal procedure, criminalistics, forensic science, operational-search activity, Vladimir Law Institute of the FPS of Russia, Vladimir, Russia.

Kul'kov, V. V. (ed.) (1996), *Kriminalistika. Organizatsiya, tekhnika, taktika rassledovaniya prestuplenii v uchrezhdeniyakh, ispolnyayushchikh nakazaniya, t. 2, ch. 1* [Criminalistics. Organization, technique, tactics of investigating crimes in institutions that execute punishments, vol. 2, part 1], RIPE MVD Rossii, Ryazan, Russia.

Lantukh, A. M. (1976), *Pervonachal'nyi etap rassledovaniya prestuplenii, sovershaemykh osuzhdennymi v ITU* [Initial stage of investigation of crimes committed by convicts in ITU], RVSh MVD SSSR, Ryazan, USSR.

Petukhovsky, M. A. (1979), *Doznanie i predvaritel'noe sledstvie v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh* [Inquiry and preliminary investigation in correctional labor institutions], Akademiya MVD SSSR, Moscow, USSR.

Shikanov, V. I. (1980), *Prostranstvenno-vremennye faktory v kriminalisticheskoi kharakteristike prestupleniya* [Spatio-temporal factors in the criminalistic characteristics of crime], Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta, Irkutsk, Russia.

Shurukhnov, N. G. (1990), "Factors affecting the investigation of crimes committed by convicts in correctional labor institutions", *Aktual'nye voprosy ispol'zovaniya dostizhenii nauki i tekhniki v rassledovanii prestuplenii organami vnutrennikh del* [Actual issues of using the achievements of science and technology in the investigation of crimes by internal affairs bodies], Akademiya MVD Rossii, Moscow, Russia, pp. 101–107.

Shurukhnov, N. G. (2002), *Kriminalistika* [Criminalistics], Yurist", Moscow, Russia.

Информация об авторе

Бодяков Владимир Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; krim33@mail.ru

Information about the author

Bodyakov Vladimir N.,
PhD (law), associate professor,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; krim33@mail.ru

Для цитирования

Бодяков В. Н. Обстановка и способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений коррупционной направленности, связанных с доставкой запрещенных предметов на территорию исправительных учреждений, как элементы криминалистической характеристики // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 47–50.

For citation

Bodyakov, V. N. (2020), "The situation and methods of preparation, commission and concealment of corruption-related crimes related to the delivery of prohibited items to the territory of correctional institutions, as elements of forensic characterization", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 47–50.

УДК 343.98

К. К. Горяинов[1]
Л. Е. Щетнёв[2]
[1] *Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Российская Федерация*
[2] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

K. K. Goryainov[1]
L. E. Shchetnev[2]
[1] *Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, the Russian Federation*
[2] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation*

Некоторые проблемы соблюдения особых условий проведения оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» оперативными подразделениями учреждений и органов уголовно-исполнительной системы

Some problems of compliance with the special conditions of the operational and investigative event “listening to telephone conversations” by the operational units of the institutions and bodies of the penal system

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; права человека; прослушивание телефонных переговоров; возникновения угрозы жизни, здоровью, собственности отдельных лиц.

Аннотация. В статье исследуются вопросы правоприменительной деятельности сотрудников оперативных аппаратов учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, касающиеся соблюдения условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан.

Key words: operational-search activity; operational and investigative activities; human rights; wiretapping; threat to life, health, property of individuals.

Abstract. The article examines the issues of law enforcement activities of the employees of the operational apparatus of institutions and bodies of the criminal-executive system concerning the conditions of operational and investigative measures limiting the constitutional citizens’ rights.

Законодательное закрепление в ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[1] (далее: ФЗ «Об ОРД») условий проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее: ОРМ) обеспечивает состояние стабильности, при котором соблюдаются конституционные права граждан, а государство в лице своих уполномоченных органов гарантирует защиту данных прав только в предусмотренных законом случаях.

Однако, как показывает практика, ряд указанных условий не всегда точно трактуется правоприменителями.

Ограничение прав и свобод граждан в оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД), как правило, происходит в процессе проведения конкретных ОРМ, а потому не случайно почти в каждой третьей жалобе на нормы ФЗ «Об ОРД», рассмотренной Конституционным Судом Российской Федерации, предметом оспаривания выступают положения ст. 6 ФЗ «Об ОРД», закрепляющей перечень таких мероприятий. При этом данная статья в большинстве случаев оспаривается в совокупности с другими нормами данного закона, регулирующими основания и условия проведения ОРМ.

Анализ материалов жалоб показывает, что чаще всего предметом оспаривания становятся законодательные положения, регулирующие проведение таких ОРМ, как: прослушивание телефонных переговоров (21 %), проверочная закупка наркотиков (12 %), оперативный эксперимент (11 %), наблюдение с использованием аудио- и видеозаписывающей аппаратуры (8 %), обследование жилища (5 %) и некоторые другие [Бахта, Вагин, Чечетин 2012].

В связи с этим в рамках настоящей статьи предпримем попытку предложить пути решения вопросов, возникающих у сотрудников оперативных подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (далее: УИС), относительно праводопустимых пределов ограничения конституционных прав человека и гражданина при осуществлении ОРД.

Так, ч. 6 ст. 8 ФЗ «Об ОРД» устанавливает, что в случае возникновения угрозы жизни, здоровью, собственности отдельных лиц по их заявлению или с их согласия в письменной форме разрешается прослушивание переговоров, ведущихся с их телефонов, на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД, с обязательным уведомлением соответствующего суда (судьи) в течение 48 часов.

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.

© Горяинов К. К., Щетнёв Л. Е., 2020

Некоторые сотрудники ошибочно полагают, что после получения заявления от лица, подвергшегося вышеуказанным угрозам, следует обязательно получить судебное решение на проведение ОРМ «прослушивание телефонных переговоров» (далее: ПТП). Однако этого делать не надо, потому как законодатель четко указывает только на необходимость уведомления соответствующего суда (судьи) и не требует от суда какого-либо решения после получения уведомления.

В данном случае правовым основанием для вынесения и утверждения руководителем органа, осуществляющего ОРД, постановления о проведении ОРМ «ПТП» будет являться заявление гражданина. Форма такого заявления нормативными правовыми актами органов, наделенных правом на осуществление ОРД, не определена, но в любом случае в его содержании должны быть изложены факты, свидетельствующие о возникновении соответствующей угрозы (по возможности с приложением к заявлению материалов (предметов, документов, фото-, аудиовидеозаписей и др.), обосновывающих правомерность начала проведения ОРМ «ПТП», которые представляет лицо, подвергшееся угрозе, или материалов, полученных в ходе проведения иных ОРМ, свидетельствующих о данной угрозе).

При получении соответствующего заявления также необходимо учитывать требования ст. 1, ч. 6 ст. 8 и ч. 1 ст. 17 ФЗ «Об ОРД», из которых следует, что ОРД осуществляется как гласно, так и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то ФЗ «Об ОРД», в пределах их полномочий посредством ОРМ, к подготовке или проведению которых могут привлекаться и отдельные лица. Согласие этих лиц на такое привлечение свидетельствует о том, что для них проведение ОРМ не является негласным. Кроме того, ПТП, ведущихся с их телефонов, осуществляемое по их заявлению или с их согласия в письменной форме, также не является для них негласным. Данный факт находит свое подтверждение и в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2018 г. № 1396-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белоуса Виталия Александровича на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 8 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”»[1].

Кроме того, в правоприменительной практике возникает вопрос об определении сроков проведения ОРМ «ПТП» по заявлению лица, подвергшегося угрозам, а именно о временном отрезке и о том, кто его определяет.

По общему правилу, установленному ч. 6 ст. 9 ФЗ «Об ОРД», срок действия вынесенного судьей постановления о проведении ОРМ, ограничивающего конституционные права граждан, не должен превышать шести месяцев. Судья при вынесении постановления имеет право указать любой другой срок в этих пределах.

В нашем случае представляется целесообразным поступать по вышеуказанному правилу, но право установления срока проведения ОРМ «ПТП» предоставить лицу, подвергшемуся угрозе. При этом в постановлении следует указывать начало проведения ОРМ «ПТП», поскольку данное мероприятие непосредственно связано с подключением к станционной аппаратуре предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности, физических и юридических лиц, предоставляющих услуги средства связи (например: «…с момента фактического начала проведения ОРМ» или «…с момента вынесения настоящего постановления о проведении ОРМ»). Кроме того, течение срока действия постановления не должно прерываться и будет истекать в ноль часов последних суток, за исключением случаев письменного заявления лица, подвергшегося угрозе (ранее заявлявшего о его проведении), о прекращении проведения данного мероприятия.

При необходимости продления срока проведения ОРМ «ПТП» от лица, подвергшегося угрозе, следует получить новое заявление с обоснованием того, что угроза является актуальной. После получения такого заявления выносится и утверждается новое постановление.

Нужно также отметить, что в соответствии с ч. 7 ст. 5 ФЗ «Об ОРД» фонограммы и другие материалы, полученные в результате прослушивания телефонных и иных переговоров лиц, в отношении которых не было возбуждено уголовное дело, уничтожаются в течение шести месяцев с момента прекращения прослушивания, о чем составляется соответствующий протокол. За три месяца до дня уничтожения материалов, отражающих результаты ОРМ, проведенных на основании судебного решения, об этом уведомляется соответствующий судья. Данное требование ФЗ «Об ОРД» априори распространяется на все случаи проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права человека и гражданина. Учитывая это требование, обратимся к определению Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2019 г. № 561-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мазуровой Дианы Александровны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 5, 11 и 14 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”, статей 74, 75, 84 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Рос-

[1] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сийской Федерации»[1], из которого следует, что «уничтожение фонограмм и других материалов, полученных в результате прослушивания телефонных и иных переговоров, без учета служебных интересов, направленных на достижение целей и задач оперативно-розыскной деятельности, а также интересов правосудия, связанных с необходимостью защиты прав и свобод человека и гражданина, делало бы бессмысленным проведение оперативно-розыскных мероприятий и противоречило бы публичным интересам, для защиты которых такая деятельность осуществляется. При этом сама по себе длительность хранения фонограмм телефонных переговоров, обусловленная необходимостью обеспечения служебных интересов и правосудия, не означает незаконности их получения, недостоверности содержащейся в них информации и невозможности использования в доказывании по уголовному делу, порядок которого – как и основания для возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела, для прекращения уголовного дела или уголовного преследования – устанавливается Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (статьи 24, 27, 74, 75, 82, 85–89, 140 и 148)».

Принимая во внимание это положение, мы согласны с мнением М. А. Калужиной о том, что любое нормативно закрепленное право человека не является абсолютным, и осуществление неограниченных прав одним субъектом всегда приводит к ущемлению прав и интересов других. Соответственно, ограничения некоторых прав имеют целью сбалансировать права личности не только с другими отраслями права, но и прежде всего с правами и интересами общества в целом [Калужина 2018, с. 18].

Учитывая специфику ОРД в УИС, следует отметить, что ряд конституционных прав осужденных гарантируется наравне с правами граждан, не преступивших закон. При этом, хотя положения Конституции Российской Федерации и распространяются на всех лиц, проживающих на ее территории, между законопослушным гражданином и лицом, отбывающим наказание в местах лишения свободы, имеется существенное различие, а именно, при вступлении в силу обвинительного приговора суда с решением о применении наказания в виде лишения свободы у осужденного меняется и правовое положение. В отношении его начинает действовать уголовно-исполнительное законодательство. Часть конституционных прав превращается в обязанности для осужденного, что в свою очередь не противоречит международным стандартам, так как лицо, осужденное к лишению свободы, признано виновным в совершении преступления, поскольку посягнуло на права либо свободы иных лиц, а государство в соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации обеспечивает их защиту. Именно в этих целях на осужденных и налагаются определенные УИК РФ ограничения.

В частности, согласно ч. 2 ст. 10 УИК РФ при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации.

Приказ Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений»[2] (далее: Приказ № 295) в ч. 17 разд. III определяет запреты для осужденных к лишению свободы, выражающиеся в том числе в запрете приобретать, изготавливать, хранить и пользоваться запрещенными вещами и продуктами питания, предусмотренными перечнем (прил. № 1 к Приказу № 295). В соответствии с ч. 86, 87 разд. XV Приказа № 295 телефонные разговоры осужденных, в том числе с использованием систем видеосвязи, могут контролироваться администрацией исправительного учреждения. Реализация права на телефонные разговоры осуществляется, как правило, в нерабочее время в специально оборудованных переговорных пунктах или выделенных для этих целей помещениях учреждения, оснащенных абонентскими устройствами с технической возможностью обеспечения контроля проводимых переговоров.

Кроме того, следуя требованиям ст. 83 УИК РФ, администрация исправительных учреждений вправе использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля для предупреждения побегов и других преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказания и в целях получения необходимой информации о поведении осужденных.

Осужденные уведомляются администрацией исправительных учреждений об осуществлении такого вида контроля, но о времени, месте и видах технических средств надзора и контроля в известность не ставятся.

Постановление суда на проведение подобного вида мероприятий не нужно, а законность их проведения и использования полученных результатов осуществляется в порядке ведомственного контроля и прокурорского надзора.

В заключение отметим, что предложенные нами пути решения ряда проблемных вопросов, касающихся проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права человека и граждани-

[1] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 27.07.2020).

на, носят рекомендательный характер, но обосновываются общими требованиями закона и рядом решений Конституционного Суда Российской Федерации, на которые правоприменитель должен опираться в своей профессиональной деятельности.

Список цитируемых источников

Бахта, Вагин, Чечетин 2012 – *Бахта А. С., Вагин О. А., Чечетин А. Е.* Вопросы оперативно-розыскной деятельности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Хабаровск : ДЮИ МВД России, 2012. 64 с.

Калужина 2018 – *Калужина М. А.* Нормативно-правовое разрешение контроля и прослушивания телефонных переговоров в уголовно-исполнительной системе // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 3. С. 14–18.

References

Bakhta, A. S., Vagin, O. A. and Chechetin, A. E. (2012), *Voprosy operativno-rozysknoi deyatel'nosti v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Issues of operational search activity in decisions of the constitutional Court of the Russian Federation], DYuI MVD Rossii, Khabarovsk, Russia.

Kaluzhina, M. A. (2018), "Regulatory and legal permission for monitoring and listening to telephone conversations in the penal system", *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie,* no. 3, pp. 14–18.

Информация об авторах

Горяинов Константин Константинович,
доктор юридических наук, профессор, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Российская Федерация; oper-ord@mail.ru

Щетнёв Леонид Евгеньевич,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; Ls1974@mail.ru

Information about the authors

Goryainov Konstantin K.,
doctor of law, professor,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, the Russian Federation; oper-ord@mail.ru

Shchetnev Leonid E.,
PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; Ls1974@mail.ru

Для цитирования

Горяинов К. К., Щетнёв Л. Е. Некоторые проблемы соблюдения особых условий проведения оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» оперативными подразделениями учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 51–54.

For citation

Goryainov, K. K. and Shchetnev, L. E. (2020), "Some problems of compliance with the special conditions of the operational and investigative event "listening to telephone conversations" by the operational units of the institutions and bodies of the penal system", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 51–54.

УДК 343.98.067:343.61

О. М. Дечкин[1]
[1]*Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, Вологда, Российская Федерация*

O. M. Dechkin[1]
[1]*Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, the Russian Federation*

Криминалистическая классификация умышленных преступлений против жизни и здоровья, совершенных осужденными в условиях исправительного учреждения

Criminalistic classification of willful crimes against life and health committed by convicts in a correctional facility

Ключевые слова: умышленные преступления против жизни и здоровья; криминалистическая классификация; осужденный; исправительные учреждения; раскрытие и расследование преступлений.

Аннотация. Сложность раскрытия и расследования преступлений, связанных с умышленным причинением вреда жизни и здоровью среди осужденных в условиях исправительного учреждения, требует использования новых тактико-криминалистических средств. Одним из таких средств является криминалистическая классификация преступлений, которой и посвящена настоящая статья. По мнению автора, помимо уголовно-правовой классификации преступлений, лежащей в основе принципа разработки частных криминалистических методик, немаловажную роль играют криминалистические классификации, составленные по таким основаниям, как: свойства личности преступника, мотивы преступления, способы совершения и сокрытия преступления, обстановка совершения преступления, свойства личности потерпевшего. Выделение указанных сведений способствует своевременному и качественному раскрытию и расследованию преступлений анализируемой категории.

Key words: intentional crimes against life and health; criminalistic classification; convict; correctional facilities; disclosure and investigation of crimes.

Abstract. Complexity of detection and investigation of crimes related to willful harm to life and health among convicts in a correctional facility requires the use of new tactical and forensic tools. One of these tools is the criminalistic classification of crimes, which is the subject of this article. According to the author, in addition to the criminal law classification of crimes, underlying the principle of the development of criminalistic methods, criminalistic classification based on such grounds as: characteristics of the criminal's personality, motives of the crime, methods of committing and concealing the crime, situation of the crime, and the characteristics of the victim's personality play an important role in the development of private forensic techniques. Highlighting the specified information contributes to timely and high-quality detection and investigation of crimes of the analyzed category.

Пенитенциарные преступления представляют собой совокупность преступных деяний, совершаемых в местах лишения свободы, которые имеют определенную специфику, обладают своей структурой и развиваются по определенным закономерностям. Во-первых, это явление распространено на ограниченных территориях исправительных учреждений, где существует сформированная веками тюремная субкультура, определяющая нормы поведения и взаимоотношения осужденных. Во-вторых, субъектами таких преступлений, как правило, выступают сами лица, отбывающие наказания в виде лишения свободы. Имея богатый преступный опыт, они довольно часто предпринимают меры к сокрытию преступлений, его следов либо используют иные способы противодействия расследованию. В-третьих, большинство преступлений совершается осужденными, которые отличаются эмоциональной неустойчивостью, раздражительностью, повышенной психической напряженностью, агрессивностью, конфликтностью в разных ситуациях и т. д. В-четвертых, структура преступности в исправительных учреждениях носит так сказать усеченный характер, т. е. ограничена определенным кругом преступных деяний и т. д.

Среди преступлений рассматриваемой категории повышенную опасность представляет умышленное причинение вреда жизни и здоровью (ст. 105, 111, 112 и 115 УК РФ), поскольку прежде всего посягает на конституционные права человека и гражданина и является наиболее распространенным среди иных преступных деяний, причиняющих вред жизни и здоровью и совершаемых осужденными в условиях исправительного учреждения. Несмотря на то, что в общей массе преступлений эти преступления составляют небольшой процент (в 2019 г. из всех совершенных преступлений на территории исправительных учреждений их доля составила всего 6,9 %)[1], по своему содержа-

[1] Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (январь–декабрь 2019 гг.) : информ.-аналит. сб. Тверь : НИИИТ ФСИН России, 2020. С. 19–24.

© Дечкин О. М., 2020

нию они отличаются общественной опасностью, сложностью в раскрытии и расследовании.

Одним из перспективных и в то же время дискуссионных направлений научных исследований, способствующих повышению эффективности раскрытия и расследования преступлений, в том числе анализируемой категории, выступает их криминалистическая классификация [Белкин 1979, с. 193–201; Образцов 1988; Яблоков 2015, с. 40–51]. Несмотря на свою кажущуюся отвлеченность от следственной деятельности, указанная классификация предстает определенной конструкцией, способной обеспечить успех раскрытия и расследования преступлений, снизив при этом некоторые затраты времени и усилий со стороны уполномоченных должностных лиц. Эффективность заключается в том, что классификация предполагает необходимость анализа совершенного преступления, без чего невозможно отнесение его к определенной группе, позволяющей определить уже на ранних этапах ту частную методику, которая могла бы максимально оптимизировать предстоящее расследование [Подольный 2014, с. 202].

Продолжительное время многие ученые-криминалисты опирались на уголовно-правовую классификацию преступлений, имеющую нормативную основу в уголовном законодательстве. Эта тенденция сохранилась и на современном этапе развития криминалистической науки. Безусловно, такая классификация является обоснованной и необходимой, поскольку пригодна для решения ряда криминалистических задач. Например, как отметил А. Ю. Головин, четко прослеживается ее взаимосвязь с систематизацией частных криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений [Головин 2013, с. 31].

Несмотря на это, данная классификация не может в полном объеме удовлетворить все потребности криминалистической теории и следственной практики. В частности, как определяют некоторые авторы, нельзя ограничиваться только теми признаками и свойствами преступлений, которые изучает наука уголовного права, так как эффективность расследования преступления не является ее основной задачей, в первую очередь она ориентирована на правильную квалификацию совершенного противоправного деяния [Герасимов 1975, с. 155; Подольный 2014, с. 203]. Следовательно, необходимы и другие классификации преступлений, которые ориентированы на решение проблем, встающих перед криминалистической теорией и следственной практикой.

Существенную роль в развитии теории криминалистической классификации преступлений сыграли предложения, сформулированные Р. С. Белкиным. Он счел целесообразным принять состав преступления за основание. С учетом этого его классификация преступных деяний выглядит следующим образом: 1) по субъекту преступления (совершенные впервые и повторно; единолично и группой и т. д.); 2) по субъективной стороне преступления (совершенные с заранее обдуманным намерением и по внезапно возникшему умыслу); 3) по объекту преступления (по личности потерпевшего; характеру непосредственного предмета посягательства и т. д.); 4) по объективной стороне состава преступления (по способу совершения преступления; по способу сокрытия преступления, если он не входит в качестве составной части в способ совершения преступления) [Белкин 1979, с. 198].

Несмотря на развернутость и содержательность названных классификаций, они не лишены некоторых недостатков. В частности, В. А. Образцов отмечал, что нечетко проведена систематизация оснований криминалистической классификации преступлений, перечень их не является исчерпывающим, не учитываются признаки других систем, связанных с преступлением, и т. д. [Образцов 1988, с. 15–16]. По мнению данного ученого, в качестве оснований для классификации преступлений могут использоваться и другие критерии. Так, он выделял признаки: а) преступления (признаки преступника, объектов, средств, процесса, результатов преступления, мотив и цель); б) обстановки совершения преступления; в) деятельности по выявлению и раскрытию преступлений (признаки субъекта, объекта, задач, средств, процесса и результатов расследования) [Образцов 1988, с. 80–127].

Однако и эта классификация небезупречна, о чем свидетельствуют мнения других ученых-криминалистов. Так, А. Ю. Головин считает, что деятельность по расследованию преступления не является его характеризующим признаком, она производна от преступления, и поэтому ни один из ее компонентов не может выступать в качестве основания для классификации преступлений [Головин 2002, с. 141].

В научной литературе встречаются и иные варианты классификации, которые систематизируют преступления по разным основаниям. Например, в качестве оснований классификации могут выступать: механизм возникновения доказательственной информации [Трубачев 1975, с. 67–71]; механизм преступной деятельности [Варданян, Кулешов 2015, с. 8]; уголовно-процессуальные правила [Субботина, Резван 2008, с. 68] и т. д.

Проанализировав мнения ряда ученых применительно к умышленному причинению вреда жизни и здоровью, совершенного осужденными в условиях исправительного учреждения, мы считаем, что классификацию данных преступлений целесообразно производить именно по кри-

миналистическим критериям. Они, как отметил Ю. Л. Бойко, позволяют выделить из классификаций отдельные группы (подгруппы) преступлений, в которых выражена своя специфика их структур, обусловливающих особенности решаемых задач, выдвигаемых и проверяемых версий, информационно-поисковой деятельности органов предварительного расследования и т. д. [Бойко 2012, с. 53].

Поскольку обнаружение и изучение криминалистических черт преступлений осуществляется в результате собирания, систематизации и оценки разных следов этих деяний, отмеченные основания классификации преступлений не могут не быть в определенной мере связанными со своеобразием процесса следообразования. Следы преступления и их комплексы, как правило, являются результатом взаимодействия с элементами криминалистической характеристики преступления [Яблоков 2015, с. 47]. Следовательно, в качестве критериев для классификации умышленных преступлений против жизни и здоровья, совершенных осужденными в условиях исправительного учреждения, могут выступать именно сведения, раскрывающие структуру указанной характеристики.

Для определения перечня таких сведений, выступающих в качестве оснований для классификации умышленных преступлений против жизни и здоровья среди осужденных в условиях исправительного учреждения, необходимо рассмотреть общие положения криминалистической характеристики данных преступлений.

Одно из первых упоминаний о криминалистической характеристике преступлений содержится в работе А. Н. Колесниченко. Он отмечал, что к числу наиболее ценных положений, необходимых для всех частных методик, относится именно указанная характеристика конкретного вида преступлений [Колесниченко 1967, с. 16]. В дальнейшем понятие криминалистической характеристики преступлений и ее содержание были предметом исследования таких ученых, как: И. Ф. Герасимов, С. П. Митричев, В. А. Образцов, В. Г. Танасевич, Н. П. Яблоков и др.

Наиболее полный анализ точек зрения большинства ученых-криминалистов на указанную характеристику преступлений в свое время произвел Р. С. Белкин. Он не только их обобщил, проанализировал, но и сформулировал понятие криминалистической характеристики преступлений и определил ее структуру в целом. По его мнению, указанная характеристика выступает научной абстракцией, которая большей частью дублирует многие обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу. В качестве таковых могут выступать сведения, раскрывающие структуру криминалистической характеристики преступлений [Белкин 1979, с. 183–193]. Это, как правило, сведения: о свойствах личности преступника, свойствах личности потерпевшего, мотивах преступления, способах совершения и сокрытия преступления, об обстановке совершения преступления, включая условия места и времени. Между названными криминалистическими данными установлены корреляционные связи и зависимости, носящие закономерный характер.

На основании выделенных нами данных и проведенного исследования, в рамках которого в период с 2014 по 2018 г. было проанализировано 117 уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ст. 105, 111, 112 и 115 УК РФ, которые были совершены осужденными в условиях исправительных учреждений, расположенных в 13 субъектах Российской Федерации (республики Калмыкия, Коми и Мордовия, Хабаровский край, Архангельская, Иркутская, Курганская, Мурманская, Новосибирская, Омская, Пензенская, Свердловская и Челябинская области), можно выделить следующие криминалистические классификации данных преступных деяний.

Криминалистические классификации преступлений, связанные с данными о свойствах личности преступника (потерпевшего). Данные о свойствах личности преступника (потерпевшего) традиционно включают в себя биологические (природные, естественные) и социальные начала (приобретенные в процессе жизни в обществе) [Дяблова 2016, с. 105]. Некоторые ученые в качестве третьей составляющей личности человека выделяют психологические признаки. Однако полагаем, что они также обусловлены биологическими и социальными свойствами, и в силу этого не представляют самостоятельной группы. Названные качества личности обеспечивают ее индивидуальность, что имеет существенную криминалистическую значимость при расследовании преступлений, в том числе совершенных в местах лишения свободы [Акчурин 2019, с. 59].

Исходя из вышеназванных характеристик личности преступника (потерпевшего), нами выделены следующие основания для классификации исследуемых преступлений:

а) пол – преступления совершены как в отношении осужденных мужского (97 %) и женского (3 %) пола, так и данными лицами;

б) возраст – преступления совершены в отношении лиц в возрасте до 18 лет – 2 %, 18–29 лет – 56 %, 30–39 лет – 24 %, 40–49 лет – 14 %, 50 лет и старше – 4 %, так и данными осужденными;

в) психическое состояние здоровья человека – преступления совершены как осужденными, не

страдающими (64 %) и страдающими психическими отклонениями (36 %), так и в отношении таких лиц.

В условиях исправительного учреждения наиболее ярко свойства личности преступника (потерпевшего) проявляются через тюремную субкультуру, в частности, немаловажную роль здесь играет условная стратификация осужденных:

а) нарушившие нормы тюремной субкультуры;

б) нейтрально относящиеся к нормам тюремной субкультуры;

в) придерживающиеся норм тюремной субкультуры.

В зависимости от перечисленных групп можно классифицировать и преступления анализируемой категории.

Следующим основанием для классификации является наличие или отсутствие у осужденных взысканий (поощрений) от администрации исправительного учреждения. Так, согласно результатам проведенного нами исследования по этому признаку можно систематизировать преступления следующим образом.

Преступления, совершенные осужденными:

а) имеющими только поощрения, – 7 %;

б) имеющими поощрения и взыскания, – 27 %;

в) имеющими только взыскания, – 52 %;

г) не имеющими ни поощрений, ни взысканий, – 14 %.

В соответствии с данным признаком выделяются и преступления, совершенные в отношении осужденных по аналогичному принципу.

Не менее важным критерием для систематизации умышленных преступлений против жизни и здоровья выступает и преступный опыт лица, совершившего преступное деяние. Несмотря на то, что все осужденные имеют такой опыт, тем не менее представляет интерес выделение преступлений:

а) совершенных лицом, ранее уже совершавшим аналогичные противоправные деяния, – 39 %;

б) совершенных лицом, имеющим опыт совершения иных преступлений, – 61 %.

Раскрытие и расследование преступлений первой группы, в отличие от второй, может представлять некоторые трудности, поскольку совершение однотипных преступлений связано с приобретением преступником определенных навыков противоправных действий и дальнейшего сокрытия преступления.

Помимо того, для классификации преступлений исследуемых видов характерны и другие основания, например: уровень образования, культурного воспитания преступника (потерпевшего); семейное положение; наличие несовершеннолетних детей; отношение к трудовой деятельности; склонность к злоупотреблению спиртными напитками, наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами; нахождение на профилактическом учете и т. д.

Криминалистические классификации преступлений, связанные со спецификой мотивов их совершения. Преступления, связанные с умышленным причинением вреда жизни и здоровью среди осужденных в условиях исправительного учреждения, могут классифицироваться и по признакам, характеризующим преступника с точки зрения мотивов, которым он руководствовался при совершении преступных деяний. В уголовном праве под мотивом понимается побуждение, которым руководствуется лицо, совершая общественно опасное деяние. Такое понимание мотива имеет и криминалистическое значение, так как способствует выяснению обстоятельств содеянного, установлению субъекта преступления, его изобличению, а также решению иных криминалистических задач.

На основе анализа уголовных дел по изучаемой категории преступлений в зависимости от мотива выделяются такие основания для их классификации, как:

а) по мотивам мести – 54 %;

б) по мотивам ревности – 6 %;

в) из хулиганских побуждений – 24 %;

г) по корыстным мотивам – 9 %;

д) для сексуального удовлетворения – 2 %;

е) для сокрытия других преступлений, избежания ответственности за их совершение – 5 %.

Криминалистические классификации преступлений, связанные со спецификой обстановки его совершения. В качестве оснований для криминалистической классификации умышленных преступлений против жизни и здоровья, совершенных осужденными на территории исправительного учреждения, могут использоваться и данные, характеризующие обстановку совершения преступления.

К таким основаниям относятся:

а) вид исправительного учреждения, где совершено преступление: исправительные колонии – 76 %, воспитательные колонии – 3 %, тюрьмы – 2 %, лечебные – 11 % и иные учреждения – 8 %;

б) режим отбывания наказания: исправительные колонии общего – 21 %, строгого – 71 %, особого режимов – 6 %; колонии-поселения – 2 %;

в) конкретное место совершения преступления – отдельные участки территории исправительного учреждения;

г) место совершения преступления: помещение (жилое, нежилое) – 78 %; на открытой местности – 22 %;

д) время суток: с 22.00 до 06.00 – 43 %, с 06.00 до 10.00 – 18 %, с 10.00 до 18.00 – 24 %, с 18.00 до 22.00 – 15 %;

е) день недели: выходной – 43 %, праздничный – 31 % и будний – 26 %;

ж) времена года: зима – 24 %, лето – 22 %, весна – 28 % и осень – 26 %.

Криминалистические классификации преступлений, связанные со способами их совершения и сокрытия. Говоря об этой классификации, надо отметить, что мы придерживаемся мнения тех авторов, которые включают действия по сокрытию преступления в понятие способа совершения преступления лишь в том случае, когда его подготовка, совершение и сокрытие происходили по единому замыслу. Все эти действия связаны между собой в одну систему и, не совершив еще преступления, субъект уже имеет четкую программу по его сокрытию [Белкин 1979, с. 190].

В свою очередь способ сокрытия преступления – умышленное уничтожение, утаивание, маскировка или фальсификация доказательственной или иной криминалистически значимой информации либо ее источника, а также инсценировка преступного деяния [Белкин 1979, с. 234].

Исходя из этого, а также на основании мнений ряд авторов (Головин 2013, с. 33–35; Давыдова 2009, с. 68–73) и анализа преступлений изучаемой категории, нами выделены следующие критерии классификации:

– структура способа совершения преступления:

а) в способе совершения преступления присутствуют действия по его подготовке, совершению и сокрытию – 8 %;

б) в способе совершения преступления присутствуют действия по его подготовке и совершению – 12 %;

в) в способе совершения преступления присутствуют действия по его совершению и сокрытию – 17 %;

г) в способе совершения преступления отсутствуют действия по его подготовке или сокрытию – 63 %;

– наличие или отсутствие в процессе совершения преступления какого-либо орудия. В соответствии с ним выделяются группы преступлений:

а) умышленное причинение потерпевшему телесных повреждений при помощи разных орудий – 83 %;

б) умышленное причинение потерпевшему телесных повреждений без какого-либо орудия (например, избиение потерпевшего руками, ногами) – 4 %;

в) умышленное причинение потерпевшему телесных повреждений при помощи рук (ног) и какого-либо орудия – 13 %;

– признак используемых орудий. Данная информация имеет особое значение для установления личности преступника. Так, существенное значение для классификации и расследования преступлений имеют сведения об использовании им заранее подготовленного орудия или предмета (средства), используемого в качестве такового, поскольку это говорит, как правило, об умышленном характере совершенного преступления. Возможны такие ситуации, когда преступление является умышленным, но преступником в качестве орудия используются случайные предметы (арматура, камни и т. п.). Исходя из этого исследуемые преступления можно классифицировать так:

а) умышленное причинение потерпевшему телесных повреждений заранее подготовленным орудием – 37 %;

б) умышленное причинение потерпевшему телесных повреждений «случайным» предметом, используемым в качестве орудия, – 63 %;

– сфера использования предметов (средств), применяемых в качестве орудия:

а) предметы интерьера (табурет, душка от кровати и т. д.) – 16 %;

б) предметы бытового назначения (чайник, посуда и т. д.) – 12 %;

в) предметы производственного и хозяйственного назначения (топор, ножницы, черенок от лопаты, лом и т. д.) – 26 %;

г) самодельные предметы, используемые в качестве орудия (специально заостренные либо заточенные металлические пластины, супинатор ботинка, кусок стальной проволоки и т. д.) – 37 %;

д) иные предметы (средства), используемые в качестве орудия (кирпич, металлический прут, труба и т. д.) – 9 %;

– дальнейшее использование при совершении преступления орудия или предмета (средства), используемого в качестве такового:

а) преступления, после совершения которых орудия забираются с места происшествия (выбрасываются, укрываются, уничтожаются и т. д.) – 67 %;

б) преступления, после совершения которых орудия остаются на месте происшествия (на близлежащих территориях) – 33 %;

– число лиц, совершивших преступления изучаемой категории:

а) совершение преступных деяний в одиночку – 92 %;

б) совершение преступления группой лиц – 8 %;

– распределение ролей при реализации намеченного способа совершения преступления между его участниками:

а) преступления, совершаемые без распределения ролей между ними, – 87 %;

б) преступления, совершаемые со строгим распределением преступных ролей, – 13 %.

Завершая статью, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, криминалистическая классификация преступлений является одной из теоретических конструкций, использование которой способно повысить эффективность предварительного расследования преступных деяний. Она способствует выдвижению следственных версий, эффективному моделированию следов преступления, установлению с учетом свойств личности преступника используемых им способов совершения преступления и т. п. Помимо того, указанная классификация направлена на индивидуализацию методики расследования преступлений, т. е. на учет особенностей преступного деяния, наполнение типовой схемы расследования преступления своеобразным методическим содержанием.

Во-вторых, помимо уголовно-правовой классификации преступлений, лежащей в основе принципа разработки частных криминалистических методик, необходимы криминалистические классификации преступлений, которые позволяют выявить иные закономерности и характеристики, важные для расследования преступлений. В качестве оснований классификаций выступают сведения, раскрывающие структуру криминалистической характеристики преступления, между которыми установлены корреляционные связи и зависимости, носящие закономерный характер.

В-третьих, проведенное нами исследование позволило выявить основания для классификации преступлений, связанных с умышленным причинением вреда жизни и здоровью и совершенных осужденными в условиях исправительного учреждения, которые включают в себя криминалистические данные: о свойствах личности преступника (потерпевшего), мотивах преступления, способах совершения и сокрытия преступления, об обстановке совершения преступления. Выделение указанных сведений способствует своевременному и качественному раскрытию и расследованию преступлений анализируемых видов.

Список цитируемых источников

Акчурин 2019 – *Акчурин А. В.* Личность пенитенциарного преступника: криминалистический аспект. М. : Юрлитинформ, 2019. 224 с.

Белкин 1979 – *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики. В 3 т. Т. 3. М. : Акад. МВД СССР, 1979. 407 с.

Бойко 2012 – *Бойко Ю. Л.* О сущности криминалистической классификации видов корыстно-насильственных преступлений // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2012. № 1(22). С. 51–54.

Варданян, Кулешов 2015 – *Варданян А. В., Кулешов Р. В.* Криминалистические классификации преступлений и их системообразующая роль в формировании частных криминалистических методик расследования преступлений как научно обоснованных комплексов криминалистических рекомендаций // Российский следователь. 2015. № 21. С. 5–9.

Герасимов 1975 – *Герасимов И. Ф.* Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1975. 183 с.

Головин 2013 – *Головин А. Ю.* Базовые криминалистические классификации преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2. С. 31–40.

Головин 2002 – *Головин А. Ю.* Криминалистическая систематика / под общ. ред. Н. П. Яблокова. М. : ЛексЭст, 2002. 335 с.

Давыдова 2009 – *Давыдова Н. Н.* Криминалистические классификации преступлений и методик их расследования (теоретические проблемы) : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 229 с.

Дяблова 2016 – *Дяблова Ю. Л.* Понятие и структура личности в криминалистике // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2-2. С. 99–110.

Колесниченко 1967 – *Колесниченко А. Н.* Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. 28 с.

Образцов 1988 – *Образцов В. А.* Криминалистическая классификация преступлений. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 176 с.

Подольный 2014 – *Подольный Н. А.* Криминалистическая классификация преступлений как средство оптимизации расследования // Библиотека криминалиста. 2014. № 2(13). С. 201–214.

Субботина, Резван 2008 – *Субботина М. В., Резван А. П.* Криминалистическая классификация преступлений против жизни и здоровья, совершаемых несовершеннолетними // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2008. № 2(7). С. 65–69.

Трубачев 1975 – *Трубачев А. Д.* Следственные ситуации в раскрытии отдельных видов преступлений // Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Свердловск : [б. и.], 1975. С. 68–81.

Яблоков 2015 – *Яблоков Н. П.* Криминалистическая классификация преступлений в методике расследования и ее виды // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2015. № 5. С. 40–51.

References

Akchurin, A. V. (2019), *Lichnost' penitentsiarnogo prestupnika: kriminalisticheskii aspekt* [The identity of a penitentiary criminal: a forensic aspect], Yurlitinform, Moscow, Russia.

Belkin, R. S. (1979), *Kurs sovetskoi kriminalistiki, v 3 t., t. 3* [The course of the Soviet criminalistics, in 3 vol., vol. 3] Akademiya MVD SSSR, Moscow, USSR.

Boiko, Yu. L. (2012), "On the essence of criminalistic classification of types of self-serving and violent crimes", *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 1(22), pp. 51–54.

Gerasimov, I. F. (1975), *Nekotorye problemy raskrytiya prestuplenii* [Some problems of solving crimes], Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, Sverdlovsk, USSR.

Golovin, A. Yu. (2013), "Basic criminalistic classifications of crimes", *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki,* no. 2-2, pp. 31–40.

Golovin, A. Yu. (2002), *Kriminalisticheskaya sistematika* [Forensic systematics], in Yablokov, N. P. (ed.), LeksEst, Moscow, Russia.

Davydova, N. N. (2009), Criminalistic classifications of crimes and methods of their investigation (theoretical problems), Ph. D. Thesis, criminal procedure, criminalistics, forensic science, crime detection, Saratov State Academy of Law, Saratov, Russia.

Dyablova, Y. L. (2016), "Concept and structure of personality in criminology", *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie nauki,* no. 2-2, pp. 99–110.

Kolesnichenko, A. N. (1967), Scientific and legal bases of investigation of certain types of crimes, Abstract Sc. D. dissertation, criminal procedure, criminalistics, Kharkov Law Institute, Kharkov, USSR.

Obraztsov, V. A. (1988), *Kriminalisticheskaya klassifikatsiya prestuplenii* [Criminalistic classification of crimes], Krasnoyarskii universitet, Krasnoyarsk, USSR.

Podol'ny, N. A. (2014), "Criminalistic classification of crimes as a means of optimizing the investigation", *Biblioteka kriminalista,* no. 2(13), pp. 201–214.

Subbotina, M.V. and Rezvan, S. A. (2008), "Criminological classification of crimes against life and health committed by minors", *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii,* no. 2(7), pp. 65–69.

Trubachev, A. D. (1975), "Investigative situations in the detection of certain types of crimes", *Sledstvennye situatsii i raskrytie prestuplenii* [The investigation of the situation and detection of crime], s. n., Sverdlovsk, USSR.

Vardanyan, A. V. and Kuleshov, R. V. (2015), "Criminalistic classifications of crimes and their system-forming role in the formation of private criminalistic methods of crime investigation as scientifically based complexes of criminalistic recommendations", *Rossiiskii sledovatel'*, no. 21, pp. 5–9.

Yablokov, N. P. (2015), "Forensic classification of crimes in the investigation methodology and its types, *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 11 Pravo,* no. 5, pp. 40–51.

Информация об авторе

Дечкин Олег Михайлович,
Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, Вологда, Российская Федерация;
olegD4105@mail.ru

Information about the author

Dechkin Oleg M.,
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, the Russian Federation;
olegD4105@mail.ru

Для цитирования

Дечкин О. М. Криминалистическая классификация умышленных преступлений против жизни и здоровья, совершенных осужденными в условиях исправительного учреждения // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 55–61.

For citation

Dechkin, O. M. (2020), "Criminalistic classification of willful crimes against life and health committed by convicts in a correctional facility", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 55–61.

УДК 347.440

Н. А. Ешкилева[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

N. A. Eshkileva[1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation*

Отдельные вопросы применения удержания имущества в сфере обязательственных правоотношений

Certain issues of application of retaining property in the field of mandatory legal relations

Ключевые слова: обязательства; договоры; должник; кредитор; способы обеспечения исполнения обязательств; удержание имущества; право собственности; самозащита прав.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы правового регулирования удержания имущества как одного из способов защиты гражданских прав в обязательственных правоотношениях; анализируются нормативные правовые акты, затрагивающие вопросы удержания имущества, выявляются проблемы, связанные с применением норм об удержании имущества; определяется подход к их решению путем внесения ряда изменений в действующее законодательство.

Key words: obligations; contracts; debtor; creditor; ways to ensure fulfillment of obligations; retention of property; ownership; self-protection of rights.

Abstract. The article deals with the legal regulation of retention of property as one of the ways to protect civil rights in legal obligations. This article analyzes the regulatory legal acts affecting the issues of property retention, identifies problems associated with the application of the rules on property retention, and defines an approach to solving them by introducing a number of amendments to the current legislation.

В условиях рыночной экономики договоры приобретают все большее значение, они являются основными регуляторами взаимоотношений субъектов. Договор дает сторонам возможность: выбирать по своему усмотрению условия, определять права и обязанности, устанавливать те или иные меры ответственности. В современной России большинство гражданских правоотношений основано на договорах, которые в свою очередь порождают взаимные обязательства сторон.

Одним из основополагающих начал гражданского права выступает принцип добросовестности участников гражданского оборота и разумности их действий. Как справедливо отмечают юристы-практики, «надлежащее исполнение обязательства следует рассматривать в качестве предполагаемой цели вступления сторон в договорные отношения, а применительно к внедоговорным обязательствам – в качестве презюмируемой линии поведения обязанного лица» [Дерхо 2020]. Согласно ст. 309 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями.

Однако на практике этот принцип часто нарушается сторонами договоров, поэтому крайне важно предусмотреть в законодательстве меры, позволяющие участникам обязательственных правоотношений защитить свои права и законные интересы в случае их нарушения. Любое нарушение предусмотренных договором условий порождает права кредитора требовать от должника исполнения его обязанностей. Законодательство предусматривает различные меры ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств: в первую очередь это возмещение убытков, если они наступили (принцип полного возмещения убытков закреплен в ст. 15 ГК РФ), выплата неустойки, потеря задатка и другое, – вплоть до расторжения договора. Важность обеспечения стабильности гражданского оборота и защиты прав сторон обусловливает необходимость постоянного развития и совершенствования системы способов обеспечения исполнения обязательств, в том числе за счет совершенствования и нормативного закрепления уже имеющихся и новых обеспечительных средств [Акинфиева 2019].

Еще на стадии заключения договора стороны могут предусмотреть различные способы обеспечения исполнения обязательств, тем самым определяя заранее последствия тех или иных возможных нарушений. Достаточно эффективным и часто применяемым средством обеспечения исполнения обязательств является неустойка. Внесение в договор условия о неустойке уже само по себе выполняет превентивную функцию и предостерегает стороны от просрочки выполнения своих

© Ешкилева Н. А., 2020

обязательств. Часто неустойка устанавливается законом. Например, Законом Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»[1] предусмотрены неустойки в виде пени для предпринимателей, нарушающих сроки по договору бытового подряда, причем стороны своим соглашением могут корректировать размеры установленной законом неустойки.

В качестве средства обеспечения исполнения обязательств также часто используется залог. Нормы о залоге занимают большую часть гл. 23 ГК РФ. Самым распространенным и наиболее востребованным видом залога в настоящее время является ипотека (залог недвижимого имущества). Залогодержатель заранее обеспечивает себе возможность в будущем, в случае неисполнение своих обязательств должником, реализовать предмет залога и компенсировать свои убытки.

В зависимости от конкретного вида договора и другие способы обеспечения исполнения обязательств достаточно хорошо себя зарекомендовали на практике. Например, не так давно включенный в гл. 23 ГК РФ обеспечительный платеж почти повсеместно используется при заключении договора найма жилого помещения, хотя в самих договорах иногда наблюдается смешение терминов, и обеспечительный платеж именуется задатком, предоплатой и т. д., но внимательное прочтение текста договора не оставляет никаких сомнений в сущности данного платежа как обеспечительного, который взимается с нанимателя на случай порчи имущества наймодателя, неоплаты коммунальных услуг и других возможных нарушений. Если таких нарушений не будет допущено, обеспечительный платеж возвращается нанимателю при расторжении договора или идет в счет оплаты последнего месяца проживания.

Отдельные ученые среди гражданско-правовых способов обеспечения исполнения обязательств отдельно выделяют предпринимательско-правовые [Харитонова 2018]. Не будем подробно останавливаться на всех предусмотренных законом способах обеспечения обязательств, проанализируем один из них – удержание вещи должника. Объектом удержания может быть как движимая, так и недвижимая вещь, не могут являться предметом удержания деньги, ценные бумаги, имущественные права, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности, информация, нематериальные блага. В соответствии со ст. 359 ГК РФ кредитор, у которого находится вещь, подлежащая передаче должнику либо лицу, указанному должником, вправе, в случае неисполнения должником в срок обязательства по оплате этой вещи или возмещению кредитору связанных с нею издержек и других убытков, удерживать ее до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет исполнено.

К этому, достаточно востребованному на практике, способу защиты гражданских прав часто обращаются предприниматели, стороны договоров аренды и подряда. Данную меру можно отнести к самозащите прав, которая допускается лишь при нарушении прав кредитора, осуществляется с целью пресечения этого правонарушения, применяется кредитором без обращения к суду. При этом самозащита должна соответствовать способу и характеру нарушения[2].

Правом на удержание кредитор может воспользоваться вне зависимости от того, предусмотрено это в договоре или нет. Сразу оговоримся, что арендатор вправе предложить включить в договор условие, запрещающее удержание имущества арендодателем. Несмотря на кажущуюся очевидность применения удержания в случае, когда есть на то основания, на практике кредиторы сталкиваются с большим количеством проблем и ньюансов, когда один неверный шаг может самозащиту права превратить в самоуправство.

В ГК РФ удержанию уделено недостаточно внимания, поэтому алгоритм реализации права на удержание складывается в основном из правоприменительной практики. Отдельные спорные моменты применения удержания рассмотрены в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11 января 2002 г. № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой»[3], в частности, в п. 14 разъяснено, при соблюдении каких условий арендодатель вправе удерживать принадлежащее арендатору оборудование, оставшееся в арендовавшемся помещении после прекращения договора аренды, в обеспечение обязательства арендатора по внесению арендной платы за данное помещение. Во-первых, в отношениях между предпринимателями удержанием вещи могут обеспечиваться также обязательства, не связанные с оплатой данной вещи или возмещением издержек на нее. Во-вторых, право на удержание вещи должника возникает у кредитора лишь в том случае, когда спорная вещь оказалась в его владении на законном основании. Возможность удержания не может быть следствием захвата вещи должника помимо его воли. В качестве примера удержания вещи на законном основании приводится пример оставления арендатором оборудования в помещении после истечения срока аренды, т. е. после утраты

[1] Российская газета. 1996. 16 янв.

[2] О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 23 июня 2015 г. № 25. П. 10 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

[3] Вестник ВАС РФ. 2002. № 3.

права на соответствующее помещение. Однако данные разъяснения не внесли полной ясности в разрешение подобных споров, что подтверждается большим количеством арбитражных дел, основанных на исках должников об истребовании имущества из чужого незаконного владения.

Рассмотрим пример из судебной практики. Между ИП (далее: арендодатель) и ООО (далее: арендатор) был заключен договор аренды. По условиям договора арендодатель обязался передать арендатору во временное владение и пользование нежилое помещение за плату для использования под офис. Договором были определены случаи, когда договор может быть расторгнут, в том числе при допуске арендатором просрочки внесения арендной платы в течение двух месяцев. При досрочном расторжении договора одной стороной, она должна уведомить об этом другую сторону не менее, чем за 30 календарных дней. Материалами дела подтверждается, что с декабря арендатор ненадлежащим образом исполнял обязанность по оплате арендных и коммунальных платежей. Неисполнение требований об оплате долга в добровольном порядке явилось основанием для подачи иска. Необходимо отметить, что после уведомления арендодателя о расторжении договора вследствие неуплаты арендных платежей арендатор продолжал пользоваться арендованным помещением. Тогда арендодатель перекрыл арендатору доступ в помещение и удержал находящееся в помещении имущество арендатора. В адрес арендодателя арендатор направил письмо с требованием о расторжении договора и возврате незаконно удерживаемого имущества арендатора. Ссылаясь на незаконность удержания находящегося в арендованном помещении имущества, в результате чего арендатору причинены убытки, ответчик обратился в суд со встречным иском. Оценив доказательства по делу, суд признал иск подлежащим удовлетворению, встречный иск подлежащим удовлетворению частично по следующим основаниям. Наличие долга в заявленном размере ответчиком не оспаривалось. Поскольку доказательств оплаты долга ответчиком не представлено, иск подлежит удовлетворению. В отношении встречного иска суд пришел к следующему выводу. В силу ст. 301 ГК РФ собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения. Из материалов дела и пояснений сторон следует, что на момент прекращения доступа помещение арендатором не было освобождено. Возражая против встречного иска, истец указал на то, что имущество им удерживается на законных основаниях в порядке ст. 359 ГК РФ. Существо удержания как способа обеспечения исполнения обязательств состоит в праве кредитора удерживать оказавшуюся у него вещь должника до погашения долга под угрозой удовлетворения требований за счет стоимости удерживаемого имущества. Факт удержания имущества арендатора подтверждается материалами дела. Факт того, что на момент удержания договор аренды являлся расторгнутым, сам по себе не свидетельствует о законности удержания, поскольку истцом не представлено доказательств того, что после прекращения действия договора аренды арендодатель направлял арендатору требования об освобождении помещения, которые не исполнялись ответчиком. Кроме того, материалами дела также подтверждается, что арендодатель удержал все имущество, находящееся на момент прекращения доступа арендатора в спорное помещение, в том числе и документы (бухгалтерские, учредительные и иные), за счет которых не могли быть удовлетворены требования кредитора. Оценка стоимости удержанного имущества, которая могла бы быть соотнесена с размером долга арендатора, не производилась. При изложенных обстоятельствах произведенное истцом удержание имущества не может быть признано правомерным и законным[1].

Таким образом, можно говорить о явном противопоставлении двух охраняемых законом интересов: абсолютное право собственника истребовать свое имущество из чужого незаконного владения и относительное право кредитора, возникшее в силу обязательств. Разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации о том, что возможность удержания не может быть следствием захвата вещи должника помимо его воли, тоже трудновыполнимо на практике. Собственник удерживаемого имущества чаще всего активно выступает против удержания и пытается всеми доступными способами вернуть имущество, в том числе обращаясь с виндикационным иском в суд либо в правоохранительные органы, обвиняя кредитора в самоуправстве. В судебной практике также встречаются случаи взыскания с арендодателя убытков, вызванных незаконным удержанием имущества арендатора, например постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 3 сентября 2018 г. № Ф07-9625/2018 по делу № А56-87120/2016[2].

Довольно распространен еще один способ востребования удерживаемого имущества – заключение договора купли-продажи с третьим лицом. Часто эта сделка регистрируется задним числом

[1] Решение Арбитражного суда Хабаровского края от 19 апреля 2016 г. по делу № А73-11483/2015. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/ksTWQj1YPVHj (дата обращения: 01.06.2020).

[2] URL: https://sudact.ru/arbitral/court/reshenya-fas-severo-zapadnogo-okruga (дата обращения: 01.06.2020).

и, по сути, является мнимой, так как совершается не с целью передачи права собственности на имущество другому лицу, а с целью избежать имущественной ответственности. Третье лицо предъявляет свои права на имущество и получает его, а кредитор лишается возможности реализовать свое право на самозащиту в виде продажи удерживаемого имущества должника и погашения дебиторской задолженности, так как владение кредитора удерживаемой чужой вещью является незаконным, если у ее собственника перед ним нет никаких неисполненных обязательств, в счет которых могло бы осуществляться удержание. Право собственности обладает абсолютным характером и приоритетом в защите.

В качестве одного из правовых способов решения данной проблемы юристы предлагают кредитору подать заявление в суд о фальсификации доказательств по делу, оспорить сделки в качестве заинтересованного лица, обосновать аффилированность должника с третьим лицом [Бычков 2017]. Однако для кредитора этот вариант является сложным для реализации, так как наличие в действиях должника и третьего лица признаков злоупотребления правом должно быть подкреплено конкретными доказательствами. Хотя в судебной практике и встречаются подобные дела по иску о признании сделки с третьим лицом недействительной и решении в пользу кредитора, но их не так много.

Применительно к данной ситуации интересный спор рассмотрел Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 12 августа 2014 г. по делу № А40-118755/13-105-10944. Арендодатель обратился в суд с иском об обращении взыскания на удерживаемое им имущество арендатора, однако арендатор предоставил соглашение, которым он передал это имущество в счет погашения долга третьему лицу. Суды первой и апелляционной инстанций вынесли судебные акты в пользу арендатора и отказали арендодателю. Однако Арбитражный суд Московского округа не согласился с выводами судов. Он верно установил, что представленное соглашение заключено с целью предотвратить наложение взыскания на имущество арендатора. Со ссылкой на п. 3 ст. 1, ст. 10 ГК РФ и п. 10 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2008 г. № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 ГК РФ» он указал, что никто не вправе действовать в обход закона с противоправной целью, и посчитал соглашение недействительным [Рябцев 2016].

Со стороны кредитора тоже встречаются нарушения, связанные с удержанием имущества, когда кредитор без должного юридического оформления забирает имущество должника и хранит его в не известном для последнего месте, а должник вынужден доказывать, какое конкретно имущество удерживается кредитором. В данном случае, на наш взгляд, требования о взыскании убытков и неосновательного обогащения в отношении кредитора будут вполне уместны.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно отметить следующее: возможность удерживания имущества предусмотрена законодательством, является способом обеспечения обязательств и одним из способов защиты гражданских прав. Удержание имущества – мера необходимая и весьма эффективная, в том числе и по причине отсутствия необходимости предусматривать ее отдельно в договоре, как, например, залог. Удержание имущества также может быть полезно кредитору в случае банкротства должника. В Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[1] предусмотрены специальные правила, касающиеся требований, обеспеченных удерживаемым имуществом.

Однако данный институт права недостаточно полно раскрыт в гражданском законодательстве. Судебная практика по делам, связанным с удержанием имущества, достаточно противоречива. В связи с этим, по нашему мнению, необходимо более подробно регламентировать отношения сторон по удержанию имущества. Во-первых, прописать в законе обязанность кредитора незамедлительно уведомлять должника об удержании его имущества (по аналогии с приемкой товара по договору поставки в случае обнаружения недостатков). Во-вторых, необходимо четко определить момент, с которого удержание имущества будет законным, для этого законодательно закрепить правило, в соответствие с которым удержание имущества возможно только после окончания действия договора, либо позволить сторонам в договоре урегулировать условия и сроки применения данной меры. Например, установить в договоре аренды возможность удержания имущества в случае неуплаты должником по своим обязательствам в течение трех месяцев подряд. Необходимо четко определить, на каком вещном праве должно принадлежать имущество должнику, чтобы оно могло быть предметом удержания, и таким образом пресечь многочисленные попытки должника уйти от удержания его имущества путем заключения фиктивных сделок купли-продажи с третьими лицами.

[1] Российская газета. 2002. 2 нояб.

Список цитируемых источников

Акинфиева 2019 – *Акинфиева В. В.* Обеспечительный платеж как способ обеспечения исполнения обязательств в российском гражданском праве. М. : Статут, 2019. 159 с.

Бычков 2017 – *Бычков А.* Об удержании чужого имущества // ЭЖ-Юрист. 2017. № 32(983). URL: https://www.eg-online.ru/article/352559 (дата обращения: 10.06.2020).

Дерхо 2020 – *Дерхо Д. С.* Исполнение обязательств. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Рябцев 2016 – *Рябцев В.* Анализ споров, вытекающих из удержания арендодателем имущества арендатора в счет задолженности по арендной плате // Жилищное право. 2016. № 6. С. 67–74.

Харитонова 2018 – *Харитонова Ю. С.* Предпринимательские способы обеспечения исполнения обязательств // Предпринимательское право. 2018. № 1. С. 27–30.

References

Akinfieva, V. V. (2019), *Obespechitel'nyi platezh kak sposob obespecheniya ispolneniya obyazatel'stv v rossiiskom grazhdanskom prave* [Security payment as a way to ensure fulfillment of obligations in Russian civil law], Statut, Moscow, Russia.

Bychkov, A. (2017), "On the retention of another's property", *EZh-Yurist,* no. 32(983), available at: https://www.eg-online.ru/article/352559 (Accessed 6 Oct. 2020).

Derkho, D. S. (2020), "Fulfillment of obligations", the document was not published (Accessed from "Consultant Plus").

Ryabtsev, V. (2016), "Analysis of disputes arising from the lessor holding the tenant's property on account of the rent arrears", *Zhilishchnoe pravo,* no. 6, pp. 67–74.

Kharitonova, Yu. S. Entrepreneurial ways to ensure fulfillment of obligations, *Predprinimatel'skoe pravo,* no. 1, pp. 27–30.

Информация об авторе

Ешкилева Наталия Александровна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; eshkileva@mail.ru

Information about the author

Eshkileva Nataliya A.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; eshkileva@mail.ru

Для цитирования

Ешкилева Н. А. Отдельные вопросы применения удержания имущества в сфере обязательственных правоотношений // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 62–66.

For citation

Eshkileva, N. A. (2020), "Certain issues of application of retaining property in the field of mandatory legal relations", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 62–66.

УДК 343.98+347.963

П. И. Иванов[1]
[1]*Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*

P. I. Ivanov[1]
[1]*Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation*

Вопросы соотношения контроля и надзора за оперативно-розыскной деятельностью (понятия и признаки их разграничения)

Issues of correlation of control and supervision of operational-search activities (concepts and signs of their differentiation)

Ключевые слова: контрольно-надзорные функции; оперативно-розыскная деятельность; ведомственный контроль; прокурорский надзор; совокупность признаков; разграничение контроля и надзора.

Аннотация. Автор на основе изучения и анализа законодательных и иных нормативных правовых актов, научных публикаций, правоприменительной практики рассматривает вопросы соотношения контроля и надзора за оперативно-розыскной деятельностью; формулирует понятия «ведомственный контроль», «прокурорский надзор», а также раскрывает сущность контроля и надзора через совокупность признаков, их характеризующих.

Key words: control and supervisory functions; operational-search activity; departmental control; prosecutor's supervision; a set of features; the separation of control from supervision.

Abstract. In this article, based on the study and analysis of legislative and other regulatory legal acts, scientific publications, and law enforcement practice, the question of the correlation of control and supervision of operational investigative activities is considered. The author gives the concepts of "departmental control", "prosecutor's supervision", and also provides the essence of control and supervision, disclosed through a set of features that characterize them.

При реализации контрольно-надзорных функций контроль и надзор дополняют друг друга, поскольку преследуют единую цель. Они являются взаимообусловленными видами деятельности, их противопоставлять друг другу ни в коей мере нельзя, так как это противоречит самой природе и предназначению указанных функций.

Проводимые в стране реформы сопровождаются постоянным совершенствованием уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-розыскного и иного законодательства, системы и структуры органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее: ОРД), и органов прокуратуры, правоприменительной их практики, вследствие чего объективно необходимо его теоретическое осмысление с учетом планируемых перемен. Учитывая это обстоятельство, нами предпринята попытка в рамках настоящей статьи: проанализировать состояние контроля и надзора за ОРД; ответить на вопрос, как сегодня они соотносятся друг с другом, а также раскрыть сущность названных категорий через призму наиболее значимых признаков, их характеризующих.

Анализ юридической литературы показывает, что в настоящее время среди ученых, занимающихся разработкой теорий прокурорского надзора и ОРД, по вопросу о понятии и сущности контроля и прокурорского надзора за ОРД нет единства во мнении. Существующие в настоящее время различные взгляды и подходы вполне закономерны, названные теории не догма, не стоят на одном месте, они, как известно, постоянно развиваются в поисках оптимального варианта организации и проведения контроля и надзора за ОРД.

Вопросы, связанные с организацией, в частности, прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД[1], находятся в центре внимании ученых и практиков. Особая заслуга в этом принадлежит таким авторами, как: О. Д. Жук, О. С. Капинус, Н. Н. Карпов, С. Г. Кехлеров, А. Ф. Козусев, А. Ф. Смирнов, А. Я. Сухарев, Ю. Г. Торбин. Их работы внесли значительный вклад в теорию управления в органах прокуратуры, а также в развитие правовой основы деятельности прокуратуры.

Забегая вперед, отметим, что ввиду конспиративности ОРД, прокурорский надзор сегодня является наиболее эффективным средством установления законности в процессе разработки и проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее: ОРМ), направленных на решение ее задач.

Рассмотрим более подробно понятие и сущность контроля и надзора за ОРД[2], а также признаки, их характеризующие.

[1] В ходе дальнейшего изложения, наряду с полным наименованием названного вида прокурорского надзора, также будет использоваться термин «прокурорский надзор», понимаемый нами в общем виде как вид государственной деятельности, осуществляемый уполномоченным на то прокурором в целях обеспечения верховенства закона в сфере ОРД.

[2] Между прокурорским надзором, его отраслями и отдельными подвидами существует диалектическая связь общего, особенного и единичного.

© Иванов П. И., 2020

Законодатель не случайно в совокупности рассматривает контроль и надзор, поскольку они выполняют тесно взаимосвязанные функции, подчиненные единой цели, хотя и достигается она посредством решения разных задач.

Вначале обратимся к общим признакам, которые присущи и контролю, и надзору за ОРД и которые помогут выявить общие точки их соприкосновения (так называемое родство). К их числу мы относим следующие:

– *единая правовая основа ОРД органов, осуществляющих указанный вид деятельности.* Не случайно законодатель в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[1] (далее: ФЗ «Об ОРД») посвятил этому отдельную главу (6), именовав ее «Контроль и надзор за оперативно-розыскной деятельностью»;

– *вид государственной деятельности специально уполномоченных государственных органов и должностных лиц по проведению ОРМ,* в том числе ограничивающих конституционные права личности;

– *негласный, конспиративный характер ОРД.* Данный вид правоохранительной деятельности осуществляется преимущественно негласными силами и средствами, а это, как известно, ограничивает возможность контроля за работой оперативных подразделений со стороны граждан и общественных организаций. Даже контроль со стороны органов государственной власти по этой же причине отчасти затруднен;

– *сопряженность ряда ОРМ с ограничением конституционных прав и свобод граждан.* ОРД – особый вид деятельности государственных органов, предназначенный для защиты прав и интересов юридических, физических лиц и государства от преступных посягательств. Для того чтобы обеспечить успешное решение этой задачи, порой приходится по закону ограничить права и свободы граждан: право на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, неприкосновенность жилища.

Наряду с общими, существуют и отличительные признаки. Остановимся на них подробнее.

Понятие и сущность контроля как одной из функций управленческого воздействия в целях обеспечения соблюдения законности при осуществлении ОРД целесообразно определить, как мы отмечали выше, через признаки, их характеризующие. Следуя этой методике, выделим лишь два наиболее значимых признака:

– *многообразие государственных органов, осуществляющих контроль за ОРД.* Это во многом обусловлено конспиративным характером указанной деятельности, сопряженностью ряда проводимых оперативными работниками ОРМ с ограничением конституционных прав и свобод граждан [Иванов 2020b, с. 140–141].

Государственные органы, как известно, осуществляют внешний контроль, при этом у них функции и полномочия разные, что позволяет им всесторонне изучить реальное состояние соблюдения законности в сфере ОРД.

В силу указанных причин объективно обусловлено осуществление государственного контроля. В настоящее время эту функцию выполняют такие виды контроля, как: президентский, парламентский, контроль органов исполнительной власти и ведомственный. Между тем среди специалистов в области теории ОРД сегодня также нет единого мнения по этому вопросу. Одни из них (Э. И. Бордиловский, Н. Н. Васильев, Н. П. Голяндин и др.) утверждают, что в соответствии с ФЗ «Об ОРД» существует такие виды контроля, как: президентский, парламентский, правительственный, судебный, ведомственный, общественный. Особенности общественного контроля вызывают много разногласий. В частности, сторонники данного вида контроля к субъектам его осуществления относят общественные объединения, Общественную палату Российской Федерации, общественные наблюдательные комиссии, общественные советы, граждан. При этом они руководствуются ст. 50 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»[2], распространяя эту норму и на оперативные подразделения полиции. Есть и другая точка зрения, сторонники которой (Е. С. Дубоносов, И. А. Климов, Л. Л. Тузов и др.) отстаивают свою позицию, выделяя формы контроля по числу субъектов внешнего контроля за ОРД: президентский, парламентский, контроль органов исполнительной власти и ведомственный. Нетрудно заметить, что отсутствует в перечне общественный контроль. Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что мы все же придерживаемся этой точки зрения, так как она более убедительная и соответствует оперативно-розыскному законодательству.

Из-за ограниченности объема статьи нами уделено основное внимание характеристике ведомственного контроля[3] на примере оперативных подразделений полиции, которых в системе органов, осуществляющих ОРД, всех больше[4];

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.

[2] Там же. 2011. № 7, ст. 900.

[3] Не случайно законодатель в ФЗ «Об ОРД» ведомственному контролю отвел отдельную норму (ст. 22), при этом он возлагает надежду на то, что благодаря его осуществлению удастся достичь соблюдения законности при организации и проведении ОРМ.

[4] О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России : приказ МВД России от 19 июня 2012 г. № 608 // Российская газета. 2012. 3 авг. В настоящее время в названной системе – 12 оперативных подразделений. На федеральном уровне представлена в виде централизованной системы контроля, имеющей те или иные звенья на окружном, меж-

– многообразие субъектов, правомочных осуществлять контроль. Органы, осуществляющие ОРД (их сегодня насчитывается 6), исчерпывающе перечислены в ФЗ «Об ОРД» (ст. 13). Они представляют различные министерства и ведомства. Такое разнообразие органов, безусловно, накладывает свой отпечаток на организацию и тактику осуществления прокурорского надзора за исполнением законов в сфере ОРД. Вследствие этого сегодня имеем столько же объектов прокурорского надзора, сколько органов, осуществляющих ОРД (поднадзорных). Отсюда следует еще одно немаловажное обстоятельство – множественность нормативных правовых актов, регламентирующих организацию и тактику проведения ОРМ (ч. 2 ст. 4 ФЗ «Об ОРД»), которое обусловлено многообразием органов, осуществляющих ОРД. А это в свою очередь создает некоторые сложности в работе уполномоченного прокурора, вызванные особым порядком их изучения и практического применения, поскольку специфика деятельности каждого органа (полномочия) нашли в них отражение. К сожалению, даже методика осуществления прокурорского надзора в силу указанных причин у них разная.

Говоря о ведомственном контроле, отметим, что в юридической и специальной литературе существует достаточно много определений понятия «ведомственный контроль». Одни специалисты считают, что контроль за ОРД предполагает деятельность уполномоченных субъектов по текущей или последующей проверке соблюдения подразделениями оперативно-розыскных органов порядка ее осуществления в целях выполнения задач, закрепленных оперативно-розыскным законодательством, реализации в практической деятельности принципов ОРД, порядка проведения ОРМ [Шхагапсоев, Галяндин 2016, с. 285]. Другие же полагают, что ведомственный контроль – это деятельность руководителей оперативно-розыскных подразделений по контролю за законностью осуществления ОРД и обеспечением прав и свобод граждан в процессе осуществления оперативно-розыскных мероприятий [Климов 2019]. Третьи утверждают, что ведомственный контроль представляет собой деятельность руководителей оперативно-розыскного органа по контролю за законностью действий должностных лиц оперативных подразделений, реализующих ОРД, в целях решения задач этой деятельности, эффективного применения сил и средств ОРД, обеспечения прав и свобод граждан [Горяинов, Овчинский, Синилов 2014, с. 642]. Представляется, это мнение в большей степени отражает суть и содержание ведомственного контроля.

Завершая краткую характеристику одного из звеньев контрольно-надзорной функции за осуществлением ОРД, перейдем к рассмотрению очередного ее звена – прокурорского надзора за ОРД.

В теории прокурорского надзора понятие и сущность прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, как правило, раскрываются через призму анализа наиболее значимых его признаков. Аналогичной позиции придерживаются и ведущие специалисты теории ОРД (В. М. Атмажитов, В. Г. Бобров, К. К. Горяинов, А. Ю. Шумилов и др.), утверждая, что это вопрос ключевой для любой науки. Мы также разделяем общепринятую точку зрения и полагаем, что избранный подход расширяет диапазон применения различных методов, позволяющих глубже проникнуть в существо самого механизма прокурорского надзора.

Отталкиваясь от высказанных суждений, рассмотрим наиболее значимые признаки прокурорского надзора.

Как нам представляется, принципиально важным для всех отраслей прокурорского надзора является положение о том, что прокуратура не входит ни в одну из ветвей государственной власти (законодательную, исполнительную и судебную). Ее статус в Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»[1] определен как «единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации» (п. 1 ст. 1). Это означает применительно к рассматриваемому нами виду прокурорского надзора (как основной функции органов прокуратуры) исключительность, т. е. невозможность его осуществления иными государственными органами путем проверки исполнения законов и подзаконных нормативных правовых актов. Более того, данная функция от имени государства осуществляется только специально уполномоченным на то прокурором. В связи с вышесказанным особо подчеркнем, что прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, – это исключительная прерогатива уполномоченного прокурора, имеющего допуск к сведениям, составляющим государственную тайну. Отсюда следует, что не каждый прокурор вправе осуществлять функцию надзора. Тем самым законодателем подчеркивается особый характер данного вида государственной деятельности.

Режимный его характер предполагает строгое соблюдение уполномоченным прокурором таких принципов ОРД, как конспирация и сочетание гласных и негласных методов и средств. К тому же надо иметь в виду, что вся оформляемая документация ведется по правилам секретного делопроизводства.

региональном, региональном и районном уровнях системы органов внутренних дел.

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47, ст. 4472.

Вышеназванные признаки непременно должны учитываться при определении понятия «прокурорский надзор», его сущности, что, на наш взгляд, обеспечит отличие его от термина «надзор прокуратуры» (проверочная деятельность, осуществляемая прокуратурой).

Заметим, помимо изложенных признаков, принципиальное значение имеет то, что прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, базируется на собственной правовой основе – совокупности законодательных и иных нормативных правовых актов[1]. Среди них особо значимыми, по нашему мнению, являются федеральные законы: «О прокуратуре Российской Федерации», «Об ОРД», а также приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 15 февраля 2011 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности»[2], в котором предусмотрен сам механизм осуществления функции надзора. Из анализа норм указанных актов вытекает, что прокурорский надзор представляет собой регламентированную прокурорским правом деятельности. Думается, что это ключевое положение. Все взятое вместе позволяет вести речь о легитимности анализируемого нами вида деятельности, а в условиях правового государства это важная черта, характеризующая рассматриваемую отрасль надзора.

Цели и задачи прокурорского надзора за ОРД в значительной степени отличаются от того же ведомственного контроля. Помимо иных общих целей, в п. 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» значатся укрепление законности, защита прав и свобод человека и гражданина, которая целиком и полностью относится и к рассматриваемой нами отрасли.

Кроме общих целей, анализируемый вид надзора преследует и специальные, а именно, постоянное слежение:

а) за решением задач, стоящих перед оперативными подразделениями органов, осуществляющих ОРД;

б) осуществлением комплекса ОРМ в интересах успешного решения задач ОРД;

в) документированием преступных действий проверяемых;

г) использованием результатов ОРД в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

Как нам представляется, целенаправленность надзора (его целеполагание), служит не менее важным признаком.

Любая деятельность, в том числе рассматриваемый нами вид надзора, предполагает в интересах достижения ее целей последовательное решение задач. Их достаточно много. Назовем лишь основные из них. К их числу мы относим надзор за соблюдением:

1) прав и свобод человека и гражданина при проведении ОРМ;

2) установленного порядка принятия должностными лицами оперативных подразделений решений, связанных с заведением и прекращением дел оперативного учета, проведением и прекращением ОРМ в первую очередь, ограничивающих конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища;

3) законности решений, принимаемых органами, осуществляющими ОРД, в части рассекречивания сведений, полученных в ходе проведения ОРМ, социальной и правовой защиты лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям.

Рассматривая сущность прокурорского надзора за ОРД, некоторые авторы включают в число признаков, ее характеризующих, также: функции надзора, совокупность актов прокурорского реагирования, системное рассмотрение прокурорского надзора, а также совокупность возникающих в процессе реализации функции надзора правоотношений. Так, Н. А. Патрушев аргументированно предлагает включить названные разновидности действий в качестве значимых признаков при определении сущности прокурорского надзора за ОРД [Патрушев 2019, с. 170]. Разделяя данную точку зрения, подчеркнем, что отнесение тех или иных совершаемых в рамках осуществления ОРД действий в число признаков оправдано в тех случаях, когда они на самом деле могут в развернутом виде вскрыть сущность прокурорского надзора при осуществлении ОРД. В этом плане мнение Н. А. Патрушева, на наш взгляд, представляет определенный интерес в научном плане, ибо в его основу им положено достаточное обоснование.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что при раскрытии сущности прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, не следует рассматривать объем полномочий, которым наделен уполномоченный проку-

[1] В настоящее время более 60 нормативных и ведомственных правовых актов регулируют ОРД. См. об этом: Пояснительная записка к проекту Федерального закона от 6 июля 2015 г. № 831609-6 «Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации». URL: http://asozd.duma.gov.ru (дата обращения: 12.07.2020).

[2] Законность. 2011. № 5. Как сами федеральные законы, так и порядок осуществления прокурорского надзора постоянно совершенствуются. Об этом свидетельствуют принятые Генпрокуратурой России предыдущие приказы, в частности, приказ от 25 апреля 2000 г. № 56 и приказ от 21 декабря 2007 г. № 207. Ныне они утратили силу.

рор, в отрыве от этой деятельности. Между тем мы считаем, что сущность и понятие – это не одно и то же, хотя они тесно взаимосвязаны. Для того чтобы убедиться в этом, приведем определение понятия «прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД»: это вид государственной деятельности, осуществляемый уполномоченным прокурором в пределах своих полномочий, определенных ФЗ «Об ОРД», в целях обеспечения указанными органами законности при осуществлении ОРД [Иванов 2019b, с. 139].

В теории ОРД и прокурорского надзора, наряду с другими, есть еще один крайне важный (принципиальный) вопрос, который часто поднимают в своих публикациях исследователи [Шалумов 1999, с. 79–80]. Он касается соотношения контроля и надзора в системе проверочной деятельности по исполнению законов органами, осуществляющими ОРД.

Мы уже отмечали, что сегодня в структуре органов исполнительной власти представлены многие контролирующие органы, тогда как прокуратура в целом – независимый государственный орган, только ей присуще функция надзора, в том числе за исполнением законов органами, осуществляющим ОРД. Важно также учесть то обстоятельство, что контроль могут осуществлять не только правомочные на то субъекты внутри системы поднадзорного органа, но и вне ее. Проверочные действия могут инициировать сами государственные органы, перечисленные в ст. 20 ФЗ «Об ОРД». Прокурорский же надзор по отношению его объектов всегда носит внешний характер. Отличие между контролем и надзором просматривается и в том, что при контроле субъект, его осуществляющий, может вмешиваться в оперативно-служебную деятельность проверяемого органа, тогда как при прокурорском надзоре это должно исключаться. Говоря об основных отличиях, нельзя не отметить и то, что порядок организации прокурорского надзора сегодня урегулирован в рамках специально принятого Генпрокуратурой России приказа, в то же время, например, в системе МВД России специальный ведомственный нормативный акт, предусматривающий вопросы организации контроля за ОРД, пока что отсутствует, они рассматриваются в общем порядке, хотя осуществление контроля за ОРД имеет ряд специфических особенностей. На наш взгляд, разграничение понятий «контроль» и «надзор» следует проводить и по цели и предмету проверочных действий, объему полномочий субъектов, правовым средствам, используемым при реализации той же надзорной функции [Иванов 2019a, с. 150].

Многие специалисты (В. В. Долежан, О. Д. Жук, Ф. М. Кобзарев, С. А. Комаров, Г. А. Мурашин, Е. Л. Никитин, Н. А. Олейник, Н. А. Семенов, М. С. Шалумов и др.), изучавшие состояние прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, приходят к выводу о том, что в настоящее время обеспечить законность ОРД исключительно средствами прокурорского надзора весьма затруднительно. Они считают крайне важным принять меры по совершенствованию средств прокурорского надзора как приоритетного направления, в том числе средств ненадзорных функций. Рекомендуют системно использовать их для повышения эффективности надзора в интересах обеспечения законности ОРД. Имеющийся арсенал правовых средств, по их мнению, недостаточен. К тому же «набор» средств якобы не отражает саму специфику возникающих отношений в сфере ОРД. Специальные правовые средства должны формироваться под прокурорский надзор за исполнением законов в ОРД и должны включать такие возможности, как:

1) предоставление уполномоченному прокурору права самому инициировать проведение тех или иных ОРМ, если этого требует отрабатываемая поднадзорным органом оперативно-тактическая ситуация;

2) делегирование права прекращать при необходимости незаконно проводимые указанные мероприятия;

3) управомочивание санкционировать постановление руководителя органа, осуществляющего ОРД, о возбуждении ходатайства перед судом о даче согласия на проведение ОРМ, ограничивающего конституционные права и свободы человека и гражданина. Безусловно, их реализация предполагает расширение правомочий уполномоченного прокурора. Могут быть и другие правовые средства, формы их реализации. Заметим, что высказанные предложения, на наш взгляд, требуют глубокой научной проработки, для того чтобы заранее убедиться в эффективности в случае их принятия [Иванов 2020a, с. 54–55].

Таким образом, понятие и сущность контроля и прокурорского надзора в обязательном порядке следует сформулировать исходя из оперативно-розыскного законодательства и Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». При этом важно иметь в виду, что надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие, – самостоятельная отрасль прокурорского надзора, предмет которого до сего времени является весьма дискуссионным. Контроль и надзор преследуют единую цель – обеспечение соблюдения законности при исполнении законов, выявление и устранение при этом нарушений норм права. Ни в коей мере не следует их противопоставлять. Сущность контроля и прокурорского надзора за осуществлением ОРД характеризуется совокупностью признаков, с помощью которых представляется возможным их разграничить.

Список цитируемых источников

Горяинов, Овчинский, Синилов 2014 – Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2014. 710 с.

Иванов 2019a – *Иванов П. И.* Закономерности прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Закон и право. 2019. № 11. С. 150–152.

Иванов 2019b – *Иванов П. И.* О соотношении предмета и предела прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью оперативных подразделений полиции // Закон и право. 2019. № 12. С. 138–140.

Иванов 2020a – *Иванов П. И.* Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: методы и средства // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 53–56.

Иванов 2020b – *Иванов П. И.* Факторы, обусловливающие особенности организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Закон и право. 2020. № 3. С. 139–142.

Климов 2019 – Оперативно-розыскная деятельность / под ред. И. А. Климова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2019. 439 с.

Патрушев 2019 – *Патрушев Н. А.* О сущности прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Закон и право. 2019. № 4. С. 169–171.

Шалумов 1999 – *Шалумов М. С.* Прокурорский надзор и государственный контроль за исполнением законов: разграничение компетенции и ответственности // Государство и право. 1999. № 1. С. 79–85.

Шхагапсоев, Галяндин 2016 – Основы оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел / под ред. З. Л. Шхагапсоева и Н. П. Галяндина. Краснодар : Краснод. ун-т МВД России, 2016. 375 с.

References

Goryainov, K. K., Ovchinsky, V. S. and Sinilov, G. K. (ed.) (2014), *Teoriya operativno-rozysknoi deyatelnosti* [The theory of operational-search activity], INFRA-M, Moscow, Russia.

Ivanov, P. I. (2019a), "Regularities of prosecutor's supervision over the execution of laws by bodies that carry out operational-search activity", *Zakon i pravo,* no. 11, pp. 150–152.

Ivanov, P. I. (2019b), "On the relationship between the subject and the limits of prosecutor's supervision of operational-search activity of operational police units", *Zakon i pravo,* no. 12, pp. 138–140.

Ivanov, P. I. (2020a), "Prosecutor's supervision over the execution of laws by the bodies that carry out operational-search activity: methods and means", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 53–56.

Ivanov, P. I. (2020b), "Factors that determine the specifics of the organization of prosecutor's supervision over the execution of laws by bodies engaged in operational-search activity", *Zakon i pravo,* no. 3, pp. 139–142.

Klimov, I. A. (ed.) (2019), *Operativno-rozysknaya deyatel'nost'* [Operational-search activity], Yuniti-Dana, Moscow, Russia.

Patrushev, N. A. (2019), "On the essence of prosecutor's supervision over the execution of laws by bodies engaged in operational and investigative activities", *Zakon i pravo,* no. 4, pp. 169–171.

Shalumov, M. S. (1999), "Prosecutor's supervision and state control over the implementation of laws: differentiation of competence and responsibility", *Gosudarstvo i pravo,* no. 1, pp. 79–85.

Shkhagapsoev, S. L. and Galyandin, N. P. (ed.) (2016), *Osnovy operativno-razysknoi deyatelnosti organov vnutrennikh del* [Fundamentals of operational-search activities of internal affairs bodies], Krasnodarskii universitet MVD Rossii, Krasnodar, Russia.

Информация об авторе

Иванов Пётр Иванович,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; Bab13.92Ash@yandex.ru

Information about the author

Ivanov Petr I.,
doctor of law, professor, honored lawyer of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation; Bab13.92Ash@yandex.ru

Для цитирования

Иванов П. И. Вопросы соотношения контроля и надзора за оперативно-розыскной деятельностью (понятия и признаки их разграничения) // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 67–72.

For citation

Ivanov, P. I. (2020), "Issues of correlation of control and supervision of operational-search activities (concepts and signs of their differentiation)", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 67–72.

УДК 343.1

М. А. Ключникова[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

M. A. Klyuchnikova[1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation*

Некоторые возможности предупреждения преступлений в сфере осуществления гособоронзаказа для нужд уголовно-исполнительной системы

Some of the features of prevention of crimes in the sphere of implementation of the state defense order for the needs of the penal system

Ключевые слова: предупреждение преступлений; гособоронзаказ; уголовно-исполнительная система; военное представительство; преступления в сфере государственных закупок; государственные закупки; пенитенциарные представители.

Аннотация. В статье акцентируется внимание на важности противодействия процессам, порождающим преступность в сфере осуществления закупок для оборонных нужд и ставящим под угрозу безопасность государства. Автор приходит к выводу о необходимости внедрения в ФСИН России пенитенциарных представителей по аналогии с военными представителями Министерства обороны Российской Федерации. На основе анализа правоприменительной практики, результатов опроса сотрудников уголовно-исполнительной системы, чья деятельность связана с осуществлением закупок, автор предлагает перечень полномочий, которыми должны обладать пенитенциарные представители.

Key words: prevention of crimes; state defense order; penal system; military representation; crimes in the sphere of state order; public procurement; penitentiary representatives.

Abstract. The article focuses on the importance of countering the processes that generate crime in the field of procurement for defense needs that endanger the security of the state. The author comes to the conclusion that it is necessary to introduce penitentiary representatives in the Federal penitentiary service by analogy with military representatives of the Ministry of defense of the Russian Federation. Based on the analysis of law enforcement practice and the results of a survey of employees of the penal system whose activities are related to the implementation of procurement, the author offers a list of powers that prison representatives should have.

В рамках государственного оборонного заказа (далее: гособоронзаказ) распределяются многомиллиардные бюджетные средства, в связи с чем в его получении заинтересованы в том числе нечестные бизнесмены и недобросовестные чиновники. Не случайно все больше внимания этой проблеме уделяют руководители государства, правоохранительные органы, средства массовой информации. Как отметил Ю. В. Чайка, «важно не допустить нецелевого и нерационального использования указанных средств, предотвратить иные нарушения, а при необходимости принять меры к их пресечению, возмещению причиненного вреда и привлечению виновных к ответственности»[1].

Несмотря на то, что укрепление обороноспособности России является национальным стратегическим приоритетом, многие высокопоставленные лица обеспокоены уровнем соблюдения законности в данной сфере. Согласно отчету о работе Счетной палаты Российской Федерации[2] ущерб от нарушений при осуществлении государственных закупок в 2019 г. составил в общей сложности 237,3 млрд руб.

Многие зарубежные ученые [Graycar, Prenzler 2013; Hough 2013; Kofele-Kale 2006; Locker, Godfrey 2006; Naylor 2003; Ning 2016], а также наши соотечественники [Бодяков 2009; Лобач 2012; Скосырская 2011; Шободоева 2015], рассматривая вопросы экономической, коррупционной преступности в различных ее аспектах: криминалистическом [Бодяков 2009; Ключникова 2015a], уголовно-правовом [Ключникова 2015b; Ключникова, Ткачук 2018; Скосырская 2011; Kofele-Kale 2006], историческом [Шободоева 2015] и других, – акцентировали внимание на необходимости борьбы с преступлениями, направленными на хищение бюджетных средств, в том числе в рамках осуществления государственных закупок.

Проведенное нами исследование свидетельствует о том, что преступность в области закупок для государственных нужд является исторически неизбежным фактом, непрерывно сопутствующим государственному развитию. Воздействовать на нее возможно различными способами, в том числе путем ужесточения наказания за совершение подобных противоправных деяний [Bowers, Jonson, Hirschfield 2004, p. 419]. Так, в арт. 194 Артикула воинского 1715 г. была предусмотрена смертная

[1] Чайка: первые проверки на предприятиях ОПК выявили большое число нарушений // ТАСС: информационное агентство России : [сайт]. URL: http://tass.ru/politika/922515 (дата обращения: 01.01.2020).

[2] Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2019 году. URL: http://audit.gov.ru/promo/annual-report-2019/report.pdf (дата обращения: 15.04.2020).

© Ключникова М. А., 2020

казнь за присвоение чиновником государственных денег. Между тем злоупотребления уже тогда стали более латентными, поскольку применялись изощренные способы сокрытия фактов злоупотребления [Иванов 2017, с. 20].

Именно поэтому как раньше, так и в настоящее время особого внимания заслуживает, на наш взгляд, деятельность, направленная на предупреждение рассматриваемых преступлений. Современные исследователи предупреждение преступности не без оснований рассматривают как систему мер, предпринимаемых государственными органами, гражданским обществом, отдельными представителями власти и другими лицами, направленных на противодействие процессам, порождающим преступность и имеющих целью предотвращение совершения новых преступлений [Агильдин, Ишигеев 2010; Соловьев 2015, с. 7; Шестак 2014; Lunden 1962; Scheider 2008].

Безусловно, указанный перечень мер не может быть исчерпывающим, – государство, современные реалии, как и новые способы совершения преступлений, указывают на целесообразность разработки новых и совершенствование имеющихся средств и методов профилактики таких преступлений. В этой связи нам представляется одним из эффективных средств предупреждения преступности в сфере гособоронзаказа институт военного представительства Министерства обороны Российской Федерации[1]. Военные представители участвуют в регулировании цен на продукцию, поставляемую по гособоронзаказу, осуществляют контроль за качеством и комплектностью принимаемого товара (работ, услуг), приемку военной продукции в установленные контрактом сроки. Данный институт не раз доказывал целесообразность своего существования, когда военное представительство приостанавливало процесс приемки военной продукции в связи с тем, что последняя не соответствовала требованиям, установленным в технической документации.

Однако полномочия военных представительств распространяются не на все закупки в рамках гособоронзаказа, а только на закупку военной продукции, к которой отнесены: вооружение, военная техника, военно-техническое и иное имущество, научно-техническая и иная продукция, а также работы, выполняемые в интересах обороны.

В рамках Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»[2] осуществляют закупки не только Министерство обороны Российской Федерации, но и другие органы исполнительной власти, в том числе Федеральная служба исполнения наказаний (далее: ФСИН России).

ФСИН России – стратегически важный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности страны. Учреждения и органы уголовно-исполнительной системы решают задачи широкого социального плана, связанные с исправлением осужденных, охраной их жизни и здоровья, обучением, организацией их деятельности, социальной реабилитацией освободившихся из мест лишения свободы [Власова 2014, с. 25].

Для решения этих задач на нужды уголовно-исполнительной системы выделяются значительные денежные средства. Так, показатели федерального бюджета ФСИН России в 2016, 2017, 2018, 2019, 2020 гг. составили 262,2; 257,6; 264,5; 222,5; 229,4 млрд руб. соответственно[3]. Кроме того, в уголовно-исполнительной системе функционирует промышленный сектор, который ежегодно выполняет заказы на сумму более 32 млрд руб. Причем значительная часть выпускаемой продукции поставляется исправительными учреждениями для собственных нужд, а также по заказам силовых министерств и ведомств. Таким образом, доля бюджетных средств, выделяемая ФСИН России, в общем объеме расходов федерального бюджета составляет более 15 %, что свидетельствует о необходимости тщательного контроля за их расходованием.

В последнее время наблюдается изобилие громких преступлений в сфере осуществления закупок для нужд уголовно-исполнительной системы. Так, в 2015–2016 гг. бывший заместитель директора ФСИН России О. Коршунов и генеральный директор ООО «Торгово-промышленная компания “ДАЦЕ Групп”» С. Арутюнян похитили денежные средства федерального бюджета в сумме 263 млн руб., предусмотренные на закупку обуви для ФСИН России. Для реализации своего преступного умысла чиновник и бизнесмен создали видимость, что пошив обуви по государственному контракту осуществляет ФГУП «Производственно-промышленный дом». На самом деле обувь шили силами ФСИН России и «ДАЦЕ Групп» на станках Арутюняна из купленных им более дешевых материалов[4].

В рамках проведенного нами исследования установлено, что одной из причин увеличения количества преступлений в сфере осуществления за-

[1] О военных представительствах Министерства обороны Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 11 авг. 1995 г. № 804 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 22, ст. 2766.

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7600.

[3] Расходная часть федерального бюджета // ФСИН России : [сайт]. URL: http://фсин.рф/budget/rashod.php (дата обращения: 15.03.2020).

[4] Завершено расследование уголовного дела в отношении бывшего заместителя директора ФСИН России и его соучастников // Следственный комитет Российской Федерации : [сайт]. URL: http://sledcom.ru/news/item/1300128/ (дата обращения: 10.02.2020).

купок для нужд уголовно-исполнительной системы является недостаточный контроль за этапами обоснования начальной максимальной цены контракта, процессом производства продукции (работ, услуг) и ее приемкой. На эту проблему указали более 70 % опрошенных нами респондентов[1].

На наш взгляд, значительный эффект принесло бы внедрение по аналогии с военными представителями Министерства обороны Российской Федерации так называемых пенитенциарных представителей в уголовно-исполнительной системе, к полномочиям которых при разработке соответствующих инструкций целесообразно отнести следующие.

1. Проверка обоснованности начальной максимальной цены контракта и цены контракта при закупке у единственного поставщика.

Необходимость введения дополнительного контроля за осуществлением формирования начальной максимальной цены контракта подтверждает печально известный факт. В 2016 г. бывший директор ФГУП «"Консервный завод" ФСИН России» П. Беликов, начальник отдела закупок ФГУП С. Сафонов и коммерсанты А. Аношин, М. Киракосян, С. Иво организовали поставку по двойной цене от имени ФГУП «"Консервный завод" ФСИН России» в территориальные подразделения ФСИН России под видом произведенного ФГУП маргарина более дешевой продукции, изготовленной сторонним заводом, а поступившие по государственным контрактам денежные средства перечислили на счет подконтрольной им коммерческой организации. Своими действиями фигуранты причинили государству ущерб на общую сумму свыше 40,9 млн руб.[2]

2. Контроль за качеством изготовления продукции, выполнения работ, оказания услуг, проверкой соответствия технической документации условиям государственного контракта (сроки поставки, объем и др.), нормативно-техническим требованиям. Важно осуществлять проверку фактической возможности выполнения условий, предусмотренных документаций по осуществлению закупок. Так, в 2016 г. заместитель начальника тылового обеспечения ФСИН России С. Алексеева при формировании конкурсной документации о закупке товара включила в нее заведомо невыполнимые требования о поставке более 7 тыс. т сахара в учреждения ФСИН России по территории всей страны в течение 20 дней. В результате незаконно проведенного аукциона заместитель директора ФСИН России О. Коршунов от лица ФСИН России заключил с подконтрольным предпринимателем М. Дюковой (юридическим лицом) контракт на поставку сахара по заведомо завышенной стоимости. Несмотря на нарушение сроков поставки, денежные средства за исполнение государственного контракта в общей сумме более 399 млн руб. были перечислены организации, из которых более чем 43 млн руб. в виде незаконно завышенной стоимости поставленной продукции были соучастниками похищены[3].

3. Подготовка и согласование государственного контракта.

4. Проверка качества, комплектности принимаемых товаров, работ, услуг, соответствие технической документации, государственному контракту.

Наличие стороннего представителя минимизирует риски формального подхода к приемке товаров, работ, услуг. Результаты анкетирования сотрудников уголовно-исполнительной системы показывают, что именно при производстве приемки товаров (работ, услуг) осуществляется большее количество преступлений в сфере государственных закупок. Приведем пример: в 2018 г. осужден генеральный директор ООО «ПромНефтеСтрой» С. Двойников, по указанию которого составлялись подложные финансово-хозяйственные документы о закупке и поставке на объект строительства следственного изолятора (далее: СИЗО) материалов и оборудования, предусмотренных проектно-сметной документацией. Данные документы без проверки подписывались генеральным подрядчиком и государственным заказчиком, после чего оплачивались ими в полном объеме. Фактически при строительстве режимного корпуса СИЗО использовались и поставлялись более дешевые и менее качественные материалы (оборудование системы охранного телевидения и сигнализации, пожарной сигнализации, системы отопления и т. д.), в основном не соответствующие необходимым характеристикам[4].

5. В случае обнаружения нарушений (нарушение важных технологических процессов, использование несоответствующих материалов, комплектующих, невыполнение условий контракта и др.) приостановление приемки и возобновление ее по-

[1] В 2018 г. нами был проведен опрос 110 сотрудников уголовно-исполнительной системы Центрального федерального округа, чья профессиональная деятельность связана с осуществлением государственных закупок.

[2] Вынесен приговор бывшему директору ФГУП «"Консервный завод" ФСИН России» и его соучастникам // Следственный комитет Российской Федерации : [сайт]. URL: http://sledcom.ru/news/item/1283904/ (дата обращения: 10.02.2020).

[3] Вынесен приговор по уголовному делу в отношении одного из соучастников бывшего заместителя директора ФСИН России // Следственный комитет Российской Федерации : [сайт]. URL: http://sledcom.ru/news/item/1271267/ (дата обращения: 10.02.2020).

[4] В Кургане вынесен приговор в отношении директора коммерческой организации, осуществлявшей субподрядные работы при строительстве режимного корпуса следственного изолятора // Следственный комитет Российской Федерации : [сайт]. URL: http://sledcom.ru/news/item/1273395/ (дата обращения: 10.02.2020).

сле проведения согласованных с заказчиком мероприятий по устранению недостатков и их причин.

Следует отметить, что в соответствии со ст. 94 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[1] для проверки предоставленных поставщиком (подрядчиком, исполнителем) результатов, предусмотренных контрактом, в части их соответствия условиям контракта заказчик обязан провести экспертизу, которая может проводиться заказчиком своими силами. Однако 74 % респондентов утверждают, что проведение так называемой внутренней экспертизы товаров (работ, услуг) осуществляется формально, фактически экспертизу никто не проводит. Данный факт еще раз доказывает необходимость введения пенитенциарных представителей.

Подводя итог, отметим, что внедрение пенитенциарных представителей будет являться эффективным способом предупреждения преступлений в сфере осуществления гособоронзаказа для нужд уголовно-исполнительной системы. Безусловно, разработка соответствующего регламента и введение новых должностей потребует определенных затрат, однако они не сопоставимы с ущербом, который причиняется в результате совершения преступлений в сфере гособоронзаказа, большинство которых носит латентный характер. Учитывая долгосрочную перспективу борьбы с коррупцией в сфере осуществления гособоронзаказа, в том числе для нужд уголовно-исполнительной системы, мы убеждены, что реальные шаги к профилактике таких преступлений с помощью пенитенциарных представителей позволят снизить риски их совершения.

Список цитируемых источников

Агильдин, Ишигеев 2010 – *Агильдин В. В., Ишигеев В. С.* Профилактика преступлений: история, теория, практика. Иркутск : БГУЭП, 2010. 83 с.

Бодяков 2009 – *Бодяков В. Н.* Расследование должностных преступлений в уголовно-исполнительной системе : дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2009. 120 с.

Власова 2014 – *Власова А. В.* Развитие системы подготовки и повышения квалификации кадров уголовно-исполнительной системы // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии. Иркутск : ВСИ МВД России, 2014. С. 25–27.

Иванов 2017 – *Иванов Н. Г.* Коррупция: борьба или интермедия? // Российский следователь. 2017. № 24. С. 19–21.

Ключникова 2015a – *Ключникова М. А.* Особенности производства осмотра документов при расследовании преступлений в сфере осуществления закупок для обеспечения государственных нужд уголовно-исполнительной системы // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 1(34). С. 38–40.

Ключникова 2015b – *Ключникова М. А.* Законотворческие ошибки в сфере противодействия преступлениям в области размещения государственных заказов // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 308–310.

Ключникова, Ткачук 2018 – *Ключникова М. А., Ткачук Т. А.* Уголовное законодательство России в сфере осуществления закупок: некоторые аспекты нового состава преступления // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 4(49). С. 85–88.

Лобач 2012 – *Лобач Т. В.* Проблемы и перспективы введения федеральной контрактной системы в сфере размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг // Государственное регулирование и устойчивое развитие муниципальных образований. Иркутск : БГУЭП, 2012. С. 44–52.

Скосырская 2011 – *Скосырская Ю. В.* Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями коррупционной направленности, совершаемыми в сфере государственных закупок : дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 211 с.

Соловьев 2015 – *Соловьев И. Н.* О некоторых аспектах предупреждения правонарушений в финансово-бюджетной сфере // Финансовое право. 2015. № 7. С. 7–10.

Шестак 2014 – *Шестак В. А.* Об основных принципах профилактики правонарушений // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 4(8). С. 94–99.

Шободоева 2015 – *Шободоева А. В.* Особенности национальной безопасности России в исторической ретроспективе // Социально-экономические и правовые проблемы обеспечения безопасности региона. Иркутск : БГУЭП, 2015. С. 55–60.

Bowers, Johnson, Hirschfield 2004 – *Bowers K. J., Johnson S. D., Hirschfield A.* The measurement of crime prevention intensity and its impact on levels of crime // British Journal of Criminology. 2004. № 44(3). P. 419–440.

Graycar, Prenzler 2013 – *Graycar A., Prenzler T.* Understanding and preventing corruption. London : Palgrave Macmillan, 2013. 144 p.

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14, ст. 1652.

Hough 2013 – *Hough D.* Corruption, anti-corruption and governance. London : Palgrave Macmillan, 2013. 177 p.

Kofele-Kale 2006 – *Kofele-Kale N.* The international law of responsibility for economic crimes. Hampshire : Ashgate Publishing, Ltd., 2006. 411 p.

Locker, Godfrey 2006 – *Locker J. P., Godfrey B.* Ontological boundaries and temporal watersheds in the development of white-collar crime // British Journal of Criminology. 2006. № 46(6). P. 976–992.

Lunden 1962 – *Lunden W. A.* The theory of crime prevention // British Journal of Criminology. 1962. № 2(3). P. 213–218.

Naylor 2003 – *Naylor R. T.* Towards a general theory of profit-driven crimes // British Journal of Criminology. 2003. № 43(1). P. 81–101.

Ning 2016 – *Ning He.* Rethinking the causes of corruption: perceived corruption, measurement bias, and cultural illusion // Chinese Political Science Review. 2016. Vol. 1, iss. 2. P. 268–302.

Schneider 2008 – *Schneider J. L.* Refocusing crime prevention: collective action and the quest for the community // British Journal of Criminology. 2008. № 48(3). P. 421–423.

References

Agil'din, V. V. and Ishigeev, V. S. (2010), *Profilaktika prestuplenii: istoriya, teoriya, praktika* [Prevention of crime: history, theory, practice], BGUEP, Irkutsk, Russia.

Bodyakov, V. N. (2009), Investigation of official crimes in the penal system, Ph. D. Thesis, criminal procedure, criminalistics, forensic science, operational-search activity, Vladimir Law Institute of the FPS of Russia, Vladimir, Russia.

Bowers, K. J., Johnson, S. D. and Hirschfield, A. "The measurement of crime prevention intensity and its impact on levels of crime", *British Journal of Criminology,* no. 44(3), pp. 419–440.

Graycar, A. and Prenzler, T. (2013), *Understanding and preventing corruption,* Palgrave Macmillan, London, UK.

Hough, D. (2013), *Corruption, anti-corruption and governance,* Palgrave Macmillan, London, UK.

Ivanov, N. G. (2017), "Corruption: struggle or interlude?", *Rossiiskii sledovatel',* no. 24, pp. 19–21.

Klyuchnikova, M. A. (2015b), "Law-making mistakes in the sphere of counteraction to crimes in the field of placement of state orders", *Yuridicheskaya tekhnika,* no. 9, pp. 308–310.

Klyuchnikova, M. A. (2015a), "Features of the production of inspection of documents in the investigation of crimes in the field of procurement to ensure the state needs of the penal system", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(34), pp. 38–40.

Klyuchnikova, M. A. and Tkachuk, T. A. (2018), "Criminal legislation of Russia in the sphere of procurement: some aspects of the new composition of the crime", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(49), pp. 85–88.

Kofele-Kale, N. (2006), *The international law of responsibility for economic crimes,* Ashgate Publishing, Ltd., Hampshire, UK.

Lobach, T. V. (2012), "Problems and prospects of introduction of the Federal contract system in the sphere of placing orders for delivery of goods, performance of works, rendering of services", *Gosudarstvennoe regulirovanie i ustoichivoe razvitie munitsipal'nykh obrazovanii* [State regulation and sustainable development of municipalities], BGUEP, Irkutsk, Russia, pp. 44–52.

Locker, J. P. and Godfrey, B. (2006), "Ontological boundaries and temporal watersheds in the development of white-collar crime", *British Journal of Criminology,* no. 46(6), pp. 976–992.

Lunden, W. A. (1962), "The theory of crime prevention", *British Journal of Criminology,* no. 2(3), pp. 213–218.

Naylor, R. T. (2003), "Towards a general theory of profit-driven crimes", *British Journal of Criminology,* no. 43(1), pp. 81–101.

Ning, He (2016), "Rethinking the causes of corruption: perceived corruption, measurement bias, and cultural illusion", *Chinese Political Science Review,* vol. 1, issue 2, pp. 268–302.

Schneider, J. L. (2008), "Refocusing crime prevention: collective action and the quest for the community", *British Journal of Criminology,* no. 48(3), pp. 421–423.

Shestak, V. A. (2014), "On the basic principles of crime prevention", *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii,* no. 4(8), pp. 94–99.

Shobodoeva, A. V. (2015), "Peculiarities of Russian national security in historical perspective", *Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye problemy obespecheniya bezopasnosti regiona* [Socio-economic and legal problems of ensuring the security of the region], BGUEP, Irkutsk, Russia, pp. 55–60.

Skosyrskaya, Yu. V. (2011), Criminological and criminal-legal measures to combat corruption-related crimes committed in the field of public procurement, Ph. D. Thesis, criminal law, criminology, penal law, Academy of Economic Security of the MIA of Russia, Moscow, Russia.

Solov'ev, I. N. (2015), "On some aspects of prevention of offenses in the financial and budgetary sphere", *Finansovoe pravo,* no. 7, pp. 7–10.

Vlasova, A. V. (2014), “Development of the system of training and advanced training of personnel of the penal system”, *Razvitie sistemy podgotovki i povysheniya kvalifikatsii kadrov ugolovno-ispolnitel’noi sistemy* [Training of personnel for law enforcement agencies: modern trends and educational technologies], VSI of the MIA of Russia, Irkutsk, Russia, pp. 25–27.

Информация об авторе

Ключникова Майя Александровна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; 33-maya@mail.ru

Information about the author

Klyuchnikova Maiya A.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; 33-maya@mail.ru

Для цитирования

Ключникова М. А. Некоторые возможности предупреждения преступлений в сфере осуществления гособоронзаказа для нужд уголовно-исполнительной системы // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 73–78.

For citation

Klyuchnikova, M. A. (2020), “Some of the features of prevention of crimes in the sphere of implementation of the state defense order for the needs of the penal system”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 73–78.

УДК 343.45

С. Д. Ковалёв[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

S. D. Kovalev[1]
[1]*Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation*

Некоторые правовые и технические аспекты обеспечения тайны сотовой связи

Some legal and technical aspects of ensuring the secrecy of cellular communications

Ключевые слова: тайна телефонных переговоров; сотовые сети связи; информационная безопасность; сети GSM; алгоритм шифрования; криптография; алгоритм авторизации; правовое регулирование.

Аннотация. Рассмотрены актуальные вопросы оценки системы правовых и технических мер, гарантирующих тайну телефонных переговоров в сотовых сетях связи. Основное внимание уделено выявлению проблем правового и технического характера и возможных путей их решения.

Key words: secret telephone conversations; cellular communication networks; information security; GSM networks; encryption algorithm; cryptography; authorization algorithm; legal regulation.

Abstract. The current issues of evaluating the system of legal and technical measures that guarantee the secrecy of telephone conversations in cellular networks is considered. The main attention is paid to identifying legal and technical problems and possible ways to solve them.

Право на неприкосновенность частной жизни как важнейшая составляющая правового статуса личности является значимым достижением мирового сообщества. Это право признается и гарантируется целым рядом и международно-правовых, и внутригосударственных нормативных актов.

На международном уровне это право закреплено в ст. 12 Всеобщей декларации прав человека: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств»[1]. В настоящее время право на неприкосновенность частной жизни закреплено в конституциях многих демократических государств, таких как Россия, США, Германия, Франция, Италия, Бельгия, Швейцария, Болгария и др.

Признание неприкосновенности частной жизни обусловило право граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Это подтверждает позиция Европейского суда по правам человека, которую он выразил в решении по делу Класс от 6 сентября 1978 г., считая, что телефонные переговоры включаются в понятие «частная жизнь», закрепленное в ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.[2]

Проблема обеспечения конституционных гарантий тайны телефонных переговоров активно исследуется, о чем свидетельствует большое количество диссертационных работ, посвященных этой теме [Бурылов 2003; Григорьев 2006; Лозовский 2008; Шагара 2014]. Однако в этих работах проблема обеспечения тайны телефонных переговоров исследовалась без учета новых социальных явлений, связанных с бурным развитием информационных технологий, в частности в области связи. Чем активнее мы применяем современные средства связи, в частности сотовую связь, тем острее встает вопрос о неприкосновенности наших сообщений, о тайне связи [Волков 2016]. В очередной раз мы становимся свидетелями того, что право не успевает за развитием информационных технологий.

По вопросу права на тайну телефонных переговоров Конституция Российской Федерации следует международно-правовому подходу. Статья 23 Основного закона страны закрепила право каждого на тайну телефонных переговоров, а ограничение этого права допускается только на основании судебного решения.

Данная конституционно-правовая норма получила дальнейшее развитие в специальном нор-

[1] Всеобщая декларация прав человека : [принята на третьей сессии Генер. Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 дек. 1948 г.] // Российская газета. 1995. 5 апр.

[2] Класс (Klass) и другие против Федеративной Республики Германии. Решение Европейского суда по правам человека от 6 сент. 1978 г. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2461406/ (дата обращения: 05.06.2020).

© Шевелева С. В., Шатанкова Е. Н., 2020

мативном правовом акте о связи. Так, в соответствии с п. 1 ст. 63 Федерального закона «О связи» на территории Российской Федерации гарантируется тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи. Ограничение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи, допускается только в случаях, предусмотренных федеральными законами[1]. В связи с тем, что Конституция Российской Федерации имеет прямое действие и обладает высшей юридической силой, считаем необходимым убрать из текста п. 1 ст. 63 Федерального закона «О связи» фразу «ограничение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи, допускается только в случаях, предусмотренных федеральными законами» как вводящую дополнительное ограничение прав, предусмотренных ст. 23 Конституции Российской Федерации, и ей противоречащую.

Далее, в п. 2 ст. 63 Федерального закона «О связи» говорится, что «операторы связи обязаны обеспечить тайну связи». Однако обеспечить – это не то же самое, что гарантировать в юридическом содержании правоотношений распределения прав и обязанностей между оператором связи и абонентами. Обеспечить – это всего лишь предпринять все возможные меры. Причем механизм такого обеспечения в этом законе не определен. Более того, каждый «оператор связи» должен будет обеспечить тайну связи лишь в пределах собственной сети, в сфере своей ответственности. В связи с вышесказанным считаем, что требует совершенствования механизм контроля за реализацией законодательных норм, закрепленных в п. 2 ст. 63 Федерального закона «О связи». Полагаем необходимым на федеральном уровне установить правовую ответственность и закрепить процедуру привлечения к такой ответственности оператора связи и иных лиц, допустивших нарушение ст. 63 Федерального закона «О связи».

В отечественном законодательстве существуют нормы, в которых законодатель вводит ограничение доступа к какому-либо виду тайны, при этом не определяя, какие конкретно сведения относятся к той или иной охраняемой законом тайне. Такая ситуация сложилась в отношении «врачебной тайны», «банковской тайны» и «тайны связи». Именно поэтому мы считаем целесообразным дополнить ст. 2 Федерального закона «О связи» определением понятия «тайна связи». При этом следует заметить, что сегодня толкование понятия «тайна связи» дано в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 октября 2003 г. № 345-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года “О связи”»[2]. В нем указано, что информацией, составляющей охраняемую Конституцией Российской Федерации и действующими на территории Российской Федерации законами тайну телефонных переговоров, считаются любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи. Та же позиция была отражена в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)»[3].

В настоящее время судебная практика сложилась таким образом, что к тайне связи стали относить IP-адреса, координаты местоположения базовых станций, к которым подключаются устройства абонентов, IMSI – уникальный номер SIM-карты или IMEI – уникальный номер абонентского устройства. Это чисто технические данные, которые не разглашают содержание телефонного разговора, но согласно законодательству оператор связи не может передать эту информацию третьим лицам без судебного решения. Сложившаяся ситуация в определенной степени мешает правоохранительным органам оперативно реагировать на преступления в области цифровых технологий. В целях изменения сложившейся ситуации от имени Правительства Российской Федерации Минэкономразития России предложен проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 63 Федерального закона “О связи”». В пояснительной записке к нему сказано: «Законопроект направлен на выработку сбалансированного подхода, учитывающего основные права человека и интересы инновационного бизнеса, возникшие как результат научно-технического прогресса»[4]. Таким образом, законопроектом предлагается все, что не относится к содержанию сообщений или телефонных переговоров, не считать тайной связи.

[1] Российская газета. 2003. 10 июля.

[2] Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[3] Там же.

[4] URL: https://regulation.gov.ru (дата обращения: 05.06.2020).

В целях обеспечения тайны связи в п. 4 ст. 63 Федерального закона «О связи» определен круг лиц, имеющих право получать сведения о передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи сообщениях, о почтовых отправлениях и почтовых переводах денежных средств, а также сами эти сообщения, почтовые отправления и переводимые денежные средства. К ним отнесены отправители и получатели, а также их уполномоченные представители. Мы считаем необходимым в Федеральном законе «О связи» закрепить перечень субъектов, которым гарантируется тайна связи.

В последние два десятилетия информационные технологии в области сотовой связи развиваются ускоренными темпами. Параллельно с их развитием возрастают возможности вторжения в частную жизнь.

Так, в 2011 г. во всех средствах массовой информации были опубликованы и обнародованы сведения о том, что тысячи SMS-сообщений, отправленных с сайта сотового оператора «Мегафон», попали в открытый доступ через поисковую систему «Яндекс» из-за технического сбоя программы. Проблему обнаружили и устранили технические специалисты. Однако, как писали «Новые Известия», многие интернет-пользователи успели прочесть и растиражировать тексты самых ярких SMS-посланий[1].

В целях недопущения подобных фактов считаем целесообразным на уровне Минкомсвязи России принять нормативный документ, определяющий и утверждающий меры организационного и технического характера, направленные на защиту от несанкционированного доступа к сетям сотовой связи и передаваемой по ним информации.

Далее обратимся к анализу технических возможностей гарантии тайны телефонных переговоров сотовыми операторами связи.

Существует несколько стандартов цифровых сотовых систем связи. В России и в странах СНГ широко применяется стандарт GSM (Global System for Mobile Communications – Глобальная система мобильной связи). Этот стандарт регламентирует работу радиотелефонных сетей общего пользования и получил распространение в Европе. Главная отличительная особенность сетей GSM от ранее существующих заключается в том, что передача речи осуществляется в цифровом виде по радиоканалам. Сети GSM используются более чем в 212 странах мира. В России они появились в конце 1990-х гг. Основы защиты информации сетей GSM были заложены при разработке вышеназванного стандарта и обеспечиваются набором алгоритмов, используемых для организации соединения сотового телефона с сетью оператора GSM. В последующих поколениях сотовых сетей 2G, 3G, 4G происходило совершенствование используемых алгоритмов.

В стандарте GSM основу защиты информации составляют три секретных алгоритма:

1. A3 – алгоритм авторизации (аутентификации), защищающий телефон от клонирования.

2. A8 – алгоритм, который генерирует криптоключ на основе данных алгоритма A3.

3. A5 – алгоритм, обеспечивающий конфиденциальность переговоров на основе шифрования оцифрованной речи.

Для исключения несанкционированного использования ресурсов системы связи разработчиками была введена процедура аутентификации. В ГОСТ Р 57429-2017 «Судебная компьютерно-техническая экспертиза. Термины и определения» содержится следующее определение аутентификации пользователя: это «процедура проверки подлинности пользователя путем сравнения введенного пароля с паролем, сохраненным в базе данных».

Процедура аутентификации пользователя основана на методе «запрос – ответ» и протекает следующим образом. На сотовый телефон абонента оператор сети GSM посылает запрос, который содержит некоторое случайное число (RAND). Используя алгоритм аутентификации (A3), телефон обрабатывает полученный запрос и шифрует результат, используя ключ шифрования Ki. Зашифрованный телефоном запрос отсылается обратно оператору связи. После получения ответа оператор сотовой сети начинает процедуру проверки, которая заключается в точно таком же шифровании случайного числа (RAND), посланного на телефон абонента. Аутентификация считается пройденной успешно, если тот результат, что получился у оператора сотовой сети, совпадет с ответом, полученным от абонента. Назначение процедуры аутентификации заключается в защите сетевого оператора от несанкционированного доступа к сотовой сети связи. После аутентификации абонент может вести телефонные переговоры. Для защиты от прослушивания они шифруются с использованием ключа Kc и алгоритма A5. Ключ Kc генерируется в ходе процедуры аутентификации, для этого используется ключ Ki, случайное число (RAND) и секретный алгоритм A8, хранящийся в SIM-карте.

Предложенная разработчиками архитектура криптозащиты позволила утверждать, что телефоны абонентов сетей GSM надежно защищены от клонирования и прочих методов мошенничества, а также качественно защищены от прослушивания.

[1] «Мегафон» нарушил закон, раскрыв SMS-сообщения клиентов: URL: https://www.vspro.info/article/«megafon»-narushil-zakon-raskryv-sms-soobshcheniya-klientov (дата обращения: 05.06.2020).

Однако с течением времени представители ассоциации GSM признали, что звонки по мобильному телефону в сети GSM не защищены от прослушивания на 100 %. И это подтверждают следующие факты:

– самым важным из трех алгоритмов в обеспечении информационной безопасности является алгоритм A5. Длительное время ассоциация GSM не допускала утечек информации о принципе его работы. Однако в 1994 г. стали известны основы работы алгоритма A5. Данной информации было достаточно для понимания принципа его работы, и в этом же году ученые из Кэмбриджа М. Роэ и Р. Андерсон опубликовали приблизительную криптосхему алгоритма A5. После опубликования основных данных алгоритма A5 ученые и хакеры из разных стран предпринимали попытки взломать сам шифр;

– в 1999 г. израильские программисты Алекс Бирюков и Ади Шамир обнаружили пробел в системе безопасности GSM-связи, позволяющий любому пользователю при наличии персонального компьютера расшифровывать телефонные переговоры или передаваемые данные. Атака производилась на алгоритм A5;

– в 2009 г. Карстен Нол, член немецкой хакерской группы CCC (Chaos Computer Club), сообщил об успешном взломе алгоритма кодирования данных в сетях GSM с помощью недорогого сотового телефона, ноутбука и набора программ с открытым исходным кодом. Результаты своей работы Нол опубликовал в Интернете, а книгу кодов разместил на одном из торрент-трекеров. Таким образом, немецкий хакер сделал технологию перехвата мобильных переговоров доступной огромному числу пользователей, которые теперь могут взломать код GSM всего за несколько часов или даже минут;

– в августе 2010 г. изобретатель Крис Пейджет представил на конференции по IT-безопасности DefCon в Лас-Вегасе устройство, позволяющее прослушивать мобильные разговоры в GSM-сети. Устройство состояло из ноутбука с программным обеспечением и двух направленных антенн. Устройство имитирует базовую станцию, к которой автоматически подключаются телефоны, что позволяет прослушивать разговоры. Пейджет также продумал, как обойти более высокую защиту в сетях 3G: генератор шума и усилитель позволяют перегрузить 3G-сеть и вынудить телефон работать в GSM-сетях, которые часто используют в качестве резервных[1].

Использование сетей GSM на протяжении трех десятилетий выявило следующие существенные недостатки: невозможность аутентификации вышек сотовой связи и возможность создания ложных базовых станций, слабые ключевые алгоритмы, низкую стойкость криптоалгоритмов шифрования данных.

Следует отметить, что в сетях 3G, 4G эти уязвимости уже закрыты, и сегодня операторы сотовой связи используют устойчивое шифрование, чтобы обеспечить безопасный канал связи между телефоном абонента и вышкой сотовой связи. В то же время безопасность в системах мобильной связи 3G и 4G не является абсолютной, например, в случае их недоступности из-за плохого уровня сигнала, ваш телефон будет автоматически переходить на связь в стандарте GSM (2G) со всеми ее недостатками.

Любой сотовый телефон является сложным электронным устройством, важнейшими элементами которого являются:

1. Сам телефон, мобильное устройство, представляющее собой мини-компьютер с процессором, материнской платой, внутренней и оперативной памятью (ME – Mobile Equipment), которое имеет собственный номер (IMEI – International Mobile Equipment Identity – международный идентификатор мобильного устройства). Это уникальный номер по запросу может передаваться оператору сотовой сети.

2. Модуль подлинности абонента – SIM-карта (Subscriber Identity Module – модуль идентификации абонента), получается абонентом при заключении контракта с оператором. SIM-карта защищена от несанкционированного использования вводом индивидуального идентификационного номера (PIN-код – Personal Identification Number), который присваивается абоненту вместе с самой картой.

SIM-карта играет важнейшую роль в обеспечении конфиденциальности связи и представляет собой чип, предназначенный для установки в телефон (ME), в котором прошита следующая информация:

1) международный идентификационный номер подвижного абонента (IMSI – International Mobile Subscriber Identity);

2) индивидуальный 128-битный ключ аутентификации (Ki);

3) алгоритм аутентификации (A3) и алгоритм генерации сеансового ключа (A8).

Таким образом, ситуация с обеспечением тайны телефонных переговоров в сотовых сетях связи осложняется тем, что граждане России пользуются мобильными телефонами, изготовленными на импортной элементной базе, так как в России нет собственного производства комплектующих для мобильных устройств (микросхем, дисплеев, аккумуляторных батарей). На российском рынке смартфонов встречаются «отечественные» гаджеты: BQ, Digma, Vertex, INOI, Highscreen, YotaPhone.

[1] Защищенная связь – сетевая безопасность. URL: http://www.mforum.ru/095857.htm (дата обращения: 05.06.2020).

Однако все они собираются в Китае из зарубежных комплектующих. Отсутствуют также рабочие прототипы операционных систем, которые могут составить конкуренцию Android и iOS[1]. Кроме того, сети связи российских сотовых операторов «большой тройки» – МТС, «Мегафон» и «Билайн» построены на иностранном телекоммуникационном оборудовании с использованием зарубежных алгоритмов шифрования. Сложившаяся ситуация создает предпосылки для вредоносных действий зарубежных спецслужб, которые могут использовать центры аутентификации пользователей услугами связи иностранного производства для доступа к сетям связи и передаваемым по ним сообщениям пользователей услуг связи, носящим конфиденциальный характер. Таким образом, может быть нанесен значительный ущерб безопасности государства и отдельных граждан[2].

В целях решения этой проблемы с 1 декабря 2019 г. вступили в силу два приказа Минкомсвязи России от 13 июня 2018 г. № 275[3] и от 25 июня 2018 г. № 319[4], по которым процедуры аутентификации и индентификации абонентов сетей 2G, 3G и 4G должны осуществляться с использованием алгоритмов шифрования, соответствующих требованиям ФСБ России. С 1 декабря 2019 г. поставщики телекоммуникационного оборудования для сетей сотовой связи должны или сертифицировать средства криптографической защиты информации (в ФСБ России), или установить внешний аппаратный модуль безопасности (HSM – Hardware Security Module). Аппаратный модуль безопасности – это физическое вычислительное устройство, которое позволяет формировать, хранить и управлять цифровыми ключами[5]. Готовится еще один приказ, по которому российские криптоалгоритмы должны использоваться и в SIM-картах. В настоящее время единственным в России разработчиком отечественной криптографии для сотовых сетей является Институт точной механики и вычислительной техники им. С. А. Лебедева. Им закуплены чипы Samsung и реализуется программа испытаний по установке на SIM-карты своей операционной системы и криптоядра.

По оценкам специалистов, использование в SIM-карте импортного чипа, но с отечественным алгоритмом шифрования более безопасно, чем использование полностью импортных SIM-карт, которые сейчас работают в сотовых сетях[6]. Так, в 2015 г. издание The Intercept со ссылкой на документы, полученные от Эдварда Сноудена, сообщало, что Агентство национальной безопасности США и Центр правительственной связи Великобритании совершили хакерскую атаку на Gemalto (крупнейшая компания по производству SIM-карт), в результате чего получили доступ к ключам шифрования SIM-карт. Сейчас в SIM-картах используются чипы различных иностранных производителей – Samsung, STMicroelectronics, Infineon и др. Вопросы национальной безопасности, в частности, необходимость исключить возможность установки в оборудовании местных операторов связи «шпионских» функций, например через SIM-карты, находятся на контроле многих государств. В частности, в 2011 г. Министерство внутренних дел Индии заявило, что импорт SIM-карт для телефонов местных сотовых операторов представляет угрозу национальной безопасности. Вслед за этим правительственный комитет поручил подготовить предписание сотовым операторам заменить все импортированные SIM-карты на карты местного производства.

Следует отметить, что в 2014 г. в Госдуму был направлен законопроект, запрещающий использование в России импортного оборудования для сетей связи в случае, если на рынке есть аналоги отечественного происхождения. Однако 19 ноября 2014 г. он был отклонен, поскольку не существует российских аналогов иностранного оборудования. Сложившаяся в России ситуации с оборудованием связи – следствие почти четвертьвековой стагнации отрасли, приведшей к практически полному ее коллапсу[7].

Подводя итог, необходимо отметить, что правовой режим тайны связи граждан на современном уровне развития информационных технологий обеспечивается не только совершенствованием правовых норм, но и решением технических и технологических проблем.

---

[1] Российские смартфоны – настолько ли они отечественные? URL: https://www.androidlime.ru/russian-smartphones (дата обращения: 05.06.2020).

[2] Минкомсвязь: переход на российские криптоалгоритмы усилит защиту сотовых сетей от несанкционированного доступа. URL: https://nag.ru/articles/article/101903/minkomsvyaz-perehod-na-rossiyskie-kriptoalgoritmyi-usilit-zaschitu-sotovyih-setey-ot-nesanktsionirovannogo-dostupa.html (дата обращения: 05.06.2020).

[3] Российская газета. 2018. 30 июня.

[4] URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 05.06.2020).

[5] Сотовая связь переходит на отечественную криптографию, одобренную ФСБ. URL:https://habr.com/ru/news/t/446556/ (дата обращения: 05.06.2020).

[6] Российские сим-карты запустят на чипах Samsung. Отечественное шифрование нужно ФСБ для борьбы с иностранными разведками. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/23/05/2019/5ce53a039a79471bde8de739 (дата обращения: 05.06.2020).

[7] Почему российские сети связи останутся с иностранным оборудованием. URL: https://www.newsland.com/community/5369/content/import-v-zakone/3115393 (дата обращения: 05.06.2020).

Список цитируемых источников

Бурылов 2003 – *Бурылов А. В.* Право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений: конституционно-правовой анализ : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 22 с.

Волков 2016 – *Волков Ю. В.* О подходах понимания «тайны связи» // Вестник УРФО: Безопасность в информационной среде. 2016. № 2. С. 47–53.

Григорьев 2006 – *Григорьев И. Б.* Конституционное право на тайну сообщений как элемент института неприкосновенности частной жизни в Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 25 с.

Лозовский 2008 – *Лозовский Д. Л.* Правовое регулирование обеспечение информационной безопасности коммуникативных контактов человека : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. 28 с.

Шагара 2014 – *Шагара Г. В.* Конституционное право граждан на тайну телефонных переговоров и его ограничение уголовно-процессуальными средствами : дис. … канд. юрид. наук. Пятигорск, 2014. 177 с.

References

Burylov, A. V. (2003), The right to secrecy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraph and other communications: constitutional and legal analysis, Abstract of Ph.D. dissertation, constitutional law, municipal law, Ural State Legal Academy, Yekaterinburg, Russia.

Grigor'ev, I. B. (2006), The constitutional right to secrecy of communications as an element of the institute of privacy in the Russian Federation, Abstract of Ph. D. dissertation, constitutional law, municipal law, Moscow University of the MIA of Russia, Moscow, Russia.

Lozovsky, D. L. (2008), Legal regulation ensuring information security of human communication contacts, Abstract of Ph. D. dissertation, constitutional law, municipal law, information law, Moscow Engineering Physics Institute (State University), Moscow, Russia.

Shagara, G. V. (2014), The constitutional right of citizens to the secrecy of telephone conversations and its restriction by criminal procedural means, Ph. D. Thesis, constitutional law, constitutional litigation, municipal law, criminal procedure, Moscow Humanitarian University, Pyatigorsk, Russia.

Volkov, Yu. V. (2016), "About approaches to understanding the "mystery of communication", *Vestnik URFO: Bezopasnost' v informatsionnoi sfere,* no. 2, pp. 47–53.

Информация об авторе

Ковалёв Сергей Дмитриевич,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; Sdr-ecxe@rambler.ru

Information about the author

Kovalev Sergei D.,
PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; Sdr-ecxe@rambler.ru

Для цитирования

Ковалёв С. Д. Некоторые правовые и технические аспекты обеспечения тайны сотовой связи // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 79–84.

For citation

Kovalev, S. D. (2020), "Some legal and technical aspects of ensuring the secrecy of cellular communications", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 79–84.

УДК 347.4

С. В. Комиссарова[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

S. V. Komissarova[1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation*

Каршеринг как пример эскалации мобильности в современном обществе: правовые основы и особенности явления

Carsharing as an example of escalation of mobility in a modern society: legal bases and features of the phenomenon

Ключевые слова: каршеринг; краткосрочная аренда; возмездный договор; публичный договор; клиент; права и обязанности сторон; ответственность по договору.

Аннотация. Предметом настоящего исследования являются общественные отношения, связанные с договором краткосрочной аренды каршеринговых автомобилей. В статье раскрыты основные причины развития данного вида арендных правоотношений и востребованности каршеринга среди населения, в том числе путем проведения сравнительного анализа опросов населения за последние три года о преимуществах и недостатках использования данного вида транспорта. В статье рассмотрен вопрос об особенностях правового регулирования использования каршеринга и возникновения судебных споров между клиентами и компаниями. Выявлены проблемные аспекты применения отдельных норм Гражданского кодекса Российской Федерации в части заключения договора аренды транспортных средств без экипажа и предложены конкретные дополнения в существующие статьи.

Key words: car sharing; short-term lease; payable contract; public contract; client; rights and obligations of the parties; contractual liability.

Abstract. The subject of this research is public relations related to short-term carsharing car rental agreements. The article reveals the main reasons for the development of this type of rental relationships and the demand for carsharing among the population, including by conducting a comparative analysis of the survey of the population over the past three years on the advantages and disadvantages of using this type of transport. The article discusses the specifics of legal regulation of the use of carsharing and the occurrence of legal disputes between clients and companies. The problematic aspects of the application of certain norms of the Civil code of the Russian Federation in terms of concluding a lease agreement for vehicles without a crew are identified and specific additions to existing articles are proposed.

В наши дни в Российской Федерации стал активно развиваться сервис краткосрочной аренды автомобилей. Первые каршеринг-сервисы появились в Москве и Санкт-Петербурге в 2013 г. Начиная с 2016 г. рынок российского каршеринга переживает взрывной рост. В период с 2013 по 2017 г. в крупных городах России произошло явное смещение приоритетов с пользования услугами такси и личного транспорта в пользу каршеринга.

На первое место в рейтинге крупнейших владельцев каршеринговых автомобилей выходит тандем компаний «Делимобиль» и Anytime, а самой укомплектованной в техническом смысле является компания «Яндекс.Драйв». Под ее названием работает 4 300 автомобилей различных марок, классов и комплектаций[1].

В январе 2020 г. на встрече с журналистами глава департамента транспорта Москвы М. Ликсутов сообщил о том, что парк каршеринговых автомобилей в 2019 г. вырос в два раза по сравнению с 2018 г. и составил 31 тыс. единиц. Всего в 2019 г. каршерингом пользовались 47 млн раз[2]. Налицо тот факт, что каршеринг за несколько лет сумел стать системообразующей частью транспортных систем крупных российских городов, популярным и востребованным способом передвижения. О причинах популярности каршеринга, наряду с прочими вопросами, пойдет речь в настоящей статье.

В числе первых причин следует назвать процесс урбанизации и возрастание мобильности населения. С увеличением роста населения повышается загруженность транспортных сетей, что приводит к таким проблемам, как пробки и загрязнение воздуха в крупных городах. С появлением возможности брать на договорной основе в краткосрочную аренду автомобили, владельцы транспортных средств стали чаще отказываться от использования личного автотранспорта в сторону временного пользования каршеринговых автомобилей. Динамику востребованности в услугах каршеринга можно проследить на примере проводимых разными компа-

[1] Самые крупные каршеринговые компании. URL: https://carsharing-auto.ru/moskva/kakoj-karshering-v-moskve-luchshe/ (дата обращения: 20.04.2020).

[2] Каршеринг, такси, электробусы. URL: https://www.autonews.ru/news/5e27eadc9a7947ddb35fb6bd (дата обращения: 01.05.2020).

© Комиссарова С. В., 2020

ниями опросов населения. Данные результаты подробно проанализированы в работе А. Н. Атрепьева и А. В. Шороховой [Атрепьев, Шорохова, 2017].

Так, в 2017 г. специалисты аналитического агентства «Автостат» проводили опрос россиян об отношении к каршерингу, в котором приняли участие 2,4 тыс. чел. На тот период 38 % опрошенных заявили, что знают о нем, но не пользуются каршерингом, 18,8 % респондентов ответили, что не собираются пользоваться краткосрочной арендой автомобилей, среди причин, помимо прочего, назвали и отсутствие каршеринга в городе, а 16,6 % – не знали об этой услуге[1].

В 2018 г. компания PwC провела исследование о причинах отказа владельцев от частого использования личных автомобилей и перехода на каршеринг[2]. Так, 66 % респондентов назвали самую распространенную причину – пробки на дорогах и потеря времени в пути, 65 % указали на проблему, связанную с парковкой личных автомобилей, а точнее, на высокие парковочные тарифы. В исследовании поднималась проблема, связанная с дороговизной обслуживания автомобиля (на это указали 63 % принявших участие в опросе). Кроме того, 17 % опрошенных в качестве причины назвали высокую стоимость автомобилей, которые люди хотят приобрести в собственность, покупая их у официальных дилеров или через объявления купли-продажи. В этих условиях каршеринг является удобным и доступным способом передвижения и реализации своих потребностей.

Изучая статистику за 2019 г., на основе данных, полученных в ходе проведения опроса населения России ГК «АвтоСпецЦентр», можно заключить, что 41 % российских автовладельцев пользуется каршерингом, чтобы доехать до работы, где имеются проблемы с парковкой. Второй по популярности причиной использования краткосрочной аренды автомобилей, на которую указали 20 % опрошенных, стала необходимость наличия второй машины для поездки большой компанией. На третьем месте (11 %) – необходимость добраться до или от вокзала и аэропорта[3]. Например, в 2019 г. только компания «Яндекс.Драйв» предоставляла клиентам возможность припарковать машину у терминала В аэропорта Шереметьево в Москве. Для многих вылетающих в другие страны эта функция являлась определяющей при аренде автомобиля.

Такая форма аренды автомобилей, как каршеринг предназначена для тех, кому транспортное средство необходимо на непродолжительное время. По общим правилам, клиент должен использовать автомобиль только в личных целях, которые не связаны с предпринимательской деятельностью.

Отметим еще одну причину популярности аренды каршеринговых автомобилей. Поминутная аренда таких автомобилей получила значительную льготу на пользование парковочным пространством в Москве. Так, п. 2.5 постановления Правительства Москвы от 19 августа 2015 г. № 523-ПП «О внесении изменений в постановления Правительства Москвы от 15 февраля 2011 г. № 32-ПП “Об утверждении Положения о Департаменте транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры Москвы”, от 17 мая 2013 г. № 289-ПП “Об организации платных городских парковок в городе Москве”» закрепляет преференции на бесплатные парковки: физические лица, которым транспортные средства предоставлены в рамках услуги каршеринга, на основании заключенного договора с лицом, имеющим парковочное разрешение льготного размещения транспортного средства, предоставляемого в рамках услуги каршеринга, не производят оплату размещения таких транспортных средств на местах платных городских парковок[4]. Данная норма, безусловно, также способствует более широкому внедрению услуг каршеринга в повседневную жизнь граждан крупных городов.

После завершения поездки каршеринговый автомобиль не требуется возвращать в первоначальное место его расположения. Многие пользователи каршеринга могут припарковать его возле своего дома. Однако был период, когда поднимался вопрос о запрете парковки таких автомобилей во дворах жилых домов. Среди причин называлось недовольство жителей многоквартирных домов, имеющих ограниченные территории для парковочных мест. Анализируя данную ситуацию, можно прийти к следующему выводу. Личные автомобили находятся на открытой дворовой территории в течение более длительного периода (например, до тех пор, пока собственник автомобиля не уедет с утра на работу), чем припаркованный каршеринговый автомобиль, который могут сразу же арендовать другие лица после того, как первый клиент завершит свою поездку. То есть данный автомобиль попадает в пользование к другому человеку, и парковочное место во дворе освобождается. В настоящее время согласно нормативным правовым актам запрет на парковку каршеринговых автомобилей на придомовых территориях не имеет юридической силы.

[1] Что россияне думают про каршеринг? URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.autostat.ru%2Finfographics%2F32389%2F (дата обращения: 20.04.2020).

[2] Завтрашний день автомобильной отрасли. URL: https://www.pwc.ru/ru/publications/autotech-russian.pdf (дата обращения: 05.05.2020).

[3] Названы причины использования каршеринга автовладельцами. URL: https://iz.ru/911021/2019-08-16/nazvany-prichiny-ispolzovaniia-karsheringa-avtovladeltcami (дата обращения: 01.05.2020).

[4] URL: http://www.mos.ru/ (дата обращения: 20.04.2020).

Еще одна причина популярности каршеринга связана с возможностью тест-драйва автомобилей premium class в части, касающейся знакомства с спецификой их управления и получения нового опыта за рулем. Особенность аренды таких автомобилей состоит в более высокой стоимости данной услуги и дополнительных ограничениях, которые устанавливаются каждой компанией индивидуально. Например, в компании Anytime можно арендовать такие автомобили, как: Mercedes-Benz G500 или Ferrari F430 Spider. Аренда этих автомобилей будет проходить не по традиционной схеме через мобильное приложение, а непосредственно через службу поддержки, когда клиенту необходимо заранее заказать машину. После заказа автомобиля его доставляют по указанному адресу и к определенному времени, поэтому искать транспортное средство на карте и по улице самостоятельно не требуется.

Краткосрочная аренда каршерингового автомобиля не обязывает клиента вносить залог или предоплату. Кроме того, арендатор не тратит собственные денежные средств на заправку автомобиля. Тем не менее на практике возникают проблемные ситуации, связанные с необходимостью клиентов заправлять автомобиль за свой счет, когда на топливной карте, которая входит в основной пакет документов при аренде автомобиля, не оказывается денежных средств. Такие ситуации приводят к тому, что клиенты обращаются в суд за взысканием своих денежных средств с каршеринговых компаний. В большинстве случаев суды удовлетворяют требования истцов на основании п. 2 ст. 13 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», которая закрепляет следующую норму: «2. Если иное не установлено законом, убытки, причиненные потребителю, подлежат возмещению в полной сумме сверх неустойки (пени), установленной законом или договором»[1]. Отметим, что в самом договоре аренды не предусмотрена ответственность компании на случай отсутствия денежных средств на топливной карте при заправке автомобиля. Мы полагаем, что, наравне со штрафами, которые возлагаются на клиента в связи с нарушением условий договора, должна быть предусмотрена определенная ответственность и со стороны арендодателя. Так, в сам договор краткосрочной аренды автомобиля необходимо добавить условие, не противоречащее закону, о том, что в случае отсутствия необходимых денежных средств на топливной карте, входящей в пакет услуг каршеринга, компания компенсирует затраты клиента на заправку арендованного автомобиля при условии предоставления чеков.

Договор аренды транспортного средства с точки зрения юридической характеристики является двусторонним, возмездным и консенсуальным, и регулируется нормами ст. 607 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее: ГК РФ), где указано, что транспортные средства относятся с точки зрения характеристики недвижимых объектов права собственности к непотребляемым вещам и поэтому могут являться объектом договора аренды.

Рассматривая особенности самого явления каршеринга как примера эскалации мобильности современного общества, целесообразно раскрыть его правовую характеристику. Мы не ставим перед собой задачу подробно проанализировать права и обязанности сторон договора в связи с тем, что данная тема представляет собой самостоятельное направление в изучении каршеринговых правоотношений и споров, возникающих между компаниями и клиентами, на примере материалов судебной практики.

Проанализируем основные характеристики договора аренды каршеринговых автомобилей с точки зрения гражданского законодательства и тех пакетов услуг, которые предлагают потенциальным арендаторам (клиентам) каршеринговые компании. На сайте любой каршеринговой компании можно ознакомиться с условиями заключаемого договора. При краткосрочном пользовании автомобилем между клиентом и компанией заключается согласно ст. 642 ГК РФ договор аренды транспортного средства без экипажа.

По своей правовой природе данный договор является консенсуальным, т. е. считается заключенным с момента согласования, принятия и подписания клиентом всех существенных условий, которые определяет компания. Соответственно, у потенциального клиента нет возможности реализовать один из принципов при заключении договора – принцип свободы договора (п. 2 ст. 1 ГК РФ), иными словами, возможность определять не противоречащие законодательству условия договора. Практика, в том числе и судебная, показывает, что определенные компанией условия не могут быть изменены, в сам договор клиент не имеет возможности вносить дополнительные условия. В связи с этим арендатору необходимо перед подписанием договора внимательно изучить условия, в особенности те, что регулируют ответственность сторон. Эти существенные положения должны быть прочитаны клиентом в обязательном порядке, чтобы в будущем не возникали судебные прецеденты, когда клиент не соглашается с «навязанными ему условиями в части ответственности». Так, в 2017 г. в Новочебоксарский городской суд поступило исковое заявление, в котором истец оспаривал положения договора аренды, заключенного с ООО «Каршеринг Россия». Истец полагал, что спорный договор

[1] Российская газета. 1996. 16 янв.

содержит определенные пункты («администрирование» штрафов, без объяснения значения данной услуги на сайте и в тексте договора), которые истец не принял бы, если бы у него была возможность участвовать в определении условий договора[1].

Таким образом, договор аренды транспортного средства относится к договорам присоединения (ст. 428 ГК РФ), а это означает, что клиент, регистрируясь на сайте каршеринговой компании, должен принять те условия, которые указаны в договоре и дополнительных соглашениях.

В соответствии с нормами действующего российского гражданского законодательства договор аренды транспортного средства необходимо заключать в письменной форме, что подтверждается положениями ст. 643 ГК РФ. Согласно нормам гражданского законодательства необходимо подписывать акт-приемки передачи имущества, которое сдается в аренду. Существует две возможности заключить данный договор: непосредственно в компании или он-лайн через приложение в мобильном устройстве. В связи с этим предлагаем внести дополнения в ст. 643 ГК РФ в следующей редакции: «…должен быть заключен в письменной форме независимо от его срока, а при аренде каршерингового автомобиля путем принятия условий договора на сайте компании или в приложении через техническое мобильное устройство».

Процедура заключения договора аренды каршерингового автомобиля с технической точки зрения упрощена для пользователя. Достаточно быть зарегистрированным в системе. Например, в условиях использования сервиса «Яндекс.Драйв» указано, что, как только клиент начинает использовать сервис, он считается принявшим все условия регулирующих документов (пользовательские соглашения сервиса, лицензионное соглашение на использование программы «Яндекс.Драйв» для мобильных устройств[2], договор аренды и дополнительные соглашения к договору). Это говорит о том, что между сторонами договора возникают гражданские права, обязанности и ответственность в случае нарушения или неисполнения условий договора аренды.

Необходимо отметить, что клиент перед тем, как авторизоваться на сервисе для аренды автомобиля, должен указать свои личные персональные данные. Проблема здесь заключается в том, что клиент авторизируется, а впоследствии может и не арендовать автомобиль. В связи с этим у компании сохраняются персональные данные гражданина, которые могут быть использованы оператором в корыстных целях (он может их продать, переуступить или реализовать другим способом). Во избежании данной ситуации в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»[3] в приложении должна быть включена отметка о том, что оператор не имеет права в дальнейшем распространять данные клиента.

Следует отметить, что договор аренды каршерингового автомобиля не является публичным. Рассмотрим пример из судебной практики, когда истец требовал обязать каршеринговую компанию заключить с ним договор аренды автомобиля. Так, в конце июня 2018 г. житель Москвы получил водительское удостоверение и решил воспользоваться услугами компаний по аренде каршеринговых автомобилей. В ведущих компаниях потенциальному клиенту было отказано в заключении договора по причине того, что его водительский стаж не соответствовал требованиям, указанным в соглашениях компаний. Гражданин обратился в Лефортовский районный суд Москвы с требованием признать данный договор публичным. При рассмотрении дела судом были проанализированы условия договора краткосрочной аренды, которые находились в открытом доступе на сайте компании BelkaCar. В договоре указывалось, что пользователем в соответствии с п. 1.3 договора присоединения является физическое лицо, отвечающее требованиям договора присоединения и соответствующих приложений к нему, прошедшее процедуры регистрации и авторизации и присоединившееся к данному договору в соответствии с его требованиями. Порядок присоединения пользователя к договору был определен положениями разд. 2 «Присоединение пользователя к договору» договора присоединения и порядком регистрации и авторизации, согласно которым пользователь самостоятельно совершает загрузку (скачивание) на устройство приложения BelkaCar с использованием магазинов приложений AppStore и/или Google Play в сети «Интернет». Заключая данный договор (присоединяясь к договору), пользователь заявляет, гарантирует и подтверждает, что он, в частности, соответствует всем требованиям, предъявляемым к нему договором и приложениями к нему.

Действительно, у большинства операторов каршеринга существуют ограничения по возрасту и стажу вождения. Таким образом, услуги ориентированы больше на опытных водителей, а не на начинающих. Например, в компании «Яндекс.Драйв» к автомобилям не допускаются лица младше 21 года и со стажем вождения менее двух лет. Более того, для таких автомобилей, как Audi, BMW, Ford Mustang, Mercedes, Porsche, Range Rover, Toyota,

[1] Решение Новочебоксарского городского суда № 2-1179/2017 от 26 апреля 2017 г. по делу № 2-1179/2017. URL: https://sudact.ru/regular/doc/xsEsQFTnXTbm/ (дата обращения: 20.04.2020).

[2] Условия использования сервиса «Яндекс.Драйв» – правовые документы. Помощь. URL: https://yandex.ru/legal/drive_termsofuse/ (дата обращения: 20.04.2020).

[3] Российская газета. 2006. 29 июля.

Volvo установлено возрастное ограничение для клиентов младше 26 лет, желающих заключить договор аренды. В правилах компании Anytime прописано, что во время регистрации к анкете нужно добавить фото паспорта и водительского удостоверения, на которых должны быть четко видны все данные. Лица, не достигшие рекомендованного возраста, не получат одобрения личного профиля[1].

Суду ответчиком был предоставлен договор, утвержденный приказом организации. В соответствии с преамбулой данный договор не является договором проката и публичной офертой[2]. Это означает, что каршеринговая компания будет заключать договор не в отношении каждого, кто к ней обратится, как это закреплено в ст. 426 ГК РФ для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. В соответствии со ст. 421 ГК РФ каршеринговые компании свободны в заключении договоров аренды транспортного средства и имеют право отказать клиенту «взять авто на время», если арендатор не подходит к требованиям, которые содержатся в условиях аренды.

Приведенный пример свидетельствует о том, что в настоящее время однозначно определить правовую природу договора каршеринга для обычных пользователей представляется проблематичным. Сами же каршеринговые компании относят данный договор к договору аренды транспортного средства и опираются на положения § 3 гл. 34, ст. 421, 428 ГК РФ. Отметим, что многие потенциальные клиенты компаний до регистрации в системе, полагают, что каршеринг – это договор проката, соответственно, к нему применяются положения п. 3 ст. 626 ГК РФ, которые соотносятся с нормами ст. 426 ГК РФ о публичности договора. Мы полагаем, что на основании ст. 10 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» каршеринговым компаниям необходимо на главных страницах приложения для регистрации в системе для аренды автомобиля довести до потребителя информацию, указывающую на существующие ограничения по водительскому стажу, установленные арендодателем в условиях договора каршеринга. Это будет означать, что компания заключит договор не с каждым обратившимся клиентом. В таком случае потенциальные арендаторы каршерингового автомобиля будут заранее проинфомированы об особенностях оказания услуги и не станут вводить свои личные данные для регистрации на сайте компании. Так, каршеровод И. Сетдинов считает, что указание на водительский стаж незаконно[3] и ограничивает многих водителей, которые получили водительские права и не имеют собственный автомобиль. Такое ограничение противоречит главной задаче, указанной в Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2025 года: развитие сервисов общего пользования автомобилем, которые удовлетворяют потребности пользователей в осуществлении перевозок без личного владения автомобилем[4].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что сегодня в соответствии с вновь возникающими мобильными потребностями граждан целесообразно внести и ряд изменений в ГК РФ в части, касающейся регулирования арендных правоотношений. Так, предлагаем § 3 гл. 34 ГК РФ «Аренда» дополнить статьями об аренде каршеринговых автомобилей, где будет указана форма заключения договора, четко определена его правовая направленность (законодателю необходимо точно определить его юридическую природу), а также права и обязанности сторон, соотнесенные с Законом Российской Федерации «О защите прав потребителей».

Далее, целесообразно дополнить п. 1 ст. 426 ГК РФ следующей формулировкой: «…должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится, за исключением случаев, предусмотренных законом (здесь предполагается ссылка на статью в § 3 гл. 34 ГК РФ в части регулирования каршеринговых отношений), договором или дополнительными соглашениями». Соответственно, если законодатель определит юридическую природу договора каршеринга (договор аренды каршеринговых автомобилей не является договором проката движимых вещей), то к нему не будут применяться нормы о публичности.

Теперь перейдем к характеристике возмездности заключенного с каршеринговой компанией договора аренды. Так, клиент оплачивает только сессию аренды, т. е. фактическое время использования транспортного средства. Цена аренды автомобилей по договору во всех компаниях устанавливается самостоятельно. Например, компания «Яндекс.Драйв» предлагает своим клиентам различные тарифы, стоимость которых определяется в зависимости от следующих условий: зона поездки; время суток; километраж, когда клиент указывает пункт отправления и на-

[1] Каршеринг: стаж вождения. URL: https://anytime.kz/blog-o-karsheringe/karshering-stazh-vozhdeniya.html (дата обращения: 20.04.2020).

[2] Информация по делу № 02-3451/2018. URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/lefortovskij/services/cases/civil/details/b014a7dd-443c-4fb9-bf10-2555899d3346?participants=энитайм (дата обращения: 10.05.2020).

[3] Шеринг-экономика только для опытных. Как я подал в суд на каршеринг. URL: https://truesharing.ru/b/10970/ (дата обращения: 01.06.2020).

[4] Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 28 апр. 2018 г. № 831-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 19, ст. 2804.

значения; дорожная ситуация; возраст и стаж вождения клиента; модель автомобиля. Таким образом, цена аренды непосредственно зависит от внешних факторов. Для того чтобы точно узнать стоимость поездки и получить актуальную информацию, необходимо зайти в мобильное приложение каршеринговой компании. Все компании предоставляют клиентам 5 бесплатных минут для проверки наличия документов и осмотра состояния автомобиля на предмет дефектов, загрязнений, отсутствия каких-либо деталей. Важной особенностью в случае, если клиент такие действия не предпримет и не сообщит в службу поддержки, является правило крайнего пользователя. Это означает, что следующий клиент, который при осмотре автомобиля обнаружит недостатки и сообщит о них, не будет нести ответственность и возмещать компании убытки. В такой ситуации ответственность по устранению недостатков перекладывается на предыдущего пользователя, который о них не сообщил в службу поддержки. После осмотра автомобиля клиент приступает непосредственно к использованию транспортного средства. Как указывалось выше, цена аренды зависит от времени суток и марки автомобиля. Например, на сайте компании «Делимобиль» при аренде автомобиля Nissan Qashqai в дневное время цена поездки будет составлять от 8 до 9,85 руб. за одну минуту. В ночное время стоимость аренды увеличивается до 11 руб. в минуту. Если в пути клиенту необходимо на время остановиться, то в приложении есть функция «ожидание». В этом случае оплата за одну минуту ожидания будет составлять от 3,55 до 3,98 руб. В компании «Яндекс.Драйв» аренда аналогичного автомобиля в дневное время будет стоить 9 руб. за минуту и 3,5 руб. за время ожидания[1]. Как правило, первые 15–20 мин. действует услуга бронирования (ожидания), которая включается после подачи заявки на аренду транспортного средства [Комиссарова 2019].

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что расчет стоимости за аренду происходит только за фактическое время пользования автомобилем.

Договор является срочным, так как заключается на определенный срок, который устанавливает сам клиент.

Таким образом, по своей правовой природе договор каршеринга не регулируется нормами договора проката (ст. 626 ГК РФ), а является договором краткосрочной аренды транспортного средства без экипажа, в соответствии с которым арендатор обязуется своевременно (путем удержания денежных средств с банковской карты клиента) вносить плату за пользование имуществом компании (ст. 614 ГК РФ).

Масштаб развития услуг каршеринга увеличивается ежегодно и в скором времени станет таким же привычным явлением, как обращение граждан за услугами в банки, по перевозке пассажиров общественным транспортом, к компаниям, оказывающим коммунальные услуги.

Полагаем, что услуга каршеринга будет востребованной только на территории крупных городов. В регионах с низкой плотностью населения рынок не имеет потенциала к развитию.

Базовыми выводами относительно сервиса каршеринга являются следующие:

1. Каршеринг – одно из наиболее быстро развивающихся направлений в области транспорта в России.

2. Спрос на услуги аренды каршеринговых автомобилей растет ежедневно, в компаниях регулярно регистрируются новые пользователи.

3. К недостаткам системы относятся быстрый износ автомобилей и сложность поиска машины.

4. Необходимо внести в ГК РФ предложенные изменения, касающиеся регулирования арендных правоотношений и общих правил заключения гражданско-правовых договоров, чтобы в будущем исключить споры между компаниями и клиентами, пользующимися услугами каршеринга.

Список цитируемых источников

Атрепьев, Шорохова 2017 – *Атрепьев А. Н., Шорохова А. В.* Swot-анализ системы каршеринга в городе Москве // Государственное и муниципальное управление в Российской Федерации: современные проблемы и перспективы развития. М. : ГУУ, 2017. С. 180–184.

Комиссарова 2019 – *Комиссарова С. В.* Правовая основа и особенности явления каршеринга как разновидности краткосрочной аренды транспортного средства // Актуальные вопросы совершенствования российского законодательства и деятельности уголовно-исполнительной системы. Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2019. С. 191–196.

[1] Каршеринг Яндекс Драйв в Москве: тарифы и условия. URL: https://transportera.ru/karshering/karshering-yandeks-drajv-v-moskve-tarify-i-usloviya/ (дата обращения: 10.05.2020).

References

Atrep'ev, A. N. and Shorokhova, A. V. (2017), "Swot-analysis of the car-sharing system in Moscow", *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie v Rossiiskoi Federatsii: sovremennye problemy i perspektivy razvitiya* [State and municipal administration in the Russian Federation: current problems and development prospects], GUU, Moscow, Russia, pp. 180–184.

Komissarova, S. V. (2019), "Legal basis and features of the phenomenon of carsharing as a type of short-term rental of a vehicle", *Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya rossiiskogo zakonodatel'stva i deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy* [Topical issues of improving the Russian legislation and the activities of the penal system], VYuI FSIN Rossii, Moscow, Russia, pp. 191–196.

Информация об авторе

Комиссарова Светлана Владимировна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; sveta_stepanova@mail.ru

Information about the author

Komissarova Svetlana V.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; sveta_stepanova@mail.ru

Для цитирования

Комиссарова С. В. Каршеринг как пример эскалации мобильности в современном обществе: правовые основы и особенности явления // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 85–91.

For citation

Komissarova, S. V. (2020), "Carsharing as an example of escalation of mobility in a modern society: legal bases and features of the phenomenon", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 85–91.

УДК 343.98

А. Ю. Крипулевич[1]
[1]*Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Самара, Российская Федерация*

A. Yu. Kripulevich[1]
[1]*Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Samara, the Russian Federation*

Дифференцирующие признаки содействия и сотрудничества как видов правоотношений в оперативно-розыскной деятельности

Differentiating features of assistance and cooperation as a type of legal relationship in operational-search activity

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; содействие; сотрудничество; оперативный сотрудник; контракт.

Аннотация. Статья посвящена правоотношениям в виде содействия и сотрудничества, возникающим между оперативным сотрудником и лицом, оказывающим помощь правоохранительным органам, по решению задач оперативно-розыскной деятельности. С опорой на семантический анализ терминов «содействие» и «сотрудничество» аргументированно доказывается необходимость разграничения данных понятий с точки зрения закрепления и употребления их в законодательных нормах, регулирующих оперативно-розыскную деятельность, а также в научной, учебной литературе и правоприменительной деятельности.
Анализируются нормативные акты, в которых закрепляется термин «содействие», рассматриваются его значение и толкование с точки зрения закрепления в той или иной норме. Выделяются дифференцирующие признаки содействия и сотрудничества как видов правоотношения между оперативным сотрудником и лицом, оказывающим помощь, для их разграничения. Данные признаки свидетельствуют о факте самостоятельных видов правоотношений, которые наделяют лицо, оказывающее содействие или сотрудничество, определенным статусом, предусматривающим социально-правовые гарантии, права и обязанности. Делается вывод, что употребляемые в оперативно-розыскной деятельности понятия «содействие» и «сотрудничество» как виды правоотношений являются нетождественными. Содействие как понятие и вид правоотношения шире, чем сотрудничество. Свою позицию автор подкрепляет мнениями ученых и принятыми на международном уровне рекомендациями по данному направлению научной мысли.

Key words: operational-search activity; assistance; cooperation; operative; contract.

Abstract. The article analyzes the legal relationship in the form of assistance and cooperation, arising between an operational officer and a person who assists law enforcement agencies in solving problems of operational-search activity. Based on the semantic analysis of the terms “assistance” and “cooperation”, considered by the author earlier, the necessity of differentiating these concepts from the point of view of their consolidation and use in the legislative norms regulating operational-search activities, as well as in scientific, educational literature and law enforcement activity is determined.
The article analyzes the normative acts in which the term “assistance” is fixed, considers its meaning and interpretation from the point of view of consolidation in a particular norm. The differentiating signs of assistance and cooperation are highlighted as a type of legal relationship between an operative and a person to distinguish them. These signs show the fact of independent types of legal relations that endow the person providing assistance or cooperation with a certain status, providing social and legal guarantees, rights and obligations. It is concluded that the concepts “assistance” and “cooperation” used in operational-search activities as types of legal relations are not identical. Assistance as a concept and type of legal relationship is broader than cooperation. The author supports the considered position with the opinions of scientists and internationally accepted recommendations in this area of scientific thought.

Содействие лиц правоохранительным органам является специфическим видом правоотношений, который закрепляется и упорядочивается нормами Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[2] (далее: ФЗ об ОРД). В данном норма-

© Крипулевич А. Ю., 2020

[2] Российская газета. 1995. 18 авг.

тивном акте оправданно закреплены специальные термины, которые отражают специфику этого вида деятельности и которые должны конкретно толковаться и употребляться в других законодательных актах, регулирующих вопросы обеспечения безопасности государства.

В ФЗ об ОРД закреплены нормы, позволяющие использовать помощь граждан в борьбе с преступностью путем установления отношений с оперативным сотрудником того или иного правоохранительного органа. Такой вид правоотношений обозначается терминами «содействие» и «сотрудничество», которые в свою очередь в учебной и научной литературе часто используются как синонимы. Между тем в ФЗ об ОРД данные термины употребляются как разные понятия, характеризующие отношения, которые возникают между лицом и оперативным сотрудником, подчеркивая тот или иной правовой статус, формируемый в том числе за счет социально-правовых гарантий, закрепленных в законе. Трудность в дифференциации заключается и в том, что в законодательстве не даны определения понятий «содействие» и «сотрудничество», в связи с этим нельзя избежать их различных толкований.

Ранее мы рассматривали вопросы, касающиеся соотношения понятий «содействие» и «сотрудничество» в теории оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) через семантический анализ терминов [Крипулевич 2017], что предопределило в свою очередь необходимость выявления их дифференцирующих признаков, четко определяющих различие и специфику данных правоотношений. На наш взгляд, необходимо четко установить границы их использования в рамках ОРД, степень их соотношения. Это важно как с теоретической, так и практической точек зрения. В первом случае это позволит дифференцированно использовать их в научном обороте и расширит представления о содержании рассматриваемых правоотношений. Во втором – может послужить основой для дальнейшего совершенствования оперативно-розыскного законодательства, грамотного составления документов в оперативных подразделениях ФСИН России при планировании и организации ОРД.

Проанализируем значение термина «содействие», который как форма деятельности чаще используется в ОРД и имеет высший приоритет на законодательном уровне.

Опираясь на результаты исследования А. И. Тамбовцева, подтверждая его рассуждения на тему коллизий законодательного регулирования содействия в ОРД [Тамбовцев 2015] и проанализировав нормативные правовые акты, можно заключить, что, кроме ФЗ об ОРД, термин «содействие» содержится в следующих федеральных законах: от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»[1]; от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке»[2]; от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»[3]; от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»[4]; от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности»[5]; от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»[6]; от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»[7].

ФЗ об ОРД в части закрепления термина «содействие» является первоисточником, который содержится в ст. 17 «Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность». Практически аналогично называется ст. 8 «Содействие граждан органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам» Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка». В данном законе предусматривается оказание содействия общественными объединениями граждан и народными дружинами. При этом оказание содействия группой лиц совершенно противоречит принципам конфиденциальности в ОРД. Так, в ст. 17 ФЗ об ОРД законодатель подчеркивает, что привлекаться к содействию могут отдельные лица, т. е. тем самым исключается его групповая (коллективная) форма.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», содержащий термин «содействие», к основным принципам противодействия экстремистской деятельности относит принцип гласности, что указывает на невозможность негласного содействия в рамках данной деятельности.

Федеральные законы от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» и от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» содержат нормы, ограничивающие круг потенциальных конфидентов для оказания содействия, отличный от того, который закреплен в ФЗ об ОРД [Тамбовцев 2015, с. 28].

Таким образом, нормы юридически равных законов оперируют одним и тем же термином «содействие», но смысл, вкладываемый нормами упомянутых законов в его значение, неодинаков. Соглашаясь с А. И. Тамбовцевым, считаем, что это категорически недопустимо.

На наш взгляд, данное разногласие обусловлено тем, что в законодательных актах не закрепле-

[1] Российская газета. 1995. 12 апр.
[2] Там же. 1996. 17 янв.
[3] Там же. 2002. 30 июля.
[4] Там же. 2006. 10 марта.
[5] Там же. 2007. 14 февр.
[6] Там же. 2011. 10 февр.
[7] Там же. 2014. 4 апр.

но понятие «содействие», более того, его смешивают с понятием «сотрудничество». Так, В. А. Леденёв и А. В. Климачков отмечают, что в общем ключе в ст. 17 ФЗ об ОРД используется словосочетание «содействие по контракту», а в ст.18 ФЗ об ОРД – «содействие», «содействие по контракту», «сотрудничество», «сотрудничество по контракту». Исследуя содержание иных статей ФЗ об ОРД, можно обнаружить, что в ст. 5, 9, 12, 14, 16, 21 используется термин «содействие», в ст. 6 – «помощь», в ст. 7 – «сотрудничество», в ст. 15 – «сотрудничество» и «содействие» [Леденёв, Климачков 2019, с.14].

Учитывая тот факт, что термины «содействие» и «сотрудничество» не только в ФЗ об ОРД, но и в специальной литературе нередко употребляются как синонимы, обозначим дифференцирующие признаки правоотношений между лицом и оперативным сотрудником в виде содействия и сотрудничества.

В теории ОРД под содействием понимается осознанное волевое поведение лиц, заключающееся в получении оперативно значимой информации и передаче ее представителю оперативно-розыскного органа (далее: ОРО), или осуществление конкретных действий по решению оперативно-розыскных задач борьбы с преступностью по инициативе ОРО при условии доверительности и, при необходимости, конспиративности отношений [Горяинов, Овчинский, Синилов 2012, с. 184].

Содействие – это тот вид правоотношений, с которого, как правило, начинается взаимодействие оперативного сотрудника и лица для решения задач ОРД. Данный вид правоотношений между лицом и оперативным сотрудником может осуществляться в формах, установленных ведомственным законодательством, регулирующим ОРД того или иного правоохранительного органа. Оно может осуществляться на основании контракта и быть одной из стадий привлечения лица к сотрудничеству.

На основании вышеизложенного выделим основные признаки правоотношения в виде содействия в ОРД:

1) Содействие в ОРД может осуществляться на гласной и негласной основе. При содействии лицо может также по собственной инициативе сознательно, без согласования с представителем оперативного подразделения оказывать помощь анонимно. Лицо может это делать в рамках собственной инициативы, желая при этом сохранить конфиденциальность.

Как утверждает А. А. Маслов, само право содействовать реализации оперативно-розыскных задач в соответствии с законодательством не требует согласия оперативного сотрудника, поскольку информация о преступлениях и лицах, их совершающих, может передаваться негласно, анонимно или иным способом. В свою очередь оперативный сотрудник обязан ее оформить и проверить [Маслов 2014, с. 44].

2) Содействие подразумевает участие всех возможных лиц, которые могут оказать помощь оперативным подразделениям при осуществлении ОРД, в том числе депутатов, судей, прокуроров, адвокатов, священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений (запрет в соответствии со ст. 17 ФЗ об ОРД устанавливается на использование конфиденциального содействия по контракту с данными лицами). Ограничение может зависеть от правового и социального статуса лица, возраста, гражданства, способностей разведывательного характера.

3) Содействие правоохранительным органам можно оказывать в рамках двустороннего взаимодействия на основании договоренности двух сторон, или оно может осуществляться в рамках прикосновенности к ОРД (одностороннего инициативного волеизъявления).

4) Содействие по срокам может быть как длительным (устойчивым), так и кратковременным, что характерно для разных видов правоотношений и в других отраслях права.

5) Содействие в двустороннем порядке может осуществляться на основании устной или письменной договоренности.

6) Лица, содействующие органам, осуществляющим ОРД, находятся под защитой государства, однако гарантии их защиты дифференцированы, по сравнению с лицами, оказывающими сотрудничество. Для лиц, оказывающих содействие, гарантии социальной и правовой защиты усечены.

7) При содействии момент возникновения отношения между лицом и оперативным сотрудником невозможно четко определить, как и то, с какого момента государство обеспечивает социально-правовую защиту данных лиц. На наш взгляд, начало содействия может быть обозначено моментом получения оперативно значимой информации от лица, а заканчиваться в одностороннем или двустороннем изъявлении о нежелании взаимодействовать по тем или иным причинам в дальнейшем.

8) Содействие может включать в себя разные формы договоренности, реализовываясь через основания, которые указаны в ФЗ об ОРД (например, контракт) и ведомственном правовом акте, регулирующим ОРД того или иного правоохранительного органа.

Кроме содействия, в ФЗ об ОРД возникают правоотношения в виде сотрудничества. Определим его основные признаки:

1) Сотрудничество осуществляется чаще всего на негласной основе, опираясь на основополагающий в соответствии со ст. 3 ФЗ об ОРД прин-

цип конспирации. Если отношения оперативного сотрудника и лица, степень участия которого в выполнении задач разведывательного характера является основной, перешли от содействия к сотрудничеству (заключению контракта), то такие отношения будут негласными.

2) Сотрудничество с оперативными подразделениями может осуществляться только с определенным кругом лиц, которые являются дееспособными совершеннолетними, обладающими необходимыми деловыми качествами, разведывательными возможностями для выполнения заданий, в том числе требующих специальной подготовки. В соответствии со ст. 17 ФЗ об ОРД запрещается использовать сотрудничество по контракту депутатов, судей, прокуроров, адвокатов, священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений. В отличие от содействия, где возраст лица, с которым возникают отношения, может быть от 16 лет, сотрудничество осуществляется исключительно с лицами, достигшими 18-летнего возраста.

3) Сотрудничество может возникать только в двустороннем порядке, при обоюдном согласии лица и оперативного сотрудника. При этом окончательное решение о сотрудничестве является прерогативой оперативного сотрудника, когда он взвешивает и оценивает все факты и перспективы данного правоотношения.

4) Сотрудничество имеет долгосрочный характер и не может ограничиваться единичным фактом взаимодействия, как, например, в рамках содействия. Данные отношения включают в себя более тесную профессиональную деятельность, которая поддерживается на протяжении достаточного количества времени для решения задач ОРД.

5) Сотрудничество осуществляется только на основании контракта, который как юридический факт обеспечивает социально-правовыми гарантиями того, с кем он заключается (на основании ст. 18 ФЗ об ОРД). Кроме того, у оперативного сотрудника и лица возникают взаимные права и обязанности, регулируемые контрактом и нормами оперативно-розыскного законодательства.

6) Сотрудничество на основании ст. 18 ФЗ об ОРД предусматривает реализацию мер социальной и правовой защиты конфидентов. В частности, выплата единовременных пособий в случае травмы, ранения, контузии, увечья либо смерти контрактника, включение периода сотрудничества по контракту в трудовой стаж, пенсионное обеспечение этих лиц.

7) Сотрудничество в ОРД как вид правоотношений начинается с момента возникновения юридического факта в виде подписания контракта между лицом и оперативным сотрудником, который является представителем органа, осуществляющего ОРД. Прекращается сотрудничество с момента расторжения контракта.

8) Сотрудничество осуществляется на возмездных или безвозмездных условиях, которые прописаны в контракте.

9) Сотрудничество характеризуется устойчивостью правоотношений между оперативным сотрудником и лицом, что выражается в стабильности, тесной взаимосвязи, согласованности действий, постоянстве и длительности.

10) Сотрудничество является последним этапом в правоотношениях, которые начинались с содействия. Оно, как правило, начинается с содействия, претерпевая трансформацию правоотношения, наделяясь дополнительными специальными признаками, характеризующимися в более устойчивой и профессиональной связи между лицом и оперативным сотрудником. Содействие при развитии и укреплении правоотношений перерастает в сотрудничество, а последнее в свою очередь может вернуться к первому по каким-либо причинам. Таким образом, сотрудничество находится в рамках содействия и является одной из форм его реализации при решении задач ОРД. Следовательно, как понятие содействие шире, чем сотрудничество.

Рассмотрев признаки, которые разграничивают содействие и сотрудничество, необходимо отметить, что лица в данных правоотношениях в соответствии с законодательством наделяются разным правовым статусом. Это обусловливается предусмотренными социально-правовыми гарантиями, правами и обязанностями, которые закрепляются в контракте. Следовательно, законодатель имеет дело с двумя самостоятельными категориями, которые обладают разным правовым статусом.

Отстаивая позицию о том, что содействие и сотрудничество – дифференцированные понятия, обозначающие специфические виды правоотношений в ОРД, которые должны употребляться в правильных терминологических конструкциях в нормах законодательства, учебной и научной литературе, подкрепим свое мнение позицией постановления № 8-14 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности (далее: ОДКБ) от 26 ноября 2015 г., в рамках которого приняты Рекомендации по сближению и гармонизации законов государств – членов ОДКБ об оперативно-разыскной деятельности[1]. В данных рекомендациях гл. 4 посвящена законодательному разграничению лиц, конфиденциально сотрудничающих с ОРО на контрактной основе, и лиц, конфиденциально им содействующих: «…поскольку лица, сотрудничающие с оператив-

[1] URL: http://www.paodkb.ru/ (дата обращения: 24.07.2020).

ными службами по контракту, и иные лица, просто оказывающие им помощь на конфиденциальной основе, обладают несколько различным правовым статусом, а также во избежание терминологической путаницы следует рекомендовать государствам – членам ОДКБ в соответствующих статьях законов об ОРД четко разграничивать понятия "конфиденциальное сотрудничество" и "конфиденциальное содействие"».

Итак, употребляемые в ОРД понятия «содействие» и «сотрудничество» как виды правоотношений не являются тождественными. Понятие «содействие» шире, чем понятие «сотрудничество». Это подтверждается семантическим анализом данных терминов и дифференцирующими признаками, которые характеризуют данные виды правоотношений. Такая позиция находит подтверждение и на международном уровне в рамках постановления № 8-14 Парламентской Ассамблеи ОДКБ от 26 ноября 2015 г.

В связи с этим с целью правильного использования в правовых актах, научной и учебной литературе терминов «содействие» и «сотрудничество» предлагаем закрепить их определения, учитывающие все дифференцирующие признаки, на законодательном уровне.

Список цитируемых источников

Горяинов, Овчинский, Синилов 2012 – Теория оперативно-розыскной деятельности. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М. : ИНФРА-М, 2012. 690 с.

Крипулевич 2017 – *Крипулевич А. Ю.* Соотношение понятий «содействие» и «сотрудничество» в теории оперативно-розыскной деятельности // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4(26). С. 51–55.

Леденёв, Климачков, 2019 – *Леденёв В. А., Климачков А. В.* К вопросу о дефиниции «негласное содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел в осуществлении розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда» // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2019. № 19-1. С. 13–16.

Маслов 2014 – *Маслов А. А.* К вопросу о содействии граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, и сотрудничестве с ними на конфиденциальной основе // Научный портал МВД России. 2014. № 2(26). С. 43–47.

Тамбовцев 2015 – *Тамбовцев А. И.* Коллизии законодательного регулирования содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 3(47). С. 25–33.

References

Goryainov, K. K., Ovchinsky, V. S. and Sinilov, G. K. (2012), *Teoriya operativno-rozysknoi deyatelnosti*, *2-e izd., pererab. i dop.* [The theory of operational-search activity, 2nd ed., rev. and enl.], INFRA-M, Moscow, Russia.

Kripulevich, A. Yu. (2017), "Correlation of the concepts of "assistance" and "cooperation" in the theory of operational search activity", *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(26), pp. 51–55.

Ledenev, V. A. and Klimachkov, A. V. (2019), "On the question of the definition of "tacit assistance of citizens to operational divisions of internal affairs bodies in the search for persons hiding from the bodies of inquiry, investigation and court", *Aktualnie problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami,* no. 19-1, pp. 13–16.

Maslov, A. A. (2014), "On the issue of citizens assistance to the bodies carrying out operational-search activities and cooperation with them on a confidential basis", *Nauchnii portal MVD Rossii,* no. 2(26), pp. 43–47.

Tambovtsev, A. I. (2015), "Conflicts of legislative regulation of assistance to bodies engaged in operational-search activities", *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii,* no. 3(47), pp. 25–33.

Информация об авторе

Крипулевич Алевтина Юрьевна,
Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Самара, Российская Федерация; krial@yandex.ru

Information about the author

Kripulevich Alevtina Yu.,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Samara, the Russian Federation; krial@yandex.ru

Для цитирования

Крипулевич А. Ю. Дифференцирующие признаки содействия и сотрудничества как видов правоотношений в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 92–96.

For citation

Kripulevich, A. Yu. (2020), "Differentiating features of assistance and cooperation as a type of legal relationship in operational-search activity", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 92–96.

УДК 347.1

С. А. Кубатко[1]
Я. С. Сопнева[1]
[1] *Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске, Российская Федерация*

S. A. Kubatko[1]
Ya. S. Sopneva[1]
[1]*Institute of Service, Tourism and Design (branch of North Caucasus Federal University) in Pyatigorsk, the Russian Federation*

Несовершенство налогового законодательства в части методов досудебного урегулирования налоговых споров

Imperfection of tax legislation in terms of methods of pre-trial settlement of tax disputes

Ключевые слова: налоговое законодательство; гражданско-правовые споры; жалоба; претензия; апелляционная жалоба; формальный характер; методы досудебного урегулирования; административная процедура.

Аннотация. Статья посвящена проблемам, связанным с несовершенством налогового законодательства, неясностью его интерпретирования, непоследовательностью и неточностью правоприменительной практики, а также с ошибками налоговых органов в части доказательной базы. Авторы преследовали цель проанализировать имеющиеся методы досудебного урегулирования налоговых споров, оптимизировать внесудебное урегулирование, внести коррективы в действующее налоговое законодательство в части методов досудебного урегулирования. Научное исследование проводилось с использованием общенаучных методов (логический, формально-юридический, сравнительно-правовой, экономико-статистический). В результате исследования были выявлены положительные и отрицательные стороны досудебного урегулирования налоговых споров, внесены предложения по изложению порядка подачи и рассмотрения жалобы заявителя, введению ряда мер по оптимизации процесса досудебного урегулирования споров.

Key words: tax legislation; civil legal disputes; complaint; claim; appeal; formal nature; methods of pre-trial settlement; administrative procedure.

Abstract. The article is devoted to problems related to the imperfection of tax legislation, the ambiguity of its interpretation, inconsistency and inaccuracy of law enforcement practice, as well as mistakes of tax authorities in the part of the evidence base. The authors aimed to analyze the available methods of pre-trial settlement of tax disputes, optimize out-of-court settlement, and make adjustments to the current tax legislation in terms of pre-trial settlement methods. The research was conducted using General scientific methods (logical, formal legal, comparative legal, economic and statistical). As a result of the research, positive and negative aspects of pre-trial settlement of tax disputes were identified, adjustments were made to the procedure for filing and reviewing the applicant's complaint, and a number of measures were introduced to optimize the process of pre-trial settlement of disputes.

Каждый гражданин Российской Федерации прямо или косвенно является резидентом налоговых правоотношений, которые регулируются нормами гражданского законодательства. Поскольку правовые акты и законы достаточно неоднозначны, а деятельность налоговых органов связана с экспроприацией имущества физических и юридических лиц, взысканием, то возникновение и развитие налоговых конфликтов неизбежно. Особой актуальностью в современных налоговых правоотношениях отличаются компромиссные формы досудебного урегулирования конфликтов. Они способствуют возникновению и развитию доверительных и плодотворных взаимоотношений граждан и представителей налоговых органов в рамках взаимодействия.

Не так давно деятельность налоговых органов ограничивалась лишь формальным контролем и применением санкций к налогоплательщикам в случае нарушения последними налогового законодательства. Именно поэтому большинством граждан России органы Федеральной налоговой службы (далее: ФНС России) воспринимались как принудительная государственная организация, что, в свою очередь, влекло к стагнации партнерских, доверительных отношений между субъектами.

Сегодня данный стереотип является пережитком прошлого. Налогоплательщики все чаще обращаются в ФНС России не с жалобами и претензиями, а за квалифицированной консультацией. Они доверяют советам специалистов налоговых органов, стараются сотрудничать с органами государственной власти и приходят к консенсусу в разрешении налоговых коллизий.

© Кубатко С. А., Сопнева Я. С., 2020

«Конструктивность деятельности налоговых органов складывается из потребностей государства и материального достатка налогоплательщика. От последнего зависит и общее положение государственной казны. В связи с этим вопросу урегулирования конфликтов с плательщиками отводится значительное внимание со стороны Правительства Российской Федерации» [Людневa, Кубатко 2014, с. 145].

Эффективность работы налоговой службы определяется качеством установления источников доходов граждан и сведением к минимуму расходов на налогообложение. От методов работы государственных органов зависит то, насколько добросовестно граждане будут исполнять свои прямые обязательства и непосредственно платить налоги, что влияет на благосостояние и платежеспособность на внешнем рынке нашего государства.

Исходя из основных правил менеджмента, вся система налогообложения в Российской Федерации должна основываться на эквивалентной связи с законодателем и четко трактовать статьи Налогового кодекса Российской Федерации (далее: НК РФ). Кроме того, необходимо создавать благоприятный климат для развития предпринимательской деятельности на территории всей Российской Федерации.

С появлением и развитием рыночных отношений сформировались качественно новые взаимоотношения налоговых органов и налогоплательщиков. Приоритетным становится развитие непрерывного взаимодействия субъектов данных взаимоотношений, базисом которых являются принципы партнерских отношений и доверия сторон.

Однако в связи с тем, что законодательство в сфере налогообложения очень часто меняется (НК РФ является одним из самых часто меняющихся кодексов), на современном этапе налоговая политика крайне не стабильна [Кутявина 2011]. Налогоплательщики не успевают анализировать все письма и приказы ФНС России, дополнения и поправки НК РФ, приказы, отменяющие действия утвержденных ранее приказов, которые издаются и утверждаются чуть ли ни каждый месяц. Вопросов возникает все больше. Увеличивается и количество жалоб. Такая динамика отрицательно сказывается на развитии предпринимательства и экономики страны в целом. К тому же все это приводит к конфликтным ситуациям, для решения которых налогоплательщики прибегают к помощи арбитражных судов.

В связи с этим актуальным до сих пор остается вопрос о внесудебном урегулировании налоговых споров, одним из методов которых является подача претензии или жалобы на действие/бездействие налоговых органов.

Согласно ст. 140 НК РФ жалобы, которые подаются налогоплательщиками, рассматриваются только органами ФНС России без участия граждан, подавших жалобу. Исключение составляют претензии, содержащие противоречия между сведениями, содержащимися в представленных материалах.

Несмотря на то, что 1 января 2014 г. реализация досудебного урегулирования налоговых споров стала общеобязательной, остается много вопросов в отношении правоприменения данного порядка.

Принимая поправки в НК РФ, законодатель упускает конкретный регламент рассмотрения апелляционных жалоб вышестоящими налоговыми органами.

В арбитражной практике нередко возникают проблемы, связанные с несоблюдением налоговыми органами досудебного порядка. С одной стороны, происходит его полнейшее игнорирование либо проведение в формальном режиме, а с другой – нарушение части первой НК РФ.

Так, согласно ст. 88, 89, 93, 93.1 и 101 НК РФ органы ФНС России вправе истребовать документацию у организации и ее контрагентов только во время проведения налоговой проверки или в период дополнительных мероприятий налогового контроля.

На практике случается так, что сотрудники налоговой инспекции на постоянной основе ведут переговоры с организацией, выставляют требование о передаче им нужных документов. Причины данных обстоятельств различны. Например, список документов для проверки был составлен не полностью, в процессе проверки или по ее завершении выяснилось, что для полноты картины необходим еще ряд документов, которые ранее отсутствовали в перечне.

Таким образом, появляются повторные поручения об истребовании.

Организациям важно помнить, что согласно п. 4 ст. 101 НК РФ все материалы, полученные органами ФНС России с нарушением сроков истребования, не могут использоваться в качестве доказательной базы как в досудебном порядке, так и в арбитражном суде. В п. 2 ст. 101 НК РФ четко прописано, что органы ФНС России обязаны уведомить налогоплательщика, в отношении которого проводятся контрольные мероприятия, о сроках, месте и времени проведения таких мероприятий. Это значит, что представитель организации имеет полное право лично либо через своего законного представителя присутствовать при рассмотрении материалов проверки. По ходу разбирательств он также вправе вносить коррективы, разъяснять мотивы тех или иных действий, предоставлять устные доказательства, которые он также может подкрепить документально и представить позже в качестве дополнительного материала к налоговой проверке. Отсутствие письменных возражений со стороны налогоплательщика не лишает его права участия в прениях и оглашения

устных возражений. По инициативе любой из сторон на слушание может быть приглашен также независимый эксперт или специалист в данной области.

Налогоплательщик по разным причинам может быть лишен права личного присутствия при рассмотрении дела. В этом случае он может воспользоваться правом обращения в судебные органы с исковым заявлением о признании решения налогового органа недействительным (п. 14 ст. 101 НК РФ), тогда правомерность органов ФНС России будет определять арбитражный суд.

Во избежание судебных тягот налогоплательщик может в первую очередь обратиться с жалобой на действие либо бездействие должностных лиц в вышестоящий налоговый орган. Такой регламент предусмотрен ст. 139 НК РФ. Согласно ее нормам налоговый орган, на который жалуется налогоплательщик, обязан в течение трех дней со дня поступления жалобы отправить все материалы по ней в вышестоящий налоговый орган. Органы управления ФНС России внимательно изучают и проверяют вопросы, изложенные в жалобе, затем высылают территориальным органам контрольное задание. Нижестоящим органам ФНС России необходимо в установленные управлением сроки подготовить и направить полноценный ответ налогоплательщику, продублировав его в органы управления. По возможности, следует устранить все нарушения и урегулировать на данном этапе назревающий конфликт. Если ответ по жалобе будет недостаточно емким или составлен с нарушениями норм законодательства, то это повлечет за собой применение мер ответственности к сотруднику налоговой инспекции, а налогоплательщик сможет обратиться за помощью в другие органы государственной власти (прокуратура, следственный комитет, арбитражный суд).

Необходимо также помнить о сроках подачи жалобы на решение налогового органа. Так, жалоба в федеральный орган исполнительной власти может подаваться в течение трех месяцев со дня вынесения такого решения.

Налогоплательщик имеет право в течение года подать жалобу на решение, не вступившее в законную силу и не обжалованное в апелляционном порядке. Если же установленные законом сроки были пропущены по уважительным причинам, то налогоплательщику необходимо составить и направить ходатайство в вышестоящий налоговый орган. В этом случае сроки будут восстановлены.

Усугубило ситуацию и то обстоятельство, что 12 июля 2017 г. вступили в силу изменения в ст. 1252 и 1486 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в ст. 4 и 99 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации[1]. Данная поправка направлена на упрощение процедуры досудебного урегулирования. А это значит, что процесс досудебного урегулирования в целом может носить фиктивный характер и в конечном счете просто перерасти в определенную ступень на пути к судебному процессу.

Досудебное урегулирование не является обязательным (в случае, если другое не предусмотрено законом) при подаче заявления с обращением в арбитражный суд государственных органов, прокурора, органов местного самоуправления и других организаций в защиту публичных интересов, прав и законных интересов организаций и граждан в сфере экономической деятельности. Соблюдение претензионного порядка также обошло стороной и урегулирование споров о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и о банкротстве.

Таким образом, соблюдение досудебного порядка является обязательным только по гражданско-правовым спорам о взыскании средств по требованиям, которые могут возникнуть из договоров и иных сделок вследствие получения необоснованной выгоды.

Нельзя также оставлять без внимания тот факт, что достаточно большое количество споров возникает из-за так называемого правила приоритетности. Приоритетом пользуются организации – многомиллионники (крупнейшие налогоплательщики), а так называемые обычные граждане, чаще физические лица, индивидуальные предприниматели остаются в тени.

Это явление влечет за собой ряд неблагоприятных последствий. Из-за отсутствия должного внимания и достаточного количества времени заявления и обращения неприоритетных граждан остаются долгое время без рассмотрения, как следствие – затяжная процедура обработки и вынесения решения.

Таким образом, налогоплательщик несет убытки, и это также становится причиной налоговых споров.

В целом налоговое законодательство настолько противоречиво, что инициативный порядок остается единственным выходом для данного рода правоотношений. Только путем слаженной, совместной работы граждан и налоговых органов возможно бесконфликтное решение вопроса.

В результате анализа тенденции разрешения налоговых споров можно сделать вывод, что предпочтение отдается судебному урегулированию разногласий сторон. Это связано с тем, что заявители больше доверяют арбитражным судам, считая их

[1] О внесении изменений в статьи 1252 и 1486 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 4 и 99 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 1 июля 2017 г. № 147-ФЗ // Российская газета. 2017. 4 июля.

гарантом справедливости. Однако существует и обратная сторона медали. Судебный процесс достаточно трудоемок и требует определенных как материальных, так и временных затрат. Это и судебные издержки (гл. 25.3 НК РФ), и большое количество времени на рассмотрение иска, а также на вынесение окончательного решения по нему.

Возникает необходимость актуализации досудебной формы урегулирования налоговых споров с целью оперативного и слаженного разрешения конфликтов. Можно согласиться с тем, что в условиях рыночной экономики наиболее эффективными являются все же альтернативные (внесудебные) формы урегулирования возникающих споров. Они позволяют выстраивать доверительные отношения между конфликтующими сторонами, выдвигают общие цели, которые способствуют примирению конфликтующих сторон.

Сегодня данный порядок также характеризуется рядом несовершенств. Его огромным недостатком является как сам процесс подачи жалобы, так и тот факт, что ее обжалование происходит в административном порядке, без участия заявителя. Обращения граждан рассматриваются в закрытом порядке заинтересованными органами власти. Данный порядок практически не урегулирован процессуально, по сравнению с судебным.

Статья 139.2 НК РФ регламентирует форму и содержание жалобы, подаваемой налогоплательщиком. Приказ ФНС России от 20 декабря 2019 г. № ММВ-7-9/645@ «Об утверждении формы жалобы (апелляционной жалобы) и порядка ее заполнения, а также форматов и порядка предоставлении жалобы (апелляционной жалобы) и направления решений (извещений) по ним в электронной форме» утвердил:

– форму жалобы (апелляционной жалобы);

– порядок ее заполнения;

– электронный формат;

– правила подачи жалобы (апелляционной жалобы);

– порядок направления решений (извещения) по ним в электронной форме[1].

НК РФ не обязывает использовать форму жалобы, утвержденную ФНС России. Данное требование не представлено в ст. 139.2 НК РФ, но согласно ст. 139.3 НК РФ жалоба остается без рассмотрения в случае нарушения п. 2 ст. 139.2 НК РФ (формы заполнения).

Таким образом, имеется противоречивое трактование положений данной статьи. Налогоплательщик не всегда имеет возможность правильно оформить свою претензию. Получается, что ввиду некорректного оформления претензионного письма налогоплательщик полностью лишается возможности обжалования.

Предполагаемым решением данной проблемы является пересмотр положений п. 2 ст. 139.2 НК РФ и их корректировка. Следует рассмотреть вариант замены установленной формы жалобы на заявление, составленное в произвольном виде. Данное решение применяется в п. 6 ст. 100 НК РФ. Налоговым законодательством не установлены требования к форме, в которой должны быть представлены письменные возражения на акт налоговой проверки, поэтому данный документ составляется в произвольном виде. Несмотря на свободную форму заполнения, все доводы, изложенные в документе, должны быть аргументированными, четкими, ясными, обоснованными с точки зрения законодательства.

В рамках взаимодействия органов ФНС России и налогоплательщиков и в целях повышения качества досудебного урегулирования можно также предложить введение возможности корректировки претензии налогоплательщика «на месте». Возникла объективная необходимость введения консультаций налогоплательщика по вопросу заполнения специальной претензионной формы и пояснения требований ст. 139 НК РФ в телефонном режиме. Такая координация заполнения специальных форм претензий налогоплательщиков будет способствовать положительной динамике принятия жалоб к рассмотрению, т. е. возможности урегулировать конфликт, не прибегая к судебному разбирательству.

С целью оптимизации работы налоговых органов в части досудебного урегулирования можно предложить введение дополнительной штатной единицы в отдел работы с налогоплательщиками, в обязанности которой входило бы консультирование граждан по казусным вопросам. Для более эффективной работы предлагается к рассмотрению вопрос о создании горячей линии органов ФНС России. В таком режиме будет обеспечена большая информативность налогоплательщика по основным вопросам налогообложения и оказана помощь в спорных вопросах. Данные нововведения позволят повысить качество информатизации налогоплательщиков, уменьшить поток обращений в отделы, не отвечающие за информирование налогоплательщиков, а также будут способствовать разгрузке отделов налоговой инспекции и в конечном счете сокращению количества жалоб от заявителей.

Помимо прочего, представляется целесообразным предложить внести изменения в ст. 140 НК РФ, исключающие рассмотрение жалобы в одностороннем порядке. Участие налогоплательщика в заседании позволит более полно изучить суть вопроса и прийти к консенсусу при вынесении окончательного решения.

[1] URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.06.2020).

Целесообразно законодательно закрепить в ст. 140 НК РФ обязанности по извещению налогоплательщика о месте и времени проведения досудебного заседания. На данный момент регламентируется участие налогоплательщика в рассмотрении его жалобы только в случае выявления налоговым органом противоречий, требующих пояснений заявителя (п. 2 ст. 140 НК РФ).

Присутствие налогоплательщика позволит избежать недопонимания, которое может возникнуть в процессе разбирательства. Таким образом, человек получает аргументированное решение и исчерпывающий ответ на свой вопрос, а не письмо, носящее формальный характер, с краткой формулировкой: «В удовлетворении требований заявителя отказано…» или «Оставить жалобу без рассмотрения…» и т. п.

Данная новелла позволит исключить формальный подход налоговых органов к процедуре рассмотрения претензий и повысить степень ответственности инспекторов при принятии окончательного решения.

Таким образом, предложенные изменения во многом будут способствовать установлению взаимоотношений налогоплательщиков и органов ФНС России, построенных на взаимопомощи и взаимопонимании, что подтверждается положительной практикой ряда успешно развивающихся зарубежных стран.

С целью определения уровня практической значимости результатов научного исследования в межрайонной ИФНС № 9 по Ставропольскому краю был проведен социологический опрос работников и посетителей на предмет необходимости проведения досудебного урегулирования. В нем приняли участие 100 респондентов. Результаты опроса показали, что 82 % налогоплательщиков и сотрудников налоговой инспекции являются сторонниками досудебного решения разногласий. Они выступают инициаторами переговоров и готовы к компромиссу. Однако для 18 % опрошенных судебный метод является более приемлемым. Для сотрудников налоговой инспекции внесудебное урегулирование не всегда имеет положительный исход, поскольку влечет за собой определенный ряд организационных мероприятий, требующих согласования и утверждения вышестоящими органами. Иногда проще подготовить по шаблону ответ и отправить налогоплательщику, а дальше будет суд разбираться и доводить дело до конца. И такая схема работы действует во многих субъектах на протяжении долгих лет.

Для решения обозначенной проблемы считаем также целесообразным проведение консультационных встреч, круглых столов с организациями, которые готовятся к налоговой проверке. Это позволит привнести ясность во многие проблемы предприятий, сократить пробелы, имеющиеся в документации уже на стадии подготовки к контрольным мероприятиям. На это направление работы указывал в своем Послании Президент Российской Федерации: «Надзорные органы должны заниматься не только выявлением нарушений, но и профилактикой, не формально, а содержательно, и – это очень важно – оказывать консультативную помощь предпринимателям, особенно тем, кто только начинает свое дело»[1].

В заключение необходимо отметить, что нами были рассмотрены лишь некоторые проблемы досудебного урегулирования налоговых споров, исследованы причины их появления и методы решения. Однако надеемся, что сформулированные нами предложения внесут ясность в налоговые правоотношения, способствуя предотвращению возникновения споров и недопонимания между налогоплательщиками и работниками налоговой инспекции, позволят не только оперативно разрешить налоговые споры, минимизировать расходы сторон, сократить срок рассмотрения, но и будут способствовать разгрузке арбитражных судов.

Список цитируемых источников

Кутявина 2011 – *Кутявина М. В.* Трудности в развитии налогового законодательства // Актуальные проблемы права. М. : Ваш полиграфический партнер, 2011. С. 59–60.

Люднева, Кубатко 2014 – *Люднева С. А., Кубатко А. Н.* Особенности процесса поступления налогов в бюджет и эффективность контрольной работы налоговых органов РФ // Экономика и предпринимательство. 2014. № 6(47). С. 145–149.

References

Kutyavina, M. V. (2011), “Difficulties in the development of tax legislation”, *Aktual’nye problemy prava* [Current legal issues], Vash poligraficheskii partner, Moscow, Russia, pp. 59–60.

Lyudneva, S. A. and Kubatko, A. N. (2014), “Features of the process of tax receipt to the budget and the effectiveness of the control work of the tax authorities of the Russian Federation”, *Ekonomika i predprinimatel’stvo,* no. 6, pp. 145–149.

[1] Послание Президента России Федеральному Собранию 1 декабря 2016 г. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 02.06.2020).

Информация об авторах

Кубатко Светлана Анатольевна,
кандидат исторических наук, Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске, Российская Федерация; kubatkos@mail.ru.

Сопнева Яна Сергеевна,
Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске, Российская Федерация; kiyashko.jana@yandex.ru

Information about the authors

Kubatko Svetlana A.,
PhD (history), Institute of Service, Tourism and Design (branch of North Caucasus Federal University) in Pyatigorsk, the Russian Federation; kubatkos@mail.ru

Sopneva Yana S.,
Institute of Service, Tourism and Design (branch of North Caucasus Federal University) in Pyatigorsk, the Russian Federation; kiyashko.jana@yandex.ru

Для цитирования

Кубатко С. А., Сопнева Я. С. Несовершенство налогового законодательства в части методов досудебного урегулирования налоговых споров // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 97–102.

For citation

Kubatko, S. A. and Sopneva, Ya. S. (2020),"Imperfection of tax legislation in terms of methods of pre-trial settlement of tax disputes", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 97–102.

УДК 343.102+378.6

К. Н. Курысев[1,2]
А. А. Гофман[2]
[1] *Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*
[2] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

K. N. Kurysev[1,2]
A. A. Gofman [2]
[1] *Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, the Russian Federation*
[2] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation*

Некоторые проблемы содержательной части учебного курса «специальная техника»

Some problems of the content of the training course «special technique»

Ключевые слова: учебная дисциплина «специальная техника»; устаревшее оборудование; смартфон; внедрение смартфонов в профессиональную деятельность сотрудников правоохранительных органов.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы, касающиеся содержания учебной дисциплины «специальная техника», в частности вопросов, связанных с устаревшим оборудованием. Предлагается акцентировать внимание преподавателей на введении в учебный курс многогранного использования современных смартфонов и необходимости разработки тактики их применения в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Key words: academic discipline “special equipment”; outdated equipment; smartphone; introduction of smartphones in the professional activities of law enforcement officers.

Abstract. The article deals with some problems related to the content of the discipline “special equipment”, in particular outdated equipment. It is proposed to focus the attention of teachers on the introduction of the multi-faceted use of modern smartphones in the training course and the need to develop tactics for their use in the professional activities of law enforcement officers.

Необходимость применения специальной техники (далее: СТ) в деятельности правоохранительных органов уже давно ни у кого не вызывает сомнений, а проблемам и перспективам использования СТ посвящено огромное количество работ. Так, профессор В. А. Лукашов в своих трудах отмечал, что «приоритетными направлениями развития и совершенствования оперативно-технической деятельности ОВД является… разработка высокоэффективных современных оперативно-технических средств и методик их применения, отвечающих требованиям экономических затрат на их производство и эксплуатацию, обладающих в то же время высокими тактико-техническими возможностями при их применении в борьбе с преступностью…» [Лукашов 2005, с. 48]. С точки зрения В. М. Атмажитова, В. И. Кирина, В. Н. Омелина, в современных условиях невозможно успешно вести борьбу с преступностью без использования новейших достижений науки и техники. Однако при этом отмечается недостаточная подготовленность оперативных сотрудников в области применения оперативной техники, в частности, невысокая техническая подготовка выпускников институтов МВД России и гражданских вузов [Атмажитов, Кирин, Омелин 2011, с. 211]. С. С. Епифанов акцентирует внимание на необходимости совершенствования обучения курсантов и слушателей образовательных учреждений уголовно-исполнительной системы правовым, организационным, тактическим и методическим основам использования СТ, а также методик ее преподавания [Епифанов 2010, с. 252].

В программы среднего профессионального и высшего образования при обучении сотрудников правоохранительных органов (далее: ПОО), помимо прочего, включаются и специальные дисциплины, касающиеся технических и тактических особенностей их будущей работы. Это в полной мере относится к такой учебной дисциплине, как «специальная техника». В названии дисциплины могут присутствовать еще сведения о ведомственной принадлежности образовательной организации, но суть все равно остается одной и той же. Исторически содержание данной учебной дисциплины сложилось в 70-е гг. прошлого столетия, когда был разработан и утвержден приказ МВД СССР, посвященный использованию СТ в деятельности органов внутренних дел.

Содержание учебной дисциплины «специальная техника» разрабатывалось на основе данного приказа, который был ориентирован на достижения науки и техники того уровня. Поскольку сам приказ был очень хорошо проработан, то большинство преподавателей СТ его содержание автоматически переносили в программы изучения учебной дисци-

© Курысев К. Н., Гофман А. А., 2020

плины с одноименным названием. На протяжении нескольких десятков лет разрабатывались и издавались учебники, по своему содержанию соответствующие основным положениям данного приказа.

Кроме того, тактические приемы применения СТ также были разработаны, исходя из перечня возможностей и размеров технических средств, стоящих на вооружении ПОО того времени.

Однако с тех пор прошло почти 50 лет, и ситуация как в техническом плане, так и в плане нормативного обеспечения применения СТ кардинально поменялась. На основе новейших достижений науки и техники разработаны и используются образцы СТ, о которых сотрудники ПОО не могли и мечтать в прошлом столетии. Однако до настоящего момента содержание учебной дисциплины «специальная техника» во многих случаях остается неизменным, а должно корректироваться в соответствии с изменением перечня и возможностей технических средств.

В полной мере сказанное выше относится и к таким разделам дисциплины «специальная техника», как:

– средства звукозаписи;
– средства видеосъемки;
– средства наблюдения;
– поисковые приборы.

Изначально в советский период технические средства, позволяющие реализовать функции наблюдения и фиксации изображений, а также поиска различных объектов в закрытых объемах, представляли отдельные устройства внушительных размеров и часто требующих достаточно сложных реактивов и проведения длительных химических процессов (так называемый мокрый процесс фото- и киносъемки, химические процессы в некоторых поисковых приборах и пр.).

В настоящее время найти в продаже ранее распространенные химические фотореактивы, да и саму фотопленку практически невозможно. Пленочные фотоаппараты также стали предметом антикварного коллекционирования[1]. К этой же категории раритетов следует отнести и телеобъективы (типа МТО-500, МТО-1000, МС МТО 11 СА и пр.), которые можно установить только на пленочные фотоаппараты производства СССР, кассетные диктофоны, трупоискатели на основе химических реакций и многое другое.

Однако большинство из устаревшей уже техники часто можно встретить в рабочих программах учебной дисциплины «специальная техника». То есть преподавание рассматриваемой дисциплины во многих случаях осуществляется в отрыве от современного уровня развития науки и техники, что может привести к снижению эффективности профессиональной деятельности сотрудников ПОО, особенно в области проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием СТ.

На наш взгляд, разработчики программ учебной дисциплины «специальная техника» недостаточно уделяют внимания применению современных сотовых телефонов, смартфонов, персональной компьютерной техники в деятельности сотрудников ПОО. Между тем даже простейший сотовый телефон обладает такими огромными возможностями, о которых даже не предполагали в 80–90-е гг. прошлого столетия.

Конечно, сейчас молодые люди с детства растут и живут с телефоном или смартфоном в руках, пользуясь им практически автоматически, на уровне подсознания. Однако тактике их применения при решении профессиональных задач необходимо учить, творчески преломляя богатый опыт, накопленных прошлыми поколениями ученых и практиков.

В качестве примера приведем несколько возможностей смартфона для эффективного решения профессиональных задач сотрудниками ПОО:

– диктофон в различных модификациях. Его, например, можно использовать как простой аппарат для цифровой записи звука, в том числе через выносной микрофон гарнитуры. При некоторой настойчивости возможно реализовать диктофон с выносным беспроводным микрофоном с использованием технологии Bluetooth, том числе с использованием простейшего или самодельного камуфляжа;

– фотосъемка. Может быть реализован огромный спектр возможностей, в том числе и с применением дополнительных объективов, позволяющих реализовать качественную фотосъемку как предметов, так и документов на близком и большом расстоянии, в том числе и негласную. Можно также осуществить видеозапись с применением штативов, палок для селфи, селфи палок-треног для телефона с Bluetooth-кнопкой нажатия кнопки спуска фотоаппарата и запуска видео;

– видеозапись, в том числе с функцией стационарного или носимого видеорегистратора;

– видеонаблюдение с использованием двух смартфонов[2];

– обнаружение с помощью поискового прибора объектов в закрытых средах (эндоскоп), причем можно реализовать беспроводной эндоскоп с использованием радиоканала Wi-Fi;

[1] Фотоснайпер ФС-12. URL: https://www.drive2.ru/c/549898751473352863 (дата обращения: 27.07.2020); Фотоснайпер. Мечта фотолюбителей СССР. URL: https://zen.yandex.ru/media/retrocams/fotosnaipermechta-fotoliubitelei-sssr-5cc9ff5e178ebe00b3e7027d (дата обращения: 27.07.2020).

[2] Как превратить Android-смартфон в камеру видеонаблюдения. URL: https://trashbox.ru/topics/112416/kak-prevratit-android-smartfon-v-kameru-videonablyudeniya (дата обращения: 27.07.2020).

– съем речевой информации на относительно небольших расстояниях с использованием Bluetooth-гарнитуры или радиозакладки, работающей в FM-диапазоне (если не требуется обеспечение закрытого канала связи);

– организация связи, причем спектр передаваемых сообщений превышает возможности всех ранее используемых видов связи т. д.

Проведение лабораторных работ и практических занятий с использованием личных смартфонов обучающихся вызовет гораздо больший интерес у последних, нежели изучение, например, профессионального зеркального фотоаппарата с большим перечнем возможностей, который будущие сотрудники ПОО впоследствии увидят 1–2 раза и только на занятиях по технической подготовке, а не в процессе личного использования.

Уже неоднократно учеными и практиками в специальной литературе поднимался вопрос о разработке новой инструкции по применению СТ в деятельности ПОО, в которой были бы отражены вопросы применения и оформления как новейших образцов СТ, так и разработана тактика их использования, что послужило бы новым толчком к развитию учебной дисциплины «специальная техника» [Ковалёв, Полуянова 2019].

Нельзя не отметить усилий руководства различных ПОО по совершенствованию оснащения особенно оперативных подразделений новыми образцами СТ. Так, уже в течение продолжительного времени в учреждения уголовно-исполнительной системы централизованно поступают целые комплексы СТ, например, «Плутон», «Беркут» [Чайковский 2020, с. 166], которые должны в обязательном порядке изучаться в рамках учебной дисциплины «специальная техника». Однако образцы технических средств, представленных в них, являются достаточно сложными и высококачественными, применение которых целесообразно в наиболее ответственных случаях. Применение предлагаемого нами класса устройств представляется необходимым в повседневной деятельности сотрудников ПОО, но только при условии правильного документального оформления.

В связи с вышеизложенным у наших оппонентов вполне закономерно возникает вопрос о безопасности использования смартфонов сотрудниками ПОО. Однако этот вопрос решаем: при изучении соответствующей темы следует разработать и довести до сведения обучающихся все необходимые мероприятия по сохранению информации, получаемой при использовании сотрудниками ПОО смартфона в своей деятельности и недопущению их утечки в сеть «Интернет». Представляется, что данный вопрос, а также вопрос о санкционировании применения личных устройств (особенно на режимной территории объектов) будут камнем преткновения при использовании смартфонов в ходе профессиональной деятельности, поэтому преподаватели должны посвятить данному вопросу наибольшее количество времени и сил.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, мы пришли к следующему выводу. Современный смартфон, который имеют практически все сотрудники ПОО, мало используется для решения профессиональных задач. Эту проблему можно решить путем переработки рабочих программ учебной дисциплины «специальная техника», а также разработки комплексов лабораторных работ и практических занятий, которые проводятся при реализации образовательных программ высшего образования образовательных организаций, готовящих сотрудников для ПОО. Кроме того, потребуется изменение тактики применения СТ по отношению к существующим современным смартфонам. Освоение курсантами и слушателями всех тонкостей применения смартфонов в процессе обучения позволит в дальнейшем повысить эффективность профессиональной деятельности сотрудников ПОО.

Список цитируемых источников

Атмажитов, Кирин, Омелин 2011 – *Атмажитов В. М., Кирин В. И., Омелин В. Н.* Об эффективности использования технических средств в раскрытии преступлений // Информационные технологии в ОРД. М., 2011. С. 206–214. URL: http://www.zhenilo.narod.ru/main/ips/2011_ord.pdf (дата обращения: 28.07.2020).

Епифанов 2010 – *Епифанов С. С.* Правовое регулирование и организация применения специальной техники в уголовно-исполнительной системе в целях предупреждения правонарушений. Рязань : Акад. ФСИН России, 2010. 269 с.

Ковалёв, Полуянова 2019 – *Ковалёв С. Д., Полуянова Е. В.* Проблемы правового регулирования применения специальных технических средств оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 3(52). С. 38–40.

Лукашов 2005 – *Лукашов В. А.* Проблемы оперативно-розыскной деятельности: избранные работы / сост. : К. К. Горяинов, А. П. Исиченко, А. С. Вандышев. М. : НИИ УИС Минюста России, 2005. 152 с.

Чайковский 2020 – *Чайковский А. А.* Техническое обеспечение деятельности розыскных подразделений уголовно-исполнительной системы // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1(42). С. 165–169.

References

Atmazhitov, V. M., Kirin, V. I. and Omelin, V. N. (2011), "On the effectiveness of using technical means in solving crimes", *Informatsionnye tekhnologii v ORD* [Information technologies in ORD], Moscow, Russia, pp. 206–214, available at: http://www.zhenilo.narod.ru/main/ips/2011_ord.pdf (Accessed 28 July 2020).

Epifanov, S. S. (2010), *Pravovoe regulirovanie i organizatsiya primeneniya spetsial'noi tekhniki v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme v tselyakh preduprezhdeniya pravonarushenii* [Legal regulation and organization of the use of special equipment in the penitentiary system in order to prevent offenses], Akademiya FSIN Rossii, Ryazan.

Chaikovsky, A. A. (2020), "Technical support for the activities of investigative units of the penal enforcement system", *Vestnik Kuzbasskogo instituta,* no. 1(42), pp. 165–169.

Kovalev, S. D. and Poluyanova, E. V. (2019), "Problems of legal regulation of the use of special technical means by operational divisions of the penal system", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(52), pp. 38–40.

Lukashov, V. A. (2005), *Problemy operativno-rozysknoi deyatel'nosti: izbrannye raboty* [Problems of operational search activity: selected works], NII UIS Minyusta Rossii, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Курысев Константин Николаевич,
кандидат технических наук, доцент,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; kkn124@bk.ru

Гофман Александр Анатольевич,
доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; gofman.a.a@rambler.ru

Information about the authors

Kurysev Konstantin N.,
PhD (technology), associate professor,
Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, the Russian Federation, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; kkn124@bk.ru

Gofman Aleksandr A.,
associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; gofman.a.a@rambler.ru

Для цитирования

Курысев К. Н., Гофман А. А. Некоторые проблемы содержательной части учебного курса «специальная техника» // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 103–106.

For citation

Kurysev, K. N. and Gofman, A. A. (2020), "Some problems of the content of the training course "special technique", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 103-106.

УДК 343.32+343.97

Е. А. Лапутина[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

E. A. Laputina[1]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation*

Основные черты терроризма и факторы, его определяющие. Современные векторы борьбы с терроризмом

The main features of terrorism and the factors that determine it. Modern vectors of the fight against terrorism

Ключевые слова: терроризм; террорист; факторы распространения террористической деятельности; уголовная политика; предупреждение.

Аннотация. В статье дается краткая криминологическая характеристика терроризма и личности террориста. Рассмотрены мотивы террористической деятельности, представлены типология личности террориста, основные факторы существования и роста терроризма в мире. Проанализированы отдельные причины недостаточной эффективности антитеррористической политики России и намечены векторы изменения сложившейся ситуации.

Key words: terrorism; terrorist; factors of spread of terrorist activity; criminal policy; prevention.

Abstract. The article provides a brief criminological description of terrorism and the identity of the terrorist. The motives of terrorist activity are considered, the typology of the terrorist's personality is given, and the main factors of the existence and growth of terrorism in the world are presented. Some reasons for the lack of effectiveness of Russia's antiterrorist policy are analyzed and vectors for changing the current situation are outlined.

Терроризм – сложное, многоаспектное явление, которое ученые и практики рассматривают с множества различных позиций. В научной литературе можно встретить более 200 его определений. Например, профессор В. П. Галицкий говорит о терроризме как об организованной преступной деятельности и описывает его как производное от экстремизма явление, а последнее – производное от радикализма [Галицкий 2016, с. 267]. А. А. Баев и И. В. Манацков с позиции сотрудников правоохранительных органов рассматривают терроризм в виде специфической формы вооруженного насилия [Баев 1996, с. 6], особой формы политического насилия, отличающейся жестокостью, целенаправленностью и мнимой эффективностью, средства политической борьбы [Манацков 1996, с. 45]. Мы в свою очередь понимаем под терроризмом совокупность преступлений, совершенных с целью нарушения общественной безопасности либо воздействия на принятие решений органами власти путем организации взрывов, поджогов или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, а равно наступления иных тяжких последствий.

Терроризм представляет собой серьезную опасность. Так, в 2015 г. в России было зарегистрировано 1 538 преступлений террористического характера, в 2016 г. наблюдался пик совершения этих преступлений – 2 227, в 2017 г. было совершено 1 871 преступление террористического характера, в 2018 г. – 1 679, в 2019 г. – 1 806. Прогнозы, касающиеся этого пласта преступности, неутешительны. Только за три месяца 2020 г. уже зарегистрировано 548 преступлений террористического характера и 157 лиц привлечены к уголовной ответственности за их совершение[2].

Современный терроризм отличают:

– тщательная спланированность организации террористов и высокая ее законспирированность;

– достаточный уровень вооруженности и технической оснащенности;

– наличие высокоманевренных и хорошо защищенных от сил правопорядка средств доставки;

– гибкость и неординарность тактики на всем протяжении преступной деятельности.

К числу причин, по которым в России культивируется терроризм, относятся следующие:

1) глубокие исторические корни;

2) обострение внешнеполитического противоборства;

3) острые проблемы внутренней политики, социального благополучия в стране;

4) мощные защищенные каналы поставки оружия, боеприпасов и взрывных устройств;

5) обострение общей криминогенной обстановки в стране;

6) приток в Россию граждан из стран ближнего зарубежья;

© Лапутина Е. А., 2020

[2] Показатели преступности в России // Генеральная прокуратура Российской Федерации : [сайт]. URL: http // crimestat.ru / offenses-map (дата обращения: 03.07.2020).

7) эскалация экстремистских и террористических взглядов извне.

Закрытие многими странами Европы государственных границ ввиду распространяющегося с сумасшедшей скоростью коронавируса уже сейчас создает предпосылки для резкого обострения межнациональной ненависти: политические деятели в средствах массовой информации обвиняют в создании и распространении вируса то правительство Китая, то правительство США, что неизбежно приведет к обострению террористической деятельности. При этом приходится констатировать, что население страны адаптировалось к постоянной угрозе терроризма, атаки экстремистов воспринимаются как нечто печальное, но почти обыденное.

Организация и подготовка террористических актов сегодня не уступают по своему уровню сложнейшим оперативным разработкам, осуществляемым военными министерствами и ведомствами безопасности.

Ученые установили, что террористическая деятельность весьма затруднительна при отсутствии планирующего центра, непосредственных исполнителей террористических операций, достоверной информации об объектах преступных посягательств, налаженных каналов поставки оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ. Деятельность террористов нуждается в разных видах обеспечения: политическом, правовом, материально-техническом, информационно-психологическом, пропагандистском, финансовом и ином. Терроризму нужны прежде всего кадры, а для их поиска, подбора, обучения, воспитания нужны организаторы, управленцы, идеологи, пропагандисты, финансисты и т. д. [Галицкий 2016, с. 268].

Террористу при осуществлении его намерений необходима огласка, он преднамеренно своими действиями генерирует в обществе чувство страха, которое затем использует как средство для достижения поставленных целей. Мотивы, по которым совершается акт терроризма, могут быть самими различными: политическими (достижение определенных целей в политической борьбе), корыстными (стремление приобрести материальные блага в обход существующего порядка), хулиганскими (демонстрация явного неуважения к обществу).

В разное время и в разных странах отношение к террористам было неодинаковое: от категории неприятия до окружения его романтическим ореолом, что, естественно, зависело в первую очередь от конкретной общественно-политической обстановки. В настоящее время отношение к террористам в основном резко отрицательное, поскольку подавляющее большинство членов общества ясно осознало, какую опасность несет в себе терроризм.

Личности террориста присущи, на наш взгляд, такие черты: завышенная самооценка (он способен сделать то, что другие не посмеют!), антимоническое видение мира («мы – они»), активное отрицание общечеловеческих ценностей, преобладание групповых интересов (принадлежность к группе выступает как одна из высших ценностей), приверженность идее «мы против них, они – причина наших бед», вера в обладание абсолютной истиной, истиной в последней инстанции, резкая категоричность суждений.

Можно говорить по меньшей мере о двух ярко выраженных типах террористов. Террористы первого типа отличаются высоким уровнем интеллекта, уверенностью в себе, высокой самооценкой, агрессивностью. Второй тип составляют неудачники, неуверенные в себе люди, нуждающиеся в лидере, при этом высокоагрессивные, постоянно вынашивающие идею показать рано или поздно всем, что они способны на многое, на такой грандиозный поступок, на который другие не решатся. Таким образом они пытаются перечеркнуть свои прошлые неудачи, неуважение окружающих.

Исследование современного терроризма позволило ученым установить его мотивационные и идейные основы, к которым относятся следующие.

1. Психологические факторы:

1) самоутверждение, молодежная романтика и героика, стремление придать своей деятельности особую значимость;

2) вера в обладание абсолютной истиной, которую остальные не могут и не хотят постичь;

3) пренебрежение к общепринятым нормам поведения;

4) неумение и нежелание разрешать конфликтные ситуации установленными в обществе способами;

5) ослабление социального неприятия преступления;

6) нежелание или неумение существовать в принятой в обществе системе социального развития и взаимодействия;

7) отказ от общечеловеческих ценностей.

2. Медицинские факторы (отклонения психопатологического характера).

3. Экономические факторы:

1) непреодолимое, всепоглощающее стремление улучшить свое материальное положение в обход установленного порядка;

2) неверие в действенность допустимых обществом способов приобретения материальных благ.

Вышеперечисленное является лишь скупым обобщением. Более обстоятельно и аргументированно основные факторы терроризма охарактеризованы в таких работах, как «Психология терроризма» [Боднар 2013], «Современный терроризм: со-

циально-психологический анализ» [Соснин, Нестик 2008] и многих других.

Существование и разрастание такого явления, как «терроризм» в странах современного мира (Россия не является исключением) связаны с действием факторов и иного рода. Сюда следует отнести: политические факторы (недовольство большей части населения политикой власти, нестабильность политического режима), правовые факторы (недостатки правового обеспечения борьбы с терроризмом), организационные факторы (система уголовной юстиции не может эффективно решать поставленные перед ней задачи, не действует в полной мере система превенции), технические факторы (недостаток технических средств эффективного обнаружения и обезвреживания орудий терроризма).

Очевидно, что в поиске новой информации и ее источников по рассматриваемым нами преступлениям следует исходить из того, что терроризм – сложное многообразное явление. Для всестороннего его изучения необходимо использовать разные подходы: уголовно-правовой, криминологический, политологический, психологический, исторический, криминалистический. Все это необходимо учитывать в процессе тщательного и глубокого анализа причин терроризма и разработки наиболее эффективных мер борьбы с ним.

Перед правоохранительными органами, ведущими борьбу с терроризмом, стоят сложнейшие задачи обеспечения безопасности государства, общества, личности. И главная сложность состоит в том, что для эффективности борьбы с терроризмом недостаточно разрабатывать и применять меры, направленные против него самого. Необходимо искоренить причины, способствующие возникновению вспышек террористической активности и развитию благоприятной почвы для ведения террористической деятельности.

Основным вектором борьбы с терроризмом считаем введение в действие тщательно проработанной на правовом уровне целой системы мер по установлению, предупреждению и пресечению малейших проявлений террористической подготовки. В эту систему должны входить меры идеологического, политического, социального, информационного, организационного, правового, экономического характера. При этом следует учитывать, что информация о террористических группах, актах, лидерах и рядовых членах, получаемая во всем мире, в том числе и оперативным путем, содержится на электронных носителях, что делает ее доступной для отлично финансируемых террористических организаций [Колесов 1996, с. 60]. Утечка такой информации влечет неизбежно наращивание мощи террористических движений, нивелирование подготавливаемых антитеррористических мероприятий и операций, направленных как на устранение возможности совершения локальных террористических актов, так и на нейтрализацию конкретных лидеров террористов и участников террористических группировок.

Заметим, что не только на государство как таковое возложена ответственность за эффективную профилактику терроризма. Представители гражданского общества посредством политических партий, общественных и религиозных организаций и объединений, а также лично должны участвовать в этом нелегком труде.

Поддерживаем мнение М. В. Рубцовой о том, что особую роль в пресечении терактов играет борьба с финансированием террористических группировок, поэтому необходимо эффективнее противодействовать использованию в террористических целях неформальных методов трансграничного перемещения денежных средств. По ее справедливому утверждению, эффективно решить проблему терроризма можно лишь путем проведения комплекса профилактических мероприятий с использованием политических, юридических, идеологических, социально-экономических и административных общественных методов в их комплексном взаимодействии. Важнейшей задачей являются изоляция и лишение поддержки террористических групп, выявление и ликвидация источников финансирования, в том числе источников пополнения оружия [Рубцова 2016, с. 304–305].

Уголовная политика современного государства не может не учитывать выработанные международным сообществом подходы к решению проблемы борьбы с терроризмом. Однако российская правовая действительность говорит об обратном. Так, согласно Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 6 октября 2000 г. № R(2000) о роли прокуратуры в системе уголовного правосудия , прокурор должен быть наделен правом возбуждения уголовного преследования, направления расследования и надзора за ним. Российская прокуратура является органом исполнения международных обязательств в части уголовного преследования, в том числе за террористическую деятельность, однако реальные функции прокуратуры в этой области весьма незначительны [Меркурьев 2016, с. 277–278]. Это в существенной степени снижает уровень координации деятельности правоохранительных органов в деле борьбы с терроризмом.

Немаловажным вектором борьбы с терроризмом станет комплексное развитие правоохранительных органов и спецслужб, в том числе укрепление социальных гарантий их сотрудников, совершенствование системы их профессиональной подготовки.

Несмотря на превалирующее сейчас мнение о том, что Россия должна идти своим путем как

в плане внешней, так и внутренней политики, в правовом, социальном, культурном развитии не должна оглядываться на «запад», по нашему убеждению, ни в коем случае нельзя отказываться от опыта зарубежных стран, международных антитеррористических организаций, рекомендаций международных организаций по реализации мировой политики борьбы с терроризмом.

Список цитируемых источников

Баев 1996 – *Баев А. А.* Организационно-правовые основы борьбы с терроризмом // Проблемы борьбы с терроризмом в России на современном этапе. Владимир: ВЮИ МВД России, 1996. С. 5–15.

Боднар 2013 – Психология терроризма : учеб.-метод. пособие / сост. Э. Л. Боднар. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. 76 с.

Галицкий 2016 – *Галицкий В. П.* Терроризм как организованная преступная деятельность // Преступность, уголовная политика, закон / под ред. проф. А. И. Долговой. М. : РКА, 2016. С. 265–269.

Колесов 1996 – *Колесов А. А.* Некоторые организационные аспекты борьбы с терроризмом // Проблемы борьбы с терроризмом в России на современном этапе. Владимир : ВЮИ МВД России, 1996. С. 58–60.

Манацков 1996 – *Манацков И. В.* Террор как политика криминального режима в Чечне // Проблемы борьбы с терроризмом в России на современном этапе. Владимир : ВЮИ МВД России, 1996. С. 45–53.

Меркурьев 2016 – *Меркурьев В. В.* Практика применения законодательства о борьбе с терроризмом и определяющие ее обстоятельства // Преступность, уголовная политика, закон / под ред. проф. А. И. Долговой. М. : РКА, 2016. С. 276–285.

Рубцова 2016 – *Рубцова М. В.* Предупреждение терроризма на транспорте // Преступность, уголовная политика, закон / под ред. проф. А. И. Долговой. М. : РКА, 2016. С. 302–306.

Соснин, Нестик 2008 – *Соснин В. А., Нестик Т. А.* Современный терроризм: социально-психологический анализ. М. : Ин-т психологии РАН, 2008. 240 с.

References

Baev, A. A. (1996), “Organizational and legal basis for the fight against terrorism” *Problemy bor’by s terrorizmom v Rossii na sovremennom etape* [Problems of fighting terrorism in Russia at the present stage], VYuI MVD Rossii, Vladimir, Russia, pp. 5–15.

Bodnar, E. L. (ed.) (2013), *Psikhologiya terrorizma* [Psychology of terrorism], Ural’skii universitet, Yekaterinburg, Russia.

Galitsky, V. P. (2016), “Terrorism as an organized criminal activity”, in Dolgova, A. I. (ed.), *Prestupnost’, ugolovnaya politika, zakon* [Crime, criminal policy, law], RKA, Moscow, Russia, pp. 265–269.

Kolesov, A. A. (1996), “Some organizational aspects of the fight against terrorism”, *Problemy bor’by s terrorizmom v Rossii na sovremennom etape* [Problems of fighting terrorism in Russia at the present stage], VYuI MVD Rossii, Vladimir, Russia, pp. 58–60.

Manatskov, I. V. (1996), “Terror as a policy of the criminal regime in Chechnya”, *Problemy bor’by s terrorizmom v Rossii na sovremennom etape* [Problems of fighting terrorism in Russia at the present stage], VYuI MVD Rossii, Vladimir, Russia, pp. 45–53.

Merkur’ev, V. V. (2016), “The practice of applying anti-terrorism legislation and the circumstances that determine it”, in Dolgova, A. I. (ed.), *Prestupnost’, ugolovnaya politika, zakon* [Crime, criminal policy, law], RKA, Moscow, Russia, pp. 276–285.

Rubtsova, M. V. (1996), “Prevention of terrorism in transport”, *Prestupnost’, ugolovnaya politika, zakon* [Problems of fighting terrorism in Russia at the present stage], VYuI MVD Rossii, Vladimir, Russia, pp. 302–306.

Sosnin, V. A. and Nestik, T. A. (2008), *Sovremennyi terrorizm: sotsial’no-psikhologicheskii analiz* [Modern terrorism: social and psychological analys], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Лапутина Евгения Анатольевна,
кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; bogachevskaya@list.ru

Information about the author

Laputina Evgeniya A.,
PhD (law), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, the Russian Federation; bogachevskaya@list.ru

Для цитирования

Лапутина Е. А. Основные черты терроризма и факторы, его определяющие. Современные векторы борьбы с терроризмом // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 107–110.

For citation

Laputina, E. A. (2020), “The main features of terrorism and the factors that determine it. Modern vectors of the fight against terrorism”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 107–110.

УДК 343.228

В. В. Меркурьев[1]
И. А. Тараканов[2]
[1] *Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*
[2] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

V. V. Merkur'ev[1]
I. A. Tarakanov[2]
[1] *University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation*
[2] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation*

Особенности реализации права на необходимую оборону в условиях пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19)

Features of implementation of the right to necessary defense in the context of the pandemic of the coronavirus infection (COVID-19)

Ключевые слова: пандемия; коронавирусная инфекция; необходимая оборона; общественно опасное посягательство; причинение вреда; санитарно-эпидемиологические правила.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации права на необходимую оборону в случаях возникновения опасности заражения коронавирусной инфекцией в результате нарушения инфицированным лицом санитарно-эпидемиологических правил. Авторами анализируются характер и степень общественной опасности деяния такого лица, особенности квалификации данного деяния, а также точки зрения ученых относительно возможности применения норм института необходимой обороны в рассматриваемой ситуации. В результате проведенного исследования сделаны выводы о допустимости причинения вреда потенциально опасному зараженному лицу в рамках необходимой обороны при условии, что его поведение создает угрозу окружающим и способно обусловить дальнейшее распространение инфекции.

Key words: pandemic; coronavirus infection; necessary defense; socially dangerous assault; causing harm; sanitary and epidemiological rules.

Abstract. The article discusses the features of implementation of the right to necessary defense in cases of danger of infection with a coronavirus infection as a result of an infected person violating sanitary and epidemiological rules. The authors analyze the nature and degree of social danger of the actions of such a person, peculiarities of a qualification of this action, as well as the points of view of scientists regarding the possibility of applying the norms of the institution of necessary defense in the situation under consideration. As a result of the study, conclusions were drawn on the admissibility of causing harm to a potentially dangerous infected person within the framework of the necessary defense, provided that his behavior poses a threat to others and is capable of causing a further spread of the infection.

Пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) стала, без сомнения, наиболее масштабным бедствием, охватившим территории многих стран мира в последнее время. Обращая внимание на эту проблему, профессор С. Ф. Милюков замечает, что «на наших глазах впервые с сентября 1945 года, т. е. времени окончания Второй мировой войны, разворачивается полотно драмы планетарного масштаба»[1].

Угроза жизни и здоровью населения многих стран побудила к применению беспрецедентных мер безопасности, включая самоизоляцию, в результате которой население оказалось в весьма необычных условиях.

По официальным данным, по состоянию на 31 июля 2020 г. совокупное число заболевших в мире превысило 17 млн чел., выздоровевших – 10 млн, а умерших – 670 тыс.[2]

Обращая внимание на масштабные последствия пандемии, Е. Е. Хохлов отмечает: «Пандемия COVID-19 оказалась губительной и имеет огромные негативные последствия для отдельных лиц, семей, групп населения и сообществ во всем мире. В повседневной жизни произошли глубокие изменения, в странах начался экономический спад, беспрецедентную нагрузку испытывают многие традиционные системы социальной, экономической поддержки и общественного здравоохранения, на которые многие люди полагаются в трудные времена. За последние несколько месяцев мир столкнулся с беспрецедентной проблемой. Люди в большинстве частей земного шара испытывают серьезные изменения в своей повседневной жизни и свободе, и им приходится приспосаб-

[1] Криминология здравоохранения. URL: http://www.criminologyclub.ru/home/2-forthcoming-sessions/386-2020-04-25-15-49-36.html (дата обращения: 02.06.2020).

© Меркурьев В. В., Тараканов И. А., 2020

[2] Коронавирус: статистика. URL: yandex.ru/covid19/stat?utm_source=main_notif&geoId=225 (дата обращения 31.07.2020).

ливаться к новым мерам, принимаемым правительствами, стремящимися сдержать распространение этого вируса и защищать здоровье своих народов» [Хохлов 2020, с. 73].

Пандемия коронавируса обусловила необходимость реагирования на нее во всех сферах, включая правовую. Так, результатом реагирования на масштабное распространение инфекции стали появление в тексте УК РФ двух новых статей (ст. 207.1, 207.2 УК РФ), а также существенное изменение редакции ст. 236 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил. Анализируя указанные статьи, профессор Г. А. Кибальник рассматривает данные меры уголовно-правовой реакции как вынужденный ответ государственной власти на пандемию коронавируса [Кибальник 2020, с. 41–44].

Требования обеспечения инфекционной безопасности обусловили появление такого нормативного правового акта, как постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 22 мая 2020 г. № 15 «Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.3597-20 “Профилактика новой коронавирусной инфекции (COVID-19)”»[1] (далее: Правила), вступившее в силу с 7 июня 2020 г.

Согласно п. 4.2 Правил эпидемиологическая тактика при COVID-19 включает в себя выявление больных, их своевременную изоляцию и госпитализацию, а также разобщение лиц, подвергшихся риску заражения (при распространении инфекции – максимальное ограничение контактов).

В соответствии с п. 4.4 Правил к мероприятиям, направленным на «разрыв» механизма передачи инфекции, относится соблюдение всеми физическими лицами правил личной гигиены (мытье рук, использование антисептиков, медицинских масок, перчаток), соблюдение социальной дистанции от 1,5 до 2 м.

В то же время следует отметить, что нередки случаи нарушения самоизоляции и правил личной гигиены не только здоровыми людьми, но и больными COVID-19, а также контактировавшими с ними лицами.

Так, мужчина с подтвержденным коронавирусом сбежал из Московского областного госпиталя для ветеранов войн. Об этом 5 мая 2020 г. сообщил ТАСС со ссылкой на источник в правоохранительных органах. По словам собеседника агентства, сбежавший является жителем Орловской области, который находился в госпитале на лечении с подтвержденным диагнозом «коронавирус». Уточняется, что пациент покинул медучреждение самовольно. Информацию подтвердили и в пресс-службе регионального ГУ МВД России.

[1] Российская газета. 2020. 29 мая.

Другой пример. 30 апреля 2020 г. сообщалось, что пациент с коронавирусом сбежал из больницы в Амурской области и заразил пять человек[2].

При этом нарушение требований госпитализации и изоляции со стороны больного COVID-19 образует состав преступления, предусмотренного ст. 236 УК РФ.

Так, было возбуждено уголовное дело в отношении зараженного коронавирусом мужчины, сбежавшего из больницы. Мужчина был обвинен по ч. 1 ст. 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил, создавшее угрозу массового заболевания людей». В апреле мужчина был помещен в Жуковскую городскую клиническую больницу в связи заболеванием коронавирусной инфекцией. Он был предупрежден о необходимости исключить контакты с другими людьми в связи с заболеванием. Мужчине запретили покидать лечебное учреждение до полного выздоровления. Несмотря на это, 13 апреля он сбежал из больницы, но в тот же день был задержан и вновь помещен в стационар[3].

Согласно ч. 1 ст. 236 УК РФ для признания преступления в виде нарушения санитарно-эпидемиологических правил оконченным достаточно лишь угрозы наступления массового заболевания или отравления людей. На это обращает внимание, в частности, А. А. Бимбинов: «Конструирование нового состава по такому типу (создание реальной опасности) может быть связано с желанием преодолеть проблемы с установлением причинно-следственной связи между нарушением санитарных правил и наступлением указанных в законе последствий. Составы создания опасности относятся к формальным, а это значит, что для их вменения необязательны общественно опасные последствия и причинная связь» [Бимбинов 2020, с. 60].

С учетом того, что данный признак преступления является оценочным, при решении вопроса об отнесении заболевания или отравления к массовому следует принимать во внимание не только количество заболевших или получивших отравление людей, но и тяжесть заболевания (отравления). Уголовная ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, создавшее угрозу наступления таких последствий, может наступать только в случае реальности этой угрозы, когда массовое заболевание или отравление людей не произошло лишь в результате вовремя принятых органами государственной власти, местного самоуправления, медицинскими работниками и другими ли-

[2] В Подмосковье пациент с коронавирусом сбежал из больницы. URL: https://iz.ru/1007795/2020-05-06/v-podmoskove-patcient-s-koronavirusom-sbezhal-iz-bolnitcy (дата обращения: 30.05.2020).

[3] Житель Подмосковья с коронавирусом, сбежавший из больницы, пойдет под суд. URL: https://tass.ru/proisshestviya/8592171 (дата обращения: 30.05.2020).

цами мер, направленных на предотвращение распространения заболевания (отравления), или в результате иных обстоятельств, не зависящих от воли лица, нарушившего указанные правила[1].

Таким образом, лицо, больное COVID-19, в случае нарушения требований госпитализации и изоляции совершает преступное деяние. Следовательно, оно фактически совершает общественно опасное посягательство в отношении неопределенного круга лиц.

В связи с этим представляет теоретическую и практическую значимость анализ особенностей реализации права на необходимую оборону от лица, инфицированного коронавирусом.

Об актуальности рассматриваемой проблемы и о внимании к ней в научном мире свидетельствует также тот факт, что 21 мая 2020 г. состоялся совместный научно-практический вебинар кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) и кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (далее: МГЮА) на тему «Особенности реализации права на необходимую оборону, крайнюю необходимость и обоснованный риск в период режима повышенной готовности (коронавирус)».

Спикером и инициатором дискуссии выступил Н. Г. Иванов, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции доктор юридических наук, профессор заслуженный юрист Российской Федерации. В ходе выступления спикер отметил, что режим повышенной готовности не имеет столь значительных правовых ограничений, которые свойственны чрезвычайной ситуации или режиму особого положения. Тем не менее напряженность такой режим, несомненно, создает главным образом по той причине, что он вводится в результате катаклизмов, несущих опасность для жизни и здоровья граждан. Разумеется, акцент будет сделан на реализации естественно-правовых мер защиты в период коронавируса – какой вред зараженному может быть оправдан при его действиях, даже если эти действия не агрессивны. Н. Г. Иванов предложил участникам рассмотреть проблемы необходимой обороны и крайней необходимости через призму добра и зла.

Т. Ю. Орешкина, профессор кафедры уголовного права МГЮА кандидат юридических наук, доцент, отметила, что в рамках необходимой обороны довольно сложно представить ситуацию причинения вреда лицу, больному коронавирусом.

А. В. Никуленко, доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России доктор юридических наук, доцент, заявил, что все нынешние нормативные установления и существующие правоограничения в режиме повышенной готовности можно обосновать крайней необходимостью.

Е. С. Смольянинов, заместитель начальника кафедры уголовной политики Академии управления МВД России кандидат юридических наук, доцент, высказался о целесообразности осмысления применения норм о необходимой обороне в деятельности сотрудников МВД России в период действия режима повышенной готовности.

Р. Е. Токарчук, заместитель начальника кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, отметил, что действующее уголовное законодательство оказалось не готово к текущей ситуации, в частности, это касается деятельности сотрудников органов внутренних дел по пресечению побега лица, помещенного в карантин в связи с коронавирусом, здесь не работают обсуждаемые обстоятельства, исключающие преступность деяния.

А. И. Рарог, профессор кафедры уголовного права МГЮА доктор юридических наук, профессор, отметил, что правовая система в целом не готова к нынешней ситуации, а не только уголовное право.

Д. А. Гарбатович, заместитель директора по научной работе Российского государственного университета правосудия (Уральский филиал) кандидат юридических наук, доцент, предложил использовать опыт зарубежных стран, в частности Германии, для того чтобы расширить возможности применения права на необходимую оборону.

В. С. Соловьев, доцент кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России кандидат юридических наук, отметил, что расширение права на необходимую оборону в условиях пандемии происходить не должно, поскольку уголовное законодательство этого не предусматривает, режим его действия един для всех ситуаций[2].

Таким образом, большинство участников вебинара довольно скептически отнеслись к возможностям причинения вреда лицу, больному коронавирусом, в состоянии необходимой обороны,

[1] Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 : [утв. Президиумом Верхов. Суда Рос. Федерации 30 апр. 2020 г.]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Вебинар Н. Г. Иванова 21.05.2020: итоги. URL: www.crimconf.com/post/вебинар-н-г-иванова-21-05-2020-итоги?postId=5ecc5adf3664b20017e589af (дата обращения: 31.05.2020).

особенно в случаях, когда его действия не агрессивны. В то же время следует учесть, что право на необходимую оборону порождает не только нападение, но и любое другое общественно опасное посягательство, включая неосторожные деяния, а также деяния, не являющиеся преступными. На это обращает внимание Т. Ш. Атабаева: «Поскольку основанием возникновения права на необходимую оборону является общественно опасное посягательство, необходимая оборона допустима от посягательств, не являющихся преступными, от посягательств в форме преступного бездействия и неосторожных преступлений, а также от посягательств, не носящих характера нападения» [Атабаева 2004, с. 5–6].

Представляется, что общественно опасное посягательство со стороны лица, инфицированного коронавирусом COVID-19, может выражаться в следующих формах:

1) лицо, инфицированное коронавирусом, совершает умышленные действия, направленные на заражение обороняющегося или других лиц – «прицельно» кашляет или иным образом использует воздушно-капельный путь, сокращает допустимую социальную дистанцию до непосредственного физического контакта или иным образом создает опасность заражения;

2) лицо, инфицированное коронавирусом, совершает действия (как умышленные, так и неосторожные), образующие нарушение санитарно-эпидемиологических правил, связанных с профилактикой коронавирусной инфекции: не использует медицинские маски, перчатки, игнорирует соблюдение социальной дистанции, самовольно покидает территорию медицинской организации, предназначенной для изоляции.

Проявления респираторного синдрома при заражении коронавирусом могут варьироваться от полного отсутствия симптомов (бессимптомное течение) до тяжелой пневмонии с дыхательной недостаточностью, что может привести к смерти. Больного, как правило, беспокоят высокая температура, кашель, одышка. При этом пневмония может развиваться не всегда. В некоторых случаях могут иметь место симптомы со стороны желудочно-кишечного тракта, включая диарею. Тяжелые проявления заболевания могут заключаться в остановке дыхания, что потребует подключения больного к аппарату искусственного дыхания и оказания помощи в отделении реанимации. На фоне тяжелого течения заболевания возможно присоединение вторичной инфекции грибковой и бактериальной. По всей видимости, вирус особенно опасен для людей с ослабленной иммунной системой и пожилых, а также больных с сопутствующими заболеваниями, например, сахарным диабетом, хроническими заболеваниями легких и др.[1]

Следовательно, деяние лица, больного коронавирусом, связанное с нарушением санитарно-эпидемиологических правил, представляет собой общественно опасное посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Именно о таком посягательстве идет речь в ч. 1 ст. 37 УК РФ.

Согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»[2] при защите от такого посягательства обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему лицу.

В то же время следует заметить, что возможность причинения любого вреда в рассматриваемой ситуации не всегда обусловливает необходимость причинения максимального вреда. Во многом такая необходимость зависит от наличия или отсутствия умысла посягающего на заражение коронавирусной инфекцией.

Так, в случае, если больной COVID-19 совершает умышленные действия, направленные на заражение окружающих, то его деяние не может быть квалифицировано как нарушение санитарно-эпидемиологических правил, предусмотренное ст. 236 УК РФ, поскольку субъективная сторона состава данного преступления представлена виной лишь в форме неосторожности. Следовательно, такие действия инфицированного коронавирусом можно рассматривать как покушение на преступление против жизни и здоровья. При этом, как уже отмечалось выше, проявления COVID-19 весьма многообразны и противоречивы, а развитие заболевания может привести к смерти. Следовательно, попытки лица, инфицированного коронавирусом, умышленно заразить окружающих могут быть расценены как покушение на убийство. Очевидно, что в таком случае правомерным следует признавать причинение любого вреда такому посягающему, включая причинение смерти.

Данная проблема способна приобрести особую остроту в случаях, если зараженные COVID-19 будут использованы радикальными экстремистскими организациями в качестве своеобразных живых биологических бомб.

На то, что такие попытки уже предпринимались, указывает Андрей Серенко, руководитель

[1] Коронавирус у людей. URL: https://www.kp.ru/putevoditel/zdorove/koronavirus-u-lyudej/ (дата обращения: 30.05.2020).

[2] Российская газета. 2012. 3 окт.

Центра изучения афганской политики: «Лечить от коронавируса заболевших единоверцев джихадисты ИГ, “Талибана” и других террористических группировок не собираются, но использовать уже инфицированных людей в своих целях они, похоже, не против.

Известно, что еще в марте командиры пакистанской экстремистской организации “Лашкар-е-Тайба” призвали своих заразившихся COVID-19 сторонников инфицировать чиновников, сотрудников правоохранительных органов, иностранцев. Для этого им предлагалось посещать людные места, заходить в различные учреждения, контактировать с максимально большим числом “врагов джихада и ислама”. В том же Пакистане в феврале–марте активисты запрещенной в РФ организации “Таблиг Джамаат” проводили многолюдные религиозные съезды, сознательно подвергая угрозе заражения коронавирусом тысячи их участников. Предполагалось, что затем зараженные разнесут инфекцию по соседним странам – Индии, Афганистану, республикам Центральной Азии. Конечно, введение карантинных мер странами региона не позволило реализовать эти планы в полной мере, однако сама попытка весьма примечательна. Превратить зараженных COVID-19 сторонников радикального ислама в живые биологические бомбы, способные поражать “неверных', – лишь одна из нестандартных попыток реализовать на практике девиз “Коронавирус – солдат Аллаха”, и она взята на вооружение не только пакистанскими радикалами. Соответствующие рекомендации пытались недавно давать своим сторонникам в Египте активисты запрещенной в РФ организации “Братья-мусульмане”. Русскоязычные пропагандисты ИГ также рекомендуют заразившимся “короной” сторонникам “атаковать собой кафиров” во всех доступных местах. В этой связи можно вспомнить, как пару лет назад информресурсы джихадистов призывали сторонников “халифата” подсыпать отравляющие вещества в открытые пищевые продукты в российских супермаркетах. Словом, интерес у приверженцев “джихада” к использованию “биологического оружия шаговой доступности” есть, и сейчас он может быть конвертирован в попытки распространения инфекции в городах, где проживают “неверные”. Вопрос о том, что и как этому противопоставить, остается открытым» [Серенко 2020, с. 24].

Фактически в случаях, описываемых А. Серенко, речь идет не о покушении на убийство одного человека, а о деянии, сопоставимом по возможным последствиям с террористическим актом или диверсией. Представляется, что причинение смерти такой «живой биологической бомбе» является вполне обоснованным и не противоречит положениям ст. 37 УК РФ.

В случае же нарушения лицом санитарно-эпидемиологических правил вследствие легкомысленного или небрежного отношения к возможным последствиям, представляется недопустимым немедленное причинение вреда его интересам. Видится целесообразным вначале предупредить такое лицо о необходимости соблюдения указанных правил, потребовать от него использовать средства защиты, соблюдать социальную дистанцию, вернуться в медицинскую организацию для завершения лечения. И только в случае, когда такое лицо, осознавая свою опасность для окружающих, продолжает игнорировать вышеуказанные требования, представляется вполне допустимым применение к нему физической силы. В частности, видится вполне правомерным отталкивание его от себя и других лиц либо лишение такого лица физической свободы (путем связывания или запирания в помещении) с целью дальнейшей передачи сотрудникам правоохранительных органов и медицинских организаций.

Если же указанное лицо при этом оказывает сопротивление или ведет себя агрессивно, нападая на обороняющегося или других лиц, то у них возникает право на необходимую оборону по правилам ч. 1 или 2 ст. 37 УК РФ в зависимости от характера насилия, применяемого при таком нападении.

В заключение следует отметить, что недопустимо отождествлять любое лицо, заболевшее коронавирусной инфекцией, с преступником. Представляется также недопустимым причинять человеку вред лишь потому, что он болен опасным заболеванием. В то же время очевидно, что лицо, инфицированное COVID-19, должно осознавать опасность своего заболевания для окружающих и воздерживаться от действий, способных обусловить дальнейшее распространение инфекции. В противном случае граждане, подвергающиеся данной опасности, должны иметь полное право для защиты жизни и здоровья всеми способами, в том числе и посредством причинения вреда потенциально опасному зараженному лицу в рамках необходимой обороны.

Список цитируемых источников

Атабаева 2004 – *Атабаева Т. Ш.* Необходимая оборона: теория, законодательство, практика применения : дис. … канд. юрид. наук. Барнаул, 2004. 232 с.

Бимбинов 2020 – *Бимбинов А. А.* Уголовная ответственность за распространение коронавируса // Уголовный процесс. 2020. № 5. С. 52–61.

Кибальник 2020 – *Кибальник А. Г.* Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. № 5. С. 41–44.

Серенко 2020 – *Серенко А.* COVID джихаду не помеха // Огонёк. 2020. № 19. С. 22–24.

Хохлов 2020 – *Хохлов Е. Е.* Особенности наркоситуации в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 // Лучшая научная статья 2020 : сб. ст. XXXIII Междунар. науч.-исслед. конкурса. Пенза : Наука и Просвещение, 2020. С. 72–78.

References

Atabaeva, T. Sh. (2004), Necessary defense: theory, legislation, application practice. Ph.D. Thesis, criminal law, criminology, penal law, Tomsk State University, Barnaul, Russia.

Bimbinov, A. A. (2020), "Criminal liability for the spread of coronavirus", *Ugolovnyi protsess,* no. 5, pp. 52–61.

Khokhlov, E. E. (2020), "Features of the drug situation in a pandemic of the coronavirus infection COVID-19", *Luchshaya nauchnaya stat'ya 2020.* [Best scientific article 2020], Nauka i Prosveshchenie, Penza, Russia, pp. 72–78.

Kibal'nik, A. G. (2020), "Criminal law reaction to the coronavirus pandemic", *Zakonnost',* no. 5, pp. 41–44.

Serenko, A. (2020), "COVID for jihad is not an obstacle", *Ogonek,* no. 19, pp. 22–24.

Информация об авторах

Меркурьев Виктор Викторович,
доктор юридических наук, профессор, Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; merkuriev-vui@mail.ru

Тараканов Илья Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; il8@ list.ru

Information about the authors

Merkur'ev Viktor V.,
doctor of law, professor, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation; merkuriev-vui@mail.ru

Tarakanov Il'ya A.,
PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; il8@list.ru

Для цитирования

Меркурьев В. В., Тараканов И. А. Особенности реализации права на необходимую оборону в условиях пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 111–116.

For citation

Merkur'ev, V. V. and Tarakanov, I. A. "Features of the implementation of the right to necessary defense in the context of the pandemic of the coronavirus infection (COVID-19)", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 111–116.

УДК 347.441.62

А. С. Мограбян[1]
[1]*Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Российская Федерация*

A. S. Mograbyan[1]
[1] *Volgograd Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, the Russian Federation*

Правила толкования договоров по гражданскому законодательству Российской Федерации

Rules for interpretation of treaties under the civil law of the Russian Federation

Ключевые слова: гражданско-правовой договор; толкование; толкование договора; грамматическое толкование; логическое толкование; системное толкование; историческое толкование; телеологическое толкование.

Аннотация. На основе комплексного анализа нормативно-правового регулирования института толкования договоров выделены последовательно применяемые судами правила толкования условий гражданско-правовых договоров и выявлены их особенности. Даны конкретные рекомендации по восполнению существующих в исследуемой области пробелов нормативно-правового регулирования. Обоснована целесообразность законодательного закрепления правила о толковании договорных условий в системной взаимосвязи с основными гражданско-правовыми принципами и нормами. Сделан вывод о необходимости применения при толковании договорных условий комплексного подхода, который предполагает применение всех предусмотренных действующим гражданским законодательством способов толкования в совокупности.

Key words: civil law treaty; interpretation; interpretation of the treaty; grammatical interpretation; logical interpretation; systemic interpretation; historical interpretation; teleological interpretation.

Abstract. On the basis of a comprehensive analysis of the normative legal regulation of the institution of interpretation of treaties, the rules for the interpretation of the terms of civiltreaties that are consistently applied by the courts are distinguished and their features are revealed. Specific recommendations are given on how to fill the gaps of legal regulation existing in the area under study. The expediency of legislative consolidation of the rule on the interpretation of contractual terms in a systemic relationship with the basic civil law principles and norms has been substantiated. It is concluded that it is necessary to apply an integrated approach when interpreting contractual terms, which involves the use of all methods of interpretation provided by the current civil legislation in aggregate.

Гражданское законодательство в области договорного права постоянно совершенствуется, но тем не менее на практике нередки случаи некорректного либо расширительного толкования договорных условий при возникновении споров между контрагентами. Такая ситуация связана в том числе и с тем обстоятельством, что институту толкования договоров в ГК РФ посвящена всего одна статья – ст. 431 ГК РФ. Как справедливо отмечает А. К. Байрамкулов, необходимость в толковании возникает при наличии «как минимум, двух различных пониманий одного договорного условия» [Байрамкулов 2015, с. 11]. Нередко на практике встречаются противоречивые или взаимоисключающие условия в рамках одного согласованного и подписанного сторонами договора, что также создает сложности при их толковании в случае возникновения споров между сторонами. Показательным в этой связи является определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, оставившее в силе постановление апелляционной инстанции о применении к подрядчику повышенного размера неустойки (взыскании предусмотренной договором пени в размере 1 % от цены контракта), несмотря на решение суда первой инстанции и постановление суда кассационной инстанции о применении второго содержащегося в том же пункте договора условия об ответственности подрядчика, согласно которому размер пени определяется в установленном Правительством Российской Федерации порядке[1].

В ст. 431 ГК РФ закреплены общие правила толкования договорных условий судами. В абз. 1 данной статьи закреплено общее правило, согласно которому первоначально уясняется буквальный смысл слов и выражений, содержащихся в условии договора. В случае, если содержащиеся в гражданско-правовом договоре слова и выражения не позволяют уяснить буквальное значение его условий, оно «устанавливается путем сопостав-

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 31 марта 2016 г. по делу № 306-ЭС15-15659, А55-30563/2014. URL: https://www.vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1427228 (дата обращения: 09.02.2020).

© Мограбян А. С., 2020

ления с другими условиями и смыслом договора в целом». Если применение установленных в абз. 1 ст. 431 ГК РФ правил толкования не увенчалось успехом, необходимо выяснять, какова «действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон» (абз. 2 ст. 431 ГК РФ).

Большое значение для правильного применения судами ст. 431 ГК РФ при толковании гражданско-правовых договоров имеют разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенные в его постановлении от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ о заключении и толковании договора»[1] (далее: Постановление № 49), в п. 43 которого содержится очень важная, на наш взгляд, оговорка о необходимости толкования условий «в системной взаимосвязи с основными началами» и другими положениями гражданского законодательства и иных актов. То есть при толковании договорных условий суду необходимо руководствоваться, помимо прочего, принципами равенства контрагентов, их добросовестности, «неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты» (ст. 1 ГК РФ). Иными словами, если спорное условие договора противоречит основным принципам либо другим положениям актов, содержащих нормы гражданского права, то буквальное толкование в чистом виде не может приниматься во внимание судом. Такой вывод нельзя сделать из автономного анализа ст. 431 ГК РФ, но в совокупности с требованиями ст. 422 ГК РФ о соответствии договора действующим в момент его заключения обязательным для сторон правовым нормам данное правило становится очевидным. С учетом вышеизложенного, во-первых, следует отметить своевременность и значимость Постановления № 49, во-вторых представляется целесообразным прямое закрепление на законодательном уровне необходимости применения судами правила о толковании договорных условий в системной взаимосвязи с основными принципами и иными положениями гражданского законодательства и иных актов, содержащих нормы гражданского права, путем внесения соответствующих дополнений в ст. 431 ГК РФ.

Анализ ст. 431 ГК РФ в совокупности с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, приведенными в Постановлении № 49, позволяет выделить ряд последовательно применяемых судами правил толкования договорных условий.

Первое правило толкования гражданско-правовых договоров предполагает уяснение буквального значения содержащихся в договорном условии слов и выражений путем *грамматического толкования*. В Постановлении № 49 данное толкование названо буквальным. Вместе с тем с точки зрения общей теории права такое толкование является грамматическим [Шершеневич 1903]. Согласно абз. 2 п. 43 Постановления № 49 необходимо учитывать при этом общепринятое употребление таких слов и выражений участниками гражданского оборота исходя из принципов разумности и добросовестности, вытекающих из ч. 5 ст. 10 и ч. 3 ст. 307 ГК РФ. Исключение составляют лишь случаи, когда из деловой практики контрагентов и иных обстоятельств дела вытекает иное значение толкуемых договорных условий. Не допускается также толкование условий гражданско-правового договора, влекущее за собой извлечение одним из контрагентов преимущества из своего незаконного или недобросовестного поведения (абз. 3 п. 43 Постановления № 49). Как видим, здесь усматривается существующий еще со времен римского права «принцип доброй совести», который запрещал контрагентам расширительно толковать неясные условия в свою пользу. В то же время результатом толкования не должно стать значение условия, очевидно, не соответствующее тому пониманию, которое стороны предположительно имели в виду.

Второе правило толкования применяется в случае, если содержащиеся в гражданско-правовом договоре слова и выражения не позволяют уяснить буквальное значение его условия, и предполагает установление буквального значения неясного договорного условия путем сопоставления его с другими условиями и со смыслом договора в целом. Как справедливо отметила И. П. Малинова, «рекомендуя уяснить буквальный смысл спорного условия через выход в контекст договора в целом, законодатель отождествляет буквальное и контекстуальное толкование, что ведет к путанице… Если суд установит, что условие договора сформулировано неясно, то с точки зрения логики, герменевтики, семантики буквальный смысл такого условия уже не может быть определен. А законодатель рекомендует именно это» [Малинова 2017, с. 139]. То есть применяется интерпретационное толкование, с помощью которого выясняется не буквальное, а контекстуальное значение договорных условий путем применения приемов «интерпретации неясных формулировок, содержащихся в тексте договора, – через обращение к его

[1] Российская газета. 2019. 11 янв.

контексту» [Малинова 2006, с. 119]. Некоторую ясность в этой связи может внести обращение к трудам Г. Ф. Шершеневича, по мнению которого «…при толковании необходимо прежде всего обратиться к выяснению значения слов, выражающих мысль, а потом и к содержанию самой мысли, выраженной этими словами. Первая цель достигается с помощью грамматического толкования, вторая – при помощи логического толкования» [Шершеневич 1903, с. 78]. Таким образом, для уяснения буквального значения содержащихся в условии гражданско-правового договора слов и выражений необходимо применить грамматическое толкование, а в случае его неясности применяется уже толкование, которое Г. Ф. Шершеневич назвал *логическим*. «…При грамматическом толковании принимают во внимание отдельные слова или группы слов, в логическом же – их взаимное соотношение… грамматическое толкование должно всегда предшествовать логическому…» [Шершеневич 1903, с. 79].

Вышеизложенное позволяет понять логику законодателя, изложенную в абз. 1 ст. 431 ГК РФ, ведь для выяснения смыслового значения конкретного договорного условия путем сопоставления с другими условиями и смыслом гражданско-правового договора в целом (логическое толкование) необходимо сначала уяснить смысловое значение сопоставляемых условий отдельно друг от друга (грамматическое толкование). В абз. 4 п. 43 Постановления № 49 судам предписывается толковать и рассматривать договорные условия в системной взаимосвязи, учитывая тот факт, что все они являются частями одного договора. Толкование, построенное «на логическом сосуществовании» [Шершеневич 1903, с. 79–80] одновременно действующих договорных условий, в общей теории права называется систематическим. В Постановлении № 49 этот способ толкования назван *системным*.

Исходя из логики законодателя, буквальное толкование включает в себя два последовательно применяемых правила, предполагающих применение различных способов толкования: первое правило – грамматический, второе – логический. Вместе с тем представляется некорректным объединение названных способов толкования в рамках «буквального». Как видим, значение термина «буквальное толкование договора», понимаемое законодателем и изложенное в Постановлении № 49, вызывает справедливую критику в правовой доктрине.

В рамках применения второго правила толкования условий гражданско-правового договора может возникнуть еще одна проблема. Так, анализ изложенной в ч. 1 ст. 431 ГК РФ нормы показывает, что, по разумению законодателя, договор следует рассматривать как единый документ, а не как список отдельных не связанных друг с другом условий. Таким образом, при толковании договорных условий возникает описанная И. П. Малиновой «ситуация герменевтического круга» [Малинова 2006, с. 119], когда для уяснения смыслового значения отдельных условий договора необходимо сопоставлять их друг с другом и с договором в целом, и, наоборот, для уяснения смыслового значения договора необходимо сопоставить его с содержанием отдельных его условий. Вместе с тем нужно отметить, что правило толкования, содержащееся в абз. 1 ст. 431 ГК РФ, применимо к гражданско-правовым договорам, для которых законом или соглашением сторон предусмотрено заключение в письменной форме «путем составления одного документа, подписанного сторонами» (ч. 4 ст. 434 ГК РФ). Однако в ч. 2 ст. 434 ГК РФ предусмотрена возможность заключения договора в письменной форме по соглашению сторон «путем обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными». Эта норма введена сравнительно недавно и вступила в силу с 1 октября 2019 г.[1] На практике при толковании условий договоров, заключенных путем переписки (в том числе электронной) сторон, могут возникнуть проблемы в связи с тем, что ст. 431 ГК РФ содержит правила о толковании договоров, заключенных путем составления единого документа. Исходя из логики законодателя и нормы о применении гражданского законодательства по аналогии (ст. 6 ГК РФ), в случае невозможности уяснения буквального значения условий заключенного путем переписки договора, необходимо сопоставить их со всеми условиями, содержащимися в относящихся к заключенному договору письмах, телеграммах, электронных документах и иных данных, и с их смыслом в совокупности (в целом). Очевидна необходимость устранения подобных пробелов в законодательстве. На наш взгляд, с целью предотвращения проблем при толковании гражданско-правовых договоров необходимо привести в соответствие с обновленным законодательством ст. 431 ГК РФ путем внесения в нее дополнений, содержащих правила толкования договоров заключенных путем обмена предусмотренными законом документами или данными, дополнив абз. 1 ст. 431 ГК РФ положением о сопоставлении не только условий договора, но и содержания писем, телеграмм, электронных документов либо иных данных, относящихся к заключенному договору отдельно и в совокупности.

[1] О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей ГК РФ : федер. закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 12, ст. 1224.

Третье правило толкования условий гражданско-правового договора предполагает выяснение действительной общей воли контрагентов. В данном случае следует говорить о выделяемом в общей теории права *историческом толковании*, поскольку «толкование будет построено на логической последовательности» [Шершеневич 1903, с. 79–80], ведь для выяснения общей воли сторон судам предписывается принимать во внимание как предшествовавшие заключению договора обстоятельства, в том числе переговоры и переписку сторон, так и сложившуюся во взаимоотношениях контрагентов практику, обычаи, а также последующее их поведение. При этом должны учитываться цель договора, а также существо нормативно-правового регулирования возникшего обязательства. Как видим, здесь нашло отражение и *телеологическое (целевое) толкование* [Насырова 1985]. В случае наличия спора о действительности или заключенности договора, он считается соответственно действительным и заключенным, пока не доказано иное, поскольку учитывается презумпция разумности и добросовестности участников гражданских правоотношений, установленная в ч. 5 ст. 10 ГК РФ. Более того, п. 44 Постановления № 49 гласит: «Если условие договора допускает несколько разных вариантов толкования, один из которых приводит к недействительности договора или к признанию его незаключенным, а другой не приводит к таким последствиям, по общему правилу, приоритет отдается тому варианту толкования, при котором договор сохраняет силу». Данное разъяснение является подтверждением обоснованности высказанного в цивилистике более 10 лет назад мнения о том, что «в тех случаях, когда содержание отдельного условия договора допускает различное толкование, предпочтение должно отдаваться толкованию, делающему условие договора действительным, а не лишенным силы» [Степанюк 2008, с. 10].

В разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации, изложенных в Постановлении № 49, нашел отражение и получил дальнейшее развитие и применяемый в римском праве принцип справедливости, направленный на защиту интересов более слабого контрагента, которому противопоставлялась сторона (как правило, кредитор), предложившая формулу стипуляции. Так, в п. 45 Постановления № 49 поясняется воля законодателя, предписавшего в абз. 2 ст. 431 ГК РФ принимать во внимание «все соответствующие условия, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон». В частности, разъясняется, что в случае неясности договорных условий и невозможности установления действительной общей воли сторон, «толкование условий договора осуществляется в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия» (п. 46 Постановления № 49). Причем, по общему правилу, такой стороной считается профессиональный участник соответствующих гражданско-правовых отношений, поскольку предполагается наличие у него специальных познаний в силу профессионального осуществления деятельности в данной сфере, пока не доказано иное. Например, в сфере банковского кредитования такой стороной справедливо считается банк, в сфере коммерческого страхования – страховщик и т. д.

Как видим, законом устанавливаются последовательно применяемые правила толкования условий гражданско-правовых договоров, при этом на каждом этапе толкования условий необходимо устанавливать их соответствие основным гражданско-правовым началам и иным нормативным положениям гражданского права. На наш взгляд, в современных условиях экономического развития наиболее эффективной и целесообразной представляется необходимость применения судами комплексного подхода при толковании условий гражданско-правового договора, который предполагает применение всех предусмотренных действующим гражданским законодательством способов толкования в совокупности: грамматическое, логическое, системное, историческое, телеологическое. Прямым отражением целесообразности использования комплексного подхода является ст. 431 ГК РФ, вобравшая в себя, несмотря на наличие в ней некоторых пробелов, все названные выше приемы и средства толкования договоров и предписывающая судам необходимость последовательного применения различных способов интерпретации спорного договорного условия с целью уяснения буквального значения содержащихся в нем слов и выражений. Вместе с тем анализ п. 46 Постановления № 49 позволяет сделать вывод о том, что суд свободен в выборе способов и правил толкования. При толковании условий договора судом могут применяться как предусмотренные в ст. 431 ГК РФ правила толкования, так и приемы толкования, установленные иными правовыми актами либо вытекающие из обычаев и деловой практики, а также «иные подходы к толкованию». При этом при толковании условий конкретного договора суду предписывается принимать во внимание специфику рассматриваемых гражданско-правовых отношений. Необходимым условием применения тех или иных правил и способов толкования является требование обязательного

указания в решении суда оснований, послуживших поводом к приоритетному применению определенных приемов толкования в связи с соответствующими обстоятельствами рассматриваемого дела. Подобные разъяснения приобретают для судов особую значимость в условиях трансформации гражданско-правовых отношений под влиянием как цифровизации экономики, так и нарастающих в последнее время глобальных экономических проблем.

Список цитируемых источников

Байрамкулов 2015 – *Байрамкулов А. К.* Особенности толкования договора в российском гражданском праве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 244 с.

Малинова 2006 – *Малинова И. П.* Герменевтический круг в толковании договора // Российский юридический журнал. 2006. № 1(49). С. 119–121.

Малинова 2017 – *Малинова И. П.* История и философия науки (окончание) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 1. С. 133–143. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-i-filosofiya-nauki-okonchanie/viewer (дата обращения: 06.05.2020).

Насырова 1985 – *Насырова Т. Я.* Телеологическое толкование советского закона: понятие, содержание и роль в юридической практике : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1985. 200 с.

Степанюк 2008 – *Степанюк Н. В.* Толкование гражданско-правового договора : дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. 213 с.

Шершеневич 1903 – *Шершеневич Г. Ф.* Применение норм права // Журнал Министерства юстиции. 1903. № 1. С. 34–82.

References

Bairamkulov, A. K. (2015), Features of the interpretation of a treaty in Russian civil law, Ph. D. Thesis, civil law, business law, family law, private international law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Malinova, I. P. (2006), "Hermeneutic circle in treaty interpretation", *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal,* no. 1(49), pp. 119–121.

Malinova, I. P. (2017), "History and philosophy of science (end)", *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»,* no. 1, pp. 33–143, available at: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-i-filosofiya-nauki-okonchanie/viewer (Accessed 6 May 2020).

Nasyrova, T. Ya. (1985), Teleological interpretation of Soviet law: concept, content and role in legal practice, Ph. D. Thesis, theory and history of law and state, history of doctrines about law and state, Kazan University, Kazan, Russia.

Shershenevich, G. F. (1903), "Application of the rule of law", *Zhurnal Ministerstva yustitsii,* no. 1, pp. 34–82.

Stepanyuk, N. V. (2008), Interpretation of a civil treaty, Ph. D. Thesis, civil law, business law, family law, private international law, Moscow State Law Academy, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Мограбян Армине Самвеловна,
кандидат юридических наук, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Российская Федерация; mograbyan-as@ranepa.ru

Information about the author

Mograbyan Armine S.,
PhD (law), Volgograd Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, the Russian Federation; mograbyan-as@ranepa.ru

Для цитирования

Мограбян А. С. Правила толкования договоров по гражданскому законодательству Российской Федерации // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 117–121.

For citation

Mograbyan, A. S. (2020), "Rules for interpretation of treaties under the civil law of the Russian Federation", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 117–121.

УДК 342.72

Е. В. Полуянова[1]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

E. V. Poluyanova[1]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation*

Нормативное регулирование правоотношений, связанных с биометрическими персональными данными, в Российской Федерации

Statutory regulation of legal relations related to biometric personal data in the Russian Federation

Ключевые слова: информация; биометрические персональные данные; обработка биометрических персональных данных; субъекты биометрических персональных данных; оператор биометрических персональных данных; единая система идентификации и аутентификации; единая биометрическая система.

Аннотация. Рассмотрен актуальный вопрос о нормативном регулировании в Российской Федерации правоотношений, связанных с биометрическими персональными данными физических лиц. Основное внимание уделено анализу принципов обработки биометрических персональных данных, сформулированы предложения по усовершенствованию законодательства о персональных данных.

Key words: information; biometric personal data; biometric personal data processing; biometric personal data subjects; biometric personal data operator; unified identification and authentication system; unified biometric system.

Abstract. The current issue of statutory regulation in the Russian Federation of legal relations related to biometric personal data of individuals is considered. The main attention is paid to the analysis of principles of biometric personal data processing, and proposals for improving the legislation on personal data are formulated.

Развитие цифровых технологий позволяет формировать системы распознавания личности для осуществления удаленного доступа и получения различного рода услуг во многих сферах жизни общества и государства: в финансовой сфере, здравоохранении, образовании, ритейле, в сфере государственных услуг. В настоящее время возможности распознавания подлинности личности находят свое применение и на бытовом уровне, например, контроль доступа к персональному компьютеру или телефону стал возможным при сканировании радужной оболочки глаза или отпечатка пальца, по образцу голоса владельца мобильного телефона или по изображению лица. По тем же параметрам возможно осуществление входа в помещение, здание, сооружение, посещение которого ограничено кругом лиц, чьи биометрические данные заложены в систему доступа. Кроме того, биометрические данные физического лица могут использоваться при проведении голосования, пересечении пункта пропуска на границе между государствами и в других сферах жизни [Борзенко 2002; Булгакова, Краснова 2014; Кузьмин 2018; Панасюк 2019].

В целях реализации указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»[1], в том числе с целью решения задачи по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономику и социальную сферу, Правительством Российской Федерации разработана национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»[2]. В данную программу входят разные национальные проекты. Среди них следует выделить «Электронное правительство», в рамках которого создана и развивается федеральная государственная информационная система – Единая система идентификации и аутентификации Российской Федерации (далее: ЕСИА).

С целью расширения возможностей и формирования цифрового равенства общества и государства Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, на основе уже существующей ЕСИА, разработана цифровая платформа – единая биометрическая система (далее: ЕБС). В рамках ЕБС обрабатываются отдельные биометрические персональные данные физических лиц при помощи различных информационных систем, входящих в ее состав.

Что означает термин «биометрия»? Согласно межгосударственному стандарту ГОСТ ISO/IEC 2382-37-2016 «Информационные технологии (ИТ). Словарь. Часть 37. Биометрия»[3], принятому для раз-

[1] Российская газета. 2018. 7 мая.

© Полуянова Е. В., 2020

[2] URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/ (дата обращения: 20.06.2020).

[3] URL: http://docs.cntd.ru/document/1200144206 (дата обращения: 20.06.2020).

работчиков и пользователей в области биометрии, понятия «биометрия (biometrics)», «биометрическое распознавание (biometric recognition)» обозначают автоматическое распознавание индивидов, основанное на их поведенческих и биологических характеристиках. Следует отметить, что термин «индивид» в рамках данной сферы относится только к человеку.

На законодательном уровне использование биометрии, а точнее биометрических персональных данных, закреплено в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»[1] (далее: Закон № 152-ФЗ), в соответствии с ч. 1 ст. 11 которого к биометрическим персональным данным отнесены сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека и позволяющие установить его личность. Заметим, что биометрические персональные данные в соответствии с данной нормой могут обрабатываться оператором только при наличии согласия в письменной форме субъекта персональных данных, безусловно, за исключением отдельных случаев, отмеченных в ч. 2 той же статьи. В соответствии с п. 2 ст. 3 Закона № 152-ФЗ оператором персональных данных является государственный орган, муниципальный орган, юридическое или физическое лицо, самостоятельно или совместно с другими лицами организующие и (или) осуществляющие обработку персональных данных, а также определяющие цели обработки персональных данных, состав персональных данных, подлежащих обработке, действия, совершаемые с персональными данными. При этом биометрические персональные данные используются оператором только для установления личности субъекта персональных данных, другие цели в законе не указаны.

Информация о том, какие персональные данные могут быть отнесены к биометрическим, в Законе № 152-ФЗ отсутствует, т. е., какие именно данные характеризуют физиологические и биологические особенности человека, в законе не уточняется. В связи с необходимостью решения данной проблемы в 2013 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций был подготовлен соответствующий документ от 30 августа «Разъяснения по вопросам отнесения фото-, видеоизображений, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенностей их обработки»[2]. В соответствии с данным документов к биометрическим персональным данным относятся физиологические данные (дактилоскопические данные, радужная оболочка глаз, анализы ДНК, рост, вес и другие данные, а также иные физиологические или биологические характеристики человека, в том числе изображение человека (фотография и видеозапись), которые позволяют установить его личность и используются оператором для установления личности субъекта. Полагаем, что Закон № 152-ФЗ целесообразно дополнить таким же перечнем персональных данных, которые следует относить к биометрическим.

Еще одним документом, где рассматривается вопрос о видах биометрических персональных данных, является обучающая программа по биометрии, представленная в национальном стандарте ГОСТ Р 54412-2011 «Информационные технологии. Биометрия. Обучающая программа по биометрии»[3]. В нем говорится, что к наиболее распространенным физическим биометрическим характеристикам относятся глаза, лицо, отпечатки пальцев, рука и голос, в то время как подпись, динамика работы с клавиатурой и походка являются наиболее распространенными поведенческими биометрическими характеристиками. В данном документе рассматриваются биометрические технологии, построенные на изучении различных биометрических показателей человека:

– технологии, построенные на анализе изображения глаз, которые в свою очередь могут быть разделены на две отдельные технологии, анализирующие биометрические характеристики радужной оболочки глаза и сетчатки глаза;

– технологии, построенные на анализе изображения лица, являющегося основным элементом распознавания людей, при котором с помощью специальных алгоритмов изображение лица преобразуется в шаблон, а далее – в уникальный математический код, который сохраняется в виде шаблона (биометрического эталона) для конкретного субъекта;

– технологии, построенные на анализе гребней отпечатка пальца, в том числе системы распознавания отпечатков пальцев, которые анализируют мелкие потовые поры на пальце, а также плотность изображения пальца или расстояние между гребнями;

– технологии, построенные на анализе геометрии контура кисти руки. Для такой идентификации необходимы одно или несколько двухмерных изображений кисти руки, по которым определяется форма и измеряется длина пальцев и фаланг;

– технологии, основанные на анализе геометрии контура пальца;

– технологии, построенные на анализе динамики подписи, которые заключаются в анализе того, как человек пишет свое имя или визирует документ. Важно отметить, что данный метод заключается не в анализе самой подписи, а в анализе процесса ее получения;

[1] Российская газета. 2006. 29 июля.

[2] URL: https://pd.rkn.gov.ru/press-service/subject1/news2729/ (дата обращения: 20.06.2020).

[3] URL: http://docs.cntd.ru/document/gost-r-54412-2011 (дата обращения: 20.06.2020).

– технологии, анализирующие образцы рисунков вен, которые характеризуются высокой аутентификационной точностью, так как вены находятся в подкожной области тела каждого человека и формируют уникальный рисунок, при этом даже рисунки генетически идентичных близнецов имеют отличия;

– технологии, построенные на анализе динамики работы на клавиатуре, при изучении которого анализируется ритм печати;

– технологии, построенные на анализе голоса. В связи с тем, что звук человеческого голоса является следствием резонанса, возникающего в речевом тракте, то особенности голоса определяются длиной речевого тракта и формами ротовой и носовой полостей. Эти технологии особенно полезны в приложениях, связанных с телефонами.

Использование двух видов биометрических данных является основным принципом построения ЕБС. Этот принцип заключаются в том, что она обрабатывает заложенные в нее биометрические данные, при этом обрабатывает только два типа биометрии: голос и лицо, причем не по отдельности, а вместе. При одновременной обработке двух видов биометрических персональных данных с помощью соответствующих программ становится возможным определить «живого человека». Следует отметить, что делается это в целях защиты биометрических данных, для исключения возможности доступа к персональной информации третьих лиц. При таком совмещении двух биометрических показателей практически невозможно создать имитацию конкретного индивида в цифровом канале. Кроме того, именно способность определить «оригинал» – одна из ключевых возможностей ЕБС[1].

В рамках развития ЕБС подготовлен и функционирует ряд нормативных актов. Так, приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 25 июня 2018 г. № 321 «Об утверждении порядка обработки, включая сбор и хранение, параметров биометрических персональных данных в целях идентификации, порядка размещения и обновления биометрических персональных данных в единой биометрической системе, а также требований к информационным технологиям и техническим средствам, предназначенным для обработки биометрических персональных данных в целях проведения идентификации»[2] определяет порядок обработки, включая сбор и хранение параметров биометрических персональных данных в целях идентификации, порядок размещения и обновления биометрических персональных данных в ЕБС; закрепляет требования к информационным технологиям и техническим средствам, предназначенным для обработки биометрических персональных данных в целях проведения идентификации. Кроме того, в целях проведения идентификации приказом Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 25 июня 2018 г. № 323 «Об утверждении форм подтверждения соответствия информационных технологий и технических средств, предназначенных для обработки биометрических персональных данных в целях проведения идентификации, требованиям к информационным технологиям и техническим средствам, предназначенным для указанных целей»[3] закреплены формы подтверждения соответствия информационных технологий и технических средств, предназначенных для обработки биометрических персональных данных, а также установлены требования к информационным технологиям и техническим средствам, предназначенным для указанных целей.

Для осуществления нормативного регулирования данной сферы и стандартизированного подхода к получению различных видов биометрической идентификации разработан ряд национальных стандартов. Так, проведение автоматической биометрической идентификации регламентируется ГОСТ Р ИСО/МЭК 19784-1-2007 «Автоматическая идентификация. Идентификация биометрическая. Биометрический программный интерфейс. Часть 1. Спецификация биометрического программного интерфейса (с Изменением № 1)»[4]. Данный стандарт определяет обобщенную модель биометрического распознавания личности, пригодную для использования в любой биометрической технологии. Модель позволяет использовать составляющие биометрической системы разных изготовителей и обеспечивать их взаимодействие.

Следующим национальным стандартом является ГОСТ Р ИСО/МЭК 19795-1-2007 «Автоматическая идентификация. Идентификация биометрическая. Эксплуатационные испытания и протоколы испытаний в биометрии. Часть 1. Принципы и структура»[5], который закрепляет общие требования к проведению эксплуатационных испытаний биометрических систем для определения вероятности появления ошибок и пропускной способности системы; эксплуатационные характеристики биометрических систем; требования к методам испытаний и форме представления протоколов с результатами испытаний.

[1] URL: https://bio.rt.ru/citizens/ (дата обращения: 20.06.2020).

[2] URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/6214/ (дата обращения: 20.06.2020).

[3] URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/6218/ (дата обращения: 20.06.2020).

[4] URL: http://docs.cntd.ru/document/1200067412 (дата обращения: 20.06.2020).

[5] URL: http://docs.cntd.ru/document/1200067413 (дата обращения: 20.06.2020).

ГОСТ Р ИСО/МЭК 19794-5-2013 «Информационные технологии. Биометрия. Форматы обмена биометрическими данными. Часть 5. Данные изображения лица (с Изменением № 1)»[1] устанавливает форматы обмена биометрическими данными, а именно, данными изображения лица. В целях обеспечения работы приложений для хранения данных на различных устройствах, а также для повышения точности распознавания лица соответствующим стандартом установлены требования: к условиям получения изображения (освещение, положение головы, выражение лица и т. д.), фотографированию (расположение камеры, фокусировка и т. д.) и параметрам цифрового изображения (разрешение изображения, размер изображения и т. д.). Возможность изображения лица в виде фотографии или видеозаписи достаточно давно и прочно вошла в нашу жизнь. Следует отметить, что видеозаписи с камер видеонаблюдения, установленных в большом количестве в городах, магазинах, аэропортах и других точках контроля, дают возможность получить фото- и видеоинформацию о гражданах без особого труда. Полученные данные изображения лица являются биометрическими персональными данными, хранение которых должны обеспечить операторы персональных данных. Некоторую сложность в идентификации личности по внешности привнесла пандемия коронавируса COVID-19, так как значительное количество граждан в Российской Федерации перемещаются по улицам городов и в местах массового скопления людей в медицинских масках, и при необходимости опознать гражданина по внешним данным становится сложнее.

В 2017 г. в отдельные законодательные акты Российской Федерации были внесены изменения, касающиеся биометрических персональных данных[2]. Так, в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[3] была дополнительно включена ст. 14.1, в соответствии с пп. 1, 2 ч. 1 которой государственные органы, банки и иные организации после проведения идентификации при личном присутствии гражданина и с его согласия на безвозмездной основе размещают в электронной форме: сведения, необходимые для регистрации гражданина – в ЕСИА; биометрические персональные данные – в единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным гражданина Российской Федерации. Аналогичная норма внесена в п. 5.6 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»[4].

Персонализированными и значимыми биометрическими персональными данными являются дактилоскопические данные. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации»[5] устанавливает основные требования к проведению государственной дактилоскопической регистрации, хранению и использованию дактилоскопической информации и содержит определение термина «дактилоскопическая информация», под которым понимаются биометрические персональные данные об особенностях строения папиллярных узоров пальцев и (или) ладоней рук человека, позволяющие установить его личность. Получение такого рода информации проводится в целях идентификации личности человека по отпечаткам пальцев (ладоней) рук, что выражается в установлении тождественности проверяемых отпечатков пальцев (ладоней) рук и определении их принадлежности одному лицу.

Регистрируясь на портале госуслуг, человек предоставляет свои персональные данные, к которым будут иметь доступ, как правило, государственные органы. Однако если учесть количество обращений граждан, данные которых без их согласия стали общедоступны, например в сети «Интернет», или используются в мошеннических схемах преступников во многих странах мира, то государства, развивающие инфраструктуру страны в электронном виде, осуществляя электронное взаимодействие населения и государственных органов, должны обеспечить соответствующую защиту и биометрических персональных данных. Часть 3 ст. 19 Закона № 152-ФЗ устанавливает меры по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке. Пункт 3 ч. 3 данной статьи закрепляет требования к материальным носителям биометрических персональных данных и технологиям хранения таких данных вне информационных систем персональных данных. В случае хранения биометрических персональных данных вне информационных систем разработаны и действуют утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 6 июля 2008 г. № 512 «Об утверждении требований к материальным носителям биометрических персональных данных и технологиям хранения таких данных вне информационных систем персональных данных»[6] требования к материальным носителям и технологиям. При этом под материальным носителем

[1] URL: http://docs.cntd.ru/document/1200108287 (дата обращения: 20.06.2020).

[2] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31 дек. 2017 г. № 482-ФЗ // Российская газета. 2017. 9 янв.

[3] Российская газета. 2006. 29 июля.

[4] Российская газета. 2001. 9 авг.

[5] Там же. 1998. 1 авг.

[6] Там же. 2008. 11 июля.

следует понимать не бумажный носитель информации (подп. «б» п. 3), а машиночитаемый носитель информации (в том числе магнитный и электронный), на котором осуществляются запись и хранение сведений, характеризующих физиологические особенности человека и способствующие установлению его личности.

Киберпреступники стараются найти возможность обойти системы биометрической идентификации личности. Множество международных организаций, занимающихся информационной безопасностью, ищут способы защиты, но преступный мир идет с ними параллельной дорогой, и как только появляется очередная степень защиты информации, преступное сообщество за достаточно короткий промежуток времени имеет свое решение проблемы. В то же время, полагаем, глобальное развитие систем идентификации и аутентификации на основе биометрических персональных данных имеет широкие перспективы во всем цивилизованном мире. Считаем, что именно за биометрическими системами будущее. В связи с этим в целях законодательного закрепления того, что следует понимать под биометрическими персональными данными, предлагаем ч. 1 ст. 11 Закона № 152-ФЗ изложить в следующей редакции: «1. Сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека (биометрические персональные данные, к которым относятся физиологические данные – дактилоскопические данные, радужная оболочка глаз, анализы ДНК, рост, вес и другие данные, а также иные физиологические или биологические характеристики человека, в том числе изображение человека (фотография и видеозапись), на основании которых можно установить его личность (биометрические персональные данные) и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных, могут обрабатываться только при наличии согласия в письменной форме субъекта персональных данных, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 настоящей статьи».

Список цитируемых источников

Борзенко 2002 – *Борзенко А.* Биометрические системы распознавания личности // BYTE. 2002. № 11(52). URL: bytemag.ru/articles/detail.php?ID=8520 (дата обращения: 20.06.2020).

Булгакова, Краснова 2014 – *Булгакова Е. В., Краснова Е. В.* Экспертные системы и методы идентификации диктора // Известия вузов. Приборостроение. 2014. Т. 57, № 2. С. 58–63.

Кузьмин 2018 – *Кузьмин М.* Система биометрического распознавания личности в России. Что это и когда заработает. URL: ivbg.ru/7889032-sistema-biometricheskogo-raspoznavaniya-lichnosti-v-rossii-chto-eto-i-kogda-zarabotaet.html (дата опубликования: 20.02.2018).

Панасюк 2019 – *Панасюк Т.* Умный фейсконтроль: как технология распознавания лиц меняет мир. URL: psm7.com/technology/umnyj-fejskontrol-kak-technologiya-raspoznavaniya-lic-menyaet-mir.html (дата опубликования: 25.01.2019).

References

Borzenko, A. (2002), “Biometric identity recognition systems”, *BYTE*, no. 11(52), available at: bytemag.ru/articles/detail.php?ID=8520 (Accessed 20 June 2020).

Bulgakova, E. V. and Krasnova, E. V. (2014), “Expert systems and methods for speaker identification”, *Izvestiya vuzov, Priborostroenie,* vol. 57, no. 2, pp. 58–63.

Kuz’min, M. (2018), “Biometric identity recognition system in Russia. What it is and when it will work”, available at: ivbg.ru/7889032-sistema-biometricheskogo-raspoznavaniya-lichnosti-v-rossii-chto-eto-i-kogda-zarabotaet.html (Accessed 20 June 2018).

Panasyuk, T. (2019), “Smart face control: how facial recognition technology is changing the world”, available at: psm7.com/technology/umnyj-fejskontrol-kak-technologiya-raspoznavaniya-lic-menyaet-mir.html (Accessed 25 Jan. 2019).

Информация об авторе

Полуянова Елена Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; elenapoluyanova66@yandex.ru

Information about the author

Poluyanova Elena V.,
PhD (law), associate professor,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; elenapoluyanova66@yandex.ru

Для цитирования

Полуянова Е. В. Нормативное регулирование правоотношений, связанных с биометрическими персональными данными, в Российской Федерации // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 122–126.

For citation

Poluyanova, E. V. (2020), “Statutory regulation of legal relations related to biometric personal data in the Russian Federation”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 122–126.

УДК 343.98

А. В. Чуркин[1]
[1] *Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*

A. V. Churkin[1]
[1] *Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation*

Некоторые процессуальные аспекты оформления изъятия объектов в рамках оперативно-розыскной деятельности до возбуждения уголовного дела

Some procedural aspects of registration of seizure of objects in the framework of operational search activities before the initiation of criminal proceedings

Ключевые слова: изъятие в оперативно-розыскной деятельности; процессуальные вопросы оформления изъятия.

Аннотация. В статье рассматриваются процессуальные аспекты оформления изъятия предметов, документов, материалов и сообщений в рамках оперативно-розыскной деятельности при проведении оперативно-розыскных мероприятий в гласном и негласном режиме, а равно оформление изъятия перечисленных выше объектов оперативными работниками по нормам Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Key words: seizure in operational and investigative activities; procedural issues of registration of the seizure.

Abstract. The article discusses the procedural aspects of seizure of objects, documents, materials and reports in the framework of operational-search activity at carrying out of operatively-search actions in public and non-public mode, as well as the registration of the exemptions listed above, by operational employees according to the norms of the Russian code of administrative offences.

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена рядом следующих обстоятельств. *Во-первых,* в открытой литературе появилась информация о том, что в одних случаях лица, оказывающие содействие сотрудникам органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее: ОРО), самостоятельно проводят оперативно-розыскные мероприятия (далее: ОРМ), изымая и закрепляя следы совершенного преступления. В связи с этим подобного рода действия требуют как научного осмысления, так и правового регулирования. *Во-вторых*, в других случаях сотрудники ОРО оформляют изъятие таких объектов по правилам Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее: КоАП РФ), что порой противоречит правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации и является допустимым в строго ограниченных правоотношениях. *В-третьих*, обстоятельства изъятия объектов в рамках проведения гласных ОРМ и составления протоколов по правилам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее: УПК РФ) в некоторых научных изысканиях, на наш взгляд, освещены недостаточно полно. *В-четвертых*, согласно данным Е. В. Кузнецова, полученным в результате опроса 155 практических работников оперативных органов внутренних дел, 65 % из числа опрошенных не смогли четко разграничить административные, уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные мероприятия, осуществляемые при проверке сообщений о преступлении [Кузнецов 2014, с. 208, 277].

Мы поддерживаем позицию профессора В. Ф. Луговика, который считает, что регламентация в статусных законах дополнительных оперативно-розыскных полномочий сотрудников разных ведомств не соответствует принципам права и стандартам юридической техники. По его мнению, такие полномочия ОРО необходимо закреплять в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[1] (далее: ФЗ «Об ОРД») [Луговик 2017, с. 28–29]. В связи с этим в данной статье мы не будем рассматривать правоотношения изъятия объектов, закрепленные в этих статусных законах (законах о полиции; о ФСБ России; о внешней разведке; об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания; Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации и др.).

Негласное изъятие объектов конфидентом. Пункт 28.1 Инструкции по организации деятельности внештатных сотрудников полиции[2] (далее: Инструкция № 8) запрещает поручать этим лицам как проведение, так и участие в проведении ОРМ. Приказ МВД России от 19 июня 2012 г. № 608 «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России»[3] (далее: Приказ № 608) также не называет лиц, содействующих ОРО, в числе субъектов, уполномоченных самостоятельно проводить ОРМ.

[1] Российская газета. 1995. 18 авг.

[2] Инструкция по организации деятельности внештатных сотрудников полиции : [утв. приказом МВД России от 10 янв. 2012 г. № 8]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Российская газета. 2012. 3 авг.

© Чуркин А. В., 2020

В то же время в правоприменительной практике порой имеют место случаи, когда конфиденты органов внутренних дел на транспорте, например, при совершении преступлений в условиях неочевидности на плавучих базах, которые на несколько месяцев уходят в открытое море на промысел рыбы, самостоятельно проводят ряд ОРМ, в том числе и сбор образцов для сравнительного исследования, в ходе которых изымают и закрепляют следы совершенного преступления [Михайлова 2019, с. 124–125].

Л. В. Михайлова предлагает в таких случаях следующий процессуальный алгоритм оформления изъятия объектов: 1) конфидентам под оперативным псевдонимом следует лично составлять протокол по правилам ст. 166 УПК РФ, но без ссылки на эту норму; 2) фиксировать с применением видео- и фотосъемки ход проведения ОРМ, включая и факт изъятия объектов; 3) к протоколу прилагать электронные носители (диски, карты памяти, видеозаписи, фотографии), а равно изъятые объекты. Впоследствии, по мнению Л. В. Михайловой, когда плавучая база возвращается в порт, а конфидент передает все эти материалы и объекты оперативному работнику, последний должен еще и сам подписать названный выше протокол [Михайлова 2019, с. 128–129]. В целом можно согласиться с такими предложениями.

В то же время некоторая уязвимость и недоработанность данной концепции Л. В. Михайловой видятся в следующем:

а) в нарушении Инструкции № 8 и Приказа № 608. Согласно ч. 1 ст. 4 ФЗ «Об ОРД» они могут быть отнесены к правовой основе этой деятельности ввиду отсутствия в законодательстве и иных нормативных правовых актах полного исчерпывающего перечня правовых основ ОРД. Эти акты не уполномочивают конфидента самостоятельно проводить ОРМ. Согласно же ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением закона»;

б) согласно ст. 89 УПК РФ в процессе доказывания по уголовным делам запрещается использовать результаты ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам;

в) в нарушении требований ч. 1 ст. 86 УПК РФ. Оперативный работник, а тем более его конфидент не отнесены к числу лиц, уполномоченных собирать доказательства;

г) судебная практика занимает такую позицию: «…доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если их собирание и закрепление осуществлялось ненадлежащим лицом или органом» (абз. 2 п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»[1]).

А. И. Тамбовцев справедливо отмечает, что «в настоящее время законы о полиции, об ОРД, о ФСБ, о внешней разведке, об участии граждан в охране общественного порядка, Таможенный и Уголовно-исполнительный кодексы Российской Федерации содержат противоречащие друг другу нормы, регламентирующие оказание содействия правоохранительным органам. Необходимо внесение содержательных и редакционных изменений и дополнений, определяющих единый юридический статус содействующих лиц и исключающих неоднозначность интерпретации этих норм» [Тамбовцев 2017, с. 36].

В связи с изложенным и в целях устранения указанных выше пробелов в правовом регулировании нам представляется целесообразным:

1. Дополнить ст. 86 УПК РФ частью 4 следующего содержания: «4. Оперативный работник и лицо, оказывающее ему конфиденциальное содействие, в соответствии с Федеральным законом “Об оперативно-розыскной деятельности” могут фиксировать обстоятельства, связанные с выполнением задач этой деятельности».

2. В ведомственных нормативных правовых актах ОРО закрепить правило, согласно которому внештатные сотрудники и конфиденты могут оказывать им содействие в проведении ОРМ и закреплении следов преступления, в том числе и путем их самостоятельного проведения в случаях, не терпящих отлагательства.

Оформление изъятия по правилам КоАП РФ. Нередко должностные лица ОРО оформляют изъятие по правилам ст. 27.10 КоАП РФ [Гусев, Луговик 2019, с. 149]. Однако впоследствии производство по такому делу об административном правонарушении довольно часто прекращается по реабилитирующим для правонарушителя основаниям, поскольку сами оперативные работники осознают, что такое производство по своей сути возбуждалось ими незаконно – только лишь для придания внешней процессуальной видимости законности оформления факта изъятия объектов [Пугачёв 2007, с. 40].

Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 2 июля 1997 г. № 11-П (абз. 2 и 3 п. 6 описательно-мотивировочной части)[2] обратил внимание правоприменителей на незаконность применения мер обеспечения производства по делу об административных правонарушениях при расследовании преступлений.

В связи с эти представляется, что оформление такого рода протоколов по правилам ст. 27.10 КоАП РФ в рамках ОРД допустимо лишь тогда, ко-

[1] Российская газета. 1995. 28 дек.

[2] URL: online.zakon.kz/Document/?doc_id=31398267 (дата обращения: 07.07.2020).

гда на момент проведения самого такого изъятия объектов оперативному работнику трудно было разграничить, имел ли место в этой ситуации административно-правовой деликт, или преступление. Например, это может быть в следующих случаях: ст. 6.8 КоАП РФ → ч. 1 ст. 228 УК РФ; ст. 20.8 КоАП РФ → ч. 1 ст. 222 УК РФ; ч. 1 и 3 ст. 19.24 КоАП РФ → ст. 314.2 УК РФ, – а равно в некоторых иных аналогичных ситуациях, связанных для правоприменителей с трудностями разграничения совпадающих по своей объективной стороне административных правонарушений и преступлений.

В противном случае суд общей юрисдикции может признать изъятые оперативным работником по правилам ст. 27.10. КоАП РФ объекты недопустимыми доказательствами, аргументируя это следующим:

– «По смыслу положений ст. 5 ФЗ "Об ОРД" во взаимосвязи с положениями ст. 2 и 10 этого федерального закона, при неподтверждении данных, предусмотренных подп. 1 пункта 2 части 1 статьи 7 настоящего закона, и, следовательно, при отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела, оперативно-розыскные мероприятия подлежат прекращению» (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О[1] и от 22 ноября 2012 г. № 2046-О[2]);

– «Если отсутствие в деянии признаков преступления выявлено до начала проведения ОРД или это следует из сведений, поступивших в осуществляющие ОРД органы, то проведение на основании таких сведений каких-либо ОРМ в соответствии с подп. 1 пункта 2 части 2 ст. 7 ФЗ "Об ОРД" не может быть начато» (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2005 г. № 198-О[3]).

Оформление изъятия искомых объектов при проведении ОРМ в гласном режиме. По мнению В. А. Гусева и В. Ф. Луговика, такое изъятие до момента возбуждения уголовного дела возможно лишь в рамках трех уголовно-процессуальных протоколов – осмотра места происшествия, осмотра документов и осмотра предметов [Гусев, Луговик 2019, с. 150]. Однако мы полагаем, что эти уважаемые авторы не совсем правы. Дело в том, что еще Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 22-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О промышленной безопасности опасных производственных объектов", отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившим силу подпункта 114 пункта 1 статьи 333.33 части второй Налогового кодекса Российской Федерации»[4] законодатель предусмотрел шесть следственных и процессуальных действий, в ходе которых до возбуждения уголовного дела согласно положениям УПК РФ (ч. 2 ст. 176, ч. 4 ст. 178, ч. 1 ст. 179, ч. 4 ст. 195, ч. 1 ст. 202) можно изымать предметы, материалы и документы. К их числу относятся: 1) получение образцов для сравнительного исследования; 2) производство экспертизы; 3) осмотр места происшествия; 4) осмотр предметов и документов; 5) осмотр трупов; 6) освидетельствование.

Более того, в некоторых случаях искомые объекты могут быть получены и в рамках такого ОРМ, как «наведение справок», которое может быть проведено как в гласном, так равно и в негласном режиме. При проведении настоящего ОРМ при определенных обстоятельствах необходимо учитывать нормы специального законодательства, регулирующие особый порядок доступа к соответствующей охраняемой законом тайне. Так, на основании ст. 26 Закона Российской Федерации от 2 декабря 1990 г. № 391-1 «О банках и банковской деятельности»[5] и ч. 2 ст. 857 Гражданского кодекса Российской Федерации из банков в рамках проведения рассматриваемого ОРМ не могут быть получены кредитные досье юридических и физических лиц, являющихся клиентами банковских учреждений (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2005 г. № 10-О[6]; постановление Президиума Свердловского областного суда от 17 июня 2015 г. № 44-У-99/2015[7]). А в другом случае нарушение названных выше норм УПК РФ дало основание стороне защиты поставить в судебном заседании вопрос о признании полученных в рамках проведения рассматриваемого ОРМ фактических данных, зафиксированных на DVD-диске, недопустимыми доказательствами. В рассматриваемом примере это по своей сути продолжаемое ОРМ было оформлено оперативным работником одной общей единой справкой, но проводилось им в разных местах, в разное время, с участием разных должностных лиц и в двух различных органах (полиции и таможне), причем в одном случае – в гласном, а в другом случае – в негласном режиме. К справке по итогам проведения рассматриваемого ОРМ сотрудник ОРО приложил материальный носитель информации – DVD-диск. Однако из содержания справки не было ясно: являются ли содержащиеся на диске видеозаписи оригиналами или копиями; где, когда и от кого (источник) они были получены или изъяты, если это копии, то кем, когда, при помощи каких специальных технических средств они были из-

[1] Российская газета. 1998. 11 авг.

[2] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[3] Там же.

[4] Российская газета. 2013. 6 марта.

[5] Российская газета. 1996. 10 февр.

[6] URL: legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19012005-n-10-O-po/ (дата обращения: 07.07.2020).

[7] URL: sudact.ru/regular/doc/32T5nPrauyxQ/ (дата обращения: 07.07.2020).

готовлены [Попова 2020, с. 120–121]. Думается, что если бы в описанном Л. В. Поповой примере оперативный работник при проведении настоящего ОРМ составил по правилам УПК РФ протокол осмотра представленного ему предмета (DVD-диска), то у стороны защиты отсутствовали бы основания для заявления такого ходатайства.

Судебная практика высших судов России не считает нарушением УПК РФ, когда в процессе проведения доследственной проверки с целью закрепления следов преступления оперативный работник до момента возбуждения уголовного дела проводит неотложные следственные действия (кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2011 г. по делу № 53-011-67[1]; постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 22-П[2]; определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 2016 г. № 22-О[3]).

Говоря об экспертизе как о допустимо возможном процессуальном средстве получения искомых объектов, следует обратить внимание на то, что эксперт в рамках экспертного исследования путем производства опытных действий (физических, химических и иных) может получить, например, микрочастицы внедрений (включений) в виде газов или жидкостей, которыми был отравлен человек, либо микрочастицы в виде наложений (наслоений) – следы почвы на одежде, обуви или иных предметах по делам об изнасилованиях; взаимный переход микроволокон в результате контакта одежды потерпевшего с ножом подозреваемого, которым было совершено убийство, и т. п. Доказательственное значение микрочастиц реализуется посредством экспертного заключения с приложением иллюстраций в виде фототаблиц, спектрограмм и т. п. Сами же микрочастицы могут быть перенесены с предмета носителя, представленного на экспертизу, на искусственный носитель в виде пленки, губки, тампона и других объектов. Нередко такие микрочастицы, если они сохранились, можно увидеть только лишь с помощью различных технических средств (микроскопов и т. п.) [Розенталь 1993]. ОРМ «исследование предметов и документов», когда его проводят специалисты в лабораторных условиях при помощи аналогичных специальных экспертных методик, во многом идентично по своему содержанию проведению уголовно-процессуальной экспертизы. На основании этого можно сделать вывод о том, что в таких ситуациях микрочастицы как объекты, могут быть получены не только в рамках уголовно-процессуальной экспертизы, но и в рамках названного выше ОРМ, которое может проводиться как в гласном, так и в негласном режиме.

Согласно положениям УПК РФ и ФЗ «Об ОРД» изымать в рассматриваемых правоотношениях до момента возбуждения уголовного дела предметы, материалы и иные объекты путем производства выемок и обысков нельзя. Однако могут быть и исключения, о чем свидетельствует следующий пример из судебной практики. В оперативный орган полиции поступила информация о том, что А., являясь директором школы повышения квалификации механизаторов-трактористов, незаконно (за взятки) выдавала гражданам различные подложные документы. В рамках доследственной проверки оперативные работники по правилам ст. 182 и 183 УПК РФ составляли протоколы выемок названных выше незаконно выданных А. документов. После возбуждения уголовного дела А. была привлечена к уголовной ответственности и осуждена.

Суды признали, что в данном случае производство выемок до момента возбуждения уголовного дела являлось законным, поскольку: 1) при проверке сообщения о преступлениях, совершенных А., изъятие документов со следами ее противоправной деятельности производилось не у нее самой, а у очевидцев, последовательно пояснивших на предварительном следствии и в суде, что, узнав о противоправных действиях директора школы А., они добровольно выдали эти документы сотрудникам полиции; 2) подлинность полученных таким путем документов, впоследствии признанных по уголовному делу вещественными доказательствами, стороной защиты под сомнение не ставилась, а оспаривалась лишь допустимость применения в настоящем уголовном деле положений ст. 183 УПК РФ в рамках проводимой доследственной проверки до момента возбуждения уголовного дела. В конечном итоге, по мнению судебных органов, оспариваемая процессуальная процедура изъятия не может расцениваться как нарушающая конституционные права А. (апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Адыгея № 22-357/2015 от 30 июня 2015 г. по уголовному делу № 22-357/2015[4]; определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 2885-О[5]).

В связи с этим при проведении оперативными работниками ОРО выемок, а равно осмотров как следственных действий, может возникнуть и такая правовая коллизия, связанная с правоприме-

[1] URL: zakonrf.info/suddoc/7db4417a-3f48d43425b00020aa7c/ (дата обращения: 07.07.2020).

[2] Российская газета. 2015. 29 июля.

[3] URL: legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28012016-n-22-O/ (дата обращения: 07.07.2020).

[4] URL: sudact.ru/regular/doc/kyjGBPxjzcL3/ (дата обращения: 07.07.2020).

[5] URL: legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-22122015-n-2885-O/ (дата обращения: 07.07.2020).

нением ФЗ «Об ОРД», поскольку у специальных субъектов согласно ст. 52 УПК РФ предусматривается наличие правовых иммунитетов. Так, в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации допустимо проведение ОРМ без согласия компетентного органа или должностного лица, закрепленного в статусных законах, в отношении:

– членов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 февраля 2007 г. № 1-О[1]). Думается, что это разъяснение Конституционного Суда Российской Федерации распространяется и на всех других депутатов страны любого уровня законодательной власти;

– прокурорских работников (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2010 г. № 752-О-О[2]);

– адвокатов, если адвокат совершает преступление (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2012 г. № 629-О-О[3] и от 17 июля 2012 г. № 1472-О-О[4]);

– а равно некоторых других категорий специальных субъектов, например, судей.

Таким образом, имеет место правовая коллизия, которая заключается в следующем. С одной стороны, названные выше правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в отношении специальных субъектов разрешают ОРО проводить ОРМ без получения какого-либо согласия, что согласуется с другими правовыми позициями этого же суда о том, что «проведение ОРМ в установленном законом порядке в негласном режиме не нарушает права и свободы граждан» (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О и от 6 марта 2001 г. № 58-О[5]). С другой стороны, при изъятии искомого объекта то же самое ОРМ уже проводится в гласном режиме, и нормы УПК РФ требуют соблюдения правового иммунитета этих специальных субъектов. Например, при проведении осмотра и выемок у адвокатов необходимо соблюдать правовой иммунитет, закрепленный в ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ.

В судебной практике по данным правоотношениям уже имел место случай, повлекший за собой признание Московским городским судом незаконным следственного действия, санкционированного Черемушкинским районным судом г. Москвы, ввиду нарушения правового иммунитета адвокатов[6]. Более того, Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил, что в силу ст. 18 Конституции Российской Федерации в процессе правоприменения разрешение коллизий между различными правовыми актами одинаковой юридической силы должно осуществляться исходя из того, какой из этих актов предоставляет гражданам бóльший объем прав и свобод и устанавливает более широкие их гарантии (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2005 г. № 439-О[7]).

В то же время преодоление правового иммунитета специальных субъектов в рассматриваемых правоотношениях можно продемонстрировать на следующем примере: федеральный судья вымогал взятку и предложил лицу, взяткодателю, принести ему деньги (предмет взятки) в свое жилище, рассчитывая на свой правовой иммунитет, гарантированный ему ст. 16 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»[8]. Гражданин, с которого судья вымогал взятку, обратился в ОРО, который начал проводить в отношении судьи ОРМ. В момент получения предмета взятки судья в своем же жилище был фактически изобличен оперативными работникам, а после этого по горячим следам выявленного преступления следователь в соответствии с правилами ст. 176 УПК РФ немедленно провел осмотр места происшествия (жилища судьи), обнаружив и зафиксировав в протоколе факт изъятия предмета взятки.

После проведения осмотра места происшествия следователь по правилам ст. 165 УПК РФ уведомил суд о проведенном в таком порядке следственном действии. Конституционный Суд Российской Федерации, куда с жалобой обратился уличенный в получении взятки судья, в изложенной ситуации не усмотрел нарушений его правового статуса со стороны оперативных работников и следователя (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2019 г. № 2333-О[9]).

Интерес представляет и уголовное дело в отношении известных оппозиционеров по отношению к действующей власти граждан А. А. Навального и

---

[1] URL: legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-08022007-n-1-O-ov/ (дата обращения: 07.07.2020).

[2] URL: sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_8845.htm (дата обращения: 07.07.2020).

[3] URL: legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-22032012-n-629-O-O-ov (дата обращения: 07.07.2020).

[4] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[5] Там же.

[6] Материал о настоящем уголовном деле был получен на сайте Адвокатской палаты Московской области, где идентификационные реквизиты данного дела указаны не были. URL: https://apmo.ru/uid1124/?show=theme&id=15778 (дата обращения: 28.08.2018).

[7] Российская газета. 2006. 31 янв.

[8] Там же. 1992. 29 июля.

[9] URL: legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27092019-n-2333-O/ (дата обращения: 07.07.2020).

В. В. Брамма, которые на территории г. Кирова изготовляли, хранили и распространяли в разных местах печатную продукцию экстремистского содержания (листовки, газеты, баннеры и т. п.). До момента возбуждения уголовного дела сотрудники органов внутренних дел процессуально оформляли изъятие этих объектов в рамках протокола осмотра места происшествия, составленного по правилам УПК РФ.

Конституционный Суд Российской Федерации по жалобе названных выше двух лиц отметил, что «изъятие обнаруженных в ходе осмотра места происшествия следов преступления, предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, осмотр которых на месте затруднен или требует продолжительного времени, не может подменять собой процессуальные, в том числе следственные действия, для которых уголовно-процессуальным законом установлены специальная процедура и другие основания и условия проведения (обыск, выемка, наложение ареста на имущество и т. д.)» (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2014 г. № 518-О[1]).

Таким образом, можно сделать вывод, что оперативным сотрудникам ОРО в таких ситуациях не следует злоупотреблять проведением осмотров места происшествия, предметов и документов как следственным действием и своевременно передавать материалы ОРД в установленном порядке для дальнейшего уголовно-процессуального доказывания органам предварительного расследования.

При изъятии у лица объектов в гласном режиме гражданин на основании положений ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации может заявить ходатайство о том, чтобы ему обеспечили его конституционное право на защиту и попросить отложить эту процедуру на другое время до момента явки его защитника в лице адвоката. В этом случае оперативные работники должны руководствоваться следующей позицией Конституционного Суда Российской Федерации: «…требование о незамедлительном обеспечении права на юридическую помощь адвоката (защитника) не может распространяться на случаи проведения следственных действий, которые не связаны с дачей лицом своих показаний, а сами эти следственные действия подготавливаются и проводятся без предварительного уведомления лица об их проведении ввиду угрозы уничтожения (утраты) доказательств (например, обыск, выемка и др.)» (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 г. № 415-О[2] и от 28 сентября 2017 г. № 2240-О[3]). В то же время согласно другой позиции этого суда «следователь обязан допустить прибывшего на следственное действие (например, обыск или выемку) адвоката» (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2020 г. № 4-О[4]).

Список цитируемых источников

Гусев, Луговик 2019 – *Гусев В. А., Луговик В. Ф.* Теория оперативно-розыскных процедур. М. : Проспект, 2019. 336 с.

Кузнецов 2014 – *Кузнецов Е. В.* Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права : дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2014. 282 с.

Луговик 2017 – *Луговик В. Ф.* Правовые суррогаты и принуждение в оперативно-розыскной деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2(65). С. 24–31.

Михайлова 2019 – *Михайлова Л. В.* Об использовании в доказывании сведений, полученных от конфидентов при раскрытии убийств, замаскированных под безвестное исчезновение лица с морского судна // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 3(48). С. 121–128.

Попова 2020 – *Попова Л. В.* Проблемные вопросы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания // Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития. Саратов : СГЮА, 2020. С. 120–123.

Пугачёв 2007 – *Пугачёв Е. В.* О целесообразности законодательного закрепления использования изъятия в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2007. № 3(12). С. 40–41.

Розенталь 1993 – *Розенталь М. Я.* Теория и практика использования микрочастиц в расследовании тяжких преступлений против личности. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1993. 152 с.

Тамбовцев 2017 – *Тамбовцев А. И.* Коллизии норм федеральных законов, регулирующих содействие лиц правоохранительным органам // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 1(64). С. 31–36.

[1] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] URL: referent.ru/7/249833 (дата обращения: 07.07.2020).

[3] URL: http://www.ksrf.ru (дата обращения: 07.07.2020).

[4] URL: legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14012020-n-4-O-po/ (дата обращения: 07.07.2020).

References

Gusev, V. A. and Lugovik, V. F. (2019), *Teoriya operativno-rozysknykh protsedur* [The theory of operational-investigative procedures], Prospekt, Moscow, Russia.

Kuznetsov, E. V. (2014), Theoretical foundations of the formation of the field of operational search law, Ph. D. Thesis, criminalistics, forensic activity, crime detection, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.

Lugovik, V. F. (2017), "Legal surrogates, and coercion in the operational-search activity", *Nauchyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii,* no. 2(65), pp. 24–31.

Mikhailova, L. V. (2019), "About the use in proving the data received from confidants in solving murders disguised as the unknown disappearance of a person from a ship", *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii,* no. 3(48), pp. 121–128.

Popova, L. V. (2020), "Problematic issues of using the results of operational investigative activities in the process of proof", *Dokazatel'stva i dokazyvanie v ugolovnom sudoproizvodstve: istoriya, sovremennost' i perspektivy razvitiya* [Evidence and proof in criminal proceedings: history, modernity and prospects for development], CGYuA, Saratov, Russia, pp.120–123.

Pugachev, E. V. (2007), "About expediency of legislative fixing of use of an exception in operational-search activity", *Operativnik (syshchik),* no. 3(12), pp. 40–41.

Rozental', M. Ya. (1993), *Teoriya i praktika ispol'zovaniya mikrochastits v rassledovanii tyazhkikh prestuplenii protiv lichnosti* [Theory and practice of using microparticles in the investigation of serious crimes against the person], Krasnoyarskii universitet, Krasnoyarsk, Russia.

Tambovtsev, A. I. (2017), "Conflicts of norms of Federal laws regulating assistance of individuals to law enforcement agencies", *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii,* no. 1(64), pp. 31–36.

Информация об авторе

Чуркин Александр Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; tschurkinalex@mail.ru

Information about the author

Churkin Aleksandr V.,
PhD (law), associate professor, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation; tschurkinalex@mail.ru

Для цитирования

Чуркин А. В. Некоторые процессуальные аспекты оформления изъятия объектов в рамках оперативно-розыскной деятельности до возбуждения уголовного дела // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 127–133.

For citation

Churkin, A. V. (2020), "Some procedural aspects of registration of seizure of objects in the framework of operational search activities before the initiation of criminal proceedings", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 127–133.

УДК 343.721

Б. Э. Шавалеев[1]
[1] *Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Казань, Российская Федерация*

B. E. Shavaleev[1]
[1] *Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Kazan, the Russian Federation*

Основания криминализации мошенничества с использованием электронных средств платежа

Grounds for criminalizing fraud using electronic means of payment

Ключевые слова: объект преступления; мошенничество; электронные средства платежа; транзакция.

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию оснований криминализации мошенничества с использованием электронных средств платежа. На основе анализа нормативных актов, регламентирующих порядок и правила осуществления безналичных транзакций, обосновывается необходимость выделения дополнительного непосредственного объекта мошенничества с использованием электронных средств платежа.

Key words: crime object; fraud; electronic means of payment; transaction.

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of the grounds for criminalizing fraud using electronic means of payment. Based on the analysis of regulatory acts regulating the procedure and rules for cashless transactions, the necessity of highlighting an additional direct object of fraud using electronic means of payment is substantiated.

Пандемия коронавирусной инфекции, объявленная Всемирной организацией здравоохранения 11 марта 2020 г.[1], повлекла за собой увеличение количества операций с использованием электронных средств платежа, и, по мнению специалистов, эта тенденция будет усиливаться в обозримом будущем[2].

По прогнозам Банка России (далее: БР), доля безналичных транзакций в 2020 г. увеличится до 70 %. При этом объемы операций по банковским картам в числовом выражении рекордно выросли уже в 2019 г. на 27 % – до 24,8 трлн руб. за счет развития системы быстрых платежей. В регуляторе подчеркнули, что показатели безналичных платежей увеличиваются в связи с повышением доверия граждан и развитием платежных технологий в целом[3].

Количество и объем операций по банковским картам стабильно увеличивались с 2008 г., как следует из данных БР, и, согласно сообщению специалистов Института «Центр развития» НИУ ВШЭ, к 2035 г. может достигнуть 96 % от общего объема транзакций[4].

Увеличение количества хищений с использованием электронных средств платежа побудило законодателя к совершенствованию мер уголовно-правовой охраны общественных отношений в данной сфере, в результате чего Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[5] в Уголовный кодекс Российской Федерации[6] (далее: УК РФ) были включены специальные составы мошенничества в зависимости от сферы экономической деятельности.

Развитие сферы безналичных расчетов в Российской Федерации стало условием совершенствования противоправной деятельности, что обусловливает рост числа мошеннических посягательств с использованием электронных средств платежа. Так, за 5 мес. 2020 г. преступлений, квалифицируемых по ст. 159.3 УК РФ, стало больше на 103,6 %[7].

Однако в юридической литературе высказывалась точка зрения о необоснованности интеграции специальных составов мошенничества в целом и мошенничества с использованием электронных средств платежа, в частности. Основой для выделения специальных составов мошенничества являются признаки отдельных сфер экономической деятельности, специфические способы

[1] ВОЗ объявила пандемию коронавирусной инфекции. URL: https://ria.ru/20200311/1568462236.html (дата обращения: 26.06.2020).

[2] *Полканов В.* Пандемия ускоряет переход россиян на безнал. URL: https://www.ng.ru/economics/2020-0401/100_200401cart.html (дата обращения: 26.06.2020).

[3] *Ильина Н.* Безналичное дело: ЦБ ожидает рост операций по картам до 70 % в 2020-м. URL: https://iz.ru/994748/natalia-ilina/beznalichnoe-delo-tcb-ozhidaet-rost-operatcii-po-kartam-do-70-v-2020-m (дата обращения: 26.06.2020).

© Шавалеев Б. Э., 2020

[4] Россия почти полностью перейдет на безнал к 2035 году. URL: https://360tv.ru/news/dengi/rossija-pochti-polnostju-perejdet-na-beznal-k-2035-godu/ (дата обращения: 26.06.2020).

[5] Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 49, ст. 6752.

[6] Российская газета. 1996. 18–20, 25 июня.

[7] Сведения взяты из отчетов, основанных на данных автоматизированного информационно-справочного программного комплекса МВД России.

совершения преступления, а также особые предметы посягательства [Лопашенко 2015, с. 507].

Критика состава преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ, сводилась к невозможности выделения специальной сферы общественных отношений, на охрану которых направлена введенная статья, что ставило под сомнение необходимость существования специальной нормы [Мусьял 2018, с. 30].

В этой связи требуется всесторонний анализ объекта преступного посягательства, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ, в целях определения основ криминализации деяния и перспектив развития актуального уголовного законодательства, чему и посвящена настоящая статья.

Точное установление объекта посягательства позволяет определить социальную и юридическую сущность преступления, его общественно опасные последствия, верно квалифицировать деяние и отграничить его от смежных деяний.

В современной доктрине уголовного права России понимание объекта преступления находится в постоянном развитии, о чем свидетельствуют многочисленные исследования последних лет [Винокуров 2014; Гельдибаев 2016; Гладких, Курчеев 2015; Дрожжина 2015; Зетелепин 2003; Иванчин 2014; Карпов 2015; Плотников 2016; Попов, Аистова 2014; Попов, Зимирева, Федышина 2015; Хлус 2018].

Н. С. Таганцев в свое время отмечал: «Жизнь общественная в ее индивидуальных и общественных проявлениях творит интересы и вызывает их правовую охрану, в силу чего эти интересы получают особое значение в юридических благах… При этом, обращая интересы к жизни в правовое благо, право не только признает бытие этого интереса: не только дает ему охрану и защиту, но видоизменяет его в объеме, форме, иногда даже в содержании, сглаживая его частный, индивидуальный характер и придавая ему социальное, общественное значение. Таким образом, посягательство на норму права в ее реальном бытии есть посягательство на правоохраняемый интерес жизни, на правовое благо» [Таганцев 1994, с. 33].

Согласно определению Ф. Р. Сундурова и И. А. Тарханова, объект преступления представляет собой совокупность охраняемых уголовным законом социальных благ (интересы, общественные отношения), на причинение вреда которым направлено преступное посягательство и которым причиняется ущерб [Сундуров, Тарханов 2016, с. 219]. Перечень этих благ определяется законодателем в ч. 1 ст. 2 УК РФ и конкретизируется в наименованиях разделов и глав Особенной части УК РФ.

В рамках настоящего исследования мы придерживаемся распространенного подхода в науке уголовного права, согласно которому объектом преступления являются охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым преступлением причиняется вред или создается непосредственная угроза причинения вреда [Иногамова-Хегай, Рарог, Чучаев 2004, с. 129].

Объекты преступлений принято классифицировать «по вертикали» на общий объект, родовой, видовой и непосредственный, а также «по горизонтали» на основной, дополнительный и факультативный [Фролов 2004, с. 136].

Примечательно, что вся группа составов мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ) имеет тождественные общий, родовой, видовой и непосредственный объекты посягательства, которые были достаточно подробно изучены и описаны в юридической литературе, при этом они характеризуются как двухобъектные преступления.

Непосредственным объектом исследуемого деяния являются общественные отношения, обеспечивающие реализацию прав собственности физических и юридических лиц в зависимости от того, физическому или юридическому лицу принадлежат электронные средства платежа. В связи с этим важное значение приобретает необходимость определения видов операций с электронными средствами платежа, поскольку их совокупность составляет сущность охраняемых законом общественных отношений.

Порядок осуществления расчетов с использованием электронных средств платежа регламентирован Гражданским кодексом Российской Федерации[1], Федеральным законом от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»[2], а также актами БР. Виды операций, которые могут совершать клиенты кредитных организаций с использованием электронных средств платежа, установлены гл. 2 Положения БР от 24 декабря 2004 г. № 266-П «Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием»[3].

Исходя из наличия установленных правил осуществления расчетов с использованием электронных средств платежа, считаем необходимым выделение дополнительного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ.

В доктрине уголовного права под дополнительным объектом преступления понимаются те общественные отношения, посягательство на которые не составляет сущности данного преступления, но которые этим преступлением всегда нарушаются вместе с основным объектом. Необходимость выделения дополнительного объекта, как правило, обусловлена спецификой способа преступного посягательства на основной объект, т. е. вред основному объекту преступления причиняется посредством посягательства на дополнительный.

[1] Российская газета. 1994. 8 дек.

[2] Там же. 2011. 30 июня.

[3] Вестник Банка России. 2005. № 17.

По нашему мнению, структура состава преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ, а также анализ нормативных актов в сфере осуществления безналичных расчетов позволяют выделить дополнительный непосредственный объект посягательства, под которым следует понимать общественные отношения в сфере осуществления расчетов с использованием электронных средств платежа.

Исходя из этого, считаем, что криминализация исследуемого деяния явилась инструментом дифференциации уголовной ответственности, а также формой реализации уголовно-правовой политики, посредством которой законодатель обеспечил усиление мер реагирования на современные вызовы с точки зрения роста значимости сферы общественных отношений, складывающихся в связи с использованием электронных средств платежа.

Анализ статистики расчетов с использованием электронных средств платежа свидетельствует о повышенной значимости данной сферы общественных отношений, что требует необходимости совершенствования мер их уголовно-правовой охраны.

Кроме того, ч. 3 ст. 159.3 УК РФ выделяет специальный субъект преступления: это лицо, которое использует свое служебное положение, а именно, свои административно-хозяйственные и управленческие полномочия в противоправных целях.

В соответствии с п. 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»[1] под лицами, использующими свое служебное положение при совершении мошенничества, присвоения или растраты, следует понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными п.1 примечаний к ст. 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным п. 1 примечаний к ст. 201 УК РФ.

Мы поддерживаем точку зрения, согласно которой преступления, совершаемые с использованием служебного положения, посягают на дополнительный объект, а именно, на общественные отношения, обеспечивающие интересы службы в коммерческих и иных организациях, что обусловливает придание признакам использования служебного положения отягощающего уголовную ответственность и наказание характера [Любимов 2010, с. 28], что позволяет сделать вывод об их повышенной общественной опасности.

Таким образом, проведенное исследование позволило нам сделать следующие выводы.

1. Социально-экономическая обусловленность криминализации мошенничеств с использованием электронных средств платежа свидетельствует об актуальном значении обеспечения безопасности осуществления безналичных расчетов для национальных интересов Российской Федерации в связи с тенденцией увеличения объемов безналичных операций в общей совокупности расчетов, а также необходимостью обеспечения безопасности национальной платежной системы.

2. Мошенничество с использованием электронных средств платежа является двухобъектным преступлением, где непосредственным объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие реализацию прав собственности физических и юридических лиц, а дополнительным объектом выступают общественные отношения в сфере осуществления расчетов с использованием электронных средств платежа, что следует из анализа нормативных актов, регламентирующих порядок и правила осуществления безналичных транзакций.

3. Определение специального субъекта преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159.3 УК РФ, позволяет выделить дополнительный объект преступного посягательства, а именно, общественные отношения, обеспечивающие интересы государственной службы, службы в органах самоуправления, в коммерческих и иных организациях.

Список цитируемых источников

Винокуров 2014 – *Винокуров В. Н.* Аксиологический и функциональный подходы к определению объекта преступления // Современное право. 2014. № 8. С. 100–107.

Гельдибаев (2016) – *Гельдибаев М. Х.* Уголовное право (Общая часть). СПб. : Университет ИТМО, 2016. 157 с.

Гладких, Курчеев 2015 – *Гладких В. И., Курчеев В. С.* Уголовное право России. Общая и Особенная части. Новосибирск : НГУ, 2015. 634 с.

Дрожжина 2015 – *Дрожжина Е. А.* Объект преступления и его влияние на квалификацию преступлений // Уголовное право. 2015. № 3. С. 30–36.

Зателепин 2003 – *Зателепин О. К.* К вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве // Уголовное право. 2003. № 1. С. 30–33.

Иванчин 2014 – *Иванчин А. В.* Конструирование состава преступления: теория и практика. М. : Проспект, 2014. 352 с.

Иногамова-Хегай, Рарог, Чучаев 2004 – Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М. : Контракт : Инфра-М, 2004. 171 с.

[1] Российская газета. 2017. 11 дек.

Карпов 2015 – *Карпов А. В.* О проблеме определения понятия «объект преступления» в уголовном праве России // Государство и право. 2015. № 2(14). С. 83–88.

Лопашенко 2015 – *Лопашенко Н. А.* Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Всероссийский криминологический журнал. 2015. Т. 9, № 3. С. 506–513.

Любимов 2010 – *Любимов А. А.* Преступления против собственности, совершенные с использованием служебного положения: вопросы законотворчества и правоприменения // Общество и право. 2010. № 1(28). С. 27–29.

Мусьял 2018 – *Мусьял И. А.* Дифференцированные виды мошенничества: теоретические и практические проблемы : дис. … канд. юрид. наук. Курск, 2018. 260 с.

Плотников 2016 – Уголовное право России. Общая часть / отв. ред. А. И. Плотников. Оренбург : Университет, 2016. 442 с.

Попов, Аистова 2014 – *Попов А. И., Аистова Л. С.* Объект преступления. СПб. : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2014. 40 с.

Попов, Зимирева, Федышина 2015 – *Попов А. Н., Зимирева Л. А., Федышина П. В.* Объективная сторона состава преступления. СПб. : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2015. 64 с.

Сундуров, Тарханов 2016 – Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф. Р. Сундурова, И. А. Тарханова. М. : Статут, 2016. 864 с.

Таганцев 1994 – *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1994. 823 с.

Фролов 2004 – *Фролов Е. А.* Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник ученых трудов. Вып. 10. Свердловск : СЮИ, 1969. С. 184–225.

Хлус 2018 – *Хлус А. М.* Объект и предмет преступного посягательства в уголовном праве и криминалистике: понятие и соотношение // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 2(26). С. 123–132.

References

Drozhzhina, E. A. (2015), “Object of crime and its impact on the qualification of crimes”, *Ugolovnoe pravo,* no. 3, pp. 30–36.

Frolov, E. A. (1969), “Controversial issues of the general doctrine of the object of crime”, *Spornye voprosy obshchego ucheniya ob ob”ekte prestupleniya, vyp. 10* [Controversial issues of the General doctrine of the object of crime, issue 10], SYuI, Sverdlovsk, USSR, pp. 184–225.

Gel’dibaev, M. Kh. (2016), *Ugolovnoe pravo (Obshchaya chast’)* [Criminal law (General part)], Universitet ITMO, St. Petersburg, Russia.

Gladkikh, V. I. and Kurcheev, V. S. (2015), *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasti* [The criminal law of Russia. General and Special parts], NGU, Novosibirsk, Russia.

Inogamova-Khegai, L. V., Rarog, A. I. and Chuchaev, A. I. (ed.) (2004), *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast’* [Criminal law of the Russian Federation. General part], Kontrakt, Infra-M, Moscow, Russia.

Ivanchin, A. V. (2014), *Konstruirovanie sostava prestupleniya: teoriya i praktika* [Construction of the corpus delicti: theory and practice], Prospekt, Moscow, Russia.

Karpov, A. V. (2015), “About the problem of defining the concept of “object of crime” in the criminal law of Russia”, *Gosudarstvo i pravo,* no. 2(14), pp. 83–88.

Khlus, A. M. (2018), “The object and subject of criminal assault in criminal law and criminalistics: concept and ratio”, *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii,* no. 2(26), pp. 123–132.

Lopashenko, N. A. (2015), “Legislative reform of fraud: forced questions and forced answers”, *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal,* vol. 9, no. 3, pp. 506–513.

Lyubimov, A. A. (2010), “Crimes against property committed with the use of official position: issues of lawmaking and law enforcement”, *Obshchestvo i pravo,* no. 1(28), pp. 27–29.

Mus’yal, I. A. (2008), Differentiated types of fraud: theoretical and practical problems, Ph. D. Thesis, criminal law, criminology, penal law, Southwestern State University, Kursk, Russia.

Plotnikov, A. I. (ed.) (2016), *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast’* [The criminal law of Russia. General part], Universitet, Orenburg, Russia.

Popov, A. N. and Aistova, L. S. (2014), *Ob”ekt prestupleniya* [Object of crime], Sankt-Peterburgskii yuridicheskii institut (filial) Akademii General’noi Prokuratury Rossiiskoi Federatsii, St. Petersburg, Russia.

Popov, A. N., Zimireva, L. A. and Fedyshina, P. V. (2015), *Ob”ektivnaya storona sostava prestupleniya* [The objective side of the crime], Sankt-Peterburgskii yuridicheskii institut (filial) Akademii General’noi Prokuratury Rossiiskoi Federatsii, St. Petersburg, Russia.

Sundurov, I. A. and Tarkhanov, A. I. (ed.) (2016), *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast’* [The criminal law of Russia. General part], Statut, Moscow, Russia.

Tagantsev, N. S. (1994), *Russkoe ugolovnoe pravo. Chast’ Obshchaya, v 2 t., t. 1* [Russian criminal law. Part General, in 2 vol., vol. 1], Nauka, Moscow, Russia.

Vinokurov, V. N. (2014), "Axiological and functional approaches to determining the object of crime", *Sovremennoe pravo,* no. 8, pp. 100–107.

Zatelepin, O. K. (2003), "To the question of the concept of the object of crime in criminal law", *Ugolovnoe pravo,* no. 1, pp. 30–33.

Информация об авторе

Шавалеев Булат Эдуардович,
Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Казань, Российская Федерация; shavaleev.bulat@gmail.com

Information about the author

Shavaleev Bulat E.,
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Kazan, the Russian Federation; shavaleev.bulat@gmail.com

Для цитирования

Шавалеев Б. Э. Основания криминализации мошенничества с использованием электронных средств платежа // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 134–138.

For citation

Shavaleev, B. E. (2020), "Grounds for criminalizing fraud using electronic means of payment", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 134–138.

УДК 347.9

К. А. Шумова[1]
[1] *Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*

K. A. Shumova[1]
[1] *Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, the Russian Federation*

Гарантия безопасности реализации некоторых принципов гражданского судопроизводства при использовании систем видеоконференц-связи

Guarantee of security of implementation of certain principles of civil proceedings when using videoconferencing systems

Ключевые слова: гражданский процесс; принципы судопроизводства; доступность правосудия; видеоконференц-связь.

Аннотация. Статья посвящена анализу вопросов, связанных с реализацией некоторых принципов гражданского судопроизводства при проведении судебного разбирательства с применением систем видеоконференц-связи. Основное внимание автор уделяет вопросу защиты таких фундаментальных принципов осуществления правосудия по гражданским делам, как открытость и доступность судебного разбирательства в случае применения технологий видеоконференц-связи.

Key words: civil procedure; principles of legal proceedings; accessibility of justice; videoconferencing.

Abstract. The article is devoted to the analysis of issues related to the implementation of certain principles of civil legal proceedings in court proceedings using videoconferencing systems. To a greater extent, the author drew attention to the issue of protection of such fundamental principles of administration of justice in civil cases as the openness and accessibility of judicial proceedings in case of the use of videoconferencing technologies.

Возможность личного участия стороны в гражданском процессе является не просто одной из базовых процессуальных гарантий, предусмотренных для участников процесса, но и системообразующим компонентом (принципом) при реализации целей и задач гражданского судопроизводства.

«Входными» принципами гражданского процесса, с которыми потенциальная сторона начинает взаимодействовать при обращении в суд для защиты своих прав и интересов, являются принципы: равенства всех перед законом и судом (ст. 6 ГПК РФ), непосредственности и устности судебного разбирательства (ст. 157 ГПК РФ), гласности рассмотрения дела (ст. 10 ГПК РФ). Именно эти и другие фундаментальные начала десятилетиями поддерживали авторитетность, с одной стороны, и универсальность, с другой, процедуры разрешения гражданско-правового конфликта в судах общей юрисдикции.

Сегодня в связи с глобальными катаклизмами экологического, экономического характера судебная среда не смогла сдержать волну правового реформирования, одной из составляющих которой является полноценное, всеобщее внедрение в органы, осуществляющие правосудие, форм дистанционного взаимодействия – систем видеоконференц-связи.

Так, постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 18 марта 2020 г. № 808 «Об ограничительных мерах в судах в связи с угрозой распространения на территории РФ коронавирусной инфекции (2019-nCov)» судами был ограничен прием граждан в судах, гражданам рекомендовано подавать документы только через электронные интернет-приемные судов или по почте России, а также всем судам при наличии технической возможности было указано инициировать рассмотрение дел путем использования систем видеоконференц-связи[1].

Согласно приказу Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 октября 2019 г. № 246 «О внесении изменений в Инструкцию по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов, утвержденную приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. № 161» под видеоконференц-связью (далее: ВКС) понимается способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами[2].

В то же время считаем необходимым обратиться к позиции С. В. Васильковой, которая определяет использование ВКС как внедрение в судебную деятельность бездокументарных механизмов

© Шумова К. А., 2020

[2] URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/28815/ (дата обращения: 20.06.2020).

[3] URL: base.garant.ru/72978900/ (дата обращения: 20.06.2020).

взаимодействия суда и иных субъектов, позволяющих организовать такое взаимодействие без непосредственного контакта, в удаленном доступе граждан с использованием личных средств связи [Василькова 2018, с. 11].

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод о том, что электронное судопроизводство, характеризующееся в первую очередь внедрением систем ВКС, является сегодня знаковым механизмом, обеспечивающим доступность и гласность судебной системы для потенциальных участников судебного разбирательства.

Однако говоря о реализации принципов гражданского судопроизводства, мы должны помнить о возможности ограничений и нарушений этих принципов. Так, в обычных условиях проведение судебного разбирательства должно опираться на принципы гласности и открытости. Одни ученые выступают за безукоризненное соблюдение гласности судебного разбирательства в гражданском судопроизводстве, другие отмечают, что обеспечение данного принципа может подвергнуть опасности лиц, находящихся в суде. На наш взгляд, истина находится посередине.

В первую очередь это выражается в том, что свободный доступ для граждан, не являющихся лицами, участвующими в деле, должен обеспечиваться не ко всем возможным залам и иным местам суда, а только к тем, в которых непосредственно в определенное время запланировано рассмотрение гражданского дела. При этом должен иметь место свободный доступ к той категории дел, которая в соответствии с отечественным законодательством рассматривается в открытом судебном заседании. А для того чтобы попасть на открытое судебное заседание, соблюдая при этом меры, обеспечивающие безопасность как применительно к отдельно взятому судебному разбирательству, так и к деятельности всего суда в целом, необходимо ввести следующую систему: на официальном сайте каждого суда нужно создать раздел, в котором граждане, представители средств массовой информации и т. д. могли бы записаться на интересующее их судебное заседание путем подачи заявки, в которой будут внесены соответствующие данные (дата и время судебного разбирательства, паспортные данные, а также иные данные, имеющие значение). Уполномоченными лицами такие данные должны быть обработаны, а соответствующему лицу должен быть выслан ответ о возможности или невозможности посещения судебного заседания (причем при невозможности посещения судебного заседания в обязательном порядке должны быть приведены обоснование и аргументация). При выполнении данного алгоритма такому лицу должен присваиваться временный индивидуальный номер, который необходимо предъявлять при входе в суд вместе с документами, удостоверяющими личность. С каждым последующим посещением судебного заседания данную последовательность следует повторять. Считаем, что именно при соблюдении вышеперечисленных требований и процедур возможно в равной степени реализовать принципы открытости и гласности судебного разбирательства с учетом обеспечения безопасности деятельности суда, без умаления какого-либо положения [Шумова, Находнова 2018].

Безусловно, описанные выше факты имеют место лишь при очном проведении судебного разбирательства, поскольку в проведении ВКС и участии в ней заинтересованы непосредственно лица, участвующие в гражданском деле.

Изменения гражданского процессуального закона декларируют, что при наличии в судах технической возможности осуществления ВКС лица, участвующие в деле, их представители, а также свидетели, эксперты, специалисты, переводчики могут участвовать в судебном заседании путем использования систем ВКС при условии заявления ими ходатайства об этом или по инициативе суда (ст. 155.1 ГПК РФ). Однако нередко на практике возникают трудности у участников спора, касающиеся удовлетворения подобного рода ходатайств. В настоящий момент на законодательном уровне буквально не закреплена процедура обжалования определения суда об отказе в удовлетворении ходатайств об участии в судебном заседании с использованием ВКС, поскольку возможность подобного обжалования прямо не предусмотрена законом. Соответственно, сегодня порядок обжалования определения суда по данному факту возможен по общим правилам ст. 331 ГПК РФ. В связи с данным фактом было бы логично закрепить права лиц, участвующих в деле, обжаловать определение суда об отказе в проведении судебного заседания посредством ВКС, о проведении судебного заседания посредством ВКС, а также об отсутствии возможности лиц, содействующих осуществлению правосудия, отказываться или подавать жалобы на участие в гражданском судопроизводстве посредством ВКС.

Дискуссионным также является вопрос, затрагивающий обеспечение реализации и защиты принципа гласности в судебном заседании при использовании систем ВКС в случае необходимости видеозаписи процесса его участниками (сторонами). Статья 10 ГПК РФ поясняет, что лица, участвующие в деле, и граждане, присутствующие в открытом судебном заседании, имеют право в письменной форме, а также с помощью средств аудиозаписи фиксировать ход судебного разбирательства. Кино- и фотосъемка, видеозапись, трансляция судебного

заседания по радио, телевидению и в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» допускаются с разрешения суда. В той ситуации, когда ведется судебный процесс с использованием ВКС, следует говорить о возможном пренебрежительном отношении к разрешению суда о фиксации судебного процесса на различные источники связи и дальнейшем использовании материалов в ненадлежащих целях даже при наличии подписи лиц о разъяснении им судом, рассматривающим дело, прав и обязанностей и предупреждении об ответственности за их нарушение.

Подводя итог сказанному выше, можно заключить, что узаконенное право проведения судебных заседаний с использованием ВКС предусматривается всеми процессуальными законами Российской Федерации и, безусловно, является средством обеспечения доступности правосудия. При этом безопасность реализации принципов гражданского судопроизводства при использовании систем ВКС может быть оценена только при анализе количества обжалуемых решений апелляционными и кассационными инстанциями.

Список цитируемых источников

Василькова 2018 – *Василькова С. В.* Электронное правосудие в цивилистическом процессе : дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2018. 251 с.

Шумова, Находнова 2018 – *Шумова К. А., Находнова А. Д.* Проблемы обеспечения принципа гласности и открытости в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 8. С. 8–12.

References

Shumova, K. A. and Nakhodnova, S. V. (2018), “Problems of ensuring the principle of transparency and openness in the civil process”, *Arbitrazhyi i grazhdanskii protsess,* no. 8, pp. 8–12.

Vasil’kova, S. V. (2018), Electronic justice in the civil process, Ph. D. Thesis, civil procedure, arbitration procedure, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Шумова Кристина Александровна,
кандидат юридических наук, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; kristinashumov@yandex.ru

Information about the author

Shumova Kristina A.,
PhD (law), Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, the Russian Federation; kristinashumov@yandex.ru

Для цитирования

Шумова К. А. Гарантия безопасности реализации некоторых принципов гражданского судопроизводства при использовании систем видеоконференц-связи // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 139–141.

For citation

Shumova, K. A. (2020), “Guarantee of security of implementation of certain principles of civil proceedings when using videoconferencing systems”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 139–141.

УДК 347:004

К. А. Шумова[1]
К. А. Лазарева[1,2]
[1] *Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*
[2] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

K. A. Shumova[1]
K. A. Lazareva[1,2]
[1] *Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, the Russian Federation*
[2] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation*

Цифровизации гражданского судопроизводства: зарубежный опыт и перспективы развития в России

Digitalization of civil proceedings: foreign experience and development prospects in Russia

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровые технологии; цифровая модель правосудия; гражданское судопроизводство.

Аннотация. В статье рассматривается возможность цифровой трансформации гражданского судопроизводства. Особое внимание уделено проблемам традиционной системы правосудия. Проведена оценка внедренных отечественных технологий и разработок в деятельность арбитражных судов, приведены примеры из опыта зарубежных стран. Выявлены потенциальные проблемы при переходе к цифровой модели правосудия. Разработаны необходимые стратегические преобразования как основа для реализации цифрового гражданского судопроизводства; определены перспективы цифровизации гражданского судопроизводства.

Key words: digital economy; digital technology; digital justice model; civil proceedings.

Abstract. The article examines the possibility of digital transformation of civil proceedings. Particular attention is paid to the problems of the traditional justice system. The implementation of domestic technologies and developments in the activities of arbitration courts has been evaluated. Examples of foreign experience are given. Possible problems with the transition to digital justice models have been revealed. The necessary strategic transformations as the base to implement civil proceedings have been developed. In conclusion, the prospects for digitalization of civil proceedings are determined.

Новые технологии, растущие объемы данных и цифровые способы получения информации концептуально меняют способ взаимодействия граждан и органов государственной власти, в том числе судов. Быстрые технологические достижения, такие как: Big data (большие данные), Internet of things (интернет вещей), Blockchain (блокчейн), Cloud computin (облачные вычисления), Artifcial Intelligence (искусственный интеллект) и 5G (пятое поколение мобильной связи), – могут преобразовать, а также повысить качество общественных услуг. Например, Artifcial Intelligence (искусственный интеллект) позволяет персонализировать интеллектуальные сервисы или улучшить аналитику данных, в то время как технологии Blockchain (блокчейн) делают возможным управление доказательствами.

Нехватка ресурсов, изменение демографической ситуации, а в некоторых случаях старение рабочей силы усиливают потребность в быстрых инновациях. В то же время растущие ожидания молодого поколения в отношении использования цифровых технологий в личной жизни и трудовой деятельности, а также при доступе к государственным и судебным органам требуют применения цифровых технологий для удовлетворения данных потребностей.

По мнению профессора Ричарда Сусскинда, советника по информационным технологиям главного судьи лорда Великобритании, можно выделить несколько веских причин, по которым суды должны изучать новые цифровые возможности:

1. Процедуры для участников судебного процесса стоят очень дорого.

2. Традиционный судебный процесс занимает слишком много времени.

3. Традиционная судебная система отстает от информационного развития общества[1].

Несколько другой позиции придерживаются бизнес-аналитик Synerdocs Т. Жигалова и старший преподаватель Института права Удмуртского государственного университета П. Лушников, которые выделяют шесть причин, почему судам необходимо изучать новые цифровые возможности:

© Шумова К. А., Лазарева К. А., 2020

[1] Online courts and the future of justice 2019 (Онлайновые суды и будущее правосудия). URL: http://www.susskind.com/ (дата обращения: 04.06.2020).

1. Увеличивается объем электронной коммерции, расширяются межрегиональные и международные поставки российских товаров, работ и услуг.

2. Требуется быстрая и качественная защита имущественных и неимущественных прав лиц.

3. Участники конкретного правоотношения часто находятся в разных юрисдикциях и/или на значительном расстоянии друг от друга.

4. Регулярно возникает необходимость проверки контрагентов (в том числе получение информации об их активности в судах и судебных притязаниях к ним).

5. Возможность идентификации человека и организации с помощью электронной подписи.

6. Представление документов в электронном виде[1].

Председатель совета судей В. В. Момотов на пленарном заседании VI Московского юридического форума (МГЮА (У), 4 апреля 2019 г.) в своем докладе «Судебная власть в условиях современных цифровых технологий» выделил несколько проблем, для решения которых суды должны изучать новые цифровые возможности:

1. Зависимость правосудия от качества и добросовестности работы почтовых служб.

2. Способ информирования участников судебного процесса неэффективен и неудобен для граждан.

3. Присутствие человеческого фактора в технических процедурах, что говорит о возможности допущения ошибок и неточностей, и др.[2]

По нашему же мнению, существенной проблемой в традиционной системе правосудия является бумажный документооборот. Так, только за 2019 г. судами общей юрисдикции было рассмотрено 19,6 млн гражданских дел[3], что говорит о колоссальных объемах документооборота.

Кроме того, одна из проблем бумажных документов заключается в возникновении трудностей при осуществлении отсылки на то или иное доказательство в деле. Трудности также возникают при получении необходимых документов сторонами судебного процесса. В качестве примера решения данной проблемы можно отметить опыт высших уголовных судов Англии и Уэльса, которые в 2016 г. полностью перешли на оцифрованные файлы доказательств. В то же время гражданские суды в Англии и Уэльсе еще не сделали данного шага, однако в настоящее время проводятся правительственные консультации по фундаментальному переосмыслению процессов гражданского правосудия.

Другой пример: федеральный суд в Австралии был первой судебной инстанцией, которая внедрила электронные судебные материалы, и сейчас считается мировым лидером в управлении цифровыми судебными документами. Суды Австралии постепенно переходят к загрузке всех административных записей в разработанные и адаптированные базы данных.

В рамках исполнения государственной программы «Цифровая экономика»[4] Правительство Российской Федерации внедряет электронные технологии в сфере судопроизводства, нотариата и альтернативных механизмов разрешения споров. Ключевыми целями внедрения цифровых технологий являются преобразование и упрощение предоставления услуг, сокращение времени ожидания судебного процесса, расширение доступа к правосудию и создание эффективной и устойчивой системы правосудия.

Однако успешное проведение цифровой трансформации судебной системы зависит, с одной стороны, от финансирования и доступных ресурсов в постоянно развивающейся фискальной среде, а с другой – от восприятия новых цифровых возможностей в рамках осуществления правосудия юристами, гражданами, а также работниками аппарата суда, которые глубоко укоренились в деталях традиционных судебных процессов.

Особое внимание следует уделить направлению «Кадры для цифровой экономики»[5]. Реализация данного проекта минимальна, и это несмотря на то, что он занимает главенствующее место в национальном проекте. При разработке программы данное направление было отмечено вторым по важности для внедрения цифровой экономики, так как новые экономические и технологические условия требуют создания и реализации подходов по содействию гражданам в освоении ключевых компетенций цифровой экономики, обеспечении массовой цифровой грамотности и персонализации образования.

Следовательно, возникает потребность в квалифицированных кадрах, в том числе необходимость переподготовки кадров и повышения их

---

[1] В погоне за цифровым правосудием. Опыт России и мира 2020 г. URL: https://www.klerk.ru/blogs/directum/496336/ (дата обращения: 04.06.2020).

[2] Обзор публикаций российских СМИ о судебной системе Российской Федерации 2019 г. URL: http://files.sudrf.ru/848/user/Obzor_SMI_na_05.04.2019 _goda. pdf (дата обращения: 04.06.2020).

[3] Итоги деятельности судебной системы в 2019 году. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/28750/ (дата обращения: 04.06.2020).

[4] Паспорт национального проекта «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”» : [утв. президиумом Совета при Президенте Рос. Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (дата обращения: 04.06.2020).

[5] Паспорт федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» : [утв. президиумом Правительств. комис. по цифровому развитию, использованию информ. технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимат. деятельности, протокол от 28 мая 2019 г. № 9]. URL: digital.gov.ru/activity/directions/866/ (дата обращения: 04.06.2020).

квалификации в условиях цифровой трансформации судебной системы.

Повышение квалификации – как правило, не краткосрочный процесс. В условиях явной перегрузки судебной системы затраты времени на повышение квалификации могут негативно сказаться не только на эффективности профессиональной деятельности судей, но и судебной системе в целом. В то же время переподготовка кадров и повышение их квалификации в условиях цифровой трансформации судебной системы затронет не только судей, работников аппарата суда, но и адвокатов, и др. [Кондрашов и др. 2017].

Кроме того, проблема переподготовки кадров и повышения их квалификации в условиях цифровой трансформации судебной системы заключается в отсутствии соответствующих образовательных организаций, чьи образовательные услуги (например, курсы) были бы направлены на ознакомление с практикой и принципами, лежащими в основе цифровой судебной системы. Например, в Индии существует только один учебный центр, работающий для поддержки профессионалов, желающих узнать о практике и принципах, лежащих в основе предоставления услуг в рамках электронного правосудия.

Наиболее важным представляется тот факт, что новые подходы к традиционным процессам дают толчок к более фундаментальным трансформациям способов отправления правосудия [Ельчанинова 2017]. Системы разрешения споров в режиме реального времени (онлайн), разработанные такими техническими компаниями, как eBay и Nominet, вдохновили некоторые страны не просто заменять бумажные документы электронными, но заменять традиционный зал судебных заседаний цифровым [Закиров 2018].

Например, в 2017 г. провинция Британская Колумбия на западе Канады запустила первый в истории гражданский онлайн-трибунал с целью разрешения небольших имущественных и земельных споров. В данном случае преимущество заключается в том, что когда сумма иска составляет менее 25 000 долл. США, заявитель может избежать дорогостоящей поездки в Верховный суд, где судебные издержки могут оказаться выше спорных сумм.

Сегодня в условиях неблагополучной эпидемиологической обстановки в России тестируются отечественные технологии и разработки, которые способны в ближайшем будущем сделать видеопроцессы проще и доступнее для всех участников спора.

18 марта 2020 г. было вынесено постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации № 808 «Об ограничительных мерах в судах в связи с угрозой распространения на территории РФ коронавирусной инфекции (2019 – nCov)»[1], которое содержит рекомендации по проведению судебных заседаний с использованием системы видеоконференц-связи (далее: ВКС) и (или) системы веб-конференции с учетом опыта Верховного Суда Российской Федерации. Данное постановление утратило силу в связи с принятием 29 апреля 2020 г. новой редакции постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации № 822[2], в котором также отражены данные рекомендации.

Суд по интеллектуальным правам опубликовал информацию «О проведении судебных онлайн-заседаний в Суде по интеллектуальным правам». В рамках данной информации разъяснены особенности проведения в Суде по интеллектуальным правам судебных онлайн-заседаний с использованием информационной системы «Картотека арбитражных дел»[3].

Необходимо подчеркнуть, что внедрение цифровых инноваций позволило участникам судебного процесса, авторизовавшись на сайте суда с помощью портала «Госуслуги», участвовать в судебном процессе в режиме реального времени. Однако данные нововведения применяются только в арбитражных судах.

Первое онлайн-заседание с использованием личных устройств доступа к ВКС прошло 28 апреля 2020 г. в Арбитражном суде Ямало-Ненецкого автономного округа. Суд рассмотрел дело № А81-172/2020 о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности[4]. По итогам рассмотрения дела суд удовлетворил требования управления Федеральной службы государственной регистрации кадастра и картографии по Ямало-Немецкому автономному округу и оштрафовал арбитражного управляющего на 25 000 руб. по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ.

По мнению судьи Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа М. Беспалова для судебных заседаний с использованием ВКС не требуются специальные технические познания, кроме того, данный формат работы очень удобен, прост и эффективен[5].

Мы считаем, что при переводе системы правосудия в цифровой формат (например, ВКС) могут возникнуть не только проблемы с техническим оснащением залов судебных заседаний, но

[1] Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[2] URL: vsrf.ru/files/28876/ (дата обращения: 04.06.2020).

[3] URL: ipc.arbitr.ru/node/14339 (дата обращения: 04.06.2020).

[4] Решение Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 30 апр. 2020 г. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/050303cb-f983-4803-9b60-4c2c981d7316/06be1db8-18b7-4 6a0-9341-24c9e2c3c1cc/A81-172-2020_20200430_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 04.06.2020).

[5] Право.ru : [сайт]. URL: http://pravo.ru/news/221158 (дата обращения: 04.06.2020).

и с правовой регламентацией данных процессов. Так, согласно действующим нормам АПК РФ, ГПК РФ и КоАП РФ, сторонам необходимо посетить суд, чтобы воспользоваться данной системой, т. е. соединение идет по принципу «суд с судом». Данное действие позволяет подтвердить личность участников, проверить документы и т. д.

Далее, с точки зрения действующего законодательства в случае поступление жалобы на решение судьи, принятое в цифровой среде, данное решение подлежит отмене по процессуальным основаниям в связи с тем, что такая процедура рассмотрения отсутствует в законодательстве.

Следовательно, возникает необходимость внесения изменений в действующее законодательство с целью закрепления статуса и регламентации процедур официальной «внесудебной» видеосвязи для проведения заседаний в цифровой среде.

Генеральный директор Pravo.Tech А. Пелевин отмечает, что благодаря внедрению инновационных технологий стало доступным ознакомление участников процесса с материалами судебного дела в электронном виде. Доступ предоставляется к документам, поступившим в электронном виде через систему «Мой Арбитр» и отсканированным канцелярией суда, а также к аудиозаписям судебных заседаний[1].

На наш взгляд, при внедрении цифровых технологий необходимо полностью исключить работу с бумажными документами, в противном случае возникнет дублирование и так повторяющихся действий работников аппарата суда (например, при сканировании бумажных документов). Иными словами, в условиях перегрузки судебной системы необходимо полностью переводить часть работы в цифровую среду, иначе цифровизация судебной системы не позволит оптимизировать работу судов, снизить нагрузку на работников аппарата, минимизировать бумажный документооборот, сократить расходование бюджетных средств и в конечном счете перевести суды на максимально высокий уровень информатизации.

Адвокат Таймур Али Хан Мохманд считает, что цифровая судебная система не только искоренит коррупцию, но и улучшит систему правосудия. По его словам, цифровая трансформация судебной системы сделает правосудие более доступным для тех, кто живет далеко от юридических центров, а также в отношении тех категорий граждан, кто несет большие затраты на представителей[2].

Мы полагаем, что для большинства граждан внедрение цифровых технологий, а также перевод услуг и процессов в цифровую среду сделают гражданское судопроизводство более доступным и удобным, чем когда-либо прежде. Однако не все категории населения смогут воспользоваться цифровой средой для доступа к правосудию, например, в силу отсутствия навыков работы с сайтами судов и др. Следовательно, данным категориям населения необходимо предоставлять альтернативные средства доступа к цифровой модели правосудия. Кроме того, в силу отдаленности городских и сельских поселений возникает необходимость обеспечения соответствующих инвестиций в ресурсы с целью поддержания оптимальной цифровой емкости и инфраструктуры, включая надежную связь в отдаленных регионах.

Таким образом, становление цифрового гражданского судопроизводства возможно только при разработке правильной тактики, существенных стратегических преобразованиях, а также внесении фундаментальных изменений в сферу использования цифровых технологий для реализации предоставления оптимальных судебных услуг.

К необходимым стратегическим преобразованиям следует отнести:

1. Внесение изменений в действующее законодательство с целью регламентации осуществления правосудия в цифровой среде.

2. Цифровое уведомление участников судебного процесса.

3. Цифровая идентификация участников судебного процесса.

4. Самостоятельный цифровой доступ участников процесса к судебным материалам и протоколам.

5. Цифровые судебные файлы и механизмы управления документооборотом.

6. Подключение во всех зданиях суда цифровых залов судебных заседаний.

7. Цифровое и персонализированное процедурное издание / руководство для участников судебного процесса.

8. Внедрение новых технологий, включая технологии автоматизации.

9. Электронная подача документов или предоставление информации в цифровом виде.

Данные преобразования заложат основу для реализации цифрового гражданского судопроизводства. Внедрение инновационных технологий в судебную деятельность будет способствовать преобразованию деятельности судейского корпуса и аппарата суда, а также повышению качества правосудия и расширению доступа к нему.

---

[1] *Малаховский А.* «Ни в одной другой судебной системе мира нет более совершенных информационных систем, чем в российском правосудии». URL: pravo.ru.story/220333/ (дата обращения: 04.06.2020).

[2] Online justice: why courts should explore emerging digital possibilities. URL: https://www.theguardian.com/public-leaders-network/2017/jan/16/online-justice-courts-explore-digital-possibilities (дата обращения: 04.06.2020).

Список цитируемых источников

Ельчанинова 2017 – *Ельчанинова Н. Б.* Перспективы внедрения электронного правосудия: правовые проблемы обеспечения информационной безопасности // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 7. С. 50–53.

Закиров 2018 – *Закиров Р. Ф.* Использование современных IT-технологий как средство достижения основных задач судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 211–219.

Кондрашов и др. 2017 – Legal Tech и юристы будущего / И. Кондрашов [и др.] // Закон. 2017. № 11. С. 20–36.

References

El'chaninova, N. B. (2017), "Prospects for introduction of electronic justice: legal problems of ensuring information security", *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo,* no 7. pp. 50–53.

Kondrashov, I., Ivanov, A., Tsshaige, H., Pronin, A., Sergo, A., Gashtaer, T., Vashkevich A., Kvitko R., Nesterenko, A., Savel'ev, A., Pereverzev, S., Kalyatin, V. and Budylin, S. (2017), "Legal Tech and lawyers of future," *Zakon,* no. 11, pp. 20–36.

Zakirov, R. F. (2018), "The use of modern IT-technologies as a means of achieving the main objectives of the legal proceedings", *Vestnik grazhdanskogo protsessa,* no. 1, pp. 211–219.

Информация об авторах

Шумова Кристина Александровна,
кандидат юридических наук, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; kristinashumov@yandex.ru

Лазарева Ксения Алексеевна,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; lazarevaksenia1996@mail.ru

Information about the authors

Shumova Kristina A.,
PhD (law), Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, the Russian Federation; kristinashumov@yandex.ru

Lazareva Kseniya A.,
Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, the Russian Federation, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; lazarevaksenia1996@mail.ru

Для цитирования

Шумова К. А., Лазарева К. А. Цифровизации гражданского судопроизводства: зарубежный опыт и перспективы развития в России // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 142–146.

For citation

Shumova, K. A. and Lazareva, K. A. (2020), "Digitalization of civil proceedings: foreign experience and development prospects in Russia", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 142–146.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

УДК 34.09

О. С. Амосова[1]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

O. S. Amosova[1]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation*

Становление учета населения в России: основные исторические вехи

Formation of population registration in Russia: main historical milestones

Ключевые слова: перепись; государство; учет населения; ревизия; писцовые книги.

Аннотация. В статье анализируются ключевые моменты истории становления учета населения в России со времени образования Русского централизованного государства до наших дней, в частности, рассматривается круг лиц, подлежащих учету в Русском государстве; порядок организации учета населения, его законодательная основа; достоинства и недостатки учета народонаселения и пути преодоления данных недостатков, а также делается вывод о значении памятников учета народонаселения государства для современной России.

Key words: population census; state; population registration; revision; scribe books.

Abstract. The article analyzes the key points of the history of population registration in Russia since the formation of the Russian centralized state to the present day. In particular, the number of persons to be taken into account in the Russian state was considered, as well as the organization of registration of the population and its legislative framework, the advantages and disadvantages of the registration of population and ways of overcoming these flaws. The conclusion about the significance of the monuments of the population registration of the state in modern Russia was made.

Перепись российского населения – явление далеко не новое для нашей страны, имеющее глубинные корни и меняющееся на протяжении более шести веков. Современная перепись населения – это, прежде всего, сбор информации о количественном и качественном составе населения, проводимый государством во благо его общества.

Перепись российского населения в рамках государства начала проводиться в конце XV в., когда было создано Русское централизованное государство, чье существование было основано на системе податного налогообложения. Основу сбора прямых налогов составляла соха – податная единица, которая обозначала объекты податного обложения. Сохой назывались и земля, и средства производства, и все другие объекты, которые могли облагаться налогами. В это время перепись вели писцы – специально обученные люди, которые производили замеры земельных угодий, проверяли права собственности на владение землей, разбирали все спорные вопросы, связанные с собственностью. Результатом их деятельности на выходе становились писцовые книги, которые сегодня являются главным историческим материалом, способным восполнить некоторые пробелы в российской науке.

Писцовые книги содержат ценные сведения о состоянии городов, населенных пунктов, земле и населении, которое там проживало. В качестве положительного момента следует отметить, что данные, содержащиеся в писцовых книгах, являются достаточно подробными, поскольку содержат описание всех дворов, находящихся в населенных пунктах, перепись всех владельцев дворов, а также описывают размер тягла, возложенного на владельцев этих дворов. Как отмечает в своей работе В. М. Кабузан, самыми ценными для истории России являлись писцовые книги XVI–XVII вв., которые по своей сути и представляли собой перепись населения [Кабузан 1963, с. 47].

Существенным недостатком писцовых книг XV – XVI вв. являлся тот факт, что в них содержались данные о владельцах исключительно тягловых дворов, другие категории населения, освобожденные от несения тягла, при этом не учитывались. Численный состав населения в них также не был указан. В XVII в. в писцовые книги начали включать сведения обо всех взрослых мужчинах тягловых семей. Однако, учитывая несовершенство сбора данных по переписи в то время, нельзя достоверно сказать об истинном количестве лиц, проживавших в конкретном городе или любом другом населенном пункте.

С середины XVII в. писцовые книги уступили место переписям населения, которые стали осуществляться подворно. Согласно архивным источникам, подворная перепись населения в XVII в. была проведена дважды: в 1646 г. и 1678–1679 гг. В начале XVIII в. также были проведены две переписи: в 1710 г. и 1715–1717 гг. Последняя получила название «Ландратская перепись». Правительством

© Амосова О. С., 2020

России были назначены переписчики, которые должны были занести в переписные книги сведения обо всех податных и неподатных сословиях. Хотя писцовые книги и были заменены подворными, но сбор налогов продолжался по писцовым книгам вплоть до указа от 5 сентября 1679 г., который уже окончательно закрепил подворные налоги и упразднил соху [Веселовский 1941, с. 43].

Подворные переписи также не лишены были своих недостатков, так как имели своей целью фиксацию количества дворов и учет численности только населения мужского пола. Таким образом, проводя сравнительную характеристику писцовых книг и подворных переписей, можно заключить, что первые содержали гораздо больше ценных сведений, так как описывали города, населенные пункты, земельные угодья. Однако при этом учет количественного состава населения у подворных переписей был более достоверным, хотя и учитывали они при подсчете населения только тягловых людей, не фиксировали лиц женского пола, за исключением вдов, собственников тягловых дворов. Учет тяглового населения также был не полным, поэтому определить точное количество проживающего на тот момент населения крайне затруднительно. Необходимо учитывать тот факт, что государство, изначально проводя писцовые, а затем подворные переписи, не преследовало цель определить точный количественный состав населения России. Все сведения о населении собирались исключительно для определения общей суммы налогов, поступающих в казну государства от тяглового населения. Именно поэтому все категории населения, освобожденные от уплаты налогов, либо не учитывались, либо сведения о них отражались в переписи крайне скудно.

Как свидетельствуют писцовые и подворные переписи XV–XVII вв., в России наблюдалась постепенная трансформация налога на землю в подворное налогообложение, и государство путем введения переходных мероприятий сменило подворную перепись на подушный ревизский учет.

Причиной отмены подворного налогообложения стали насущные проблемы Российского государства, требовавшие немедленного разрешения. Необходимо было развивать промышленность, укреплять армию и флот, создавать сильное обороноспособное государство. Проблемой для решения данных задач был дефицит бюджета, который образовался уже к концу XVII в. В своей работе «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформы Петра Великого» П. Н. Милюков приводит следующие данные расходов государственного бюджета России: 1680 г. – 24 887 609 руб.; 1701 г. – 50 247 905 руб.; 1724 г. – 76 739 040 руб. [Милюков 1892, с. 397], что наглядно свидетельствует об увеличивающихся быстрыми темпами бюджетных расходах государства.

Собрать достаточно денежных средств, применяя подворную систему налогообложения, не представлялось возможным. Так, в 1710 г. была проведена очередная подворная перепись, которая вместо прибыли показала убыль дворов почти на 20 %, по сравнению с предыдущей переписью 1678–1679 гг. Более удручающий результат дала Ландратская перепись 1715–1717 гг. Увеличить размеры налогов с населения возможно было, только введя новую единицу налогообложения. Такой единицей и стала подушная подать.

Как и предыдущие системы, новая система налогообложения не ставила своей целью установление точной численности населения России и определение его состава. Введение подушного налогообложения вынашивалось в замыслах правительства еще в XVII в., но введено в действие было только в начале XVIII столетия. Окончательно подушная подать на территории России была санкционирована указом от 26 ноября 1718 г. В именном указе Петра I было сказано: «Взять сказки у всех (дать на год сроку), чтобы правдивые принесли, сколько у кого в которой деревне душ мужеска пола…»[1]. Согласно этому указу необходимо было подсчитать общее количество лиц мужского пола по данным, собранным за три года ревизии. Именно с данного указа Петра I и началось производство ревизий в России. Об эффективности проводимых впоследствии ревизий свидетельствует тот факт, что проводились они последовательно вплоть до отмены крепостного права. Результатом принятия данного указа явилось установление учета всего податного и большей части неподатных категорий населения. Размеры государственных доходов были резко увеличены за счет утяжеления бремени, возложенного на простых людей. Подушную подать теперь должны были платить все тягловые люди, причем их имущественное положение совершенно не учитывалось: нищие должны были платить налог наравне с зажиточными людьми. Данная система весьма эффективно увеличивала бюджет государства, что и объясняло ее долгую сохранность практически без изменений до конца трех четвертей XIX столетия.

Таким образом, эволюция налоговой системы России четко прослеживается по схеме: соха – писцовые книги – подворные переписи – подушная

[1] О введении ревизии о распределении содержания войска по числу ревизских душ, об определении воинских и избрании земских комиссаров для заведывания всех сборов с крестьян для содержания войска, и о счете земских комиссаров в собираемых ими деньгах и припасах : указ от 26 нояб. 1718 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 5, № 3245.

подать. Из всей этой цепочки самой действенной и эффективной для государства, но не для его народа, оказалась подушная система налогообложения, которая позволяла охватить наибольшее число налогоплательщиков, что обеспечивало стабильность государственной казны. Всего с 1718 по 1856 г. было назначено именными указами правителей и указами Сената производство десяти ревизий, целью которых был не количественный учет всего населения государства, а учет «приписных» – лиц мужского пола из податных сословий, которые должны были выплачивать государству все подати и налоги. Если на ранних этапах учета перепись лиц была больше персонифицированной (например, в писцовые книги заносились подробные сведения о владельцах дворов), то уже начиная с подворных переписей, учет населения стал носить более обезличенный характер, предоставляя нам сухие данные статистики. Тем не менее все ревизии населения – это ценный исторический материал, способный восполнить многочисленные пробелы в истории Российского государства.

После отмены крепостного права в 1861 г., проведения земельной реформы в 1863 г. и введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. институт ревизии потерял свое значение как переписи податного населения. Ревизии больше не проводились и были заменены новыми формами учета населения, такими как всеобщие, всесословные переписи. К концу XIX в. Российская империя была готова и морально, и материально к проведению такого сложного статистического мероприятия, как перепись населения. Ранее проводившиеся ревизии по своей сути больше напоминали «экономический учет населения», поскольку правительство интересовал в основном только сбор денежных средств.

С 1860-х гг. в государстве стали отрабатываться методология и практика проведения переписи населения. Начались подготовка кадров статистиков и создание разветвленных центральных и местных статистических органов.

Современная перепись населения очень далека от тех целей и задач, которые ставили перед собой ее предшественницы. Если раньше в переписи населения нуждалось в первую очередь само государство как в наиболее эффективном средстве пополнения своей казны, то сегодня перепись населения является прежде всего социальным заказом самого общества, отодвигая государство на второй план. Участвуя в переписи, каждый человек невольно принимает участие в управлении государством. Как это происходит? Современная перепись населения является единственным в наше время достоверным источником, дающим представление: о численности и структуре населения; его распределении по территории России; социально-экономическом положении человека; национальности; владении языками; об образовательном уровне и т. д. Ни один государственный орган такими сведениями не располагает. Современная перепись важна демографам, социологам, историкам, экономистам и политикам. Сообщая о себе сведения, человек помогает государству просчитать на годы вперед социально-экономическую ситуацию в стране и создать в помощь обществу ряд необходимых национальных проектов и программ. Являясь мощной источниковой базой, перепись населения помогает государству в решении многих проблем в области жилищного строительства, образования, борьбы с безработицей, подготовке профессиональных кадров и т. п.

Изучая материалы переписи населения, собранные на протяжении нескольких веков, можно сказать, что все они являются летописью нашей страны, нашей общей историей. Благодаря сохранившимся «сошным» и писцовым книгам, подворным переписям и материалам ревизий сегодня становится возможным (пусть и не всегда) узнать: родословную своей семьи, узнать состав семьи своих предков, род их занятий, были ли они обучены грамоте, их прозвища и т. п. Безусловно, все сохранившиеся материалы учета народонаселения России – это бесценный источник изучения жизни наших предков.

Список цитируемых источников

Веселовский 1941 – *Веселовский С. Б.* Вопросы научного описания писцовых, дозорных и переписных книг Московского государства XVI – XVII столетий // Архивное дело. 1941. № 1(57). С. 36–56.

Кабузан 1963 – *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XX вв. (по материалам ревизий). М. : АН СССР, 1963. 230 с.

Милюков 1862 – *Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого. Спб. : С. В. Балашева, 1892. 660 с.

References

Kabuzan, V. M. (1963), *Narodonaselenie Rossii v XVIII – pervoi polovine XX vv.* [The population of Russia in the 18th – first half of the 19th centuries (based on revisions)], AN SSSR, Moscow, USSR.

Milyukov, P. N. (1892), *Gosudarstvennoe khozyaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII veka i reforma Petra Velikogo* [The state economy of Russia in the first quarter of the 18th century and the reform of Peter the Great], Tipografiya S. V. Balasheva, St. Petersburg, Russian Empire.

Veselovsky, S. B. (1941), “Questions of the scientific description of scribe, sentinel and census books of Muscovite state of the XVI–XVII centuries”, *Arkhivnoe delo,* no. 1(57), pp. 36–56.

Информация об авторе

Амосова Оксана Сергеевна,
кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; Amosova.o.s@mail.ru

Information about the author

Amosova Oksana S.,
PhD (law), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; Amosova.o.s@mail.ru

Для цитирования

Амосова О. С. Становление учета населения в России: основные исторические вехи // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 149–152.

For citation

Amosova, O. S. (2020), “Formation of population registration in Russia: main historical milestones”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 149–152.

УДК 340.122

Е. А. Баженова[1]
[1] *Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*

E. A. Bazhenova[1]
[1] *Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, the Russian Federation*

Томас Гоббс и Джон Локк как теоретики естественного права (читая книгу Реймонда Уакса «Философия права. Краткое введение»)

Thomas Hobbes and John Locke as natural law theorists (reading a book by Raymond Wacks "Philosophy of law: A brief introduction")

Ключевые слова: естественное право; Томас Гоббс; Джон Локк; Реймонд Уакс.

Аннотация. Реймонд Уакс, автор краткого введения в философию права, недавно ставшего доступным русскоязычному читателю, следует традиционному подходу в изложении истории естественно-правовых учений. При таком подходе Томас Гоббс и Джон Локк предстают такими же аутентичными теоретиками естественного права, как Платон, Фома Аквинский или Гуго Гроций. В статье исследуются аргументы, согласно которым взгляды Гоббса и Локка во многом противоречат логике естественного права и подрывают его концептуальные основы. Предпринимается попытка ответить на вопрос о том, в какой степени, принимая во внимание методологические расхождения между представителями традиции естественного права, с одной стороны, и Гоббсом и Локком, с другой, можно говорить о последних как о теоретиках естественного права.

Key words: natural law; Thomas Hobbes; John Locke; Raymond Wacks.

Abstract. Raymond Wacks, the author of the "Philosophy of law: A brief introduction", a book, which has recently become available to a Russian-language reader, follows the traditional approach to presenting the history of natural-law teachings. With this approach, Thomas Hobbes and John Locke appear as authentic natural law theorists together with Plato, Thomas Aquinas or Hugo Grotius. The article discusses the arguments according to which the views of Hobbes and Locke are largely contrary to the logic of natural law and undermine its conceptual foundations. An attempt is made to answer the question of to what extent we can view the latter as theorists of natural law, taking into account the methodological differences between representatives of the natural law tradition, on the one hand, and Hobbes and Locke, on the other hand.

Томас Гоббс и особенно Джон Локк часто признаются ключевыми фигурами теории естественного права, привнесшими в нее представление об индивидуальных естественных правах. Книга профессора Реймонда Уакса, вышедшая в переводе С. В. Моисеева в 2020 г.[1] в Издательстве Института Гайдара, – не исключение в этом отношении [Уакс 2020].

Глава 1 книги полностью посвящена естественному праву [Уакс 2020, с. 11–38]. Кратко рассмотрев вклад древних греков и римлян в развитие теории и чуть подробнее остановившись на взглядах Фомы Аквинского, автор после этого переходит к освещению воззрений Гоббса, Локка и Руссо, объединяя этих трех теоретиков под рубрикой «естественные права». В настоящей статье не будем касаться взглядов Руссо, поскольку его теория значительно отличается от воззрений Гоббса и Локка, хотя его представления о естественном праве не менее специфичны, чем представления английских философов. Тем не менее противоречивость его взглядов чаще признается, тогда как взгляды Гоббса и Локка на естественное право редко становятся предметом критического анализа.

Рассказ Уакса о Гоббсе начинается с упоминания естественного закона, который, как утверждает английский философ XVII в., учит нас необходимости самосохранения [Уакс 2020, с. 19]. Поскольку в естественном состоянии люди из-за своекорыстия и эгоизма склонны вступать в жестокие споры, они оказываются в состоянии вечной войны всех против всех, при которой невозможно обеспечить мир и самосохранение.

Логика самосохранения диктует второй и третий естественные законы. Второй состоит в том, что люди взаимно отказываются от некоторых прав (например, от права отнять жизнь другого человека) ради достижения мира и заключают по этому поводу договор. Третий закон гласит, что подобные договоренности должны соблюдаться [Уакс 2020, с. 20–21].

[1] Англоязычное издание книги вышло в 2006 г.: Wacks R. Philosophy of law: A very short introduction. Oxford : Oxford University Press, 2006.

© Баженова Е. А., 2020

Теория Локка менее прямолинейна. Люди без общественного договора, по его мнению, живут вполне сносно, и единственное, что их не устраивает, – это недостаточная защищенность собственности. Для того чтобы исправить данный недостаток, они заключают общественный договор, возлагая на правительство ограниченные полномочия по защите собственности. Собственность предстает в этой теории наиболее значимым правом, которое выводится из естественного закона, отождествляемого с разумом. Важнейшим предписанием естественного закона является запрет наносить вред друг другу в плане «жизни, здоровья, свободы или имущества» [Уакс 2020, с. 22].

Изложение Уакса заставляет вспомнить Джона Уайлда, который, рассматривая историю теории естественного права, помещает Гоббса и Локка под рубрикой «Два современных отклонения» [Wild 1971]. Уайлд считает, что взгляды Гоббса и Локка расходятся с «центральной традицией» естественного права, берущей свое начало в философии Платона и продолженной Аристотелем, стоиками, Фомой Аквинским и Гуго Гроцием.

По мнению Уайлда, предпосылкой теории естественного права является моральный реализм – теория, утверждающая объективный характер моральных норм и их независимость от человеческих интересов и мнений. Моральные реалисты полагают, что некоторые нормы морали имеют основания в природе, а не только лишь в человеческих предписаниях. Соответственно, человек скорее открывает, чем изобретает эти нормы. Этика должна быть основана на онтологии [Wild 1971, pp. 104–105]. Уайлд противопоставляет философию морального реализма субъективистским тенденциям в современной моральной философии. Разумеется, Юм и его последователи с негодованием отвергли бы теоретические попытки вывести ценности из фактов.

Согласно этике реализма, природа человека, как и любая живая природа, предполагает рост и развитие. Однако, в отличие от растений и животных, развитие человека не происходит автоматически и требует от него, чтобы он пользовался рассудком и делал рациональный выбор, свободный от принуждения. Невозможность следовать естественному закону приводит к аномалиям и депривации. Напротив, действие в согласии с естественным законом рассматривается как добродетель [Wild 1971, p. 109]. Здесь мы видим склонность к телеологии, в которой так часто обвиняли теорию естественного права. Ее сторонники полагают, что природа, человеческая в том числе, содержит в себе тенденции и подразумевает реализацию этих тенденций.

Гоббс, утверждает Уайлд, совершенно не вписывается в рамки данной традиции. Его взгляды слишком эксцентричны для этого. У него практически нет идеи естественного порядка. Тела в мире, согласно Гоббсу, подчиняются механическим законам движения, однако постоянно находятся под угрозой разрушения со стороны других тел. Получается, что природа воспринимается Гоббсом скорее как хаос, нежели как взаимодействующие друг с другом тенденции [Wild 1971, p. 124]. Она не содержит никаких оснований для моральных норм. Гоббс признает возможность для людей выйти из плачевного природного состояния, и эту возможность он отчасти связывает с рациональной способностью человека изобретать средства для утверждения мира. Однако Уайлд указывает на непоследовательность Гоббса в этом вопросе, поскольку, если бы люди действительно были разумными от природы и желание мира для них было бы естественным, не существовало бы оппозиции между естественным и гражданским законом [Wild 1971, pp. 124–125].

Гоббс как материалист и номиналист не признает существования универсальной человеческой природы. Разумеется, чужда ему и телеология естественного права, а также идея о том, что пренебрежение естественным законом влечет естественные санкции. Единственные законы и единственный вид наказаний, которые он признает, – это законы и наказания, налагаемые властью суверена [Wild 1971, p. 126] (фактически это обвинение в юридическом позитивизме). Справедливость и несправедливость не существуют до распоряжений правительственных магистратов. Закон самосохранения, который Гоббс провозглашает естественным, по мнению Уайлда, предписывает человеку избегать не того, что является в принципе разрушительным для жизни, но «разрушительным для его жизни». Следовательно, хладнокровный убийца, предпринимающий хитроумные меры предосторожности для того, чтобы убийство, совершенное им, не было раскрыто, повинуется данному закону точно так же, как и невинная жертва. Объект такого закона является индивидуальным, а не всеобщим.

В противоположность моральному реалисту, который не видит противоречия между законом, направляющим его к реализации заложенных природой тенденций, и свободой (как может быть свободным человек, если не реализованы его базовые стремления?), Гоббс рассматривает свободу как неограниченную возможность осуществить любое желание, вне зависимости от того, соответствует это желание природе либо идет с ней вразрез. Именно поэтому закон для него – это оковы, привилегия – свобода.

Гоббс придерживается полностью субъективистской теории ценностей: ничто не имеет ценности

в отрыве от индивидуального интереса и удовольствия. По Гоббсу, каждый человек называет благом то, что приносит ему удовольствие, и злом то, что ему неприятно. Такой взгляд полностью расходится с позицией морального реализма, усматривающего благо индивида в реализации заложенных природой тенденций [Wild 1971, p. 127].

Локк также постоянно использует в своих сочинениях язык естественного права. Он отвергает представления Гоббса о естественном состоянии как ситуации непрерывной войны и анархии. Тем не менее он поддерживает необычное противопоставление, которое Гоббс проводит между естественным и гражданским состоянием, и утверждает, что жизнь в естественном состоянии «нелегка и небезопасна» [Wild 1971, p. 128].

Противоречивы взгляды Локка и на сущность природных вещей. С одной стороны, он признает наличие такой сущности, своеобразной внутренней конституции вещи, предопределяющей ее свойства. С другой, он говорит о невозможности для нас познать эту конституцию, но только тот эффект, который она оказывает на наши чувства. Это, в свою очередь, ведет к отрицанию различия между сущностью и ее проявлением, а также между различными качествами вещи с точки зрения того, какие из них будут существенными для вещи, а какие – нет. Разумеется, при подобном подходе вопрос о том, участвует ли природа в детерминации поведения индивида, даже не ставится. Моральная теория Локка отмечена радикальным субъективизмом [Wild 1971, p. 129]. Не случайно и благо, и зло воспринимаются им исключительно субъективно, в отношении к удовольствию или боли, которые испытывает индивид [Wild 1971, p. 131].

Подобно Гоббсу, Локк разделяет доктрину о том, что, вступив в гражданское состояние, люди должны отказаться от определенных естественных полномочий и расстаться со значительной частью своей естественной свободы. Ссылаясь на Ричарда Хукера и Томаса Пейна, аутентичных представителей традиции, Уайлд называет эту доктрину противоречащей теории естественного права [Wild 1971, p. 130].

Хотя Локк и выделяет божественный закон, наряду с гражданским, а также с «правом мнений и репутации», и именно его он подразумевает, говоря о законе естественном, все же понимание Локком этого закона расходится с традицией естественного права, которую прослеживает Уайлд. Локк рассматривает Божественный закон не как стройный рациональный порядок взаимодействия поддерживающих друг друга тенденций, а, скорее, как набор произвольных предписаний Божества касательно достижения удовольствий, обеспеченный «наградами и наказаниями неопределенной тяжести и продолжительности в следующей жизни». Это может быть искаженная версия того, что обычно называют Божественным позитивным правом, и, конечно же, это не естественное право в классическом или христианском его понимании. Последнее в мысли Локка отсутствует [Wild 171, p. 131).

Итак, по меньшей мере можно выделить два подхода к характеристике Гоббса и Локка как теоретиков естественного права. Согласно одному из них, представленному, в частности, Уаксом, данные теоретики являются такими же аутентичными представителями теории, как Платон или Фома Аквинский. Согласно другому, отстаиваемому Уайлдом, взгляды английских философов XVII в. явились скорее отклонением от традиции естественного права, а то и прямым противоречием ей. Кто же прав: Уакс или Уайлд?

Как ни странно, Гоббс и Локк – не первые мыслители, которые рассуждали в терминах естественного права и, тем не менее, в отличие от большинства представителей традиции, не были моральными реалистами. В V–IV вв. до н. э., когда естественно-правовое мышление только формировалось, древнегреческие софисты, подобно Гоббсу и Локку, высказывали идеи и о материальности человеческой природы, и о легитимности эгоистического индивидуального интереса, и об искусственном (договорном) характере закона и справедливости [Баженова 2019]. Полемика Платона с софистами во многом способствовала возникновению теории естественного права.

Поскольку направление Платона возобладало, его идеи о природе человека и естественном праве были развиты Аристотелем, стоиками, Цицероном, а затем христианскими мыслителями, долгое время традиция казалась монолитной и относительно непротиворечивой. Время от времени появлявшиеся противоречия по меньшей мере не угрожали самому ее существованию. Первую серьезную эрозию традиции естественного права можно связать с волюнтаризмом и номинализмом Уильяма Оккама, – позицией, явно противоречащей рационализму и универсализму Фомы Аквинского [Kelly 2007, p. 145]. В XVI в. номинализм и Реформация соединили усилия для того, чтобы подорвать влияние доктрин, за которыми стоял авторитет католической церкви. На смену этим доктринам пришли индивидуалистические представления, в частности, идея индивидуальных прав, которая заслуженно считается, пожалуй, наиболее значительным достижением теории естественного права. По иронии, с приходом этих атомистических идей породившая их теория начинает испытывать кризис. XVIII и XIX вв. – период упадка естественного права. Только XX в. попытается соединить естественное право и права человека.

Так можно ли Гоббса и Локка назвать теоретиками естественного права? По мнению Джозефа П. Макгвайра, можно определить теорию естественного права в самом общем виде как теорию, которая устанавливает универсально применимый критерий, и источник моральной действительности позитивного права и «позитивной морали», независимый от законодателя в случае с правом, и от общества в случае с «неписаными законами» поведения [Maguire 1947, p. 151]. Вряд ли одно лишь то, что Гоббс использовал язык естественного права, дает основание считать его принадлежащим к традиции. Его естественный закон не служит рабочим стандартом, позволяющим давать оценку позитивному праву. Будучи обеспокоен прежде всего вопросами порядка, а не справедливости, Гоббс не ставит перед собой задачу сформулировать работоспособные критерии для моральной оценки действующих законов. Ничего не говорит он и о правах подданных по отношению к суверену, которые могли бы выступить в качестве такого критерия. В этом смысле его философия является в большей степени позитивистской, нежели естественно-правовой.

Локк же, хотя он и менее последователен в своих рассуждениях, нежели Гоббс, и теоретически далек от морального реализма, присущего традиции естественного права, все же дает некоторые основания связать себя с рассуждениями о естественном праве. Например, он пишет про «гражданские законы стран, которые справедливы лишь настолько, насколько они основываются на законе природы, посредством которого они должны регулироваться и истолковываться». Он говорит о преимуществах естественного состояния, по сравнению с гражданским, и ссылается на Ричарда Хукера, обосновывая саму идею естественного состояния[1]. Он также пишет о том, что человек рождается, имея право на полную свободу и неограниченное пользование всеми правами и привилегиями естественного закона (очевидно, имеется в виду закон, запрещающий нанесение взаимного вреда), и что в гражданском состоянии он отказывается лишь от права частного суда над правонарушителем, сохраняя за собой оставшуюся часть свободы[2]. Локк подчеркивает, что власть политического общества и законодательного органа ограничена целью общего блага и защиты свободы и собственности членов общества, а также что обладатель политической власти обязан править согласно установленным постоянным законам, провозглашенным народом и известным народу, а не путем импровизированных указов[3]. Рассуждая об объеме законодательной власти, Локк указывает, что обязательства закона природы не перестают существовать в обществе, но только во многих случаях они более четко выражены, и в соответствии с человеческими законами им сопутствуют известные наказания, для того чтобы принудить их соблюдать. Законы природы выступают как вечное руководство для всех людей, в том числе для законодателей[4].

Взгляды Локка, таким образом, представляют собой любопытную смесь, где причудливым образом сочетаются, с одной стороны, ссылки на Хукера и апология естественного состояния, а с другой – сетования на разложение и порочность людей, вынуждающие заключить соглашение о создании политического сообщества. В качестве позитивного вклада Локка может быть названа идея о естественной свободе индивида, которая сохраняется в гражданском состоянии и служит важным критерием для ограничения политической власти. Однако то, как Локк понимает и интерпретирует индивидуальную свободу, без сомнения, может служить предметом обоснованной критики.

Подводя итог, отметим, что если Гоббс ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться как теоретик естественного права, то характеристика Локка как мыслителя естественно-правового направления должна, на наш взгляд, сопровождаться серьезными оговорками, поскольку его вклад в теорию довольно неоднозначен. То, что Реймонд Уакс, выстраивающий свое изложение на основе современных обобщающих работ по естественному праву, не делает таких оговорок ни в отношении Гоббса, ни в отношении Локка, может свидетельствовать о том, что теория естественного права сегодня испытывает большую потребность в саморефлексии.

Список цитируемых источников

Баженова 2019 – *Баженова Е. А.* Истоки естественно-правового мышления в идеях древнегреческих софистов: Протагор и Антифон // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14, № 1. С. 9–33.

Уакс 2020 – *Уакс Р.* Философия права. Краткое введение / пер. с англ. С. Моисеева. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. 176 с.

[1] *Локк Д.* Два трактата о правлении. Книга вторая. Гл. II. О естественном состоянии. § 12, 13, 15. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Lokk_Traktaty_2.pdf (дата обращения: 15.05.2020).

[2] Там же. Гл. VII. О политическом или гражданском обществе. § 87.

[3] Там же. Гл. IX. О целях политического общества и правления. § 131.

[4] Там же. Гл. XI. Об объеме законодательной власти. § 135.

Kelly 2007 – *Kelly J. M.* A short history of western legal theory. Oxford : Clarendon Press, 2007. 466 p.

Maguire 1947 – *Maguire J. P.* Plato's theory of natural law // Yale Classical Studies / ed. by A. R. Bellinger. Vol. 10. New Haven : Yale University Press, 1947. P. 151–178.

Wild 1971 – *Wild J.* Plato's modern enemies and the theory of natural law. Chicago ; London : University of Chicago Press, 1971. 259 p.

References

Bazhenova, E. A. (2019), "The sources of natural legal thinking in the ideas of ancient Greek sophists: Protagoras and Antiphones", *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN,* vol. 14, no. 1, pp. 9–33.

Kelly, J. M. (2007), *A short history of western legal theory,* Clarendon Press, Oxford, UK.

Maguire, J. P. (1947), "Plato's theory of natural law", in Bellinger, A. R. (ed.), *Yale Classical Studies,* vol. 10, Yale University Press, New Haven, USA, KY, pp. 151–178.

Wacks, R. (2020), *Filosofiya prava. Kratkoe vvedenie* [Philosophy of law. A brief introduction], Izdatel'stvo Instituta Gaidara, Moscow, Russia.

Wild, J. (1971), *Plato's modern enemies and the theory of natural law*, University of Chicago Press, Chicago and London, USA, IL.

Информация об авторе

Баженова Елена Альбертовна,
кандидат юридических наук, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; yelenabazhenova0304@gmail.com

Information about the author

Bazhenova Elena A.,
PhD (law), Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, the Russian Federation; yelenabazhenova0304@gmail.com

Для цитирования

Баженова Е. А. Томас Гоббс и Джон Локк как теоретики естественного права (читая книгу Реймонда Уакса «Философия права. Краткое введение» // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 153–157.

For citation

Bazhenova, E. A. (2020), "Thomas Hobbes and John Locke as natural law theorists (reading a book by Raymond Wacks "Philosophy of law: A brief introduction)", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 153–157.

УДК 34.047

В. А. Басов[1]
[1] *Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*

V. A. Basov[1]
[1] *Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, the Russian Federation*

Классификация ограничений ограничений в праве

Classification of restrictions limits in law

Ключевые слова: ограничения в праве; ограничения ограничений в праве; механизм правового регулирования; правовые средства.

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ основных разновидностей ограничения ограничений в праве. В качестве оснований классификации рассматриваются: особенности связи ограничений ограничений в праве с общими ограничениями правового регулирования, отраслевая принадлежность норм права, закрепляющих ограничения ограничений в праве, объект и характер ограничительного воздействия.

Key words: restrictions in law; restriction limits in law; the mechanism of legal regulation; legal means.

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the main varieties of restriction limits in law. As the basis for classification, in particular, the author considers the features of the connection of the restriction limits in law with the general restrictions of legal regulation, areas of the rules of law, fixing the restriction limits in law, the subject and nature of the restrictive impact.

Ограничения в праве являются средством правового регулирования, воздействие которого направлено на установление и поддержание правопорядка путем определения границ правомерного поведения и сдерживания противоправной активности.

Многие аспекты ограничений в праве как теоретико-правовой категории (понятие, признаки, цели, задачи, функции, классификация, механизм реализации правовых ограничений) получили детальное отражение в юридической литературе: в частности, отдельное внимание указанным вопросам теории правовых ограничений было уделено в работах: Ю. А. Андреева, А. В. Ашихминой, А. А. Зайцева, И. Н. Ищука, Ю. В. Казимирской, М. Г. Маковецкой, А. В. Малько, Т. А. Мечетиной, К. А. Минаева, И. М. Приходько, А. А. Умаровой, В. А. Фролова и других теоретиков права.

Вместе с тем большинство отдельных разновидностей ограничений в праве не становились предметом детального анализа (как правило, в юридической литературе лишь упоминается об их существовании, без выделения характерных для них особенностей). С нашей точки зрения, с учетом исключительной значимости ограничений в праве, выступающих в качестве особого средства правового регулирования, играющих значительную роль в функционировании правовой системы, и, по мнению некоторых исследователей, являющихся основным элементом правовых режимов [Малько 2004, с. 205; Приходько 2001, с. 29], изучение отдельных разновидностей ограничений в праве является одним из приоритетных направлений юридических исследований.

При этом, полагаем, в рамках системы правовых ограничений пристального внимания заслуживают некоторые особенности ограничений ограничений в праве. Указанная разновидность правовых ограничений была впервые выделена профессором Р. Б. Головкиным, который ограничения ограничений в праве рассматривает как «особое средство правового регулирования, производное от общих ограничений правового регулирования, представляющее собой систему возможного и дозволенного законом поведения участников правоотношений в рамках общих ограничений правового регулирования» [Головкин 2018, с. 131].

С нашей точки зрения, ограничения ограничений в праве как юридическое средство имеют особое значение для функционирования механизма правового регулирования, обусловленное спецификой их воздействия, которое направлено на воспрепятствование злоупотреблением правом со стороны субъектов ограничительных правоотношений и обеспечение баланса их интересов.

При этом чрезвычайную важность для теоретического осмысления какого-либо государственно-правового явления имеет проведение классификации с выявлением видовых особенностей. Проведение комплексной классификации ограничений ограничений в праве будет способствовать более глубокому теоретическому осмыслению существенных признаков данной категории средств правового регулирования и созданию теоретического базиса для совершенствования российского законодательства, закрепляющего ограничения ограничений в праве. Кроме того, классификация ограничений ограничений в праве никогда ранее не становилась предметом отдельного юридического исследования.

© Басов В. А., 2020

Вместе с тем некоторые разновидности ограничений в праве были выделены профессором Р. Б. Головкиным. В частности, он выделяет следующие виды ограничений в праве: ограничения ограничений в праве в виде исключений; потенциальные ограничения ограничений в праве; ограничения ограничений в праве, выводимые из контекста; а также установление условий и обстоятельств, при которых наступают ограничения ограничений [Головкин 2018, с. 129–130].

С нашей точки зрения, одним из важнейших оснований классификации ограничений ограничений в праве являются особенности объекта, на который направлено их воздействие, под которым в рамках данного исследования понимается конкретное средство правового регулирования, чьи пределы реализации устанавливаются ограничением ограничения в праве.

Одной из наиболее распространенных разновидностей ограничений ограничений в праве, исходя из объекта их воздействия, являются ограничения юридических обязанностей. Воздействие ограничений ограничений в праве данной видовой разновидности направлено на освобождение субъекта общего ограничения в праве от необходимости исполнения юридической обязанности в определенных законом случаях. Так, ч. 6 ст. 7 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза[1] устанавливает случаи, когда декларанты освобождаются от обязанности по соблюдению запретов и ограничений при помещении под таможенную процедуру таможенного транзита международных почтовых отправлений. Часть 1 ст. 92.1 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»[2] определяет условия освобождения акционерного общества от обязанности по раскрытию или предоставлению информации о своей деятельности. В свою очередь, ч. 4 ст. 18 Федерального закона от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране»[3] устанавливает исключения, когда военнослужащий (сотрудник) войск национальной гвардии освобождается от обязанности предупреждать о своем намерении применить физическую силу, специальные средства, оружие.

Еще одним из наиболее распространенных видов ограничений ограничений в праве являются ограничения, определяющие пределы действия правовых запретов, воздействие которых направлено на установление исключений, когда отдельные запреты в праве не применяются. Так, ст. 14.5 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»[4], с одной стороны, устанавливает запрет на введение хозяйствующим субъектом в оборот товара, если при этом были незаконно использованы результаты интеллектуальной деятельности, с другой стороны, закрепляет ограничение ограничения в праве в виде исключения (указанный запрет не применяется, если в качестве результатов интеллектуальной деятельности использовались только средства индивидуализации, принадлежащие хозяйствующему субъекту-конкуренту). Другим примером ограничения ограничений в праве в виде ограничения действия правового запрета является ограничение, закрепленное ч. 1 ст. 40 Федерального закона от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах»[5], в соответствии с нормативным содержанием которой запрет на совершение управляющей компанией сделок, предполагающих принятие юридической обязанности по передаче имущества, не относящегося к активам акционерных инвестиционных фондов или паевых инвестиционных фондов, не применяется в случае, если указанные сделки совершаются на организованных торгах и в отношении этих следок осуществляется клиринг.

Следует отметить, что воздействие отдельных ограничений ограничений в праве направлено на исключение потенциальной возможности установления и применения правовых запретов. Так, в соответствии с ч. 6 ст. 11 Лесного кодекса Российской Федерации[6] является недопустимым установление запретов и ограничений на пребывание граждан в лесах по основаниям, не предусмотренным данной статьей.

Одним из видов ограничений ограничений в праве, получившим наибольшее распространение в области административного и уголовно-правового регулирования, являются ограничения мер юридической ответственности. Ограничения ограничений в праве, относящиеся к данной разновидности, определяют территориальные, временные, субъектные, количественные пределы применения мер юридической ответственности. Так, в качестве ограничения мер уголовной ответственности можно рассматривать ограничения, содержащиеся в ч. 2 и 3 ст. 50 Уголовного кодекса Российской Федерации[7] (далее: УК РФ), определяющих временные рамки назначения уголовного наказания в виде исправительных работ (данное наказание не может назначаться на срок, превышающий два года) и количественные пределы удержания из зарплаты осужденного к исправительным работам (из зарплаты осу-

[1] URL: http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 07.05.2020).

[2] Российская газета. 1995. 29 дек.

[3] Там же. 1995. 20 апр.

[4] Там же. 2006. 27 июля.

[5] Там же. 2001. 4 дек.

[6] Там же. 2006. 8 дек.

[7] Там же. 1996. 20, 25 июня.

жденного не может удерживаться более 20 % его доходов). Примером ограничений мер административной ответственности является ограничение, закрепленное ч. 2 ст. 3.11 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации[1] (далее: КоАП РФ), устанавливающей временные пределы действия дисквалификации как вида административного наказания (данное административное наказание назначается на срок, не превышающий трех лет). В качестве примера ограничения дисциплинарной ответственности можно рассматривать запрет на увольнение беременной женщины за нарушение трудовых обязанностей, установленный ч. 1 ст. 261 Трудового кодекса Российской Федерации[2] (далее: ТК РФ). Примером ограничения в праве, устанавливающего пределы гражданско-правовой ответственности, является ограничение, закрепленное в ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»[3], в соответствии с которой общество ограниченной ответственности не отвечает по обязательствам своих участников.

Разновидностью ограничений в праве, близкой по своей специфике к ограничениям мер юридической ответственности, являются правовые ограничения мер принуждения. Воздействие ограничений в праве данной разновидности, как правило, направлено на исключение возможности применение мер процессуального принуждения к определенным субъектам. Так, в соответствии с ч. 1.1 ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[4] (далее: УПК РФ) при отсутствии исключительных обстоятельств не допускается избрание в качестве меры пресечения заключение под стражу в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных рядом статей УК РФ. В свою очередь, ч. 6 ст. 113 УПК РФ устанавливает ограничения на применения привода как меры принуждения к несовершеннолетним в возрасте до четырнадцати лет, беременным женщинам и к некоторым категориям больных.

Следует отметить, что ограничения ограничений в праве также могут устанавливаться в отношении сервитутов. Примером правового ограничения, определяющего пределы действия сервитутов, является запрет на установление публичного сервитута в ряде случаев, установленный ч. 10 ст. 23 Земельного кодекса Российской Федерации[5] (далее: ЗК РФ).

В некоторых случаях ограничений ограничений в праве могут устанавливать пределы действия приостановлений. Примером правового ограничения, применяемого в отношении приостановления, выступает запрет на приостановление производства по уголовному делу в ряде случаев, регламентированный ч. 3 ст. 238 УПК РФ.

Представляется возможным выделить отдельные ограничения в праве, в качестве объекта воздействия которых выступают квоты и пределы в праве. В качестве примера ограничения предела в праве можно рассматривать ограничение, установленное ч. 2 ст. 90 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации[6], закрепляющей право больных осужденных, а также осужденных-инвалидов первой или второй группы инвалидности на получение дополнительных посылок и передач в количестве, превышающем пределы, установленные ч. 1 данной статьи, в соответствии с медицинским заключением.

Примером ограничения ограничений в праве, определяющего основания неприменения установленной законом квоты, является ограничение, закрепленное в ч. 3 ст. 21 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»[7], в соответствии с которой работодатель освобождается от обязанности соблюдения установленной законом квоты для приема на работу инвалидов в случае, если в его роли выступает общественное объединение инвалидов или образованная им организация.

Ограничения ограничений в праве также можно классифицировать исходя из того, в каком элементе нормы права они содержатся. Так, профессор А. В. Малько выделяет ограничения в праве, содержащиеся в гипотезе, диспозиции и санкции правовой нормы [Малько 2004, с. 148].

Следует отметить, что, в отличие от общих ограничений правового регулирования, ограничения ограничений в праве не могут содержаться в санкции правовой нормы, что обусловлено характером их воздействия, которое предполагает предоставление субъекту общего ограничения в праве определенных возможностей в выборе вариантов правомерного поведения и не может быть связано с применением к данным субъектам мер юридической ответственности. Последние, напротив, предполагают ограничение субъективных прав и свобод.

В свою очередь, можно выделить ограничения ограничений в праве, которые содержатся в гипотезе правовой нормы, т. е. носят характер юридических фактов, при наличии которых общие ограничения правового регулирования не применяются. Примером данной разновидности ограничений в праве является ограничение, закрепленное ч. 1

[1] Российская газета. 2001. 31 дек.
[2] Там же.
[3] Там же. 1998. 17 февр.
[4] Там же. 2001. 22 дек.
[5] Там же. 30 окт.
[6] Там же. 1997. 16 янв.
[7] Там же. 1995. 2 дек.

ст. 28.3 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»[1], устанавливающей перечень обстоятельств, которые исключают возможность применения к военнослужащим мер дисциплинарной ответственности.

Вместе с тем большинство ограничений ограничений в праве содержится в диспозиции правовой нормы и, как правило, выражены в форме субъективных прав, которыми обладают субъекты воздействия общих ограничений правового регулирования. В качестве примера ограничений, содержащихся в диспозиции правовой нормы можно рассматривать ограничение, закрепленное в п. 1 ч. 1 ст. 74 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[2], которая устанавливает правовое ограничение в форме запрета на принятие медицинскими работниками и руководителями медицинских организаций подарков и денежных средств, и ограничение ограничения в праве в виде исключения, устанавливающего отдельные случаи, когда вышеуказанный запрет не применяется. В свою очередь, ч. 2 ст. 50 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации»[3] устанавливает исключение, когда ограничение на отчуждение объектов культурного наследия из государственной и муниципальной собственности, установленное ч. 1 данной статьи, не применяется.

В качестве основания классификации ограничений в праве также можно рассматривать особенности взаимосвязи ограничений ограничений в праве с общими ограничениями правового регулирования. Руководствуясь данным критерием классификации, представляется возможным выделить внутренние ограничения ограничений в праве, которые содержатся в той же норме права, что и общие ограничения правового регулирования, являются их неотъемлемой частью и устанавливают количественные, временные, территориальные, субъектные и иные пределы действия данных ограничений, и внешние ограничения в праве, устанавливающие перечень условий, когда общие ограничения правового регулирования не применяется, не являются компонентом той же правовой нормы, что и общие ограничения в праве.

Часто внутренние ограничения ограничений в праве содержатся в нормах права, закрепляющих количественные и временные пределы применения мер юридической ответственности. В качестве подобного рода ограничений можно рассматривать установленные законом сроки применения административных и уголовных наказаний. Так, законодательство Российской Федерации устанавливает следующие пределы продолжительности обязательных работ в качестве меры юридической ответственности: от двадцати до двухсот часов за совершение административного правонарушения (ч. 2 ст. 3.13 КоАП РФ) и от шестидесяти до четырехсот восьмидесяти часов за совершение преступления (ч. 2 ст. 49 УК РФ). Примером внутренних ограничений в праве, имеющих характер количественных ограничений, являются установленные нормами права пределы назначения штрафа как меры юридической ответственности, закрепленные ч. 2 ст. 3.5 КоАП РФ, ч. 2 ст. 46 УК РФ, ч. 1 ст. 122 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации[4].

Поскольку отсутствие указанных пределов действия уголовных и административных наказаний противоречило бы их юридической природе и целевому назначению, внутренние ограничения ограничений в праве можно рассматривать как имманентные пределы действия ограничений в праве. Профессор Р. Б. Головкин характеризует указанные ограничения ограничений в праве как ограничения ограничений из контекста [Головкин 2018, с. 130].

Внешние ограничения ограничений в праве не являются структурными компонентами общих ограничений правового регулирования, не содержатся в той же норме права, что и общие ограничения правового регулирования и устанавливают перечень условий, когда отдельные ограничения в праве не применяются. Профессор Р. Б. Головкин рассматривает указанные ограничения ограничений в качестве «ограничения в виде исключений» [Головкин 2018, с. 130].

Примером внешнего ограничения ограничения в праве может служить положение ч. 3 ст. 8 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.[5] Так, п. 1 ч. 3 настоящей статьи устанавливает запрет на принуждение к принудительному или обязательному труду. Вместе с тем пп. 2–7 ч. 3 настоящей статьи устанавливают исключения, когда указанное ограничение не применяется, тем самым закрепляя внешнее ограничение ограничений в праве.

Ограничения ограничений в праве также можно классифицировать по отраслевой принадлежности норм права, в которых закрепляется данное ограничение. Исходя из данного критерия классификации, можно выделить ограничения ограничений в конституционном, гражданском, семейном, трудовом, уголовном, административном, жилищном, земельном праве и т. д.

[1] Российская газета. 1998. 2 июня.
[2] Там же. 2011. 23 нояб.
[3] Там же. 2002. 29 июня.
[4] Там же. 2015. 11 марта.
[5] Ведомости ВС СССР. 1976. № 17, ст. 291.

Примером ограничений ограничений в конституционном праве является положение ст. 22 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Часть 2 настоящей статьи устанавливает основание для ограничения указанного права, одним из вариантов которого является применение к подозреваемому меры принуждения в форме задержания, при этом настоящая статья сразу же устанавливает пределы действия данного ограничения (т. е. ограничение ограничения) – продолжительность задержания при отсутствии судебного решения не должна превышать сорок семь часов.

В трудовом праве ограничения ограничений в праве, в частности, закрепляются нормами, устанавливающими пределы материальной ответственности работника. Так, ст. 241 ТК РФ устанавливает, что за ущерб, причиненный имуществу работодателя, работник несет материальную ответственность в пределах своего одного среднемесячного заработка. Ограничения, закрепленные в ст. 242–243 ТК РФ, устанавливающих основания привлечения работника к полной материальной ответственности, т. е. случаи, когда ограничение размера материальной ответственности за ущерб, причиненный имуществу работодателя, установленное ст. 241 ТК РФ, не применяется, также являются примером ограничений ограничений в праве. В свою очередь, ст. 81 ТК РФ устанавливает ограничение на увольнение работника по инициативе работодателя в то время, когда он находится в отпуске или на больничном. Вместе с тем данная статья предусматривает исключение, когда указанные ограничения не применяются (увольнение работника в случае ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуального предпринимателя).

Примерами ограничений ограничений в гражданском праве являются ограничения, закрепленные ч. 2 ст. 26 и ч. 2 ст. 28 Гражданского кодекса Российской Федерации[1] , устанавливающими случаи, когда ограничения дееспособности малолетних и несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет не применяются, а также ограничение, содержащееся в ч. 3 ст. 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», согласно которой ограничение размера материальной ответственности участников общества с ограниченной ответственностью по его долгам не применяются в случае, если несостоятельность (банкротство) общества наступило по их вине.

В качестве примера ограничений ограничений в земельном праве можно привести положение ч. 1 ст. 39.44 ЗК РФ, устанавливающей ряд случаев, когда в отношении земельного участка не допускается установление публичного сервитута.

Примером ограничений ограничений в семейном праве является положение ч. 2 ст. 13 Семейного кодекса Российской Федерации (далее: СК РФ), устанавливающей исключение, когда ограничение на вступление в брак в связи с недостижением установленного законом возраста – 18 лет, не применяется: брак может быть зарегистрирован органами муниципальной власти между лицами, достигшими возраста 16 лет при наличии уважительных причин. В ч. 2 ст. 29 СК РФ содержится перечень обстоятельств, которые устраняют недействительность брака, тем самым исключая возможность применения общего ограничения правового регулирования, что также может рассматриваться как ограничение ограничения в семейном праве.

Значительное число ограничений ограничений можно выделить в административном праве России. Так, ч. 1 ст. 2.3 КоАП РФ устанавливает пределы применения мер административной ответственности по кругам лиц (административной ответственности подлежат лица, достигшие на момент совершения правонарушения возраста 16 лет). В свою очередь, ч. 2 настоящей статьи устанавливает потенциальное ограничение ограничения в праве, предоставляя уполномоченным субъектам (комиссиям по делам о несовершеннолетних) возможность с учетом конкретных обстоятельств дела и данных о несовершеннолетнем правонарушителе в возрасте от 16 до 18 лет, освободить указанное лицо от административной ответственности. Ряд внутренних ограничений ограничений в административном праве содержится в нормах КоАП РФ, устанавливающих количественные и временные пределы действия административных наказаний (ч. 1–4.5 ст. 3.5, ч. 2 ст. 3.8, ч. 1 ст. 3.9, ч. 2 ст. 3.11 и др.).

Примерами ограничений ограничений в уголовном праве является ограничение, закрепленное в ст. 31 УК РФ, устанавливающей ряд случаев, когда лицо, совершившее преступление, освобождается от уголовной ответственности в силу добровольного отказа от совершения преступления, а также ограничения, закрепленные ст. 37–42 УК РФ, устанавливающими перечень обстоятельств, исключающих преступность деяний и тем самым исключающих возможность применения к субъекту преступления ограничений в праве в форме мер уголовной ответственности.

Ограничения ограничений в праве также можно разделить на материально-правовые и процессуально-правовые, исходя из характера норм права, закрепляющих данные ограничения. При этом большинство ограничений ограничений в праве носят материально-правовой характер, приме-

[1] Российская газета. 1994. 8 дек.

рами же процессуально-правовых ограничений ограничений в праве могут служить нормативные положения ст. 51 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации[1] (далее: ГПК РФ) и 60 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации[2], устанавливающих ограничения на осуществление полномочий представителя в судебном процессе для ряда лиц. Указанные статьи устанавливают как общие ограничения правового регулирования (запрет для ряда субъектов судопроизводства – судей, прокуроров, следователей и других выступать в качестве представителя в суде), так и ограничения ограничений в праве в форме исключения (случаи, когда указанные лица имеют право принимать участие в деле в качестве представителей соответствующих органов или законных представителей).

Поскольку ограничения ограничений в праве направлены на установление пределов действия общих ограничений правового регулирования, представляется возможным также провести классификацию ограничений ограничений в праве, исходя из того, какого рода пределы действия общих ограничений в праве устанавливают ограничения ограничений в праве, используя в качестве квалификационного критерия характер ограничительного воздействия.

Так, одним из видов ограничений ограничений в праве по характеру ограничительного воздействия являются ограничения, устанавливающие количественные пределы действия общих ограничений правового регулирования. Примерами количественных ограничений ограничений в праве являются ограничения, устанавливающие количественные пределы применения мер юридической ответственности. Например, ст. 241 ТК РФ устанавливает, что, по общему правилу, работник несет материальную ответственность за ущерб, причиненный имуществу работодателя, в пределах своего одного среднемесячного заработка, тем самым устанавливается количественные пределы удержания из заработной платы работника. Части 2 и 3 ст. 99 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»[3] также устанавливает количественные пределы действия ограничений в праве. В данном случае устанавливается допустимый предел удержания из доходов должника – не более 50 % его доходов, по общему правилу, и не более 70 % в ряде исключительных случаев. Части 2–3 ст. 122 Налогового кодекса Российской Федерации[4] устанавливают количественные пределы суммы штрафа за неуплату или неполную уплату сумм налога (сбора, страховых взносов).

Еще одним видом ограничений ограничений в праве по характеру ограничительного воздействия являются ограничения, устанавливающие временные пределы действия ограничений в праве. К временным пределам действия ограничений в праве следует отнести временные рамки действия отдельных административных и уголовных наказаний. Так, УК РФ устанавливает временные пределы действия таких уголовных наказаний, как: исправительные работы (ч. 2 ст. 50), ограничения свободы (ч. 2 ст. 53), принудительные работы (ч. 4 ст. 53.1) и т. д. КоАП РФ устанавливает временные пределы действия следующих административных наказаний: лишение специального права (ч. 2 ст. 3.8), административный арест (ч. 1 ст. 3.9), обязательные работы (ч. 2 ст. 3.13) и др.

Широко распространенным видом ограничений ограничений в праве по характеру ограничительного воздействия являются ограничения по кругу субъектов правоотношений, на которых оказывает воздействие ограничение в праве. Так, ч. 1 и 2 ст. 20 УК РФ устанавливают пределы действия уголовной ответственности, исходя из возраста субъекта преступления: к уголовной ответственности, по общему правилу, могут привлекаться лица, достигшие 16-летнего возраста, а по некоторым составам преступления – достигшие возраста 14 лет. В свою очередь, ст. 3.8 КоАП РФ устанавливает пределы применения лишения специального права как административного наказания по кругу субъектов (в соответствии с ч. 3 настоящей статьи данное административное наказание не может применяться к «лицу, которое пользуется транспортным средством в связи с инвалидностью»).

Можно также выделить такой вид ограничений ограничений в праве, как ограничение перечня предметов материальной действительности, в отношении которых действует ограничение в праве. Так, ч. 1 ст. 446 ГПК РФ устанавливает ограничение на обращения взыскания по исполнительным документам на ряд категорий имущества гражданина-должника, в частности, абз. 1 ч. 1 настоящей статьи ограничивает возможность обращения взыскания на единственное для должника и совместно с ним проживающих членов его семьи жилое помещение или его часть. В свою очередь, абз. 3 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ устанавливает ограничение на обращения взыскания по исполнительным документам на предметы обычной домашней обстановки и обихода, вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и др.), принадлежащие данному должнику.

Исходя из характера ограничительного воздействия, представляется возможным выделить такой

[1] Российская газета. 2002. 20 нояб.
[2] Там же. 27 июля.
[3] Там же. 2007. 6 окт.
[4] Там же. 1998. 6 авг.

вид ограничений ограничений в праве, как установление территориальных пределов действия общих ограничений правового регулирования. Примером данной разновидности ограничений ограничений в праве является ограничение, закрепленное ч. 1 ст. 11 УК РФ, в соответствии с которой уголовной ответственности, в частности, подлежит лицо, совершившее преступление на территории Российской Федерации.

Таким образом, на основе проведенной классификации ограничений ограничений в праве мы пришли к следующим выводам.

1) Воздействие ограничений ограничений в праве может быть направлено на установление пределов реализации различных средств правового регулирования, что позволяет выделить такие разновидности ограничений ограничений в праве, как ограничения действия юридических запретов, обязанностей, приостановлений, сервитутов, мер юридической ответственности, мер принуждения, лимитов, квот и пределов в праве.

2) Ограничение ограничения в праве по отношению к общему ограничению правового регулирования выступает в роли либо его структурного компонента – внутреннего ограничения ограничения в праве, которое устанавливает пределы реализации данного ограничения (количественные, временные, территориальные, субъектные и иные) и содержится в том же элементе нормы права, что и общее ограничение правового регулирования, либо устанавливает перечень условий, когда общее ограничение в праве не применятся и закрепляется в отдельной правовой норме, что позволяет характеризовать его как внешнее по отношению к общему ограничению правового регулирования.

3) Ограничения ограничений в праве могут закрепляться в гипотезе или диспозиции правовой нормы. Закрепление ограничения ограничения в праве в санкции нормы права невозможно, поскольку противоречит его целевому назначению, которое заключается в предоставлении субъекту общего ограничения правового регулирования определенных возможностей в выборе вариантов правомерного поведения и не может быть связано с применением к данному субъекту мер юридической ответственности.

4) Ограничения ограничений в праве содержатся во всех основных отраслях российского законодательства, при этом они могут закрепляться как материальными, так и процессуальными нормами права.

5) Одной из ключевых характеристик любого ограничения ограничения в праве является специфика его воздействия на общее ограничение в праве, с учетом которой представляется возможным выделить ограничения ограничений в праве, устанавливающие количественные, временные, субъектные, территориальные пределы действия общих ограничений правового регулирования.

Список цитируемых источников

Головкин 2018 – *Головкин Р. Б.* Некоторые аспекты ограничения ограничений в праве // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 127–131.

Малько 2004 – *Малько А. В.* Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2004. 250 с.

Приходько 2001 – *Приходько И. М.* Ограничения в российском праве: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 195 с.

References

Golovkin, R. B. (2008), “Some aspects of the restriction limits in law”, *Yuridicheskaya tekhnika*, no. 12, pp. 127–131.

Mal’ko, A. V. (2004), *Stimuly i ogranicheniya v prave*, 2 izd., pererab. i dob. [Incentives and restrictions in law, 2nd ed., rev. and enl.], Yurist”, Moscow, Russia.

Prikhod’ko, I. M. (2001), Restrictions in Russian law: problems of theory and practice, Ph.D. Thesis, theory and history of law and state, history of the legal doctrines, Saratov State Academy of Law, Saratov, Russia.

Информация об авторе

Басов Владислав Алексеевич,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; vladislavbasov@yandex.ru

Information about the author

Basov Vladislav A.,
Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, the Russian Federation; vladislavbasov@yandex.ru

Для цитирования

Басов В. А. Классификация ограничений ограничений в праве // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 158–164.

For citation

Basov, V. A. (2020), “Classification of restriction limits in law” *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, no. 3(56), pp. 158–164.

УДК 347.97

В. М. Большакова[1]
[1] *Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Нижний Новгород, Российская Федерация*

V. M. Bol'shakova[1]
[1] *Nizhny Novgorod Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, the Russian Federation*

Принципы организации судебной системы Российской империи в 1864–1917 гг.

Principles of organization of the judicial system of the Russian Empire in 1864–1917

Ключевые слова: судебная система; Российская империя; принципы организации судебной системы; судебная реформа 1864 г.

Аннотация. В статье анализируются принципы организации судебной системы Российской империи в 1864–1917 гг. Автор, основываясь на законодательных актах, изданных в тот период, выделяет следующие принципы организации судебной системы: 1) принцип отделения судебной власти от административной, или принцип независимости (самостоятельности) судебной власти; 2) принцип всесословности, или равенства всех подданных перед судом; 3) принцип сочетания единоличной и коллегиальной судебной власти; 4) окружной принцип организации судебной системы; 5) принцип сочетания выборности и назначения судей; 6) принцип участия населения в отправлении правосудия; 7) принцип рассмотрения дела по существу не более чем в двух инстанциях. На основе проведенного исследования автор делает вывод о целесообразности обращения к историческому опыту с целью совершенствования работы судебной системы на современном этапе.

Key words: judicial system; the Russian Empire; principles of organization of the judicial system; judicial reform of 1864.

Abstract. The article analyzes the principles of organization of the judicial system of the Russian Empire in 1864-1917. The author, based on the legislative acts issued at that time, identifies the following principles of the organization of the judicial system: 1) the principle of separation of the judiciary power from the administrative one, or the principle of independence (autonomy) of the judiciary power; 2) the principle of equality of estates, or equality of all citizens before the court; 3) the principle of a combination of sole and collegial judiciary; 4) the district principle of the organization of the judicial system; 5) the principle of a combination of election and appointment of judges; 6) the principle of public participation in the administration of justice; 7) the principle of consideration of the case on the merits in no more than two instances. Based on the research, the author concludes that it is appropriate to refer to historical experience in order to improve the work of the judicial system at the present stage.

Основу судебной системы всегда составляют определенные принципы, т. е. базовые, исходные идеи. Очевидно, что сначала возникает идея, которая выражается в законопроекте, потом закрепляется в нормативном правовом акте и, в конечном итоге, реализуется на практике. Проблема принципов права на протяжении уже нескольких десятилетий является объектом пристального внимания ученых [Ершов 2018][1]. В наши задачи не входит ее рассмотрение. Более того, нас интересуют не принципы права как таковые, а принципы организации судебной системы.

Принципы организации судебной системы – это не принципы осуществления правосудия и не принципы судебной власти, это идеи именно организационного плана, которые лежат в основе построения судебной системы. Другими словами, речь идет об идеях, определяющих структуру судебной системы и соотношение входящих в нее элементов.

Исходя из позитивистского понимания принципов права [Демичев 2014; Илюхина, Демичев 2016; Demichev, Engibaryan, Il'yukhina, Paramonov 2020], мы полагаем, что принципы организации судебной системы – это такие основополагающие, исходные, базовые нормативно закрепленные идеи, которые лежат в основе организации судебной системы. Принципы организации судебной системы не следует путать с принципами права, принципами отраслей права, принципами судопроизводства. По большому счету, синонимом принципов организации судебной системы можно считать принципы судоустройства.

[1] См. также опубликованные материалы XXI Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Система принципов российского законодательства: техника закрепления, интерпретации, реализации» (Юридическая техника. 2020. № 14).

© Большакова В. М., 2020

Естественно, по мере развития государства и общества, менялись и принципы организации судебной системы. По этой причине можно с уверенностью назвать такие особенности принципов организации судебной системы, как зависимость от конкретно-исторической ситуации, а именно, историческую контекстуальность и динамичность.

Далее мы рассмотрим принципы организации судебной системы Российской империи, установленные в ходе судебной реформы 1864 г. и просуществовавшие до 1917 г., когда в результате Октябрьской революции произошел слом старого аппарата власти, а большевики приступили к созданию новых государственных органов. Дореформенная судебная система основывалась на иных принципах. Не вдаваясь в детали, отметим, что таковыми являлись единство административной и судебной власти[1], сословный характер, множественность инстанций, отсутствие четкой определенности их компетенции и др.

Принципы организации судебной системы, созданной в ходе судебной реформы императора Александра II, были нормативно закреплены в первую очередь на декларативном уровне в указе «Об учреждении судебных установлений и о Судебных уставах» от 20 ноября 1864 г.[2] (далее: Указ 1864 г.). В этом нормативном правовом акте Александр II, развивая идеи, высказанные им еще 19 марта 1856 г. в манифесте «О прекращении войны»[3], сформулировал свое желание при введении Судебных уставов: «…водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных Наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе Нашем то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего».

В Учреждении судебных установлений от 20 ноября 1864 г.[4] (далее: Учреждение 1864 г.) принципы организации судебной системы получили не только нормативное закрепление, но и наполнились конкретным содержанием.

Поскольку в дореволюционном законодательстве термин «принцип» применительно к организации судебной системы не использовался, мы вычленили основные идеи, лежащие в основе организации судебной системы Российской империи, из текстов нормативных актов.

Итак, на основе анализа Указа 1864 г. и Учреждения 1864 г. можно выделить следующие принципы организации судебной системы Российской империи.

1. *Принцип отделения судебной власти от административной.* Именно так данный принцип именовался в дореволюционных работах, ему уделялось значительное внимание исследователей, а его введение воспринималось в качестве одного из важнейших достижений судебной реформы 1864 г. [Готье 1915; Джаншиев 2004, с. 62–68]. Обратим внимание, что «отделение судебной власти от административной» – это есть доктринальная, а не законодательная формулировка. В Указе 1864 г. Александр II использует такие слова, как «возвысить судебную власть» и «дать ей надлежащую самостоятельность». Данный принцип сущностно закреплялся в ст. 1 Учреждения 1864 г. путем составления исчерпывающего перечня судебных органов, которым «власть судебная принадлежит».

Современные исследователи С. М. Шахрай и К. П. Краковский называют исследуемый принцип функциональным принципом «независимости суда и отделения судебной власти от административной» [Шахрай, Краковский 2014, с. 76]. По нашему мнению, такое название принципа является, скорее всего, данью исторической традиции, а не выражением его сущностной характеристики. По сути, ст. 1 Учреждения 1864 г. закреплялся принцип независимости (самостоятельности) судебной власти. Обычно о независимости или самостоятельности судебной власти говорят в контексте теории разделения властей. Однако особенностью российского права изучаемого периода являлось отсутствие этого принципа как такового. На этом пути выделение судебной ветви власти в самостоятельную было важным шагом, а выглядело как отделение судебной власти от административной.

Мы поддерживаем точку зрения М. В. Немытиной, которая отметила важную специфическую черту принципов судоустройства и судопроизводства в Российской империи: «Принципы, которые в других странах получили право на существование в результате революций и нашли законодательное закрепление в конституциях (независимость судебной власти как проявление принципа разделения властей, презумпция невиновности, право обвиняемого на защиту, гласность и состязательность

---

[1] Взаимопроникновение административной и судебной власти до судебной реформы Александра II было настолько сильным, что порой было невозможно разграничить административные и судебные органы, а применительно к преобразованиям Екатерины II в судебной сфере в научной литературе используется термин не «судебная реформа», а «административно-судебная реформа» [Мигунова 2009].

[2] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Спб. : Тип. II Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1867. Т. 39, отд. 2, № 41473.

[3] Там же. Собр. 2-е. Спб. : Тип. II Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1857. Т. 31, отд. 1, № 30273. Именно в данном документе прозвучало знаменитое «правда и милость да царствуют в судах».

[4] Там же. Т. 39, отд. 2, № 41475.

процесса, участие общественности в лице присяжных заседателей в отправлении судопроизводства), в России были провозглашены по инициативе правительства – "революция сверху" – и впервые закреплены не на конституционном уровне, а судебными уставами 1864 г. …» [Немытина 1999, с. 50].

Проведение судебных преобразований «сверху» в Российской империи относительно принципов организации судебной системы и судопроизводства вылилось в то, что «те принципы, которые в других странах носят характер конституционных, в России впервые появились на уровне отраслевого законодательства и касались только одной сферы – судебной» [Немытина 1999, с. 51].

Обратим внимание, что принцип независимости, или самостоятельности, судебной власти в пореформенной России не был абсолютным. Он был ограничен следующими тремя моментами: 1) Российская империя являлась абсолютной монархией со всеми вытекающими из этого последствиями; 2) Сенат являлся верховным кассационным судом, но при этом он был и высшим административным органом; 3) в примечании к ст. 2 Учреждения 1864 г. содержалась следующая норма: «Судебная власть духовных, военных, коммерческих, крестьянских и инородческих судов определяется особыми о них постановлениями». Тем не менее данный принцип «мог означать конец эры зависимости суда и прекращение вмешательства администрации в его деятельность» [Шахрай, Краковский 2014, с. 76].

2. *Принцип всесословности, или равенства всех подданных перед судом.* Данный принцип закреплялся в ст. 2 Учреждения 1864 г., где говорилось, что судебная власть «распространяется на лица всех сословий и на все дела, как гражданские, так и уголовные». По сути, речь идет о принципе равенства всех подданных перед судом, который в Указе 1864 г. назван как «суд… равный для всех подданных Наших…». Однако, как и предыдущий принцип, этот принцип вводился с определенными ограничениями. В современной научной литературе справедливо отмечается, что «сами Уставы 1864 г. содержали отступление от этого принципа, сохранив созданные ранее сословные суды для крестьян, особые суды для "инородцев" [Шахрай, Краковский 2014, с. 76].

Пережитки сословности сохранялись и в Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г.[1] (далее: Устав 1864 г.). Так, в соответствии с п. «а» ст. 1073 Устава 1864 г. должностные преступления, совершенные чинами губернских и государственных учреждений и выборными лицами, занимающими должности от восьмого до пятого класса включительно, предавались сразу суду судебной палаты. Должностные преступления, совершенные чиновниками, занимавшими должности выше пятого класса, рассматривались в судебном присутствии кассационных департаментов Сената (ст. 1075 Устава 1864 г.). Сразу Верховному уголовному суду подлежали преступления по должности членов Государственного совета, министров и главноуправляющих отдельными частями (ст. 1076 Устава 1864 г.).

Все сказанное выше имеет прямое отношение к принципу сословности в силу следующих обстоятельств. К моменту принятия Судебных уставов 1864 г. все подданные Российской империи, дослужившиеся по гражданской службе до девятого класса по Табелю о рангах, получали личное дворянство, а лица, достигшие четвертого класса, получали потомственное дворянство. Таким образом, рассмотренные нами выше изъятия из общего порядка подсудности имели место по сословному признаку, так как касались только дворянства.

Наконец, уже правоприменительная практика выявила еще одно нарушение принципа всесословности. Оно заключалось в том, что «кассационная практика Сената установила, что в приговоре о лице привилегированного сословия к наказанию, соединенному с лишением всех прав состояния или всех особенных прав и преимуществ, обязательно следовало указывать о представлении такого приговора на высочайшее усмотрение» [Чистяков 1991, с. 343]. Если такого указания не было, то дело возвращалось в суд, вынесший приговор, для внесения соответствующих дополнений. На этом основании Б. В. Виленским был сделан вывод о сохранении в новом судопроизводстве старых сословных, дворянско-чиновничьих привилегий [Виленский 1969, с. 191].

3. *Принцип сочетания единоличной и коллегиальной судебной власти.* Статья 3 Учреждения 1864 г. прямо указывала, что единоличная судебная власть в Российской империи представлена мировым судьей, а съезды мировых судей, окружные суды, судебные палаты и Сенат «суть установления коллегиальные».

4. *Окружной принцип организации судебной системы.* Статья 4 Учреждения 1864 г. гласила: «Ведомство мировых судей, их съездов, окружных судов и судебных палат ограничивается особыми участками и округами». Однако судебная власть Сената распространялась на территорию всего государства. Суть данного принципа состояла в том, что судебные округа не полностью совпадали с административно-территориальным делением Российской империи.

В Российской империи общие судебные установления были представлены окружными судами и судебными палатами, высшей инстанцией для которых являлся Правительствующий Сенат. Из-

[1] URL: constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/ (дата обращения: 05.07.2020).

начально задумывалось, что округа судебных палат будут охватывать несколько окружных судов. При этом территория, подведомственная некоторым окружным судам, полностью совпадала с территорией губернии. Например, сфера деятельности Московского окружного суда совпадала с территорий Московской губернии, Нижегородского окружного суда – с территорией Нижегородской губернии, Пензенского окружного суда – с Пензенской губернией и т. д.

Однако имела место и иная ситуация: в ряде случаев на территории одной губернии действовало несколько окружных судов. Например, с 1866 г. в Тверской губернии было создано сразу три окружных суда (Тверской, Ржевский, Кашинский), в Ярославской – два окружных суда (Ярославский и Рыбинский), в 1874 г. в Черниговской губернии было открыто три окружных суда (Черниговский, Стародубский и Нежинский) и т. д. [Демичев 2003, с. 270–272].

Существовал и третий вариант. При введении Судебных уставов 1864 г. в действие официальная позиция Министерства юстиции заключалась в том, что целесообразно в случаях, когда это удобно для населения, соответствует экономическим условиям местности и отвечает требованиям правосудия, соединять уезды разных губерний в одном окружном суде[1].

Наиболее показательным в этом плане является проведение судебной реформы в Бессарабской области. В 1869 г. в Бессарабской области был создан Кишиневский окружной суд. Однако он не охватывал все уезды области. В ведении Кишиневского окружного суда были только Кишиневский, Бендерский, Оргеевский, Сорокский и Ясский уезды, а территория Аккерманского уезда Бессарабской области оказалась в ведении Одесского окружного суда. Территория же Хотинского уезда той же области была отнесена к ведомству Каменец-Подольского окружного суда. Объяснялся такой подход законодателя достаточно просто. Как отмечает А. В. Калякина, расстояние от Аккермана до Кишинева составляло более 167 верст, а через Днестровский лиман до Одессы – всего 38 верст, расстояние же от Хотина до Кишинева было более 268 верст, а до Каменец-Подольска – лишь 20 верст [Калякина 2019, с. 140–142].

5. *Принцип сочетания выборности и назначения судей.* В соответствие со ст. 10 Учреждения 1864 г. мировые судьи являлись выборными, а все прочие должностные лица судебного ведомства назначались правительством.

6. *Принцип участия населения в отправлении правосудия.* Судебными уставами 1864 г. этот принцип был сужен до участия присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве (ст. 10 Учреждения 1864 г.). Статья 201 Устава 1864 г. вводила правило, согласно которому с участием присяжных заседателей рассматриваются дела о преступлениях или проступках, за которые предусматриваются наказания, соединенные с лишением или ограничением прав состояния. Если вести речь не о выборном народном представительстве, а об участии в судопроизводстве непрофессионального элемента, то принцип участия населения в отправлении правосудия реализовывался и через институт сословных представителей, созданный Судебными уставами для рассмотрения государственных преступлений [Агафанов 2012; Игнатенкова 2007]. Следует отметить, что со временем изменения произошли и в суде присяжных, и в суде сословных представителей, а баланс между этими институтами менялся [Агафонов 2012, с. 118–147].

В конечном итоге 4 марта 1917 г. указом Временного правительства «Об упразднении установленных в законе особых судов»[2] институт сословных представителей был упразднен, а 30 марта 1917 г. постановлением Временного правительства «О передаче государственных преступлений и преступлений по должности судебным установлениям с участием присяжных заседателей»[3] все дела, ранее подсудные суду с участием сословных представителей, были переданы суду с участием присяжных заседателей. Таким образом, как справедливо отмечает А. А. Демичев, «компетенция суда присяжных в 1917 г. оказалась наиболее широкой за всю историю российского суда присяжных» [Демичев 2003, с. 232–233].

7. *Принцип рассмотрения дела по существу не более чем в двух инстанциях.* Данный принцип закреплялся в ст. 5 Учреждения 1864 г. В противоположность судебным порядкам, существовавшим в России до судебной реформы 1864 г., рассмотрение и уголовного, и гражданского дела по существу ограничивалось двумя инстанциями, а именно: в мировых судебных установлениях это был мировой судья и съезд мировых судей, а в общих судебных установлениях – окружной суд и судебная палата. Что касается Правительствующего Сената, то он, по общему правилу, не рассматривал дел по существу в общем порядке судопроизводства, а являлся кассационной инстанцией, наблюдал «за охранением точной силы закона и за единообразным его исполнением всеми судебными установлениями империи».

[1] Судебно-статистические сведения и соображения о введении в действие Судебных Уставов 20-го ноября 1864 года (по 32 губерниям). Спб. : Тип. при Правительствующем Сенате, 1866. Ч. III. С. 8.

[2] Вестник Временного правительства. 1917. № 1.

[3] Там же. № 21.

Таким образом, исходя из анализа дореволюционного законодательства, можно с уверенностью утверждать, что организация судебной системы в период с 1864 по 1917 г. основывалась на семи нормативно закрепленных принципах: 1) принцип отделения судебной власти от административной, или принцип независимости (самостоятельности) судебной власти; 2) принцип всесословности, или принцип равенства всех подданных перед судом; 3) принцип сочетания единоличной и коллегиальной судебной власти; 4) окружной принцип организации судебной системы; 5) принцип сочетания выборности и назначения судей; 6) принцип участия населения в отправлении правосудия; 7) принцип рассмотрения дела по существу не более чем в двух инстанциях.

Наше обращение к историческому опыту не случайно, поскольку изучение процесса становления отечественной судебной системы позволяет лучше понять настоящее, сделать правильные выводы, что особенно важно для судебной системы правового государства, коим является современная Россия.

Список цитируемых источников

Агафонов 2012 – *Агафонов С. Ю.* Суды с народным представительством в России в X – начале XX веков (историко-правовое исследование) : дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012. 196 с.

Виленский 1969 – *Виленский Б. В.* Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов : Приволж. кн. изд., 1969. 400 с.

Готье 1915 – *Готье Ю.* Отделение власти судебной от административной // Судебная реформа. В 2 т. Т. 1 / сост. Н. Б. Давыдов и Н. М. Полянский. М. : Объединение; Т-во скоропеч. А. А. Левенсона, 1915. С. 181–204.

Демичев 2014 – *Демичев А. А.* Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 5–13.

Демичев 2003 – *Демичев А. А.* Сравнительно-правовое исследование суда присяжных в России (история и современность) : дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 481 с.

Джаншиев 2004 – *Джаншиев Г. А.* Основы судебной реформы. М. : Статут ; РАП, 2004. 316 с.

Ершов 2018 – *Ершов В. В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М. : РГУП, 2018. 625 с.

Игнатенкова 2007 – *Игнатенкова И. А.* Суд сословных представителей в России: становление и развитие : дис… канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 188 с.

Илюхина, Демичев 2016 – *Илюхина В. А., Демичев А. А.* Принципы семейного права Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовой анализ) // Семейное и жилищное право. 2016. № 4. С. 7–11.

Калякина 2019 – *Калякина А. В.* Судебная реформа второй половины XIX века в Бессарабии : дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. 211 с.

Мигунова 2009 – *Мигунова Т. Л.* «Для умножения порядка и беспрепятственного течения правосудия…». Административно-судебная реформа Екатерины II. М. : Nota Bene, 2009. 560 с.

Немытина 1999 – *Немытина М. В.* Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. Саратов : СЮИ МВД РФ, 1999. 256 с.

Чистяков 1991 – Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 8 / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1991. 496 с.

Шахрай, Краковский 2014 – *Шахрай С. М., Краковский К. П.* Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех: к 150-летию судебной реформы в России. М. : Кучково поле, 2014. 536 с.

Demichev, Engibaryan, Il'yukhina, Paramonov 2020 – The principle of compensation as a guarantee of human rights and freedoms (as exemplified by the legislation of the Russian Federation) / A. A. Demichev [et al.] // Revista Gênero e Direito. 2020. T. 9, № 4. P. 788–806.

References

Agafonov, S. Yu. (2012), Courts with people's representation in Russia in the 10th – early 20th centuries (historical and legal research), Ph. D. Thesis, theory and history of law and state, history of doctrines on law and state, N. Novgorod Academy of the MIA of Russia, N. Novgorod, Russia.

Chistyakov, O. I. (ed.) (1991), *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov, v 9 t., t. 8* [Russian legislation of the X–XX centuries, in 9 vol., vol. 8], Yuridicheskaya literatura, Moscow, Russia.

Demichev, A. A. (2003), Comparative legal study of the jury in Russia (history and modernity), D. Sc. Thesis, theory and history of law and state, history of legal doctrines, N. Novgorod Academy of the MIA of Russia, N. Novgorod, Russia.

Demichev, A. A. (2014), "Positivist classification of the principles of modern Russian law", *Gosudarstvo i parvo,* no. 5, pp. 5–13.

Demichev, A. A., Engibaryan, M. A., Il'yukhina, V. A. and Paramonov, A. V. (2020), "The principle of compensation as a guarantee of human rights and freedoms (as exemplified by the legislation of the Russian Federation)", *Revista Gênero e Direito,* vol. 9, no. 4, pp. 788–806.

Dzhanshiev, G. A. (2004), *Osnovy sudebnoi reformy* [Foundations of judicial reform], Statut, RAP, Moscow, Russia.

Ershov, V. V. (2018), *Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii* [Legal and individual regulation of public relations], RGUP, Moscow, Russia.

Got'e, Yu. (1915), "Separation of judicial power from administrative", *Sudebnaya reforma, v 2 t., t. 1* [Separation of judicial and administrative power, in 2 vol., vol. 1], Ob"edinenie, Tipografiya skoropechatni A. A. Levensona, Moscow, Russian Empire, pp. 181–204.

Ignatenkova, I. A. (2007), Court of estate representatives in Russia: formation and development, Ph. D. Thesis, theory and history of law and state, history of doctrines on law and state, Saratov State Academy of Law, Saratov, Russia.

Il'yukhina, V. A. and Demichev, A. A. (2016), "Principles of family law of the Russian Federation and the Republic of Armenia (comparative legal analysis)", *Semeinoe i zhilishchnoe parvo,* no. 4, pp. 7–11.

Kalyakina, A. V. (2019), Judicial reform of the second half of the 19th century in Bessarabia, Ph. D. Thesis, theory and history of law and state, history of doctrines on law and state, RUDN university, Moscow, Russia.

Migunova, T. L. (2009), *"Dlya umnozheniya poryadka i besprepyatstvennogo techeniya pravosudiya…". Administrativno-sudebnaya reforma Ekateriny II* ["To increase order and the smooth flow of justice ...". Administrative and judicial reform of Catherine II], Nota Bene, Moscow, Russia.

Nemy'tina, M. V. (1999), *Sud v Rossii: vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.* [Court in Russia: the second half of the 19th–early 20th centuries], SYuI MVD RF, Saratov, Russia.

Shakhrai, S. M. and Krakovsky, K. P. (2014), *Sud skoryi, pravyi, milostivyi i ravnyi dlya vsekh: k 150-letiyu sudebnoi reformy v Rossii* [The court is fast, right, merciful and equal for all: to the 150th anniversary of the judicial reform in Russia], Kuchkovo pole, Moscow, Russia.

Vilensky, B. V. (1969), *Sudebnaya reforma i kontrreforma v Rossii* [Judicial reform and counter-reform in Russia], Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, Saratov, Russia.

Информация об авторе

Большакова Валентина Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент, Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Нижний Новгород, Российская Федерация;
valentinabolshakova@rambler.ru

Information about the author

Bol'shakova Valentina M.,
PhD (law), associate professor,
Nizhny Novgorod Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Nizhny Novgorod, the Russian Federation;
valentinabolshakova@rambler.ru

Для цитирования

Большакова В. М. Принципы организации судебной системы Российской империи в 1864–1917 гг. // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 165–170.

For citation

Bol'shakova, V. M. (2020), "Principles of organization of the judicial system of the Russian Empire in 1864–1917", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 165–170.

УДК 343.326:004

Р. Б. Головкин[1]
И. Л. Петрова[1]
[1] *Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*

R. B. Golovkin[1]
I. L. Petrova[1]
[1] *Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, the Russian Federation*

Скрытые угрозы терроризма в цифровом пространстве: юрислингвистическое измерение

Hidden threats of terrorism in digital space: a legal-linguistic dimension

Ключевые слова: терроризм; цифровые угрозы; скрытые угрозы; юрислингвистический анализ; эксплицитное выражение; имплицитное выражение; элиминация; детекция; противоправное деяние; иллокутив; анафорические связи.

Аннотация. Статья посвящена исследованию угроз совершения террористических актов с использованием цифровых информационно-коммуникационных средств. Авторы рассматривают конкретные случаи угроз подобного рода, уделяя особое внимание косвенным, имплицитным угрозам. На основании юрислингвистического анализа выводятся общие закономерности цифровых угроз, выделяются особенности скрытых цифровых угроз. Авторами формулируется определение цифровых угроз совершения террористического акта: это транслируемое с помощью информационно-цифровых средств сообщение в виде иллокутивного (целенаправленного) речевого акта (прямого или скрытого), содержащего для объекта иллокуции негативную информацию, которая вызывает у него чувство опасности и эмоцию страха. В заключение авторы вносят предложения по совершенствованию охранительного законодательства путем: исключения из ч. 1 ст. 207 Уголовного кодекса Российской Федерации «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма» мотива совершения данного вида преступления – «совершенное из хулиганских побуждений» и введения специальной ст. 207.1 «Цифровые угрозы совершения террористического акта».

Key words: terrorism; digital threats; hidden threats; legal linguistic analysis; explanatory expression; implicit expression; elimination; detection; illegal act; illocution; anaphoric connections.

Abstract. The article is devoted to the study of threats of terrorist acts using digital information and communication means. The authors consider specific cases of threats of this kind, paying special attention to indirect, implicit threats. On the basis of legal linguistic analysis, common patterns of digital threats are identified, features of hidden digital threats are highlighted. The authors formulate a definition of digital threats to commit a terrorist act: it is a message broadcast by information and digital means in the form of an illocotive (targeted) speech act (direct or hidden) containing negative information for the object of illocution, which causes him a sense of danger and emotion of fear. In conclusion, the authors make proposals to improve the protection legislation: to exclude from the first article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation "Deliberately false report of an act of terrorism" the motive of committing this type crimes: "committed out of vandalic motives"; introduce a special article 207.1 "Digital threats to commit a terrorist act".

Терроризм – одно из опаснейших преступлений современности, посредством которого причиняется существенный вред широкому кругу охраняемых законом общественных отношений. Опасность терроризма признается повсеместно во всех современных государствах, национальных правовых системах, в международном праве. Не менее опасна и информация о терроризме, так как она может вызывать опасение, страх и панику у населения. Следовательно, информация о терроризме может служить орудием влияния на поведение людей и средством давления на публичную власть в виде угроз применения террористических актов. Угрозы есть определенные лингвистические формы, отражающие мнимые или реальные намерения субъекта угрозы причинить физический, имущественный или иной вред личности, государству и обществу в целом [Головкин 2018]. В толковых словарях угроза определяется как «запугивание, обещание причинить кому-нибудь неприятность, зло»[1], «обещание причинить зло, неприятность»[2].

В последние годы распространенным объектом террористических угроз стали образовательные организации. 2019 г. был особенно «богат» на угрозы в отношении общеобразовательных, дошкольных и других образовательных организаций.

© Головкин Р. Б., Петрова И. Л., 2020

[1] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1987.

[2] *Ефремова Т. Ф.* Новый толково-словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 2000. Т. 2.

Так, 31.01.2019 многие директора общеобразовательных организаций в России получили ложные сообщения на электронную почту о заложенных в школах взрывных устройствах. Всего было «заминировано» более ста организаций по всей России[1]. И такая ситуация сохранялась в течение всего 2019 г. 10.12.2019 был поставлен практически рекорд ложных угроз, транслируемых с помощью Интернета, когда более 120 тыс. чел. были вынуждены покинуть здания из-за анонимных сообщений о бомбах[2].

Обозначенный тренд, сформировавшийся в развитии терроризма, опасен, но достаточно прозрачен для определения виновности субъектов, транслирующих данную разновидность цифровых угроз. Сложнее определить скрытые цифровые угрозы террористических актов.

Речевой акт угрозы, как и всякий речевой акт, может быть эксплицитным (выраженным прямо, открыто) и имплицитным (выраженным в косвенной форме, скрыто). Понятно, что прямое выражение как вербальная угроза квалифицируется без проблем: обычные формы указанных речевых актов – простые предложения с подлежащим, обозначающим субъекта угрозы, выраженным личным местоимением 1-го лица единственного или множественного числа (*я/мы*), и сказуемым, выраженным глаголом в изъявительном наклонении будущего времени, с семантикой угрожающего действия (*взорву/взорвем, уничтожу/уничтожим, изобью/изобьем и т. п.*). Угроза же в скрытой форме выявляется значительно сложнее, для этого требуется специальное юрислингвистическое исследование.

Процесс выявления закономерностей скрытых цифровых угроз сложен, противоречив и связан с языковыми особенностями угрожающей информации. Рассмотрим данный процесс на конкретном примере.

Авторам статьи поступил запрос от УМВД России по г. Владимиру на проведение юрислингвистического исследования материалов, представленных в скриншотах сообщений, поступивших на электронную почту гимназии № 23 г. Владимира (31.01. 2019 и 01.02.2019).

На разрешение специалистов был поставлен следующий вопрос: содержатся ли в представленных на исследование материалах лингвистические признаки угрозы террористического акта по отношению к образовательной организации МАОУ г. Владимира «Гимназия № 23»?

Объект исследования составили сообщения, поступившие на электронную почту гимназии № 23, а также сообщение, поступившее на электронный адрес городской больницы № 1 им. Г. И. Дробышева г. Магнитогорска:

1. Сообщение (скриншот) от 31.01.2019; 08.39 на электронные адреса Mgb1@mail.ru; sch-23@mail.ru: «31.02.19 12.00 2 этаж, да придет правосудие».

2. Сообщение (скриншот) от 01.02.2019; 08.13 на электронный адрес sch-23@mail.ru: «Разминка окончена. 10.00».

3. Сообщение (скриншот) от 01.02.2019; 15.58 на электронный адрес sch-23@mail.ru: «вы показали, что все, что мы делаем, бесполезно. gip34bop2onion3301t.me/donald_fuck».

4. Сообщение (скриншот) от 01.02.2019; 16.00 на электронный адрес sch-23@mail.ru: «встретимся в понедельник. Нагорная проповедь. Апокрифы».

Для установления факта скрытой цифровой угрозы терроризма в представленных сообщениях использовались следующие методы лингвистического анализа:

– предметно-тематический анализ, в ходе которого установлен предмет речи, то, что сказано о предмете речи, содержательные типы высказываний;

– оценочно-экспрессивный анализ, с помощью которого установлена выраженность в высказываниях эмоциональной оценки предупреждения типа «вам будет плохо»;

– целевой анализ, в ходе которого установлена угроза как комплексная речевая цель высказываний;

– лексико-семантический и лингвостилистический анализ.

Исследование проводилось в соответствии с методиками производства психолого-лингвистических исследований [Баранов 2011; Баранов, Кунина 2002; Бринев 2009; Галяшина 2006; Кукушкина, Сафонова, Секераж 2011; Радбиль, Юматов 2014; Серль 1986].

В результате предметно-тематического, оценочно-экспрессивного, целевого, а также лексико-семантического и лингвостилистического анализа речевых сообщений, проведенного с учетом коммуникативной ситуации, установлено, что исследуемые высказывания имеют следующие признаки: содержится информация о предмете речи, выражена модальная и эмоциональная оценка предупреждения типа «вам будет плохо» в функции угрозы насильственных действий, выражена речевая цель побуждения к речевой эмоции типа «страх».

С лингвистической точки зрения тематика представлена пропозитивным содержанием текстовых

[1] *Минаева В.* Когда это закончится? Издевательство над психикой детей: Россию накрыла новая волна лже-минирований. URL: https://www.vladimir.kp.ru/daily/26936.4/3986785/ (дата обращения: 20.01.2020).

[2] *Чердникова С.* Российские детсады и школы стали мишенью для телефонных террористов. URL: https://www.bfm.ru/news/431725 (дата обращения: 20.01.2020).

высказываний – языковым воплощением определенной ситуации в действительность: «31.02.19 12.00 2 этаж, да придет правосудие», «Разминка окончена. 10.00», «вы показали, что все, что мы делаем, бесполезно», «встретимся в понедельник». Предмет речи – экстремистские действия – можно назвать скрытым, поскольку он не обозначен прямо. Это имплицитное выражение предмета речи, что устанавливается путем логико-семантического следования («Носитель языка, которому предъявлено предложение P, может построить ряд других предложений (Q1, Q2), которые следуют из P, или, иначе говоря, являются следствиями P» [Кобозева 2003]), которое позволяет сделать вывод типа «*если сказано А, значит, сказано и Б*». Представленные для анализа высказывания содержат семантический компонент угрозы насильственных действий: целенаправленное нагнетание страха («да придет правосудие», «Разминка окончена», «вы показали, что все, что мы делаем, бесполезно», «встретимся в понедельник») без конкретной номинации действий, однако с указанием конкретного времени (12.00; 10.00), что позволяет адресату домысливать ситуацию, предвидя возможные трагические последствия скрытых угроз.

Выявленный путем логико-семантического следования семантический характер высказываний подтверждается и так называемой подкрепляющей информацией [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2011, с. 85], которую обнаруживаем в первом адресе первого сообщения: Mgb1@mail.ru – это адрес электронной почты городской больницы № 1 им. Г. И. Дробышева г. Магнитогорска. В этом городе 31.12.2018 произошел взрыв в жилом доме, в результате чего погибли 39 чел. (поначалу данное трагическое происшествие было расценено Следственным комитетом Российской Федерации как результат взрыва бытового газа, однако позднее стало известно, что запрещенная в Российской Федерации террористическая организация «Исламское государство» взяла на себя ответственность за произошедшее). После этого (21.01.2019 и 22.01.2019) практически все социальные учреждения города получили по электронной почте предупреждения об угрозе новых взрывов. В частности, такое письмо поступило и в городскую больницу № 1, адрес которой указан в первом анализируемом сообщении. После получения аналогичного письма также была эвакуирована одна из магнитогорских школ[1].

Естественно, что руководство всех социальных учреждений России, в особенности больниц, поликлиник, дошкольных образовательных и общеобразовательных организаций, усилило меры безопасности. В этой связи понятна и закономерна реакция руководства гимназии № 23 г. Владимира (организация эвакуации, которая, как и выезд «тревожных» групп, должна проводиться обязательно, что приводит к появлению у людей чувства страха, беззащитности и дискомфорта в создавшейся ситуации) после получения 31.01.2019 и 01.02.2019 сообщений по электронной почте, в первом из которых даже указывается время (12.00) «пришествия» правосудия на 2-й этаж школы – места, где, помимо учебных кабинетов, располагаются руководство гимназии и учительская.

«Подкрепляющая» информация свидетельствует о косвенном речевом акте угрозы насильственных действий. Признаком такого имплицитного речевого акта является и отсутствие в высказываниях конкретных обращений, тем не менее адресаты угрозы легко определяются по двум адресам электронной почты: Mgb1@mail.ru; sch-23@mail.ru – это электронные адреса городской больницы № 1 им. Г. И. Дробышева г. Магнитогорска и МАОУ г. Владимира «Гимназия № 23».

Несмотря на желание адресанта (отправителя речи) сообщений скрыть явные экстремистские намерения (в высказываниях открыто не говорится о каком-либо насилии), используемые им языковые средства свидетельствуют о его стремлении сформировать у адресата идею причинения ему вреда. Так, желательность и необходимость «правосудия» обосновывается с помощью побудительного типа предложения с глаголом-сказуемым в форме 3-го лица единственного числа с формообразующей частицей «да»: «да придет правосудие». Таким образом, угроза вербализуется использованием побудительного содержательного типа высказывания, т. е. выражается эксплицитно (явно, открыто), хотя при этом автор не говорит о себе как об исполнителе угрозы. С лингвистической точки зрения в подобном случае имеет место предупреждение о негативных последствиях.

Для косвенной формы выражения речевого акта угрозы также характерна элиминация (ослабление) некоторых компонентов угрозы: в анализируемых высказываниях это скрытое, неявное обозначение говорящего (автора сообщений); ослабление побуждения адресата к конкретным действиям; расплывчатое, неконкретное выражение характера ущерба/вреда для адресата («Разминка окончена», «вы показали, что все, что мы делаем, бесполезно», «встретимся в понедельник. Нагорная проповедь. Апокрифы»). При этом сохраняются отличительные признаки коммуникативного намерения угрозы: идея причинения вреда, направленность акта в будущее время («да придет правосудие»), идея неотвратимости какого-то действия, наносящего ущерб адресату («вы показали, что все, что мы делаем, бесполезно», «встретимся в понедельник»).

[1] URL: https://politua.org/novosti/57213 (дата обращения 15.06.2020).

Выявленное коммуникативное намерение угрозы насильственных действий выражается с помощью императивной конструкции, о которой уже говорилось («да придет правосудие» – сказуемое представлено формой повелительного наклонения глагола 3-го лица единственного числа с формообразующей частицей «да»). В конструкции элиминирован (не выражен) субъект угрозы, т. е. не указывается, кем должно быть совершено «правосудие»; не обозначено также конкретное действие по осуществлению «правосудия» и не конкретизирован адресат угрозы – кто именно подлежит «правосудию», однако, как подчеркивалось выше, объекты (адресаты) угрозы (а это необходимый компонент данного экстремистского значения) обозначены в адресах электронной почты – социальные учреждения (городская больница № 1 им. Г. И. Дробышева г. Магнитогорска и МАОУ г. Владимира «Гимназия № 23»).

Таким образом, признаки имплицитного косвенного речевого акта угрозы сохраняются.

Как известно, смысл текста не является механической суммой буквального смысла отдельных слов и высказываний. У текста свои структура и грамматика. Особенно существенны при этом анафорические связи, т. е. наличие отсылок к предупомянутому. В анализируемом тексте (а именно таковым является в целом весь ряд высказываний, содержащихся в сообщениях, пришедших на электронный адрес гимназии № 23, – это как раз и подтверждается наличием анафорических связей) есть такие связи: во втором сообщении, от 01.02.2019, говорится об окончании «разминки» (<скоро будут совершены действия, разминка по которым окончена>, – таково смысловое содержание этого сообщения) и обозначается время (10.00) – явный отсыл к первому сообщению, от 31.01.2019, в котором объявлялось о грядущем «правосудии» (<справедливое решение дела скоро осуществится> – таково смысловое содержание первого письма) и также было обозначено время (12.00), после чего была проведена эвакуация гимназии. Второе сообщение стало причиной повторной эвакуации общеобразовательной организации, после чего в тот же день, 01.02.2019, в 15.58 на электронный адрес гимназии приходит третье сообщение: «вы показали, что все, что мы делаем, бесполезно. gip34bop2onion3301t.me/donald_fuck» (<представители школы – «вы» – что-то делали не так, не удовлетворили каких-то интересов, потребностей или требований авторов письма>) – опять отсыл к предыдущей ситуации. И, наконец, в четвертом сообщении (того же дня, в 16.00, через две минуты после третьего) говорится о встрече «в понедельник» (<некие действия будут совершены в понедельник>), т. е. налицо анафорическая связь с предшествующим высказыванием: если все, что делается «авторами» (определенно-личный тип односоставного предложения «встретимся в понедельник» позволяет говорить о множественном числе – сказуемое выражено глаголом в форме будущего времени 1-го лица множественного числа), бесполезно, то придется «встречаться» еще раз – такой вывод позволяет сделать и применение приема логико-семантического следования.

Итак, прием анафорических связей повышает убедительность содержания высказываний, усиливает категоричность угрозы и придает тексту завершенность.

В четвертом сообщении, от 01.02.2019, 16.00, обращают на себя внимание последние слова «Нагорная проповедь. Апокрифы». Нагорная проповедь – это изречения Иисуса Христа, в которые входят известные молитвы (например, «Отче наш») и заповеди. Апокрифы – религиозные произведения, не включенные в церковный канон. Анафорическую связь данных выражений с предтекстом установить довольно проблематично. Однако данные высказывания вызывают ассоциации с внешне религиозным характером многих террористических организаций. Например, таков внешний характер «Исламского государства» (запрещено в России), взявшего на себя ответственность за взрыв 31.12.2018 в жилом доме в г. Магнитогорске, куда на адрес городской больницы № 1 было отправлено так же, как и на адрес гимназии № 23 г. Владимира, первое сообщение. Следовательно, предложения «Нагорная проповедь. Апокрифы» тоже представляют собой имплицитную угрозу.

Широкий контекст, ситуация речи (далее: конситуация) – мощный механизм формирования нужной автору оценки. В нашем случае на оценивание содержания высказываний как угрозы применения насильственных действий работает конситуация, описанная выше («подкрепляющая» информация): сообщение о возможном и желательном справедливом решении дела («12.00 2 этаж, да придет правосудие») было отправлено не только на адрес гимназии № 23 г. Владимира, но и на адрес больницы № 1 г. Магнитогорска.

Несмотря на элиминацию отдельных элементов речевого акта угрозы (неявное обозначение адресанта, неконкретное выражение способов осуществления угрозы, характера вреда для адресата), возможность детекции показателей коммуникативного намерения угрозы сохраняется. Главные из этих показателей – мысль о причинении ущерба, отнесенность речевого акта к плану будущего времени, желание вызвать страх.

На основании вышесказанного определяется речевая цель анализируемых сообщений – добить-

ся посредством передаваемой информации определенной реакции получателя, а именно: побудить его к речевой эмоции страха. Подобная цель является одним из компонентов террористического значения «угроза применения насилия, опасного для многих лиц».

В целом проведенное исследование позволило выявить в представленных материалах лингвистические признаки угрозы применения насилия по отношению к МАОУ г. Владимира «Гимназия № 23», которая является объектом социальной инфраструктуры.

На основании лингвистического анализа в представленных на исследование сообщениях усматриваются также и юридические признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 207 Уголовного кодекса Российской Федерации «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма». Объективная сторона преступления в рассматриваемом случае проявляется в заведомо ложном сообщении о действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, совершенное в отношении объектов социальной инфраструктуры.

Таким образом, опираясь на юрислингвистический анализ случаев скрытых цифровых угроз совершения террористических актов, следует отметить следующие обстоятельства.

Во-первых, для квалификации угрозы совершения террористического акта не важен факт ее реализации либо отсутствие такового.

Во-вторых, для квалификации скрытой угрозы совершения террористического акта необходим препозиционный ряд лингвистически однозначных (эксплицитных или имплицитных) угроз. При этом следует иметь в виду, что препозиционные угрозы могут высказываться необязательно в отношении объектов скрытой угрозы – эти угрозы могут относиться к любым объектам или субъектам, единственное условие: данные угрозы должны получить широкую огласку.

В-третьих, Интернет как информационно-цифровое средство совершения рассматриваемого типа противоправных деяний выступает фактором, обеспечивающим действенность скрытых угроз, так как с его помощью не только транслируются открытые или скрытые лингвистические угрозы, но и виртуальное пространство выступает средством быстрого распространения информации об угрозах.

В-четвертых, лица, использующие цифровые угрозы (и открытые, и скрытые), как правило, совершают эти действия максимально скрытно и руководствуются самыми различными побуждениями – от хулиганства до принуждения администрации к каким-либо действиям. В связи с данным обстоятельством представляется целесообразным исключить из ч. 1 ст. 207 Уголовного кодекса Российской Федерации «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма» мотив совершения данного вида преступления – «совершенное из хулиганских побуждений». Дело в том, что рассматриваемое деяние опасно вне зависимости от побуждений.

В-пятых, *цифровая угроза террористического акта* – это транслируемое с помощью информационно-цифровых средств сообщение в виде иллокутивного (целенаправленного) речевого акта (прямого или скрытого), содержащего для объекта иллокуции негативную информацию, которая вызывает у него чувство опасности и эмоцию страха.

В-пятых, в связи с распространенностью в последнее время цифровых угроз (явных и скрытых) представляется необходимым ввести в Уголовный кодекс Российской Федерации специальную ст. 207.1 «Цифровые угрозы совершения террористического акта».

Список цитируемых источников

Баранов 2011 – *Баранов А. Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М. : Флинта : Наука, 2011. 593 с.

Баранов, Кунина 2002 – *Баранов А. Г., Кунина М. Н.* Дискурсивные особенности текстов в предметной области «терроризм» // Жанры речи. Вып. 3. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2002. С. 231–239.

Бринев 2009 – *Бринев К. И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул : АлтГПА, 2009. 252 с.

Галяшина 2006 – *Галяшина Е. И.* Лингвистика экстремизма: в помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. проф. М. В. Горбаневского. М. : Юрид. мир, 2006. 96 с.

Головкин 2018 – *Головкин Р. Б.* Право и угрозы // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 1(46). С. 153–159.

Кобозева 2003 – *Кобозева И. М.* Интенциональный и когнитивный аспекты смысла высказывания : автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2003. 92 с.

Кукушкина, Сафонова, Секераж 2011 – *Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н.* Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвостилистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму. М. : Эком-паблишер, 2011. 326 с.

Радбиль, Юматова 2014 – *Радбиль Т. Б., Юматова В. А.* Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3(2). С. 18–21.

Серль 1986 – *Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17 / под общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс, 1986. С. 170–222.

References

Baranov, A. N. (2011), *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic expertise of the text: theory and practice], Flinta, Nauka, Moscow, Russia.

Baranov, A. G. and Kunina, M. N. (2002), "Discursive features of texts in the subject area "terrorism", *Zhanry rechi,* issue 3, GosUNTs" "Kolledzh", Saratov, Russia, pp. 231–239.

Brinev, K. I. (2009), *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza* [Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise], AltGPA, Barnaul, Russia.

Galyashina, E. I. (2006), *Lingvistika ekstremizma: v pomoshch' sud'yam, sledovatelyam, ekspertam* [Linguistics of extremism: to help judges, investigators, experts], in Gorbanevsky, M. V. (ed.), Yuridicheskii mir, Moscow, Russia.

Golovkin, R. B. (2018), "Law and Threats", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(46), pp. 153–159.

Kobozeva, I. M. (2003), The intuitive and cognitive aspects of the meaning of the statement, Abstract of Sc. D. dissertation, theory of language, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Kukushkina, O. V., Safonova, Yu. A. and Sekerazh, T. N. (2011), *Teoreticheskie i metodicheskie osnovy sudebnoi psikhologo-lingvostilisticheskoi ekspertizy po delam, svyazannym s protivodeistviem ekstremizmu* [Theoretical and methodical basis of forensic psychological-lingo-stylistic examination in cases related to countering extremism], Ekom-publisher, Moscow, Russia.

Radbil', T. B. and Yumatov, V. A. (2014), "Ways to identify implicit information in linguistic expertise", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo,* no. 3(2), pp. 18–21.

Serl', Dzh. R. (1986), "Indirect speech acts", *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics], in Gorodetsky, B. Yu. (ed.), issue 17, Progress, Moscow, USSR, pp. 170–222.

Информация об авторах

Головкин Роман Борисович,
доктор юридических наук, профессор, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; golovkinrombor@mail.ru

Петрова Ирина Леонидовна,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; i-l-petrova@mail.ru

Information about the authors

Golovkin Roman B.,
doctor of law, professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, the Russian Federation; golovkinrombor@mail.ru

Petrova Irina L.,
PhD (law), associate professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, the Russian Federation; i-l-petrova@mail.ru

Для цитирования

Головкин Р. Б., Петрова И. Л. Скрытые угрозы терроризма в цифровом пространстве: юрислингвистическое измерение // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 171–176.

For citation

Golovkin, R. B. and Petrova, I. L. (2020), "Hidden threats of terrorism in digital space: a legal-linguistic dimension", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 171–176.

УДК 343.829:94(47).083

М. М. Горбунова[1]
В. П. Алексеенко[1]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

M. M. Gorbunova[1]
V. P. Alekseenko[1]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation*

Общество попечительное о тюрьмах в системе контроля за деятельностью отечественной системы исполнения уголовных наказаний (XIX–начало XX вв.)

Care society for prisons in the system of monitoring the activities of the domestic system for the execution of criminal penalties (XIX–early XX centuries)

Ключевые слова: Общество попечительное о тюрьмах; пенитенциарный контроль; Российская империя; исполнение уголовных наказаний; комитеты и отделения.

Аннотация. Статья посвящена отдельным аспектам деятельности Общества попечительного о тюрьмах в сфере контроля за исполнением уголовных наказаний в XIX–начале XX вв. Авторами исследуются различные подходы, существующие в отечественной юриспруденции, к проблеме отнесения данного органа к субъектам ведомственного пенитенциарного контроля. На основе анализа научной юридической литературы исследуемого периода и архивных документов авторами определены формы и методы пенитенциарного контроля Общества попечительного о тюрьмах, а также выделены положительные и проблемные стороны его деятельности.

Key words: Care society for prisons; prison control; the Russian Empire; criminal execution; committees and departments.

Abstract. The article is devoted to certain aspects of the activity of the Care society for prisons in the sphere of control over the execution of criminal penalties in the period of the XIX–early XX centuries. The authors study various approaches in Russian jurisprudence to the problem of attributing this body to the subjects of departmental penitentiary control. Based on the analysis of scientific legal literature of the period under study and archival documents, the authors determined the forms and methods of penitentiary control of the society for the care of prisons, as well as highlighted its positive aspects and problems.

Одной из идей пенитенциарной реформы в Российской империи второй половины XIX в. явилось создание системы контроля за процессом реализации преобразований в сфере исполнения уголовных наказаний.

Как отмечается в научной юридической литературе, «отличительной чертой организационных основ пенитенциарного контроля исследуемого периода является их изменчивый характер, который обусловлен последовательно сменяющейся политической, экономической, социальной обстановкой в государстве, изменениями в законодательстве, поиском наиболее приемлемых организационных моделей деятельности, сменой форм и методов функционирования» [Горбунова 2016, с. 123].

Говоря об общей характеристике системы пенитенциарного контроля в исследуемый период, нужно отметить, что она носила многоуровневый характер. На государственном уровне контроль осуществлялся высшими органами власти и отраслевого управления. Возглавлял иерархию субъектов контроля император совместно с Сенатом и Государственным советом. Со стороны органов отраслевого управления контрольные полномочия в пенитенциарной сфере были возложены на Министерство внутренних дел, Министерство юстиции, Военное министерство. Причем такой достаточно многочисленный субъектный состав приводил к дублированию контрольно-надзорных полномочий данных органов. Попыткой устранения подобной проблемы стала централизация управления пенитенциарной системой, вследствие которой в отдельный уровень выделился ведомственный контроль. Субъектами последнего выступали Главное тюремное управление с подведомственными учреждениями, а также Общество попечительное о тюрьмах, деятельность которого и является предметом настоящего исследования. На местах контролировали деятельность пенитенциарных учреждений местные органы власти в лице губернаторов и губернского правления, полиции и жандармерии. Отдельное звено в системе пенитенциарного контроля составляла общественность. Как правило, она была представлена частными благотворительными организациями, исправительными приютами, обществами патроната.

Структурная организация пенитенциарного контроля на протяжении этапов тюремной реформы подвергалась существенным изменениям, одни органы сменялись новыми, отвечающими со-

© Горбунова М. М., Алексеенко В. П., 2020

временной концепции пенитенциарной системы, и лишь Общество попечительное о тюрьмах (далее: Общество), возникшее в 1819 г., просуществовало в системе контроля вплоть до начала XX в.

Вопрос о том, что Общество являлось структурным элементом системы пенитенциарного контроля, сегодня в отечественной юриспруденции не вызывает сомнений, однако конфликт научных взглядов возникает при определении принадлежности данного органа к звену государственных органов либо к институтам общественности.

Большинство ученых-юристов полагают, что Общество являлось исключительно частной благотворительной организацией [Лисин, Петренко, Яковлева 1996; Соцкий 2006; Ушаков 2005].

Безусловно, внимания заслуживает мнение профессора А. П. Печникова о том, что правовой статус Общества за свою продолжительную историю существования подвергся изменению, и из филантропической организации частной инициативы данный орган был преобразован в элемент механизма государственного управления [Печников 2002, с. 290]. О том, что данный орган постепенно приобрел «административные функции тюремного надзора» говорит и В. О. Лачина [Лачина 2009, с. 12].

Из проведенного обзорного анализа научной литературы следует, что в настоящее время вопрос о статусе Общества остается спорным. Мы придерживаемся того мнения, что Общество все же по своим юридическим и фактическим основаниям деятельности в большей степени являлось частью государственного аппарата, поскольку, на наш взгляд, общественные начала данного органа носили формальный характер, а вот структурная принадлежность реально была отражена в законодательстве исследуемого периода. Данный орган в 1855 г. был подчинен Министерству внутренних дел, а министр внутренних дел возглавил пост президента общества. Общество получило печать с государственным гербом.

Причем считаем целесообразным не только отнести Общество к государственному аппарату, но и отметить его принадлежность к собственно ведомственному субъекту государственного контроля за функционированием пенитенциарной сферы. Для подтверждения данной точки зрения необходимо обратиться к значению термина «ведомство». По данным энциклопедической литературы ведомство представляет собой учреждение либо систему учреждений, обслуживающих какую-нибудь часть, отрасль государственного управления[1]. Таким образом, Общество, реализуя исключительно пенитенциарную функцию, по праву обладало ведомственным характером.

На законодательном уровне были установлены следующие полномочия по контролю данной структурной организации:

– осуществление надзора за соответствием материально-технического состояния мест заключения установленным требованиям;

– размещение осужденных в строго установленном законом порядке; обеспечение пересылки арестантов в плане снабжения их вещами;

– ревизия финансово-хозяйственной деятельности учреждений, исполняющих уголовные наказания;

– контроль и исправление нравственности заключенных;

– позднее в соответствии со ст. 344 Устава о содержащихся под стражей, изданного в 1890 г., в компетенцию Общества войдет ближайшее наблюдение за законностью распоряжений тюремных администраций по осуществлению арестантского труда.

Общество в лице его руководящего звена (президента, вице-президента) вело наблюдение за ходом тюремных дел. От данной инстанции исходило нормативное регулирование контрольной деятельности. Общество издавало собственные циркулярные распоряжения, например, о порядке составления и доставления отчетности комитетами[2]. Основным средством все же являлась проверка отчетности. При этом она осуществлялась по принципу непрестанности. Позднее В. Н. Никитин отметит, что «непрестанный присмотр со стороны Общества – важнейшее средство, коего верное и непременное использование не может не привести полезных следствий» [Никитин 1880, с. 16]. На необходимость проведения постоянных проверок поступавших сведений также указывала небрежность в составлении данных отчетов, которая подрывала доверие даже к таким сведениям, на достоверность которых вполне, казалось бы, можно было положиться. Так, из отчета тюремного комитета Калужской губернии об обороте денежных средств видно, что за 1857 г. поступило 12,416 руб., израсходовано 11,857 руб., остаток – 10,654 руб.[3]

Изначально Общество, согласно Правилам для Общества попечительного о тюрьмах, утвержденным Александром I 19 июля 1819 г., должно было контролировать лишь моральную сторону заключенных [Лобова 2014]. Однако почти десятилет-

[1] Общий толковый словарь русского языка. URL: http://tolkslovar.ru/v1292.html (дата обращения: 14.07.2020).

[2] Циркуляр Президента Общества Попечительного о тюрьмах от 3 августа 1862 г. № 506 // Сборник циркулярных распоряжений по тюремной части. Спб. : Гл. тюрем. упр., 1862. Ст. 68 ; Циркуляр по Канцелярии Президента Общества Попечительного о тюрьмах от 4 февраля 1869 г. № 19 // Сборник циркулярных распоряжений по тюремной части. Спб. : Гл. тюрем. упр., 1869. Ст. 9.

[3] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. В 39 т. Т. 1-25. Калужская губерния. Спб. : Тип. Э. Веймара, 1864. С. 304–305.

ний опыт деятельности привел данный орган к полному управлению тюремным хозяйством[1]. Спустя год после образования ему были переданы так называемые кружечные деньги, позднее – средства на отопление и освещение мест заключения, а также на пропитание и одежду арестантов [Малинин 1905, с. 168]. В силу передачи Обществу правительством права полного заведования и распоряжения материальными средствами на содержание арестантской части, приобрела свою актуальность ревизия хозяйства. Так, в 1870 г. была учреждена особая финансовая комиссия, которой поручалось три раза в год проверять все тюремное имущество [Никитин 1880, с. 72]. Были также введены в действие особые печатные листки по установленной форме для сбора приношений от благотворителей, которые сдавались казначею для ревизии [Коковцов, Рухлов 1890, с. 49]. Финансовому контролю подлежали и книги прихода и расхода денежных средств, предоставленные казначеями тюремных комитетов[2].

Осуществлять контроль на местах Обществу помогали губернские тюремные комитеты и уездные отделения. Первостепенную роль среди всевозможных средств контроля для комитетов и отделений играло попечение. Данный инструмент наблюдения носил значимый характер, поскольку в силу содержания в себе целого комплекса действий, а также в отличие от иных средств, позволял исследовать поднадзорный объект изнутри, непосредственно познав все его положительные и отрицательные стороны. Попечение также позволяло сочетать в себе административно-распорядительные и собственно надзорные функции, что делало процесс контроля неразрывным с процессом исполнения уголовных наказаний. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, во многом могло минимизировать проблемные стороны пенитенциарной деятельности.

При попечении об арестантах комитеты и отделения содействовали тому, чтобы тюремное заключение вело арестантов к нравственному исправлению, а не служило поводом к еще большему ожесточению. Для этого данные подразделения наблюдали за правильным проведением богослужения в церквах при острогах; за снабжением мест заключения священной литературой [Коковцов, Рухлов 1890, с. 50]; за соблюдением правил этапирования узников; «чтобы праздность ни под каким видом не существовала между арестантами, чтобы время их было занято либо чтением, либо рукоделием»[3].

Комитеты и отделения, наряду с контрольными функциями, наделялись и правом непосредственного распоряжения в тюрьмах, в этом, на наш взгляд, и заключалась сущность ведомственного контроля – слияние собственно надзора и тюремного управления. Данные органы в процессе контроля за соблюдением режима содержания в местах заключения имели право помещать в карцеры нарушителей порядка; для скорейшего разрешения дел арестантов, долго содержавшихся в тюрьмах, они употребляли ходатайства и настояния посредством общения с директорами комитетов и отделений. При отправлении этапных партий наблюдение велось за снабжением арестантов одеждой и обувью надлежащего качества. Казалось бы, с одной стороны, сложившаяся ситуация принесла положительный результат, так как невозможно контролировать, не зная всей сущности деятельности. С другой стороны, некоторые тюрьмоведы того времени думали иначе: на их взгляд, придание государственных начал Обществу не оживило его деятельности и не упорядочило тюремное управление, а напротив, привело к его инертности, слабости тюремной администрации [Малинин 1905, с. 159]. В противовес данному мнению выступило само Общество, отметив в одном из отчетов императору Николаю I следующее: «Общество значительно расширило круг своих действий на все части хозяйственного заведования тюрьмами… приобретаемая от сего польза становится год от года ощутимее… расходы на содержание мест заключения не увеличились… употребление сумм бережливо и отчетливо…»[4]. Тем не менее факт остается фактом, и данный орган просуществовал в структуре контрольных органов государственного аппарата до полной своей ликвидации в 1917 г.

Вне всякого сомнения, контрольная деятельность Общества заслуживает внимания в связи с тем, что неотъемлемыми ее атрибутами, помимо наблюдения, явились выработка рекомендаций в области управления пенитенциарным ведомством, а также последовавший обмен опытом надзора. Для этого комитетам и отделениям предписывалось организовывать ежемесячные заседания, на которых «необходимо было предоставить лицам, желающим делиться своим трудом на пользу Попечительного о тюрьмах Общества, принимать участие в совместном обсуждении дел» [Коковцов, Рухлов 1890, с. 52]. В качестве образца можно обратиться к материалам заседания Владимирского тюремного комитета. Так, в журнале за февраль 1835 г. были отмечены следующие вопросы для обсуждения:

[1] С отменой крепостного права в 1861 г. заведование хозяйственной частью перешло снова к тюремной администрации.

[2] Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 90. Оп. 10. Д. 26. Л. 2.

[3] Там же. Л. 3.

[4] Извлечение из отчета о положении и действиях Общества попечительного о тюрьмах, поднесенного государю императору, за 1851 год. Спб., Тип. Опекун. Совета, 1852. С. 1.

– вопросы состояния здоровья арестантов как в общем, так и индивидуальном порядке (записка члена комитета Гаврилова о переводе арестантки Елизаветы и ее больного грудного ребенка в больницу и о выдаче ей на содержание по 12 коп. в день)[1];

– вопросы финансовой части и организации деятельности самого комитета (записка члена комитета об утверждении при комитете губернского секретаря уголовной палаты протоколиста Павла Лебедева)[2];

– ведомости смотрителя тюремного замка, включающие информацию о военных арестантах, об арестантских партиях, о пересыльных в Сибирь;

– ведомости смотрителя о переданных в тюремный замок от «доброхотных дателей вещах»;

– отчеты и рапорты всех лиц, указанных в составе заседания (губернского предводителя дворянства Акинфеева об обходе тюремных заведений Владимирской губернии, советника уголовной палаты Гаврилова, рапорт казначея Апрянина).

По итогам ежемесячных заседаний комитеты предоставляли в Общество и иные высшие инстанции ежегодные отчеты[3], позволявшие судить, с одной стороны, об эффективности их деятельности, а с другой – об общем состоянии тюремной части в конкретной губернии.

Несмотря на то, что отчеты излагались в свободной форме, их содержание носило примерно схожий характер. Обязательной была информация о списках членов тюремного комитета и разделении подконтрольных сфер с назначением для каждой из них ответственного лица. Указывались объекты наблюдения, которыми являлись места заключения. Далее в содержание отчета помещалась информация об осмотре каждого пенитенциарного учреждения, при этом указывались недостатки деятельности администрации тюрем. Так, «в надзоре за узником владимирского тюремного замка оказался недостаток, ибо кроме военного караула, обязанного предупреждать побег, из малого количества солдат полицейской команды находится один смотритель, не имеющий никакого помощника…»[4]. После следовали ведомости об арестантах разного звания, содержащихся в местах заключения губернии в течение отчетного года, а также о состоянии денежных сумм.

О значении финансового контроля в деятельности Общества нам свидетельствуют отдельные отчеты о действиях и оборотах сумм губернских комитетов и отделений. Примером может выступить отчет Владимирского губернского тюремного комитета за 1854 г., состоящий из рапортов экономов, отчетов о продовольствии арестантов, тюремной больнице, сведений казначея о движении сумм[5].

Существовала система внутренней отчетности между губернскими и уездными тюремными комитетами и отделениями. Так, в ГАВО хранится дело Владимирского губернского тюремного комитета по предложению доставления ему докладов, распоряжений о постоянном наблюдении за местами заключения от уездных тюремных комитетов. Данное дело содержит рапорты последних о состоянии мест лишения свободы в уездах губернии и информацию об устранении недостатков[6]. Отчетную документацию предписывалось доставлять ежегодно, «с подробным, ясным, точным описанием положения тюрьмы и других мест заключения, и содержавшихся в них арестантов, а также о всех действиях попечения и заботливости…»[7].

Параллельно с документальным контролем Общество и его структурные подразделения осуществляли инспекцию мест заключения посредством их постоянного посещения, с занесением своих замечаний в особо заведенные книги. Данная обязанность была установлена циркулярным распоряжением Министерства внутренних дел от 24 июля 1862 г. № 100 [Коковцов, Рухлов 1890, с. 55]. Частота посещений зависела от необходимости урегулирования возникшей проблемы, но при этом не должна быть реже двух раз в неделю. В ходе инспекций проверялись состояние одежды и обуви, пищи арестантов, степень занятости их работой, осуществлялся прием жалоб, велся контроль за правильным размещением арестантов.

Изменения статуса Общества как контрольного органа произошло в 1872 г., когда правительство приняло решение оставить в обязанностях Общества деятельность исключительно филантропическую, учредив при этом в местах заключения хозяйственные правления (далее: Правления). Таким образом, в полномочия Общества снова отошел контроль нравственности, а Правления должны были наблюдать за хозяйственно-материальной частью. Деятельность нового органа носила в целом положительный характер. Правления печатали ежемесячные отчеты в газетах о приходе и расходе подаяний, причем предоставляли гражданам возможность наводить какие-либо справки, например, по книгам, которые открывались для проверки всем желающим [Никитин 1880, с. 97].

[1] ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 47. Л. 17.

[2] Там же.

[3] Напр.: Отчет о деятельности Владимирского тюремного комитета за 1833 год // ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 15. Л. 29 ; Отчет Томского губернского попечительного о тюрьмах комитета и его отделений за 1880 год. Томск : Тип. Губерн. правления, 1881. 28 с.

[4] ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 15. Л. 9.

[5] Там же. Д. 128. Л. 1, 3–7, 11, 22–24, 59.

[6] По Судогодскому тюремному отделению, по Муромскому уездному отделению // ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 112. Л. 15, 16.

[7] ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 26. Л. 4.

Однако, осуществляя контрольную деятельность в местах заключения, указанный орган столкнулся с рядом проблем: во-первых, он носил не официальный, а частный характер, вследствие чего решения его игнорировались тюремной администрацией; во-вторых, комплектование состава Правлений проходило с большими трудностями [Никитин 1880, с. 115].

Как свидетельствуют пенитенциарные источники исследуемого периода, не все специалисты поддерживали позицию правительства в данном вопросе, высказывая предположения о том, что с подобными нововведениями вновь настанет эпоха корысти и воровства в рядах тюремных надзирателей [Кашкаров 1883, с. 20–24].

Мы же считаем, что Общество, практически век руководя контролем за местами заключения, накопило достаточный опыт по наблюдению за исполнением уголовных наказаний, который нельзя недооценивать, напротив, положительные его стороны целесообразно использовать в современной уголовно-исполнительной деятельности.

Итак, обозначив круг контрольных действий Общества в местах заключения Российской империи, тезисно обозначим положительные и проблемные аспекты данной деятельности.

Плюсами деятельности Общества как субъекта контроля явились:

1. Попытка обмена опытом контрольной деятельности на международном уровне. Отчеты печатались не только на русском, но и на других языках, в частности французском, и направлялись за границу.

2. Выделение в структуре контроля, наряду с наблюдением, оказания методической помощи [Никитин 1880, с. 193].

3. Осуществление мероприятий, связанных с попечением о судьбе арестантов. Так, Общество активно привлекало контрагентов для обеспечения арестантов беспрерывной работой, что повысило в цене арестантские работы в мастерских и тем самым позволило заключенным зарабатывать [Никитин 1880, с. 43].

4. Минимизация коррупции и недостатков в организации хозяйственной части мест заключения (конкретно в обеспечении арестантов продуктами питания).

К числу негативных моментов можно отнести следующее:

1. Некомпетентность в пенитенциарных вопросах многих членов Общества. По этому поводу В. Н. Никитин отмечал: «Всякий делающий подписку на ежегодные приношения к подкреплению Общества в благородном деле признавался членом его» [Никитин 1880, с. 21].

2. Бюрократизация контрольной деятельности Общества и нерациональная организация предоставления отчетности. Схема предоставления сведений на 1893 г. примерно выглядела таким образом: уездные отделения и комитеты – губернские комитеты – Общество – Главное тюремное управление – Министерство юстиции – император (отчет возвращался на места) – Министерство юстиции – Главное тюремное управление – Общество – комитеты губерний – уездные отделения и комитеты. Такая организация способствовала пролонгированию ознакомления с отчетами, что могло привести к приостановлению корректировки контрольного процесса с учетом полученных замечаний.

3. Отсутствие конструктивного взаимодействия Общества и тюремной администрации и органов местного управления в губерниях.

4. Отсутствие единообразия в отчетах.

Если сравнивать отмеченные положительные и отрицательные стороны пенитенциарного контроля Общества, то можно заключить, что проблемы на фоне успешных достижений выглядели незначительными и вполне решаемыми при должном подходе к делу.

Обобщая сказанное выше, отметим, что за всю историю своего существования Общество внесло существенный вклад в организацию контроля за деятельностью отечественной системы исполнения уголовных наказаний, а это способствовало эффективной реализации пенитенциарной реформы.

Список цитируемых источников

Горбунова 2016 – *Горбунова М. М.* Организационные основы контроля за деятельностью тюремной системы Российской империи в XIX – начале XX в. // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 2(39). С. 123–128.

Кашкаров 1883 – *Кашкаров П. А.* Общая разработка вопроса о необходимости коренного тюремного преобразования в России. Спб. : Типо-лит. П. Е. Лобанова, 1883. 24 с.

Коковцов, Рухлов 1890 – *Коковцов В. Н., Рухлов С. В.* Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. Спб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1890. 780 с.

Лачина 2009 – *Лачина В. О.* Создание «Попечительного о тюрьмах общества» как попытка гуманизации российской пенитенциарной системы начала XIX в. // История государства и права. 2009. № 5. С. 12–14.

Лисин, Петренко, Яковлева 1996 – *Лисин А. Г., Петренко Н. И., Яковлева Е. И.* Тюремная система Российского государства в XVIII–начале XX в. М. : Изд-во Акад. МВД России, 1996. 60 с.

Лобова 2014 – *Лобова С. В.* К вопросу о «Правилах для Общества попечительного о тюрьмах 1819 года» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 8. С. 161–164.

Малинин 1905 – *Малинин Ф. Н.* Тюремный патронат // Тюремный вестник. 1905. № 8. С. 159–168.

Никитин 1880 – *Никитин В. Н.* Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней: 1560–1880 г. Спб. : Тип. Г. Шпарварт, 1880.

Печников 2002 – *Печников А. П.* Главное тюремное управление Российского государства: 1879 – октябрь 1917 гг. : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2002. 415 с.

Соцкий 2006 – *Соцкий Ю. Ф.* История и законодательство тюремных учреждений дореволюционной России. Черновцы : Золоті Литаври, 2006. 78 с.

Ушаков 2005 – *Ушаков С. Н.* Организационно-правовое обеспечение системы исполнения наказаний России: 1862–1917 гг. : дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2005. 179 с.

References

Gorbunova, M. M. (2016), "Organizational foundations for monitoring the activities of the prison system of the Russian Empire in the XIX–early XX centuries", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(39), pp. 123–128.

Kashkarov, P. A. (1883), *Obshchaya razrabotka voprosa o neobkhodimosti korennogo tyuremnogo preobrazovaniya v Rossii* [General development of the issue of the need for a radical prison transformation in Russia], Tipo-litografiya P. E. Lobanova, St. Petersburg, Russian Empire.

Kokovtsov, V. N. and Rukhlov, S. V. (1890), *Sistematicheskii sbornik uzakonenii i rasporyazhenii po tyuremnoi chasti* [Systematic collection of laws and regulations on the prison part], Tipografiya I. N. Skorokhodova, St. Petersburg, Russian Empire.

Lachina, V. O. (2009), "Creation of the "Care Society for Prisons" as an attempt to humanize the Russian penitentiary system at the beginning of the 19th century", *Istoriya gosudarstva i prava,* no. 5, pp. 12–14.

Lisin, A. G., Petrenko, N. I. and Yakovleva, E. I. (1996), *Tyuremnaya sistema Rossiiskogo gosudarstva v XVIII–nachale XX v.* [The prison system of the Russian state in the XVIII–early XX centuries], Izdatel'stvo Akademii MVD Rossii, Moscow, Russia.

Lobova, S. V. (2014), "On the issue of "The rules for the prison care Society of 1819", *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki,* no. 8, pp. 161–164.

Malinin, F. N. (1905), "Prison patronage", *Tyuremnyi vestnik,* no. 8, pp. 159–168.

Nikitin, V. N. (1880), *Tyur'ma i ssylka. Istoricheskoe, zakonodatel'noe, administrativnoe i bytovoe polozhenie zaklyuchennykh, peresyl'nykh, ikh detei i osvobozhdennykh iz pod strazhi, so vremeni vozniknoveniya russkoi tyur'my do nashikh dnei: 1560–1880 g.* [Prison and exile. Historical, legislative, administrative and domestic situation of prisoners, messengers, their children and those released from custody, from the time of the Russian prison to the present day: 1560–1880], Tipografiya G. Shparvart, St. Petersburg, Russian Empire.

Pechnikov, A. P. (2002), Main prison administration of the Russian state: 1879–october 1917, Sc. D. Thesis, theory and history of law and state, history of legal doctrines, Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia.

Sotsky, Yu. F. (2006), *Istoriya i zakonodatel'stvo tyuremnykh uchrezhdenii dorevolyutsionnoi Rossii* [History and legislation of prison institutions of pre-revolutionary Russia], Zoloti Lytavry, Chernovtsy, Ukraine.

Ushakov, S. N. (2005), Organizational and legal support of the penitentiary system of Russia: 1862–1917, Ph. D. Thesis, theory and history of law and state, history of legal doctrines, Vladimir Law Institute of the FPS of Russia, Vladimir, Russia.

Информация об авторах

Горбунова Мария Михайловна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; marikablondimari@mail.ru

Алексеенко Владислав Петрович,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; point.cash@mail.ru

Information about the authors

Gorbunova Mariya M.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; marikablondimari@mail.ru

Alekseenko Vladislav P.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; point.cash@mail.ru

Для цитирования

Горбунова М. М., Алексеенко В. П. Общество попечительное о тюрьмах в системе контроля за деятельностью отечественной системы исполнения уголовных наказаний (XIX – начало XX вв.) // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С.177–182.

For citation

Gorbunova, M. M. and Alekseenko, V. P. (2020), "Care society for prisons in the system of monitoring the activities of the domestic system for the execution of criminal penalties (XIX – early XX centuries)", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 177–182.

УДК 340+271.2

А. В. Гудкова[1]
И. В. Нижних[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

A. V. Gudkova[1]
I. V. Nizhnikh[1]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation*

Роль христианства в формировании правового сознания российского общества

The role of Christianity in formation of the legal consciousness of Russian society

Ключевые слова: право; религия; общество; правовое сознание; Российское государство; церковь; история государства и права.

Аннотация. В статье рассматривается влияние христианства на формирование и развитие отечественной государственно-правовой и общественной действительности, анализируются разные исторические эпохи, отражающие генезис и последующее развитие влияния религии на правовое сознание российского общества.

Key words: law; religion; society; legal consciousness; the Russian state; church; history of the state and law.

Abstract. The article examines the influence of Christianity on the formation and development of domestic state-legal and social reality, various historical eras that reflect the genesis and development of the influence of religion on the legal consciousness of Russian society are analyzed.

Российская Федерация – это многонациональное государство с богатой историей, уходящей своими корнями в далекое прошлое. Помимо межнационального проживания, можно выделить такую особенность страны, как многоконфессиональность народа, поскольку религия играла крайне важную роль, как в жизни человека, так и построении всего государства и его правовой системы. Как известно, праву как общественному феномену свойственна историчность. Историчность означает не просто наличие прошлого, на которое опирается право современное, но и правовые традиции, которые сейчас предопределяют особенности существования того или иного правового явления, представлений о праве и правовой системе в целом. Одной из многих традиций в праве является религиозная традиция, которая отражает специфику правовой системы, обусловленную влиянием на нее определенной религии [Вовк 2013]. Для того чтобы разобраться в правовом менталитете современного российского общества, определить истоки и содержание моральных и религиозных составляющих, содержащихся в современном праве, следует обратиться к богатому опыту государственно-церковных отношений, накопленных на различных этапах развития российской истории. Это необходимо также для того, чтобы понять истоки формирования и развития правовой системы Древнерусского государства, поскольку церковь оказала огромное влияние на генезис и последующее развитие отечественной государственно-правовой системы.

По мнению исследователей О. Н. Мигущенко и Ю. В. Сорокиной, в период Древнерусского государства церковь представляла собой более сильную организацию, по сравнению с государством, поскольку на Русь церковь пришла со сложившейся тысячелетней историей, структурой, иерархией и воззрениями [Мигущенко 2007; Сорокина 2009]. В тот момент государственная власть была слабой, децентрализованной и разделенной между князем, боярами, дружиной и вечевым собранием. Сложившиеся между первыми князьями и населением правовые отношения были договорными и основаны на обязанности князей защищать и делиться частью награбленного в походах, праве собирать дань с населения, а население было обязано эту дань платить и имело право на защиту со стороны князя [Мигущенко 2007, с. 10]. В этих условиях можно говорить о том, что на первоначальном этапе нашей истории государство стояло на пути возможного развития гражданского общества, личных и политических прав и свобод. Впоследствии эти ценности были облечены в форму идеалов и получили воплощение в форме былин и сказаний.

С принятием христианства на Руси начались значительные изменения как в социально-экономических, государственно-правовых, так и духовных отношениях. На фоне расцвета экономических и международных связей Киевской Руси происходили централизация и усиление княжеской власти, а следовательно, сокращение прав населения. Менялось содержание правовых отношений между подданными и властью [Мигущенко 2007, с. 11]. В правовом сознании российского общества появляется новая религиозно-нравственная составляющая, ориентированная на принятие этатизма в государстве.

© Гудкова А. В., Нижних И. В., 2020

Хотя христианство и стало государственной религией, оно утверждалось медленно, процесс христианизации занял десятилетия, поскольку церковь опиралась в основном на власть, оставаясь долгое время закрытой для народа. Как отмечает Ю. В. Сорокина, религиозная практика не становилась частью повседневного быта, как в Европе. Церковь на Руси представляла особую сферу духовности, которая не смешивалась, а порой даже противопоставлялась народной культуре [Сорокина 2009, с. 9].

В условиях размытости границ светской и духовной власти, растущего преобладания церковного права, а также усложняющихся общественных отношений требовалось закрепление разрозненных действующих норм в писаном праве. Ярким примером нормативного правового акта, источником, упорядочившим нормы права того времени, является «Русская правда». Данный правовой акт был создан в 1016 г. Ярославом Мудрым и содержал нормы уголовного, наследственного, торгового и процессуального права. Он знаменовал собой новый этап в развитии отечественного государства и права. Актуальность «Русской правды» сохранялась вплоть до XV в. В данном акте влияние религии можно проследить, проанализировав нормы уголовного права. Например, за совершение такого преступления, как убийство государство предусматривало кровную месть. «Русская правда» санкционировала кровную месть, но ограничивала круг мстителей ближайшими родственниками убитого. Согласно ст. 1 Краткой редакции «Русской правды» за убийство могли мстить брат за брата, сын за отца, отец за сына, племянник за дядю [Греков 1963, с. 333–334]. В остальных случаях, а также в случае, если мститель не находился, убийца обязан был уплатить виру – штраф за убийство в пользу князя. В третьей четверти XI в. кровная месть была законодательно запрещена сыновьями Ярослава Мудрого. То есть христианство смогло отойти от канонов кровной мести, линчевательства в пользу государственного применения санкций к преступнику.

Под влиянием христианства пересматривались отношения в обществе: запрещалось многоженство, формировалось право женщины выбирать себе мужа; руководствуясь главной идеей христианства о спасении души, владельцы холопов отпускали их на волю.

Таким образом, первый памятник права на Руси структурировал и упорядочил общественные отношения, а также закрепил в правовом поле представления о добре и зле, т. е. право на этом этапе исторического развития оказалось под сильным влиянием религиозно-нравственных ценностей.

Христианство с момента своего появления на Руси опиралось на власть, взамен оказывая содействие его интересам, князья не принимали решения без одобрения митрополитов, более того, они приглашали служителей церкви к совместной работе в устроении государства, полагаясь на их знания и опыт. Церковь стала той силой, которая способствовала укреплению, этатизации княжеской власти, тем самым создавала условия для того, чтобы власть поддерживала церковь и обязывала общество строго следовать религиозным канонам. Существуя независимо друг от друга, церковь и государство всегда действовали совместно. Церковь направляла значительные усилия на борьбу с языческими обычаями, закрепленными на уровне традиций, заложила свои базовые идеи в процессе формирования права. Правовая система после принятия христианства стала основываться отчасти на религиозном представлении о мире, морали и нравственности, эти понятия заложили фундамент отечественной правовой системы, и вплоть до XX в. религия играла важную роль в праве.

В период Московского централизованного государства власть, трансформированная в сторону усиления деспотического режима под влиянием монголо-татарского ига и заинтересованная в отделении русской церкви от Константинопольского патриарха, начинает предпринимать попытки отказаться от византийского права как составной части системы отечественного права. Это было обусловлено ослаблением и последующим падением Византийской империи в 1453 г. и появлением новых политических амбиций у российских властей.

Во времена Московской Руси Русская православная церковь приобретает независимость и укрепляется на международной арене, при этом она старается не отходить от церковного канонического права и пытается трактовать его с учетом современности. Церковь также имеет значительное влияние в государстве, например, в состав Избранной рады при Иване Грозном входил священник Благовещенского собора Кремля, духовник царя Сильвестр, который мог высказывать мнение от лица церкви по поводу проводимых реформ. В период действия Избранной рады были издан Судебник 1550 г. и в 1551 г. прошел Стоглавый собор, в которых церковные идеи сыграли заметную роль.

В царствование Ивана Грозного происходит становление норм семейного права, которые нашли закрепление в решениях Стоглавого собора 1551 г. и отчасти были описаны в Домострое. Однако это не было отказом от византийских норм, воспринятых еще вместе с христианством (сохранился брачный возраст, ряд условий для вступления в брак) [Дорская 2010].

Церковное право Российской империи стало отдельной отраслью российского права, содержа-

щего совокупность правовых норм, регулирующих права и обязанности церковных сословий, статус церквей, статус граждан. Церковное право активно преподавалось в университетах. Религия, к которой относил себя гражданин, определяла не только его моральный выбор, но и правовой статус. Людям с разными религиозными воззрениями запрещалось вступать в брак, смена религии являлась грубым нарушением, а в паспортах указывалось вероисповедание человека. Данные факты говорят нам о высокой роли церкви в жизни общества и государства. Религия влияла в большей степени на такую отрасль права, как семейное: в праве был закреплен брачный возраст, брак заключался только путем венчания, ограничение на вступление в брак распространялось на лиц, имеющих священнический сан, монахов и лиц, исповедующих разные религии. Расторжение брака производилось духовными судами – консисториями – в порядке сложного архаичного процесса. Развод по взаимному согласию супругов не допускался. Существовали только так называемые абсолютные причины для развода, т. е. исчерпывающий перечень оснований, указанный в законе.

В это же время можно наблюдать формирование нового типа правосознания русских людей. Как отмечает Ю. В. Сорокина, московский князь видел в своих подданных не свободных граждан – он желал царствовать над холопами. Само понятие «свобода» несло в себе для московского человека отрицательный смысл. Оно стало, скорее всего, означать распущенность, безнаказанность. Все сословия становились прикрепленными к государству службой или тяглом [Сорокина 2009, с. 11]. Эти обстоятельства способствовали заложению в правосознании общества основ для ряда установок: освящение государственной власти, приводящее к бессильной покорности, смирению, национально-религиозная исключительность, отрицание позитивного права.

Проявлением формирующегося в это время национального самосознания становится теория монаха Филофея «Москва – третий Рим», в которой Российское государство предстает преемником Рима и Константинополя. Отражающая притязания общественного сознания теория получила закрепление в праве. Московский царь становился самодержцем всего христианского мира с ответственностью только перед Богом.

Таким образом, религиозное влияние на право достигло своего пика именно в период Московского централизованного государства: вероисповедание было зафиксировано в паспорте, существовал ряд ограничений для людей, исповедующих другую религию, а каноны церковных идей и воззрений учитывались при создании правовых актов.

В настоящее время идея светского государства превалирует в мировом сообществе. Согласно Конституции Российской Федерации 1993 г. Российская Федерация – светское государство. Данная основа конституционного строя была конкретизирована в поправке в Основной закон государства, принятой в 2020 г. и устанавливающей, что «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» (ст. 67-1, п. 2)[1]. Эта поправка вызвала множественные и противоречивые обсуждения. Следует отметить, что законодатели подчеркнули добровольный характер объединения большинства народов нашей страны, а вера в Бога является одним из главных критериев самоидентификации народа. Здесь же анализируется схожесть двух понятий – «вера» и «идеалы», что свидетельствует об определенном влиянии норм морали и религии на право и подтверждении преемственности поколений, сохранении своего прошлого, национальной и культурной идентичности.

При этом сегодня религия строго охраняется законом. Статья 148 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий[2]. Однако отсутствие установленных и закрепленных в законе границ и рамок религиозных чувств порождает неопределенность и споры. В качестве примера рассмотрим судебный процесс, проходивший в Екатеринбурге, над видеоблогером Русланом Соколовским, который обвинялся по нескольким уголовным статьям. Изначальным поводом для заведения уголовного дела стал видеоролик, в котором блогер играл в Pokemon Go в Храме на Крови в Екатеринбурге[3]. В ходе данного уголовного процесса было высказано множество точек зрения, пытавших определить границы чувств верующих. С одной стороны, данный поступок считался оскорбительным, поскольку человек нарушил нормы морали и в святом месте посмел бросить вызов канонам Русской православной церкви, но с другой стороны, уголовное наказание за нарушение норм морали не является признаком светского государства. Бесспорно, церковь должна находиться под защитой государства, но необходимо законодательное закрепление соответствующих границ, тем более

[1] Новый текст Конституции с поправками 2020. URL: duta.gov.ru/news/48953/ (дата обращения 04.07.2020).

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 1996, № 25, ст. 2954.

[3] URL: ria.ru/20170511/1494086778.html (дата обращения: 21.06.2020).

ряд священников высказали свое мнение в поддержку Соколовского, аргументируя это тем, что истинные чувства верующего невозможно задеть.

Российской Федерации как правовому государству необходимо опосредовать законом границы религиозных чувств, что возможно путем законодательного закрепления перечня действий, способных задеть и оскорбить чувства верующих, за которые необходимо предусмотреть ответственность.

Таким образом, проанализировав некоторые этапы развития правового сознания российского общества в контексте влияния христианства, можно констатировать, что церковь на протяжении всей истории России находилась рядом с государством и оказывала влияние как на правовые нормы, так и на формирование правосознания российского общества. Сосуществование в правовом сознании норм права и норм религии и морали позволяет гармонизировать интересы личности и общества, определить необходимые границы личности, которые бы принимались обществом. На данный момент влияние церкви на право гораздо меньше, но при этом оно сохраняет свою силу, о чем свидетельствуют внесенные в этом году поправки в Основной закон страны. На современном этапе церковь может также озвучивать свои предложения через народ (ведь мы живем в демократическом государстве), но, продвигая свои идеи, не стоит забывать об интересах и границах чувств других людей.

Список цитируемых источников

Вовк 2013 – *Вовк Д. А.* Религиозная традиция в праве: общетеоретическая характеристика // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право» 2013. № 2(14). С. 3–17.

Греков 1963 – Правда Русская. В 3 т. Т. 3 / под ред. Б. Д. Грекова. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 471 с.

Дорская 2010 – *Дорская А. А.* Эволюция места канонического (церковного) права в системе права России // Юриспруденция. 2010. № 2. С. 37–43.

Мигущенко 2007 – *Мигущенко О. Н.* Истоки формирования религиозно-правовой составляющей российского правосознания // История государства и права. 2007. № 11. С. 9–12.

Сорокина 2009 – *Сорокина Ю. В.* Особенности русского религиозно-правового сознания и его влияние на взаимоотношения общества и государства (к вопросу истории взаимоотношений Церкви и государства) // История государства и права. 2009. № 13. С. 7–12.

References

Dorskaya, A. A. (2010), “Evolution of the place of canonical (ecclesiastical) law in the Russian legal system”, *Yurisprudentsiya,* no. 2, pp. 37–43.

Grekov, B. D. (ed.) (1963), *Pravda Russkaya* [Russian Truth], Akademiya nauk SSSR, Moscow, Leningrad, USSR.

Migushchenko, O. N. (2007), “The origins of the formation of the religious and legal component of the Russian legal consciousness”, *Istoriya gosudarstva i prava,* no. 11, pp. 9–12.

Sorokina, Yu. V. (2009), “Features of Russian religious and legal consciousness and its influence on the relationship between society and the state (on the history of relations between Church and state)”, *Istoriya gosudarstva i prava,* no. 13, pp. 7–12.

Vovk, D. A. (2013), “Religious tradition in law: General theoretical characteristics”, *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii, Seriya “Pravo”,* no. 2(14), pp. 3–17.

Информация об авторах

Гудкова Анна Валерьевна,
кандидат исторических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; 388153@gmail.com

Нижних Илья Витальевич,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; nizhnixi@bk.ru

Information about the authors

Gudkova Anna V.,
PhD (history), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; 388153@gmail.com

Nizhnikh Il’ya V.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; nizhnixi@bk.ru

Для цитирования

Гудкова А. В., Нижних И. В. Роль христианства в формировании правового сознания российского общества // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 183–186

For citation

Gudkova, A. V. and Nizhnikh, I. V. (2020), “The role of Christianity in formation of the legal consciousness of Russian society”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 183–186.

УДК 343.812.08

Д. А. Ерин[1]
А. В. Гудкова[1]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

D. A. Erin[1]
A. V. Gudkova[1]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation*

Развитие организационно-правовых форм подготовки специалистов для исправительно-трудовой системы НКВД–МВД СССР в послевоенный период (1945–1950-е гг.)

Development of organizational and legal forms of training of specialists for the corrective labor system of the NKVD – Ministry of internal affairs of the USSR in the post-war period (1945–1950s)

Ключевые слова: история; правоохранительные органы; ГУЛАГ; НКВД СССР; МВД СССР; подготовка кадров.

Аннотация. В статье на основе как опубликованных, так и ранее не опубликованных архивных документов, а также работ отечественных ученых раскрываются организационные и правовые аспекты подготовки кадров для советской исправительно-трудовой системы в послевоенный период.

Key words: history; law enforcement agencies; GULAG; NKVD of the USSR; Ministry of internal Affairs of the USSR; training of personnel.

Abstract. Based on both published and previously unpublished archival documents, as well as the works of domestic scientists, the article reveals the organizational and legal aspects of training personnel for the Soviet correctional labor system in the post-war period.

Подготовка кадров для пенитенциарной системы любого государства всегда выступала и выступает неотъемлемой частью уголовно-исполнительной политики, именно поэтому данный аспект функционирования системы, исполняющей уголовные наказания в виде лишения свободы, всегда вызывал и вызывает интерес в среде ученых и всех специалистов, интересующихся историей становления отечественной уголовно-исполнительной системы.

Отечественными исследователями достаточно подробно проанализированы отдельные стороны подготовки кадров для системы ГУЛАГ и Тюремного управления НКВД СССР в военный и частично послевоенный период [Волошин 2015; Ерин 2020; Куликов 2015; Пилявец 2019a; Пилявец 2019b].

Исследования позволяют утверждать, что основным вектором развития ведомственного образования для исправительно-трудовой системы СССР в указанный период являлась подготовка или переподготовка специалистов всех служб и уровней управления, основанная на минимально коротком сроке обучения (от одного до шести месяцев максимум), что в условиях войны вполне соответствовало требованиям времени.

Однако уже с конца 1944 г. начинаются преобразования, которые характеризовались ликвидацией одних учебных заведений и формированием новых. В октябре 1944 г. Магнитогорская, Северо-Двинская и Ухто-Ижемская школы были расформированы, на базе Куйбышевской школы создана Центральная школа ГУЛАГ, которая начала работу с 10 ноября 1944 г. Согласно Положению о Центральной школе ГУЛАГ от 18 сентября 1944 г. и условиям приема в Центральную школу задача школы заключалась в подготовке начальников лагерных подразделений, начальников частей (культурно-воспитательных, учетно-распределительных, санитарных, ветеринарных и др.), а также инспекторского состава и счетных работников со сроком обучения 5 мес.[1] Таким образом, была предпринята очередная попытка создать единое общесоюзное учебное заведение, осуществляющее подготовку практически по всем направлениям деятельности исправительно-трудовой системы.

Послевоенный период характеризовался серьезными изменениями в системе управления государством, происходившими в период восстановления страны после окончания Великой Отечественной войны. Кроме того, развитие советского законодательства, усложнение производственно-экономических задач потребовали усилить работу с офицерскими кадрами, многие из которых не имели соответствующего образования, а также прибыли в систему, демобилизовавшись из рядов вооруженных сил и, соответственно, не обладали опытом работы в такой сложной и многогранной структуре, как исправительно-трудовая система. Именно поэтому для обеспечения соответствующей подготовки руководящего звена на всех уровнях (от начальников отдельных лагерных пунктов до руководителей исправительно-трудовых лагерей (далее: ИТЛ) руководство НКВД СССР, а впо-

© Ерин Д. А., Гудкова А. В., 2020

[1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 884. Л. 60–61.

следствии МВД СССР было вынуждено принимать соответствующие меры организационного характера, чтобы в кратчайшие сроки обеспечить систему профессиональными кадрами.

Актуальным был вопрос о необходимости повышения компетентности руководящего состава, от которого во многом зависело как нормальное обеспечение режима изоляции преступного элемента от общества, его охрана, так и оперативное обеспечение содержания осужденных, что обусловливалось ростом лагерной преступности, в частности, распространением в тюрьмах и ИТЛ лагерного бандитизма. На создание полноценной сети учебных заведений, готовивших кадры для исправительно-трудовой системы, влияло несколько факторов, в первую очередь хронический некомплект среднего звена (оперативные работники, командиры взводов военизированной стрелковой охраны (далее: ВСО), политработники, сотрудники культурно-воспитательных частей и т. д.), т. е. тех, в чьи функции входила непосредственная работа с осужденными, и т. д. Достаточно сложные условия службы и незначительное денежное вознаграждение, а также отсутствие перспектив, особенно в ИТЛ, находившихся в удаленных районах, и в первую очередь лагпунктах, рабочих колоннах, способствовали текучести кадров, которые необходимо было пополнять. Значительное количество фактов нарушения социалистической законности среди личного состава, увольнение по компрометирующим обстоятельствам и т. д. также не способствовали нормальному функционированию исправительно-трудовой системы. Серьезный рост должностных преступлений среди сотрудников ИТЛ, строительств, тюрем, большая часть из которых совершалась в основном из-за незнания советского исправительно-трудового законодательства, требовал преобразований всей системы подготовки кадров для исправительно-трудовых учреждений (далее: ИТУ) и тюрем. Таким образом, практически все направления деятельности системы нуждались в квалифицированных сотрудниках.

К концу войны в структуре НКВД СССР функционировало несколько учебных заведений, готовивших кадры для исправительно-трудовой системы. По данным Отдела кадров ГУЛАГ, в 1945 г. из школ и курсов в систему ГУЛАГ прибыли 597 чел. Согласно докладной записке о работе Отдела кадров ГУЛАГ за 1946 г. на 18 января 1947 г. в системе ГУЛАГ состояло 6 школ[1]. В июне 1946 г. после окончания Центральной школы ГУЛАГ система получила 245 чел. Тогда же был произведен 4-й набор курсантов и к отчетному периоду в Центральной школе ГУЛАГ обучались 340 чел. Кроме того, в этом учебном заведении проходили подготовку 55 чел. для направления в отделы кадров органов и учреждений[2], функционировало отделение подготовки бухгалтеров-ревизоров. На первое полугодие 1947 г. был запланирован набор уже в количестве 400 чел.

В Куйбышевской школе (в этом же документе она именуется Куйбышевская школа ГУЛАГ) по состоянию на январь 1947 г. обучались 350 чел., из которых на основном отделении (подготовка офицерских кадров) проходили обучение 200 чел., остальные – на курсе усовершенствования командно-политического состава военизированной охраны; в Темниковской школе по подготовке служебно-розыскного собаководства – 50 чел. Подготовка младшего комсостава служебно-розыскного собаководства осуществлялась в Рыбинской, Свободненской и при Севжелдорлаге межкраевых школах ГУЛАГ[3]. На межлагерных курсах за 9 мес. 1946 г. были подготовлены 4 966 чел.: из них 900 работников лагерного сектора и 4 066 работников военизированной и военизированной пожарной охраны (далее: ВОХР и ВПО); переподготовлено работников лагсектора, ВОХР и ВПО 34 871 чел.; по программам повышения квалификации – 31 789 чел.: из них работников лагерного сектора 3 110 чел. (офицерского состава командирской учебой охвачены 722 чел.)[4]. Кроме того, часть сотрудников исправительно-трудовой системы проходила подготовку и переподготовку в учебные заведениях так сказать общего профиля. Например, на основании приказа МВД СССР от 24 марта 1946 г. «Об организации при Ленинградской школе МВД отделения по переподготовке оперативных работников управления МВД по Ленинградской области и милиции» были созданы курсы переподготовки, на которых устанавливался срок обучения в шесть месяцев, и были они рассчитаны на 100 чел. [Будашевский 2016, с. 53].

К 1946 г. в системе МВД СССР насчитывалось достаточное количество учебных заведений различного профиля, осуществлявших подготовку и переподготовку сотрудников исправительно-трудовой системы, начиная от Центральной школы до различных курсов, существовавших при отдельном ИТЛ или группе ИТЛ.

Вместе с тем важной особенностью состояния подготовки кадров выступало и следующие обстоятельства. С одной стороны, возникла объективная необходимость перехода от ускоренных курсов и школ с шестимесячным обучением, а также курсовой системы переподготовки к началу подготовки сотрудников по программам, как минимум, общегражданского среднего юридического образования. С другой же стороны, наличие неподготовленных кадров и переподготовка требовали дальнейшего

[1] История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – начало 1950-х годов : собр. док. В 7 т. Т. 2 : Карательная система: структура и кадры. М. : РОССПЭН, 2004. С. 295.

[2] Там же. С. 303.

[3] Там же. С. 304.

[4] Там же. С. 305.

развития института переподготовки значительного количества действующих сотрудников исправительно-трудовой системы СССР.

Необходимость повышения уровня подготовки кадров для системы МВД СССР нашла отражение в приказе МВД СССР от 10 ноября 1946 г. «О мероприятиях по подготовке и переподготовке руководящих и оперативных кадров МВД СССР»[1], в котором отмечалось, что их подготовка и переподготовка не соответствуют предъявляемым требованиям, большинство руководителей не имеют специальной подготовки. Таким образом, приказ не только констатировал состояние кадров в системе МВД СССР, указывая на имевшиеся недостатки, но и закреплял основные направления совершенствования подготовки специалистов для органов МВД СССР, в том числе для ГУЛАГ, тюрем и иных учреждений, в виде скорейших преобразований в системе подготовки кадров, в первую очередь уровня руководителей и оперативных работников МВД СССР.

В качестве важнейших задач по подготовке и переподготовке кадров органов МВД СССР в приказе были определены следующие: повысить уровень общеобразовательной, специальной и политической подготовки работников руководящего и оперативного состава МВД СССР; в течение ближайших 4–5 лет добиться того, чтобы весь основной руководящий и оперсостав прошли либо очное обучение в школах МВД СССР, либо заочное, причем, наряду со специальными, в обязательном порядке предполагалось изучение юридических дисциплин[2].

Согласно приказу от 10 ноября 1946 г. Высшая школа МВД СССР была переименована в Высшую офицерскую школу МВД СССР, а все республиканские и межобластные школы МВД СССР переименовывались в офицерские школы МВД СССР с обязательной юридической подготовкой в рамках программ юридических школ. Все одногодичные офицерские школы МВД СССР переводились на двухгодичное (очное) обучение.

Практически впервые в системе ведомственного образования МВД СССР приказ закрепил новую форму обучения – заочное обучение для руководящего и оперативного состава, не прошедшего школьную подготовку и не имевшего высшего и среднего юридического образования по программе Высшей и местных офицерских школ. Кроме того, впервые на уровне подобного акта закреплялась необходимость формирования при школах курсов переподготовки для различных категорий сотрудников.

Структура всех офицерских школ включала в себя два отделения: основное (очное) и заочное, а также курсы переподготовки руководящего и оперативного состава при каждой офицерской школе. Устанавливался календарный график обучения с 1947/1948 учеб. г. Период обучения продолжался с 1 августа по 30 июня, зимние каникулы – с 24 января по 6 февраля, летние – с 1 июля по 1 августа.

В приказе закреплялись требования для кандидатов на поступление: образование, партийность, возраст и наличие обязательных вступительных испытаний по предметам гуманитарного профиля (история СССР, география, русский язык и литература)[3].

В приказе не было четкого разделения между терминами «курсант» и «слушатель». Оба термина употреблялись в равном значении. Например, при закреплении требований приема в офицерские школы курсантами именовались как поступающие на основное отделение (очное), так и на заочное, вне зависимости от званий и должностей[4]. При каждой школе предписывалось организовать летние лагеря для военной подготовки и расселения на время летних сессий заочников.

Таким образом, офицерские школы признавались основной формой подготовки и переподготовки оперативных и руководящих кадров для всей системы МВД СССР.

Приказ устанавливал перечень офицерских школ МВД СССР, их профиль, численность и срок обучения переменного состава на отделениях подготовки и переподготовки. Были сформированы Высшая офицерская школа МВД СССР, 13 офицерских школ[5]: Ленинградская (400 чел.), Свердловская (350), Куйбышевская (200), Владимирская (200), Киевская (350), Алма-Атинская (200), Минская (300), Вильнюсская (350), Рижская (250), Таллинская (350), Ашхабадская (250), Кишиневская (150), Ташкентская (250). Причем Алма-Атинская, Ашхабадская и Ташкентская школы считались национальными, т. е. были призваны готовить в основном национальные кадры, соответственно, учитывая слабую подготовку обучающихся по русскому языку и необходимость его совершенствования в процессе обучения, срок обучения в них устанавливался в три года. В дальнейшем количество школ, готовивших кадры, в том числе и для исправительно-трудовой системы, менялось в зависимости от вектора развития советской исправительно-трудовой политики.

Для всех школ устанавливался профиль подготовки – оперативный состав МВД СССР: в Ленинградской офицерской школе – подготовка начальников оперативных отделений, их заместителей и начальников розыскных отделений МВД СССР, а во Владимирской офицерской школе – оперативный состав тюрем. В частности, система подготовки во Владимирской офицерской школе согласно приказу устанавливалась следующая: от-

[1] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 208. Л. 94.

[2] Там же. Л. 94(об).

[3] Там же. Л. 96.

[4] Там же. Л. 95, 97–99.

[5] Там же. Л. 99(об).

деление подготовки оперативного состава тюрем со сроком обучения 2 года – 50 чел.; курсы переподготовки начальников тюрем (срок обучения – 9 мес.) – 50 чел.; курсы переподготовки оперативного состава (срок обучения – 9 мес.) – 25 чел.; курсы переподготовки дежурных помощников начальников тюрем (срок обучения – 9 мес.) – 75 чел. [Ерин 2020, с. 179]. Необходимо подчеркнуть, что во всех вышеназванных школах готовили оперативный состав без указания специализации органов МВД СССР или системы ГУЛАГ, так как в исследуемый период не существовало четкого деления на оперативный состав госбезопасности, ГУЛАГ и т. д. Оперативные работники, вне зависимости от службы в структуре МВД СССР (исключая, милицию), – оперативные аппараты ГУЛАГ, тюрем, территориальных органов МВД СССР, отделов по борьбе с бандитизмом и т. д. – имели звание госбезопасности.

Впоследствии школы либо расформировывались, либо перепрофилировались. Так, в июле 1946 г. Высшая офицерская школа была реорганизована в Военный институт МВД СССР, который по своему статусу приравнивался к Академии им. М. В. Фрунзе. При Военном институте в 1947 г. были организованы четырехмесячные курсы для усовершенствования руководящего состава войск и органов МВД СССР с отделением усовершенствования руководящего состава органов МВД СССР для 30 чел., из которых 25 являлись руководящими работниками ИТЛ и строительств[1].

Приказом МВД СССР от 25 июня 1947 г. в рамках продолжения комплекса мероприятий по развитию подготовки и переподготовки руководящих и оперативных работников МВД СССР было утверждено типовое Положение об офицерской школе МВД СССР (далее: Положение)[2], которое должно было стать основой для положений, разрабатываемых применительно к каждой конкретной школе. Согласно Положению офицерская школа являлась специальным учебным заведением МВД СССР, основной целью которого были подготовка и переподготовка оперативных кадров[3]. Все офицерские школы находились в непосредственном подчинении Управления кадров МВД СССР. Использование личного состава школ для выполнения служебно-боевых и оперативных задач допускалось только с разрешения МВД СССР. Причем необходимо подчеркнуть, что все школы именовались по названию города, где они располагались.

В Положении устанавливались: единообразная структура учебного заведения, обязательный перечень циклов (циклы дисциплин социально-экономических, юридических, общеобразовательных, специальных и военно-физическая подготовка), формы обучения, требования к преподавательскому составу.

Кроме того, было проведено обследование всех школ на предмет выявления недостатков и намечены мероприятия по материально-техническому, хозяйственно-бытовому обеспечению школ для укрепления и создания необходимых условий в течение 1947–1948 гг., выполнение которых возлагалось как на Хозяйственное управление МВД СССР, так и ГУЛАГ, Управление материально-технического снабжения и т. д., а также на начальников школ. В частности, на начальников школ возлагалась обязанность оборудовать кабинеты социально-экономических, специальных, юридических, военных дисциплин, автомотодела, фотолаборатории и т. д.

Важнейшим шагом стало широкое распространение заочной формы обучения. В соответствии с приказом МВД СССР от 29 мая 1947 г., утвердившим Положение о заочном обучении руководящих и оперативных кадров МВД СССР, во всех офицерских школах приступили к обучению слушателей-заочников. Например, во Владимирской офицерской школе было открыто заочное отделение со сроком обучения три года. Только за четыре учебных года (1947/1948, 1948/1949, 1949/1950, 1950/1951 учеб. гг.) на это отделение был принят 1 091 чел., выпущены 569 слушателей [Ерин 2020, с. 180].

Дальнейшее развитие системы ведомственного образования требовало установить более четкую специализацию профилей подготовки кадров. В частности, организовать учебное заведение, которое должно функционировать исключительно в интересах ГУЛАГ (тогда как в интересах Главного тюремного управления подготовку кадров осуществляла Владимирская офицерская школа). Руководством МВД СССР было отдано распоряжение к 1 июня 1947 г. Управлению кадров МВД СССР совместно с ГУЛАГ МВД СССР представить министру приказ об организации Высшей офицерской школы ГУЛАГ для подготовки и переподготовки руководящих работников ИТЛ и строительств[4].

1948 г. стал годом значительного увеличения количества ИТЛ. Так, было организовано 17 управлений ИТЛ и строительств, а также 7 особых лагерей. На 1 декабря 1948 г. при штатной численности 63 033 ед., в наличии был только 31 281 сотрудник из числа офицерского состава, т. е. фактически только половина[5]. В этих условиях подготовка кадров имела как никогда важное значение. Так, согласно отчету ГУЛАГ о работе с кадрами в 1948 г. на заочном отделении Высшей офицерской школы учились 44 чел. из центрального аппарата ГУЛАГ[6]. В отчете отмечалось, что в 1948 г. подготовка и переподго-

[1] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 814. Л. 313.
[2] Там же. Оп. 1а. Д. 225. Л. 166.
[3] Там же. Л. 166(об).
[4] Там же. Оп.1. Д. 814. Л.313.
[5] История сталинского ГУЛАГа. Т. 2. С. 349.
[6] Там же. С. 351.

товка кадров руководящего среднего звена проводились путем обучения в офицерских школах МВД СССР и школьно-курсовой сети ГУЛАГ. Всеми школами и курсами в 1948 г. был выпущен 1 791 чел. На момент отчета, т. е. на 1 января 1949 г., обучался 1 521 чел. Например, в Куйбышевской офицерской школе обучались 237 чел. по программам подготовки, переподготовки и на заочном отделении. Из них на основном двухгодичном отделении по подготовке (начальники, замначальники ИТЛ, управлений и отделов ИТЛ и колоний) обучался 171 чел.; на курсах переподготовки (начальники отделов, колоний, лагпунктов) – 33 чел.; на заочном отделении (начальники отделов, колоний, лагпунктов) – 33 чел. В Калининградской офицерской школе МВД СССР на основном двухгодичном отделении и курсах переподготовки обучались 540 чел., на основном отделении подготовки командного состава ВСО – 226 чел., на курсах переподготовки комсостава ВСО – 165 чел.; политсостав на курсах переподготовки – 149 чел. В Знаменской офицерской школе МВД СССР (профиль подготовки – начальники лагподразделений и политработники) в 1948 г. проходили обучение: начальники лагерных подразделений – 76 чел. на 1-м курсе основного отделения и 75 чел. на курсах переподготовки; партийно-политические работники (основное отделение) – 103 чел., на курсах переподготовки – 49 чел. В прочих офицерских школах руководящий и оперативный состав обучался на всех формах обучения в количестве 441 чел.; из них на заочных отделениях – 369 чел.[1]

Таким образом, в 1948 г. в офицерских школах МВД СССР, готовивших специалистов для ГУЛАГ, обучались очно на основных двухгодичных отделениях 580 чел., 539 чел. – на курсах переподготовки очно и 402 чел. – заочно. Причем заочное обучение осуществлялось в основном в школах, не относящихся к системе ГУЛАГ. Таким образом, заочное обучение в профильных школах еще не было распространенным. Всего по всем школам и курсам в 1948 г. обучался 1 521 чел. Кроме подготовки в школах, в течение 1948 г. обучение без отрыва от производства проходили 1 253 чел., из них начальников лагподразделений 103 чел.

Согласно справке от 2 марта 1950 г. о работе с кадрами ГУЛАГ основными задачами ГУЛАГ в 1949 г. в части обеспечения кадрами были полное укомплектование вновь организованных ИТЛ, строительств, периферийных органов офицерским составом, подготовка и переподготовка кадров лагерного сектора. Подчеркивалось, что укомплектованность офицерских должностей составляла 54,7 %[2]. В 1949 г. в рамках подготовки и переподготовки руководящего офицерского состава прошли обучение 648 чел.

Как отмечалось выше, профиль офицерских школ менялся в соответствии с потребностями в тех или иных специалистах. Так, приказом МВД СССР от 6 апреля 1950 г. Знаменская офицерская школа переориентировалась на подготовку исключительно политсостава ГУЛАГ.

На рубеже 1951–1952 гг. произошли существенные изменения в организации подготовки специалистов для исправительно-трудовой системы. Так, в справке о состоянии работы с кадрами на 1 января 1952 г. подчеркивалось, что перед МВД России поставлены большие хозяйственно-политические задачи, которые определяют «…высокий уровень требовательности к кадрам…», цель комплектование лагерного сектора и подразделений ВСО для «…строек коммунизма и всех вновь организованных лагерей и строительств»[3]. Например, в 1952 г. лагерный сектор не был укомплектован на 23,2 %, а начсостав ВСО и ВПО – на 8,2 %. МВД СССР утвердило план подготовки и переподготовки офицерских кадров на 1952–1954 гг.

В соответствии с приказом МВД СССР от 2 июля 1951 г. № 00429 «О плане подготовки и переподготовки офицерских кадров для органов МВД на период 1952–1954 гг.»[4] в интересах ГУЛАГ предполагалось осуществить подготовку и переподготовку практически всех категорий сотрудников на базе Высшей офицерской школы, Вильнюсской, Львовской и Рязанской школ подготовки начсостава, Ташкентской школы усовершенствования офицерского состава, Орджоникидзевского военного училища МВД СССР. Вместе с тем офицеры для ВСО обучались в военных училищах МВД СССР. Например, на основании приказа МВД СССР от 28 ноября 1951 г. № 0839 «Об организации экстерната за военные училища МВД СССР для личного состава военизированной стрелковой охраны ГУЛАГа МВД СССР»[5] в целях ускоренной подготовки офицеров (командиров групп) для ВСО была начата их подготовка по программе экстерната в Ашхабадской офицерской школе МВД СССР[6]. Причем большинство школ и военных училищ МВД СССР только с конца 1951 г. начали подготовку офицеров для лагерного сектора и ВСО, а 4 школы находились в стадии реорганизации.

Конец 1951–1952 гг. характеризовался существенными переменами в организации работы МВД СССР. Приказом МВД СССР от 2 ноября 1951 г. № 0776 вводилось в действие Положение о прохождении службы офицерским составом Министерства внутренних дел СССР. Данное положение четко закрепляло статус отдельных категорий должностных лиц, имевших статус военнослужащих. К офицерскому составу относились только три кате-

[1] История сталинского ГУЛАГа. Т. 2. С. 353.

[2] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 976. Л. 60.

[3] Там же. Д. 1034. Л. 15.

[4] Там же. Д. 1106. Л. 260–268.

[5] Там же. Оп. 1а. Д. 1146. Л. 269–280.

[6] История сталинского ГУЛАГа. Т. 2. С. 416.

гории, которые по характеру подготовки и деятельности делились на оперативные, войсковые и специальные службы. Таким образом, в исправительно-трудовой системе статус военнослужащих сохранялся только за оперативными работниками. Причем подчеркивалось, что офицерский состав должен комплектоваться лицами, окончившими средние и высшие специальные и военно-учебные заведения. Правовое положение сотрудников, ранее приравненных к военнослужащим, было закреплено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 августа 1952 г. «Об отмене воинских званий и введении новых званий для начальствующего состава Министерства внутренних дел СССР»[1].

Безусловно, указанные изменения повлияли и на организационные формы подготовки специалистов для исправительно-трудовой системы. Офицерские школы, готовившие оперативных работников, остались с наименованием «офицерская» с передачей в ведение Управления военно-учебных заведений МВД СССР. Например, Владимирская офицерская школа принята в систему Управления военно-учебных заведений МВД СССР летом 1951 г., а в начале 1952 г. была переименована во Владимирскую школу подготовки офицерского состава. Остальные школы по подготовке кадров для исправительно-трудовой системы переименовывались в школы подготовки и переподготовки начсостава. В июле 1952 г. Высшая офицерская школа МВД СССР была переименована в Высшую школу усовершенствования руководящего состава МВД СССР и стала осуществлять переподготовку руководящих кадров по двум направлениям: заместители министров внутренних дел союзных и автономных республик, начальники и заместители начальников краевых и областных УМВД, а также начальники ИТЛ и их заместители; начальники предприятий горной и горно-металлургической промышленности МВД СССР и их заместители (от начальников участков, приисков и выше). В 1952/1953 учеб. г. по обоим направлениям прошли обучение 300 слушателей [Гордиенко 2014, с. 26]. В августе 1953 г. Высшая школа усовершенствования руководящего состава МВД СССР была расформирована.

Следующим шагом, оказавшим влияние на развитие системы подготовки кадров, стала передача ИТЛ в систему Минюста СССР. К моменту передачи ГУЛАГ в Минюст СССР в системе было 5 школ подготовки и переподготовки кадров начсостава и проводников служебных собак, ликвидирована одна, организовано 8, и на 30 мая 1953 г. в системе ГУЛАГ Минюста СССР находилось 14 учебных заведений, готовивших специалистов различного профиля[2]. В результате очередного сокращения штатов, согласно справке ГУЛАГ от 24 октября 1953 г., в ГУЛАГ Минюста СССР насчитывалось 12 школ и один учебный полк[3].

Последующие события, связанные с обратной передачей ГУЛАГ в ведение МВД СССР, показали, что проблема с кадрами для системы так и не была решена. В проект постановления ЦК КПСС «О мерах улучшения работы исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД», который прилагался к Докладной записке министра внутренних дел в ЦК КПСС «О состоянии дел в исправительно-трудовых лагерях и колониях» от 26 мая 1954 г., отмечалось, что в качестве мер повышения профессионального уровня сотрудников «…обязать МВД СССР… организовать и в течение двух лет осуществить переподготовку кадров начальствующего состава исправительно-трудовых лагерей и колоний через систему имеющихся в МВД и путем создания краткосрочных курсов»[4]. То есть курс на переподготовку продолжал сохраняться, что объяснялось следствием значительных кадровых чисток в системе ГУЛАГ, последовавших после смерти вождя. Не случайно в Докладной записке министра внутренних дел в ЦК КПСС от 26 мая 1954 г. упоминалось, что «…крупные ошибки допускались в подборе, расстановке и воспитании кадров в исправительно-трудовых лагерях и колониях… на многих должностях находились провалившиеся на прежней работе и неподготовленные работники… Наличие большого количества… скомпрометированных и неподготовленных работников не могло обеспечить проведение в жизнь действенной исправительно-трудовой политики…»[5].

За период нахождения ИТУ в системе Минюста СССР из них уволилось значительное количество квалифицированных сотрудников, и это,

---

[1] История сталинского ГУЛАГа. Т. 2. С. 392–394.

[2] Ашхабадская школа подготовки начсостава, Вильнюсская школа подготовки и усовершенствования начсостава, Златоустовская школа подготовки и усовершенствования начсостава (г. Златоуст, Челябинская обл.), Киевская школа по подготовке сержантов-проводников служебно-розыскных собак (г. Киев, Святошино), Княжепогостская школа по подготовке сержантов-проводников служебно-розыскных собак (пос. Железнодорожный, Коми АССР), Ленинградская школа подготовки и усовершенствования политсостава (г. Ленинград, Сосновая Поляна), Львовская школа подготовки и усовершенствования начсостава, Свободненская школа по подготовке сержантов-проводников служебно-розыскных собак (г. Свободный, Амурская обл.), Себежская школа подготовки и усовершенствования начсостава (г. Себеж, Великолуцкая обл.), Сланцевская школа подготовки начсостава (г. Сланцы, Ленинградская обл.), Ташкентская школа подготовки и усовершенствования начсостава, Щербаковская школа по подготовке сержантов-проводников служебно-розыскных собак (г. Щербаков-Переборы, Ярославская обл.)., учебный полк (г. Калач, Сталинградской обл.), Тульская школа по подготовке оружейно-пулеметных мастеров (ГАРФ. 9414. Оп. 1. Д. 143. Л. 145–146).

[3] История сталинского ГУЛАГа. Т. 2. С. 452, 453.

[4] Там же. С. 494.

[5] Там же. С. 489.

безусловно, отрицательно повлияло на кадровое обеспечение системы. Вновь возникла потребность восполнения кадрами путем осуществления массовой переподготовки сотрудников. Приказом МВД СССР от 21 октября 1954 г. «Об организации переподготовки начальствующего состава ГУЛАГа МВД СССР» предписывалось организовать переподготовку, рассчитанную на срок в 6 мес. на базе Высшей школы МВД СССР, Орджоникидзевского военного училища, Вильнюсской школы начсостава, Ленинградской военно-политической школы МВД СССР и других учебных заведений системы [Министерство 2002, с. 431].

Некомплект сотрудников и необходимость переподготовки и усовершенствования уровня уже имеющихся кадров было решено обеспечить путем создания соответствующих условий при военных училищах МВД СССР. Так, в июне 1955 г. при Орджоникидзевском военном училище были организованы курсы усовершенствования начсостава ВОХР ГУЛАГ со сроком обучения 11 мес. [Гузеев 2015, с. 111]. Решение об организации переподготовки при военных училищах объяснялось схожестью вопросов по организации охраны ИТЛ и промышленных, железнодорожных и иных объектов с учетом их специфики. В указанный исторический период это было оптимальным решением, особенно в части подготовки начсостава ВОХР ГУЛАГ. При этом подготовка специалистов для тюрем МВД СССР не пострадала, так как они в систему Минюста СССР не передавались.

1 октября 1954 г. была образована Высшая школа МВД СССР, в которой подготовка для ИТУ осуществлялась на основном факультете, а срок обучения составил 3 года; курсы усовершенствования руководящего состава длились один год, обучение на факультете заочного обучения – 4 года. Выпускникам вручался диплом с присвоением квалификации «юрист». В сентябре 1954 г. на базе ликвидированной Рязанской школы милиции была создана Рязанская школа переподготовки начальствующего состава МВД СССР, основной задачей которой выступала переподготовка начальников лагерных отделений и лагерных пунктов ГУЛАГ, однако на переподготовку направлялись и начальники ИТЛ, заместители начальников ИТЛ, начальники лагерных отделений и лагерных пунктов отрядов, заместители по политико-воспитательной работе и т. д. Было организовано три цикла учебных дисциплин: спецдисциплины, общественные науки, юридические дисциплины, и открыто два отделения: отделение работников спецчастей и спецотделов и отделение усовершенствования начальников исправительно-трудовых колоний и их заместителей[1].

1956 г. стал поворотным для исправительно-трудовой системы Советского государства. После XX съезда КПСС Совет Министров СССР принял решение о ликвидации такой организационной формы, как ИТЛ. С этого момента основной формой становится исправительно-трудовая колония. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 октября 1956 г. «О мерах по улучшению работы Министерства внутренних дел СССР»[2] констатировалось, что важнейшим фактором, обусловившим неудовлетворительную работу органов МВД СССР, стал низкий уровень подготовки всех работников системы, в том числе и начальников лагерных пунктов и лагерных отделений, т. е. должностных лиц, которые непосредственно отвечали за проводимую карательную политику государства. В апреле 1957 г. состоялось заседание коллегии МВД СССР, на котором был поднят вопрос о состоянии и мерах по улучшению подготовки и переподготовки кадров исправительно-трудовых колоний и лагерей МВД СССР. Подчеркивалось, что численность начсостава, который готовился в учебных заведениях, не удовлетворяла потребности в квалифицированных кадрах для ИТУ. Кроме того, возникла необходимость в организации новых учебных заведений системы. На основании приказа МВД СССР от 29 июня 1957 г. «Об организации в восточных районах страны учебных заведений по подготовке кадров для учреждений МВД» была организована Барнаульская специальная средняя школа по подготовке оперативных работников для ИТУ с численностью переменного состава 300 чел. и сроком обучения 3 года. В школу принимались работники учреждений МВД СССР, имевшие образование не ниже семи классов и стажем работы не менее одного года [Третьяков 2007, с. 18]. В 1957 г. в Высшей школе МВД СССР открылось отделение подготовки руководящих работников для ИТУ. В 1957/1958 учеб. г. на первый курс очного отделения были набраны 100 слушателей [Гордиенко 2014, с. 27].

Таким образом, вторая половина 1940-х–1950-е гг. характеризовались становлением системы подготовки кадров, основанной на специализации и территориальном принципе с целью обеспечения кадрами исправительно-трудовой системы. К концу указанного периода была окончательно сформирована сеть учебных заведений, в основе деятельности которой лежала двухгодичная подготовка среднего начсостава – основного звена работы с осужденными, обладающего юридическими знаниями, необходимыми для эффективного выполнения служебных обязанностей, и соответствовавшего всем требованиям, предъявляемым к специалистам со средним юридическим образованием.

[1] Этапы большого пути. Рязань : Акад. ФСИН России, 2009. С. 14–16.

[2] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 315. Л. 140–146.

Список цитируемых источников

Будашевский 2016 – *Будашевский Г. В.* Деятельность исправительно-трудовых учреждений Ленинграда и Ленинградской области в послевоенный период (середина 1940-х – средина 1950-х гг.) : дис. … канд. ист. наук. СПб., 2016. 263 с.

Волошин 2015 – *Волошин Д. В.* Из истории подготовки пенитенциарных кадров в Куйбышевской школе ГУЛАГ НКВД СССР // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 3(17). С. 93–96.

Гордиенко 2014 – Академия управления МВД России: 85 лет в строю. 1929–2014 / под ред. В. В. Гордиенко. М. : Акад. упр. МВД России, 2014. 404 с.

Гузеев 2015 – *Гузеев Д. А.* Государственная политика в сфере подготовки кадров для войск внутреннего предназначения (1945–1991): исторический аспект : дис. … канд. ист. наук. Саратов, 2015. 226 с.

Ерин 2020 – *Ерин Д. А.* Владимирская офицерская школа МВД СССР в системе ведомственного профессионального образования (1946–1951 гг.): организационно-правовые основы деятельности по подготовке кадров для тюремной системы // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 177–184.

Куликов 2015 – *Куликов М. В.* Ситуация с кадрами и профессиональное образование сотрудников исправительно-трудовых лагерей и колоний ГУЛАГ НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кузбасского института. 2015. № 2(23). С. 172–180.

Министерство 2002 – Министерство внутренних дел России: 1802–2002 : ист. очерк. В. 2 т. Т. 2. СПб. : Фонд «Университет», 2002. 794 с.

Пилявец 2019a – *Пилявец Ю. Г.* Подготовка офицерских кадров для исправительно-трудовых лагерей и колоний в специализированных школах ГУЛАГа НКВД–МВД СССР в 1945–1950 гг. // Евразийское научное объединение. 2019. № 10-1(56). С. 57–59.

Пилявец 2019b – *Пилявец Ю. Г.* Проблемы комплектования подразделений военизированной охраны исправительно-трудовых лагерей и колоний офицерскими кадрами в 1945–1965 гг. // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». В 10 т. Т. 10. Рязань : Акад. ФСИН России, 2019. С. 111–115.

Третьяков 2007 – Барнаульский юридический институт МВД России: этапы большого пути / под ред. В. И. Третьякова. Барнаул : БЮИ МВД России, 2007. 285 с.

References

Budashevsky, G. V. (2016), Activities of correctional labor institutions in Leningrad and the Leningrad region in the post-war period (mid-1940s mid-1950s), Ph. D. Thesis, national history, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Erin, D. A. (2020), "Vladimir officer school of the Ministry of internal affairs of the USSR in the system of departmental professional education (1946–1951): organizational and legal basis for training personnel for the prison system", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 177–184.

Gordienko, V. V. (ed.) (2014), *Akademiya upravleniya MVD Rossii: 85 let v stroyu. 1929–2014* [Academy of management of the Ministry of internal affairs of Russia: 85 years in the ranks. 1929–2014], Akademiya upravleniya MVD Rossii, Moscow, Russia.

Guzeev, D. A. (2015), State policy in the field of training personnel for internal troops (1945–1991): historical aspect, Ph. D. Thesis, national history, Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia.

Kulikov, M. V. (2015), "Personnel situation and professional education of employees of correctional labor camps and colonies of the GULAG of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic war", *Vestnik Kuzbasskogo instituta,* no. 2(23), pp. 172–180.

Ministerstvo vnutrennikh del Rossii: 1802–2002, v 2 t., t. 2 [Ministry of internal affairs of Russia: 1802–2000, in 2 vol., vol. 2], Fond "Universitet", St. Petersburg, Russia.

Pilyavets, Yu. G. (2019a), "Training of officers for correctional labor camps and colonies in specialized schools of the Gulag of the NKVD–MVD of the USSR in 1945–1950", *Evraziiskoe nauchnoe ob"edinenie,* no. 10-1(56), pp. 57–59.

Pilyavets, Yu. G. (2019b), "Problems of recruitment of military security units of correctional labor camps and colonies with officer cadres in 1945–1965", *IV Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie", v 10 t., t. 10* [IV international penitentiary forum "Crime, punishment, correction", in 10 vol., vol. 10], Akademiya FSIN Rossii, Ryazan, Russia, pp. 111–115.

Tret'yakov, V. I. (ed.) (2007), *Barnaul'skii yuridicheskii institut MVD Rossii: etapy bol'shogo puti* [Barnaul law institute of the Ministry of internal affairs of Russia: stages of the long road], BYuI MVD Rossii, Barnaul, Russia.

Voloshin, D. V. (2015), "From the history of training penitentiary personnel in the Kuibyshev school GULAG of the NKVD of the USSR", *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(17), pp. 93–96.

Информация об авторах

Ерин Дмитрий Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; dmitry-0333@mail.ru

Гудкова Анна Валерьевна,
кандидат исторических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; 388153@gmail.com

Для цитирования

Ерин Д. А., Гудкова А. В. Развитие организационно-правовых форм подготовки специалистов для исправительно-трудовой системы НКВД–МВД СССР в послевоенный период (1945–1950-е гг.) // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 187–195.

Information about the authors

Erin Dmitry A.,
PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; dmitry-0333@mail.ru

Gudkova Anna V.,
PhD (history), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; 388153@gmail.com

For citation

Erin, D. A. and Gudkova, A. V. (2020), "Development of organizational and legal forms of training of specialists for the corrective labor system of the NKVD – Ministry of internal affairs of the USSR in the post-war period (1945–1950s)", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 187–195.

УДК 349:37.0

А. А. Кулакова[1]
В. С. Манохин[1]
[1] *Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*

A. A. Kulakova[1]
V. S. Manokhin[1]
[1] *Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, the Russian Federation*

Цифровое право как учебная дисциплина: целесообразность введения и особенности

Digital law as an academic discipline: expediency of introducing and features

Ключевые слова: цифровое образование; интернет-право; цифровое право; образовательные стандарты; информационное право; учебная дисциплина.

Аннотация. В статье анализируется необходимость введения цифрового права как общеобязательной юридической учебной дисциплины. В настоящее время лишь в некоторых образовательных организациях существуют учебные курсы, посвященные вопросам цифрового права. Современный юрист должен представлять, как работают новые цифровые технологии и в чем заключаются особенности их правового регулирования. Для этого нужно изменить федеральные государственные образовательные стандарты, добавив в них новые «цифровые» компетенции, а также сделать учебную дисциплину «цифровое право» общеобязательной во всех образовательных организациях, обучающих по направлению «Юриспруденция».

Key words: digital education; Internet law; digital law; educational standards; information law; academic discipline.

Abstract. This article examines the need for introduction of compulsory digital rights as a legal discipline. Currently, only a few educational institutions offer courses on digital law. A modern lawyer should understand how new digital technologies work and what the features of their legal regulation are. To achieve this, it is necessary to change the Federal state educational standards, adding new «digital» competencies to them, as well as to make the academic discipline «Digital law» mandatory in all educational institutions that train in the direction of «Jurisprudence».

О наличии тенденции к всеобщей цифровизации на современном этапе свидетельствуют стремительное развитие электронно-вычислительных машин, возникновение новых технологий обработки и передачи данных. Кроме того, во всем мире развивается такое явление, как «цифровая экономика», в основе которой лежат новые цифровые технологии: блокчейн, искусственный интеллект, интернет-вещи, bigdata, облачные технологии и т. п. Тем не менее это лишь одна сторона цифровизации, которая только входит в нашу жизнь и не имеет должного правового регулирования. Другая связана с информацией и персональными данными пользователей, так как все чаще встает вопрос о необходимости выработки новых протоколов информационной безопасности, усиления цифрового суверенитета личности. Цифровизация значительно упрощает жизнь всех людей, при этом актуализирует уже существующие правовые проблемы, переводя их в другое пространство, нематериальное.

Современному юристу необходимо не только уметь пользоваться новыми технологиями, но и понимать их природу, какие риски они в себе заключают и как с точки зрения законодательства правильно их рассматривать. Россия находится только в самом начале процесса цифровизации, тем не менее разработанная национальная программа «Цифровая экономика»[1] и выделенный на его реализацию бюджет (порядка 1,63 трлн руб.[2]) уже позволяют судить об особом интересе государства к данной сфере. Однако до сих пор не до конца понятно, как именно законодательно регулировать новые технологии, как модернизировать существующее правовое регулирование. Вступившие с 1 октября 2019 г. поправки в ГК РФ ввели в оборот такое понятие, как «цифровые права»[3], которое затем было изменено и дополнено «Законом о краудфандинге»[4];

[1] Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // Правительство России : [сайт]. URL: http://government.ru/rugovclassifier/614/events/ (дата обращения: 27.04.2020).

[2] Бюджет нацпроекта «Цифровая экономика» на 2019–2024 годы составит 1,63 трлн рублей // ТАСС : [сайт]. URL: https://tass.ru/nacionalnye-proekty/6099697 (дата обращения: 30.04.2020).

[3] О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Российская газета. 2019. 20 марта.

[4] О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 2 авг. 2019 г. № 259-ФЗ // Российская газета. 2019. 7 авг. В самом законе термин «краудфандинг» не содержится, хотя в первом варианте внесенного в Госдуму проекта он присутствовал (краудфандинг от англ. crowd – толпа, funding – финансирование, т. е. сотрудничество людей, добровольно оказывающих финансовую поддержку какому-либо проекту или организации).

© Кулакова А. А., Манохин В. С., 2020

еще один законопроект о «цифровых финансовых активах» так и не был принят. Эта триада нормативных актов вызвала всплеск исследований в сфере цифрового права и подтолкнуло юридическую мысль к формированию новой сферы юридических знаний. Тем не менее пока рано говорить о становлении полноценной отрасли права или о создании фундаментальной юридической теории, однако цифровое право можно считать важным направлением развития юриспруденции.

Образование не может осуществляться в отрыве от современных реалий. Нельзя строить образовательный процесс, полностью игнорируя тенденции развития общества вообще и его правовой сферы, в частности. О необходимости реформирования сложившегося подхода и принятии отдельного Федерального закона «О цифровом образовании в Российской Федерации» писал профессор Р. Б. Головкин [Головкин, Манохин 2019]. И мы с данной позицией полностью согласны.

Некоторые юридические институты, факультеты уже самостоятельно создают учебные курсы, так или иначе связанные с цифровым правом: «Информационное право» в НИУ ВШЭ, «Интернет-право» в СПбГУ, «Информационное право и цифровые технологии» в МГЮА [Тедеев 2019, с. 43]. Все перечисленные предметы затрагивают как вопросы цифровизации, так и место юриспруденции в данном процессе. Однако подобные курсы не входят в перечень обязательных и не являются общепринятыми и широко распространенными. Тем не менее разработка и внедрение в учебный процесс таких дисциплин есть важный шаг на пути стабильной и динамичной цифровизации нашего общества.

Можно выделить несколько причин, которые, по нашему мнению, препятствуют введению цифрового права как учебной дисциплины:

1. Отсутствие достаточного количества кадров, которые были бы способны преподавать данный курс [Бочкарева, Мубаракшина 2019, с. 42].

2. Сложность с определением круга изучаемых вопросов. Цифровое право не должно рассматриваться в отрыве от природы технологий, лежащих в его основе. Другими словами, при рассмотрении вопросов правового регулирования важно донести до студентов принцип работы тех или иных технологий, что порой бывает непросто.

3. Фундаментальность юридического образования. Оно достаточно консервативно в вопросах введения новой учебной дисциплины, поэтому включение данного предмета в категорию общеобязательных может быть встречено негативно в образовательной среде.

Для того чтобы цифровое право стало полноценной учебной дисциплиной, прежде всего надо начать с решения вышеобозначенных проблем.

Во-первых, повышение квалификации преподавательского состава по направлению «цифровое право» должно происходить при полной поддержке государства. Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки должна разработать единую программу обязательных курсов дополнительного образования для каждой аккредитованной образовательной организации высшего образования, имеющей юридическое направление в своей структуре. Акцент необходимо сделать именно на расширении знаний о цифровизации и новых технологиях. С нашей точки зрения, только централизованный подход способен подготовить кадры, которые в дальнейшем смогут развивать цифровое право в образовательных организациях.

Во-вторых, круг изучаемых вопросов должен зависеть непосредственно от того, какие компетенции вырабатываются у студентов.

В ФГОС ВО по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция от 2017 г. утверждены лишь две общекультурные компетенции (далее: ОК): ОК-3, ОК-4, связанные с использованием современных информационных технологий, а точнее, с формированием у студентов навыков работы с данными при помощи компьютеров и глобальных компьютерных сетей. В программе магистратуры отсутствует какое-либо упоминание об информации и новых технологиях. Н. Г. Храмцова и Т. Ю. Майборода называют такой подход устаревшим и говорят о том, что современных юристов необходимо обучать новым технологиям в совокупности с практическим решением собственно правовых задач. Они предлагают ввести новые общепрофессиональные цифровые компетенции, связанные с использованием знаний об информационных технологиях в юридической деятельности и в управлении и структурировании юридических знаний [Храмцова, Майборода 2019, с. 85]. Мы считаем, что цифровые компетенции не должны ограничиваться лишь использованием новых технологий в профессиональной деятельности. Юристы должны не только уметь использовать новые средства цифрового правового регулирования, но и правильно ориентироваться в цифровой среде.

Исходя из этого предлагаем дополнить существующие программы следующими общепрофессиональными компетенциями (далее: ОПК):

– ОПК (бакалавриат) – способность ориентироваться в цифровой среде и понимать принцип работы цифрового правового регулирования;

– ОПК (магистратура) – способность регулярно обновлять свои знания о новых или уже существующих цифровых технологиях в правовой сфере.

В-третьих, нужна единая концепция рабочей программы: что будет изучаться, как обозначить

границы цифрового права, ведь даже в юридической доктрине однозначно не обозначена сфера регулируемых отношений. По нашему мнению, целесообразно обратиться к уже существующим пилотным учебным курсам и на их основе сформировать единую концепцию учебной дисциплины «цифровое право».

Несмотря на различные названия существующих курсов («Цифровое право», «Интернет-право», «Киберправо», «Информационное право»), они рассматривают одни и те же явления с точки зрения права. Корректно будет дать возможность образовательным организациям, в которых уже существуют подобные учебные дисциплины, оставить существующее название предмета, так как для образовательного процесса важно наполнение рабочей программы, а не ее название.

В рамках преподавания цифрового права курс следует разделить на Общую и Особенную части. Общая часть должна включать основополагающие принципы, действующие в сфере цифрового правового регулирования, различные подходы к его предмету и методу, существующие источники. Особое внимание должно уделяться международным договорам и судебной практике, которая, несомненно, развивается быстрее, чем законодательство. Завершаться Общая часть должна сравнительным анализом существующих теорий цифрового права, а также основных тенденций его развития.

Особенная часть должна быть посвящена изучению конкретных аспектов цифрового права: правовой статус информации как правовой категории (на основании Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[1], а также основополагающих международных актов); правовое регулирование персональных данных (общий регламент защиты персональных данных, или GDPR, непосредственно влияющий на деятельность всех транснациональных компаний в сети «Интернет»); правовое регулирование развивающихся технологий (блокчейн, bigdata, криптовалюта, токены, облачные технологии, искусственный интеллект, croud-технологии, интернет-вещи), которое либо осуществляется частично, либо отсутствует вовсе.

Преподавание этого курса должно строиться по следующему алгоритму:

1. История возникновения новых технологий, их функциональная принадлежность и особенности технического строения.

2. Основные недостатки традиционных способов правового регулирования.

3. Правовые системы, в которых принято самое прогрессивное законодательство в области цифровых технологий.

4. Тенденции развития цифрового правового регулирования в России. Возможность адаптации иностранного опыта.

Данный алгоритм позволит рассмотреть все цифровые технологии комплексно. Так как в России отсутствует законодательное регулирование многих элементов цифрового права, то особое внимание целесообразно уделить мировому опыту. Анализ существующих подходов в разных правовых системах (как в развитых, так и в развивающихся) поможет целостно передать общие тенденции развития цифрового права, объяснить актуальность данной дисциплины.

Таким образом, цифровое право как учебная дисциплина – это совокупность существующих теоретических и практических знаний о цифровом праве, систематизированных и оформленных в виде образовательного курса. Для закрепления данной дисциплины во всех образовательных программах Министерство науки и высшего образования Российской Федерации должно подготовить изменения в существующие государственные образовательные стандарты (программы – бакалавриат и магистратура), а также признать цифровое право общеобязательным предметом [Тедеев 2019, с. 44], необходимым для подготовки высококвалифицированных специалистов. Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки в свою очередь должна подготовить инструкцию о формировании рабочей программы учебной дисциплины «цифровое право» на основе вышеизложенных предложений.

Особо следует отметить, что приведенное выше определение применимо в условиях развития доктрины цифрового права, оно развивает образовательный аспект данного явления. Тем не менее оно не может быть непосредственно закреплено в российском законодательстве, потому что это создаст противоречие между уже существующей и предлагаемой нами дефинициями. Однако указанные выше шаги по развитию и совершенствованию образовательного процесса необходимо законодательно закрепить.

Профессор Р. Б. Головкин предлагает разработать и принять закон «О цифровом образовании в Российской Федерации» [Головкин, Манохин 2019, с. 131], в котором будут регламентированы вопросы развития новых способов и форм образования, закреплены необходимые дефиниции и определен общий вектор развития данной сферы. Мы предлагаем дополнить предложенный нормативный правовой акт таким принципом, как развитие навыков работы и учебы в условиях цифровизации. Это позволит расширить сферу действия данного закона, который будет включать в себя также вопросы, посвященные трансформации су-

[1] Российская газета. 2006. 29 июля.

ществующего образования, изменению рабочих программ всех направлений. Для этого следует дополнить нормативный правовой акт понятиями «цифровые компетенции» и «цифровые учебные курсы» и отдельной главой, содержащей вопросы изменения существующих образовательных стандартов и рабочих программ.

Цифровые компетенции представляют собой совокупность взаимосвязанных навыков, умений, знаний, необходимых каждому обучающемуся для эффективного осуществления своих профессиональных целей и задач в условиях цифровой экономики.

Цифровые учебные курсы – это разработанный план учебных занятий, направленных на освоение основных принципов работы в цифровой экономике и развитие цифровых компетенций.

Предложенный выше курс «Цифровое право» может быть использован для введения аналогичных дисциплин по разным направлениям подготовки, с учетом специфики каждой специальности. Разумно также будет закрепить такую процедуру, как «оценка цифровых компетенций обучающихся», которую необходимо проводить дистанционно раз в 3 года при помощи созданной единой образовательной платформы. Данная процедура позволит объективно оценить динамику развития цифровых компетенций в разных образовательных организациях, в случае необходимости усилить контроль за тем, как преподаются «цифровые» дисциплины, а также понять общую эффективность закона «О цифровом образовании в Российской Федерации».

Для активного развития цифровой экономики государству необходимы люди, способные работать в условиях стремительной цифровизации, понимающие, как работают новые технологии. Только в данном случае возможно успешное развитие цифровой экономики и создание в дальнейшем полноценного информационного общества.

Список цитируемых источников

Бочкарева, Мубаракшина 2019 – *Бочкарева Т. Н., Мубаракшина А. Р.* Цифровое образование в Российской Федерации: реалии и перспективы // Гуманитарные науки. 2019. № 1(45). С. 11–16.

Головкин, Манохин 2019 – *Головкин Р. Б., Манохин В. С.* Цифровое право: регулирование образовательных отношений // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 4(53). С. 129–132.

Тедеев 2019 – *Тедеев А. А.* Проблемы преподавания информационного права в высшей школе // Информационное право. 2019. № 4. С. 42–44.

Храмцова, Майборода 2019 – *Храмцова Н. Г., Майборода Т. Ю.* Подходы к развитию цифровых компетенций студентов юридических вузов // Психологическая наука и образование. 2019. № 1(37). С. 80–93.

References

Bochkareva, T. N. and Mubarakshina, A. R. (2019), “Digital education in the Russian Federation: realities and prospects”, *Gumanitarnye nauki,* no. 1(45), pp. 11–16.

Golovkin, R. B. and Manokhin, V. S. (2019), “Digital law: regulation of educational relations”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(53), pp. 129–132.

Khramtsova, N. G. and Maiboroda, T. Yu. (2019), “Approaches to the development of digital competencies in law students”, *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie,* no. 1(37), pp. 80–93.

Tedeev, A. A. (2019), “Problems of teaching information law in higher education”, *Informatsionnoe parvo,* no. 4, pp. 42–44.

Информация об авторах

Кулакова Анна Александровна,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; annakulakova33@yandex.ru

Манохин Виталий Сергеевич,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; vitalijmanohin@yandex.ru

Information about the authors

Kulakova Anna A.,
PhD (law), associate professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, the Russian Federation; annakulakova33@yandex.ru

Manokhin Vitalii S.,
Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, the Russian Federation; vitalijmanohin@yandex.ru

Для цитирования

Кулакова А. А., Манохин В. С. Цифровое право как учебная дисциплина: целесообразность введения и особенности // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 196–199.

For citation

Kulakova, A. A. and Manokhin, V. S. (2020), “Digital law as an academic discipline: expediency of introducing and features”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 196–199.

УДК 340.1

Т. М. Нинциева[1]
[1] *Чеченский государственный университет, Грозный, Российская Федерация*

T. M. Nintsieva[1]
[1] *Chechen State University, Grozny, the Russian Federation*

Предмет процессуально-правового регулирования: методологические подходы к определению

Subject of procedural legal regulation: methodological approaches to definition

Ключевые слова: правовое регулирование; процессуально-правовое регулирование; процессуальная деятельность; предмет правового регулирования; методологические подходы; предмет процессуально-правового регулирования.

Аннотация. В статье рассматриваются методологические подходы к определению понятия «предмет процессуально-правового регулирования», на основании чего формулируется дефиниция этой правовой категории.
Анализируются имеющиеся точки зрения относительно предмета правового регулирования, который выступает основным методологическим подходом к уяснению сущности процессуально-правового регулирования и определения его предмета.
В результате делается вывод, согласно которому процессуально-правовое регулирование является особым видом правового регулирования в целом, а его предмет – это совокупность однородных общественных отношений и процессуальной деятельности управомоченных субъектов, направленная на обеспечение надлежащих условий для применения норм материального права в процессе рассмотрения и разрешения юридических дел.

Key words: legal regulation; procedural legal regulation; procedural activity; subject of legal regulation; methodological approaches; subject of procedural and legal regulation.

Abstract. The article considers methodological approaches to the definition of the concept “subject of procedural and legal regulation”, on the basis of which the definition of this legal category is given.
The analysis of the existing views on the subject of legal regulation has been carried out, which is the main methodological approach to understanding the essence of procedural and legal regulation and determining its subject.
As a result, it is concluded that the legal regulation process is a special type of legal regulation in general, and its subject is a set of social relations and procedural activities of authorized entities aimed at ensuring appropriate conditions for the application of substantive law in the process of consideration and resolution of legal cases.

Общеизвестно, что право регулирует различные по содержанию общественные отношения, которые имеют свою специфику, свои характерные черты (признаки), в связи с чем возникает необходимость разделения норм права на отдельные отрасли.

Для образования и выделения самостоятельной отрасли права необходимо, чтобы определенная и большая группа общественных отношений, регулируемых правом, отличалась от других общественных отношений качественным своеобразием. По принятому в общей теории права подходу, отрасль права есть самостоятельная, обособленная совокупность норм права, определяемая как спецификой общественных отношений, так и особым методом регулирования последних.

В свою очередь отрасли права делятся на правовые институты. Правовой институт – это совокупность норм, регулирующих обособленные общественные отношения в пределах той группы общественных отношений, которые составляют предмет отрасли.

В основе классификации правового материала лежит предмет правового регулирования, т. е. общественные отношения, на которые оказывают воздействие правовые нормы. Однако предметом правового регулирования становятся только такие общественные отношения, которые объективно требуют правового вмешательства. Это надо иметь в виду, ибо есть множество общественных отношений, которые регулируются другими, социальными, нормами.

Вместе с тем, если пользоваться при классификации права одним предметом регулирования, то трудно будет отграничить смежные отрасли и тем более институты права. Для преодоления этой трудности следует учитывать уже упомянутые методы правового регулирования. Метод правового регулирования зависит: а) от целей и задач, которые ставит перед собой государство, издавая те или другие правовые нормы; б) характера субъектов правового отношения; в) характера и взаимосвязи прав и обязанностей субъектов правоотношения; г) различных средств обеспечения и охраны правовых норм.

В то же время метод правового регулирования не может применяться в качестве самостоятельно-

© Нинциева Т. М., 2020

го при систематизации правовых норм потому, что он является производным от предмета регулирования. Общественные отношения как предмет регулирования не зависят от метода правового регулирования. Наоборот, метод правового регулирования определяется характером общественных отношений, являющихся предметом такого регулирования. Предмет регулирования – явление объективного порядка; метод правового регулирования исходит от властных органов, издающих и применяющих право, и является поэтому субъективным фактором. Вот, как определяет метод правового регулирования Н. И. Матузов: «Под методом понимаются определенные приемы, способы, средства воздействия права на общественные отношения. Метод отвечает на вопрос, как право осуществляет свою регулятивную роль, ибо правовые нормы регулируют не только разнохарактерные отношения, но и различным образом. От методов в значительной мере зависит эффективность правового регулирования, достижение выдвигаемых при этом целей» [Матузов 2001, с. 399].

Рассматривая в качестве компонента процессуально-правового регулирования (по нашему мнению, процессуально-правовое регулирование является особым видом правового регулирования вообще, и под ним мы понимаем специфический вид правового регулирования, в процессе которого при помощи процессуально-правовых средств и мер обеспечительно-вспомогательного характера создаются необходимые условия для эффективного, законного и обоснованного рассмотрения и разрешения юридических дел; при этом соблюдаются все права и обязанности субъектов права [Беляев, Нинциева 2020]) его предмет, сразу отметим необходимость разграничения таких категорий, как объект и предмет: объект, безусловно, шире предмета, поскольку он включает явления внешнего мира, подлежащие познанию и практическому воздействию субъектов.

В свою очередь, предмет отражает только часть, отдельную сторону, конкретный аспект объекта. «Предмет правового регулирования – это уже не объект вообще, а определенная, конкретизированная его сторона», – считает Л. И. Спиридонов [Спиридонов 1973, с. 39], и мы разделяем его позицию.

Остановимся подробнее на изучении предмета правового регулирования, исходя из методологического и вышеназванных подходов к уяснению этого понятия, относительно которого можно говорить как об устоявшейся правовой категории [Соловьев 2012]. По этому поводу И. В. Сильченко отмечает: «В юридической науке практически никем не оспаривается положение, согласно которому предмет правового регулирования является “материальным” критерием разграничения норм права на самостоятельные отрасли, поскольку под ним понимаются качественно обособленные группы общественных отношений, которые по своему глубинному экономическому и социально-политическому содержанию требуют отдельного, самостоятельного и своеобразного юридического воздействия» [Сильченко 2004, с. 61].

Вместе с тем этот автор сетует: «В исследованиях предмета правового регулирования сложилась ситуация, суть которой в том, что, несмотря на большую теоретическую и практическую важность для юридической науки данной научно-правовой конструкции, ее общетеоретические разработки сегодня осуществляются неудовлетворительно. Получается, что при всей значимости данного понятия для изучения современного состояния и развития системы права, для построения системы законодательства, его ценность как бы просто презюмируется» [Сильченко 2004, с. 61–64]. С нашей точки зрения, изложенное еще в большей мере относится к объекту процессуально-правового регулирования, о котором иногда только упоминается. На это обстоятельство тем более надо обратить внимание, исходя из методологического подхода и логики исследования, поскольку процессуально-правовое регулирование, как уже отмечалось выше, является особым видом правового регулирования вообще.

С учетом сказанного целесообразно проанализировать отдельные точки зрения ученых касательно предмета правового регулирования. И анализ начнем с изложения следующего мнения Н. И. Матузова: «Под предметом понимается то, что регулирует право, т. е. определенные виды общественных отношений. Последние представляют собой сложную, многоаспектную категорию. В структуру предмета правового регулирования входят следующие элементы: а) субъекты – индивидуальные и коллективные; б) их поведение, поступки, действия; в) объекты (предметы, явления) окружающего мира, по поводу которых люди вступают во взаимоотношения друг с другом и к которым проявляют свой интерес; г) социальные факты (события, обстоятельства), выступающие непосредственными причинами возникновения или прекращения соответствующих отношений. Предмет в данном случае – это все то, что подпадает под действие правовых норм. Иными словами, сфера, на которую распространяется право и которая находится под его юрисдикцией. Подобные общие рамки (границы) нередко называют правовым, или юридическим, полем. За пределами этого поля находится неправовое пространство» [Матузов 2001, с. 399]. В этом случае ученый обращает внимание на то, что предмет правового регулирования – это не все, а «определенные виды общественных отношений», и такой подход прямо обозначает путь в правлении исследуемого в

нашей статье предмета процессуально-правового регулирования.

В специальной работе, посвященной предмету правового регулирования, М. А. Лукашев пишет: «Функциональная характеристика предмета правового регулирования предопределена: во-первых, его характеристикой как критерия систематизации правового массива и отграничения одного правового образования от другого, одной группы норм от другой; во-вторых, разнообразием его дефиниций; в-третьих, целями и задачами конкретной отрасли права, которые в свою очередь различаются в зависимости от ее вида или типа (материальное и процессуальное, частное и публичное и т. д.); в-четвертых, факторами, характеризующими новые парадигмы мироустройства, тенденции общественного развития: интеграцией, глобализацией, регионализацией, диверсификацией и т. д. Предмет правового регулирования, в свою очередь, сам порождает возникновение и развитие этих процессов, поэтому они взаимообусловлены» [Лукашев 2006, с. 11]. Этот автор верно отмечает разнообразие дефиниций предмета правового регулирования.

В свое время М. А. Аржанов подчеркивал, что «предмет правового регулирования – это не предмет в смысле вещи, или личности человека, или действия, это отношение людей по поводу вещей, лиц, действий. Таким предметом всегда являются те или иные общественные отношения, поскольку они отражаются, закрепляются и охраняются правом» [Аржанов 1939, с. 29]. При таком подходе достаточно проблематично, полагаем, различить предмет и объект правового регулирования.

Предмет правового регулирования, по мнению С. С. Алексеева, составляют «разнообразные общественные отношения, которые объективно, по своей природе могут “поддаваться” нормативно-организационному воздействию и в данных социально-политических условиях требуют такого воздействия, осуществляемого при помощи юридических норм, всех иных юридических средств, образующих механизм правового регулирования» [Алексеев 1981, с. 292]. В данном случае ученый предлагает правовое регулирование рассматривать вкупе с механизмом правового регулирования и, возможно, в связи с чем не отмечает специфики этого предмета; объектом правового регулирования, считает он, также являются общественные отношения, но – какие, возникает вопрос.

По В. В. Лазареву, предмет правового регулирования включает общественные отношения «мыслимые, абстрактные, которые в обобщенном виде (в качестве модели) фиксируют уже существующие или реально могущие возникнуть отношения» [Лазарев 1980, с. 67]. И здесь видим указание на общественные отношения, но без их конкретизации, без «привязки» к предмету (именно) правового регулирования.

Согласно точке зрения В. И. Гойман, «к предмету правового регулирования будут относиться те общественные отношения, действия индивидов, коллективов людей, которые: а) объективно могут быть урегулированы правом и б) в данных условиях требуют юридического воздействия» [Гойман 2001, с. 148]. В этом подходе уже просматривается характер общественных отношений, направленность правового регулирования.

В свою очередь Н. Н. Вопленко отмечает: «Под предметом правового регулирования следует понимать качественно однородную группу общественных отношений, выступающих в виде объекта регулирования определенной группы правовых норм. Другими словами, это особая социально-правовая среда, ставшая объектом юридического воздействия» [Вопленко 2009, с. 364]. В этом случае ученым подчеркивается связь предмета правового регулирования с его объектом; предмет правового регулирования – это качественно однородная группа общественных отношений (отрасль права) – вот в чем специфика предмета правового регулирования.

Н. А. Пьянов также полагает, что предмет правового регулирования составляют не все общественные отношения, а только те, которые регулируются и могут регулироваться правом [Пьянов 2010]. Думается, такое определение предмета больше подходит объекту правового регулирования, в нем не отмечается специфика предмета как такового.

М. А. Лукашев под предметом правового регулирования предлагает понимать только урегулированные нормами права общественные отношения [Лукашев 2006, с. 11]. Таким образом, из вышесказанного следует вывод о том, что предмет правового регулирования включает в себя не все общественные отношения, нуждающиеся в правовом регулировании, а лишь те, которые фактически правом урегулированы. Несколько забегая вперед, заметим, что характерной особенностью предмета процессуально-правового регулирования является законченность праворегуляции определенных общественных отношений.

Следовательно, можно заключить, что основная мысль в этих определениях состоит в том, что в предмет правового регулирования всегда входят общественные отношения.

Данный подход является устоявшимся, и он практически не оспаривается в юридической литературе, хотя отдельные ученые в составе предмета правового регулирования выделяют не общественные отношения, а поведение субъектов [Явич 1961, с. 26–29].

Фактически аналогичной нужно признать следующую точку зрения В. Н. Протасова: «Социальная сфера является общим объектом целенаправ-

ленного правового воздействия. В конечном счете, право нацелено на регулирование поведения участников общественных отношений, которое и следует считать предметом правового регулирования» [Протасов 2014, с. 239]. То есть, следуя мысли ученого, предмет правового регулирования – это не общественные отношения вообще, а конкретно поведение участников этих отношений. Характерно, что В. Н. Протасов, заметим, последователен в своем мнении о включении как в объект, так и предмет правового регулирования деятельности (поведения) участников общественных отношений, и такая позиция возражений не вызывает ввиду ее конструктивности.

Необходимо также упомянуть о так называемом едином предмете правового регулирования, идея о котором в отечественной юридической науке была высказана в свое время В. Д. Сорокиным [Сорокин 1969] и поддержана другими учеными [Петров 2004].

Так, по В. Д. Сорокину, «единый предмет правового регулирования есть основной системообразующий фактор, порождающий целостность права как единого социального регулятора» [Сорокин 2000, с. 37]. Думается, что такое суждение в основе своей не может вызывать непринятия, хотя оно и весьма абстрактно.

По этому поводу В. Л. Кулапов и Ю. В. Медная замечают, что «единый предмет правового регулирования представляет собой систему разнообразных общественных отношений (так называемую социально-правовую среду), которые объективно по своей природе могут поддаваться нормативно-организационному воздействию и в существующих условиях требуют такого воздействия, осуществляемого при помощи правовых норм и иных юридических средств, образующих механизм правового регулирования» [Кулапов, Медная 2008, с. 32]. В этом случае авторы отмечают связь единого предмета правового регулирования с механизмом такового.

Для нас в приведенных определениях важно то, что единый предмет правового регулирования представляет собой систему разнообразных общественных отношений (в том числе, полагаем, и процессуального характера), составляющих определенную совокупность, определенную группу (по Н. Н. Вопленко, «качественно однородную») общественных отношений.

Очевидным является то обстоятельство, что круг общественных отношений, составляющих предмет правового регулирования, трансформируется под влиянием исторического развития: меняются пределы правового регулирования, возникают новые общественные отношения, исчезают прежние. Единственным и неизменным остается одно – сам факт существования общественных отношений, требующих правового урегулирования и выступающих единым предметом правового регулирования, независимо от составляющих его отраслей.

В практическом преломлении анализ понятия предмета правового регулирования находит свое выражение в так называемых судебных правовых позициях. Исследуя их «с привлечением общетеоретического подхода» и отмечая место, функции и роль в правовом регулировании в соотношении с его предметом, Н. В. Власенко и А. В. Гринева пишут: «Правовые позиции имеют разные формы выражения и особенности как на стадии формировании права, так и на стадии ее результата – правотворчества. Они могут появляться и “жить” как на начальном этапе формирования права, так и на заключительном – правотворчестве. Первоначально важно, что является общим между ними. Общая у них цель – правовое урегулирование фактического отношения. Дело в том, что инициативы субъект правотворчества, субъект законодательной инициативы, любой, полагающий необходимым отрегулировать либо включить в предмет правового регулирования какое-либо отношение или их группу, могут высказать свою правовую позицию по этому вопросу» [Власенко, Гринева 2009, с. 29].

Причем эти авторы под правовыми позициями суда понимают «мыслительный акт, представляющий собой текстовое системное изложение суждений судебной инстанции (судьи) о мотивах целесообразности применения той или иной юридической нормы или группы норм» [Власенко, Гринева 2009, с. 46].

Примечательно, что в текстах отдельных нормативных правовых актов можно встретить прямое указание на предмет правового регулирования. Так, в соответствии с Федеральным законом от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»[1] предметом его регулирования выступают «отношения, возникающие при эмиссии и обращении эмиссионных ценных бумаг независимо от типа эмитента, при обращении иных ценных бумаг в случаях, предусмотренных федеральными законами, а также особенности создания и деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг». То есть не все, а именно определенные отношения.

Еще пример. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[2] в ст. 1 в качестве предмета регулирования закрепляет «отношения, возникающие в сфере охраны здоровья граждан в Российской Федерации и определяет: 1) правовые, организационные и экономические основы охраны здоровья граждан; 2) права и обязанности человека и гражданина, отдельных групп населения в сфере охраны здоровья, гарантии реализации этих прав;

[1] Российская газета. 1996. 25 апр.

[2] Там же. 2011. 23 нояб.

3) полномочия и ответственность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере охраны здоровья; 4) права и обязанности медицинских организаций, иных организаций, индивидуальных предпринимателей при осуществлении деятельности в сфере охраны здоровья; 5) права и обязанности медицинских работников и фармацевтических работников». И в этом случае законодатель упоминает не о каких-то общего характера отношениях, а конкретно об отношениях в сфере охраны здоровья.

В своей совокупности изложенное выше фактически становится определенным методологическим подходом и общетеоретической основой для рассмотрения непосредственно предмета процессуально-правового регулирования.

Однако прежде обратим внимание на следующие обстоятельства. Так, изучение научной литературы свидетельствует о том, что о предмете процессуально-правового регулирования как таковом практически никто не пишет; юридическая наука относится индифферентно к этой проблематике. По этому поводу К. Б. Иващенко верно отмечает, что «проблема предмета правового регулирования недостаточно раскрыта в науке общей теории права». И далее: «Специфика же предметов правового регулировании материального права в его соотношении с процессуальным и вовсе не раскрывается в комплексном виде на уровне общей теории права» [Иващенко 2018, с. 8].

В качестве примера сложившегося положения можно сослаться на монографию В. Н. Протасова, посвященную общей теории процессуального права, в которой предмет процессуально-правового регулирования не определен ни в качестве составной части, элемента общеправовой теории (далее: ОПТ), ни как ее узловое понятие. Для того чтобы конкретизировать позицию ученого, приведем следующее его мнение: «Необходимыми составными частями, элементами ОПТ как науки, находящейся в стадии становления, являются следующие гносеологические блоки:

1. Сведения о правовой процедуре и ее разновидностях.

2. Анализ концептуального состояния ОПТ, ее динамики.

3. Характеристика охранительного правоотношения как основного отношения для юридического процесса.

4. Описание процессуально-правового механизма и его элементов.

5. Данные о механизме связи процесса с материально-правовой сферой.

6. Информация о правовых средствах, обеспечивающих юридический процесс.

Что касается узловых понятий ОПТ, то в категориальном аппарате общеправовой процессуальной теории основными являются такие понятия, как: “юридическая процедура”, “юридический процесс”, “процессуально-правовой механизм”, “процессуальное право”, “основное правоотношение”, “охранительное правоотношение”, “материально-правовая процедура”, “процессуальная процедура”, “механизм связи процесса с материально-правовой сферой” “целевое назначение (цель) юридического процесса”, “процесс-правоотношение”, “предпроцесс”, “правовые средства обеспечения юридического процесса» и некоторые другие”» [Протасов 2020, с. 31].

Мы умышленно привели столь обширную цитату из весьма значимого в процессуальной науке труда известного ученого, чтобы подтвердить свой вывод об отсутствии даже упоминания в нем о предмете нашего исследования – предмете (как, кстати, и об объекте) процессуально-правового регулирования. Может быть, предмет процессуально-правового регулирования входит в категорию «некоторых других»? Вопрос, к сожалению, остается без ответа.

Другой пример: в обстоятельной работе Е. Г. Лукьяновой «Теория процессуального права» отмечается буквально следующее: «Процессуальное право представляет собой “инструкцию” по реализации права материального. В данном случае достаточно трудно определить предмет процессуального права, провести границу между материальными и процессуальными явлениями в праве, тем более, что на долю материального права остается очень и очень немного» [Лукьянова 2003, с. 41–42]. Таким образом, Е. Г. Лукьянова признается, образно говоря, в наличии слабого звена в названной ею «инструкции»; умалчивает, не отвечает на вопрос, что же понимается ею конкретно под предметом правового регулирования процессуального права (процессуально-правового регулирования). По ее мнению, модификацией данного подхода является так называемая релятивная теория П. М. Рабиновича, согласно которой «материальные и процессуальные нормы и отношения не имеют абсолютных признаков, а рассматриваются в качестве таковых лишь в определенном соотношении, в зависимости от функции, которую они выполняют применительно к тем или иным нормам и отношениям» [Рабинович 1975, с. 251].

Полагаем, нужно привести еще один пример. Так, в диссертации К. Б. Иващенко читаем: «Для разграничения предмета правового регулирования материального и процессуального права следует принимать во внимание градацию правовых явлений на регулятивные и охранительные. Обращаясь одновременно к признаку материальности в праве, необходимо учитывать положение о том, что

в большей степени материальными будут именно регулятивные нормы и правоотношения. Процессуальное же право не имеет своим непосредственным предметом регулирования фактические экономические, политические, социально-культурные и иные общественные отношения. Последние есть предмет специально-юридического действия материального права. Непосредственным предметом воздействия со стороны процессуального права выступают материально-правовые отношения, но не вся их совокупность, а лишь требующие вмешательства в целях их защиты и охраны от различного рода нарушений или возникших иных препятствий в их реализации» [Иващенко 2018, с. 8].

Из вышеизложенного, таким образом, следует, что предмет процессуально-правового регулирования и предмет воздействия со стороны процессуального права является одним и тем же, не так ли? Почему же автор не дает формулировки этих (или хотя бы одного из них) понятий, из которых можно было бы конкретно видеть сущность и содержание предмета процессуально-правового регулирования?

Заметим также, что ранее К. Б. Иващенко (тогда еще под фамилией Донцова) в статье «Предмет процессуально-правового регулирования: общетеоретический аспект исследования» уже пыталась сказать об этом предмете, но произошла, так сказать, подмена тезиса, поскольку вместо его изучения, в итоге было заявлено: «С учетом изложенного полагаем, что **предметом правового регулирования процессуального права** (выделено нами. – *Т. Н.*) являются правоприменительные отношения охранительного характера, основным участником которых выступают судебные органы, осуществляющие деятельность посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства в целях защиты и восстановления оспариваемых или нарушенных прав и законных интересов участников общественных отношений» [Донцова 2017, с. 19].

Именно о предмете процессуально-правового регулирования в статье не было сказано ни слова; рассматривались в основном процесс и процедура: «Для выделения процессуального права большое значение имеет обозначение тех общественных отношений, которые регламентированы его нормами. Поскольку основой корневого содержания процессуальных отраслей выступает процесс, то понимание последнего, а также близкого к нему понятия “процедура” входит в определение предмета правового регулирования процессуального права и его трактовку» [Донцова 2017, с. 16]. Тем не менее заметим, что ни процесс, ни процедура в предмете правового регулирования процессуального права даже не упомянуты.

И в заключение аналитического обзора научного багажа о предмете правового регулирования приведем несколько точек зрения ученых, представителей отраслевых наук. Так, согласно первой из них предметом правового регулирования процессуальных отраслей права называются общественные отношения по поводу применения норм материального права в процессе разрешения юридических дел и споров, преимущественно в суде [Григонис 2002, с. 119]. Такое мнение мы разделяем в той части, где говорится об общественных отношениях по поводу применения норм материального права, причем в процессе разрешения юридических дел. Однако словосочетание «преимущественно в суде» требует пояснения этого «преимущества». А как быть тогда с юрисдикционной деятельностью, которая также связана с рассмотрением и разрешением юридических дел?

Представителем второй точки зрения является Ю. А. Свирин, который в гражданском процессуальном праве в качестве предмета правового регулирования рассматривает «правоприменительную деятельность **судов** (выделено нами. – *Т. Н.*) по защите оспариваемых или нарушенных субъективных прав физических лиц и организаций, признаваемых и не признаваемых юридическими лицами» [Свирин 2014, с. 26]. В этом случае за рамками остаются общественные отношения, и демонстрируется исключительно деятельностный подход к определению предмета гражданского процессуального права, что, считаем, носит несколько односторонний характер.

Вместе с тем нельзя упустить из вида высказанное в свое время В. Д. Сорокиным мнение о том, что «одной из составных частей предмета советского административно-процессуального права являются те общественные отношения, регулируемые нормами материального гражданского, трудового, финансового, колхозного, земельного и семейного права, которые связаны с разрешением задач государственного управления и которые требуют для своей реализации процессуальных действий органов государственного управления» [Сорокин 1972, с. 61]. Таким образом, в определенной мере это мнение также свидетельствует о деятельностном подходе и соотносится с позицией В. Н. Протасова и других ученых (в том числе и нашей) в этом вопросе о предмете процессуально-правового регулирования.

Проведенный анализ точек зрения и методологических подходов к определению предмета процессуально-правового регулирования, а также собственная позиция, согласно которой процессуально-правовое регулирование является особым видом правового регулирования в целом, позволяют сформулировать следующее определение: *предметом процессуально-правового регулирования является совокупность однородных общественных отношений и процессуальной деятельности упра-*

вомоченных субъектов, направленная на обеспечение надлежащих условий для применения норм материального права в процессе рассмотрения и разрешения юридических дел.

При этом под процессуально-правовой деятельностью понимается регламентированная нормами процессуального права юрисдикционная и иная социально значимая деятельность позитивного характера специально управомоченных органов и лиц по применению правовых норм в ходе и по результатам рассмотрения и разрешения юридических дел.

Такими нам видятся методологические подходы к определению предмета процессуально-правового регулирования и его дефиниция.

Список цитируемых источников

Алексеев 1981 – *Алексеев С. С.* Общая теория права. В 2 т. Т. 1. М. : Юрид. лит., 1981. 361 с.

Аржанов 1939 – *Аржанов М. А.* О принципах построения системы советского социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 27–33.

Беляев, Нинциева 2020 – *Беляев В. П., Нинциева Т. М.* Сущность и соотношение правового и процессуально-правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2020. № 4. С. 10–16.

Власенко, Гринева 2009 – *Власенко Н. А., Гринева А. В.* Судебные правовые позиции (основы теории). М. : Юриспруденция, 2009. 168 с.

Вопленко 2009 – *Вопленко Н. Н.* Очерки общей теории права. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. 898 с.

Гойман 2001 – *Гойман В. И.* Действие права. Правовое регулирование // Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. М. : Юристъ, 2001. 520 с.

Григонис 2002 – *Григонис Э. П.* Теория государства и права. СПб. : Питер, 2002. 317 с.

Донцова 2018 – *Донцова К. Б.* Предмет процессуально-правового регулирования: общетеоретический аспект исследования // Философия права. 2017. № 4(83). С. 15–21.

Иващенко 2018 – *Иващенко К. Б.* Соотношение материального и процессуального права в Российском государстве : автореф. … дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 24 с.

Кулапов, Медная 2008 – *Кулапов В. Л., Медная Ю. В.* Поднормативное правовое регулирование. Саратов : СГАП, 2008. 200 с.

Лазарев 1980 – *Лазарев В. В.* Определение сферы правового регулирования // Правоведение. 1980. № 5. С. 64–71.

Лукашев 2006 – *Лукашев М. А.* Предмет правового регулирования как категория теории государства и права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 25 с.

Лукьянова 2003 – *Лукьянова Е. Г.* Теория процессуального права. М. : Норма, 2003. 240 с.

Матузов 2001 – *Матузов Н. И.* Система права // Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М. : Юристъ, 2001. 776 с.

Петров 2004 – *Петров Д. Е.* Отрасль права. Саратов : Изд-во СГАП, 2004. 192 с.

Протасов 2020 – *Протасов В. Н.* Общая теория процессуального права. М. : Юрайт, 2020. 186 с.

Протасов 2014 – *Протасов В. Н.* Предмет и методы правового регулирования // Теория государства и права. М. : Юрайт, 2014. 495 с.

Пьянов 2010 – *Пьянов Н. А.* Консультации по теории государства и права. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. 583 с.

Рабинович 1975 – *Рабинович П. М.* Упрочение законности – закономерность социализма. Вопросы теории и методологии исследования / отв. ред. В. С. Кульчицкий. Львов : Вища шк., 1975. 260 с.

Свирин 2014 – *Свирин Ю. А.* О единстве гражданской процессуальной формы и гражданского процессуального права // Адвокат. 2014. № 10. С. 26–30.

Сильченко 2004 – *Сильченко Н. В.* Проблемы предмета правового регулирования // Государство и право. 2004. № 12. С. 61–64.

Соловьев 2012 – *Соловьев С. Г.* Понятие предмета правового регулирования и его взаимосвязь с другими юридическими категориями // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 1(15). С. 47–52.

Сорокин 1969 – *Сорокин В. Д.* Административно-процессуальное право – отрасль права // Советское государство и право. 1969. № 8. С. 12–20.

Сорокин 1972 – *Сорокин В. Д.* Административно-процессуальное право. М. : Юрид. лит., 1972. 240 с.

Сорокин 2000 – *Сорокин В. Д.* Правовое регулирование: предмет, метод, процесс // Правоведение. 2000. № 4. С. 34–37.

Спиридонов 1973 – *Спиридонов Л. И.* Социальное развитие и право. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 205 с.

Явич 1961 – *Явич Л. С.* Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М. : Госюриздат, 1961. 172 с.

References

Alekseev, S. S. (1981), *Obshchaya teoriya prava, v 2 t., t. 1* [General theory of law, in 2 vol., vol. 1], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR.

Arzhanov, M. A. (1939), "On the principles of building the system of Soviet socialist law", *Sovetskoe gosudarstvo i parvo,* no. 3, pp. 27–33.

Belyaev, V. P. and Nintsieva, T. M. (2020), "The essence and correlation of legal and procedural legal regulation", *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika,* no. 4, pp. 10–16.

Dontsova, K. B. (2017), "The subject of procedural and legal regulation: the general theoretical aspect of the study", *Filosofiya prava,* no. 4(83), pp. 15–21.

Goiman, V. I. (2001), "Action of the law. Legal regulation", in Lazarev, V. V. (ed.), *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General theory of law and state], Yurist", Moscow, Russia.

Grigonis, E. P. (2002), *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law], Piter, St. Petersburg, Russia.

Ivashchenko, K. B. (2018), The ratio of substantive and procedural law in the Russian state, Abstract of Ph.D. dissertation, theory and history of law and state, history of the doctrines on law and state, Saratov State Legal Academy, Saratov, Russia.

Kulapov, V. L. and Mednaya, Yu. V. (2008), *Podnormativnoe pravovoe regulirovanie* [Sub-normative legal regulation], SGAP, Saratov, Russia.

Lazarev, V. V. (1980), "Determination of the scope of legal regulation", *Pravovedenie,* no. 5, pp. 64–71.

Lukashev, M. A. (2006), Subject of legal regulation as a category of the theory of state and law, Abstract of Ph. D. dissertation, theory and history of law and state, history of the doctrines on law and state, Krasnodar University of the MIA of Russia, Krasnodar, Russia.

Luk'yanova, E. G. (2003), *Teoriya protsessual'nogo prava* [Theory of procedural law], Norma, Moscow, Russia.

Matuzov, N. I. (2001), "The system of law", in Matuzov, N. I. and Mal'ko, A. V. (ed.), *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law], Yurist", Moscow.

P'yanov, N. A. (2010), *Konsul'tatsii po teorii gosudarstva i prava* [Consultations on the theory of state and law], Irkutskii gosudarstvennyi universitet, Irkutsk, Russia.

Petrov, D. E. (2004), *Otrasl' prava* [Branch of law], SGAP, Saratov, Russia.

Protasov, V. N. (2020), *Obshchaya teoriya protsessual'nogo prava* [General theory of procedural law], Yurait, Moscow, Russia.

Protasov, V. N. (2014), "Subject and methods of legal regulation", *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law], Yurait, Moscow, Russia.

Rabinovich, P. M. (1975), *Uprochenie zakonnosti – zakonomernost' sotsializma. Voprosy teorii i metodologii issledovaniya* [Strengthening the rule of law – the law of socialism. Questions of theory and research methodology], in Kul'chitsky, V. S. (ed.), Vishcha shkola, L'vov, USSR.

Sil'chenko, N. V. (2004), "Problems of the subject of legal regulation", *Gosudarstvo i parvo,* no. 12, pp. 61–64.

Solov'ev, S. G. (2012), "The concept of the subject of legal regulation and its relationship with other legal categories", *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki,* issue 1(15), pp. 47–52.

Sorokin, V. D. (1969), "Administrative and procedural law – a branch of law", *Sovetskoe gosudarstvo i pravo,* no. 8, pp. 12–20.

Sorokin, V. D. (1972), *Administrativno-protsessual'noe pravo* [Administrative and procedural law], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR.

Sorokin, V. D. (2020), "Legal regulation: subject, method, process", *Pravovedenie*, no. 4, pp. 34–37.

Spiridonov, L. I. (1973), *Sotsial'noe razvitie i pravo* [Social development and law], Leningradskii universitet, Leningrad, USSR.

Svirin, Yu. A. (2014), "On the unity of the civil procedural form and civil procedural law", *Advokat*, no. 10, pp. 26–30.

Vlasenko, N. A. and Grineva, A. V. (2009), *Sudebnye pravovye pozitsii (osnovy teorii)* [Judicial legal positions (foundations of the theory)], Yurisprudentsiya, Moscow, Russia.

Voplenko, N. N. (2009), *Ocherki obshchei teorii prava* [Essays on the general theory of law], VolGU, Volgograd, Russia.

Yavich, L. S. (1961), *Problemy pravovogo regulirovaniya sovetskikh obshchestvennykh otnoshenii* [Problems of legal regulation of Soviet social relations], Gosyurizdat, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Нинциева Тамила Магомедовна,
кандидат юридических наук, доцент, Чеченский государственный университет, Грозный, Российская Федерация; tamila761076@mail.ru

Information about the author

Nintsieva Tamila M.,
PhD (law), associate professor, Chechen State University, Grozny, the Russian Federation; tamila761076@mail.ru

Для цитирования

Нинциева Т. М. Предмет процессуально-правового регулирования: методологические подходы к определению // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 200–207.

For citation

Nintsieva, T. M. (2020), "Subject of procedural legal regulation: methodological approaches to definition", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 200–207.

УДК 343

М. П. Пронина[1]
[1] *Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*

M. P. Pronina[1]
[1] *Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation*

Юридико-технические элементы в уголовном законодательстве: характеристика и проблемы использования

Legal technical elements in criminal law: characteristic and problems of use

Ключевые слова: юридическая техника; уголовное законодательство; приемы; элементы юридической техники; конструирование уголовно-правовых норм; казуистичность; абстрактность; альтернативность; дефинирование; использование примечаний.

Аннотация. Автор изучает юридико-технические элементы, в частности приемы и средства юридической техники, в уголовном законодательстве; выделяет особенности данных приемов, представляющие собой специальные уровни технической деятельности уполномоченного на то субъекта по реализации юридико-технических правил; определяет, что в уголовном законодательстве используется два основных приема юридической техники: казуистический и абстрактный; делает вывод об альтернативном приеме, о дефинировании и использовании примечаний как о самостоятельных юридико-технических приемах.

Key words: legal technique; criminal law; techniques; elements of legal technique; construction of criminal law regulations; casuism; abstractness; alternative; definition; use of notes.

Abstract. The author studies the legal and technical elements, in particular, the techniques and means of legal technology in criminal law; emphasizes the characteristic features of these techniques, which are special levels of technical activity of an authorized entity for implementation of legal and technical rules; determines that in criminal law two main methods of legal technique are used: casuistic and abstract; concludes that the definition and use of notes are also independent legal and technical methods.

На современном этапе развития правовой системы России все более четко прослеживается необходимость использования приемов юридической техники в законодательстве. Резкая интенсификация правотворческого процесса, связанная с быстрым изменением общественных отношений во всех сферах человеческой жизни, и непредвиденные обстоятельства (такие, как новая коронавирусная инфекция) заставляют законотворцев часто принимать некачественные законодательные акты, которые не соответствуют основным требованиям юридической техники, что порождает множество проблем в системе управления государством. Особенно важно уделять внимание уголовно-правовым отношениям, поскольку именно Уголовный кодекс Российской Федерации (далее: УК РФ) является главным регулятором основного вида, который принят законодательным государственным органом власти и устанавливает общие принципы уголовной ответственности, а также определяет, какие деяния считаются преступлениями и какие виды наказаний могут применяться к лицу, совершившему преступление, а следовательно, является основой правового государства, призванной защищать права и свободы граждан, установленный порядок и организацию общественных отношений, быть гарантом социальной справедливости. Нормы уголовного права предстают обязательными и неизменными. Неукоснительное соблюдение норм уголовного права – это ключ к успешной борьбе с преступностью. Такая ситуация диктует необходимость научного исследования и практического решения проблем юридической техники уголовного закона с помощью комплексного подхода.

В этой связи особо актуальными становятся вопросы изучения юридико-технических элементов, в частности приемов юридической техники в уголовном законодательстве. Они представляют собой специальные уровни технической деятельности уполномоченного на то субъекта по реализации юридико-технических правил. Такое содержание приемов вытекает из лексического значения слова «прием».

Приемы – это отдельные действия, движения, а также способы в осуществлении чего-либо[1].

При этом сами правила юридической техники определяют особенности использования технических средств и приемов [Алексеев 1982, с. 271].

В уголовном законодательстве используется два основных приема юридической техники: казуистический и абстрактный [Алексеев 1993, с. 130–131; Керимов 1991, с. 64–73; Наших 1974, с. 203].

Абстрактный основан на совокупности всех возможных юридических фактов, охватываемых

[1] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1964. С. 386.

© Пронина М. П., 2020

общим родовым понятием. Примером может служить понятие «хищение», включающее в себя признаки, характерные для всех его форм. Абстрактность определения указывает на наличие незначительного количества рядовых признаков того или иного явления, что влечет обобщенность, неконкретность и неопределенность признаков преступления. Все это затрудняет не только правильное понимание, но и создает предпосылки для поливариантного толкования [Наумов 1996, с. 90], что может повлечь за собой нарушение закона и в целом интересов личности, общества и государства. Именно поэтому использование такого приема должно иметь более четкие границы.

Казуистический прием предполагает наличие конкретных, индивидуальных признаков, закрепленных в норме [Лазарев 1996, с. 133], т. е., описывая деяние, законодатель называет те его особые черты, которые каждый раз встречаются при его совершении. Например, казуистический прием реализован в ст. 105, 158, 159, 161, 162 и других статьях УК РФ. Этот прием при конструировании диспозиций уголовного закона существенно упрощает задачи по правильной квалификации противоправного поведения, несмотря на то, что он в ряде случаев критикуется представителями научного сообщества. По мнению его противников, с чем сложно согласиться, казуистический способ описания диспозиций свидетельствует о низкой юридической культуре [Ковалев 1962, с. 143].

Для прекращения дискуссии о допустимости либо нецелесообразности использования казуистического приема, необходимо согласиться с тем, что такая форма описания должна предусматривать детальную характеристику объективной стороны состава преступления, поскольку именно она и определяет как характер и степень общественной опасности деяния, так и особенности преступного поведения субъекта. Примером реализации такого подхода может стать криминализация в УК РФ различных форм хищений, каждая из которых закреплена в самостоятельных статьях. Считаем это наиболее правильным и допустимым механизмом формирования норм, содержащих в себе уголовно-правовые запреты, в целях устранения их неопределенности и коллизий. Хотя в настоящее время ряд диспозиций Особенной части УК РФ дают расширительное толкование, лишая тем самым требуемой определенности. Примером может стать ст. 205 УК РФ «Террористический акт» [Дикаев 2003, с. 223–224]. Эту проблему не решила и введенная в 2016 г. ст. 361 УК РФ «Акт международного терроризма». Если буквально исследовать положения ч. 1 ст. 205 УК РФ[1], то можем прийти к выводу о том, что, исходя как из месторасположения этой статьи, а также буквального ее текстуального выражения, в рамках этого деяния возможно выделение четырех самостоятельных целей: устрашение населения и создание опасности гибели человека; дестабилизация деятельности органов власти; дестабилизация деятельности международных организаций; воздействие на принятие ими решений.

Такая конструкция, с неизбежностью ставящая вопрос об определении непосредственного объекта ст. 205 УК РФ и включении всех этих целей в норму, преломляет представление о нем. Классически принято считать, что в качестве объекта выступают общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности, но такой безапелляционный вывод можно сделать только в случае, если целью террористического акта являются устрашение населения и создание опасности гибели человека. Создание опасности, причинения вреда деятельности органов власти и международных организаций, а тем более воздействие на принятие ими решений, конечно же, выходят за рамки общественной безопасности и в одном случае посягают на интересы государственной власти, а в другом – мира и безопасности человечества. И в этом вопросе следует согласиться с мнением А. В. Петрянина, выделившего данную коллизию и предложившего для ее устранения самостоятельную криминализацию: «Антиконституционный террористический акт» в гл. 29 УК РФ и «Международный террористический акт» в гл. 34 УК РФ [Петрянин 2015, с. 18–19].

Все это свидетельствует о том, что приемы юридической техники уголовного законодательства находятся в активной фазе развития и актуализируют еще не менее значимый вопрос о конструировании составов преступлений.

В научном сообществе до сих пор не сформировалось единого мнения о целесообразности деления составов на формальные и материальные [Кузнецова 1995, с. 22–23], с чем в целом нельзя согласиться. В настоящее время существует масса деяний, являющихся общественно опасными не только при отсутствии последствий, но и даже тех, в рамках которых они объективно не могут наступить. Например, ст. 1281 УК РФ «Клевета», ст. 131 УК РФ «Изнасилование», ст. 206 УК РФ «Захват заложника», ст. 209 УК РФ «Бандитизм» и т. д. Это и

[1] Совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

предполагает необходимость такой дифференциации [Тенчов 2000, с. 580].

Исключение дифференциации повлечет за собой необходимость обязательного доказывания общественно опасных последствий, которых не может быть в принципе. Тогда встает вопрос: как квалифицировать такое деяние? По нашему мнению, остается лишь один вариант. Они должны быть оценены как неоконченные преступления, со ссылкой на ст. 30 УК РФ. Причем, например, бандитизм – по ч. 1 ст. 209 УК РФ, а участие в банде по ч. 3 ст. 30 УК РФ вообще может быть оценено лишь как приготовление. Считаем такой поход недопустимым, так как он полностью разрушит не только систему назначения наказания, но и подорвет значение самого главного признака преступления – общественной опасности. Здесь же встанет вопрос и о привлечении виновных лиц к уголовной ответственности в целом по следующим причинам. Во-первых, если мы говорим о приготовлении к преступлению, то оно является наказуемым только в случае совершения виновным тяжкого либо особо тяжкого преступления. Во-вторых, неустановление хотя бы одного из обязательных признаков состава, к которым отнесены и общественно опасные последствия, вообще может исключать такую ответственность.

Это указывает на то, что использование приема юридической техники в области конструирования составов преступлений и деления их на формальные и материальные, а в некоторых случаях и усеченные, в зависимости от объективного наличия или отсутствия общественно опасных последствий, не просто оправдано, но и целесообразно, так как представляется возможность в более глубокой дифференциации ответственности [Кругликов 1999, с. 21].

В современном уголовном законодательстве при формулировании уголовно-правовых запретов часто используется прием юридической техники, основанный на альтернативных признаках. Примером могут служить конструкции объективной стороны составов преступлений, закрепленных в ст. 221, 222, 2221, 223 УК РФ и т. д. Признаки альтернативности можно увидеть и в определении предмета преступления в ст. 226.1, 228, 228.1, 228.2 УК РФ и т. д. [Малков 2011, с. 220].

Альтернативный прием встречается и при формулировании форм вины, а также дополнительных признаков субъективной стороны, причем как между умыслом и неосторожностью, так и внутри этих форм. Например, убийство может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом. Хотя при конструировании вины возможна и безальтернативность. Во-первых, это касается формальных составов преступлений, в рамках которых наблюдается наличие только прямого умысла, и другие формы вины в них недопустимы. Так, клевета, учитывая ее цель, не может быть совершена с косвенным умыслом либо по неосторожности. Во-вторых, говоря о неоконченных деяниях, следует констатировать наличие только прямого умысла, что подтверждается мнением Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»[1] в п. 2 указано, что покушение на убийство возможно исключительно с прямым умыслом. Безальтернативность возможна и при определении других элементов состава преступления, что чаще всего и встречается в УК РФ.

Еще одним распространенным приемом юридической техники является дефинирование. Дефиниция дает определение какому-либо предмету или явлению и включает в себя их концептуальные признаки[2].

Роль дефинирования как приема юридической техники очень важна. Она определяется условиями, в которых уголовное законодательство создает барьер для противоправного поведения в целях сохранения его стабильности, облегчая тем самым деятельность правоприменителя. Хотя есть и противники рассматриваемого приема юридической техники. По их мнению, закон не должен содержать объяснение используемых в законе терминов, так как это может привести к злоупотреблениям при применении юридических норм. Например, А. Нашиц предлагает альтернативу. В частности, по ее мнению, более целесообразным и, соответственно, юридико-технически правильным является использование при создании законов тех терминов и понятий, которые доступны для всеобщего понимания [Нашиц 1974, с. 194].

Частично разделяя идею данного ученого, полагаем, что такой прием не может стать унифицированным, так как спектр регулируемых УК РФ общественных отношений столь широк, а иногда и специфичен, что их качественная уголовно-правовая охрана невозможна без специальных познаний, требующих объяснения путем формулирования в самом уголовном законе специальных дефиниций.

Прием дефинирования активно используется и при непосредственном формулировании уголовно-правовых запретов. Об этом свидетельствует распространенность в УК РФ описательных диспозиций. В частности, называя деяние, законодатель также описывает его обязательные признаки, каждый раз встречающиеся при его совершении,

[1] Российская газета. 1999. 9 февр.

[2] *Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П.* Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М. : Моск. междунар. шк. переводчиков, 1994. С. 362.

например: ч. 1 ст. 105, ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 159, ч. 1 ст. 161 УК РФ и др.

Примером дефинирования может служить примечание к ст. 139 УК РФ, в котором сформулировано понятие жилища. С одной стороны, содержание жилища по общим признакам понятно и обычным обывателям, но, с другой стороны, возникающие противоречия в правоприменении свидетельствуют об обратом. Не случайно в целях их устранения была предпринята удачная попытка закрепления признаков жилища в специальной норме уголовного закона.

Именно поэтому такой прием должен рассматриваться как самостоятельный по причине его согласованности чаще всего не с одним, а с комплексом уголовно-правовых предписаний.

Еще одним приемом юридической техники являются примечания к статьям УК РФ. Отметим, что в отечественном правоведении эта проблема является малоизученной. Ряд ученых считают недопустимым его применение в рамках уголовного законодательства, апеллируя к нецелесообразности унификации положений кодекса [Ильюк 1988, с. 61–68; Коржанский 1995, с. 35; Поройко 1998, с. 237; Поройко 2000, с. 8].

Мы, как и законодатель, не разделяем рассматриваемую точку зрения по ряду причин. Во-первых, примечания выступают одним из самых распространенных типичных юридико-технических приемов и значимым содержательным явлением современного российского уголовного права [Бокова, Изосимов, Кондаков, Кузнецов 2001, с. 375–439]. Во-вторых, они несут особую функциональную нагрузку и занимают отдельное место в системе категорий общей теории права, которую невозможно заложить в самостоятельный регулятор общественных отношений [Баранов, Кондаков 2000, с. 340–341].

Итак, рассмотренные в статье составные юридико-технические элементы – это самостоятельные, функционально обособленные элементы юридической техники, призванные создавать благоприятные условия как в применении уголовно-правовых норм, так и в достижении целей уголовного законодательства. К приемам юридико-технического конструирования уголовно-правовых норм относятся: казуистический, абстрактный, альтернативный приемы, дефинирование, использование примечаний. С нашей точки зрения, их применение должно получить дальнейшее распространение в целях повышения качества и уровня развития уголовного закона. Каждый из рассмотренных приемов несет свою функциональную нагрузку в уголовном законодательстве и имеет много проблемных моментов, вызывающих дискуссию в научных кругах. Сегодня перед научным сообществом стоит важная задача расширения поиска научных знаний в малоизученных вопросах, касающихся приемов юридической техники в уголовном законодательстве и имплементации полученных результатов в законодательный, правоприменительный и интерпретационные процессы.

Список цитируемых источников

Алексеев 1982 – *Алексеев С. С.* Общая теория права. В 2 т. Т. 2. М. : Юрид. лит., 1982. 360 с.

Алексеев 1993 – *Алексеев С. С.* Государство и право. Начальный курс. М. : Юрид. лит., 1993. 176 с.

Баранов, Кондаков 2000 – *Баранов В. М., Кондаков Д. С.* Примечания в российском праве: природа, виды, проблемы реализации // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород : [б. и.], 2000. С. 338–402.

Бокова, Изосимов, Кондаков, Кузнецов 2001 – Примечания в уголовном законодательстве России: эволюция правовой природы, модификация функций, техника эффективного использования / И. Н. Бокова [и др.] // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. В 2 т. Т. 2. Н. Новгород : НА МВД России, 2001. С. 375–479.

Дикаев 2003 – *Дикаев С. У.* О совершенствовании уголовного законодательства России об ответственности за терроризм // Совершенствование правовой базы и взаимодействия правоохранительных органов различных государств в борьбе с терроризмом и экстремизмом. СПб. : СПбУ МВД России, 2003. Ч. 1. С. 222–226.

Ильюк 1988 – *Ильюк Е. В.* К вопросу о приемах законодательной техники в уголовном законодательстве // Вопросы совершенствования уголовно-правового регулирования. Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1988. С. 29–34.

Керимов 1991 – *Керимов Д. А.* Культура и техника законотворчества. М. : Юрид. лит., 1991. 160 с.

Ковалев 1962 – *Ковалев М. И.* О технике уголовного законодательства // Правоведение. 1962. № 3. С. 142–146.

Коржанский 1995 – *Коржанский Н. И.* Очерки теории уголовного права. Волгоград : ВСШ, 1995. 92 с.

Кругликов 1999 – *Кругликов Л. Л.* О средствах законодательной техники в уголовном праве // Проблемы теории уголовного права. Избранные статьи (1982–1999 гг.). Ярославль : ЯрГУ, 1999. С. 13–23.

Кузнецова 1995 – *Кузнецова Н. Ф.* Классификация преступлений в Общей части Уголовного кодекса // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве. Ярославль : ЯрГУ, 1995. С. 29–33.

Лазарев 1996 – Общая теория государства и права / под ред. В. В. Лазарева. М. : Юристъ, 1996. 472 с.

Малков 2001 – *Малков В. П.* Законодательная техника формулирования составов преступлений с альтернативными признаками объективной стороны // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. В 2 т. Т. 2. Н. Новгород : НА МВД России, 2001. С. 213–221.

Наумов 1996 – *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Общая часть. М. : Бек, 1996. 550 с.

Нашиц 1974 – *Нашиц А.* Правотворчество. Теория и законодательная техника. М. : Прогресс, 1974. 256 с.

Петрянин 2015 – *Петрянин А. В.* Концептуальные основы преступлений экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование : дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2015. 490 с.

Поройко 1998 – *Поройко М. С.* Пути повышения эффективности уголовно-правовых норм // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Ярославль : ЯрГУ, 1998. Вып. 2. С. 234–242.

Поройко 2000 – *Поройко М. С.* Обязывающие и управомочивающие нормы в уголовном праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2000. 20 с.

Тенчов 2000 – *Тенчов Э. С.* Язык уголовного закона // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород : [б. и.], 2000. С. 577–585.

References

Alekseev, S. S. (1982), *Obshchaya teoriya prava, v 2 t., t. 2* [General theory of law, in 2 vol., vol. 2], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR.

Alekseev, S. S. (1993), *Gosudarstvo i pravo. Nachal'nyi kurs* [State and law. Initial course], Yuridicheskaya literatura, Moscow, Russia.

Baranov, V. M. and Kondakov, D. S. (2000), "Notes in the Russian law: nature, types, problems of implementation", in Baranov, V. M. (ed.), *Problemy yuridicheskoi tekhniki* [Problems of legal technology], s. n., N. Novgorod, Russia, pp. 338–402.

Bokova, I. N., Izosimov, S. V., Kondakov, D. S. and Kuznetsov, A. P. (2001), "Notes in the criminal legislation of Russia: evolution of the legal nature, modification of functions, technique of effective use", *Zakonotvorcheskaya tekhnika sovremennoi Rossii: sostoyanie, problemy, sovershenstvovanie, v 2 t., t. 2* [Legislative technique of modern Russia: status, problems, improvement, in 2 vol., vol. 2], NA MVD Rossii, N. Novgorod, Russia, pp. 375–479.

Dikaev, S. U. (2003), "On improving the criminal legislation of Russia on responsibility for terrorism", *Sovershenstvovanie pravovoi bazy i vzaimodeistviya pravookhranitel'nykh organov razlichnykh gosudarstv v bor'be s terrorizmom i ekstremizmom, ch. 1* [Improving the legal framework and interaction of law enforcement agencies of various States in the fight against terrorism and extremism, pt. 1], SPbU MVD Rossii, St. Peterburg, Russia, pp. 222–226.

Il'yuk, E. V. (1988), "On the issue of methods of legislative technique in criminal legislation", *Voprosy sovershenstvovaniya ugolovno-pravovogo regulirovaniya* [Issues of improvement of criminal-legal regulation], Sverdlovskii yuridicheskii institute, Sverdlovsk, USSR, pp. 29–34.

Kerimov, D. A. (1991), *Kul'tura i tekhnika zakonotvorchestva* [Culture and technology of lawmaking], Yuridicheskaya literatura, Moscow, Russia.

Korzhansky, N. I. (1995), *Ocherki teorii ugolovnogo prava* [Essays on the theory of criminal law], VSSh, Volgograd, Russia.

Kovalev, M. I. (1962), "On the technique of criminal legislation", *Pravovedenie*, no. 3, pp. 142–146.

Kruglikov, L. L. (1999), "About means of legislative technique in criminal law", *Problemy teorii ugolovnogo prava. Izbrannye stat'i* [Problems of the theory of criminal law. Selected articles], YarGU, Yaroslavl, Russia, pp. 13–23.

Kuznetsova, N. F. (1995), "Classification of crimes in the General part of the Criminal code", *Differentsiatsiya formy i soderzhaniya v ugolovnom sudoproizvodstve* [Differentiation of form and content in criminal proceedings], YarGU, Russia, pp. 29–33.

Lazarev, V. V. (ed.) (1996), *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General theory of state and law], Yurist", Moscow, Russia.

Malkov, V. P. (2001), "Legislative technique for formulating elements of crimes with alternative features of the objective side", *Zakonotvorcheskaya tekhnika sovremennoi Rossii: sostoyanie, problemy, sovershenstvovanie, v 2 t., t. 2* [Legislative technique of modern Russia: status, problems, improvement, in 2 vol., vol. 2], NA MVD Rossii, N. Novgorod, Russia, pp. 213–221.

Nashits, A. (1974), *Pravotvorchestvo. Teoriya i zakonodatel'naya tekhnika* [Lawmaking. Theory and legislative technique], Progress, Moscow, USSR.

Naumov, A. V. (1996), *Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Russian criminal law. Common part], Bek, Moscow, Russia.

Petryanin, A. V. (2015), Conceptual foundations of extremist crimes: theoretical and applied research, D. Sc. Thesis, criminal law, criminalistics, penal law, Nizhy Novgorod Academy of the MIA of Russia, N. Novgorod, Russia.

Poroiko, M. S. (1998), "Ways to improve the effectiveness of criminal law norms", *Yuridicheskie zapiski Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta imeni P. G. Demidova*, YarGU, Yaroslavl, issue 2, pp. 234–242.

Poroiko, M. S. (2000), Binding and legal norms in criminal law, Abstract of Ph. D. dissertation, criminal law, criminalistics, penal law, Yaroslavl State University, Kazan, Russia.

Tenchov, E. S. (2000), "The language of the criminal law", *Problemy yuridicheskoi tekhniki* [Problems of legal technology], s. n., N. Novgorod, Russia, pp. 577–585.

Информация об авторе

Пронина Мария Петровна,
кандидат юридических наук, доцент, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; mpronina2010@mail.ru

Information about the author

Pronina Mariya P.,
PhD (law), associate professor, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation; mpronina2010@mail.ru

Для цитирования

Пронина М. П. Юридико-технические элементы в уголовном законодательстве: характеристика и проблемы использования // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 208–213.

For citation

Pronina, M. P. (2020), "Legal techniques in criminal law: characteristic and problems of use", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 208–213.

УДК 343.8+32

Д. И. Рубцов[1]
А. А. Филимонов[2]
И. А. Филимонов[2]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
[2] *Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института Министертсва внутренних дел Российской Федерации, Владивосток, Российская Федерация*

D. I. Rubtsov[1]
A. A. Filimonov[2]
I. A. Filimonov[2]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation*
[2] *Vladivostok branch, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Vladivostok, the Russian Federation*

Теория и практика взаимодействия уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества (на примере Владимирской области)

Theory and interaction practice of the penal system with civil society institutions (for example, Vladimir region)

Ключевые слова: исполнение уголовных наказаний; уголовно-исполнительная система; институт гражданского общества; взаимодействие; сотрудничество.

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы взаимодействия УФСИН России по Владимирской области с такими региональными институтами гражданского общества, как Уполномоченный по правам человека, средства массовой информации, Общественный совет, Общественная наблюдательная комиссия, различные конфессии. Авторами проводится анализ правового регулирования сотрудничества территориального органа уголовно-исполнительной системы с общественностью, а также приводятся основные формы совместной работы данных субъектов.

Key words: execution of criminal penalties; the penal system; institute of civil society; interaction; cooperation.

Abstract. The article considers topical issues of interaction of the Federal Penal Service of Russia in Vladimir region with such regional civil society institutions as the Commissioner for Human Rights, the media, the Public Council, the Public Monitoring Commission, representatives of various religious denominations. The authors analyze the legal regulation of cooperation between the territorial body of the penal correction system and the public, as well as the main forms of mutual work of these entities are given.

Несмотря на то, что проблема взаимоотношений государства и гражданского общества имеет достаточно продолжительную историю, и сегодня она не теряет своей актуальности для государственно-правовой науки. От вариантов ее разрешения во многом зависят качественный уровень жизни и удовлетворение потребностей субъектов общественных отношений.

Дефиниции «гражданское общество» и «государство» приобрели свой юридический смысл в контексте исторического развития общественных отношений. Данные категории нередко являются противоборствующими, что вполне очевидно, поскольку государство воспринимается как аппарат принуждения, как способ выражения власти. В свою очередь общество встает на защиту индивидуально определенного субъекта, не обладающего властно-распорядительными функциями.

История создания гражданского общества берет свое начало еще со времен «Политики» Аристотеля, что свидетельствует о политическом смысле этой категории. В современной теоретико-правовой науке понятие гражданского общества остается дискуссионным. В результате научной полемики сформировались различные подходы к пониманию смысла данного явления.

Так, одни ученые трактуют гражданское общество как «совокупность только общественных структур, независимых от государства», другие считают, что это «некая социальная целостность, интегрирующая в той или иной степени государственные органы власти» [Пылин 2015, с. 17].

Ю. Б. Лавров на основе исследования понятий «общество» и «гражданский» дает определение гражданскому обществу как «высокой степени развитости взаимосвязей между индивидами и их объединениями в рамках определенной территории, их взаимодействия, независимости от непосредственного вмешательства государства в дела частного характера этих индивидов, с одной стороны, и активности последних в непубличной сфере отношений, с другой» [Лавров 2015, с. 30–31].

Н. С. Меньшикова в целях проведения исследования проблем взаимодействия и сотрудничества органов государства и институтов гражданского общества в современной России исходит из понимания

© Рубцов Д. И., Филимонов А. А., Филимонов И. А., 2020

гражданского общества как «совокупности индивидуумов, организаций и институтов, объединяющихся для реализации своих интересов, независимых от вмешательства государства, но сотрудничающих с ним в целях удовлетворения частных и коллективных интересов» [Меньшикова 2019, с. 59].

Несмотря на разнообразие подходов и научных мнений относительно содержания понятия «гражданское общество», все же надо отметить, что в настоящее время в демократическом государстве гражданское общество противопоставляется аппарату власти с целью обеспечения прав личности. В этой связи гражданское общество и государство в лице его правоохранительных и управленческих структур находятся в состоянии взаимосвязи и обладают потенциалом взаимодействия для решения социально значимых проблем.

Ярким примером взаимодействия государства и гражданского общества выступают отношения в сфере реализации органами государственной власти своих полномочий. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет деятельность правоохранительных органов, поскольку последние, исполняя свои обязанности, касаются основных прав и свобод граждан, а в ряде случаев и ограничивают их.

В условиях современной действительности пристальное внимание гражданской общественности обращено к такому виду правоохранительных органов, как уголовно-исполнительная система (далее: УИС).

Подобный интерес обусловлен рядом следующих обстоятельств:

– во-первых, закрытый характер отечественной УИС не позволяет обществу в полной мере быть осведомленным о процессе исполнения уголовных наказаний;

– во-вторых, УИС, являясь частью правоохранительного аппарата государства, призвана реализовывать карательную функцию в контексте продвижения обществом идеи гуманного отношения к человеку.

Именно поэтому налаживание сотрудничества с институтами гражданского общества приобретает особую актуальность.

Масштабное реформирование, затрагивающее многие государственные структуры, в течение продолжительного времени активно проводилось и в сфере исполнения уголовных наказаний. В 2010 г. распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р была утверждена и реализовывалась Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года[1] (далее: Концепция). Вопрос развития сотрудничества с общественностью был одним из ключевых направлений пенитенциарной реформы.

В рамках совершенствования взаимодействия УИС с институтами гражданского общества в соответствии с Концепцией была организована работа по обеспечению прозрачности деятельности пенитенциарной сферы; совершенствованию системы общественного контроля; упорядочению работы со средствами массовой информации в вопросе формирования положительного общественного мнения об УИС; привлечению к реализации воспитательного процесса представителей культуры и искусства, различных конфессий; обеспечению участия в реализации общественно-гуманитарных проектов; привлечению общественности к работе по повышению уровня правосознания, правовой грамотности и правовой культуры спецконтингента и сотрудников УИС; развитию благотворительности и попечительства на региональном уровне.

В настоящее время УИС России активно ведет сотрудничество с широким спектром общественных институтов. Каким образом происходит данное взаимодействие, предлагаем рассмотреть на примере деятельности УФСИН России по Владимирской области.

Уголовно-исполнительная система владимирского региона активно ведет сотрудничество с общественными элементами, заключающееся преимущественно в следующем:

– освещение достоверной информации о деятельности исправительных учреждений в средствах массовой информации (далее: СМИ);

– оказание помощи общественным организациям социальной направленности;

– предоставление возможности общественным структурам осуществлять контроль за функционированием УИС региона.

В свою очередь институты гражданского общества оказывают поддержку учреждениям и органам УИС в плане проведения культурно-массовых мероприятий, освещают достижения УИС в СМИ, оказывают помощь как осужденным по восстановлению нарушенных прав, так и их родственникам.

В настоящее время УФСИН России по Владимирской области сотрудничает с Аппаратом Уполномоченного по правам человека в регионе (далее: Уполномоченный). Как правило, Уполномоченный осуществляет прием жалоб о нарушении прав человека, которые преимущественно поступают от осужденных, также он вправе посещать места лишения свободы на предмет обнаружения нарушений условий содержания осужденных и обеспечения их прав.

Это взаимодействие основывается на положениях Закона Владимирской области от 9 июля 2013 г. № 70-ОЗ «Об Уполномоченном по правам человека во Владимирской области»[2] (далее: За-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 43, ст. 5544.

[2] Владимирские ведомости. 2013. 20 июля.

кон № 70-ОЗ), а также Соглашения о взаимодействии от 16 мая 2014 г. (далее: Соглашение).

Законом № 70-ОЗ предусмотрено в качестве одной из основных задач данного должностного лица развитие взаимодействия и сотрудничества в области правозащитной деятельности, а также взаимодействие с органами власти региона (п. 1 ст. 3).

Документально предусматриваются следующие возможные формы сотрудничества регионального омбудсмена с органами государственной власти субъекта, в том числе с УФСИН России по Владимирской области:

– проверка совместно с органами власти региона сообщений о фактах нарушения прав человека;

– направление в органы власти рекомендаций по устранению нарушений прав человека;

– информационное взаимодействие, заключающееся в информировании правоохранительных органов о фактах нарушения прав граждан. Однако при этом данные органы должны исключить возможность нарушения ч. 1 ст. 24 Конституции Российской Федерации;

– подготовка ежегодных и специальных докладов о проделанной работе в области правозащитной деятельности;

– посещение территориальных органов власти и организаций в рамках своего правового поля;

– совместное проведение коллегий, совещаний, рабочих встреч с органами власти по вопросу соблюдения и защиты прав человека;

– разработка совместных планов мероприятий по предотвращению нарушения прав человека;

– организация совместных мероприятий по правовому просвещению населения, в частности осужденных и заключенных под стражу лиц, относительно прав граждан, средств их защиты и обеспечения;

– информирование общественности через СМИ о состоянии соблюдения прав человека в регионе, в частности в учреждениях и органах УИС Владимирской области.

Об эффективности совместной работы Уполномоченного и УФСИН России по Владимирской области могут свидетельствовать ежегодные и специальные доклады омбудсмена.

В своем ежегодном докладе за 2019 г. Уполномоченный по правам человека во Владимирской области Л. В. Романова отметила, что «соблюдению прав человека и гражданина в современном обществе уделяется пристальное внимание, в том числе и в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. В течение 2019 года Уполномоченный и сотрудники аппарата 19 раз выезжали в учреждения уголовно-исполнительной системы области, в некоторые неоднократно»[1].

За прошлый год в аппарат Уполномоченного поступило 236 обращений от осужденных и лиц, содержащихся под стражей, а также в их интересах от родственников, адвокатов и иных правозащитников. 43 обращения устного характера были зафиксированы в процессе непосредственного посещения Уполномоченным мест лишения свободы. В тематике обращений преобладают жалобы на ненадлежащее оказание медицинской помощи, противоправные действия сотрудников УИС региона, ненадлежащие условия содержания, воспрепятствование встреч с адвокатами, нарушение сроков отправки и выдачи корреспонденции, несогласие с привлечением к уголовной ответственности и приговорами судов. По каждому подобному обращению Уполномоченный проводил проверки. Кроме того, в 2019 г. омбудсмен региона посетил следующие исправительные учреждения: ФКУ Т-2, ФКУ ИК-1, ФКУ ИК-6, ФКУ ИК-7, ФКУ ИК-3 УФСИН России по Владимирской области. Данные визиты были организованы в целях проведения проверок поступивших в адрес омбудсмена обращений, а также оценки соблюдения прав человека в местах лишения свободы.

По результатам проведенной работы Уполномоченный излагает свою правовую позицию относительно выявленных проблем в виде рекомендаций. Так, в 2019 г. омбудсменом были вынесены рекомендации следующего содержания:

– организовать работу исправительных учреждений по оперативному разрешению вопросов материально-бытового и медицинского обеспечения осужденных;

– улучшить социально-бытовые условия содержания в соответствии с международными требованиями;

– проводить семинары по правовой тематике с персоналом учреждений и органов УИС в целях профилактики профессиональной деформации, соблюдения прав человека и уважения человеческого достоинства;

– продолжить сотрудничество со СМИ в целях освещения имеющих публичное значение аспектов уголовно-исполнительной политики региона[2].

Проблеме охраны прав осужденных-инвалидов, отбывающих наказания в исправительных учреждениях Владимирской области, был посвящен специальный доклад Уполномоченного. Доклад содержит выводы и предложения, адресованные Министерству юстиции Российской Федера-

[1] Доклад Уполномоченного по правам человека во Владимирской области за 2019 год. URL: https://ombudsman33.ru/page/ezhegodnye-doklady-upch (дата обращения: 26.07.2020).

[2] Там же.

ции, ФСИН России, УФСИН России по Владимирской области по формированию доступной среды для инвалидов в соответствии с нормами международного и российского права[1].

Продолжается тесное сотрудничество УФСИН России по Владимирской области со СМИ, которые активно и постоянно приглашаются администрациями исправительных учреждений для освещения различных мероприятий. Правовой основой такого взаимодействия выступают следующие нормативные правовые акты:

– Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-I «О средствах массовой информации»[2], положения которого, в частности, регламентируют: право на получение информации (ст. 38), порядок запроса информации (ст. 39), отказ и отсрочку в предоставлении информации (ст. 40), порядок обеспечения конфиденциальности информации (ст. 41), право на опровержение (ст. 43, 44);

– Федеральный закон от 13 января 1995 г. № 7-ФЗ «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации»[3], который регламентирует процесс аудио- и видеозаписи работы федеральных органов государственной власти;

– Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»[4], содержащий основные принципы обеспечения доступа к информации о деятельности органов власти, а также закрепляет способы доступа к данным сведениям;

– Указ Президента Российской Федерации от 10 августа 2011 г. № 1071 «Об утверждении перечня информации о деятельности Федеральной службы исполнения наказаний, размещаемой в сети Интернет»[5], предписывающий размещение во Всемирной сети общей информации о ФСИН России, ее нормотворческой и текущей деятельности, статистических данных, сведений о работе ФСИН России с обращениями граждан;

– распоряжение ФСИН России от 1 февраля 2011 г. № 10-р «О совершенствовании взаимодействия со средствами массовой информации»[6]. Данным документом утверждена Концепция взаимодействия ФСИН России со СМИ, типовой план работы пресс-служб территориальных органов, перечень информации, предоставляемой территориальными органами СМИ для открытой печати.

Взаимодействие со СМИ и общественными организациями УФСИН России по Владимирской области осуществляет посредством работы его пресс-службы, деятельность которой направлена на формирование объективного мнения о работе пенитенциарной системы Владимирской области. Для СМИ Владимирской области разрешение на посещение исправительных учреждений дает УФСИН России по Владимирской области. Представители СМИ могут обращаться в пресс-службу УФСИН России по Владимирской области с письменным запросом на официальном бланке редакции, в котором должны быть указаны цель и планируемая дата посещения, перечень лиц, намеренных посетить учреждения, контактные телефоны[7].

Основные формы совместной работы территориального органа УИС и СМИ можно разделить на стандартные (пресс-релизы, пресс-конференции, подготовка брошюр и проч.); вспомогательные (отчеты руководства ведомства, выступления, фотоархив, прямые трансляции); специальные пиар-акции (презентации, организации конкурсов и т. п.) [Смирнова 2017, с. 203–204]. Данные формы активно используются и УФСИН России по Владимирской области. СМИ информируют общественность о деятельности территориального органа УИС посредством освещения значимых событий в сфере исполнения уголовных наказаний в регионе на местных теле-, радиоканалах, в прессе. Так, телеканал «Губерния-33» в июле 2020 г. осветил порядок организации общероссийского голосования в учреждениях УФСИН России по Владимирской области[8]. Телеканал «Вариант» в рамках патриотического воспитания молодежи и повышения престижа службы в УИС, а также в связи с проведением мероприятий, посвященных 75-летию Великой Победы, подготовил видеосюжет, посвященный ветеранам УФСИН России по Владимирской области, принимавшим участие в Великой Отечественной войне[9].

---

[1] Специальный доклад Уполномоченного по правам человека во Владимирской области «Обеспечение прав осужденных, являющихся инвалидами, в исправительных учреждениях Владимирской области». URL: https://ombudsman33.ru/uploads/doc/920666799.pdf (дата обращения: 26.07.2020).

[2] Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 7, ст. 300.

[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 3, ст. 170.

[4] Российская газета. 2009. 13 февр.

[5] Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 33, ст. 4914.

[6] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[7] УФСИН России по Владимирской области : [сайт]. URL: http://33.xn--h1akkl.xn--p1ai/press/ (дата обращения: 26.07.2020).

[8] УФСИН России по Владимирской области : [сайт]. URL: http://www.33.fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=512455 (дата обращения: 26.07.2020).

[9] УФСИН России по Владимирской области : [сайт]. URL: http://www.33.fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=511939 (дата обращения: 26.07.2020).

В соответствии с Федеральным законом от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»[1] в правомочном составе во всех субъектах Российской Федерации, в том числе и Владимирской области, образованы общественные наблюдательные комиссии (далее: ОНК). Согласно положениям данного закона основной целью деятельности ОНК является осуществление общественного контроля за обеспечением прав граждан в местах лишения свободы.

Региональная ОНК по контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания граждан была сформирована в новом составе 7 октября 2019 г. В нее вошло 18 представителей различных общественных организаций.

Преимущественной формой взаимодействия УФСИН России по Владимирской области и ОНК региона является посещение учреждений УИС области членами данной комиссии, порядок которого регламентирован приказом ФСИН России от 28 ноября 2008 г. № 652 «Об утверждении Положения о порядке посещения учреждений уголовно-исполнительной системы членами общественных наблюдательных комиссий»[2]. В данном нормативном правовом акте подробно закрепляется порядок уведомления территориальных органов УИС о посещении учреждений УИС членами ОНК, порядок обеспечения деятельности членов ОНК при посещении учреждений УИС.

По официальным данным УФСИН России по Владимирской области, в 2020 г. ОНК на территории региона провела следующие мероприятия:

– посещение с целью проверки ФКУ Т-2, ФКУ ИК-6 в п. Мелехово, ФКУ ИК-1 в п. Головино, ФКУ ИК-7 в п. Пакино, ФКУ ИК-4 и ФКУ ПК-9 в Вязниковском районе, ФКУ Т-1 в г. Покрове. В ходе визита члены ОНК провели беседы с осужденными по интересующим их вопросам, как правило, касающимся социально-бытовых условий содержания. По итогам посещений состоялись обязательные рабочие совещания;

– совместное заседание с руководством УФСИН России по Владимирской области по вопросу взаимодействия. На совещании были подведены итоги за IV квартал 2019 г. В частности, отмечено, что «в ходе общественного контроля особое внимание уделялось вопросам организации питания, оказания медицинской помощи, коммунально-бытового обеспечения. Обращено внимание на оборудование камерных помещений ШИЗО, ПКТ, создание необходимых условий для содержания осужденных, в том числе лиц, имеющих инвалидность. После каждого посещения членами ОНК совместно с администрацией учреждений подводились итоги посещений, на которых обсуждались вопросы дальнейшего укрепления законности и прав человека в учреждениях уголовно-исполнительной системы»[3].

В настоящее время продолжается активное сотрудничество территориального органа УИС с Общественным советом при УФСИН России по Владимирской области по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы Владимирской области (далее: Совет). Совет осуществляет свою работу на основе Положения об Общественном совете при УФСИН России по Владимирской области по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы Владимирской области, утвержденного приказом УФСИН России по Владимирской области от 15 февраля 2017 г. № 51[4].

Совет функционирует на принципах законности, уважения прав граждан, невмешательства в отдельные отрасли деятельности правоохранительных органов, в частности, в оперативно-розыскную.

В круг задач Совета входят следующие:

– обзор практики деятельности международных и отечественных общественных организаций по содействию учреждениям и органам УФСИН России по Владимирской области в работе по реформированию УИС и правозащитной деятельности в местах лишения свободы;

– информирование общественности региона о работе территориального органа УИС с целью формирования положительного мнения у населения;

– совершенствование нормативно-правового обеспечения правозащитной деятельности;

– содействие в реализации осужденными социальных прав, в реабилитации лиц, отбывших срок наказания;

– взаимодействие с иными органами, в компетенцию которых входит обеспечение прав человека;

– обмен и распространение положительного опыта своей деятельности в области защиты прав граждан;

– помощь в установлении связей УФСИН России по Владимирской области с производственным сектором региона с целью получения заказов исправительными учреждениями и совершенствования трудовой адаптации лиц, отбывающих наказания.

В рамках взаимодействия с территориальным органом Совет вправе вносить предложения руководству о совершенствовании какой-либо линии

[1] Российская газета. 2008. 18 июня.

[2] Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 4.

[3] УФСИН России по Владимирской области : [сайт]. URL: http://www.33.fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=498172 (дата обращения: 26.07.2020).

[4] УФСИН России по Владимирской области : [сайт]. URL: http://www.33.fsin.gov.ru/obshchestvennyy_sovet/polozhenie-ob-obshchestvennom-sovete-pri-ufsin-.php (дата обращения: 26.07.2020).

деятельности, информировать руководство о фактах нарушения прав граждан, запрашивать необходимые сведения об условиях отбывания наказания, оказывать материальную поддержку исправительным учреждениям.

В 2020 г. в рамках сотрудничества Совета с УФСИН России по Владимирской области проведены следующие мероприятия: осуществлена передача в дар книг в библиотеку ФКУ СИЗО-3 в г. Кольчугино; совместно с организацией ветеранов УИС области, совета ветеранов ФКУ Т-2 на базе областной библиотеки проведен «урок мужества» с учащимися школ; состоялась благотворительная акция в День книгодарения; организовано посещение ФКУ ИК-1 в п. Головино, где члены Совета ознакомились с бытовыми условиями содержания осужденных-женщин и детей в доме ребенка[1].

С положительной стороны можно оценить работу по взаимодействию УФСИН России по Владимирской области с различными конфессиями, в частности с Русской православной церковью (далее: РПЦ) и «Мухтасибатом Владимирской области».

Сотрудничество РПЦ с территориальным органом УИС осуществляется на основе Соглашения о сотрудничестве между УФСИН России по Владимирской области и Владимирской Митрополией Русской православной церкви (Московского патриархата) от 22 января 2016 г. и Соглашения о сотрудничестве в сфере наказаний, не связанных с лишением свободы, от 10 июня 2019 г. В тексте первого Соглашения установлен регламент взаимодействия, который содержит перечень действий представителей РПЦ на режимной территории исправительных учреждений. В качестве примера приведем запрет на установку средств видеонаблюдения в храмах, функционирующих на территории исправительных учреждений; порядок доступа священнослужителей на режимную территорию с учетом распорядка дня и оперативной обстановки; возможность ходатайства представителей РПЦ перед администрациями исправительных учреждений и судом об условно-досрочном освобождении осужденных, регулярно посещающих храмы[2].

Соглашение о сотрудничестве в сфере исполнения наказаний без изоляции от общества направлено на духовно-нравственное воспитание сотрудников УИС и членов их семей, духовное окормление и просвещение лиц, осужденных к наказаниям без лишения свободы. Работа в этом направлении, как правило, проводится с лицами, стоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях области. РПЦ оказывает помощь в восстановлении социально полезных связей подопечных. Под особым контролем находятся несовершеннолетние осужденные, с которыми ведется групповая и индивидуальная работа с участием представителей РПЦ (лекции, беседы на тему истории православия, значения религиозных обрядов и т. д.). Данным Соглашением предусматривается организация воскресных школ.

Православное служение в местах лишения свободы осуществляется по следующим направлениям:

– непосредственно церковное, заключающееся в богослужении и пастырской работе в исправительных учреждениях;

– содействие администрациям исправительных учреждений в решении проблем, связанных с исполнением уголовных наказаний. Данное содействие может быть выражено в оказании помощи в вопросах, касающихся: ресоциализации и постпенитенциарной адаптации осужденных; организации благотворительных мероприятий; переписки со спецконтингентом с целью оказания моральной и психологической поддержки, материальной помощи, снабжения продуктами, религиозной литературой [Горбунова 2018, с. 120];

– построение взаимодействия УИС с духовенством посредством создания в структуре РПЦ специальных учреждений. Сегодня во Владимирской области координирует сотрудничество регионального УФСИН с РПЦ отдел по взаимодействию с учреждениями исправительной системы, а также Объединенная комиссия Владимирской митрополии по тюремному служению;

– сотрудничество с руководством УФСИН России по Владимирской области и администрациями исправительных учреждений в вопросах борьбы с распространением идей религиозного экстремизма среди осужденных лиц.

Наряду с РПЦ, УФСИН России по Владимирской области тесно сотрудничает с представителями «Мухтасибата Владимирской области». Взаимодействие происходит в целях религиозного и духового просвещения осужденных-мусульман. Как правило, представители данной организации посещают исправительные учреждения региона, где проводят встречи с подопечными, организуют молебны и проповеди для спецконтингента.

Вопросы взаимодействия с религиозными объединениями, организации духовно-просветительской и богослужебной деятельности, оказания нравственной и реадаптационной помощи в УФСИН России по Владимирской области курирует помощник начальника по работе с верующими.

Руководство территориального органа УИС ежеквартально проводит рабочие встречи с представителями различных институтов гражданского

[1] УФСИН России по Владимирской области : [сайт]. URL: http://www.33.fsin.gov.ru/obshchestvennyy_sovet/meropriyatiya-s-uchastiem-chlenov obshchestvennogo-soveta-pri-ufsin-v-2020-godu.php (дата обращения: 26.07.2020).

[2] УФСИН России по Владимирской области : [сайт]. URL: http://33.fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=233567 (дата обращения: 26.07.2020).

общества, на которых подводятся итоги сотрудничества за конкретный период. Подобный формат позволяет оперативно реагировать на возникающие проблемы в сфере исполнения уголовных наказаний на территории Владимирской области.

Несмотря на то, что в настоящее время накоплен достаточный положительный опыт сотрудничества УИС региона с представителями общественности, все же существует ряд проблемных моментов:

– во-первых, основное внимание институтов гражданского общества обращено на обеспечение прав осужденных, подозреваемых и обвиняемых, все реже их деятельность касается охраны правового статуса сотрудника УИС. Об этом свидетельствуют, например, результаты отчета о деятельности Уполномоченного по правам человека во Владимирской области, Общественного совета при УФСИН России по Владимирской области;

– во-вторых, сайты региональных институтов гражданского общества недостаточно информативны, на них отсутствуют как отдельные нормативные документы, регламентирующие вопросы их взаимодействия с правоохранительными органами, так и информация о проведенных мероприятиях в рамках подобного сотрудничества. Так, на сайте Уполномоченного по правам человека во Владимирской области отмечен лишь факт того, что данным должностным лицом заключены соглашения о сотрудничестве с рядом правоохранительных структур региона, однако текст данных соглашений отсутствует. Подобного документа нет и на официальном сайте УФСИН России по Владимирской области. Данное обстоятельство во многом препятствует реализации принципа открытости и прозрачности деятельности как органов власти, так и институтов общественности;

– в-третьих, существуют проблемы и в осуществлении общественного контроля за деятельностью УИС региона. Как показала практика, члены ОНК в основном осуществляют контроль непосредственно в местах лишения свободы. Однако совсем иначе обстоят дела с контролем за освобожденными лицами. В данной ситуации общественность сталкивается с более серьезными проблемами, одной из которых является проблема постпенитенциарной адаптации человека. Органы общественного контроля должны понимать всю серьезность ситуации, а также владеть объемом необходимой информации и средств, посредством которых они будут оказывать социальную поддержку оступившимся гражданам [Горбунова, Трофимова, Щепетов 2015, с. 43];

– в-четвертых, сохраняется недоработка пресс-службы территориального органа по вопросам сопровождения ведомственных сайтов. Порой не все разделы сайта заполнены, не все мероприятия освещаются региональными СМИ. Вызвать интерес журналистов представляется возможным путем непосредственного их участия в мероприятиях. Конечно, организовать постоянное присутствие журналистов региональных СМИ на территории учреждений и органов УФСИН России по Владимирской области не представляется возможным в связи с закрытым характером деятельности исправительных учреждений. Однако одной из форм работы, способной решить данную проблему, выступает организация «дней открытых дверей», в рамках которых представители региональных СМИ могут принять участие в жюри конкурсов, а также присутствовать в качестве представителей Общественного совета при территориальном органе УИС.

Минимизировать данные проблемные аспекты взаимодействия представляется возможным путем пересмотра концепции взаимодействия. В первую очередь необходимо четко определиться с тем, что и территориальный орган УИС, и представители общественности призваны решить в качестве приоритетной задачу обеспечения прав и свобод граждан.

Представляется важным не только разработка нормативного обеспечения сотрудничества данных субъектов, но и обеспечение информативности их деятельности посредством должной организации функционирования официальных сайтов этих структур.

Актуальным в современных условиях является организация совместной деятельности регионального органа УИС и представителей гражданской общественности в рамках постпенитенциарной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы.

Итак, на основании вышеизложенного мы пришли к следующему выводу: в настоящее время система исполнения уголовных наказаний Владимирской области и региональные институты общественности находятся в стадии активного взаимодействия, которое осуществляется с целью обеспечения прав личности. Несмотря на имеющиеся проблемные моменты, можно отметить, что в современных условиях разработана достаточная нормативно-правовая база, регламентирующая основы данной совместной работы в рамках обеспечения прав и свобод граждан, накоплен в умеренном объеме положительный опыт сотрудничества.

Список цитируемых источников

Горбунова 2018 – *Горбунова М. М.* Участие Русской православной церкви в обеспечении прав осужденных лиц в местах лишения свободы: основные направления деятельности, проблемы и пути их

минимизации // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем. В 2 ч. Ч. 2. Пенза : Наука и Просвещение, 2018. С. 119–122.

Горбунова, Трофимова, Щепетов 2015 – *Горбунова М. М., Трофимова Н. Н., Щепетов К. М.* Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы: сущность, цели, проблемы // Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность: история и современность. Владимир : ВЮИ ФСИН России : Шерлок-пресс, 2015. С. 38–44.

Лавров 2015 – *Лавров Ю. Б.* Содержание и значение категории «гражданское общество» в юридической науке и практике // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 3(44). С. 29–32.

Меньшикова 2019 – *Меньшикова Н. С.* Полиция и гражданское общество: проблемы формирования партнерских отношений в Российской Федерации (теоретико-правовой аспект) : дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2019. 339 с.

Пылин 2015 – *Пылин В. В.* Гражданское общество и государство: проблемы и пути развития // Управленческое консультирование. 2015. № 6. С. 16–22.

Смирнова 2017 – *Смирнова Е. А.* Формы взаимодействия УИС и средств массовой информации // Актуальные проблемы организации деятельности органов и учреждений УИС. Рязань : Акад. ФСИН России, 2017. С. 203–209.

References

Gorbunova, M. M. (2018), “Participation of the Russian Orthodox Church in ensuring the rights of convicted persons in places of deprivation of liberty: main areas of activity, problems and ways to minimize them”, *Ekonomika, upravlenie i pravo: innovatsionnoe reshenie problem, v 2 ch., ch. 2* [Economics, management and law: innovative problem solving, in 2 parts, part 2], Nauka i Prosveshchenie, Penza, Russia, pp. 119–122.

Gorbunova, M. M., Trofimova N. N. and Shchepetov, K. M. (2015), “Public control over the activities of the penitentiary system: essence, goals, problems”, *Pravookhranitel’nye organy i pravookhranitel’naya deyatel’nost’: istoriya i sovremennost’* [Law enforcement and law enforcement: history and modernity], VYuI FSIN Rossii, Sherlok-press, Vladimir, Russia, pp. 38–44.

Lavrov, Yu. B. (2015), “The content and significance of the category “civil society” in legal science and practice”, *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Pravo”,* no. 3(44), pp. 29–32.

Men’shikova, N. S. (2019), Police and civil society: problems of forming partnerships in the Russian Federation (theoretical and legal aspect), Ph. D. Thesis, theory and history of law and state, history of doctrines on law and state, St. Petersburg University of the MIA of Russia, St. Petersburg, Russia.

Pylin, V. V. (2015), “Civil society and the state: problems and ways of development”, *Upravlencheskoe konsul’tirovanie,* no. 6, pp. 16–22.

Smirnova, E. A. (2017), “Forms of interaction between the penal system and the media”, *Aktual’nye problemy organizatsii deyatel’nosti organov i uchrezhdenii UIS* [Actual problems of organizing the activities of the bodies and institutions of the penal system], Akademiya FSIN Rossii, Ryazan, Russia, pp. 203–209.

Информация об авторах

Рубцов Дмитрий Иванович,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; dm.rubtsov@mail.ru

Филимонов Андрей Анатольевич,
Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института Министертсва внутренних дел Российской Федерации, Владивосток, Российская Федерация; andrei_84-05@mail.ru

Филимонов Иван Анатольевич,
кандидат юридических наук, Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института Министертсва внутренних дел Российской Федерации, Владивосток, Российская Федерация; 178303@mail.ru

Information about the authors

Rubtsov Dmitry I.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; dm.rubtsov@mail.ru

Filimonov Andrei A.,
Vladivostok branch, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Vladivostok, the Russian Federation; andrei_84-05@mail.ru

Filimonov Ivan A.,
PhD (law), Vladivostok branch, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Vladivostok, the Russian Federation; 178303@mail.ru

Для цитирования

Рубцов Д. И., Филимонов А. А., Филимонов И. А. Теория и практика взаимодействия уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества (на примере Владимирской области) // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 214–221.

For citation

Rubtsov, D. I., Filimonov, A. A. and Filimonov, I. A. (2020), “Theory and interaction practice of the penal system with civil society institutions (on the example of Vladimir region)”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 214–221.

УДК 343.83

Д. И. Рубцов[1]
А. С. Янова[1]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

D. I. Rubtsov[1]
A. S. Yanova[1]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation*

Тюремная стража в системе непосредственного управления местами заключения в Российской империи (1879–1895 гг.)

Prison guards in the system of direct control of places of detention in the Russian Empire (1879–1895)

Ключевые слова: история; места заключения; Российская империя; тюремная стража; непосредственное правление.

Key words: history; places of detention; the Russian Empire; prison guards; direct control.

Аннотация. В статье раскрываются особенности подбора кадров, принятия на службу и компетенции персонала, относящегося к тюремной страже, функционирующей в системе непосредственного управления местами заключения в Российской империи (1879–1895 гг.).

Abstract. The article studies the features of recruitment, acceptance into service and competence of personnel related to prison guards operating in the system of direct control of places of detention in the Russian Empire (1879–1895).

Современная уголовно-исполнительная система России развивается в контексте общегосударственных социально-экономических и политических преобразований. На протяжении всего своего существования она являлась неотъемлемой частью государственного механизма и до настоящего времени реализует достаточно важную правоохранительную функцию. Значительную роль в процессе осуществления вышеуказанного направления деятельности играет не только управленческий аппарат, но и сотрудники, выполняющие должностные обязанности, непосредственно связанные с исполнением уголовных наказаний в местах лишения свободы. Изучение вопросов, касающихся подбора кадров, назначения на службу, порядка ее прохождения, материального и социального обеспечения, а также определения компетенции сотрудников является весьма актуальной задачей.

Особого внимания в связи с этим заслуживает анализ исторического опыта правового оформления и организации вышеуказанных управленческих институтов, поскольку изучение закономерностей их возникновения и развития позволит наиболее полно раскрыть содержание и определить пути решения проблем, связанных с профессиональной деятельностью сотрудников исправительных учреждений. Наиболее важным, с нашей точки зрения, является период становления Главного тюремного управления как высшего централизованного органа управления всей пенитенциарной системы Российской империи. Именно в данное время формируются единые принципы и нормы, определяющие не только статус тюремной стражи, но и ее задачи в деятельности мест заключения. С момента образования в 1879 г. и до передачи в ведение Министерства юстиции в 1895 г. Главным тюремным управлением было издано большое количество циркулярных распоряжений и инструкций, дополняющих Устав о содержащихся под стражей, которые регламентировали частные вопросы тюремного устройства и управления, в том числе и непосредственного.

В исследуемый период вся тюремная система Российской империи представляла собой трехуровневую управленческую структуру, включающую в себя органы центрального управления, губернский и уездный управленческий аппарат, а также должностных лиц, осуществляющих непосредственное управление местами заключения. Чиновники первых двух уровней осуществляли функцию управления и имели классные чины. На местах такими привилегиями обладали начальники тюрем и их помощники или помощницы, а также смотрительницы, осуществляющие руководство женскими отделениями. Классные чины могли получить также тюремные врачи, которые состояли при местах заключения.

Данные категории служащих относились к управленческому аппарату и наделялись особым правовым статусом, приобретая права и преимущества, в соответствии с их классным чином. На основании ст. 534 Устава о службе по определению от правительства все чины подразделялись на четырнадцать классов по гражданскому, военному, морскому, придворному и горному разрядам[1].

Тюремная стража относилась к нижним чинам, которые не имели классного чина, что отличало данную категорию служащих. В ее состав входили старшие и младшие тюремные надзиратели, или старшие и младшие тюремные надзирательницы – для надзора за содержанием лиц женского пола[2]. Необходимо отметить, что надзирательницы по служебному статусу были приравнены к надзирателям.

[1] Свод законов Российской империи. Спб. : Тип. Второго Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1857. Т. 3. С. 109.

[2] Там же.

© Рубцов Д. И., Янова А. С., 2020

Общее количество тюремной стражи, а также размер их денежного содержания определял министр внутренних дел в пределах сумм, выделенных в установленном законом порядке. Начальник Главного тюремного управления распределял лиц данной категории служащих по губерниям и областям, а также он наделялся правом перераспределять остатки от выделенных сумм для награждения и назначения пособий наиболее достойным представителям тюремной стражи. Непосредственно ее распределением по конкретным местам службы в пределах той или иной губернии или области занимался губернатор или начальник области[1].

Надзиратели назначались на должность и освобождались от нее начальниками мест заключения и находились в полном их подчинении. Отдельными циркулярами по тюремному ведомству устанавливались следующие особенности приема на службу:

– на должности тюремных надзирателей в первую очередь должны назначаться лица, уволенные с военной службы и замещавшие там нижние воинские чины, поскольку они уже приучены к дисциплине и порядку[2];

– в отношении лиц, находящихся в запасе и относящихся к нижним военным чинам, предусматривалась более осмотрительная процедура и проверка их благонадежности и способности нести трудную тюремную службу, поскольку они освобождались от призыва на действительную службу в войсках[3];

– с целью правильной организации личного состава тюремного надзора, предписывалось при приеме на службу на должности надзирателей отбирать у кандидатов письменные обязательства, в которых определялись требования к служебной деятельности, а также устанавливались виды и размер взысканий за несоблюдение соответствующих требований. Данный документ закреплял обязанность подчиняться начальнику или смотрителю, исполнять все постановления о тюремном содержании, честно выполнять должностные обязанности и быть постоянно трезвым. Нужно особо отметить, что в данном акте кандидат на службу брал на себя обязательство в течение первых пяти месяцев отдавать из жалованья по два (три) рубля на хранение для формирования залога, который в итоге составлял десять (пятнадцать) рублей. Далее определялось, что по собственному желанию прекратить службу надзиратель сможет только через год, предупредив об этом начальника не менее чем за две недели, если это происходило ранее, то залог не возвращался. Исключением было оставление службы по причине болезни (необходимо было заключение местного тюремного врача), призыва на военную службу и по иным уважительным, по мнению начальника, основаниям. Кроме того, в документе устанавливались меры дисциплинарной ответственности, которые мог применить начальник к надзирателю. Это были замечание, выговор и арест до семи дней, еще применялся штраф в размере от одного до пяти рублей, который вычитали из жалованья. Предусматривалось и увольнение без оплаты за последний месяц службы вместе с удержанием залога. Данное обязательство подписывалось надзирателем, который должен был «соблюдать его свято и ненарушимо»[4];

– особо подчеркивалось, что все решения по вопросу приема на службу и увольнения надзирателей находятся в непосредственном ведении начальника места заключения, который за законность своих действий несет ответственность перед губернатором. Однако сами надзиратели, хотя и находились на нижней ступени государственной службы, все же обладали существенными правами и преимуществами по службе и могли приносить губернскому начальству жалобы на принятые в отношении них незаконные, по их мнению, распоряжения непосредственных руководителей[5];

– в отношении каждого надзирателя было установлено отдельное делопроизводство, которое предназначалось для сбора и хранения всей необходимой информации о службе данного лица. Для организации этой работы необходимо было вести:

а) книгу о чинах надзора, в которую заносились все приказы начальника о данной категории служащих (о принятии на службу, переводе и перемещении по службе, наложении взысканий, награждении и об увольнении);

б) особое дело о каждом надзирателе, в которое подшивались: копии всех приказов, изданных в отношении него; документы, подтверждающие его личность; документы, характеризующие его прежнюю службу; обязательство, подписанное при поступлении на службу; сведения о залоге и др.;

в) послужной список за подписью начальника места заключения, копия которого являлась документом о прохождении службы.

Таким образом, законодательство исследуемого периода предусматривало достаточно развитую систему подбора и учета кадров для тюремной стражи. Нормативно регулировались процессы не толь-

[1] Свод законов Российской империи. Т. 14.

[2] Циркуляр ГТУ от 15 сент. 1878 г. № 119 // Лопато Т. М. Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. Справочная книга для тюремных инспекторов, тюремных комитетов и их отделений, начальников тюрем, земских управ, попечителей земских арестных домов и других должностных лиц губернских, уездных и непосредственных управлений местами заключения. Пермь : Типо-лит. губ. правл., 1903.

[3] Циркуляр ГТУ от 18 окт. 1893 г. № 14 // Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг. Спб. : Гл. тюрем. упр., 1911. Ч. 1.

[4] Циркуляр ГТУ от 24 февр. 1884 г. № 5 // Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению. Ч. 1.

[5] Циркуляр ГТУ от 17 апр. 1889 г. № 8 // Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению. Ч. 1.

ко поступления на службу и увольнения с нее, но и перевода и перемещения по ней. Особое внимание уделялось закреплению конкретного служащего на должности, для чего использовалась система залогов. В циркулярах также были прописаны основы кадровой работы с персоналом тюремной стражи.

Для обеспечения требования единства и стабильности государственной службы законодательством были предусмотрены следующие права и гарантии тюремных надзирателей:

1) надзиратели и надзирательницы могли пользоваться квартирами, но лишь в исключительных случаях и по мере действительной возможности. Специального денежного квартирного довольствия они не получали;

2) тюремной страже присваивалась особая форма обмундирования и вооружения. Например, для надзирателей были предусмотрены: мундир из черного гвардейского неворсованного сукна, шаровары из черного, как мундир, сукна, укороченные, в сапоги, шинель из черного сукна, установленного для нижних чинов полиции, фуражка, башлык, галстук, поясной ремень. Из вооружения предполагалась шашка с темляком образца, принятого в войсках, на плечевой портупее из черной юфтовой кожи для старших надзирателей, стражников, вахтеров и ключников. Револьвер системы Смита и Вессона, носимый в кобуре, присваивался старшим и младшим надзирателям только при отправлении обязанностей службы;

3) поступающим в тюремную стражу из отставки унтер-офицерам и рядовым сохранялись выслуженные ими в войсках пенсии, а нижние чины, поступившие на службу в тюремную систему из числа конвойных войск, в случае военного положения в армию не призывались;

4) для тюремной стражи законодательно предусматривалось увеличение денежного содержания в зависимости от выслуги лет. При выслуге пять лет оклад увеличивался на одну треть, при выслуге десять лет оклад увеличивался также на одну треть, а при выслуге пятнадцать лет оклад увеличивался в два раза[1];

5) чинам тюремной стражи предоставлялось право на пенсии и пособия в соответствии с Правилами о пенсиях и пособиях чинам тюремной стражи гражданского ведомства [Коковцов, Рухлов 1894b], данные выплаты предусматривались также их вдовам и детям-сиротам. Однако в отношении надзирательниц было исключение: их несовершеннолетние дети, признанные круглыми сиротами, могли пользоваться правом на пенсию и единовременную выплату за службу матери только в том случае, если пенсия или пособие за службу отца было меньше. Законодательно были определены сроки службы для выхода на пенсию, общий срок для получения полной пенсии составлял тридцать лет, отслужив двадцать лет сотрудники из тюремной стражи имели право на половину пенсии. Для отставных или запасных лиц, поступивших на службу в тюремное ведомство из военного, срок выслуги сокращался на пять лет. Размер пенсии и пособия увеличивался, если тюремный надзиратель получал служебную травму или неизлечимую болезнь и лишался возможности продолжать службу, а в случае, если он не выслужил установленный законом срок, то все равно получал право на пенсию;

6) для тюремных надзирателей были предусмотрены знаки отличия и медали. Например, они имели право на получение серебряной медали с надписью «За беспорочную службу в тюремной страже» в случае безупречной службы не менее пяти лет и с условием ее прохождения в дальнейшем[2].

Таким образом, несмотря на то, что сотрудники, относящиеся к тюремной страже, обладали статусом нижних чинов, они имели достаточное количество прав и гарантий, обеспечивающих нормальные условия их служебной деятельности. Это выражалось и в их материальном обеспечении, которое увеличивалось с выслугой, и в праве на пенсии и пособия, и в обеспечении обмундированием, и в мерах поощрения.

В отношении непосредственной служебной деятельности тюремной стражи Главным тюремным управлением были приняты специальные общие указания по исполнению тюремными надзирателями их служебных обязанностей, суть которых заключалась в следующих положениях:

1. После учреждения тюремной стражи чины тюремного надзора не должны заменять собой снятые военные караульные посты, однако вместе с этим надзор во всех местах заключения должен быть установлен таким образом, чтобы абсолютно все тюремные помещения и содержащиеся в них арестанты были под полным и бдительным наблюдением тюремных надзирателей.

2. Военные наружные караульные посты не заменялись наружными надзирательскими постами, обязанными охранять извне тюрьмы от побегов, а наружная охрана, при правильном внутреннем надзоре, должна была заключаться в частых обходах и осмотрах тюремных зданий с целью удостоверения их безопасности от побегов. Наружные посты устанавливались лишь с разрешения Главного тюремного управления в тюрьмах, где через окна арестантских помещений было сообщение с улицей. Главной задачей таких постов было наблюдение за тем, чтобы через окна заключенные не осуществляли передачи и переговоры.

[1] Устав о содержащихся под стражей.

[2] Учреждение орденов и других знаков отличия // Свод законов Российской империи. Спб. : Тип. Второго Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1857.

3. С целью повышения эффективности и реальности внутреннего надзора в местах заключения были установлены и реализовывались следующие правила: камеры, где содержались арестанты, должны быть заперты и в них не должно быть лишних вещей, запрещался самовольный выход или переход арестантов из камеры в камеру, из отделения в отделение, выход в отхожие места и на прогулку осуществлялся небольшими группами в присутствии и под наблюдением надзирателя.

4. Надзиратели во время исполнения служебных обязанностей должны были находиться в присвоенной исправной форме одежды и вооружены заряженными револьверами, которые они могли использовать только в исключительных случаях с надлежащей осмотрительностью, если возникала действительная опасность. Оружие применялось в целях охраны себя от нападения арестантов и прекращения беспорядков и буйств в их среде.

5. В тюрьме, кроме надзирателей, которые занимали наблюдательные посты, должна быть организована так называемая сборная. Она создавалась как вооруженная сила для оказания помощи находящимся на дежурстве надзирателям при пресечении беспорядков среди арестантов. Сборная находилась в отдельном помещении, куда в обязательном порядке проводились сигнальные звонки. Надзиратели, отдыхающие в сборной, на короткое время могли оказывать помощь находящимся на дежурстве для обхода и осмотра тюремных зданий, а также для проверки посылок.

6. Общее распределение обязанностей среди тюремной стражи выглядело следующим образом:

– *старший надзиратель*. По общему правилу, в каждой тюрьме назначался только один старший надзиратель, в порядке исключения в наиболее значимых или занимающих несколько зданий тюрьмах работали два или более старших надзирателя. Основной обязанностью данной категории служащих было наблюдение за общим порядком в тюрьме и исправностью несения службы младшими надзирателями, а в тюрьмах, где не была предусмотрена должность помощника начальника, они замещали его, потому что тюрьма не должна была оставаться без начальствующих, т. е. без начальника, его помощника или старшего надзирателя, даже ночью.

Среди обязанностей данной категории лиц выделяли наблюдение за своевременной явкой младших надзирателей на службу, за исправностью их обмундирования и вооружения, присутствие при смене караула, проверка несения службы на постах. В небольших тюрьмах старшие надзиратели могли исполнять обязанности и младших надзирателей, например, привратника, хозяйственного и дежурного при конторе. Если в тюрьме существовало несколько должностей старших надзирателей, то обязанности могли быть перераспределены между ними следующим образом. Один осуществлял главный надзор за общим порядком и дисциплиной, второй наблюдал за сохранностью и чистотой тюремных зданий и хозяйственных помещений, третий обеспечивал работу мастерских и школ.

Ввиду необходимости постоянного нахождения старшего надзирателя в тюрьме, обусловленного широким кругом обязанностей, ему выделялась квартира либо в здании самой тюрьмы, либо по соседству;

– *привратник*. Эта должность была следующей по значимости после старшего надзирателя. Главная обязанность привратника состояла в обеспечении пропускного режима. Ключи от входов в тюрьму в течение дня хранились у него, и только на ночь передавались дежурному по тюрьме помощнику начальника, старшему или младшему надзирателю. Пропускать в тюрьму или выпускать из тюрьмы привратник имел право только с разрешения своего непосредственного руководителя (начальника, его помощника или старшего надзирателя). Он должен был проводить обыск, не исключая младших надзирателей и почетных посетителей. Свой пост привратник покидать не имел права. Поскольку, как правило, эта должность была бессменной, то ему выделялась квартира, недалеко от входа в которую обязательно устанавливался звонок;

– *внутренние надзирательские посты* учреждались внутри тюремных зданий при арестантских камерах. На каждый внутренний пост назначались по два надзирателя, которые сменялись каждые шесть часов таким образом, чтобы на дежурство каждому выпадало по полдня и полночи, считая временем дня и ночи время между утренней и вечерней поверками. В их обязанности входило наблюдение за арестантами в камерах, осуществление вывода их в отхожие места, передача их другим надзирателям для прогулки, работ или бани. Покидать свои посты им запрещалось. Особо отмечалось, что камеры должны быть всегда закрыты, вывод в отхожие места осуществлялся в определенные часы, а ключи всегда находились у дежурного надзирателя;

– *наружные надзирательские посты* учреждались с целью охраны тюрем от передач и переговоров через окна. На каждый такой пост назначалось по три надзирателя, которые сменяли друг друга каждые три-четыре часа, а в плохую погоду и чаще. Данные лица выполняли функции военных часовых, также они следили за порядком среди арестантов, которые осуществляли работы или были выведены на прогулку вблизи поста. В установленном порядке с разрешения Главного тюремного управления они могли быть вооружены винтовками, а не револьверами;

– *выводные надзиратели* назначались для наблюдения за арестантами во время их вывода на прогулку, работу, в баню, школу, отхожие места. В случае вывода больших групп арестантов, им в

помощь могли назначаться постовые надзиратели или надзиратели из свободной смены;

– *надзиратели хозяйственные и при мастерских* заведовали хозяйственными помещениями, где трудились арестанты, они принимали от постовых заключенных, необходимых для работ, а по окончании передавали их обратно. В ходе работы осужденных они надзирали за порядком и дисциплиной;

– *надзиратель дежурный при конторе*. Эта должность была предусмотрена для наиболее значимых тюрем, основной задачей данного должностного лица было осуществление привода в контору заключенных и сопровождение из нее, также надзиратель присутствовал при приеме и освобождении арестантов, наблюдал за проведением свиданий и передачей посылок;

– *запасные надзиратели*. Данная категория служащих не имела четко установленных обязанностей. Они назначались по одному на 8–10 младших надзирателей с целью формирования резерва на случай болезни или необходимости отдыха;

– *надзиратели при больницах, находящихся вне тюрьмы,* назначались для надзора за арестантами, проходящими лечение в городских и земских медицинских учреждениях;

– *надзирательницы* назначались в тюрьмы, где были организованы женские тюремные отделения;

– *надзиратели, находящиеся в сборной при тюрьме*, представляли собой вооруженную силу, которая оказывала помощь в ликвидации тюремных беспорядков, а также они исполняли отдельные кратковременные поручения [Коковцов, Рухлов 1894a].

Следует отметить, что вышеуказанные нормативные положения, касающиеся службы тюремных надзирателей, могли изменяться в зависимости от вида тюремного учреждения, количества содержащихся там арестантов и значения конкретного места заключения. По общему правилу, чины тюремной стражи назначались с одной главной целью – охрана и поддержание внутреннего порядка и дисциплины, а также предупреждение побегов. Никакие другие обязанности на них не возлагались, например, их не могли привлекать к письменным работам в конторе, использовать в качестве дворников, водовозов и т. д.

Таким образом, тюремная стража занимала особое место в системе непосредственного тюремного управления, и особенность заключалась в том, что на местном уровне (отдельного места заключения) конкретно управленческие функции принадлежали начальнику или его помощнику, однако в некоторых случаях и старшему надзирателю. Служащие из тюремной стражи обязаны были непосредственно обеспечивать внутренний порядок и дисциплину, а также охранять тюрьму или иное место заключения от побегов. Несмотря на нижнее положение данной категории сотрудников, они наделялись значительным количеством прав, гарантий и обязанностей для реализации своих служебных полномочий.

Список цитируемых источников

Коковцов, Рухлов (1894a) – Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. В. Н. Коковцов, С. В. Рухлов. Спб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1894. 831 с.

Коковцов, Рухлов (1894b) – *Коковцов В. Н., Рухлов С. В.* Правила о пенсиях и пособиях чинам тюремной стражи гражданского ведомства 1893. Спб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1894.

References

Kokovtsov, V. N. and Rukhlov, S. V. (1894a), *Sistematicheskii sbornik uzakonenii i rasporyazhenii po tyuremnoi chasti* [A systematic collection of legalizations and orders on the prison part], Tipografiya I. N. Skorokhodova, St. Petersburg, Russian Empire.

Kokovtsov, V. N. and Rukhlov, S. V. (1894b), *Pravila o pensiyakh i posobiyakh chinam tyuremnoi strazhi grazhdanskogo vedomstva 1893* [The rules on pensions and benefits to the ranks of the prison guard of the civil department 1893], Tipografiya I. N. Skorokhodova, St. Petersburg, Russian Empire.

Информация об авторах

Рубцов Дмитрий Иванович,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; dm.rubtsov@mail.ru

Янова Анастасия Сергеевна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; anastas_1109@mail.ru

Information about the authors

Rubtsov Dmitry I.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; dm.rubtsov@mail.ru

Yanova Anastasiya S.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; anastas_1109@mail.ru

Для цитирования

Рубцов Д. И., Янова А. С. Тюремная стража в системе непосредственного управления местами заключения в Российской империи (1879–1895 гг.) // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 222–226.

For citation

Rubtsov, D. I. and Yanova, A. S. (2020), "Prison guards in the system of direct control of places of detention in the Russian Empire (1879–1895)", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 222–226.

УДК 342.9+656.13.08+477.61

М. П. Тишаков[1]
[1] *Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону, Российская Федерация*

M. P. Tishakov[1]
[1]*Rostov Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of the Russian Federation) in Rostov-on-Don, the Russian Federation*

Обеспечение безопасности дорожного движения на территории Ворошиловградской области в 1953–1955 гг.

Ensuring traffic safety on the territory of Voroshilovgrad region in 1953–1955

Ключевые слова: аварийность; дорожно-транспортное происшествие; обеспечение безопасности дорожного движения; ГАИ.

Аннотация. В статье на основе малоизвестных архивных материалов и документов исследуются ключевые направления работы по обеспечению безопасности дорожного движения в 1953–1955 гг. на территории Ворошиловградской области. Детально проанализированы состояние и причины аварийности на автотранспорте. Раскрыты организационно-правовые меры и ключевые направления взаимодействия Государственной автомобильной инспекции и региональных советских и партийных органов по обеспечению безопасности дорожного движения.

Key words: accident rate; road-accident; ensuring traffic safety; the State automobile inspection.

Abstract. The article investigates the key directions of ensuring traffic safety in 1953–1955 on the territory of Voroshilovgrad region based on little-known archival materials and documents. The conditions and causes of accidents of vehicles are analyzed in detail. The organizational and legal measures and primary areas of interaction between the State automobile inspection and the regional Soviet and party bodies to ensure traffic safety are disclosed.

Противодействие аварийности на автотранспорте является одной из наиболее актуальных задач как современности, так и недалекого исторического прошлого, в частности, в период коренных трансформаций в политической и общественной жизни, что особенно ярко проявилось в послевоенные годы. Так, к началу значительных государственных преобразований в Советском Союзе – к 1953 г. – процесс восстановления разрушенных войной городов и сел находился на заключительном этапе. Пережив потрясение на общесоциальном и государственном уровнях в связи со смертью И. Сталина, Советский Союз в новый 1954 г. вступил с надеждой на значительные перемены в общественной жизни. Завершающийся этап восстановления страны после нанесенных войной разрушений, мощный подъем индустриального производства давали народу вполне обоснованные надежды на повышение уровня благосостояния, а вместе с тем и появление возможности более активного приобретения в личное владение транспортных средств, что, конечно же, отразилось на безопасности движения, особенно в крупных промышленных центрах.

Вместе с ростом интенсивности движения и количества автотранспорта как государственного, так и личного закономерно росли и масштабы аварийности, в связи с чем актуализировались проблемы обеспечения безопасности дорожного движения. Анализ материалов по данному вопросу отчетливо характеризуется региональными подходами, которые нашли свое отражение в трудах, посвященных становлению органов Государственной автомобильной инспекции: Сталинграда (Волгограда) [Сегодня происшествий нет 1983], Жданова (Мариуполя) [Шевкунов, Саенко, Чекмак 2011], Ленинграда (Санкт-Петербурга) и Ленинградской области [Гусев, Питеркин 2001], Краснодарского края [Савченко 2006], Курской [Постников 2006], Сумской [Охріменко 2007], Томской [Деринг 2011] областей, Удмуртии [Татаринов 1982] и др.

Однако вопросы обеспечения безопасности дорожного движения на территории такого промышленного региона, как Ворошиловградская область в 1953–1955 гг. не нашли своего должного отражения, что требует более детального анализа очерченной проблемы на основе исследования архивных документов и материалов.

Активизация процессов индустриального подъема и строительства в 1950-е гг. характеризовалась значительными потребностями транспортного обеспечения, особенно автомобильного сектора. При этом нужды тяжелой индустрии обеспечивались в первую очередь, а вот граждан – не в полной мере, хотя уже наблюдались позитивные тенденции. Тем не менее состояние автомобилизации государства находилось в стадии интенсивного роста, которая активизировалась в крупных промышленных и урбанизированных центрах. Высокая интенсивность движения автотранспорта, по современным меркам, была присуща только

© Тишаков М. П., 2020

центральным улицам Москвы и Ленинграда. Для подавляющего числа населения основными и порой единственными механическими средствами передвижения в городах были трамваи, троллейбусы и автобусы, а в сельской местности – грузовые автомобили, переоборудованные под перевозку пассажиров. Качественное улучшение ситуации прогнозировалось с внедрением передовых технологий в отечественном автомобилестроении – с началом активного производства с 1955 г. автомобиля ГАЗ-21 «Волга», новых моделей автобусов марки ЗИС-127 (ЗИЛ-127) и ЛАЗ. Однако в 1950-е гг. основную функцию перевозки пассажиров, особенно в отдаленных районах и между населенными пунктами, выполняли грузовые автомобили ввиду недостаточного количества автобусов.

В первой половине 1950-х гг. правила уличного (дорожного) движения все еще носили региональный характер[1] и действовали в пределах отдельных административно-территориальных единиц, однако в своем составе включали уже значительное количество норм, касающихся порядка осуществления управления транспортным средством и обеспечения безопасности дорожного движения.

Вполне закономерно в тот период возросла роль сотрудников Государственной автомобильной инспекции (далее: ГАИ) в условиях значительного подъема производства сельского хозяйства и промышленности, активного строительства городов и освоения новых регионов страны [Деринг 2011, с. 37].

Увеличение количества автотранспорта, которое уже значительно превзошло довоенные показатели, низкая трудовая дисциплина работников автопредприятий, некачественная дорожная сеть, отсутствие единых правил дорожного движения на территории всего СССР, недостаточное количество работников милиции привели к тому, что во второй половине 1953 г. на территории Ворошиловградской области значительно возросло количество случаев нарушения трудовой дисциплины среди работников автодорожного транспорта: управление автомобилем в нетрезвом состоянии; выпуск на линию технически неисправных транспортных средств; перевозка пассажиров в необорудованных для этой цели машинах; грубое нарушение правил безопасности дорожного движения и т. п.[2]

Причины дорожно-транспортных происшествий были различными. Например, анализируя автодорожные происшествия, которые произошли за 10 мес. 1953 г. на территории Ворошиловградской области, можно заключить, что основными причинами автопроисшествий были: вина водителей (62 % случаев), нахождение водителей в нетрезвом состоянии (15,8 %), неосторожность пассажиров (10 %) и пешеходов (7,6 %). Кроме того, аварийность на автотранспорте обусловливалась нарушением правил перевозки граждан и управлением технически неисправным транспортом (по 1,4 %), а также прочими причинами (1,8 %)[3].

На эффективность деятельности главного органа в системе обеспечения безопасности дорожного движения – ГАИ влияло вменение в обязанность не свойственных ей функций, что сказывалось на качестве выполнения основной задачи. Например, в течение I квартала 1953 г. на сотрудников ГАИ, помимо выполнения своих функций в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, были возложены обязанности по проведению обследования ряда колхозов Ворошиловградской области, в результате которых были вскрыты нарушения правил учета, использования, приобретения и расходования горюче-смазочных материалов[4].

Несмотря на ряд негативных тенденций, активную помощь сотрудникам ГАИ оказывали местные органы власти. В частности, нужно отметить решение № 4 Ворошиловградского облисполкома за 1953 г. «Об итогах проведенного годового технического осмотра автотранспорта народного хозяйства Ворошиловградской области», в котором было поручено руководителям транспортных предприятий принять меры к улучшению технического обслуживания и состояния автопарка. Однако некоторые руководители проигнорировали положения правовых норм, что удалось установить в ходе детальных проверок органами ГАИ [Тишаков 2019, с. 91]. По итогам проверок были приняты незамедлительные меры реагирования со стороны партийных и советских органов для коренного изменения ситуации.

С целью повышения качества обеспечения безопасности дорожного движения прокуратурой Ворошиловградской области 26 апреля 1954 г. было направлено представление обкому Коммунистической партии Украины (далее: КПУ), где был осуществлен детальный анализ нарушений правил дорожного движения и эксплуатации автотранспорта, произошедших в 1953 г., в частности, речь шла о 465 дорожно-транспортных происшествиях, в которых пострадали 335 чел., в том числе 116 погибли, повреждено 24 автомашины, а причиненный государству материальный ущерб составил 134 000 руб. Причины аварийности были различны. Управление автомашиной в нетрезвом состоянии было одной из наиболее распространенных, в результате чего было зарегистрировано 58 случаев автоаварий, ко-

[1] Правила движения по городам и дорогам Ростовской области. Ростов н/Д, 1954. 128 с. ; Правила уличного движения по Сталинской области. Сталино, 1951. 168 с.

[2] Луганский государственный архив (ЛГА). Ф. П-179. Оп. 5. Д. 436. Л. 11.

[3] Там же. Д. 300. Л. 22.

[4] Там же. Д. 362. Л. 40.

торые сопровождались человеческими жертвами, по причине превышения скорости имело место 126 автодорожных происшествий, а непосредственно из-за технической неисправности автомашин – 9[1].

Детальный анализ состояния аварийности в 1953 г. в городах и районах Ворошиловградской области раскрывает главные причины нарушений безопасности движения: неудовлетворительное состояние трудовой дисциплины и воспитательной работы среди водительского состава и, как следствие, слабое знание правил дорожного движения. По данному вопросу прокуратурой особо указывалось: а) на слабую работу органов милиции области по борьбе с нарушителями правил дорожного движения; б) неудовлетворительное осуществление контроля за безопасностью дорожного движения, особенно на автомагистралях с интенсивным движением, и из-за технических неисправностей автомашин; в) необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел против нарушителей и применение в данных случаях только штрафных санкций, – что не способствовало эффективной борьбе с аварийностью[2]. Таким образом, можно говорить об отступлении от принципа неотвратимости наказания в отдельных случаях за совершение правонарушений в сфере дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. В дополнение к этому низкая действенность принятых мер, отсутствие должного учета и анализа деятельности правоохранительными органами по борьбе с причинами дорожно-транспортных происшествий снижали эффективность всей административной правоприменительной деятельности.

Кроме того, в данном вопросе следует отметить деятельность народных судов по рассмотрению дел в отношении нарушителей автодвижения. В частности, органами прокуратуры области указывалось, что дела по обозначенной категории правонарушений редко рассматривались на предприятиях, т. е. по месту работы нарушителей, а судебная репрессия по отдельным делам была низкой: к одному году лишения свободы были осуждены 29 чел., к двум годам – 36 чел., к исправительно-трудовым работам – 18 чел. и условной мере наказания – 11 граждан[3]. Нередко мягкость приговоров суда не соответствовала самой тяжести правонарушений, особенно дорожно-транспортных происшествий с погибшими.

Состояние обеспечения безопасности дорожного движения на территории Ворошиловградской области вызывало крайнюю обеспокоенность среди партийных и советских органов власти региона, что в итоге потребовало принятия незамедлительных и наиболее эффективных организационно-правовых мер. В частности, в докладной записке начальника управления милиции МВД Ворошиловградской области от 20 мая 1954 г. № 07/1167 «О состоянии дорожных происшествий за I квартал 1954 года» отмечалось, что в целях борьбы с дорожными происшествиями при осуществлении контроля на линии были приняты усиленные меры. В итоге это позволило своевременно выявить 2 839 нарушителей и пресечь их противоправную деятельность. Примечательно, что ко всем без исключения нарушителям были приняты меры административного воздействия: оштрафованы 1 448 водителей на общую сумму 49 345 руб.; подвергнуты штрафам 100 руководителей автохозяйств на общую сумму 9 365 руб.; лишены прав на управление автомобилем 229 чел.; заменено 1 062 талона к шоферским удостоверениям[4]. По одному из наиболее резонансных дорожных происшествий выездной сессией Ворошиловградского облсуда в показательном порядке в Ворошиловградской автотранспортной конторе Сталинского автотреста винновый водитель К., совершивший дорожно-транспортное происшествие 16 февраля 1954 г., в результате которого погибли 3 чел., уже через месяц был приговорен к 25 годам лишения свободы[5].

Кроме мер административного воздействия, в порядке предупреждения совершения правонарушений среди участников дорожного движения было проведено 29 собраний с водителями автотранспорта, на которых присутствовали 1 530 чел. В рамках превентивной деятельности дополнительно было проведено 118 бесед с водителями (всего 1 900 чел.) и 750 бесед в учебных заведениях, на которых присутствовали 85 760 учащихся; организовано 180 киносеансов по правилам безопасности дорожного движения для 25 000 зрителей; проведено 36 радиопередач, посвященных безопасности дорожного движения. Помимо этого, было проведено 26 заседаний дисквалификационных комиссий по разбору дел нарушителей, на которых присутствовали 1 289 чел. В рамках проведения агитационно-массовой работы было изготовлено и установлено на дорогах 10 транспарантов, призывающих к соблюдению правил уличного движения, отпечатано и распространено 20 000 экз. плакатов и листовок по безопасности дорожного движения, дополнительно составлено 400 информационных писем руководителям автохозяйств о выявленных нарушителях[6].

Активную помощь в борьбе с дорожными происшествиями правоохранителям оказывали местные партийные и советские органы власти. В частности, в I квартале 1954 г. в г. Кадиевке Ворошиловградской области было проведено общегородское совещание во главе с председателем горис-

[1] ЛГА. Ф. П-179. Оп. 5. Д. 436. Л. 11–12.
[2] Там же. Л. 13.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 20.
[5] Там же. Л. 9.
[6] Там же. Л. 20–21.

полкома, на котором присутствовали 250 чел.: директора предприятий и автобаз, руководители учреждений, секретари первичных партийных организаций, начальники и механики автоколонн. В дополнение к этому работниками ГАИ во всех крупных автохозяйствах были проведены общие собрания водительского состава. Кроме того, было организовано проведение обследований на предмет состояния дисциплины среди водителей в Свердловской и Краснолучской автобазах, а результаты подвергнуты обсуждению на общих собраниях водителей[1]. В результате сочетания административного и превентивного воздействия был получен незамедлительный эффект. В частности, число автодорожных происшествий в I квартале 1954 г. сократилось, по сравнению с аналогичным периодом 1953 г., на 31,6 %; всего пострадали 43 чел. (– 23,6 %), из которых 23 погибли (+53 %)[2], что свидетельствовало, с одной стороны, об уменьшении количества автопроисшествий, а с другой – об их более тяжких последствиях. Наиболее аварийными автохозяйствами стали комбинаты Министерства угольной промышленности СССР, у которых был не только самый большой парк автомобилей и водителей, но и наиболее сложные условия работы.

Дальнейший анализ деятельности органов милиции по противодействию аварийности на автотранспорте позволил выявить и ряд ключевых аспектов, которые оказывали негативное влияние на состояние обеспечения безопасности дорожного движения. В частности, как отмечалось в докладной записке начальника управления милиции области подполковника Зиборова секретарю Ворошиловградского обкома КПУ, «…органы милиции мобилизовали все возможности и средства на борьбу с автодорожными происшествиями и нарушителями правил безопасности движения на местном транспорте, однако отдельные горрайпрокуроры проявляли в этом вопросе либерализм, что приводило к поощрению “аварийщиков” и нарушителей правил безопасности дорожного движения»[3]. В качестве подтверждения данных фактов приводился ряд случаев по прекращению уголовных дел: управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения и опрокидывание автомашины с разливом 1 930 кг бензина; превышение скорости в населенном пункте и нанесение ушибов извозчику вследствие наезда на подводу; опрокидывание грузовой автомашины, в которой поверх груза перевозились пассажиры, что привело к получению телесных повреждений находящимися в кузове рабочими[4]. Кроме того, имели место и иные факты, которые свидетельствовали о необходимости более строгого и принципиального реагирования со стороны органов прокуратуры на случаи нарушения дорожного движения.

Со своей стороны органы милиции прилагали максимальные усилия как в осуществлении мероприятий непосредственно по борьбе с нарушителями правил дорожного движения, так и по оптимизации самого правоохранительного аппарата с целью противодействия аварийности на автотранспорте, повышения эффективности его деятельности.

Анализ архивных материалов организационно-правового характера функционирования органов ГАИ предоставляет возможность представить объем выполняемой работы. Так, за 9 мес. 1954 г. работниками ГАИ Ворошиловградской области были выявлены 14 378 нарушителей, среди которых: 675 водителей временно лишены прав на управление, заменено 4 884 талона к шоферским удостоверениям, оштрафованы 6 232 водителя и 521 руководитель автохозяйства, предупреждены 2 738 чел.

В рамках обеспечения безопасности движения автотранспорта непосредственно в автохозяйствах было проведено 87 собраний с шоферами, на которых присутствовали 4 756 чел., на эту же тему было дополнительно проведено 263 беседы, на которых общее количество слушателей составило 5 640 чел.

Приведенные данные свидетельствуют, что органами ГАИ был проведен значительный объем организационно-правовой работы в рамках обеспечения безопасности дорожного движения, целью которой являлись борьба с дорожными происшествиями, повышение технической готовности автотранспорта. Однако цель эта не была достигнута[5]. Один из основных показателей работы – аварийность на автотранспорте – находился на довольно высоком уровне.

Анализируя причины автодорожных происшествий, следует отметить, что основными среди них являлись: низкий уровень дисциплины среди шоферов; полное отсутствие в значительной части автохозяйств массово-воспитательной работы среди водительского состава; низкий уровень контроля за работой автотранспорта на линии и по его возвращении в гараж и т. п. Вследствие такой бесконтрольности со стороны руководителей автохозяйств, значительная часть водителей совершала грубые нарушения правил безопасности дорожного движения, употребляла спиртные напитки, в итоге это приводило к превышению установленного скоростного режима движения, совершению аварий и наездов на граждан, выводу из строя автотранспорта.

Органы правопорядка активизировали свою деятельность в данном направлении, о чем сви-

[1] ЛГУ. Ф. П-179. Оп. 5. Д. 436. Л. 8–10.
[2] Там же. Л. 16.
[3] Там же. Л. 21.
[4] Там же. Л. 21–22.
[5] Там же. Д. 400. Л. 73.

детельствуют архивные данные: в 1954 г. были задержаны 398 водителей за управление автотранспортом в нетрезвом состоянии, а 78 – за использование автомашин в личных корыстных целях[1].

Как уже отмечалось выше, по линии ГАИ за 9 мес. 1954 г. на территории Ворошиловградской области была проделана значительная работа по предупреждению и пресечению нарушений правил безопасности движения автомототранспорта и пешеходов, по организации и регулированию движения мехтранспорта. Однако в районах области продолжали регистрироваться аварии, наезды, несчастные случаи, причем количество их было достаточно высоким, а большинство дорожно-транспортных происшествий сопровождалось человеческими жертвами.

Однако сдержать негативную динамику дорожно-транспортного травматизма в установленных границах I квартала 1954 г. не удалось. Вследствие чего во II квартале наблюдался рост до 77 (+36) происшествий, в которых пострадали 98 (+55) чел. и погибли 32 (+9) участника дорожного движения. Не улучшилась динамика и в III квартале. В частности, по итогам 9 мес. 1954 г. было зафиксировано 195 дорожно-транспортных происшествий, в которых пострадали 243 чел., в том числе 95 погибли[2].

Несмотря на негативную динамику, среди положительных моментов нужно отметить то, что показатели аварийности перестали увеличиваться, а результаты сравнительного анализа дорожно-транспортного травматизма за третьи кварталы 1953 и 1954 гг. свидетельствуют о проявлении его сезонного характера. В частности, количество аварий за III квартал 1953 г. составило 76 случаев, а в 1954 г. – 77, пострадавших 104 и 102 соответственно, из общего числа пострадавших погибли 46 чел. в 1953 г., а в 1954 г. произошло снижение (на 6 чел.)[3]. Сезонный характер был обусловлен погодными условиями. Примечательно, что в соседнем регионе – в Сталинской области за IV квартал 1954 г. аварийность также снизилась на 14 %[4].

Этим обстоятельством и были обусловлены соответствующие решения Ворошиловградского областного Совета, например, решение от 22 сентября 1954 г. № 882 «О содержании в проезжем состоянии автомобильных дорог по области в зимний период 1954–55 годов»[5]. Похожая ситуация наблюдалась на территории всего Донбасса, в частности, в качестве примера можно привести аналогичное решение Сталинского облсовета от 18 ноября 1955 г. № 880 «Об обеспечении безопасности движения транспорта и пешеходов в осенне-зимний период»[6].

Детальный анализ ситуации потребовал со стороны власти срочного реагирования на изменение дорожной обстановки. Так, в промышленно-транспортный отдел Ворошиловградского обкома был вызван начальник областной ГАИ, в результате совместных действий удалось наметить ключевые мероприятия по усилению дорожного надзора в результате принятых мер (сплошная проверка технического состояния автомашин и трезвости водителей как на грузовых, так и на легковых автомашинах, особенно в предпраздничные и праздничные дни) количество несчастных случаев с гражданами и аварий автотранспорта стало снижаться. Наряду с этим несколько увеличился штат автоинспекторов, активнее проводилось инспектирование работников областного аппарата ГАИ, повышалась требовательность к их работе[7].

Качественное влияние на деятельность региональных правоохранительных органов оказало постановление ЦК КПУ от 3 сентября 1954 г. «О мерах улучшения работы органов милиции МВД Украинской ССР», в рамках которого Ворошиловградским обкомом КПУ, горкомами и райкомами партии, а также областным управлением милиции МВД была проделана значительная работа[8]. В частности, были проведены общие собрания сотрудников милиции, уделено более пристальное внимание вопросу мобилизации общественности для усиления охраны общественного порядка, улучшены условия работы органов милиции – активизирована реконструкция административных зданий, сотрудникам создавались нормальные жилищные условия. В целях укомплектования кадрами органов милиции был проведен отбор работников из числа партийного, советского актива и демобилизованных воинов Советской армии, что также способствовало улучшению кадрового состава всех органов милиции, в том числе и подразделений ГАИ.

Проводимые мероприятия отчасти возымели свой эффект, однако было установлено, что наибольшее количество автодорожных происшествий по итогам III квартала 1954 г. было допущено водителями, имеющими автотранспорт в личном пользовании, в дорожно-транспортных происшествиях с их участием пострадали 47 чел., из них 14 погибли[9].

1955 г. в Ворошиловградской области также был отмечен значительным количеством дорожно-транспортных происшествий, о чем сообщал начальник управления милиции региона в докладной записке от 31 января 1956 г. № 07/221 секретарю обкома КПУ «О состоянии дорожных проис-

[1] ЛГУ. Ф. П-179. Оп. 5. Д. 400. Л. 74.
[2] Там же. Л. 73.
[3] Там же. Д. 436. Л. 29.
[4] Донецкий государственный архив (ДГА). Ф. П-903. Оп. 2. Д. 5. Л. 156.
[5] ЛГА. Ф. П-179. Оп. 5. Д. 517. Л. 50.
[6] ДГА. Ф. Р-2794. Оп. 2. Д. 139. Л. 416–417.
[7] ЛГА. Ф. П-179. Оп. 5. Д. 436. Л. 27.
[8] Там же. Д. 483. Л. 1–6.
[9] Там же. Д. 436. Л. 31.

шествий и мерах борьбы с ними на местном транспорте по Ворошиловградской области за 1955 год». В отчетный период в городах, населенных пунктах и на дорогах региона произошло 221 дорожное происшествие, пострадали 286 чел., из них 114 погибли.

Детальный анализ дорожно-транспортных происшествий по видовой принадлежности выглядел следующим образом: аварий – 76 случаев (130 чел. пострадали, из них 37 погибли), наездов – 97 (106 пострадавших, из них 45 погибших), несчастных случаев – 48 (пострадали 50 граждан, из которых 32 погибли).

Тем не менее с помощью принятых мер организационно-правового характера удалось снизить количество дорожных происшествий в 1955 г., по сравнению с 1954 г., на 42 случая, уменьшилось пострадавших на 68 чел., погибших на 24. Однако общая ситуация все же продолжала оставаться стабильно напряженной. В частности, это касалось таких видов происшествий, как несчастные случаи и наезды на людей, которые составляли 61,1 % от всех происшествий.

Пренебрежительное отношение к правилам безопасности дорожного движения как лицами, пользующимися механическим транспортом, так и пешеходами – вот основная причина возникновения несчастных случаев и наездов.

На состояние аварийности в значительной степени влияло и то, что руководители автомобильных хозяйств не инструктировали в достаточной степени лиц, работающих на автотранспорте, не разъясняли детально рабочим на предприятиях, которые связаны с автотранспортом, о необходимости соблюдения техники безопасности во время движения[1].

В рамках административной деятельности в 1955 г. за совершенные нарушения правил уличного движения были привлечены к ответственности 23 784 водителя, в частности: лишены прав на управление 2 034 чел., оштрафованы 9 148 чел. на общую сумму 264 925 руб., заменен 9 291 талон, оштрафованы 642 руководителя автохозяйств на общую сумму 49 120 руб. В рамках применения мер уголовной ответственности осуждены за аварии на различные сроки лишения свободы 75 чел.

В заключение отметим, что не только применяемые меры административного и уголовно-правового характера, но и широкий комплекс превентивных мероприятий влияли на безопасность дорожного движения, обеспечивали стабилизацию ситуации на автотранспорте. Например, в целях предупреждения дорожных происшествий и нарушений правил безопасности движения в 1955 г. было проведено 194 радиопередачи, 712 киносеансов по безопасности движения, изготовлено 6 000 экземпляров плакатов, 85 панно. Кроме того, было проведено 42 городских и районных собрания среди водителей и руководителей автохозяйств, на которых присутствовали 3 892 чел. Для более полного охвата руководителями автохозяйств была подготовлена информация о нарушениях правил движения водителями, которая была направлена адресатам в количестве 2 622 ед.[2]

Естественно, что проведенная работа не могла в полной мере охватить всех участников дорожного движения и устранить все причины аварийности на дороге. Однако в тех непростых исторических условиях данная организационно-правовая деятельность имела немаловажное значение и позволила достигнуть значительного позитивного результата и подтвердить высокие возможности пропаганды в деле предотвращения дорожно-транспортного травматизма, необходимости постоянного повышения уровня правосознания граждан в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

Кроме того, в целях снижения травматизма и несчастных случаев с гражданами на местном транспорте начальник областной милиции вышел с ходатайством к Ворошиловградскому обкому об оказании должного содействия: обязать партийные, советские, профсоюзные и хозяйственные организации провести мероприятия организационного и технического характера: наведение образцовой дисциплины; пропаганда правил движения среди населения через профсоюзные, комсомольские и другие общественные организации; проведение городских и районных собраний актива авторабочников, на которых поставить вопрос о безопасности движения пешеходов и транспорта; обеспечение дорог и городов средствами регулирования уличного движения (дорожно-сигнальными знаками, светофорами, указателями переходов и световой сигнализацией согласно требованиям утвержденного ГОСТа)[3]. Данные меры представляли собой целый комплекс превентивных мероприятий не только с целью стабилизации ситуации, но и предотвращения дорожно-транспортных происшествий впредь, минимизации самих причин аварийности, а также вовлечения всего административно-партийного аппарата в обеспечение безопасности дорожного движения на территории региона в обозначенных хронологических рамках.

В целом приведенные примеры организационно-правовой деятельности органов власти на территории Ворошиловградской области в 1953–1955 гг. по обеспечению безопасности дорожного движения еще раз подтвердили необходимость должного уровня организационно-правового и материально-технического обеспечения мероприятий по противодействию аварийности на автотранс-

[1] ЛГА. Ф. П-179. Оп. 5. Д. 517. Л. 39–40.

[2] Там же. Л. 46–47.

[3] Там же. Л. 48.

порте. Даже в современных условиях данный исторический опыт не утрачивает своей актуальности, поскольку, как свидетельствует практика, усилий одних правоохранительных органов недостаточно из-за специфики и глубины проблематики, необходимости охвата всех социальных групп и подавляющего большинства граждан, что и должно стать предметом дальнейших научных изысканий.

Список цитируемых источников

Гусев, Питеркин 2001 – Государственная автомобильная инспекция. Санкт-Петербург и Ленинградская область / авт.-сост.: Р. А. Гусев, И. В. Питеркин. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Лики России, 2001. 167 с.

Деринг 2011 – История томской ГИБДД: дайджест по краеведению / сост. Т. В. Деринг. Томск : [б. и.], 2011. 92 с.

Охріменко 2007 – Вартові шляхів Сумщини : збірник матеріалів / головн. ред. В. В. Охріменко. Київ : Фоліграант, 2007. 260 с.

Постников 2006 – На страже дорог: история ГАИ–ГИБДД УВД Курской области / сост. Н. А. Постников ; под ред. А. В. Нарыкова. Курск : [б. и.], 2006. 304 с.

Сегодня происшествий нет 1983 – Сегодня происшествий нет: страницы истории ГАИ УВД Волгоградского облисполкома. Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1983. 208 с.

Савченко 2006 – Служу Отечеству – служу Кубани / сост. Т. Л. Савченко ; под общ. ред. Г. М. Казюлина. Краснодар : [б. и.], 2006. 144 с.

Татаринов 1982 – *Татаринов В. Ф.* Знакомьтесь, ГАИ. Ижевск : Удмуртия, 1982. 72 с.

Тишаков 2019 – *Тишаков М. П.* Деятельность местных органов власти Донбасса по обеспечению безопасности дорожного движения в 1952–1956 гг. // Вестник Донецкого национального университета. Серия Е: Юридические науки. 2019. № 1. С. 89–96.

Шевкунов, Саенко, Чекмак 2011 – *Шевкунов В., Саенко В., Чекмак И.* История Госавтоинспекции города Мариуполя. История, очерки, воспоминания. Мариуполь : Новый Мир, 2011. 232 с.

References

Dering, T. V. (compl.) (2011), *Istoriya tomskoi GIBDD: daidzhest po kraevedeniyu* [History of Tomsk traffic police: digest on local history], s. n., Tomsk, Russia.

Gusev, R. A. and Piterkin, I. V. (compl.) (2001), *Gosudarstvennaya avtomobil'naya inspektsiya Sankt-Peterburg i Leningradskaya oblast', 2-e izd., pererab. i dop.* [State automobile inspection. St. Petersburg and the Leningrad region, 2nd ed., rev. and enl.], Liki Rossii, St. Petersburg, Russia.

Okhrimenko, V. V. (ed.) (2007), *Vartovi shlyakhiv Sumshchini: zbirnik materialiv* [The Guards of the roads of Sumi region, collection of materials], Foligrant, Kiev, Ukraine.

Postnikov, N. A. (compl.) (2006), *Na strazhe dorog: istoriya GAI–GIBDD UVD Kurskoi oblasti* [Guard roads: the history of the traffic police–traffic police of the Internal Affairs Directorate of Kursk region], in Narykov, A. V. (ed.), s. n., Kursk, Russia.

Savchenko, T. L. (compl.) (2006), *Sluzhu Otechestvu – sluzhu Kubani* [Serving the Fatherland – serving the Kuban], in Kazyulin, G. M. (ed.), s. n., Krasnodar, Russia.

Segodnya proisshestvii net: Stranitsy istorii GAI UVD Volgogradskogo oblispolkoma (1983) [There are no incidents today: pages of the history of the traffic police of the Internal Affairs Directorate of Volgograd regional executive committee], Nizhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, Volgograd, USSR.

Shevkunov, V., Saenko, V. and Chekmak, I. (2011), *Istoriya Gosavtoinspektsii goroda Mariupolya. Istoriya, ocherki, vospominaniya* [The history of the traffic police of the city of Mariupol. History, essays, memories], Novyi Mir, Mariupol', Ukraine.

Tatarinov, V. F. (1982), *Znakom'tes', GAI* [Meet the traffic police], Udmurtia, Izhevsk, USSR.

Tishakov, M. P. (2019), "Activities of local authorities of Donbass to ensure road safety in 1952–1956", *Vestnik Donetskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya E " Yurisprudentsiya"*, no. 1, pp. 89–96.

Информация об авторе

Тишаков Максим Петрович,
кандидат юридических наук, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону, Российская Федерация; TMaxim7@yandex.ru

Information about the author

Tishakov Maksim P.,
PhD (law), Rostov Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of the Russian Federation) in Rostov-on-Don, the Russian Federation; TMaxim7@yandex.ru

Для цитирования

Тишаков М. П. Обеспечение безопасности дорожного движения на территории Ворошиловградской области в 1953–1955 гг. // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 227–233.

For citation

Tishakov, M. P. (2020), "Ensuring traffic safety in the territory of Voroshilovgrad region in 1953–1955", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 227–233.

УДК 340.1

З. Д. Хабиева[1]
[1] *Чеченский государственный университет, Грозный, Российская Федерация*

Z. D. Khabieva[1]
[1] *Chechen State University, Grozny, the Russian Federation*

Юридический процесс: научные подходы к понятию

Legal process: scientific approaches to the concept

Ключевые слова: юридический процесс; признаки; подходы; сущность; юридическая технология; юридическая деятельность; юридическое дело.

Аннотация. В статье излагаются научные подходы к определению понятия юридического процесса. В качестве методологического аспекта использован метод аналитического обзора точек зрения по проблеме. Это позволило автору установить сущность юридического процесса в современном его понимании, а также предложить следующее авторское определение юридического процесса: это системно-структурная и комплексная правовая категория, включающая в себя установленный законом порядок осуществления управомоченными субъектами юридической деятельности в процессуальной форме и с применением юридической технологии, направленной на законное, обоснованное и справедливое рассмотрение и разрешение юридических дел, выражающаяся в принятии итогового процессуально-правового акта.

Key words: legal process; characteristics; approaches; essence; legal technology; legal activity; legal affairs.

Abstract. The article sets out scientific approaches to defining the concept of legal process. The methodological aspect is the analytical review of views on the problem. This made it possible to establish the essence of the legal process in the modern sense of it, as well as to propose an author's definition of the legal process as a system-structural and complex legal category, which includes the procedure established by law for the exercise by authorized entities of legal activities in procedural form and using legal technology, aimed at lawful, reasonable and fair consideration and resolution of legal cases expressed in the adoption of the final procedural legal act.

Выбор темы настоящего исследования не случаен, он обусловлен рядом следующих обстоятельств.

Во-первых, в сферу наших научных интересов входят вопросы, связанные с изучением юридического процесса, в частности, его понятия (определения), сущности, содержания, стадийности и т. д.

Во-вторых, несмотря на, прямо скажем, обилие научных трудов, посвященных юридическому процессу, проблематика, связанная с его пониманием (понятием, определением, дефинированием и т. д.), по-прежнему остается дискуссионной, во многом детерминированной масштабностью, широкоформатностью этой правовой категории (а в чем-то и правового явления, правового образования и т. п.).

Не случайно П. П. Ланг отмечает: «Юридический процесс представляет собой многогранное и многомерное явление, относящееся ко всем отраслям права, имеет различные проявления, формы существования» [Ланг 2013, с. 49].

В связи с вышеизложенным и исходя из замысла настоящей статьи, наше исследование будет ограничено рамками рассмотрения (установления) только понятия юридического процесса. Причем в нашем представлении понятие – это и природа, и сущность, и содержание, и, конечно же, дефиниция юридического процесса.

Целесообразно заметить, что в философии понятие определяется как форма отражения мира путем языкового обобщения предметов и явлений под общим названием, термином. В понятиях аккумулируются полученные в ходе научных исследований знания; формирование понятия есть выделение и изучение существенных сторон действительности. «Любая единица конкретного может быть с большей полнотой описана при помощи совокупности понятий, отражающих их различные стороны»[1].

Следуя в избранном направлении, проанализируем ряд точек зрения, в том числе представителей отраслевых наук, относительно понятия юридического процесса.

Характерно, что в правовой науке вообще и в теории права, в частности, до сих пор отсутствуют унифицированное, общепризнанное и устоявшееся понятие юридического процесса, понимание его сущности и содержания. И это, несмотря на важность этой правовой категории для повышения эффективности обеспечения прав и свобод человека и гражданина, правового регулирования общественных отношений, укрепления законности и правопорядка.

[1] *Войшвилло Е. К.* Понятие // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М. : Республика, 2001. С. 437.

© Хабиева З. Д., 2020

В то же время необходимость дальнейшей разработки понятия юридического процесса никем не оспаривается, даже несмотря на уже имеющееся множество научных работ, посвященных данной проблеме [Баландин 1998; Бахрах 2000; Бахрах 2009; Лазарева 2004; Лукьянова 2003; Павлушина 2005a; Павлушина 2005b; Панова 1998a; Панова 1998b; Панова 2000].

В числе таких исследований особо следует выделить новую работу В. Н. Протасова, в которой основное внимание уделено проблемам теории процессуального права и заметное место отведено юридическому процессу [Протасов 2020].

Однако проблема освоения теории юридического процесса по-прежнему существует, и ее актуальность вызывает по многим своим направлениям дискуссии. При этом центральной темой остается вопрос о том, «является ли теория юридического процесса только теоретическим обобщением или же это практически значимое знание, способное подсказать пути совершенствования правовой системы России, применительно ко всем видам юридической деятельности, которые с процессуальной, процедурной стороны и призвана исследовать теория юридического процесса» [Баландин 1998, с. 15]. Думается, в этом вопросе ответ может быть только положительным. Теория юридического процесса в своем потенциале может дать ответы и на другие вопросы, имеющие как научную, так и практическую значимость.

О сложившейся ситуации относительно юридического процесса пишут А. Е. Мурзин и А. А. Павлушина, считая, что, с одной стороны, такая правовая категория, как юридический процесс, «несмотря на достаточно частое упоминание в научной литературе, представляется скорее общеупотребительным научным штампом, нежели четко выверенной научной категорией с общим, единым признаваемым всеми научным содержанием. С другой стороны, исследование ее представляет первостепенную важность как для теории права, так и для практики правоприменительных отношений отечественного законодателя последнего времени, ибо именно последнее десятилетие отечественной практики правового регулирования можно считать революционным в деле трансформации процессуальной части российской правовой системы» [Мурзин, Павлушина 2010].

Такая оценка, разумеется, не есть истина в последней инстанции, особенно в части сравнения понятия юридического процесса с «научным штампом», однако по своей сути мнение этих авторов о его важности заслуживает внимания.

Процессуальная часть юридического процесса – это, конечно же, и процессуальное право, о котором М. А. Гурвич писал так: «Процессуальное право по каждому делу, как правило, в полном объеме устанавливает для процесса целостную абстрактную форму» [Гурвич 1972, с. 31]. Представляется, что в этом случае речь идет о разрешении юридических дел, а «целостная абстрактная форма» для процесса есть не что иное, как юридический процесс либо процессуальная форма.

Со своей стороны подчеркнем, что процессуальное право лежит в основе юридического процесса. Оно – его стержень, регламент. Теория юридического процесса, которая, по мнению А. А. Павлушиной, должна составлять самостоятельную часть общей теории права [Павлушина 2005a, с. 3], пока не дала ответ на один из главных вопросов о том, что понимается под юридическим процессом. В юриспруденции имеется много разноплановых определений юридического процесса, в зависимости от узкого или широкого подходов к его пониманию.

Если говорить о так называемом широком подходе к юридическому процессу, то его сторонники выходят за рамки уголовного, гражданского и т. п. процессов, считая, в основном, что юридический процесс – это вся (всякая) правоприменительная деятельность, облаченная в процессуально-процедурную форму.

Так, в свое время было высказано следующее мнение: «Юридический процесс – это комплексная система органически взаимосвязанных правовых форм деятельности уполномоченных органов государства, должностных лиц, а также заинтересованных в разрешении различных юридических дел иных субъектов права, которая: а) выражается в совершении операций с нормами права в связи с разрешением определенных юридических дел; б) осуществляется уполномоченными органами государства и должностными лицами в пользу заинтересованных субъектов права; в) закрепляется в соответствующих правовых актах – официальных документах; г) регулируется процедурно-процессуальными нормами; д) обеспечивается соответствующими способами юридической техники» [Горшенев 1985, с. 8]. И такой подход является классическим при определении понятия юридического процесса в его широком значении, и его придерживаются многие ученые современности.

Например, И. В. Панова считает, что юридический процесс в качестве разновидности социального выступает как «закрепленная в законодательстве форма регулирования и юридической деятельности (действий), и правовых документов (актов), включающих материалы судебных процессов и описание правовых процедур» [Панова 1998b, с. 22]. В этом случае автор, наряду с широким пониманием юридического процесса, упоминает и судебный процесс, т. е. фактически судопроизводство.

По этому поводу заметим, что законодателем употребляется термин «судопроизводство», а понятие «процесс» используется лишь в рамках теоретических исследований. Их соотношение раскрывается в ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации и ч. 3 ст. 1 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»[1], из анализа которых следует, что судебная власть в Российской Федерации осуществляется посредством судопроизводства. Следовательно, судопроизводство – это установленный законом определенный порядок осуществления правосудия. Процесс же можно представить как форму существования судопроизводства, при этом судопроизводство реализуется только в форме процесса; процесс – синоним судопроизводства[2].

Такой подход, по определению П. П. Серкова, называется судопрозводственным, и вот что в одной из своих статей по этому поводу он пишет: «Приведенный контекст судопроизводственного процесса позволяет сделать стратегические выводы для уяснения сущности юридического процесса как специализированного института правового регулирования» [Серков 2015, с. 94]. Из изложенного можно сделать вывод: автор фактически уравновешивает понятия юридического и судопроизводственного процессов, из которых сущность первого им определяется как специализированный институт правового регулирования.

Оставив в стороне упомянутое соотношение правового регулирования и юридического процесса, считаем, что судопроизводственный (допуская его наличие) процесс – это своеобразный вид юридического процесса в целом, и только.

В свою очередь, Ю. А. Тихомиров полагает, что юридический процесс может быть как правотворческим, так и правоприменительным [Тихомиров 2007, с. 319]. То есть, если следовать мысли ученого, речь идет о широком формате, ибо юридический процесс имеет место быть как в правотворчестве, так и в правоприменении.

Д. Н. Бахрах также придерживается широкого понимания юридического процесса, но в своем подходе несколько сужает его цель, считая, что «юридический процесс – это властная деятельность уполномоченных субъектов права, осуществляемая в юридической процессуальной форме с целью принятия (изменения, отмены) или исполнения правовых актов» [Бахрах 2009, с. 83]. Однако заметим, что прежде чем «выйти» на принятие правового акта, необходимо рассмотреть и разрешить юридическое дело, т. е. осуществить юридический процесс.

В работе по теории процессуального права Е. Г. Лукьянова свидетельствует о существовании в науке нескольких сложившихся подходов к определению юридического процесса и процессуального права: «а) это юрисдикционная и иная охранительная деятельность органов правосудия; б) это юрисдикционная и иная охранительная деятельность уполномоченных органов государства и других субъектов; в) это вся правоприменительная и правотворческая деятельность компетентных органов государства; г) это процесс реализации материально-правовых норм безотносительно к формам; д) это вся юридическая деятельность государственных органов» [Лукьянова 2003, с. 40–41].

Со своей стороны заметим, что перечень таковых (подходов) можно было бы и продолжить, но это будет только еще одним подтверждением широты и многозначности понятия юридического процесса (к сожалению, Е. Г. Лукьянова не продемонстрировала своего, авторского, понимания юридического процесса).

Приведем еще одно определение юридического процесса, но уже как деятельности, автор которого пишет: «Юридический процесс – это регламентируемая нормами права целенаправленная, динамическая деятельность любого субъекта права, имеющего права и обязанности, носящая комплексный характер и представляющая собой совокупность последовательных взаимосвязанных правовых процедур, действий, возникающих по поводу защиты прав, охраняемых законом интересов. Таким образом, предложенные и проанализированные признаки юридического процесса и его социальное значение составляют сущность данного правового явления. Юридический процесс включает в себя ряд юридических процедур и представляет более широкое по объему понятие» [Куксин 2008, с. 78]. Обратим внимание на то, что в этом случае понятие сущности юридического процесса определяется через анализ его признаков, что, с нашей точки зрения, методологически оправданно и верно, как и продемонстрированный вышеназванным автором деятельностный подход к определению этого процесса.

В науке высказано также мнение о том, что «юридический процесс – это осуществляемая в рамках нормативно установленных и поддерживаемых с помощью государственно-властного принуждения и системы социальных гарантий и правил совокупность последовательно сменяющих друг друга действий, направленных на установление или реализацию норм материального права» [Грешнова 2015, с. 31].

При таком подходе упор сделан на совокупность последовательно сменяющих друг друга действий, что, полагаем, дает возможность гово-

[1] Российская газета. 1997. 6 янв.

[2] Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М. : Инфра-М, 2004.

рить уже о стадийности юридического процесса как одном из его признаков и одновременно содержательном элементе.

Однако обратим внимание на следующее обстоятельство: несмотря на современную распространенность «широкого» подхода к пониманию юридического процесса, некоторые ученые его не признавали изначально. Например, А. М. Васильев утверждал, что «широкое понимание юридического процесса вообще невозможно, так как каждый традиционный процесс (гражданский, уголовный) имеет свою специфику и исключает какую-либо преемственность другими сферами государственной деятельности» [Васильев 1980, с. 4].

Против концепции широкого понимания юридического процесса выступал и М. С. Строгович, называя ее «искусственной конструкцией». Он считал ее главным недостатком безграничное расширение понятий «процессуальная деятельность», «процессуальная форма», «процессуальное право». По его мнению, при таких условиях под понятия «процессуальное право» и «юридический процесс» смогут подойти различные по своему содержанию явления [Строгович 1979, с. 62–63].

Не разделял широкого понимания процесса и П. Ф. Елисейкин, полагая, что «юридический процесс есть лишь правоохранительная деятельность компетентных органов государства – его юрисдикционных органов» [Елисейкин 1979, с. 37].

В рамках настоящего исследования привлечем внимание к одному из суждений известного ученого-процессуалиста В. Д. Сорокина о том, что «процесс – это не любая деятельность, а *исключительно* (курсив наш. – *З. Х.)* юридическая, в силу чего требующая юридического регулирования при помощи процессуальных норм…». При этом он считает юридический процесс юридической категорией [Сорокин 1979, с. 63].

Современное состояние науки в изучаемом сегменте К. Б. Иващенко охарактеризовала следующим образом: «При всей привлекательности для общей теории права идеи единого общего юридического процесса, вбирающего в себя все виды процессов и процедур в праве, следует все же поддержать точки зрения сторонников “узкого” понимания юридического процесса» [Иващенко 2018, с. 129].

В русле изложенного находится и оригинальная точка зрения В. Н. Протасова: «Итак, в отличие от широкого подхода к процессу, где: юридическим процессом считается любое процедурно-урегулированное правоприменение (и позитивное, и юрисдикционное); отождествляются процесс и процедура; и в то же время оставляются за пределами процедуры (процесса) процедурные отношения, не опосредующие правоприменение; я полагаю процесс разновидностью правовой процедуры. А именно – той разновидностью, которая реализует охранительные правоотношения… Такой подход в целом позволяет: сохранить исторически сложившееся понятие процесса; провести четкую грань между материальным и процессуальным в правовой системе; определить причины и характер особенностей, присущих процессуальной и материальной процедурам; проанализировать методологические основания кодификации процедурных норм; избежать терминологической путаницы» [Протасов 2020, с. 69]. Не вступая в полемику с этим ученым по поводу его видения юридического процесса, вместе с тем считаем, что юридический процесс не является разновидностью правовой процедуры, скорее, наоборот; но это уже другая, пока неразрешенная, проблема и тема отдельного исследования.

В настоящей статье не ставилась цель максимального охвата всех имеющихся точек зрения относительно определения понятия юридического процесса (да это и практически невозможно). Аналитический обзор научных подходов к определению понятия юридического процесса свидетельствует о том, что их разнообразие, разночтение и т. п. не позволяют прийти к единому знаменателю – выработать его унифицированное определение.

Впрочем, думается, это вряд ли целесообразно и продуктивно; каждый автор вправе высказать любую, на его взгляд, обоснованную, точку зрения по проблеме, что в полной мере относится и к настоящему исследованию.

Прежде, чем изложить свой вариант понятия юридического процесса, отметим и его признаки.

Так, анализируя мнения ученых, Н. А. Грешнова выделяет следующие основные признаки юридического процесса: «…наличие последовательно сменяющих друг друга стадий, направленных на достижение конечного результата; наличие субъекта, обладающего государственно-властными полномочиями; динамичный характер процесса; нормативное установление и закрепление юридического процесса в соответствующих нормативных актах (правовая природа процесса)» [Грешнова, с. 41–42]. В целом можно согласиться с названными этим автором признаками юридического процесса, однако вряд ли в качестве признака следует называть «динамический характер процесса». Общеизвестно, что процесс – это всегда движение, ход событий, действий и т. п., что, кстати, также подтверждается таким, названным самим автором, признаком, как стадиальность.

Вышеперечисленные признаки юридического процесса позволяют заключить, что его сущность прежде всего заключается в деятельности определенных субъектов права, причем в процессуальной форме, управомоченных субъектов и с при-

менением возможностей юридической технологии, направленной на достижение соответствующего результата. То есть, как и большинство ученых, мы являемся сторонниками деятельностного подхода к понятию сущности юридического процесса.

Завершая статью, предлагаем вниманию читателя авторское определение юридического процесса: юридический процесс – это системно-структурная и комплексная правовая категория, включающая в себя установленный законом порядок осуществления управомоченными субъектами юридической деятельности в процессуальной форме и с применением юридической технологии, направленной на законное, обоснованное и справедливое рассмотрение и разрешение юридических дел, выражающаяся в принятии итогового процессуально-правового решения.

Список цитируемых источников

Баландин 1998 – *Баландин В. Н.* Принципы юридического процесса : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 188 с.

Бахрах 2000 – *Бахрах Д. Н.* Юридический процесс и административное судопроизводство // Журнал российского права. 2000. № 9. С. 6–17.

Бахрах 2009 – *Бахрах Д. Н.* Юридический процесс: понятие, особенности и виды // Государство и право. 2009. № 7. С. 82–86.

Васильев 1980 – *Васильев А. М.* О правоприменении и процессуальном праве // Проблемы соотношения материального и процессуального права. М.: ВЮЗИ, 1980. С. 4–13.

Горшенев 1985 – Теория юридического процесса / под ред. В. М. Горшенева. Харьков : Вища шк., 1985. 192 с.

Грешнова 2013 – *Грешнова Н. А.* Понятие и общая характеристика юридического процесса (теоретический анализ) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 3(92). С. 39–44.

Грешнова 2015 – *Грешнова Н. А.* Принцип состязательности в юридическом процессе России (проблемы теории и практики) : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 228 с.

Гурвич 1972 – *Гурвич М. А.* Основные черты гражданского процессуального правового отношения // Советское государство и право. 1972. № 2. С. 29–36.

Елисейкин 1979 – *Елисейкин П. Ф.* Гипотезы процессуальных норм // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. Ярославль : ЯрГУ, 1979. С. 35–47.

Иващенко 2018 – *Иващенко К. Б.* Соотношение материального и процессуального права в Российском государстве : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 176 с.

Куксин 2008 – *Куксин И. С.* Юридический процесс: сущность и значение // Современное право. 2008. № 6. С. 75–78.

Лазарева 2004 – *Лазарева О. В.* Правовая процедура / под ред. М. И. Байтина. Саратов : СГАП, 2004. 152 с.

Ланг 2013 – *Ланг П. П.* Элементная структура юридического процесса // Вопросы экономики и права. 2013. № 2. С. 49–53.

Лукьянова 2003 – *Лукьянова Е. Г.* Теория процессуального права. М. : Норма, 2003. 240 с.

Мурзин, Павлушина 2010 – *Мурзин А. Е., Павлушина А. А.* Исполнение как стадия юридического процесса. М. : Юрлитинформ, 2010. 168 с.

Павлушина 2005a – *Павлушина А. А.* Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития. Самара : СГЭА, 2005. 478 с.

Павлушина 2005b – *Павлушина А. А.* Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Самара, 2005. 58 с.

Панова 1998a – *Панова И. В.* Административно-юрисдикционный процесс. Саратов : Светопись, 1998. 256 с.

Панова 1998b – *Панова И. В.* Юридический процесс. Саратов: Светопись, 1998. 73 с.

Панова 2000 – *Панова И. В.* Административный процесс в Российской Федерации: понятие, принципы, виды // Правоведение. 2000. № 2. С. 114–126.

Протасов 2020 – *Протасов В. Н.* Общая теория процессуального права. М. : Юрайт, 2020. 186 с.

Серков 2015 – *Серков П. П.* К вопросу о современном понимании юридического процесса // Вестник университета им. О. Е. Кутафина. 2015. № 8. С. 88–98.

Сорокин 1979 – *Сорокин В. Д.* XXV съезд КПСС и вопросы нормотворческого производства в советском административном процессе // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. Ярославль : ЯрГУ, 1979. С. 61–67.

Строгович 1979 – *Строгович М. С.* Судебное право: предмет, система, наука // Советское государство и право. 1979. № 12. С. 58–65.

Тихомиров 2007 – *Тихомиров Ю. А.* Управление на основе права. М. : Формула права, 2007. 484 с.

References

Balandin, V. N. (1998), Principles of legal process, Ph. D. Thesis, theory of law, history of law and state, history of legal and political doctrines, Saratov State Economics Academy, Saratov, Russia.

Bakhrakh, D. N. (2000), "Legal process and administrative proceedings", *Zhurnal rossiiskogo prava,* no. 9, pp. 6–17.

Bakhrakh, D. N. (2009), "Legal process: concept, features and types", *Gosudarstvo i pravo,* no. 7, pp. 82–86.

Greshnova, N. A. (2013), "Concept and general characteristics of the legal process (theoretical analysis)", *Vestnik Saratovskoi yuridicheskoi akademii,* no. 3(92), pp. 39–44.

Greshnova, N. A. (2015), The principle of competition in the Russian legal process (problems of theory and practice), Ph. D. Thesis, theory and history of law and state, history of the doctrines on law and state, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia.

Gurvich, M. A. (1972), "Main features of civil procedural legal relations", *Sovetskoe gosudarstvo i pravo,* no. 2, pp. 29–36.

Gorshenev, V. M. (1985) (ed.), *Teoriya yuridicheskogo protsessa* [The theory of the legal process], Vishcha shkola, Khar'kov, USSR.

Eliseikin, P. F. (1979), "Hypotheses of procedural rules", *Aktual'nye problemy yuridicheskogo protsessa v obshchenarodnom gosudarstve* [Current problems of the legal process in the national state], YarGU, Yaroslavl, USSR, pp. 35–47.

Ivashchenko, K. B. (2018), Correlation of substantive and procedural law in the Russian state, Ph. D. Thesis, theory and history of law and state, history of the doctrines on law and state, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia.

Kuksin, I. S. (2008), "Legal process: essence and meaning", *Sovremennoe pravo,* no. 6, pp. 75–78.

Landg, P. P. (2013), "Element structure of the legal process", *Voprosy ekonomiki i prava,* no. 2, pp. 49–53.

Lazareva, O. V. (2004), *Pravovaya protsedura* [Legal procedure], in Baitin, M. I. (ed.), SGAP, Saratov, Russia.

Luk'yanova, E. G. (2003), *Teoriya protsessual'nogo prava* [Theory of procedural law], Norma, Moscow, Russia.

Murzin, A. E. and Pavlushina, A. A. (2010), *Ispolnenie kak stadiya yuridicheskogo protsessa* [Execution as a stage of legal process], Yurlitinform, Moscow, Russia.

Panova, I. V. (1998a), *Administrativno-yurisdiktsionnyi protsess* [Administrative and jurisdictional process], Svetopis', Saratov, Russia.

Panova, I. V. (2000), "Administrative process in the Russian Federation: concept, principles, types", *Pravovedenie,* no. 2, pp. 114– 126.

Panova, I. V. (1998b), *Yuridicheskii protsess* [Legal process], Svetopis', Saratov, Russia.

Pavlushina, A. A. (2005a), *Teoriya yuridicheskogo protsessa: itogi, problemy, perspektivy razvitiya* [Theory of legal process: results, problems, development prospects], SGEL, Samara, Russia.

Pavlushina, A. A. (2005b), Theory of legal process: problems and prospects of development, Abstract of Ph. D. dissertation, theory and history of law and state, history of the doctrines on law and state, Samara State Economics Academy, Samara, Russia.

Protasov, V. N. (2020), *Obshchaya teoriya protsessual'nogo prava* [General theory of procedural law], Yurait, Moscow, Russia.

Serkov, P. P. (2015), "On the issue of modern understanding of the legal process", *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina,* no. 8, pp. 88–98.

Sorokin, V. D. (1979), "XXV Congress of the CPSU and issues of normative production in the Soviet administrative process", *Aktual'nye problemy yuridicheskogo protsessa v obshchenarodnom gosudarstve* [Current problems of the legal process in the national state], YarGU, Yaroslavl, USSR.

Strogovich, M. S. (1979), "Judicial law: subject, system, science", *Sovetskoe gosudarstvo i pravo,* no. 12, pp. 58–65.

Tikhomirov, Yu. A. (2007), *Upravlenie na osnove prava* [Management on the basis of law], Formula prava, Moscow, Russia.

Vasil'ev, A. M. (1980), "On law enforcement and procedural law", *Problemy sootnosheniya material'nogo i protsessual'nogo prava* [Problems of correlation of substantive and procedural law], VYuZI, Moscow, USSR, pp. 4–13.

Информация об авторе

Хабиева Заира Докуевна,
Чеченский государственный университет, Грозный, Российская Федерация;
zaira.khabieva@gmail.ru

Information about the author

Khabieva Zaira D.,
Chechen State University, Grozny, the Russian Federation; zaira.khabieva@gmail.ru

Для цитирования

Хабиева З. Д. Юридический процесс: научные подходы к понятию // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 234–239.

For citation

Khabieva, Z. D. (2020), "Legal process: scientific approaches to the concept", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 234–239.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

POLITICAL AND LEGAL SYSTEMS OF FOREIGN COUNTRIES

УДК 342(430)(44)

Э. Р. Бирюкова[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

E. R. Biryukova[1]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation*

Оценка эффективности деятельности государственных служащих в странах Европы (на примере Германии и Франции)

Evaluating the effectiveness of civil servants' activities in Europe (for example, Germany and France)

Ключевые слова: государственная служба; государственный служащий; эффективность; оценка деятельности; Германия; Франция.

Аннотация. Автор рассматривает вопросы эффективности деятельности государственных служащих в странах Европы; детально анализирует основные способы и методы оценки их деятельности. Особое внимание уделяется статусу государственного служащего в Германии и Франции, методике проведения оценки эффективности деятельности государственных служащих и роли руководителя государственного органа в вопросах успешности достижения поставленных целей и повышения результативности выполнения поставленных перед подчиненными задач.

Key words: civil service; civil servant; efficiency; performance evaluation; Germany; France.

Abstract. The author explores the issues of efficiency of civil servants' activities in European countries; analyzes in detail the main ways and methods of evaluating their performance. Particular attention is paid to the status of civil servants in Germany and France, methods for assessing the effectiveness of civil servants and the role of the head of a public authority in the success of achieving goals and improving the performance of tasks assigned to subordinates.

В современном мире институт государственной службы претерпевает значительные изменения, направленные на то, чтобы взаимодействие населения и государственных служащих стало более простым и открытым [Лесина, Чернов 2018].

Большинством стран уже накоплен опыт применения на практике способов оценки эффективности деятельности государственных служащих с использованием различных методик. Качественная кадровая система страны является важным и необходимым фактором для реализации целей и задач, стоящих перед современным обществом и государством в целом. Она должна быть построена таким образом, чтобы оценивать вклад каждого государственного служащего в достижение государственных и общественных целей.

В 70-е гг. прошлого столетия в странах Европы заработная плата государственных служащих была ниже, нежели у лиц, работающих в производственной сфере, в связи с чем встал вопрос о повышении заработной платы государственным служащим. Однако вначале необходимо было найти ресурсы, за счет чего повысить заработную плату высококвалифицированным государственным служащим и, соответственно, направить их деятельность на повышение эффективности всей государственной службы. Именно в это время появилось новое направление государственного управления, целью которого стало формирование денежного содержания государственного служащего в зависимости от результативности выполняемой им работы.

KPI (Key Performance Indicators) – ключевые показатели эффективности и результативности деятельности сотрудника на пути достижения поставленных перед ним целей и задач. Создателем системы KPI принято считать американского ученого Питера Друкера, который предложил рассматривать систему оценки эффективности и результативности деятельности сотрудников через определенную систему показателей. Современная система KPI включает в себя множество управленческих концепций.

Основными понятиями системы KPI являются результативность и эффективность. С одной стороны, это показатель способности сотрудника работать на результат, а с другой – это соотношение полученного результата и понесенных затрат в процессе достижения целей.

Успешность достижения целей любой организации и государства в целом непосредственно зависит от руководителя. Именно руководитель должен организовать работу таким образом, чтобы его подчиненные результативно выполняли возложенные на них обязанности. Личный вклад руководителя в решение поставленных задач и достижение результата выделить сложно, однако, учитывая возложенные на него обязанности (организация и контроль деятельности подчиненных, принятие управленче-

© Бирюкова Э. Р., 2020

ских решений, управление информационными потоками, решение комплексных вопросов и т. д.), его роль является определяющей.

Разработка действенной модели оценки эффективности деятельности государственных служащих как в зарубежных странах, так и в России способна обеспечить определенную самостоятельность в процессе принятия решений органами государственной власти.

В настоящей статье рассмотрим способы оценки эффективности деятельности государственных служащих в странах Европы на примере Германии и Франции.

Германия является наиболее ярким примером государства с федеральным типом государственного управления, для которой характерна тесная взаимосвязь административной и политической сфер жизни. Чиновничий аппарат Германии представляет собой группу привилегированных чиновников, компетентность и финансовая самостоятельность которых позволяют им продвигаться и достигать высот в политической сфере. Проводя анализ положения дел в сфере государственной службы стран Европы, можно увидеть, что государственная служба Германии – это предпосылка для успешной политической карьеры, а не альтернатива ей.

Сегодня в Германии отсутствует понятие «государственная служба», а для объединения всех чиновников, выполняющих общегосударственные задачи, используется термин «публичная служба». Данный термин вошел в систему государственного управления Германии, определяющей круг лиц, выполняющих свою профессиональную деятельность по решению различного рода публичных дел.

Особый статус государственного служащего в Германии обусловил специфику подготовки будущих сотрудников государственной службы. Чиновник – представитель особого сословия. Главную роль в системе подготовки кадров играет Федеральная академия государственного управления Министерства внутренних дел.

Порядок продвижения по службе в Германии строго определен на законодательном уровне и основывается на двух основных принципах. Первым принципом является постепенное продвижение, т. е. продвижение по службе строго по ступеням карьерной лестницы. При соблюдении данного принципа основной упор делается на систему заслуг государственных служащих, отбор наилучших кандидатов для продвижения по службе на основе ежегодных оценок их служебной деятельности. Допускается «перескакивание» той или иной ступени только в исключительных случаях, одобренных Федеральной комиссией по кадрам. Вторым обязательным для соблюдения принципом выступает повышение квалификации, что подтверждается сдачей специального экзамена или специальной проверкой. В Германии повышение квалификации ежегодно проходят около 10 тыс. государственных служащих. Данная процедура представляет собой определенный сложный алгоритм, основной упор в котором делается на формировании особого образа мышления чиновничьего аппарата. Применение полученных знаний на практике – главная задача обучения.

В процессе продвижения по службе особое место занимает статус государственного служащего. В соответствии с Федеральным законом о чиновнике от 14 июля 1953 г. чиновник принимает на себя обязанности политической верности, т. е. служения интересам народа, во благо всего общества, а не интересам партии.

Исторически сложилось так, что чиновник в Германии – это слуга, представитель государственных идей. Именно на этом утверждении и основывается система подготовки и продвижения государственных служащих. Несмотря на то, что в соответствии с Конституцией Германии каждый немец имеет равные права на доступ к государственной должности, Федеральный закон о чиновнике 1953 г. устанавливает четкий перечень качеств лиц, претендующих на должность государственной службы: во-первых, государственный служащий должен быть немцем, если в порядке исключения на должность преподавателя университета назначается иностранец, то это не влечет за собой приобретения гражданства Германии, во-вторых, политическая благонадежность, готовность государственного служащего в любое время встать на защиту конституционного строя государства [Василенко 2001].

В 90-е гг. XX в. в Германии была проведена реформа всей системы государственного управления, основной задачей которой явилось введение новой системы управления – управление по результатам.

Новая система оплаты труда государственных служащих начала действовать в 1997 г., а в 2002 г. она была закреплена в Законе о структуре вознаграждения и предусматривала три вида надбавок, которые должны стимулировать государственных служащих на результативную работу:

1) бонусы за результативность, которые начисляются только 15 % сотрудников, что порождает конкуренцию между ними, тем самым повышая эффективность деятельности;

2) «исполнительное пособие» – этот вид надбавок введен с целью поощрения наиболее одаренных сотрудников из числа начинающих специалистов;

3) пособия, выплачиваемые лицам, выполняющим работу по специальным проектам.

Система KPI помогает воздействовать на все уровни государственной службы Германии и пред-

усматривает систему поощрений за хорошую работу [Лесина, Чернов 2018].

Решение о поощрении государственного служащего принимается непосредственным руководством на основании эффективности его деятельности в предыдущем году. Однако до настоящего времени система оплаты труда государственного служащего по результатам так до конца и не принята органами государственной власти. Они убеждены в неправильности и субъективизме оценки труда государственного служащего и, соответственно, незначительности размеров премий.

Контролирует эффективность деятельности государственных служащих система специальных административных судов, в чью компетенцию входят вопросы, касающиеся статуса государственного служащего, порядка назначения на должность и увольнения с нее, оплаты труда и социального обеспечения, а также вопросы назначения пенсий.

Государственный служащий в Германии может быть уволен только по решению суда.

Франция – государство, в котором раньше других европейских стран был окончен процесс централизации власти, вследствие чего произошло отделение государственных органов от общества. Возникла профессиональная бюрократия.

В XIX в. во Франции появилась система найма чиновников на государственную службу на основе конкурса. В этот же период в «больших школах» (Политехнической, Горной, Школе дорог и мостов) начинают проповедовать идеи служения обществу и государственным интересам.

В 1946 г. был принят Закон об общем статусе чиновника, а в 1959 г. принят Ордонанс о генеральном статусе государственных служащих. Однако данные нормативные документы не рассматривают статус таких государственных служащих, как: судьи, сотрудники полиции, военные и сотрудники государственных структур торгового и промышленного характера.

Большое внимание уделяется подготовке кадров государственного аппарата, которая осуществляется в Национальной школе администрации. Основными требованиями к лицам, обучающимся в данном учреждении, являются: наличие высшего образования, возраст до 26 лет, а если это государственный служащий, то не старше 30 лет со стажем работы не менее 5 лет.

Государственные служащие на постоянных должностях находятся под защитой закона, им гарантируется особая защита – защита от незаконных действий администрации.

Система оценки эффективности деятельности государственных служащих появилась относительно недавно. До 1990 г. данная оценка не проводилась вообще, заработная плата не зависела от уровня результативности работы государственных служащих. Позднее, в 2002 г., появился механизм оценки эффективности деятельности государственных служащих – система NBI. Для внедрения NBI каждое министерство должно было составить классификацию всех должностей высшего руководящего уровня [Клищ 2007, с. 83], цель которого:

– повышение гибкости системы карьерного роста на государственной службе;

– развитие в органах власти культуры, ориентированной на результат;

– закрепление подотчетности руководителей и служащих [Василенко 2001].

Во Франции после 2002 г. появился новый особой порядок проведения оценки деятельности государственных служащих, который включал в себя оценочное собеседование и аттестацию.

Собеседование представляет собой механизм контроля за исполнением своих служебных обязанностей.

Для правильности выставления оценки деятельности государственного служащего, перед проведением собеседования, должны быть определены критерии оценки, которые в обязательном порядке будут отражать цели и задачи деятельности органа власти, а также личные результаты работы. Вопросы, задаваемые на собеседовании обязаны выяснить: отношение кандидата на должность к работе, добросовестно ли он выполняет служебные обязанности, есть ли у него интерес и желание к продвижению по службе. Оценочное собеседование позволяет проанализировать критерии и провести сравнение личных результатов с утвержденными в государственном органе целями и задачами его деятельности.

Помимо прочих вопросов, рассматриваются:

1) карьерный рост;

2) повышение квалификации;

3) повышение эффективности государственной службы.

По результатам собеседования непосредственный начальник готовит отчет. Если государственный служащий не согласен с выводами, представленными в отчете, то создается специализированное структурное подразделение – комиссия для повторного собеседования.

Вторым элементом оценки эффективности деятельности государственных служащих во Франции является аттестация, методика проведения которой утверждена с 1959 г. В 2002 г. были приняты поправки и определены направления дополнительного развития процедуры аттестации. Аттестация государственного служащего в соответствии с законодательством Франции проводится один раз в два года. Однако на практике все государственные служащие проходят аттестацию один-два раза в год.

После прохождения аттестации на аттестуемого заполняется бланк аттестации, который вклю-

чает в себя характеристику государственного служащего и выставленную ему оценку. В характеристике государственного служащего отражается его желание эффективно работать, результативность исполнения обязанностей, его профессиональные знания, умения и навыки, инициатива участвовать в дополнительных проектах и желание повышать свою квалификацию.

Оценка выставляется по двадцатибалльной шкале, причем в соответствии с законодательством Франции в каждом департаменте устанавливается своя шкала. Аттестация позволяет ответить на главный вопрос о том, насколько эффективно выполняет свои должностные обязанности государственный служащий.

С 2004 г. на территории Франции стала внедрятся система оплаты труда по результатам. Изначально провели эксперимент в нескольких министерствах, а затем, после положительного опыта, внедрили систему во все органы государственной власти. По результатам оценки эффективности деятельности государственных служащих назначается премия до 20 % годового оклада.

В отличие от Германии, во Франции большое внимание уделяется подготовке государственных служащих и решению не только административных, но и технических задач. Государственные служащие – это лица, готовые и способные не только решать государственные вопросы, но и обладающие высоким уровнем культуры.

Оценка эффективности деятельности государственных служащих из числа руководителей проводится по итогам отчетного периода их непосредственными руководителями по следующим критериям:

1) достижение конечного результата работы;

2) качество работы государственного служащего и подразделения, находящегося в его подчинении;

3) внутриорганизационная культура.

Сегодня в органах государственной власти Франции отсутствует формальный подход к данной процедуре. Необоснованных рекомендаций, устанавливающих связь результата оценки эффективности деятельности государственных служащих с его карьерным продвижением, а также последствиями его неэффективной деятельности, в настоящее время нет [Божья-Воля 2009, с. 92].

Рассматривая вопросы оценки деятельности государственных служащих в зарубежных странах, нужно отметить, что основные различия данной процедуры проявляются в критериях и методах оценки различных категорий государственных служащих, в формальном подходе к результату оценки, а также последствиях такой оценки.

К основным критериям, определяющим эффективность работы государственных служащих Германии, относится в первую очередь достижение целей деятельности государственного органа и задач структурного подразделения, в котором трудится государственный служащий. На второй план выходят личные и деловые качества сотрудника, уровень его профессионализма.

Во Франции выделяют следующие критерии оценки эффективности деятельности государственных служащих:

– достижение целей государственного органа и задач структурного подразделения;

– профессиональный рост и решение задач, связанных с профессиональным развитием государственного служащего;

– качество внутриведомственного финансового менеджмента и управления человеческими ресурсами [Божья-Воля 2011, с. 66].

В настоящее время нет никакого универсального стандартного средства, применяемого для всех категорий государственных служащих, в целях повышения эффективности их работы. Самое главное – правильно выбрать критерии и организовать весь процесс оценки деятельности сотрудников всего государственного аппарата.

Главная стратегия любой административной реформы является привлечение «нужных» и «правильных» людей для управления государством, мотивированных на эффективную работу и достижение поставленных целей. В последние несколько лет подготовка высококвалифицированных специалистов в сфере государственного управления является требованием времени. В связи с этим положительный опыт зарубежных стран применения инструментов оценки эффективности деятельности государственных служащих может быть крайне полезен. Результативная и действенная модель оценки эффективности деятельности государственных служащих способна обеспечить самостоятельность государственных структур при принятии управленческих решений, при этом оценивая как плановые, так и фактические результаты работы.

Список цитируемых источников

Божья-Воля 2009 – *Божья-Воля А. А.* Оценка результативности государственных служащих руководящего состава: международный опыт и российские перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2009. № 2. С. 81–103.

Божья-Воля 2011 – *Божья-Воля А. А.* Организация оценки результативности деятельности российских госслужащих с учетом особенностей административной модели // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 3. С. 62–73.

Василенко 2001 – *Василенко И. А.* Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Логос, 2001. 200 с.

Клищ 2007 – *Клищ Н. Н.* Повышение результативности деятельности государственных служащих : дис. … канд. экон. наук. М., 2006. 221 с.

Лесина, Чернов 2018 – *Лесина Т. В., Чернов Д. А.* Ключевые показатели эффективности на службе. Эффективность работы госслужащих // Вестник Евразийской науки. 2018. № 2, т. 10. URL: https://esj.today/PDF/42ECVN218.pdf (дата обращения: 07.07.2020).

References

Bozh'ya-Volya, A. A. (2009), "Evaluating the performance of senior civil servants: international experience and Russian perspectives", *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya,* no. 2, pp. 81–103.

Bozh'ya-Volya, A. A. (2011), "Organization of performance assessment of Russian civil servants with consideration of the administrative model features", *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya,* no. 3, pp. 62–73.

Klishch, N. N. (2006), Improving the performance of civil servants, Ph. D. Thesis, economy and management of national economy (macroeconomics), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Lesina, T. V. and Chernov, D. A. (2018), "Key performance indicators in the service. Performance of civil servants", *Vestnik Evraziiskoi nauki,* no. 2, vol. 10, available at: https://esj.today/PDF/42ECVN218.pdf (Accessed 7 July 2020).

Vasilenko, I. A. (2001), *Administrativno-gosudarstvennoe upravlenie v stranah Zapada: SShA, Velikobritaniya, Frantsiya, Germaniya* [Administrative and public administration in Western countries: the USA, Great Britain, France, Germany], Logos, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Бирюкова Эвелина Робертовна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; evelina22g@yandex.ru

Information about the author

Biryukova Evelina R.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; evelina22g@yandex.ru

Для цитирования

Бирюкова Э. Р. Оценка эффективности деятельности государственных служащих в странах Европы (на примере Германии и Франции) // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 243–247.

For citation

Biryukova, E. R. (2020), "Evaluating the effectiveness of civil servants' activities in Europe (for example, Germany and France)", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 243–247.

УДК 347.6

П. А. Якушев[1, 2]
[1] *Владимирский областной суд, Владимир, Российская Федерация*
[2] *Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*

P. A. Yakushev[1, 2]
[1] *Vladimir Regional Court, Vladimir, the Russian Federation*
[2] *Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, the Russian Federation*

Определение порядка общения отдельно проживающего родителя с ребенком: правоприменительная практика России и Германии

Imposition the order of communication between a non-custodial parent and a child: judicial practice in Russia and Germany

Ключевые слова: споры о детях; права ребенка; права и обязанности родителей; традиционные семейные ценности; порядок общения с ребенком; родительская забота.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты правового регулирования порядка общения родителей с ребенком в Германии. Анализируются примеры из судебной практики судов Германии по делам указанной категории. Проводится сравнение анализируемого правового института в России и Германии.

Key words: disputes about children; the rights of the child; the rights and duties of parents; traditional family values; the order of communication with the child; parental care.

Abstract. The article deals with some aspects of legal regulation of the order of communication of parents with a child in Germany. The article analyzes examples from the judicial practice of the German courts in cases of this category. A comparison of the analyzed legal Institute in Russia and Germany is made.

Одним из основных методов, применяемых в юридических исследованиях, является сравнительный (компаративистский) метод, который в самом широком смысле направлен на сопоставление признаков, характеристик, особенностей исследуемых объектов на предмет нахождения между ними сходств и различий, а также на их описание [Понкин, Редькина 2020, с. 329]. Целью сравнения однопорядковых явлений может выступать обеспечение лучшего понимания их детерминант, характеристик и взаимосвязей.

В процессе сравнения правовых институтов различных государств юридическая наука обогащается введением в научный оборот новых эмпирических, нормативных и иных источников, их анализом, выводами относительно перспектив и возможностей правового регулирования.

Целью настоящей статьи является сравнение нормативно-правового регулирования института определения порядка общения отдельно проживающего родителя с ребенком и юридической практики применения норм данного института, установление общих черт и различий в регулировании, определение возможности использования зарубежных правотворческих и правоприменительных подходов. Выбор для сравнения именно Германии обусловлен исторической интерполяцией между законодательством России и Германии, культурными, политическими и экономическими связями, увеличением числа международных браков между гражданами этих стран и, как следствие, необходимостью унификации подходов к разрешению семейных споров, в том числе споров об определении порядка общения с ребенком отдельно проживающими родителями.

Безусловно, для гармоничного развития ребенка необходимо участие в его воспитании как матери, так и отца [Якушев 2018, с. 3–5]. Именно поэтому семейное и гражданское законодательство России и зарубежных стран исходит из того, что проживание ребенка с одним из родителей не должно лишать ребенка права на общение с родителем, проживающим отдельно. Соответственно, отдельно проживающий родитель вправе общаться с ребенком и принимать участие в его воспитании. При этом родитель, с которым проживает ребенок, должен не препятствовать другому родителю в общении с ребенком. Статья 66 Семейного кодекса Российской Федерации предусматривает, что спор родителей относительно порядка осуществления родительских прав разрешается судом.

В п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»[1] разъяснено, что при определении порядка общения родителя к юридически значимым обстоятельствам относятся возраст ребенка, состояние его здоровья, привязанность к каждому из роди-

© Якушев П. А., 2020

[1] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 7.

телей и другие факторы, способные оказать воздействие на физическое и психическое здоровье ребенка, на его нравственное развитие.

В Обзоре практики разрешения споров, связанных с воспитанием детей, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 июля 2011 г.[1], отмечается, что, помимо названных обстоятельств, учитываются: наличие либо отсутствие условий для воспитания и развития ребенка согласно акту обследования жилищно-бытовых условий (наличие спального и игрового мест и т. д.); режим дня ребенка; удаленность места жительства родителей от места жительства ребенка; продолжительность времени, в течение которого не осуществлялось общение ребенка с родителем, а также иные обстоятельства. Как справедливо отмечает Ю. Ф. Беспалов, суд должен исследовать причины, вследствие которых прекратились семейные отношения, и анализировать, не является ли обращение в суд с иском об определении порядка общения с ребенком злоупотреблением правом [Беспалов 2016, с. 16]. На важность установления судом указанных обстоятельств также обращает внимание О. Ю. Ильина [Ильина 2018, с. 74–79].

В законодательстве европейских стран также содержатся нормы, регулирующие порядок общения родителей с детьми, и закрепляющие некоторые нравственные обязательства (не настраивать ребенка против другого родителя, содействовать общению и др.).

В семейном праве Германии существует юридическая категория «родительская забота» о ребенке, которая осуществляется родителями совместно. Родительская забота включает заботу о личности ребенка и заботу об имуществе ребенка. Право на определение места жительства ребенка в случае раздельного проживания родителей является частью родительской заботы.

Согласно § 1628 Гражданского уложения Германии[2] (далее: ГУГ), если родители не могут прийти к согласию по отдельному вопросу либо по кругу вопросов, связанных с осуществлением родительской заботы (в том числе при раздельном проживании), суд по семейным делам по ходатайству любого из родителей может передать одному из них право на принятие решения.

Приведем пример. Мать ребенка обратилась в семейный суд с заявлением, в котором просила передать ей единоличную родительскую опеку по принятию решения о крещении ребенка и его религиозном воспитании. При рассмотрении дела суд установил, что заявитель состояла в браке с отцом ребенка до 2012 г., в 2007 г. у них родился ребенок, который не был крещен. После развода родителей сын остался проживать с матерью. В ходе рассмотрения дела ребенок определенно выразил желание быть крещенным. Отец возражал относительно передачи матери полномочий по решению вопроса о религиозной принадлежности ребенка.

Семейный суд г. Гёппингена решением от 5 ноября 2015 г. в удовлетворении требований отказал со ссылкой на то, что в интересах ребенка следует подождать, пока он не достигнет 14-летнего возраста, после этого согласно Закону Германии «О религиозном воспитании детей» он сам сможет принять решение о своей религиозной принадлежности.

Указанное решение было отменено Высшим земельным судом Штутгарта, который удовлетворил требования матери ребенка, указав следующее. В соответствии с § 1628 ГУГ при принятии решений о религиозном воспитании детей (крещение, причастие и т. д.) учитываются все обстоятельства и аспекты каждого дела, и интересы ребенка имеют приоритет. В делах о религиозном воспитании затрагивается высшая личностная сфера ребенка, в которой действительная воля и потребности детей, которым не исполнилось 14 лет, также должны учитываться надлежащим образом[3].

Гарантированное Законом Германии «О религиозном воспитании детей» право ребенка по достижении 14 лет принимать решение о своей религиозной принадлежности не исключает необходимость всесторонней проверки потребностей ребенка, не достигшего указанного возраста, в религиозном воспитании. Только очевидное негативное воздействие на ребенка может быть веской причиной для запрета религиозного воспитания.

Согласно § 1628 ГУГ при наличии разногласий между родителями суд может передать полномочия по принятию решений по вопросам родительской опеки, имеющих большое значение для ребенка, одному из них. В соответствии с § 1697a ГУГ суд принимает решение, которое с учетом реальных обстоятельств и возможностей наилучшим образом отвечает интересам ребенка. Вопрос о крещении ребенка, об участии в причастии, о религиозной принадлежности и религиозном воспитании имеет большое значение.

Во время рассмотрения дела в суде ребенок несколько раз однозначно и определенно заявлял о том, что он хочет стать католиком именно сейчас, а не по прошествии времени, желает причаститься. В судебных заседаниях он рассказывал, как посещает церковь несколько раз в неделю, как зажи-

[1] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 7.

[2] Bürgerliches Gesetzbuch. URL: https://dejure.org/gesetze/BGB (дата обращения: 20.05.2020).

[3] Oberlandesgericht Stuttgart Beschluß vom 4.3.2016, 17 UF 292/15. URL: http://lrbw.juris.de/cgi-bin/laender_rechtsprechung/document.py?Gericht=bw&nr=20769 (дата обращения: 20.05.2020).

гает свечи и молится Богу. Суд второй инстанции указал, что необходимо учитывать, с одной стороны, 9-летний возраст ребенка, в силу которого его способность распознавать сферу своих собственных потребностей ограничена, с другой стороны, исходить из того, что его выраженное желание креститься стало психологической реальностью: ребенок передает свое желание уверенно и таким образом, который показывает, что он потратил большое количество времени для вывода о собственном мнении. Даже не исключая влияния на формирование воли ребенка его матери, суть его волеизъявления ясна, а роль матери состояла лишь в «помощи в формулировании» позиции, поэтому мнение ребенка, в отсутствие доказательств, что оно отрицательно влияет на несовершеннолетнего и противоречит его интересам, должно быть учтено. Кроме того, после развода родителей несовершеннолетний проживает с матерью и ее новым мужем, для которых вопросы католической веры имеют большое значение, и они способны поддержать ребенка в реализации его потребности в религиозном воспитании. По изложенным мотивам суд второй инстанции пришел к выводу о том, что передача матери полномочий по принятию решения о религиозном воспитании ребенка отвечает его интересам и благополучию, в связи с чем ее заявление было удовлетворено.

В п. 1 § 1684 ГУГ закреплено, что ребенок имеет право на общение с каждым из родителей, а каждый родитель обязан и вправе общаться с ребенком. Приведенная норма рассматривает общение с ребенком не только как право, но и как обязанность родителей. В п. 2 указанного параграфа устанавливается, что родители не должны осуществлять действия, которые могут ухудшить отношение ребенка к другому родителю. Российское семейное законодательство таких обязанностей не предусматривает, что, как обоснованно отмечает А. М. Нечаева, является недостатком Семейного кодекса Российской Федерации [Нечаева 2011, с. 90].

Согласно п. 3 § 1684 ГУГ суд по семейным делам может принять решение об объеме права на общение и определить детали его реализации также в отношении третьих лиц. Помимо этого, суд может путем вынесения постановления побудить заинтересованных лиц к выполнению обязанности по неосуществлению действий, которые могут ухудшить отношение ребенка к другому родителю. Если эта обязанность нарушается неоднократно либо длительно, то суд по семейным делам может установить попечительство по вопросам общения, включающее в себя право требовать выдачи ребенка для общения и определять его местопребывание при длительном общении. Такое судебное постановление должно содержать указание на срок его действия.

В п. 4 § 1684 ГУГ установлено, что суд по семейным делам может ограничить либо исключить право на общение с ребенком или исполнение ранее принятых решений, связанных с реализацией данного права, если это необходимо для блага ребенка. При этом решение, ограничивающее право на общение с ребенком на длительный срок или окончательно исключающее осуществление этого права, может быть принято только при условии, что в противном случае благо ребенка подверглось бы риску. Так, суд по семейным делам может постановить, что общение родителя с ребенком допускается исключительно в присутствии оказывающего содействие третьего лица, которым может выступать организация, в том числе общественное объединение, осуществляющее помощь молодежи.

Применяя § 1684 ГУГ, суды Германии устанавливают и анализируют различные фактические обстоятельства для определения содержания права на общение с ребенком. Так, рассматривая одно из дел, участковый (семейный) суд установил, что родители ребенка на протяжении нескольких лет находятся в разводе. Право родительской заботы о ребенке передано его матери, которая договорилась с отцом относительно частоты и продолжительности встреч последнего с ребенком. В числе прочего была достигнута договоренность по поводу того, что отец на две недели своего отпуска вправе забирать ребенка к себе. Однако между родителями возникли разногласия относительно того, может ли отец вывозить ребенка в авиапутешествия за границу в период своего отпуска, в связи с чем он обратился в суд. Участковый (семейный) суд удовлетворил иск, разрешив отцу ребенка во время отпуска брать с собой сына в авиапутешествия в страны Европы при наличии медицинской справки об отсутствии заболеваний.

Жалоба матери ребенка была оставлена без удовлетворения постановлением судебной коллегии по делам семьи земельного суда Касселя. Вышестоящий суд указал, что право на общение с ребенком родителя, лишенного права родительской заботы, накладывает определенные ограничения на реализацию этого права другим родителем. В этой связи тот родитель, который, реализуя право на общение с ребенком, забирает его к себе на время (в том числе на время отпуска), вправе определять место пребывания ребенка, если это не противоречит благу ребенка[1].

При рассмотрении другого дела суд первой инстанции установил, что родители двоих детей, ранее состоявшие в зарегистрированном браке, заключили соглашение о порядке общения с детьми, по условиям которого мать детей приняла на

[1] Zeitschrift für das gesamte Familienrecht. 1999. Heft 15. S. 1008.

себя обязательство приводить детей к оговоренному времени в квартиру отца, а затем забирать их оттуда. Спустя определенное время мать и дети переехали в другой город, в связи с чем исполнение ею обязанности по передаче детей отцу в его квартире стало затруднительным, в связи с чем мать обратилась в суд.

Решением участкового (семейного) суда право родительской заботы над детьми передано их матери, установлен порядок общения отца с детьми, в частности, на мать детей возложена обязанность привозить детей не домой к отцу, а на главный вокзал г. Нюрнберга и забирать их затем обратно. На родителей также была возложена обязанность по взаимному оповещению друг друга в случае возникновения обстоятельств, препятствующих осуществлению общения.

Мать детей обжаловала решение суда в Высший земельный суд г. Нюрнберга, который изменил установленный судом первой инстанции порядок общения с детьми в части возложения на бывшую супругу обязанности привозить каждый раз детей на вокзал г. Нюрнберга и забирать их оттуда. При этом суд апелляционной инстанции исходил из того, что § 1684 ГУГ возлагает на лицо, наделенное правом родительской заботы, лишь обязанность воздерживаться от того, что может ухудшить отношение детей к другому родителю, однако не возлагает обязанности по активному содействию реализации другим родителем права на общение с ребенком, за исключением разумных подготовительных действий, но только в своем жилом помещении. В связи с этим забирать детей и возвращать их – задача родителя, которому предоставлено право общения. Исключением могут являться случаи, когда без активного участия другого родителя в организации общения дети лишатся самой возможности общаться с родителем. Оценивая данное обстоятельство, Высший земельный суд г. Нюрнберга установил, что отец детей может в установленное время с использованием железнодорожного сообщения забирать, а затем возвращать детей матери, которая проживает в 500 м от железнодорожного вокзала. Судом апелляционной инстанции принято во внимание то обстоятельство, что с учетом расписания движения электропоездов отцу понадобится 3 ч 30 мин для того, чтобы забрать детей, и 4 ч, чтобы вернуть их матери. Учитывая тот факт, что общение отца с детьми установлено по выходным дням и что отец детей не работает, указанные временные затраты суд второй инстанции посчитал не являющимися непосильными для отца детей.

Относительно несогласия матери детей с возложением на родителей обязанности по взаимному оповещению в случае возникновения препятствующих общению обстоятельств Высший земельный суд г. Нюрнберга согласился с позицией суда первой инстанции о том, что такая обязанность должна быть предусмотрена в резолютивной части решения суда, чтобы отец и мать были застрахованы от ненужных поездок и подготовки к передаче детей, а также связанных с этим денежных затрат[1].

В рассмотренном примере показательны тщательность исследования судом второй инстанции обстоятельств дела и обоснование необходимости соблюдения баланса интересов родителей и детей. Полагаем обоснованной позицию, согласно которой на родителя не должна возлагаться обязанность активно содействовать реализации другим родителем права на общение с ребенком, за исключением случаев, когда без такого активного участия в организации общения ребенок лишится фактической возможности общаться с родителем, проживающим отдельно. Такой подход может быть использован и в практике российских судов при рассмотрении дел об определении порядка общения с ребенком.

Вместе с тем законодательство некоторых европейских стран непосредственно закрепляет обязанность родителя, с которым проживает ребенок, активно содействовать реализации другим родителем права на общение с ребенком. Например, согласно § 891 Гражданского кодекса Чешской Республики[2] родитель, на попечении которого находится ребенок, обязан должным образом подготовить ребенка к встрече с другим родителем, обеспечить надлежащим образом контакт ребенка с другим родителем и сотрудничать с ним для осуществления в необходимом объеме личного контакта другого родителя с ребенком.

Проведенный анализ законодательства и судебной практики Германии позволяет сделать вывод о том, что принципиальные отличия в определении юридически значимых обстоятельств при установлении порядка общения с ребенком между российским семейным и германским законодательством отсутствуют. Отдельные различия связаны с наличием в гражданском законодательстве Германии юридической категории «родительская забота» о ребенке, которая осуществляется родителями совместно и может быть передана полностью или частично одному из них.

Представляется целесообразным в Семейном кодексе Российской Федерации закрепить норму, аналогичную по содержанию § 1684 ГУГ, согласно которой ребенок имеет право на общение с каж-

[1] Zeitschrift für das gesamte Familienrecht. 1999. Heft 15. S. 1008–1009.

[2] Občanský zákoník. URL: https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2012-89 (дата обращения: 20.05.2020).

дым из родителей, а каждый родитель обязан и вправе общаться с ребенком; родители не должны осуществлять действия, которые могут ухудшить отношение ребенка к другому родителю.

Кроме того, действующая редакция п. 3 ст. 66 Семейного кодекса Российской Федерации позволяет судам использовать правоприменительный опыт судов Германии и с учетом интересов ребенка:

– определять детали реализации права на общение ребенка также в отношении третьих лиц (бабушек, дедушек, других родственников);

– возлагать обязанности на лиц, проживающих с ребенком и его родителем, по неосуществлению действий, которые могут ухудшить отношение ребенка к другому родителю;

– исходить из презумпции, что только очевидное негативное воздействие на ребенка может быть веской причиной для запрета религиозного воспитания;

– не возлагать на родителя обязанность активно содействовать реализации другим родителем права на общение с ребенком, за исключением случаев, когда без такого активного участия в организации общения ребенок лишится фактической возможности общаться с родителем, проживающим отдельно.

Список цитируемых источников

Беспалов 2016 – *Беспалов Ю. Ф.* Семейно-правовой статус ребенка: проблемы семейного законодательства РФ // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 11–15.

Ильина 2018 – *Ильина О. Ю.* Наличие ребенка как предпосылка злоупотребления правом членами семьи // Права ребенка в РФ: законодательство, правоприменительная деятельность, российская наука. М. : РГ-Пресс, 2018. С. 74–79.

Нечаева 2011 – *Нечаева А. М.* Защита личных прав несовершеннолетнего гражданина в семейно-правовой сфере по Гражданскому уложению Германии // Государство и право. 2011. № 3. С. 86–94.

Понкин, Редькина 2020 – *Понкин И. В., Редькина А. И.* Методология научных исследований и прикладной аналитики. М. : Буки Веди, 2020. 365 с.

Якушев 2018 – *Якушев П. А.* Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика. М. : Проспект, 2018. 144 с.

References

Bespalov, Yu. F. (2016), “Family law status of a child: problems of family legislation of the Russian Federation”, *Semeinoe i zhilishchnoe pravo,* no. 5, pp. 11–15.

Il’ina, O. Yu. (2018), “The presence of a child as a prerequisite for abuse of rights by family members”, *Prava rebenka v RF: zakonodatel’stvo, pravoprimenitel’naya deyatel’nost’, rossiiskaya nauka* [Children’s rights in the Russian Federation: legislation, law enforcement, Russian science], RG-Press, Moscow, Russia, pp. 74–79.

Nechaeva, A. M. (2011), “Protection of the personal rights of a minor citizen in the family law sphere under the German Civil code”, *Gosudarstvo i pravo,* no. 3, pp. 86–94.

Ponkin, I. V. and Red’kina, A. I. (2020), *Metodologiya nauchnykh issledovanii i prikladnoi analitiki* [Methodology of scientific research and applied analytics], Buki Vedi, Moscow, Russia.

Yakushev P. A. (2018), *Spory o detyakh: traditsionnye tsennosti i sudebnaya praktika* [Disputes about children: traditional values and judicial practice], Prospekt, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Якушев Павел Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский областной суд, Владимир, Российская Федерация, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; YakushevPA@yandex.ru

Information about the author

Yakushev, Pavel A.,
PhD(law), associate professor, Vladimir Regional Court, Vladimir, the Russian Federation, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, the Russian Federation; YakushevPA@yandex.ru

Для цитирования

Якушев П. А. Определение порядка общения отдельно проживающего родителя с ребенком: правоприменительная практика России и Германии // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 248–252.

For citation

Yakushev, P. A. (2020), “Imposition of communication between a non-custodial parent and a child: judicial practice in Russia and Germany”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 248–252.

ПЕРСОНАЛИИ

PERSONALITIES

Огурцов Николай Александрович,
военный прокурор в период
Великой Отечественной войны
(1942 г.)

УДК 343.228

В. В. Меркурьев[1]
И. А. Тараканов[2]
[1] *Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*
[2] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

V. V. Merkur'ev[1]
I. A. Tarakanov[2]
[1] *University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation*
[2] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation*

Вклад в развитие института необходимой обороны профессора Н. А. Огурцова – участника Великой Отечественной войны

Contribution to the development of the institute of necessary defense of professor N. A. Ogurtsov – participant of the Great Patriotic war

Ключевые слова: Н. А. Огурцов; ветеран войны; органы военной прокуратуры; необходимая оборона; юридический факт; защита; посягательство; нападение; обороняющийся; виды необходимой обороны; криминологические исследования; судебная практика.

Аннотация. Статья посвящена оценке вклада профессора Н. А. Огурцова, ветерана Великой Отечественной войны и органов военной прокуратуры, известного ученого-правоведа, в исследование проблем методологии науки уголовного права, теории уголовных правоотношений, уголовной ответственности и наказания. Авторами анализируются результаты его научных исследований, создания собственной научной школы, научного руководства адъюнктами, его влияние на них как в теоретико-методическом, так и личностном плане. Отмечается, как предложения концептуального характера сначала подвергались строгому взгляду маститого ученого, но в случаях, когда предлагались действительно ценные, научно и практически обоснованные решения, они всегда встречали одобрение и удовлетворенность учителя результатами научного поиска ученика. Перечислены одобренные Н. А. Огурцовым идеи и положения, нашедшие свое дальнейшее развитие в научных трудах, посвященных институту необходимой обороны.

Key words: N. A. Ogurtsov; war veteran; military prosecution authorities; necessary defense; legal fact; protection; encroachment; attack; defending; the types of necessary defense; criminological researches; court practice.

Abstract. The article is devoted to the description of the contribution of professor N. A. Ogurtsov, a veteran of the Great Patriotic war and the military prosecutor's office, a well-known legal scholar, in the study of problems of the methodology of the science of criminal law, the theory of criminal legal relations, criminal liability and punishment. The authors analyze the results of his scientific research, creation of his own scientific school, scientific management of adjuncts, his influence on them both in the theoretical and methodological and personal terms. It is noted how the proposals of a conceptual nature were first subjected to the stern look of a venerable scientist, but in cases when really valuable, scientifically and practically substantiated solutions were offered, they always met the approval and satisfaction of the teacher with the results of the student's scientific search. The ideas and provisions approved by N. A. Ogurtsov, which found their further development in scientific works on the institute of necessary defense are listed.

Доктор юридических наук, профессор заслуженный юрист РСФСР Николай Александрович Огурцов родился 19 февраля 1920 г. в д. Пурке Павловского района Горьковской области.

Свою педагогическую деятельность Н. А. Огурцов начал в 1939 г. учителем истории в одной из средних школ Татарской АССР. После окончания Военно-юридической академии РККА в 1942–1945 гг. будущий профессор проходил службу в должности военного следователя дивизии, армии на Калининском, 1-м Прибалтийском фронтах, военного прокурора воздушно-десантной бригады. Являлся участником боевых действий. Не раз ему приходилось принимать ответственные решения в самых драматических событиях на разных фронтах во время битвы с самым коварным и кровожадным врагом нашей Родины, когда меры прокурорского реагирования осуществлялись «по законам военного времени». Награжден 19 государственными наградами, в том числе орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, а также пятью боевыми медалями. В 1945–1951 гг. Николай Александрович Огурцов – на руководящей военно-прокурорской работе в прокуратурах войск МВД Литовского и Ленинградского пограничных округов (помощник военного прокурора, первый заместитель военного прокурора пограничного округа).

После войны работал преподавателем уголовного права и прокурорского надзора в ведом-

© Меркурьев В. В., Тараканов И. А., 2020

ственных вузах. В 1962 г. в Институте государства и права Академии наук СССР (г. Москва) защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Соотношение мер уголовного наказания и мер общественного воздействия и воспитания» (научный руководитель – профессор А. А. Пионтковский); в 1979 г. – докторскую по теме «Теоретические и методологические проблемы уголовно-правовых отношений». Н. А. Огурцовым опубликовано лично и в соавторстве более 150 работ по проблемам философии права, общей теории права, методологии науки уголовного права, уголовным правоотношениям, уголовной ответственности и наказания, по общественно-политическим вопросам. Особое значение имеет его монография «Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве» (М.,1975). Под его научной редакцией издано более 20 сборников научных трудов и книг. В последние годы жизни он занимался исследованием проблем методологии науки уголовного права, теории уголовных правоотношений, уголовной ответственности и наказания, осуществлял научное руководство адъюнктами очной формы обучения, пять из которых в последующем стали докторами юридических наук.

Многие адъюнкты и соискатели робели и терялись под проницательным взглядом профессора Н. А. Огурцова. Однако это была своего рода проверка – тест на порядочность и честность в суждениях, как перед самим собой. Уверенность в своей позиции приходила, когда в качестве аргумента приводились результаты собственных криминологических (эмпирических) исследований судебно-следственной практики.

Одному из авторов статьи, В. В. Меркурьеву, посчастливилось в пору учебы в адъюнктуре Рязанского института права и экономики МВД России (ныне Академия ФСИН России, г. Рязань) быть учеником Николая Александровича и даже написать с ним в соавторстве статью «Дискуссионные вопросы уголовно-правовой квалификации деяний, совершенных в состоянии необходимой обороны» [Огурцов, Меркурьев 1997, с. 69–70].

Работа над статьей показала со всей очевидностью высокую значимость разработанной Н. А. Огурцовым научной теории состава уголовного правоотношения и уголовной ответственности для исследования как проблем необходимой обороны, так и других обстоятельств, исключающих преступность деяния. Н. А. Огурцов считал, что «юридическим фактом, порождающим уголовное правоотношение, является общественно опасное деяние — преступление» [Огурцов 1987, с. 56]. В уголовном правоотношении, где правообразующим юридическим фактом является преступление, а частью его — состав преступления, все другие юридические факты имеют иную функциональную направленность. Они могут возникать лишь при условии существования этого правопорождающего юридического факта, т. е. преступление является условием наступления всех других юридических фактов, а состав преступления — частью этих условий [Григорьев 1992, с. 47].

В голосе научного руководителя звучали невероятная сила и уверенность в правоте собственных суждений, когда он выстраивал концепцию общей статьи. Посягательство прежде всего общественно опасно: нейтрализация малозначительных деяний причинением существенного вреда не оправдана. Посягательство, создающее по уголовному праву состояние необходимой обороны, с одной стороны, должно быть общественно опасным, а с другой — формально представлять собой деяние, предусмотренное Особенной частью УК РФ, т. е. быть своеобразной разновидностью преступления, — твердо был убежден Н. А. Огурцов. Но должно ли оно быть непременно преступным или достаточно, чтобы оно было лишь объективно общественно опасным? [Меркурьев 2019]. Вопрос этот являлся, несомненно, важным как в теоретическом, так и в практическом плане, тем более, что в отечественной уголовно-правовой литературе не было единогласия в его разрешении [Паше-Озерский 1962, с. 35].

Предложения концептуального характера сначала встречали строгий взгляд маститого ученого, для непосвященных он мог показаться даже тяжелым. Однако в случаях, когда предлагались действительно ценные, научно и практически обоснованные решения, они всегда вызывали одобрение и удовлетворенность учителя результатами научного поиска ученика. Именно так Н. А. Огурцовым было встречено предложение рассматривать необходимую оборону – защиту от посягательства, угрожающего наиболее охраняемым социальным ценностям, как явление, которое состоит из самостоятельных элементов. Хотя закон и наука уголовного права прямо не называют личность и права обороняющегося или других лиц, охраняемые законом общественные или государственные интересы (ч. 1 ст. 37 УК РФ) объектом необходимой обороны, это не означает, что они игнорируют его. В противном случае выделение в составе необходимой обороны субъекта (ч. 3 ст. 37 УК РФ) — обороняющегося — становится бессмысленным, поскольку субъект — это то лицо, которое в своей деятельности противостоит объекту.

При анализе такого объекта принципиально неверно ограничивать преступное посягательство и его отражение со стороны обороны только замкнутыми, изолированными от всего и вся

действиями преступника и обороняющегося в их психофизическом единстве и противоположности. Их поведение нередко связано со многими факторами общественной жизни, затрагивает интересы других субъектов, а иногда и целых общностей [Ляпунов 1989, с. 69]. Действия обороняющегося, направленные на защиту объекта посягательства, вторгаются в сферу общественных отношений, поскольку юридическим благам нападающего причиняется существенный ущерб. Именно такой ход развития причинно-следственной связи между общественно опасным деянием и его вредными последствиями, с одной стороны, и между общественно полезными действиями обороняющегося и их правомерным результатом — с другой, делает объект уголовно-правовой охраны необходимым обязательным элементом в составе необходимой обороны.

Однако в ряду других элементов рассматриваемой системы объект уголовно-правовой охраны занимает особое положение. Оно определяется тем, что объект — это общественные отношения, обеспечивающие блага (интересы), социальные ценности, в неприкосновенности, укреплении и развитии которых кровно заинтересованы государство и общество. В силу этого он не содержит в себе отрицательных свойств и потому не может передать их по принципу «включения» в совокупную величину общественной опасности деяния, от которого защищается субъект обороны. Вместе с тем объект уголовно-правовой охраны, пусть это не покажется парадоксальным, определенным образом связан с формированием общественной опасности посягательства, порождающего состояние необходимой обороны.

Связь эта проявляется в сложном процессе взаимодействия. Важность, значимость, социальная ценность отдельных групп общественных отношений подчас существенно отличаются друг от друга [Стручков 1987, с. 90].

На первом месте среди социальных интересов стоят интересы собственно личности. Затем уже следуют интересы общества, которые близки к потребностям личности, по существу, сводятся к непосредственному удовлетворению последних (например, при защите общественного порядка и общественной безопасности). Далее находятся интересы государства, связанные с обеспечением безопасности личности и общества.

Наиболее трудно было отстоять авторскую позицию, состоящую в том, что защита допустима в целях охраны любых прав и интересов, в том числе и лично принадлежащих защищающемуся: жизнь, здоровье, честь, достоинство, собственность и т. д. В ст. 37 УК РФ в качестве благ, которые закон позволяет защищать путем применения силы, названы личность и права обороняющегося либо других лиц, а равно интересы общества или государства. Как правило, причинение вреда посягающему оправдано лишь для защиты наиболее существенных из указанных интересов.

Специального рассмотрения заслуживает вопрос защиты чести и достоинства личности. Мнения юристов о допустимости насильственных способов защиты этих благ от преступных посягательств всегда расходились: от признания возможности убить противника, покушающегося на честь обороняющегося, до тех, кто считает причинение тяжкого ущерба посягающему в данном случае даже противным естественному праву, ибо подобные убийства не есть подходящий способ защиты нашего доброго имени.

Как правило, законодательство и судебная практика допускали необходимую оборону только против насильственных нападений на честь. В действительности же, как считал немецкий юрист, представитель гегельянского направления в науке уголовного права А. Ф. Бернер, следует допустить необходимую оборону против нападений на честь, насколько это фактически возможно. Ее возможность никак нельзя отрицать относительно словесных и символических оскорблений[1]. В числе русских юристов эту точку зрения поддерживал А. Ф. Кони, допускающий необходимую оборону не только от грабежей, разбоев, посягательств на жизнь и здоровье людей, но и от оскорблений. В своей теории и практической деятельности он доказывал, что от оскорбления правомерно защищать не только свою честь, но и честь другого человека[2]. К вопросам защиты чести и достоинства личности в разное время обращались такие ученые, как: И. И. Слуцкий [Слуцкий 1956, с. 66], В. Н. Козак [Козак 1972, с. 59], В. И. Ткаченко [Ткаченко 1979, с. 16]. К сожалению, мнения ученых и здесь разделились, спорными они остаются по сей день. Представляется единственно правильной точка зрения, согласно которой каждый человек и гражданин имеет право на защиту чести и своего достоинства, включая насильственные способы пресечения указанных посягательств против личности.

Нарушаемые общественные отношения, таким образом, оказываются в эпицентре взаимодействия всех элементов в системе гражданской самозашиты. Аксиологическая ценность объекта посягательства, с одной стороны, усиливает или ослабляет общественную опасность посягательства в целом, а с другой — соответственно усили-

[1] *Бернер А. Ф.* Уголовное право. Части Общая и Особенная : учебник. Спб.: Н. Неклюдов, 1865. С. 431.

[2] *Кони А. Ф.* Собрание сочинений : в 8 т. М. : Юрид. лит., 1966. Т. 2. С. 280–285.

вает или ослабляет необходимость вторжения в сферу интересов посягающего.

Приходилось прибегать в подкрепление своей позиции к мнению авторитетных ученых, которые вызывали у Н. А. Огурцова особое доверие и расположение. К числу таких авторитетных ученых, по его мнению, относится В. А. Наумов. Вольно или невольно при оценке правомерности действий обороняющегося надлежит устанавливать соответствие или несоответствие благ, которые определяются, как утверждает профессор А. В. Наумов, сопоставлением важности защищаемого интереса (объекта) и того, чему причиняется вред. Например, при защите от разбойного нападения или от изнасилования обороняющийся, по его мнению, вправе причинить не только тяжкий вред здоровью посягающего, но даже и смерть [Наумов 1996, с. 337]. В первом случае смерть причиняется при защите от посягательства на имущество, сопряженного с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, во втором — от посягательства на половую свободу женщины, половую неприкосновенность малолетних или несовершеннолетних.

Очевидно, что и здоровье, и объекты указанных половых преступлений являются менее важными, чем жизнь, т. е. между защищаемым интересом и тем, кому причиняется вред, а следовательно, и между предполагаемым и причиненным вредом имеется определенное несоответствие. Однако между ними, как правильно замечает А. В. Наумов, нет явного (чрезмерного) несоответствия, поэтому в этих случаях не может идти речь о превышении пределов необходимой обороны.

Интересными в связи с этим представились Н. А. Огурцову высказывания русского философа И. А. Ильина о том, что «не всякое применение силы есть насилие», что «для преодоления зла надо прибегать прежде всего к духовным (душевным) средствам, но если это не получается — к психологическому и физическому пресечению», что «есть случаи, когда применение силы правильно и спасительно»[1]. Сопротивление злу силой необходимо тогда, когда нет иных средств, и тогда, по утверждению И. А. Ильина, человек не только имеет право, но и обязан пойти по этому пути, даже если дело закончится смертью злодея. По правовой природе необходимая оборона от посягательства на неотъемлемые блага человека является, как мы уже отмечали в других своих работах, естественным правом и не несет в себе общественно опасной нагрузки.

В соответствии с отечественными уголовным законодательством последних двух столетий соразмерной признается защита, которая не находится в явном несоответствии с характером и степенью общественной опасности посягательства. То обстоятельство, что соразмерной признается защита, которая явно не превосходит опасность посягательства, приводит к выводу: соразмерной следует считать защиту, в результате которой посягающему лицу причинен не только меньший или равный вред, по сравнению с вредом, предотвращенным, но и несколько больший.

В этой связи защита будет соразмерной, если она повлекла лишение жизни посягающего при отражении с его стороны посягательства на жизнь, причинение тяжкого вреда здоровью при пресечении изнасилования, разбойного нападения, кражи в значительном размере.

В качестве непосредственного объекта защитных действий обороняющегося в состоянии необходимой обороны, как может показаться на первый взгляд, выступают жизнь, здоровье, свобода и собственность посягающего. Однако этот объект в составе необходимой обороны может быть познан только в сравнении с непосредственным объектом общественно опасного посягательства, с помощью которого профессор Н. А. Огурцов предлагал определять характер посягательства — его качественную сторону. По этой причине иногда, только исходя из характера посягательства, как утверждал ученый, можно судить о правомерности обороны.

На момент написания совместной статьи авторами было изучено 147 уголовных дел, рассмотренных судами Владимирской, Ивановской и Рязанской областей и на основании полученных результатов была предпринята попытка дать уголовно-правовую квалификацию деяниям нападавших по их направленности на правоохраняемые объекты. Вот, какие результаты были получены.

Действия, выразившиеся в стремлении задушить жертву либо в попытке нанести удар ножом, сопровождавшиеся высказыванием угрозы убийством, Н. А. Огурцов и В. В. Меркурьев расценивали как покушение на убийство (25 %), стремление нанести имевшимся в руках ножом удары менее определенной направленности — как покушение на причинение тяжкого вреда здоровью (13 %). Дела о злостном и особо злостном хулиганстве составили 32 %. Таким образом, эти виды тяжких преступлений составили 70 %. Другие посягательства на здоровье (истязания, побои и причинение легкого вреда здоровью) составили 15 %, деяния против собственности — 9 %, преступления, направленность которых оказалась недостаточно ясной, — 6 %.

Сопоставление квалификации деяний нападавших с наступившими последствиями обороны и их оценкой судами показало следующее.

1. При покушении нападавшего на убийство причинение ему смерти оборонявшимся в 65 %

[1] *Ильин И. А.* О сопротивлении злу силою. Берлин : Тип. о-ва «Presse», 1925. С. 48.

случаев признавалось судами совершенным в состоянии необходимой обороны, в остальных расценивалось как уголовно наказуемое превышение ее пределов.

Суды, руководствуясь положениями ч. 1 ст. 37 УК РФ, практически во всех случаях лишение жизни нападавшего при осуществлении им покушения на убийство признавали совершенным в состоянии необходимой обороны. Оконченное лишение жизни объективно опаснее покушения, однако в этих случаях имеет место допустимое, т. е. необходимое, преобладание обороны над нападением, обеспечивающее успех обороны и не образующее явного несоответствия одного другому. На наш взгляд, установление более четких, хотя и абсолютно определенных, критериев для оценки ситуации «нападение – оборона» оказало определенное положительное влияние на практику применения законодательства о необходимой обороне.

Справедливости ради заметим, что в лучшую сторону положение изменилось и с принятием Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», в соответствии с которым ст. 37 была дополнена ч. 21 следующего содержания: «2.1. Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения»[1].

2. При покушении нападавшего на причинение тяжкого вреда здоровью ни по одному делу действия обороняющегося не были признаны совершенными в состоянии необходимой обороны. Здесь также имело место соотношение покушения и аналогичного, но оконченного деяния, однако преобладание опасности одного над другим всегда признавалось явным несоответствием между ними, влекущим уголовную ответственность по ст. 108, 114 УК РФ.

В данном случае установление в ч. 1 ст. 37 УК РФ абсолютного критерия, зависящего от величины защищаемого блага, сыграло отрицательную роль в правоприменительной практике. Думается, что и закон, и тем более практика его применения не могут быть обоснованными, поскольку они приводят к требованию о полном соответствии обороны нападению, что противоречит социальному назначению рассматриваемого института.

3. При совершении нападавшим действий, подпадающих под признаки злостного или особо злостного хулиганства, ответными оказывались действия, которыми причинен тяжкий вред здоровью посягающего; из них в 36 % случаев суды признали состояние необходимой обороны, все другие квалифицированы как превышение ее пределов по ст. 108, 114 УК РФ.

4. Справедливо жесткую позицию занимают суды при оценке действий, содержащих в себе состав истязания (ст. 117 УК РФ): по трем из четырех дел, по которым оборонительными действиями причинены тяжкие телесные повреждения, признано, что эти последствия охватывались пределами необходимой обороны против истязания. В то же время ни по одному уголовному делу, в котором нападение выразилось в причинении легкого вреда здоровью, суды не признали ответные действия обороняющегося как совершенные в состоянии необходимой обороны — во всех случаях констатировано превышение ее пределов.

Результаты исследования практики применения норм о необходимой обороне привели к следующему выводу: искажение смысла социальной и правовой природы необходимой обороны, пренебрежение важностью постановки вопроса о соотношении защищаемого блага и блага, которому причинен вред ответными действиями обороняющегося, приводят к судебным ошибкам и нарушению прав обороняющихся.

Изучение уголовных дел показало, что к оценке деяний нападавших и оборонявшихся органы следствия подходят одинаково, между тем как действия лица, совершающего посягательство, являются первичными, общественно опасными, а действия по его отражению — ответными, вынужденными. Для оборонявшегося нападение в 65 % случаев оказывается неожиданным, замысел преступника не всегда ясен, неизвестно, вооружен ли нападающий, какое насилие он готов применить. Все это должно исключать одинаковый, т. е. формальный, подход к оценке социальной и правовой значимости действий, образующих нападение и оборону. Однако на практике дело обстоит иначе.

Изучение и сопоставление имеющихся в уголовно-правовой литературе точек зрения по этому вопросу и анализ типичных ситуаций убийства и причинения вреда здоровью на основе уголовных дел, рассмотренных судами нескольких субъектов Российской Федерации, позволили сделать вывод о том, что право на необходимую оборону существует всегда и против любых общественно опасных посягательств, если в период осуществления посягательства есть возможность для устранения опасности, угрожающей юридическим благам, во-первых; способность обороняющегося своими активными действиями предотвратить наступление вредных последствий для правоохраняемых интересов, во-вторых.

Другими словами, оборонительные действия допустимы при пресечении общественно опасных посягательств в криминальных ситуациях «посяг-

[1] Парламентская газета. 2003. 11 дек.

гательство — защита», когда по характеру объективной стороны преступления, признаки которого формально усматриваются в посягательстве, обороняющийся имеет возможность:

1) защитить юридические блага путем силового воздействия на посягающего;

2) устранить опасность, угрожающую обороняющемуся или другим лицам, путем уничтожения или повреждения имущества посягающего либо объектов его недвижимости. Представляется, что право на необходимую оборону возникает, как правило, при совершении насильственных преступлений, т. е. речь идет о посягательствах, элементом которых является применение, попытка применения или угроза применения физической силы в отношении личности или имущества обороняющегося или другого человека, а равно любых других посягательств, являющихся по объективным признакам в соответствии с уголовным законом преступлениями, которые по своему характеру содержат в себе значительную опасность того, что в ходе совершения посягательства в отношении личности или имущества указанных лиц может быть применена сила [Огурцов, Меркурьев 1997, с. 69–70].

Приведенные выше рассуждения позволили сформулировать сущность юридического факта, порождающего состояние необходимой обороны, – такое состояние вызывается общественно опасными и противоправными посягательствами физических лиц на личность, права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, окружающую среду, конституционный строй Российской Федерации, мир и безопасность человечества.

Если принимать во внимание, что указанное посягательство в своем осуществлении проходит определенные этапы, как это характерно для стадий совершения умышленного преступления, то есть все основания для классификации юридических фактов-посягательств в зависимости от степени общественной опасности.

К первой группе юридических фактов, вызывающих состояние необходимой обороны, относятся объективно общественно опасные посягательства, т. е. деяния (действие либо бездействие), создающие реальную, непосредственную либо неотвратимую опасность причинения вреда личности и правам обороняющегося или другим лицам, а равно охраняемым законом интересам общества или государства.

Вторую группу юридических фактов составляют общественно опасные посягательства, причиняющие вред указанным выше юридическим благам (охраняемым уголовным законом интересам личности, общества и государства) в стадии непосредственного совершения (покушение на преступление).

Третья группа юридических фактов включает в себя общественно опасные посягательства, причинившие уже вред правоохраняемым интересам, когда посягательство не только осуществилось в форме совершения (оконченное преступление), но, осуществившись, продолжает существовать в этой форме и далее, причиняя вред указанным объектам необходимой обороны.

В исследованиях криминалистов первым двум видам посягательств уделяется достаточное внимание. К третьему виду посягательств авторы статьи «Дискуссионные вопросы уголовно-правовой квалификации деяний, совершенных в состоянии необходимой обороны» в первую очередь относят: истязание (ст. 117 УК РФ), похищение человека (ст. 126 УК РФ), незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ), вымогательство (ст. 163 УК РФ), захват заложника (ст. 206 УК РФ), неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством (ст. 166 УК РФ) и некоторые другие посягательства, имеющие длящийся характер.

Работа над совместной статьей ускорила процесс формирования концепции необходимой обороны и ее состава, которая нашла отражение в рукописи диссертационного исследования В. В. Меркурьева на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Необходимая оборона: уголовно-правовые и криминологические аспекты» (1998 г.). Ее защита состоялась уже после смерти Н. А. Огурцова: 10 октября 1997 г. после продолжительной болезни, в том числе связанной с фронтовым ранением, его не стало.

Одобренные научным руководителем идеи получили дальнейшее развитие в авторских монографиях В. В. Меркурьева «Состав необходимой обороны» (СПб., 2004), «Гражданская самозащита в уголовном праве России» (Владимир, 2005) и докторской диссертации на тему «Теоретические и методологические проблемы уголовно-правового обеспечения права человека на гражданскую самозащиту» (2007).

К числу таких идей и положений относятся следующие.

1. Объектом необходимой обороны следует считать охраняемые уголовным правом общественные отношения, обеспечивающие совокупность благ (интересов личности, общества или государства). В качестве предмета общественных отношений, защита которых допустима путем причинения вреда посягающему лицу, ч. 1 ст. 37 УК РФ называет личность и права обороняющегося или других лиц, охраняемые законом интересы общества или государства. Противозаконные интересы личности или сообщества индивидов не могут быть объектом не-

обходимой обороны. Наиболее часто объектом необходимой обороны становятся общественные отношения, составляющие видовой объект физического насилия, которые связаны с защитой именно биологических свойств, физических благ человека как природного существа (жизни, здоровья и физической свободы).

2. Под общественно опасным посягательством, указанным в ст. 37 УК РФ в качестве основания необходимой обороны, следует понимать объективно общественно опасное деяние (действие либо бездействие), создающее реальную, непосредственную либо неотвратимую опасность причинения вреда личности, правам и свободам человека и гражданина, собственности, общественному порядку и общественной безопасности, окружающей среде, конституционному строю Российской Федерации, миру и безопасности человечества; либо причиняющее вред объектам уголовно-правовой охраны в стадии непосредственного совершения (покушение на преступление); либо причинившее уже вред, когда преступление не только осуществилось в форме совершения (оконченное преступление), но, осуществившись, продолжает существовать в этой форме и далее, причиняя вред указанным благам.

3. Право на необходимую оборону возникает, как правило, при отражении общественно опасных посягательств, которые представляют собой применение, попытку применения или угрозу применения физической силы со стороны посягающего, т. е. любого насилия, принуждения или удержания, осуществляемого каким-либо способом в отношении личности обороняющегося или третьих лиц либо имущества.

Как нам представляется, при защите от подобных общественно опасных посягательств причинение посягающему лицу любого вреда, кроме умышленного лишения жизни, должно всегда признаваться правомерным и не может влечь за собой уголовной ответственности.

Заведомое причинение смерти посягающему допустимо, как правило, только при определенных условиях, когда возникает необходимость защищаться от посягательства, которое своим применением или нависшей угрозой применения представляет собой опасность непосредственного лишения жизни обороняющегося или третьего лица, а также при защите от общественно опасных посягательств, представляющих собой:

1) похищение человека;

2) незаконное лишение свободы при отягчающих признаках;

3) изнасилование или насильственные действия сексуального характера;

4) нападение на граждан с проникновением в их жилище или обитаемое помещение;

5) насильственный грабеж или разбой;

6) вымогательство при отягчающих обстоятельствах;

7) неправомерное завладение автомобилем, сопряженное с насилием, опасным для жизни или здоровья;

8) терроризм;

9) захват заложника;

10) бандитизм;

11) особо злостное хулиганство;

12) вооруженный мятеж;

13) диверсию;

14) применение насилия в отношении представителя власти и некоторые другие насильственные посягательства.

4. Правоприменителю следует иметь в виду, что степень общественной опасности посягательства определяется всей совокупностью обстоятельств ситуации «посягательство – защита», а именно:

а) степенью осуществления преступного намерения посягающего, опасностью причинения вреда интересам личности, общества или государства или тяжестью уже наступивших последствий для правоохраняемых интересов;

б) стремительностью нападения и способом преступного поведения, профессионализмом преступных методов и приемов, продолжительностью противоправных действий;

в) использованием оружия, технических средств, источников повышенной опасности;

г) данными, характеризующими степень общественной опасности личности посягающего;

д) а также всеми иными обстоятельствами, которые могли повлиять на степень общественной опасности посягательства и реальное соотношение сил посягавшего и защищавшегося (силы и возможности посягающего довести до конца задуманное деяние, физические силы и возможности обороняющегося, его возраст и пол, психическое состояние, число посягающих и обороняющихся, их взаимоотношение до конфликта, место, время и другие фактические обстоятельства).

При совершении посягательства группой лиц, организованной группой и преступным сообществом обороняющиеся вправе применять к любому из нападавших такие меры защиты, которые определяются опасностью и характером действий (деятельности) всей группы или преступной организации.

5. Системные знания об объекте и объективной стороне необходимой обороны позволяют получить качественно новые знания об институте необходимой обороны, в частности, о родах и ви-

дах защиты. В основе классификации родов и видов необходимой обороны лежит характер общественно опасного посягательства (вид юридического факта, вызывающего состояние необходимой обороны). Представляется, что необходимая оборона бывает двух родов:

1) противодействие осуществлению общественно опасного посягательства, которое бывает, в свою очередь, трех видов:

а) защита от посягательства, еще не осуществляющегося и даже не грозящего, но лишь способного грозить (угрожать) своим осуществлением, – «упреждающая оборона»;

б) защита от посягательства, еще не осуществляющегося, но уже грозящего своим осуществлением, – «отклоняющая оборона»;

в) защита от посягательства, уже осуществляющегося и грозящего своим дальнейшим осуществлением, – «пресекающая оборона»;

2) противодействие дальнейшему существованию общественно опасного посягательства, уже осуществившегося в стадии совершения (оконченного преступления), – «прекращающая оборона».

В период расцвета творческих сил Н. А. Огурцов поставил перед собой задачу создания своей научной школы – школы Огурцова, построенной на принципе «Здесь нет ни одной персональной судьбы – все судьбы в единую слиты». Это строка из песни В. С. Высоцкого о войне «Братские могилы», которая пришлась по душе ветерану и патриоту. Только Н. А. Огурцов интерпретировал и использовал эти слова в другом контексте, для обоснования успешной работы с учениками: результат достигается тогда, когда удается свою судьбу слить с судьбой тех, кто идет на смену, продолжает развивать теоретическое наследие.

Призвание художника – озарять светом глубины человеческой души. Призвание ученого – просвещать знаниями умы и зажигать сердца людей, прокладывая путь человечеству в будущее. Именно этими словами можно охарактеризовать послевоенный труд доктора наук, профессора Николая Александровича Огурцова, который в буквальном смысле проложил путь своим ученикам в науку и профессию. Его идеи нашли воплощение в трудах по теории и методологии уголовного права, не исключением стали предложенные им новаторские решения о реформировании института необходимой обороны.

Список цитируемых источников

Григорьев 1992 – *Григорьев В. А.* Классификация юридических фактов в уголовном праве : дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 1992. 177 с.

Козак 1972 – *Козак В. Н.* Право граждан на необходимую оборону / под ред. проф. И. С. Ноя. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1972. 162 с.

Ляпунов 1989 – *Ляпунов Ю. И.* Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права : учеб. пособие. М. : ВЮЗШ МВД СССР, 1989. 119 с.

Меркурьев 2019 – *Меркурьев В. В.* Уголовное право: гражданская самозащита. М. : Юрайт, 2019. 521 с.

Наумов 1996 – *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Общая часть : курс лекция. М. : БЕК, 1996. 560 с.

Огурцов 1987 – *Огурцов Н. А.* Юридические факты и ответственность в советском уголовном праве // Проблемы уголовной ответственности и наказания в свете решений XXVII съезда КПСС. Рязань : РВШ МВД СССР, 1987. С. 44–57.

Огурцов, Меркурьев 1997 – *Огурцов Н. А., Меркурьев В. В*. Дискуссионные вопросы уголовно-правовой квалификации деяний, совершенных в состоянии необходимой обороны // Проблемы уголовной ответственности и наказания : сб. науч. тр. Рязань : РИПЭ МВД России, 1997. С. 69–70.

Паше-Озерский 1962 – *Паше-Озерский Н. Н.* Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1962. 181 с.

Слуцкий 1956 – *Слуцкий И. И.* Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1956. 118 с.

Стручков 1987 – *Стручков Н. А.* Объект преступного посягательства и система Особенной части УК // Советское государство и право. 1987. № 2. С. 88–93.

Ткаченко 1979 – *Ткаченко В. И.* Необходимая оборона по уголовному праву. М. : Юрид. лит., 1979. 119 с.

References

Grigor'ev, V. A. (1992), Classification of legal facts in criminal law, Ph. D. Thesis, criminal law, criminology, penal law, Ryazan Institute of Law and Economics of the MIA of Russia, Ryazan, Russia.

Kozak, V. N. (1972), *Pravo grazhdan na neobhodimuyu oboronu* [The right of citizens to necessary defense], Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, Saratov, USSR.

Lyapunov, Yu. I. (1989), *Obshchestvennaya opasnost' deyaniya kak universal'naya kategoriya sovetskogo ugolovnogo prava* [The social danger of action as a universal category of Soviet criminal law], VYuZSh MVD SSSR, Moscow, USSR.

Merkur'ev, V. V. (2019), *Ugolovnoe pravo: grazhdanskaya samozashchita* [Criminal law: civil self-defense], Yurait, Moscow, Russia.

Naumov, A. V. (1996), *Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Russian criminal law. General part], BEK, Moscow, Russia.

Ogurtsov, N. A. (1987), "Legal facts and responsibility in Soviet criminal law", *Problemy ugolovnoi otvetstvennosti i nakazaniya v svete reshenii XXVII s"ezda KPSS* [Problems of criminal responsibility and punishment in the light of decisions of the XXVII Congress of the CPSU], RVSh MVD SSSR, Ryazan, USSR, pp. 44–57.

Ogurtsov, N. A. and Merkur'ev, V. V. (1997), "Discussion questions of the criminal law qualification of acts committed in the state of necessary defense", *Problemy ugolovnoi otvetstvennosti i nakazaniya* [Problems of criminal responsibility and punishment], RIPE MVD Rossii, Ryazan, USSR, pp. 69–70.

Pashe-Ozersky, N. N. (1962), *Neobkhodimaya oborona i krainyaya neobkhodimost' po sovetskomu ugolovnomu pravu* [Necessary defense and extreme need for Soviet criminal law], Gosyurizdat, Moscow, USSR.

Slutsky, I. I. (1956), *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie ugolovnuyu otvetstvennost'* [Circumstances precluding criminal liability], Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, Leningrad, USSR.

Struchkov, N. A. (1987), "Object of criminal assault and the system of the Special Part of the Criminal Code", *Sovetskoe gosudarstvo i pravo,* no. 2, pp. 88–93.

Tkachenko, V. I. (1979), *Neobkhodimaya oborona po ugolovnomu pravu* [Necessary defense in criminal law], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR.

Информация об авторах

Меркурьев Виктор Викторович,
доктор юридических наук, профессор, Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; merkuriev-vui@mail.ru

Тараканов Илья Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; il8@ list.ru

Information about the authors

Merkur'ev Viktor V.,
doctor of law, professor, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation; merkuriev-vui@mail.ru

Tarakanov Il'ya A.,
PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; il8@list.ru

Для цитирования

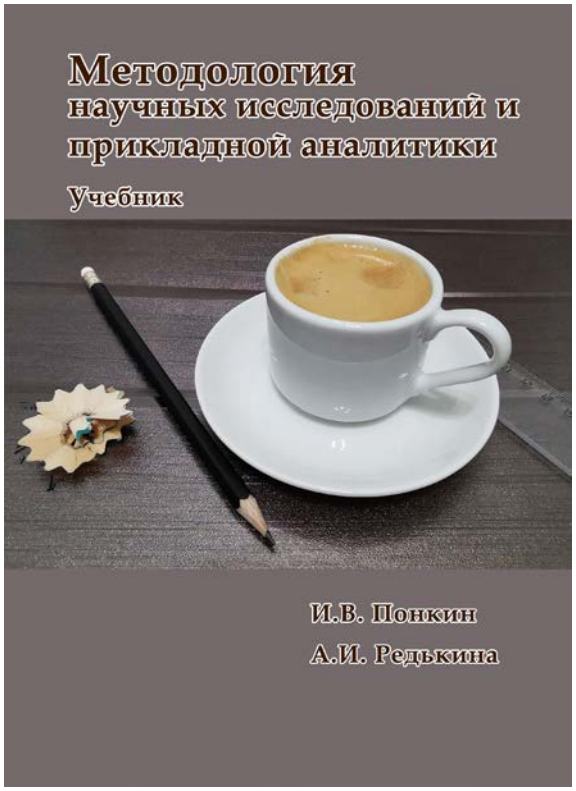
Меркурьев В. В., Тараканов И. А. Вклад в развитие института необходимой обороны профессора Н. А. Огурцова – участника Великой Отечественной войны // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 255–263.

For citation

Merkur'ev, V. V. and Tarakanov, I. A. (2020), "Contribution to the development of the institute of necessary defense of professor N. A. Ogurtsov – participant of the Great Patriotic war", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, no. 3(56), pp. 255–263.

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS



РЕЦЕНЗИЯ
на учебник И. В. Понкина, А. И. Редькиной
«Методология научных исследований
и прикладной аналитики»
(Москва : Буки Веди, 2020. – 365 с.
– ISBN 978-5-4465-2666-6)

В настоящее время в российской науке явственно ощущается недостаток фундаментальных качественных и системных работ, обучающих методологии проведения научных и прикладных аналитических исследований и подготовки диссертаций, монографий, научных статей, докладов и тезисов. В отличие от художественного творчества, неприменимость к которому неких общих методологических требований и исключительно рациональных способов оценки блестяще доказал еще А. С. Пушкин словами Сальери: «Поверил я алгеброй гармонию»[1], для ученого, особенно начинающего, чрезвычайная редкость и удача – найти издание, в котором не только подробно характеризуются диссертационный процесс и правила оформления диссертации, но и разъясняется, как определять тематический горизонт, исследовать, познавать, мыслить, обобщать, писать, дискутировать.

В этом плане невозможно переоценить учебник «Методология научных исследований и прикладной аналитики», подготовленный доктором юридических наук, профессором И. В. Понкиным и кандидатом юридических наук, доцентом А. И. Редькиной, который впервые в отечественной доктрине восполняет имевшийся в этой сфере вакуум, последовательно обучая методологии научных исследований и прикладной аналитической работы.

В учебник частично вошли (в существенно переработанном и дополненном виде) тексты научных публикаций этих авторов в ряде научных журналов по вопросам методологии науки и прикладной аналитики, получившие широкое признание и высокую оценку как в научном мире, так и среди юристов, занимающихся аналитической работой[2].

Рецензируемый учебник, ставший квинтэссенцией и новым этапом развития прежних выводов и рекомендаций авторов, содержит исчерпывающие материалы, способствующие формированию у читателей знаний, умений, навыков, компетенций в области методологии науки; помогающие выявлять закономерности, строить логические цепи выводов, погружаться в суть и природу исследуемых явлений и предметов, видеть их объемно-пространственно и сложноонтологично; обнаруживать глубинные связи и закономерности; находить, извлекать, производить и аргументировать новые знания, ранее не известные отечественной науке, а также систематизировать и надстраивать уже известные информационные массивы.

Благодаря глубочайшим знаниям и творческому потенциалу авторов рецензируемого учебника, его читатели найдут в нем ответы на вопросы о том: как строить стратегию и тактику исследования; отбирать релевантные исследовательские методы и задействовать их, исходя из характера, масштабности сложности исследовательской проблемы; работать с эмпирическим материалом, формировать поисковые запросы, эвристические поисковые модели, производить оценку степени предшествующей исследованности предметно-объектной области, а также на многие другие теоретические и практические вопросы, от решения которых во многом зависит уровень планируемого научного исследования и характер его научных результатов.

---

[1] *Пушкин А. С.* Моцарт и Сальери // Маленькие трагедии. М. : Фортуна ЭЛ, 2013. Сцена 1.

[2] См., напр.: *Понкин И. В., Редькина А. И.* Методология науки: абдукция; гипотеза // Копирайт. 2019. № 3. С. 32–58 ; *Их же.* Методология науки: аксиоматический метод научного исследования // Там же. № 4. С. 61–78 ; *Их же.* Методология науки: инженерный стиль научного письма (короткие формулировки в научном исследовании) // Право и образование. 2019. № 8. С. 17–22 ; *Понкин И. В.* Методология науки: дизайн научного произведения (продукта) // Вопросы культурологии. 2019. № 11. С. 64–71 ; *Его же.* Понятие «аналитика» // International Journal of Open Information Technologies. 2019. Vol. 7, № 10. P. 80–90 ; *Его же.* Методология науки: начало исследовательского пути // Право и образование. 2020. № 1. С. 4–14 и др.

В главе 1 «Онтология научных исследований и прикладной аналитики» авторы анализируют понятие «наука», раскрывают онтологию прикладной аналитики и характеризуют ее виды и параметры (в том числе параметры системности, сложности, точности), приводят подходы к определению понятия «научный концепт» и представляют его авторскую интерпретацию. Весьма интересны представленные в главе различные аспекты дизайна исследовательского произведения: вопросы замысла, реализации проекта произведения, обработки и репрезентации знаний, порядка внутренней логической организации текста произведения.

Высокую дидактическую ценность имеет рассмотренный авторами широкий комплекс вопросов об отправных точках исследования: как выбрать и сформулировать научную тему, обладающую должным уровнем актуальности и новизны; как найти направление или предметно-объектную область исследования, определить цель и поставить соответствующие ей задачи; как решить, какие явления могут выступать предметно-объектными областями научно-юридического исследования; как спроектировать исследовательскую концепцию; как искать, подбирать, отсеивать, верифицировать, анализировать, систематизировать и индексировать эмпирический и иной источниковый материал, релевантно отражающий реальную картину в предметно-объектной области и обеспечивающий в необходимых объемах разнообразие и богатство выборки.

Далее авторами рассматриваются параметры содержательной глубины исследования (в том числе концепты теоретического насыщения, основательной теории, операционабельности научной концепции), ее критерии и способы оценивания, а также параметры сложности, научной ценности, значимости, новизны, ясности, целостности исследования.

Весьма полезными для аспирантов и докторантов станут разработанные в учебнике прикладные способы достраивания исследовательского продукта в целях повышения его научной значимости, так как авторы подробно объясняют, в чем может состоять личный вклад соискателя в исследуемый им раздел современной науки и приращение научного знания.

Глава 2 «Язык науки и прикладной аналитики» посвящена научному языку как специализированному языку, ориентированному на онтологию и нужды науки и прикладной аналитики. Исследованы стили научного письма (в том числе так называемый инженерный), а также вопросы, связанные с применением сложной научной лексики и сложных конструкций формулировок в научном и прикладном аналитическом исследовании. Приводятся авторские объяснения того, в каких случаях в рамках юридической науки обосновано и целесообразно (а в каких – нет) употребление выраженно сложных конструкций научных формулировок, а также нетипичных сложных лексем и лексических конструкций. Эти объяснения вызывают особый интерес, так как многочисленные труды авторов рецензируемого учебника (в совокупности – около 900 на пяти языках, что уже феноменально!) характеризуются не только глубиной теоретического анализа, широчайшим спектром интересных тем, но и своеобразным научным стилем, отличающимся, во-первых, весьма сложной научной лексикой и, во-вторых, удивительной выразительностью.

Большой научный и практический интерес вызывает глава 3 «Методы научных исследований и прикладной аналитики», в которой последовательно и подробно раскрываются онтология, пределы и условия применения, а также видовые таксономии научных методов: анализа, синтеза, абстрагирования, дедукции, индукции, абдукции, формализации, классификации, моделирования, гипотезы, аксиоматического метода, цитирования, аппроксимации, сравнения, аналогии, идеализации, конкретизации, обобщения и др.

В заключительной главе «Некоторые специальные методы аналитики» рассматриваются методы, не получившие в современной доктрине масштаба распространения, адекватного их научной значимости: методы интуитивной аналитики, метод фреймирования, методы эксплицитно-структурированного, имплицитно-структурированного и дескриптивно-экспликативного теоретизирования, – применение каждого из которых способно значительно повысить уровень любого научного исследования.

Учебник отличается чрезвычайно обширной источниковой базой, содержит множество запоминающихся примеров, ярких цитат из работ зарубежных авторов по вопросам методологии науки и прикладной аналитики, большинство из которых самостоятельно переведены авторами и впервые имплементированы в российской юридической науке.

Исследователи и аналитики найдут в учебнике ответы на многие фундаментальные и практические вопросы, порой неожиданные, но весьма актуальные, например, о том, как подготовить отличающуюся новизной работу по теме, по которой ранее уже защищены десятки работ других авторов, или как извлечь из необработанных больших объемов данных (в терабайты (1012 байт) и даже в петабайты

(1015 байт), как пишут авторы) ценную информацию и изложить ее на одной-двух страницах в сконцентрированно-емком и концептуально-насыщенном исполнении.

Учебник рассчитан не только на аспирантов и докторантов, но и на научных руководителей и научных консультантов, а также всех, кто считает необходимым обновить свои знания об исследовательской методологии.

Кроме того, материалы учебника окажут существенную помощь при анализе судебных постановлений и судебной статистики, проведении обобщений судебной практики, подготовке тематических обзоров рассмотрения судами дел различных категорий[1].

Нельзя не отметить значительный мотивирующий характер и потенциал учебника, после прочтения которого у любознательных и пытливых читателей зарождаются или существенно усиливается потребность в научном исследовании, жажда творческой деятельности, стремление к достижению высоких научных результатов.

Все вышесказанное позволяет с уверенностью констатировать, что юридическое науковедение пополнилось уникальным фундаментальным исследованием, направляющим на верный гносеологический путь, предоставляющим методологический инструментарий, крайне необходимый для эффективной и качественной научной и аналитической деятельности как уже состоявшихся ученых, так и новых поколений российских юристов, которым предстоит внести свою лепту в великую отечественную науку.

Доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры гражданского
и предпринимательского права
Российской государственной академии
интеллектуальной собственности — *И. А. Михайлова*

Кандидат юридических наук, доцент
председатель первого судебного
состава по рассмотрению гражданских
дел в апелляционном порядке
Владимирского областного суда — *П. А. Якушев*

[1] В частности, положения и выводы, содержащиеся в учебнике, использованы при проведении ряда обобщений судебной практики по гражданским делам и в аналитической работе во Владимирском областном суде.

Краткие правила опубликования статей

Журнал «**Вестник Владимирского юридического института**» включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по группам научных специальностей: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (юридические науки).

Критерии отбора статей: новизна научной мысли, актуальность исследования, теоретическая и практическая значимость работ, обоснованность полученных результатов.

Требования к оформлению статей:

формат А4; гарнитура шрифта Times New Roman;
кегль 14-й; абзацный отступ – 1,25 см;
межстрочный интервал полуторный;
поля слева, справа, сверху, снизу – 2,5 см;
объем – не более 1 печатного листа (22 страницы).

Статья должна включать: индекс УДК (помещается в верхнем левом углу первой страницы), сведения об авторе (указываются фамилия, имя, отчество (при наличии), место работы, ученая степень, ученое звание (если имеются), контактные телефоны, e-mail); название статьи; аннотацию; ключевые слова; основ ной текст; список цитируемых источников (подробные правила оформления статей см. на сайте: http://www.vui.fsin.gov.ru/periodicheskie-izdaniya/vestnik-instituta/).

Сведения об авторе, название статьи, аннотация, ключевые слова и список цитируемых источников должны быть подготовлены в двух вариантах: **на русском и английском языках.**

В случае изменения личных данных автор обязан письменно уведомить об этом редакцию до момента выхода журнала из печати и размещения его электронной версии в Интернете.

К статье необходимо приложить **анкету автора публикации и оператора персональных данных** (оригинал)**,** которая является письменным согласием на обработку его персональных данных в соответствии со ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

Представляемые на рассмотрение редакционной коллегии материалы должны соответствовать концепции журнала, основными рубриками которого являются: «Научно-прикладные аспекты совершенствования деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы», «Актуальные проблемы российской юридической науки и правоприменительной практики», «Теория и история государства и права», «Политические и правовые системы зарубежных стран». Авторы несут ответственность за достоверность используемых материалов, точность цитат, имен, статистических данных, формул; за использование данных, не предназначенных для открытой печати. **Авторы гарантируют (несут личную ответственность), что предоставленный в редакцию материал ранее не публиковался и не представлен одновременно в другие журналы.**

Все статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное рецензирование. Рецензирование проводится в виде двойного слепого рецензирования.

С авторами, в чьих статьях обнаружен заимствованный материал без ссылки на автора и(или) источник заимствования, журнал прекращает сотрудничество.

Материалы представляются в редакционно-издательский отдел научного центра института по e-mail: vestnik-VUI@yandex.ru.

Статьи в журнале публикуются на платной основе. Стоимость одной публикации – 4 000 руб.

Журнал высылается авторам только **по их просьбе наложенным платежом**.

По вопросам опубликования материалов обращаться в редакционно-издательский отдел научного центра ВЮИ ФСИН России по тел.: (4922) 40-45-18, 40-45-14, 8-905-649-5050, e-mail: vestnik-VUI@yandex.ru.

Образец заполнения платежного поручения

Получатель (ОКТМО 17701001) ИНН 3329012372 КПП 332901001 УФК по Владимирской области (ВЮИ ФСИН России л/с 04281175960)	Сч. №	40101810800000010002
Банк получателя Отделение Владимир	БИК	041708001
Назначение платежа (КБК): 32011301991010200130 Доход от издательской деятельности, реализация журнала Вестник		